

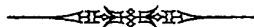
Проф. В. И. РѢЗАНОВЪ.

ИЗЪ РАЗЫСКАНІЙ

О СОЧИНЕНІЯХЪ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

Выпускъ II.

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1916.

XXXI.

К. К. Зейдлицъ сообщаетъ, что Жуковский, послѣ службы въ Соляной Конторѣ, возвратился въ Мишенское въ *апрѣль* мѣсяцѣ 1802 года ¹⁾. Но сохранившееся письмо къ нему М. Г. Бувиной, относящееся какъ разъ къ этому моменту жизни нашего поэта, заставляетъ видѣть въ сообщеніи К. К. Зейдлица маленькую неточность. Письмо начинается такими словами: „Я получила твое письмо *1-го мая, а теперь 4-го*. Нечего мой другъ сказать, а только скажу, что мнѣ очень грустно... Теперь только осталось тебѣ просить отставки хорошей и ко мнѣ пріѣхать...“ Конецъ письма: „Ну, ранжируйся самъ хорошенько. Прости. Пріѣзжай“ ²⁾. Такимъ образомъ, ясно, что Жуковский 4-го мая 1802 г. былъ еще въ Москвѣ. Повидимому, онъ прибылъ въ Мишенское вскорѣ послѣ этого, въ первой же половинѣ мая, такъ какъ въ томъ же письмѣ читаемъ: „Мадамъ ѣдетъ наша въ Москву, *вотъ и лошади готовы*“ ³⁾.

Послѣ неудавшейся попытки служить Жуковский, видимо, рѣшается окончательно избрать литературную дорогу. Объ этомъ, повидимому, онъ сообщилъ М. Г. Бувиной въ томъ не сохранившемся письмѣ, которое онъ „писалъ въ горячкѣ самой“, какъ выразилась въ своемъ отвѣтѣ его корреспондентка ⁴⁾,—и послѣдней пришлось поневолѣ одобрить его планы: „Всякая служба,—пишетъ она ему,—требуешь терпѣнія, а ты его не имѣешь. Теперь осталось тебѣ ѣхать ко мнѣ и *ранжировать свои дѣла съ господами книжниками*“ ⁵⁾. Очевидно, послѣднія слова имѣютъ въ виду прежде всего „Вильгельма Теля“, переводъ котораго, исполненный Жуковскимъ, и вышелъ въ 1802 г.

Возвратившись въ родную деревню, нашъ поэтъ работаетъ надъ вторичнымъ переводомъ „Сельскаго кладбища“. Онъ переводитъ всю элегію вновь. Почти всѣ черты, отличающія первый переводъ отъ англійскаго оригинала ⁶⁾, сохранены этимъ вторымъ переводомъ. Образъ меланхолическаго поэта выступаетъ здѣсь еще отчетливѣе;

¹⁾ Зейдлицъ, Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 22.

²⁾ Русс. Арх. 1883 г., кн. 1, стр. 209.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ См. въ моихъ Разысканіяхъ о соч. Жук. гл. IX.

этому образу Жуковский сообщил нѣсколько чертъ, которыя онъ находилъ въ самомъ себѣ и въ окружающей его дѣйствительности:

Онъ часто по утрамъ встрѣчался здѣсь со мною,
 Когда спѣшилъ на холмъ зарю предупредить;
 Тамъ въ полдень онъ сидѣлъ подь дремяущею ивой,
 Поднявшей изъ земли косматый корень свой;
 Тамъ часто въ горести, безпечной, молчаливой,
 Сидѣлъ надъ тихою, прозрачною рѣкой;
 Нерѣдко ввечеру, скитаясь межъ кустами,
 Когда мы съ поля шли и въ рошѣ соловей
 Свистѣлъ вечерню пѣснь—онъ томными очами
 Уныло слѣдовалъ за тихою зарей!
 Грустя, задумавшись, тоскою отягченный,
 Онъ часто уходилъ въ дубраву слезы лить,
 Какъ странникъ, родины, друзей, всего лишennyй,
 Котораго и жизнь несносно бременить... ¹⁾

Съ этими мотивами, съ этимъ образомъ чувствительнаго меланхолическаго поэта мы встрѣтимся впоследствии не однажды: въ стих.

„Къ моей лирѣ“, особенно въ элегій „Вечеръ“ и др.

Во второмъ переводѣ „Сельскаго кладбища“ есть и заключительная эпитафія, отсутствовавшая въ первомъ переводѣ.

Первая строфа англійскаго подлинника пересказана въ этой эпитафіи довольно близко:

Здѣсь пелель юноши въ сырой землѣ сокрыли.	Here rests his head upon the lap of Earth
Что слава, счастье, не зналъ онъ въ мирѣ семъ!	A Youth to Fortune and to Fame unknown.
Но музы отъ него лица не отвра- тили,	Fair Science frown'd, not on his hum- ble birth,
И меланхолиі печать была на немъ.	And Melancholy mark'd him for her own.

Въ слѣдующей (второй) строфѣ перевода сентиментальный колоритъ значительно усиленъ:

¹⁾ Рукопись Императ. Публ. Библіотеки, Бумаги Жуковскаго, № 13, л. 9 обор. Въ рукописи той же Библіотеки, безъ № (описанной въ Отчетѣ Публ. Библіотеки за 1887 годъ, стр. 228—229, № 42), въ которой сохранился текстъ „Сельскаго кладбища“, съ собственноручными поправками Жуковскаго, въ соответствующемъ приведенному отрывку мѣстѣ имѣемъ (л. 26 обор.) варианты: а) въ стиху „Сидѣлъ надъ тихою“...—*Лежалъ задумчивый* (поправлено изъ „*раскинувшись*“) надъ свѣтлою рѣкой; б) къ стиху „Грустя, задумавшись“...—*Прискорбенъ, одинокъ*, (поправлено изъ „*Грустя, задумчивый*“) съ главою наклоненной; в) къ стиху „Котораго и жизнь“...—*Которому ни въ чемъ ужъ счастья не вкусить*.

Large was his bounty, and his soul sincere,
Heav'n did a recompence as largely send

(широка была его доброта, искрення его душа, щедрюю награду ниспослала небо), говорить Грей, а у Жуковского:

Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою;
Чувствительнымъ Творецъ награду положилъ...

Переводъ третьей (последней) строфы совершенно произвольный. Въ подлинникъ стоитъ:

No farther seek his merits to disclose,
Or draw his frailties from their dread abode,
(Ther they alike in trembling hope repose)
The bosom of his Father and his God ʔ.

(Не старайся далѣе раскрывать его достоинства или подымать его прахъ изъ его страшнаго жилища—тамъ они почіють какъ бы въ трепетномъ упованіи—лона его Отца и Бога).

У Жуковского:

Прохожій, удались! во гробъ сонъ священный:
Судьба почившихъ въ немъ покрыта грозной тьмой.
Надежда робкая живить ихъ пепель тѣнный...
Кто знаетъ, что насъ ждетъ за страшною сей доской? ʔ)

Въ этой редакціи печатался нашимъ поэтомъ переводъ еще въ 1824 году ʔ). Позднѣе эта послѣдняя строфа была передѣлана, тоже совершенно произвольно, Жуковскимъ, и получила такой видъ:

Прохожій, помолись надъ этою могиллою;
Онъ въ ней нашелъ пріютъ отъ всѣхъ земныхъ тревогъ, и проч.

Не возникло ли это обращеніе къ прохожему, совершенно отсутствующее въ оригиналѣ, подъ вліяніемъ стараго, но болѣе близкаго перевода стихотворенія Грея, помѣщеннаго въ Новиковскомъ „Покоящемся Трудюлюбцѣ“:

Прохожій! дѣль его не обнажай ты боги,
Изъ безднъ не изводи ты сладостей его,
Онъ надѣясь трепещуть въ сей юдолѣ,
Судьбы ждуть своя отъ Бога своего! ʔ)

ʔ) Имѣю подъ рукою изданіе: Poems by Mr. Gray, Parma, printed by Bodoni, 1793 (экземпляръ изъ Библіотеки Императорской Академіи Наукъ).

ʒ) Бумаги Жуковского (Импер. Публ. Библ.), тетр. № 13, л. 10 обор.

ʔ) Стихотворенія В. Жуковскаго, изд. 3, С.-Пб. 1824, т. II, стр. 218.

ʔ) Покоящійся Трудюлюбецъ, часть I, Москва, 1784, стр. 81.

Второй переводъ „Сельскаго кладбища“ былъ оконченъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1802 г. ¹⁾ и отправленъ Карамзину, который вскорѣ и напечаталъ его въ своемъ „Вѣстникѣ Европы“ ²⁾.

Поэтическое творчество начинаетъ доставлять Жуковскому высокое удовлетвореніе. 29-го января 1803 г., въ день своего рожденія, онъ пишетъ стихи „Къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ“ ³⁾; стихотвореніе это было первымъ лирическимъ произведеніемъ нашего поэта, въ которомъ онъ выразилъ свои дѣйствительныя тогдашнія внутреннія переживанія. Онъ обращается къ лирѣ, какъ символу своей поэзіи, и въ первыхъ же стихахъ высказываетъ, что всѣ тайны своихъ задушевныхъ настроеній онъ чувствуетъ неодолимую всегдашнюю потребность изливать въ поэтическихъ твореніяхъ, которыя и даютъ этимъ настроеніямъ исходъ и разрѣшеніе:

О лира, другъ мой неизмѣнный,
Повѣренный души моей!..
Съ тобой всегда я неразлученъ, и проч.

Онъ начинаетъ сознавать себя писателемъ по призванію, а не случайно, поэтомъ Божіею милостью, для котораго поэзія—высшее наслажденіе:

Въ душѣ моей цвѣтетъ мой рай...

Ему дорого его Мишенское съ его деревенской простотою:

На что чертогъ мнѣ позлащенной?
Простой, укромный уголокъ,

¹⁾ Помѣта въ рукописи Императ. Публч. Библіотеки, Бумаги Жуковскаго, тетрадь № 13 (о ней будетъ рѣчь ниже), л. 15 обор. Въ тетради этой сохранилась болѣе первоначальная редакція второго перевода „Сельскаго кладбища“, чѣмъ та, каковую имѣемъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1802 года. Привожу по рукописи стихи, измѣненные въ текстѣ Вѣстника Евр.:

Вотще гласъ почестей *зрѣмитъ* (звучить—В. Евр.) передъ гробами..
Надменный мавзолей лишь персть ихъ *тяготитъ* (бременитъ—В. Евр.)..
Евангельску мораль *окрестъ* (вокругъ—В. Е.) изобразила,
Которая должна учить насъ умирать (По коей мы должны учиться умирать—В. Евр.).

Тамъ *въ полдень* (часто—В. Евр.) онъ сидѣлъ подъ дремлющею ивой...

Сидѣлъ (лежалъ—В. Евр.) надъ тихою, прозрачною рѣкой...

На утро пѣніе *внимаю* (я слышу—В. Евр.) гробовое...

Кто знаетъ, что насъ ждетъ за *страшной сей* (гробовой—В. Евр.) доской.

²⁾ Вѣст. Евр. 1802 г., № 24 (декабрь), стр. 319 и слѣд.

³⁾ „Утренняя Заря“ 1803 г., кн. 2, стр. 169—171=Соч. Жуковск., ред. Арханг., т. I, стр. 17.

Въ тѣни лѣсовъ уединенной,
Гдѣ бы свободно я дышалъ,
Всѣмъ милымъ сердцу окруженный,
И лирой слухъ свой услаждалъ—
Вотъ все, я больше не желаю..

А окружающій „бурный міръ“ нашъ поэтъ „презираетъ“. Будущее неизвѣстно, но онъ бодро смотритъ впередъ:

Впередъ присудитъ что-то рокъ!
Но я предъ нимъ не поблѣднѣю:
Пусть будетъ то, что должно быть!
Судьба ужасна лишь злодѣю,
Судьба меня не утратить.

Жизнь, однако, не удовлетворяетъ нашего поэта: „вянетъ юности (его) цвѣтокъ, безъ горя сердце истощилось“; причиной этой пустоты сердца является тягостное для него одиночество, его безсемейность среди семьи, членомъ которой онъ не могъ считать себя, какъ незаконнорожденный ¹⁾:

Для одинокихъ міръ сей скучень,
А въ ней одинъ скитаюсь я! ²⁾

¹⁾ Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство самого поэта; въ § 21 своего дневника за 1805 годъ онъ высказалъ: „Я не былъ счастливъ въ моей жизни, кажется, и не буду счастливымъ... Какъ прошла моя молодость? Не имѣя своего семейства, въ которомъ бы я что-нибудь значилъ, я видѣлъ вокругъ себя людей мнѣ коротко знакомыхъ, потому что я былъ передъ ними выросень, но не видалъ родныхъ, мнѣ принадлежащихъ по праву; я привыкалъ отдѣлять себя ото всѣхъ, потому что никто не принималъ во мнѣ особливаго участія, и потому что всякое участие ко мнѣ казалось мнѣ милостію. Я не былъ оставленъ, брошенъ, имѣлъ уголъ, но не былъ любимъ никѣмъ, не чувствовалъ ничьей любви; слѣдовательно, не могъ платить любовью за любовь, не могъ быть благодарнымъ по чувству, а былъ только благодарнымъ по должности... Это сдѣлало меня холоднымъ. Человѣкъ, который будучи съ людьми, былъ однако жъ одинъ, будетъ холоднѣе того человѣка, который совсѣмъ былъ бы оставленъ... Умъ его также останется въ неразвитіи, потому что чувства заставляютъ дѣйствовать умъ, а если чувства не дѣйствуютъ, то и умъ спитъ... Для чего я не имѣлъ такого человѣка, который бы дорожилъ моимъ счастіемъ!.. Я бы любилъ его какъ своего Бога! Но я былъ одинъ, всегда одинъ! (Дневники Жуковского, стр. 27—28).

²⁾ Тягостное чувство одиночества при подобныхъ обстоятельствахъ нашло себѣ отчетливую, яркую формулировку въ сочиненіи одного изъ такихъ же удрученныхъ своимъ происхожденіемъ современниковъ Жуковского—И. П. Пнина; послѣдній въ своемъ „Воплѣ невинности, отвергаемой закономъ“, посвященномъ вопросу о гражданскихъ правахъ побочныхъ дѣтей и представленномъ въ рукописи въ 1803 г. императору Александру I, говорилъ: „Я молодъ и невинно-несчастливъ... Я одинъ

Одна отрада—поэзія:

О лира, другъ мой! утѣшай
Меня въ моемъ уединеніи... ¹⁾

И онъ жаждетъ общества друзей,—очевидно, московскихъ пріятелей, съ которыми у него шла переписка, какъ съ Мерзляковымъ, Тургеневыми и др.:

Друзья мои, скорѣй,
Оставя свѣтъ сей тревоженный,
Сберитесь къ хижинѣ моей.
Тамъ, въ мирѣ сердца благодатномъ,
Нашъ вѣкъ, какъ ясный день, пройдетъ;
Съ друзьями и тоска пріятна,
Но и тоска насъ не найдетъ...

Общеніе съ друзьями, совмѣстное обсужденіе поэтическихъ замысловъ и ихъ осуществленія, судъ и приговоръ друзей—что составляло задачу и цѣль Дружескаго Литературнаго Общества—признается Жуковскимъ за источникъ высшаго удовлетворенія:

Не нужны мнѣ вѣнды вселенной;
Мнѣ дорогъ вашъ, друзья, вѣнокъ!

Это—одно изъ проявленій того культа дружбы въ кругу друзей Жуковского, о которомъ говорилъ уже акад. Веселовскій ²⁾ и который мы наблюдали, разсматривая рѣчи членовъ Дружескаго Литера-

изъ числа тѣхъ несчастныхъ, которыхъ называютъ незаконно-рожденными. Брошенный на сей свѣтъ съ печальною печатью своего происхожденія въ сиротствѣ не находя вокругъ себя ничего кромѣ ужасной пустыни..., встрѣчая повсюду преграды, поставляемыя предразсудками... и въ томъ обществѣ, котораго я часть составляю, въ которомъ равное съ прочими имѣя право на мой покой и на мое счастье, не находитъ кромѣ горести и отчаянія...—есть самое тяжкое наказаніе, достойное одного только злѣйшаго преступника...“ Н. О. Дадемовъ, И. П. Пининъ, опытъ его біографіи и обзоръ литератур. дѣятельности, Нѣжинъ, 1912, стр. 36. „Вопль“ впервые напечатанъ проф. Е. В. Пѣтуховымъ въ Истор. Вѣст. 1889 г., т. 27, стр. 148 и слѣд. Рукопись хранится въ Имп. Публ. Библ.

¹⁾ Подобный взглядъ на поэзію выражалъ и Андрей Ив. Тургеневъ: „Радость... отъ него (человѣка) отлетѣла... Покинутый всѣмъ, въ чемъ же нашелъ онъ убѣжище, отраду, услажденіе? Не въ тебѣ ли, кроткая поэзія? Подруга горестнаго—не ты ли помогала ему сносить тягостное бремя жизни?.. Не обрѣтая счастья на самомъ дѣлѣ, онъ находилъ его въ мечтахъ и надеждахъ, кроткихъ подругахъ твоихъ. Ты сдѣлалась еще ближе къ сердцу его, ибо ты одна все для него замѣняла“ (рѣчь „О поэзіи и о злоупотребленіи оной“—Рукопись Импер. Академіи Наукъ, № 618, л. 72).

²⁾ Жуковскій, поэзія чувства и сердечнаго воображенія, стр. 105 и слѣд.

турнаго Общества; нѣсколько позднѣе, въ письмѣ къ Александру Ив. Тургеневу (отъ 31-го августа 1805 г.) Жуковский ту же мысль выскажетъ опредѣленно: „Надобно..., чтобы всякій изъ насъ, дѣлая что-нибудь на семь свѣтѣ, имѣлъ въ виду тѣхъ людей, которые составляютъ для него *миръ*, т. е. тѣхъ, которыхъ одобренія его оправдываютъ и ободряютъ; чтобы всякій изъ насъ чувствовалъ, что онъ точно *не одинъ*; иначе скучно, трудно быть и славнымъ и добродѣтельнымъ! Какъ можно, должно стараться поддерживать въ себѣ энтузіазмъ нашъ, которымъ мы встарину, въ счастливое время нашего собранія, были оживлены гораздо болѣе“... ¹⁾.

Потребность непосредственнаго общенія съ друзьями чувствовали и другіе члены того же кружка. Мерзляковъ пишетъ (22-го сентября 1803 г.) Жуковскому: „Утѣшь жалкое *одиночество* и пріѣзжай ко мнѣ въ Москву хоть на время. Мнѣ ужасно хочется съ тобою увидѣться... Подумаемъ о своихъ будущихъ планахъ, подумаемъ о своей будущей жизни, *но подумаемъ вмѣстѣ*. Вотъ что дорого для моего сердца“ ²⁾. Въ другомъ письмѣ (весной 1803 г.): „Деревня можетъ привести въ забвеніе все, но она усиливаетъ и оживляетъ сладкія чувства дружбы и истинной любви. Я и въ Сибири бы, въ своей родинѣ, среди всѣхъ семейственныхъ радостей, былъ голоденъ и печаленъ, когда бы не зналъ, что со всѣми вами дѣлается“ ³⁾. То же самое чувствовалъ и Жуковский,—и выразилъ въ разсмотрѣнномъ стихотвореніи.

Весною 1803 г. нашъ поэтъ ненадолго пріѣзжалъ въ Москву ⁴⁾; онъ не порывалъ связей съ Университетскимъ Благороднымъ Пансіономъ и А. А. Прокоповичемъ-Антонскимъ, и напечаталъ и „Сельское кладбище“ и стихи „Къ моей лирѣ“ во 2-й книжкѣ „Утренней Зари“ (М. 1803, стр. 103—114, 169—171).

Въ этотъ же, повидимому, пріѣздъ свой въ Москву Жуковский побывалъ у Карамзина въ подмосковной деревнѣ Свирловѣ, и началъ здѣсь стихотвореніе на *Марьяну рошу* ⁵⁾.

¹⁾ Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, изд. Русс. Архива, М. 1895, стр. 6.

²⁾ Письма А. О. Мерзлякова къ Жуковскому. Русс. Арх. 1871 г., № 2, стр. 0144.

³⁾ Тамъ же, стр. 0138—0139.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 0138: „Не забудь написать также, когда ты выѣдешь изъ Москвы“, писалъ Жуковскому Мерзляковъ изъ рязанской деревни Воейкова.

⁵⁾ Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, стр. 11.

Стихи эти до насъ не дошли; извѣстны только двѣ строчки:

Что ждетъ меня въ дали на жизненномъ пути?
Что мнѣ назначено таинственной судьбою? ¹⁾

Этотъ мотивъ о неизвѣстности будущаго роднитъ данное стихотвореніе съ стихами „Къ моей лирѣ“ (срв. Впередъ присудить что-то рокъ! и проч.). Натура недѣятельная, Жуковскій пассивно пока ожидалъ, какъ сложится его дальнѣйшая жизнь,—что и отразилось въ его лирикахъ.

Къ этому же моменту жизни поэта относится его статья по поводу только что вышедшаго тогда „Путешествія въ Малороссію“ кн. Шаликова. Хотя Андрей Ивановичъ Тургеневъ (въ письмѣ къ Жуковскому) называлъ эту статью рецензіей ²⁾, но здѣсь гораздо болѣе лирическихъ изліяній, нежели литературно-критическихъ разсужденій,—и изліянія эти весьма близко подходятъ къ содержанію только что разсмотрѣнныхъ нами стихотвореній и выражаютъ иными словами тѣ же внутреннія переживанія автора, дополняютъ то, чего не досказано въ стихахъ: „Кого не трогаетъ *чувствительность*?—говоритъ Жуковскій.—Кто не предавался *меланхолии*? Кто не мечталъ въ тишинѣ уединенія о своей участи, не строилъ воздушныхъ замковъ, не бросалъ *унылаго* взора на *минувшее* время юности? Молодой человѣкъ (конечно, имѣется въ виду самъ авторъ. В. Р.), съ пламенною душою, хотѣлъ бы, кажется, всю натуру прижать къ своему сердцу. Всюду летаютъ за нимъ мечты... Взоръ его стремится въ будущее; надежды, желанія волнуютъ его сердце; онъ *вопрошаетъ судьбу, хочетъ узнать, что готовится ему за таинственнымъ покровомъ*, которымъ закрыта она отъ взоровъ любопытныхъ; самъ за нее отвѣчаетъ себѣ, играетъ призраками и счастливъ. Но какъ скоротечна сія пылкая живая молодость! *Увядаютъ чувства* (срв. Ужъ вянетъ юности цвѣтокъ—въ стих. „Къ моей лирѣ“), и бѣдный человѣкъ... напрасно унылымъ взоромъ ищетъ прелестей въ пышной, великолѣпной натурѣ: вокругъ него—развалины! Гробъ и смерть остались для него въ будущемъ; воспоминанія—въ прошедшемъ, воспоминанія прелестныя и вмѣстѣ печальныя“... ³⁾. Немного ниже, заговоривъ объ удоволь-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ *Веселовскій*, Жуковскій, 50.

³⁾ Повтореніе мысли, которую нашъ поэтъ высказывалъ уже въ своей рѣчи „О счастья“, произнесенной въ одномъ изъ засѣданій Друж. Литер. Общества: „Юныя младенческія лѣта наши улетѣли! Остались только сладостныя воспоминанія, оста-

ствіи, доставляемомъ путешествіемъ, Жуковскій опять забываетъ, какъ самъ тутъ же сознается, „свой предметъ“ и высказываетъ собственные чувства, возбуждаемыя деревенскою жизнью: „Иногда, наскучивъ пестротою городскихъ обществъ, сойдетъ онъ (путешественникъ, но этому путешественнику авторъ, очевидно, приписываетъ собственные настроенія. В. Р.) съ блестящаго многочленного театра, удалится въ мирное село, въ хижину земледѣльца, и опытомъ повѣритъ слова сердца своего, что *счастіе живетъ въ объятіяхъ природы, въ простотѣ и невинности нравовъ*. Скопивъ сокровище новыхъ разнообразныхъ идей и чувствъ, возвратится къ своимъ пенатамъ, поставитъ свой посохъ въ уголь своей хижины, и смотря на него будетъ веселиться воспоминаніями. Онъ будетъ счастливъ, или по крайней мѣрѣ—достойнъ счастія. *Кто украсилъ свою душу цвѣтами мудрости, тотъ имѣетъ право не бояться рока, или ожидать его благодѣяній*“ (срв. стих. „Къ моей лирѣ“ строф. 2).

Тирады эти, хотя и не чуждыя риторическихъ прикрасъ въ стилѣ тогдашней сентиментальной литературы („хижина земледѣльца“, „объятія природы“, „цвѣты мудрости“ и т. п.), любопытны и важны, какъ характеризующія, вмѣстѣ съ лирическими его пьесами, къ которымъ онъ близки по содержанию,—настроенія, какія владѣли Жуковскимъ въ это время, мечтанія, какимъ онъ предавался. Поэтъ испытывалъ тягостное чувство безсемейности, которое мѣшало ему быть счастливымъ среди окружавшихъ его, повидимому, вполне для него благопріятныхъ условій, въ деревнѣ, въ кругу любящихъ его лицъ ¹⁾; онъ груститъ, скучаетъ, ему недостаетъ московскихъ друзей, онъ жаждетъ ихъ общества, какъ людей однихъ съ нимъ запросовъ, одного воспитанія; онъ задумывается о своемъ будущемъ, но оно не страшитъ его; спокойно и бодро смотреть онъ впередъ, и пока пассивно отдается настоящему; источникъ его утѣшенія, успокоенія, отрады—поэтическое творчество, дающее исходъ его внутреннимъ переживаніямъ.

Если всѣ эти мотивы въ творчествѣ Жуковского находятъ свое

лось горестное сожалѣніе“... Рукопись Библиотеки Импер. Академіи Наукъ № 618 л. 88 (см. выше, въ главѣ XXIX моихъ „Разысканій о соч. Жук.“).

¹⁾ На письмѣ (отъ 4-го мая 1802 г.) М. Г. Буниной, звавшей Жуковского въ Мишенское, была сдѣлана такая приписка: „Мои объятія тебѣ, мой другъ, отверсты; пріѣзжай и будь увѣренъ, что Петръ Юшковъ всегда тебѣ искренній другъ“ (Русс. Арх. 1883 г. № 1, стр. 210). П. Н. Юшковъ, зять М. Г. Буниной, жилъ въ Мишенскомъ, завѣдуя имѣніями тещи (Воспоминанія А. П. Зонтага, Русс. Мысль 1883 г. № 2, стр. 284; П. Бартоломеевъ, А. П. Елагина, Русс. Арх. 1877 г. № 8, стр. 485).

объясненіе въ условіяхъ жизни нашего поэта въ данный моментъ, тѣмъ не менѣе нельзя не вспомнить и о литературныхъ параллеляхъ, которыя несомнѣнно должны быть учитываемы въ этомъ случаѣ, такъ какъ и на долю ихъ должно быть относимо извѣстное вліяніе на Жуковскаго.

Мечты поэта, высказанныя въ стих. „Къ моей лирѣ“:

Простой, укромный уголокъ,
Въ тѣни лѣсовъ уединенной,
Гдѣ бы свободно я дышала,
Всѣмъ милымъ сердцу окруженный...—
Вотъ все, я больше не желаю,
Въ душѣ моей цвѣтеть мой рай.
Я бурный міръ сей презираю..
А вы, друзья мои, скорѣй,
Оставя свѣтъ сей тревоженный,
Сберитесь къ хижинѣ моей,—

напоминають подобныя же мечтанія Маттиссона:

An diesem Hain, vom Erlenbach durchtanzet,
Ein Gärtchen nur vor einer kleinen Hütte,
Mit schlanken Pappeln malerisch umplanzet,
Ist alles, was ich vom Geschick erbitte...
Helle würde sich des reinsten Glückes Spur
Mit dann entwölken, fern vom Weltgetummel;
Wo Liebe, Freundschaft, Weisheit und Natur
In frommer Eintracht wohnen, ist der Himmel ¹⁾.

Мы уже говорили ²⁾ объ увлеченіи поэзіей Маттиссона въ младшемъ Тургеневскомъ кружкѣ; у Маттиссона встрѣчаемъ рядъ мотивовъ, повторенныхъ въ Элегіи Андрея Тургенева. Жуковский также увлекался Маттиссономъ; указанное совпаденіе въ стих. „Къ моей лирѣ“ съ приведеннымъ мѣстомъ изъ стих. „Der Genfersee“ съ очевидностью доказываетъ, что это увлеченіе нашего поэта оставило слѣдъ вліянія Маттиссона на произведеніяхъ также и Жуковскаго.

Мечты нашего поэта о жизни „въ объятіяхъ природы“, въ уединенной хижинѣ, но вмѣстѣ съ друзьями, среди „безмолвныхъ дубравъ“, „тихихъ долинъ“, напоминають о другомъ литературномъ вліяніи, которое дѣйствовало въ это время на Жуковскаго,—о вліяніи Томсона.

¹⁾ Fr. v. Matthiisson, Der Genfersee (Gedichte von Matthiisson, Zürich, 1802, S. 11—12).

²⁾ См. Изъ разыск. о соч. Жуков., гл. XIII, отд. отт. стр. 225 и слѣд.

Авторъ знаменитой описательной поэмы „Времена года“ (The Seasons) Томсонъ почитаетъ источникомъ высшаго блаженства удаление съ нѣсколькими избранными друзьями въ уединенную долину, на лоно сельской жизни:

Oh! knew he but his happiness, of men
The happiest he; who far from public rage
Deep in the vale, with a choice few retired,
Drinks the pure pleasures of the rural life, etc. ¹⁾.

Одинъ изъ характерныхъ представителей англійской сентиментальной литературы, Томсонъ сталъ хорошо извѣстенъ и на русской почвѣ, и въ частности—въ той средѣ, подъ влияніемъ которой находился Жуковский.

Карамзинъ увлекался Томсономъ и далъ сокращенный переводъ-пересказъ „Временъ года“, который печатался въ Новиковскомъ „Дѣтскомъ Читеніи для сердца и разума“ 1787 г. ²⁾; въ этомъ же изданіи ³⁾ Карамзинъ напечаталъ свой стихотворный переводъ заключенія поэмы „Времена года“, подъ названіемъ „Гимнъ“. Ранѣе Карамзина отрывки „Гимна“ Томсона и его „Весны“ были пересказаны въ Новиковскомъ „Покоющемся Трудолюбцѣ“ ⁴⁾.

Заключительная часть поэмы Томсона помѣщена и въ прозаическомъ переводѣ, подъ заглавіемъ: *Неподражаемый гимнъ къ Четверемъ временамъ года*,—въ VII части „Ипнокрены“ (на 1800 годъ); начало этого перевода: „Сии обращающіяся времена, Всемогущій Отче!

¹⁾ The poetical works of James Thomson, London, 1897, vol. I, p. 142: Autumn, v. 1235 ss. Въ Карамзинскомъ пересказѣ это мѣсто было передано такъ: „Блаженъ, кто въ сельскомъ уединеніи провождаетъ жизнь свою, въ тишинѣ внимаєтъ гласу природы, и находитъ сердечную радость въ разсматриваніи ея теченія! Блаженъ, кто пользуется ея дарами и не желаетъ ничего болѣе! Когда младая весна развертывается на деревьяхъ нѣжныя почки, тогда оживаетъ сердце его. Ничто не цвѣтеть для него тщетно; онъ наслаждается благовоніемъ каждаго цвѣтка. Во время жаркаго лѣта въ прохладяющей тѣни древнихъ дубовъ читаетъ онъ то, что Муза о сей же самой тѣни воспѣвала; или пишетъ, что она внушаетъ ему, почасту обращая веселые свои взоры на живопись природы.. Самая свирѣпая зима для него благословенна. Сильная буря и мрачная пустота возбуждаютъ въ душѣ его важное размышленіе.. Другъ и книга замѣняютъ ему пріятности прочихъ временъ года, и зиму употребляетъ онъ на изученіе мудрости. Воображеніе его носится быстрымъ полетомъ по отдаленнымъ морямъ и землямъ“... (Дѣтское чтеніе для сердца и разума, ч. XI, М. 1787, стр. 205—206: „Осень“).

²⁾ Часть IX—„Весна“, ч. X—„Лѣто“, ч. XI—„Осень“, ч. XII—„Зима“.

³⁾ Часть XVIII, М. 1789, стр. 151—158.

⁴⁾ Пок. Трудолюб. ч. I, М. 1784, стр. 245, 246—250.

не иное что суть, какъ перемѣщающееся Божество. Весь катящійся годъ исполненъ Тобою. Въ прелестной веснѣ Твоя красота, Твоя нѣжность и любовь шествуютъ...“¹⁾

Въ той же VII книжкѣ „Иппокрены“ помѣщенъ еще переводъ изъ Томсона—*Гимнъ уединенію*: „Красуйся, кроткое, благопріятное уединеніе! спутникъ мудраго и добродѣтельнаго, коего священныхъ и прозорливыхъ очесъ далече бѣжитъ полчище безумцевъ и злодѣевъ“...²⁾

Мартыновскій Сѣверный Вѣстникъ 1805 г., VI, стр. 156, помѣстилъ *Начало Томсоновой Весны*, новый пер. съ англійск. Ник. Муравьева: „Шествуй, пріятная весна, нѣжность эфирная, шествуй! и между тѣмъ какъ пѣніе царствуетъ вокругъ, изъ влажныхъ облаковъ, облекшись въ дождь тѣнистыхъ розъ, въ долины къ намъ сойди“...

Отдѣльные изданія:

Четыре времени года, соч. Томсона, перев. съ нѣмец. Дим. Ив. Дмитревскій. Москва, 1798; изданіе 2-ое—М. 1803

Четыре времени года, перев. съ франц. Василій Перовскій. М. 1808.

Подражанія:

Четыре времени года, въ IV пѣсняхъ, соч. Ал. Иванчикова. С.-Пб. 1795.

Четыре времени года въ ихъ сокращеніи, или четыре части дня, соч. г. Захарія, подражаніе Томсону. Пер. съ нѣм. А. Лукницкій (Степ. Лубкинъ). С.-Пб. 1805.

Четыре части дня, соч. г. Захарія, пер. съ франц. (Бор. Бланка). М. 1806.

Такимъ образомъ Томсонъ, вызвавшій своей поэмой общее удивленіе въ ту сентиментальную эпоху, немедленно переведенный на всѣ языки, породившій особенно у нѣмцевъ прочувствованныя подражанія (напр. Галлера, Клопштока, Клейста), былъ достаточно представленъ въ переводахъ и подражаніяхъ и на русской почвѣ.

Карамзинъ былъ большимъ поклонникомъ Томсона³⁾. Въ своемъ стихотвореніи „Поэзія“ Карамзинъ говорилъ:

¹⁾ Иппокрена, VII, стр. 3.

²⁾ Иппокр., VII, стр. 10; это—переводъ стих. Томсона „Hymn on Solitude“: *Hail, mildly pleasing Solitude, Companion of the wise and good, etc.*

³⁾ *Сипоскій*, Карамзинъ авторъ Писемъ р. путеш., стр. 64.

Природу возлюбивъ, природу разсмотрѣвъ
И вникнувъ въ кругъ времени, въ тончайшія ихъ тѣни,
Намъ Томсонъ возгласилъ природы красоту,
Пріятности временъ. Натуры сынъ любезный,
О, Томсонъ! вѣкъ тебя я буду прославлять!
Ты выучилъ меня природой наслаждаться
И въ мрачности лѣсовъ хвалить Творца ея ¹⁾.

Нѣкій В. Г. посвящаетъ „Джемсу Томсону на его Времена года“ такія строки,—едва ли впрочемъ не переводныя:

Радуйся, Пѣснопѣвецъ Природы! ты, котораго научила она воспѣвать свои дѣянія въ стихахъ, подобныхъ ея собственнымъ! Ты пріятель, какъ нѣжный дроздъ, восклицающій въ долинѣ, и сладостенъ какъ доброгласная Филомела!—Она подала тебѣ свою кисть чудеснѣйшей силы, дабы снять радугу, и образовать цвѣты изъ многихъ смѣшанныхъ красокъ; она—сперва увѣнчавъ лавромъ главу твою, яко любимца своего—съ усмѣшкою изрекла: „Сии прекрасныя чада сколь ни прелестно сіяютъ, но они увядаютъ въ моихъ Временахъ Года; пусть же въ твоихъ они живутъ! И должны жить, яко прелесть очей, доколѣ Естество не истлѣетъ, и Времена Года не умрутъ“ ²⁾.

Стали извѣстны у насъ и хвалебные отзывы о Томсонѣ его соотечественниковъ: въ той же VII-й части Иппокрены помѣщено два прозаическихъ перевода такихъ хвалебныхъ стихотвореній:

1) *Стихи въ честь Томсона*: „Доколѣ дѣвственная весна при Эдемскихъ токахъ разверзаетъ нѣжную свою зеленую мантию... Доколѣ *лѣто* съ матернею благостію удаляется въ прохладныя тѣни Драйбурга... Доколѣ *осень*, щедрая благодѣтельница, возноситъ старѣющую главу свою при Твидѣ... Доколѣ бѣснующаяся зима свирѣпствуетъ на холмахъ... Дотолѣ, о любезный Сладкопѣвецъ года! будетъ процвѣтать тотъ лавръ, который ты пріобрѣлъ себѣ; а между тѣмъ Шотландія съ радостными слезами будетъ проповѣдывать, что Томсонъ былъ ея сынъ“. Подпись: *Борнсъ* ³⁾.

2) *Ода на смерть Томсона*: „Тамо въ гробѣ покоится Друидъ, тамо, гдѣ крадущіяся волны крутятся медленно! Наилучшія лѣпоты года должны съ покорствомъ возвыситься, дабы украсить лѣсную гробницу Пѣвца своего“, и проч. Окончаніе: „Долго-долго твой над-

¹⁾ Москов. Журналъ 1792 в., ч. VII, стр. 260.

²⁾ Иппокрена, VII, 159—160.

³⁾ Тамъ же, стр. 15—16.

гробный камень и остроконечная скудель будетъ извлекать слезы изъ задумчивыхъ очей Британца!.. О долины и дикія рощи! будетъ ли онъ вѣщать, что тамъ въ гробницѣ покоится Друидъ вашъ?“ Подпись: *Коллинъ* ¹⁾.

Въ 1801 году появилась ораторія Гайдна „Времена года“ („Die Jahreszeiten“); слова были составлены другомъ композитора Готтфридомъ фанъ-Свитенъ (Gottfried van Swieten) по поэмѣ Томсона; обработка по яркости картинъ и сжатой выразительности языка напоминаетъ оригиналь ²⁾. Жуковский сдѣлалъ переводъ текста фанъ-Свитена и напечаталъ его подъ заглавiемъ: *Слова ораторiи Четыре времени года, музыка г. Гайдена, перевелъ г. Жуковский*. Москва, 1803 ³⁾. Къ сожалѣнiю, я не могъ найти въ книгохранилищахъ Петербурга и Москвы этого рѣдчайшаго (если не вовсе исчезнувшаго) изданiя. Текстъ перевода Жуковского не перепечатывался.

Къ Томсону нашъ поэтъ обратится и позднѣе: въ собственноручно составленномъ имъ въ 1807—1808 гг. спискѣ своихъ стихотворенiй подъ 1808 г. помѣщенъ между прочимъ „Гимнъ Томпсоновъ“ ⁴⁾. Стихотворенiе это вписано было Жуковскимъ въ альбомъ, подаренный имъ М. А. Протасовой 16 января 1806 г. ⁵⁾, подъ заглавiемъ: „Гимнъ, подражанiе Томпсону“; начало:

Не видѣ ли Божества времяъ круговращенье?
Творецъ, тебя гласитъ тобою полный годъ!
Въ веснѣ твоя любовь, краса, возобновленье!
Воскреснули поля! цвѣтеть лазурный сводъ!
Звучащiе холмы одѣты красотою!
И сердце растворилъ любви тихiй жаръ!
Ты въ лѣтѣ окруженъ и зноемъ и грозою,
Грядешь, блистательный, неся намъ зрѣлость въ даръ!
Изъ тучъ даешь глаголь стозвучными громами!
Съ денницей, въ ярый зной, въ вечернiй тихiй часъ,
Съ дыханiемъ дубравъ, съ шумящими ручьями,
Не твой ли къ намъ летитъ любви полный гласъ? и проч.

Въ этой редакцiи стихотворенiе, съ нѣкоторыми (немногими) по-

¹⁾ Тамъ же, 145—148.

²⁾ Der Einfluss von James Thomson's „Jahreszeiten“ auf die deutsche Literatur des XVIII Jahrhunderts, von *Knut Gjerset*. Heidelberg, 1898, S. 71.

³⁾ *Сопиковъ*, Опытъ россииск. Библиографiи, изд. 2, № 10338.

⁴⁾ Бумаги Жуковского, хранящ. въ Импер. Публич. Библ., № 13, листъ 5-й.

⁵⁾ Оборотъ листа 44 и слѣд. въ рукописи Импер. Публич. Библ., Бум. Жуков. № 14; описанiе этого альбома см. у И. А. Бычкова, „Бумаги Жуковского“, стр. 30 и слѣд. (Прилож. къ отчету Императ. Публич. Библ. за 1884 г., С.-Пб. 1887).

правками было напечатано въ Вѣстникѣ Европы 1808 года ¹⁾. Это— довольно близкій пересказъ англійскаго оригинала:

These, as they change, Almighty Father, these
Are but the varied God. The rolling year
Is full of Thee. Forth in the pleasing spring
Thy beauty walks, thy tenderness and love.
Wide-flush the fields; the softening air is balm;
Echo the mountains round, the forest smiles;
And every sense, and every heart, is joy.
Then comes thy glory in the summer months,
With light and heat refulgent. Then thy sun
Shoots full perfection through the swelling year. . etc. ²⁾.

Лишь въ концѣ, гдѣ авторъ „Гимна“ упоминаетъ о поэтѣ, а затѣмъ обращается къ самому себѣ, Жуковский даетъ своему пересказу болѣе свободную обработку, что и дало ему поводъ назвать свои стихи „подражаніемъ“ Томсону; два слова оригинала: „the poet's lute“ породили у Жуковскаго цѣлый образъ меланхолическаго поэта, столь близкій его сердцу:

Возведши взоръ на свѣтлый неба сводъ,
Сквозь зыблемую сѣть древесныхъ сѣней зримый,
Пѣвецъ въ задумчивомъ восторгѣ слезы лить.

Далѣе въ подлинникѣ читается такое окончаніе стихотворенія:

For me, when I forget the darling theme,
Whether the blossom blows, the Summer ray
Russets the plain, inspiring Autumn gleams,
Or Winter rises in the blackening east,
Be my tongue mute, may fancy paint no more,
And, dead to joy, forget my heart to beat!
Should fate command me to the farthest verge
Of the green earth, to distant barbarous climes,
Rivers unknown to song—where first the sun
Gilds Indian mountains, or his setting beam
Flames on the Atlantic isles—'tis nought to me;
Since God is ever present, ever felt,
In the void waste as in the city full;
And where He vital spreads there must be joy.
When even at last the solemn hour shall come,
And wing my mystic flight to future worlds,
I cheerful will obey... etc. ³⁾.

¹⁾ Июль, № 14, стр. 165—170.

²⁾ The poetical works of James Thomson, Lond. 1897, vol. I, p. 184.

³⁾ Въ „Иппокренѣ“ на 1800 г., ч. VII, стр. 8—10, это было переведено такимъ

Жуковский переработалъ эти стихи такимъ образомъ, что въ его передачѣ многое можетъ быть съ полнымъ правомъ отнесено къ нему самому, къ его собственнымъ переживаніямъ; такъ что передѣлка стиховъ Томсона получаетъ характеръ выраженія личныхъ настроеній нашего поэта:

А я, животворимъ созданья красотю,
 Забуду ли когда хвалебный гласъ мольбы?
 О Неиспытанный! мой пламень предъ Тобою!
 Куда бъ ни привела рука Твоей судьбы,
 Найду ли тишину подъ отческою сѣнью,
Безпечный другъ полей, возлюбленныхъ въ кругу,
 Тебя—и въ знойный день, покрытый роши тѣнью,
 И въ ночь, задумчивый потока на брегу. .
 И въ часъ торжественный полночнаго видѣнья,
 Какъ струны, пробудясь, отвѣтствуютъ перстамъ
 И духъ воспламенень восторгомъ пѣсногѣнья—
 Тебя велю искать и сердцу и очамъ! и проч.

Въ текстѣ „Гимна“ въ той же рукописи Импер. Публ. Библ., Бум. Жук. № 14, Жуковскимъ сдѣланы поправки, написанныя надъ зачеркнутыми словами ¹⁾),—и получилась та редакція стихотворенія, въ какой оно печаталось въ позднѣйшихъ изданіяхъ:

образомъ: „Что же до меня, то ежели забуду любимый предметъ тогда, какъ цвѣты произникаютъ, или лучи лѣта румянить поля, или вдыхающая осень багрѣть, или зима востаетъ на тускнѣющемъ востокѣ: то пусть языкъ онѣмѣетъ, пусть воображеніе потерять силу начертывать, и пусть сердце мое, окаменѣлое (умершее) противъ всякаго радованія во вѣки забудетъ свое бленіе! Повелить ли мнѣ судьба, да воспою невѣдомыя рѣки въ отдаленнѣйшемъ краю зеленѣющей земли, въ далекихъ варварскихъ странахъ, гдѣ первые лучи солнца позлащаютъ Индійскія горы, или вечернее сіяніе воспламеняетъ Атлантическіе острова,—все едино для меня, когда Богъ вездѣсущъ, вездѣ ощутителенъ, какъ въ пространной пустынѣ, такъ и въ полнолудномъ градѣ; гдѣ Жизнодатель ни дышетъ, всюду будетъ радость. Наконецъ, когда снидетъ торжественный часъ, и воскреситъ таинственное мое пареніе къ будущимъ мірамъ, я съ охотою покорюся; тамо съ новыми силами буду воспѣвать возникающія чудеса; невозможно мнѣ шествовать туда, гдѣ не ослабляется всеобщая любовь, поддерживающая во вѣки шары со вѣми ихъ солнцами, всегда извлекающая изъ кажущагося зла благо, а изъ сего паки лучшее и еще лучшее въ безконечномъ послѣдствіи. Но я уже теряюсь въ немъ—въ неизглаголанномъ свѣтѣ. Ты изразительное безмолвіе, углубись въ его пѣснохваленіе!“

¹⁾ Картину выработки этихъ поправокъ даетъ текстъ „Гимна“ въ рукописи Импер. Публ. Библ., Бум. Жуковского, № 20 лл. 13—14; первые три строки первоначальной редакціи исправлялись такимъ образомъ: 1) Не Бога ль дивный видъ... То въ разныхъ видахъ Богъ... Являетъ Бога тамъ... Творца являетъ намъ... Явленье Бога намъ... О Богъ намъ гласить время круговращенья; 2) О Богъ намъ гласить...

О Богѣ намъ гласить время круговращенье,
О бласти Его исполненный Имъ годъ.
Творецъ! весна Твоей любви изображенье:
Воскреснули поля, и проч.

Передѣлкѣ подверглось главнымъ образомъ только начало „Гимна“; конецъ, отъ стиха: Сердца, сліяны въ пѣснь, летите къ небесамъ!—остался безъ всякихъ измѣненій.

XXXII.

Статья Жуковского о „Путешествіи въ Малороссію“ кн. Шаликова (М. 1803) имѣетъ также значеніе и для характеристики литературныхъ вкусовъ, какіе питалъ нашъ поэтъ въ это время.

П. И. Шаликовъ, „поэтъ присяжный, князь вралей, вздыхатель всегда готовый“ (*Батюшкова*, Видѣніе на берегахъ Леты, стихи 140, 143), эпикуреецъ, прикрывавшій свое сластолюбіе напускною нѣжностью, сентиментальностью (М. А. *Дмитріевъ*, Мелочи изъ за-паса моей памяти, стр. 95), писатель, осыпавшій современниками жесточайшими насмѣшками,—принадлежалъ, какъ извѣстно, къ числу ревностнѣйшихъ поклонниковъ Карамзина и былъ, по своей бездарности, однимъ изъ самыхъ неудачныхъ представителей сентиментальнаго направленія, служеніе которому доводилъ до смѣшнаго ¹⁾; достаточно прочесть одну страницу, вышедшую изъ-подъ его пера, чтобы видѣть приторность, аффектацію чувствъ, то, что французы называютъ *sensiblerie*; иные предметы, обращавшіе на себя его вниманіе, были такъ мелки, что не стоили сердечныхъ движеній, а иные, несмотря на свою важность, возбуждали въ немъ мелкія впечатлѣнія; отсюда бѣдность содержанія, иногда полное его отсутствіе, вялость изложенія, не одушевляемаго никакимъ порывомъ ума или чувства, и однообразная постройка; въ любой пьесѣ кн. Шаликова читатель находитъ междометія горести, съ первыхъ строкъ являются слезы безъ видимаго къ нимъ повода; пустая мечтательность сопровождаетъ каждое описаніе и каждый рассказъ ²⁾.

Трезвые словесники рано оцѣнили писанія кн. Шаликова по

О бласти его исполненный имъ годъ; 3) Твоя любовь на насъ благословенье...
Творецъ! весна—Твоей любви благословенье.

¹⁾ В. И. Саитовъ, Соч. Батюшкова подъ ред. Л. Н. Майкова, т. I, примѣчанія, стр. 435.

²⁾ А. *Галаховъ*, Историч. христоматія новаго періода русской словесности, т. II, (С.-Пб. 1887), стр. 177—178.

достоинству. Андрей Ив. Тургеневъ писалъ Жуковскому: „*Ну ужь, братъ, Путешествіе Шаликова! я выходилъ изъ терпѣнія. Козловскій* неистощимо насъ забавилъ описаніемъ самого путешественника и всѣхъ писателей чувствительной Москвы, которые Шаликова почитаютъ за своего *doyen* и смотрятъ на него съ уваженіемъ“ ¹⁾. П. И. Макаровъ напечаталъ такой отзывъ: „Читая книгу весьма часто плѣняешься фразою, риторическою фигурою, какимъ-то пріятнымъ, вѣжнымъ колоритомъ слога, какою-то чувствительностью... *розового цвѣта!*..., а прочтя до конца мало удержишь въ памяти! Нѣтъ главнаго предмета, на которомъ бы весь *интересъ* былъ основанъ, *нѣтъ цѣли*. Это не что иное, какъ собраніе отрывковъ, какіе чловѣкъ съ талантомъ могъ написать не выѣзжая изъ Москвы...“ и т. д. ²⁾. Но Жуковскій, настроенный меланхолично, не разобравшись въ слащавой слезливости кн. Шаликова, *съ удовольствіемъ прочелъ* его „Путешествіе“ ³⁾,—и не только прочелъ, но и почувствовалъ потребность сообщить объ этомъ другимъ, какъ самъ высказываетъ въ началѣ своей статейки о „Путешествіи“. Что понравилось нашему поэту? Разумѣется, проникающее книжку Шаликова настроеніе, его чувствительность, его принадлежность къ Карамзинскому направлению, которое увлекало и Жуковского. Онъ такъ передаетъ содержаніе „Путешествія“: „Не будемъ искать въ этой книгѣ ни географическихъ, ни топографическихъ описаній... Мы будемъ бродить вмѣстѣ съ странникомъ, куда глаза глядятъ; пойдемъ вмѣстѣ съ нимъ на крутой берегъ шумящаго Днѣпра..., вздохнемъ близъ могилы его друга, освѣщенной лучами заходящаго солнца, и вмѣстѣ съ нимъ вспомнимъ о прошедшемъ, которое невозвратно“... Такая литературная манера непринужденнаго безцѣльнаго блужданія мыслью и чувствомъ пришлась въ данный моментъ очень по вкусу Жуковскому, и онъ примѣнилъ какъ разъ эту манеру при написаніи своей статейки; отзывъ о книжкѣ Шаликова сводится къ сообщенію, что нашъ поэтъ читалъ „Путешествіе“ „съ примѣчаніемъ и удовольствіемъ“, къ коротенькой, только что приведенной нами, самой общей формулировкѣ содержанія книжки, перечню наиболѣе понравившихся главъ и къ выпискѣ цѣликомъ коротенькой главы „Лѣтній вечеръ въ Малороссіи“; зато очень много мѣста удѣлено изображенію собственнаго настроенія Жуковского,—настроенія, отнюдь не вызваннаго че-

¹⁾ *Веселовскій*, Жуковскій, стр. 50.

²⁾ Московскій Меркурій, ч. II, М. 1803, стр. 120.

³⁾ *Веселовскій*, *op. cit.*, 49.

нѣмъ книги Шаликова,—и нашъ поэтъ дважды оказывается вынужденнымъ сознаться, что онъ „забылъ свой предметъ“; въ концѣ же статейки, приведя описаніе лѣтняго вечера въ Малороссіи, онъ вступаетъ съ кн. Шаликовымъ какъ бы въ состязаніе и даетъ собственное описаніе лѣтняго вечера въ Москвѣ, на Дѣвичьемъ полѣ: „Выйдемъ на пространное Дѣвичье Поле; тамъ, гдѣ возвышаются гордыя стѣны Дѣвичьяго монастыря, сядешь на высокомъ берегу свѣтлаго пруда, въ которомъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ, изображаются и зубчатыя монастырскія стѣны съ ихъ башнями, и золотыя главы церквей, озаренныя заходящимъ солнцемъ“... и проч. Мѣстность эта была очень хорошо знакома Жуковскому: Дружеское Литературное Общество собиралось на вечеринкахъ въ домѣ А. Ѳ. Воейкова на Дѣвичьемъ полѣ ¹⁾; нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что картина, набросанная Жуковскимъ съ натуры, по отчетливому воспоминанію, оказывается по своей ясности много выше проникнутаго аффектаціей и очень неопредѣленнаго описанія Шаликова.

Андрей Ив. Тургеневъ писалъ (изъ Петербурга 9-го марта 1803 г.) Жуковскому: „Очень хочется мнѣ видѣть твою рецензію на Шаликова; и съ какой точки зрѣнія ты его разсматриваешь? На него нельзя писать критики, какъ-то жаль его“ ²⁾. Жуковскій, повидимому, безсознательно чувствовалъ то же самое, и въ своей статейкѣ сознается, что „взялъ перо не съ тѣмъ, чтобы написать на него критику, а желая единственно сказать, что... читаль его“. Познакомившись же съ писаніемъ своего друга, Андрей Тургеневъ не могъ не упрекнуть Жуковскаго: „Твоя рецензія написана прекрасно,—пишетъ онъ,—но на что же ты ее такъ напечаталъ? На что хвалить то, что такъ вяло, такъ слабо, такъ ненатурально, такъ обыкновенно! Для читателей также недовольно, что ты читаль его, и съ публикой цѣлой въ рецензій книгѣ, право, кажется, говорить такъ нельзя... Шаликовъ вретъ непростительно; право, этого спускать бы ему не должно“ ³⁾. Однако Карамзинъ былъ, очевидно, иного мнѣнія: присланную ему статью Жуковскаго онъ печатаетъ въ своемъ „Вѣстникѣ Европы“ ⁴⁾,—не даромъ же онъ „прекрасно защищалъ Шаликова, говоря, что въ немъ есть *что-то тепленькое*“ ⁵⁾. Возможно, что на Жуковскаго и

¹⁾ *Веселовскій*, Жуковскій, стр. 137.

²⁾ Тамъ же, стр. 50.

³⁾ Тамъ же, стр. 50.

⁴⁾ Вѣстн. Евр., мартъ, 1803, № 6, стр. 114 и слѣд.

⁵⁾ *М. А. Дмитриевъ*, Мелочи изъ запаса моей памяти, стр. 93.

повліялъ подобный взглядъ Карамзина, высказанный послѣднимъ нашему поэту во время пребыванія его весной 1803 г. въ Свирловѣ.

Повліялъ, повидимому, въ данномъ случаѣ и собственный примѣръ Карамзина, какъ литературнаго критика. Въ своихъ разборахъ Карамзинъ иногда отправлялся отъ принципа сентиментальности; одна изъ его статей начиналась, напр., такъ: „Конечно всякой читатель будетъ благодаренъ автору; онъ *умѣетъ трогать наше сердце*, умѣетъ наполнять его горестными и сладостными чувствами, и мы не можемъ отказать автору ни въ слезахъ ни въ улыбкѣ“... ¹⁾. Подобный же образчикъ сентиментальной критики карамзинскаго направленія даетъ и Жуковский въ своей статейкѣ о „Путешествіи въ Малороссію“.

Въ роли литературнаго совѣтника Жуковского Карамзинъ является уже въ 1801 г.: по его совѣту Жуковский отлагаетъ въ сторону свой первый переводъ „Сельскаго кладбища“ и рѣшается переводить вторично ²⁾. Въ апрѣлѣ 1801 г. Карамзинъ женился на Елисаветѣ Ив. Протасовой ³⁾, сестрѣ Андрея Ив. Протасова, и такимъ образомъ Жуковский оказался въ свойствѣ съ Карамзинымъ; это, повидимому, и послужило ихъ личному сближенію. Карамзинъ, который „былъ въ Москвѣ кумиромъ всѣхъ благородно-мыслящихъ юношей“ ⁴⁾, и становится учителемъ поэзіи и жизни для Жуковского ⁵⁾.

Въ карамзинскомъ „Вѣстникѣ Европы“ Жуковский помѣстилъ четыре своихъ пьесы: 1) Сельское кладбище (1802 г., № 23—24), 2) О путешествіи въ Малороссію (1803 г., № 6), 3) Вадимъ Новгородскій (1803 г., № 23—24) и 4) Письмо французскаго путешественника (1803 г., № 23—24).

Эта послѣдняя пьеса, о которой мы еще не говорили, представляетъ собой переводъ „изъ французскаго журнала“ ⁶⁾; отыскать оригиналъ мнѣ доселѣ не удалось.

Что привлекло вниманіе Жуковского къ этой статейкѣ? Начинается она описаніемъ положенія французскаго арендатора конфискованной послѣ революціи церковной земли; далѣе идетъ описаніе замка Бель и его парка, Морфонтея—дачи Юсіфа Бонапарте,—и наконецъ Эрменонвиля, этого помѣстья С.-М. Жирардена, гдѣ дожилъ

¹⁾ Московскій Журналъ 1791 г., май, стр. 205.

²⁾ *Дмитріевъ*, Мелочи, стр. 182.

³⁾ *Погодинъ*, Н. М. Карамзинъ, I, 323.

⁴⁾ Записки Вигеля, I, 186; слова относятся къ 1801 году.

⁵⁾ *Веселовскій*, Жуковский, стр. 48.

⁶⁾ Вѣсти. Евр. 1803 г., № 23—24, стр. 246: „Перевелъ изъ фр. жур. В. Ж.“.

свою жизнь и былъ погребенъ Ж.-Ж. Руссо. Авторъ описываетъ памятники (храмы, алтари, фигуры), которыми владѣльцы украсили Эрменонвиль; онъ останавливается съ особымъ вниманіемъ на одномъ изъ памятниковъ, надгробномъ,—и кажется, что именно это описаніе и привлекло къ себѣ Жуковского:

„Одинъ простой памятникъ обратилъ на себя все мое вниманіе. Это гробъ неизвѣстнаго молодого человѣка, который за 12 лѣтъ передъ симъ явился въ Эрменонвилѣ и жилъ въ немъ нѣсколько недѣль въ совершенномъ уединеніи, наслаждаясь красотами природы. Въ одно утро нашли его мертвымъ: онъ прострѣлилъ себѣ голову. Въ карманѣ у него было письмо къ г. Жирарденю, изъ котораго узнали, что горестная любовь заставила его возненавидѣть жизнь. Нещастнаго погребли на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ онъ умертвилъ себя; два камня лежатъ на его могилѣ. Прошедшимъ лѣтомъ видѣли здѣсь неизвѣстную дѣвицу. Она приходила на гробъ юноши, плакала, цѣловала камни и написала на одномъ изъ нихъ стихи, которые остались въ моѣй памяти“. Нашъ поэтъ переводитъ эту надпись стихами же:

Оставленная всѣмъ, забытая судьбою,
Къ тебѣ, священный прахъ, иду я слезы лить!
Когда откроется могила предо мною?
Ахъ! долго-ль жизнь сію влачить?
Мелькнули годы и сокрылись,
А горе вѣрное со мной!
Тоскою чувства изнурялись;
Съ угасшей, мертвою душой,
Какъ блага, смерти ожидаю!
Когда? Когда? Увы, не знаю! ²).

Этотъ пластическій образъ скорбной дѣвы, проливающей слезы надъ могилой, и привлекая, несомнѣнно, вниманіе Жуковского къ данной статейкѣ; образъ этотъ былъ особенно ему симпатиченъ по „Элегіи“ Андрея Тургенева, въ концѣ которой выступаетъ какъ разъ подобный же:

Но ты, во цвѣтѣ лѣтъ сраженная судьбою,
Приди, приди сюда (на кладбище) бесѣдовать съ тоскою!..

и проч. ³).

²) Вѣст. Евр. 1803 г. декабрь, стр. 245—246. Стихи не перепечатывались ни въ одномъ собраніи соч. Жуковского.

³) Срв. въ VI главѣ моихъ „Разысканій о соч. Жуков.“, отдѣльн. оттискъ, стр. 222—224.

Побывавъ въ Москвѣ весной 1803 г., Жуковскій лѣто этого года проводилъ въ Мишенскомъ и здѣсь получилъ вѣсть о кончинѣ Андрея Ив. Тургенева: его письмо по этому поводу къ Ивану Петровичу Тургеневу, писанное въ половинѣ іюля, отправлено изъ *Блжева* ¹⁾. Предположеніе проф. А. И. Кирпичникова: „Лѣтомъ 1803 года, когда Карамзинъ потерялъ свою первую жену, 20-лѣтній Жуковскій переѣхалъ къ нему на дачу въ Свирлово и, безъ сомнѣнія (?), помогалъ ему въ его редакторскихъ трудахъ по *Вѣстнику Европы*“ ²⁾,—должно быть отвергнуто; сотрудничество Жуковского въ это время едва ли могло выразиться чѣмъ либо болѣе, нежели доставленіе въ журналъ нѣсколькихъ произведеній.

Къ началу 1803 года относится одинъ не состоявшійся литературный замыселъ Жуковского: Андрей Ив. Тургеневъ писалъ изъ Петербурга 19-го марта 1803 г. своему отцу: „Я готовъ приняться за переводъ *Esprit de l'histoire* *пополамъ съ Жуковскимъ*; онъ мнѣ это предлагаетъ въ письмѣ своемъ“. О томъ же самомъ Андрей Ив. Тургеневъ писалъ (отъ того же 19-го марта 1803 г.) брату Александру въ Геттингенъ: „Мы съ Жуковскимъ пополамъ будемъ, можетъ быть, переводить *L'Esprit de l'histoire par Gerraud*, въ 4 томахъ, новая книга. Батюшкѣ сего очень хочется, да и я радъ чѣмъ-нибудь подобнымъ заняться“ ³⁾. Иванъ Петр. Тургеневъ усиленно рекомендовалъ эту книгу сыновьямъ: Александръ Ив. Тургеневъ въ письмѣ къ родителямъ (изъ Геттингена), отъ 6/18 апрѣля 1803 г., писалъ: „Книгу, которую вы совѣтуете читать мнѣ, *l'Esprit de l'histoire*, я еще не могъ достать себѣ“ ⁴⁾. Въ письмѣ отъ 17-го марта 1803 г. Андрей Ив. Тургеневъ писалъ отцу: „*Esprit de l'histoire* здѣсь (въ Петербургѣ) купить нельзя, но онъ есть у Козловскаго, и я взялъ у него прочесть. Его чрезвычайно хвалили въ *Spectateur du Nord*, но въ Вѣнѣ я тоже достать не могъ“ ⁵⁾.

За смертью Андрея Ив. Тургенева, переводъ данной книги Жерро, затѣянный Жуковскимъ, конечно, не могъ состояться.

¹⁾ Архивъ братьевъ Тургеньевыхъ, вып. II, стр. 286.

²⁾ А. И. Кирпичниковъ, Жуковскій какъ редакторъ „Вѣстника Европы“, Русск. Слово 1903 г., № 27.

³⁾ Архивъ бр. Тургеньевыхъ, вып. II, примѣч., стр. 471.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 68.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 471. Рецензія на книгу Gerraud помѣщена въ *Spectateur du Nord*, 1802, octobre, pp. 99—107.

XXXIII.

Въ началѣ 1804 года Жуковскій пріѣзжалъ въ Москву ¹⁾; лѣто онъ проводилъ дома, въ Мишенскомъ ²⁾, а осенью былъ опять въ Москвѣ ³⁾.

Въ это время онъ работалъ надъ переводомъ „Донъ-Кихота“.

Посѣщавшее его мрачное настроеніе, обусловленное склонностью его къ меланхоліи ⁴⁾, отразилось въ небольшомъ стихотвореніи „Къ ****“, которое Жуковскій, много лѣтъ спустя, въ 1842 г., сообщая для напечатанія г-жѣ С. А. Гренъ ⁵⁾, отнесъ именно къ 1804 году. Повидимому, и въ этихъ стихахъ поэтъ обращается опять къ самому себѣ, хотя и говоритъ во второмъ лицѣ; „уединенная тоска“ о своей безсемейности, о которой говорилъ Жуковскій въ стих. „Къ моему лирѣ“, осложнилась тяжелой скорбью объ утратѣ друга—Андрея Тургенева,—и вырвала изъ души стоны:

Увы! протекъ свинцовый годъ,
Годъ тяжкій горя, испытанья...
Напрасно жалобной слезой
Смягчить старался Провидѣнье!
Оно не тронулось мольбой
И не смягчило чувствъ томленья...
...Ты безжалостной судьбой
Лишенъ веселья въ жизни брэнной;
Цвѣтокъ заблещетъ вновь весной,
Твое жъ страданье неизмѣнно! ⁶⁾.

Къ лѣту (30-го іюля и 5-го августа) 1804 г. относится сохранившійся отрывокъ изъ дневника Жуковского, облеченный въ литературную форму разговора двухъ лицъ—А и Б.

Диалогъ—излюбленная форма разсужденій на разныя темы, въ какую облакались декламации учениковъ на актахъ Университетскаго

¹⁾ Письмо Александра Ив. Тургенева къ Жуковскому отъ 1-го (13-го) февраля 1804 г. (Арх. бр. Турген., II, 271).

²⁾ Письмо Мерзлякова къ Жуковскому отъ 7-го іюля 1804 г. (Русс. Арх. 1871 г. № 2, стр. 0146—0149).

³⁾ Записка Карамзина къ Жуковскому отъ 31-го октября 1804 г. (Русс. Арх. 1870 г. № 8—9, стр. 1682).

⁴⁾ „Ваше уединеніе... способно только питать вашу наклонность къ меланхоліи“, писалъ Жуковскому И. И. Дмитріевъ 27-го декабря 1805 г. (Соч. И. И. Дмитріева, ред. Флоридова, II, 197).

⁵⁾ Соч. Жуковского подъ ред. Ефремова, С.-Пб. 1878, томъ VI, стр. 549.

⁶⁾ Соч. Жуков., ред. Архангельскаго. I, 18.

Благороднаго Пансіона. Такъ, въ декабрѣ 1797 г. воспитанники Жуковский, Мятлевъ и Порошинъ выступили съ „Разговоромъ о томъ, что всякій членъ общества необходимо обязанъ служить ему, отправляя въ немъ какую-нибудь должность“¹⁾. Съ подобными же „Разговорами“ выступали пансіонеры А. А. Прокоповича-Антонскаго и въ послѣдующіе годы. Появился даже цѣлый сборникъ: „Разговоры о физическихъ и нравственныхъ предметахъ, изданы для воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона“ (собралъ Мих. Баккаревичъ) М. 1800. Карамзинъ въ своемъ „Разговорѣ о счастіи“ даетъ разсужденію діалогическую форму. Съ этой же формой мы встрѣчаемся въ цѣломъ рядѣ переводныхъ и оригинальныхъ произведеній литературы конца XVIII—нач. XIX вв. (списокъ ихъ даетъ *Сопиковъ*, Опытъ російск. бібліогр., №№ 9407 и слѣд.).

Помимо этого литературнаго вліянія трудно дать объясненіе, почему Жуковскому вздумалось облечь собственныя размышленія въ дневникъ²⁾ въ форму діалога подъ заглавіемъ „А. и Б.“³⁾.

Диалогъ распадается на двѣ части. Первая часть написана 30-го іюля и представляетъ самоанализъ поэта. Отдавая отчетъ самому себѣ (словами говорящаго А), онъ въ то же время (отъ лица Б) разбираетъ и оцѣниваетъ свои поступки и переживанія. Страницы эти—цѣнный документальный матеріалъ для характеристики не поэтической, идеальной, а прозаической, вполне реальной стороны жизни Жуковскаго. Онъ встаетъ рано, утро проводитъ съ своими, пьетъ кофе, болтаетъ; затѣмъ садится работать, переводить, читать, дѣлаетъ извлеченія изъ прочитаннаго; изъ книгъ, какими онъ занимался, названы: современный французскій поэтъ Saint-Lambert († 1803) и его книга *Principes des moeurs chez toutes les nations ou Catéchisme universel* (Paris, 1798), Томсонъ, Геснеръ, англійскій богословъ и моралистъ Джемсъ Гервей (Hervey), современный англійскій поэтъ Робертъ Блумфильдъ, французскій поэтъ Жакъ Делиль и его переводъ Энеиды, французскій моралистъ Charles Duclos и его книга *Considérations sur les moeurs*: онъ завтракаетъ, обѣдаетъ, ѣстъ незрѣлыя яблоки и дыню, и чувствуетъ рѣзь въ животѣ; разговариваетъ съ

¹⁾ См. Рѣчь, разговоръ и стихи, чит. на публич. актѣ бывшемъ въ Благород. Унив. Пансіонѣ декабря 19 дня 1797 года.

²⁾ Писано на такой же синей бумагѣ, въ листъ, изъ какой Жуковский связалъ тетрадь, тоже въ листъ, чтобы писать на ней свой дневникъ 1805 и 1806 годовъ (*И. А. Бычковъ*, Бумаги Жуковскаго, стр. 5. Отчетъ Импер. Публ. Библ. за 1884 г.).

³⁾ См. Дневники Жуковскаго съ примѣч. И. А. Бычкова, стр. 5—10.

матерью о постройкѣ дома, который онъ началъ строить для себя въ 1804 г. въ Бѣлевѣ; вечеромъ онъ гуляетъ. Такая картина дня Жуковского набросана въ началѣ діалога. Послѣдующее представляетъ критику своего образа жизни,—повидимому, во исполненіе высказываемаго имъ (отъ лица Б), вслѣдъ за названными имъ моралистами, принципа: „Когда будешь спокоенъ, беззаботенъ и нѣсколько пріучишься мыслить, *разбери себя; этотъ разборъ необходимъ для предохраненія твоего отъ многихъ ошибокъ въ жизни*“. Жуковский обличаетъ себя въ лѣнности ¹⁾ („лѣнь—одинъ изъ главныхъ пороковъ твоего характера“) и ставитъ вопросъ, какъ пріучить себя къ дѣятельности, какъ сдѣлаться нелѣнвымъ; онъ устанавливаетъ для себя правило: „Мнѣ надобно знать, чтб въ какое время и въ какомъ положеніи дѣлать. Если я нѣсколько разсѣянъ,—читать книги просто занимательныя, романы, мелкихъ поэтовъ и т. под., или рисовать, или заниматься какою-нибудь машинальною работою; а въ хорошемъ расположеніи принятъ за что-нибудь важнѣйшее. Лучше всего каждое утро, разсмотрѣвъ себя, положить, чтб дѣлать въ тотъ день, чтобы не потерять его. Надобно наблюдать, однакожь, чтобы обыкновенная работа была всегда сдѣлана, отъ этого зависитъ расположеніе пріятное или непріятное остатка дня. Всегда надобно помнить, что я занимаюсь для пользы и для пріятности, а не поневоль“. Жуковский замѣчаетъ за собой, что онъ еще не умѣетъ разсуждать, наблюдать постепенность въ своихъ мысляхъ, выводить „порядочныя заключенія“; научить себя мыслить онъ думаетъ „чтеніемъ и стараніемъ не упускать ни одного особеннаго случая къ размышленію“. Исполненіе этого плана ярко отражается на страницахъ его дневника за 1805 и 1806 годы ²⁾.

Вторая часть разговора А. и Б. написана 5-го августа и заключается въ себѣ размышленія о поѣздкѣ въ Петербургъ и о государственной службѣ. Бхать Жуковский предполагалъ съ Ив. Петр. Тур-

¹⁾ Эту черту характера Жуковского замѣчали и другіе; такъ, въ письмѣ къ нему (отъ 15-го ноября 1805 г.) И. И. Дмитріевъ набрасываетъ такую аллегорическую картину жителя-бытца Жуковского въ это время: „Еслибъ я умѣлъ рисовать, то представилъ бы юношу, точь-въ-точь Василя Андреевича, лежащимъ на недоконченномъ фундаментѣ дома; онъ одною рукою оперся на лиру, а другою протираетъ глаза, смотреть на почтовую карту и, зѣвая, говорить: *усилю!* Это будетъ надпись подъ картиной. Въ ногахъ нѣсколько проектовъ для будущихъ сочиненій, планъ цѣтнику и песочные часы, перевитые розовою гирляндю“ (Соч. И. И. Дмитріева, ред. Флоридова, II, 196).

²⁾ См. И. А. Быховъ. Дневникъ Жуковского, стр. 10—36.

геновымъ въ декабрѣ 1804 г.; состоялась ли эта поѣздка, свѣдѣній не имѣется,—повидимому, нѣтъ, такъ какъ въ программѣ автобіографіи ¹⁾ упомянуто о поѣздкѣ въ Петербургъ только въ слѣдующемъ (1805) году.

Во время пребыванія своего въ Москвѣ осенью и зимой 1804 г. Жуковский написалъ, для произнесенія на актѣ Университетскаго Благороднаго Пансіона, оду „Къ поэзіи“ ²⁾.

Стихотвореніе это дополняетъ собой циклъ пансіонскихъ одъ Жуковскаго, къ которому всецѣло и принадлежитъ по своему подражательному риторическому характеру. Начинается оно восторженнымъ обращеніемъ къ воспѣваемому предмету:

Чудесный даръ боговъ!
О, пламенныхъ сердецъ веселье и любовь,
О, прелесть *тихая*, души очарованье—
Поэзія!..

Воскликанія эти были вполне искреннимъ выраженіемъ дѣйствительнаго отношенія нашего поэта къ творчеству: „О лира милая моя!“ говоритъ онъ въ стих. *Къ моей лирѣ*; „*Тихая* муза моя непорочна“, заявляетъ онъ въ концѣ своего предисловія къ *Вадиму Новгородскому*.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не видѣть здѣсь также и отзвука литературнаго вліянія. Еще въ 1802 г. (отъ 21-го марта) Андрей Ив. Тургеневъ писалъ Жуковскому: „Что твой Progress of poetry? Отдалъ ли ты ее? Право, надобно что-нибудь издавать“. Акад. Веселовскій высказалъ предположеніе: „Не идетъ ли здѣсь дѣло о Progress of poesy Грея, котораго читалъ въ то время Жуковский?“ ³⁾. Появ-

¹⁾ Тамъ же, стр. 10.

²⁾ Въ описаніи акта Унив. Благор. Пансіона, происходившаго 21-го декабря 1804 г., въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1804 г. № 103 (отъ 24-го декабря) отмѣчено, что между другими декламациями были „произнесены Стихи къ Поэзіи, сочиненія господина Жуковскаго“ (Дневники Жук.—го, съ примѣч. И. А. Вычкова, стр. 40). Въ брошюрѣ „Рѣчь, разговоръ и стихи, чит. на публич. актѣ бывш. въ Унив. Благ. Панс. 21-го дек. 1804 г.“ (М. 1804) стих. „Къ поэзіи“ Жуковскаго занимаетъ третье мѣсто. Перепечатано въ „Утренней Зарѣ“ кн. 3 (М. 1805), стр. 91—94. Рукописный текстъ этого стихотворенія находится въ Импер. Публич. Библиотекѣ, среди бумагъ Жуковскаго, въ тетрадяхъ № 13, л. 12 обор. (съ отмѣткой: 1804 году въ декабрѣ), и № 14 л. 15 об.; отъ печатнаго онъ отличается двумя словами,—именно въ рукописяхъ стоитъ: „съ *элеменъ* быстроногимъ“ (стихъ 21) и „Потомство раздаетъ *швалу* и посрамленье“ (стихъ 65).

³⁾ *Веселовскій*, Жуковскій, стр. 61.

димому, да: The progress of poesy, a pindaric ode, Грея была хорошо известна Жуковскому, и если не сохранился, насколько знаемъ, переводъ этой оды, который Андрей Тургеневъ убѣждалъ нашего поэта отдать въ печать, то реминисценціи ея становятся весьма замѣтны въ одѣ Жуковскаго „Къ поэзіи“. Приведенное начало послѣдней напоминаетъ начало второго § первой строфы стихотворенія Грея:

Oh! Sovereign of the willing soul,
Parent of sweet and solemn-breathing airs,
Enchanting shell! the sullen Cares,
And frantic Passions, hear thy soft controul 7).

Вслѣдъ затѣмъ Жуковскій говоритъ о бодрящемъ вліяніи поэзіи на человѣка:

Съ тобой (поэзіей)
И скорбь, и нищета, и мрачное изгнанье—
Теряютъ ужасъ свой.

Повидимому, мысль эта навѣяна слѣдующими стихами Грея (строфа 2-ая):

Man's feeble race what ills await!
Labour, and Penury, the racks of Pain,
Disease, and Sorrow's weeping train,
And Death, sad refuge from the storms of Fate!
The fond complaint, my song, disprove,
And justify the laws of Jove,
Say, has he given in vain the heav'nly Muse? 8)

Однако въ подкрѣпленіе мысли о бодрящемъ вліяніи поэзіи Жу-

7) Царица душъ, тебѣ смиренно покоренныхъ,
Мать сладкихъ голосовъ, согласно соединенныхъ,—
Гармонія! Гдѣ твой волшебный слышенъ звукъ,
Тамъ страсти всё молчатъ, бѣжить грызенье слукъ...

(Стихотворенія Грея, съ англійскаго яз. переведенныя П. Голенцевымъ-Кутузовымъ, М. 1803, стр. 39).

8) Коликимъ человѣкъ подверженъ злымъ бѣдамъ!
Печалямъ, бѣдности, заботамъ и трудамъ,
Волѣзнямъ, горестямъ, слезамъ, тоскѣ, стеванью!
Едина смерть творить конецъ его страданью...
О лира! заглуши звукъ жалобныхъ сихъ словъ!
Потщися оправдать уставъ отца боговъ;
Скажи: онъ Музъ драгихъ послалъ во утѣшенье...

(Стих. Грея, перев. Голен.-Кутузовымъ, стр. 40).

ковскій приводит свой собственный примѣръ—онъ рисуетъ свой излюбленный образъ поэта въ уединеніи:

Въ тѣни дубравы надъ потокомъ,
Другъ Феба съ ясною душой,
Въ убогой хижинѣ своей,
Забывшій рокъ, забвенный рокомъ—
Поеть, мечтаетъ и—блаженъ!

Съ этимъ образомъ, въ которомъ нельзя не усмотрѣть чертъ автопортрета Жуковскаго въ Бѣлевскомъ его уединеніи, мы уже встрѣчались и въ „Сельскомъ кладбищѣ“, и въ „Гимнѣ“ Томсона, и въ стих. „Къ моей лирѣ“, и въ предисловіи къ „Вадиму Новгородскому“,—и встрѣтимся еще въ элегии „Вечеръ“ и др.

Вліянію поэзіи Жуковскій ставитъ очень широкія границы—опять вслѣдъ за Греемъ. У Грея (строфа II, §§ 2, 3):

In climes beyond the solar road,
Where shaggy forms o'er ice-built mountains roam,
The Muse has broke the twilight gloom,
To cheer the shiv'ring native's dull abode.
And oft beneath the od'rous shade
Of Chili's boundles forests laid,
She deigns to hear the savage youth repeat
In loose numbers wildly sweet
Their feather-cinctur'd chiefs, and dusky loves. etc.
Woods that wave o'er Delphi's steep,
Isles, that crown th'Egean deep,
Fields, that cool Ilissus laves...
How do your tuneful echoes languish,
Mute, but to the voice of Anguish?.. ¹).

¹) Стих. Грея, перев. Гол.-Кутуз., стр. 41—42: *

Съ странахъ, которыхъ вѣкъ не грѣеть солнца взоръ,
Гдѣ чудны зданія стоятъ изъ льдистыхъ горъ,
Проникла Муза мракъ лучемъ благословеннымъ,
И нову жизнь дала во хладѣ тамъ рожденнымъ.
Хилійскія земли у дальнихъ береговъ,
И тамъ она живетъ подъ тѣнію лѣсовъ;
Тамъ слушаетъ она, какъ дикими пѣвцами
Поется сладка пѣснь не мѣрными стопами
Въ честь смуглыхъ прелестей, пернатыхъ ихъ красоть.
Во всѣхъ мѣстахъ, куда направленъ Музы ходъ,
Ей слѣдуетъ восторгъ, со славою сопряженный,
Непобѣдимый духъ и Фебовъ огонь священный.
Лѣса Делфійски дикы, мрачны!
Эгейски пышны острова:

У Жуковского:

И кто, и кто не оживленъ
Твоимъ (поэзіи) божественнымъ вліяньемъ?

И, приводя далѣе примѣры въ подтвержденіе того, что произведенія творчества дѣйствуютъ увлекательно даже и на некультурнаго человека, нашъ поэтъ замѣняетъ образы Грея образами болѣе близкими къ русской обстановкѣ; поющая дикая чилийская молодежь (the savage yout Chili's) замѣщена у Жуковского лапландцемъ, а пѣсни дельфійскихъ и эгейскихъ грековъ—пѣсней „оратая“:

Цѣвницы грубыя задумчивымъ брацаньемъ
Лапландецъ, дикій сынъ снѣговъ,
Свою туманную отчизну прославляетъ,
И неискusstvenной гармоніей стиховъ,
Смотря на бурные валы, изображаетъ
И дымный свой шалашъ, и хладъ, и шумъ морей.
И быстрый бѣгъ саней,
Летящихъ по снѣгамъ съ еленемъ быстроногимъ...
Оратай, наклонясь на плугъ,
Поетъ свой лѣсъ, свой мирный лугъ...

Почему Жуковский взялъ, въ качествѣ примѣра, лапландца, и что онъ зналъ о лапландской поэзіи? Лапландецъ не разъ фигурируетъ, въ концѣ нашего XVIII—началѣ XIX вѣка, подъ перомъ въ аналогичныхъ случаяхъ: „Кому не мило родимое гнѣздо? И *лапландецъ* свое дымовье предпочитаетъ Индостану“—пишетъ кн. И. М. Долгоруковъ въ своихъ „Запискахъ“, подъ 1786 годомъ (Русск. Библіофиль 1913 г. № 3, стр. 78); Карамзинъ, въ знаменитомъ своемъ разсужденіи „О любви къ отечеству и народной гордости“, напечатанномъ имъ въ своемъ Вѣстникѣ Европы (1802 г. № 4), также ссылается на лапландца: „*Лапландецъ*, рожденный почти въ гробѣ природы, несмотря на то любить хладный мракъ земли своей. Переселите его въ

Поля, гдѣ мягкая трава
Илиса петь струи прозрачны...

Замокъ гремѣвшій въ васъ согласныхъ эховъ звонъ;
Вы нѣмы! слышенъ тамъ единый вопль и стонъ,
Гдѣ Фебовымъ огнемъ всѣхъ горъ верхи пылали
И вдохновеніе повсюду изливали...

Вліяніе стихотворческаго духа на дальніе дикіе и необразованные народы, доказывающее, что стихотворство неразрывно сопряжено съ натурою человека, съ его отраслями и добродѣтелями. Въ семъ убѣдиться можно по существующимъ извѣстнымъ отрывкамъ стихотвореній Эрзовъ, Норвежцовъ и Вельховъ, и по пѣснямъ *Лапландцовъ* и *Американцовъ*.

счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему родину!“ Возможно, что на мысль взять въ примѣръ лапландца навелъ Жуковскаго именно Карамзинъ приведеннымъ мѣстомъ своего разсужденія. Впрочемъ, примитивная поэзія некультурныхъ племенъ, въ томъ числѣ и лапландцевъ, начала уже въ то время привлекать къ себѣ вниманіе: Scheffer въ своей книгѣ: *Lapponia, i. e. Regionis Lapponum et gentis nova et verissima descriptio* (Francof. 1673), даетъ мѣсто характеристикѣ пѣсенъ лапландцевъ ¹⁾; Шефферъ сталъ источникомъ для подражанія Клейста, а у послѣдняго взялъ Гердеръ лапландскую пѣсню въ свои „Голоса народовъ“ ²⁾. Русскіе журналы также обратили вниманіе на поэзію лапландцевъ: въ „Новостяхъ“ ³⁾ переведена (прозой) изъ Клейста „Пѣснь лапландца“ любовнаго содержанія; въ „Иппокренѣ“ дважды ⁴⁾ помѣщенъ переводъ (также прозаическій) той же пѣсни, исполненный Павломъ Львовымъ („Приди ко мнѣ, Зама! не гнѣвайся, приди, о, красота красотъ! взгляни; уже ледъ виситъ съ моихъ растрепавшихся волосъ“...). Жуковский, однако, не касается любовныхъ мотивовъ въ поэзиі лапландцевъ, — это было бы некстати въ одѣ, предназначенной для произнесенія на актѣ Пансіона, — и ограничивается лишь упоминаніемъ описательныхъ элементовъ лапландскаго творчества: у него пѣвецъ-лапландецъ изображаетъ

И дымный свой шалашъ, и хладъ, и шумъ морей,
И быстрый бѣгъ саней,
Летающихъ по снѣгамъ съ оленемъ быстроногимъ.

Затрудняюсь указать, откуда именно почерпнулъ нашъ поэтъ свѣдѣнія объ этой сторонѣ поэзиі лапландцевъ ⁵⁾, однако, что источникъ его

¹⁾ Solent (лапландцы) uti plerumque cantionibus eius modi, non citra quandam modulationem, sed quam quisque putat optimam, nec eodem modo, sed alio et alio, prout inter ipsum canendum cuique iucundissimum videtur (Schefferi *Lapponia*, стр. 282).

²⁾ См. Herder's *sämmtliche Werke*, Stuttgart, 1828, Th. VII, *Stimmen der Völker in Liedern*, стр. 99—100.

³⁾ Новости, ежемѣсячное изданіе на 1799 годъ (С.-Пб. 1799), стр. 336.

⁴⁾ Иппокрена ч. VIII (М. 1801), стр. 410; ч. IX, стр. 239: „Пѣснь Лапонца“.

⁵⁾ Этихъ свѣдѣній нѣтъ въ статьѣ „Лапландцы“ въ хорошо знакомой Жуковскому книгѣ „Размышленія о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ Natury и Провидѣнія“, ч. I, стр. 73 и слѣд. Не касается этого вопроса и книга: „Новыя и достовѣрныя извѣстія о Лапландцахъ въ Финмархія, о ихъ языкѣ, обрядахъ, нравахъ и о прежде“

былъ надежный, доказывается тѣмъ, что свѣдѣнія эти вполне согласны съ сообщеніями новѣйшаго этнографа-специалиста: „Лопарь любить пѣть и поетъ почти всегда, гдѣ только ему не мѣшаетъ работа или суевѣрный страхъ передъ божествомъ... При рыбной ловлѣ, при охотѣ, при домашнихъ работахъ, во время своихъ путешествій, онъ любитъ пѣть и поетъ... Содержаніемъ пѣсни или бывальщины является всегда бывшій въ дѣйствительности фактъ, какъ бы онъ ни былъ простъ и несложенъ, причемъ пѣсня передаетъ этотъ фактъ, съ точностью и подробностью воспроизводя всѣ мельчайшія обстоятельства, сопровождавшія его... Эпическія произведенія современнаго творчества лопаря имѣютъ своимъ содержаніемъ обыденныя происшествія... (Отсюда) мы можемъ извлечь такія же точныя подробныя данныя о современномъ бытѣ лопаря, понять его міросозерцаніе, восстановить его образъ: въ современныхъ пѣсняхъ ясно рисуется и домашняя жизнь современнаго лопаря, и его взгляды, и вкусы и понятія его“... ¹⁾).

Что русскій крестьянинъ любитъ свои пѣсни, объ этомъ Жуковский, выросшій въ деревнѣ, не могъ, конечно, не знать; зналъ онъ, разумѣется, достаточно и народныхъ пѣсенъ, какъ зналъ ихъ его пріятель Мерзляковъ и другіе члены Дружескаго Литературнаго Общества, даже и сами распѣвавшіе эти пѣсни ²⁾). Однако „наша народная пѣсня его не вдохновила ни своимъ просторомъ, ни формой“ ³⁾). Въ разсматриваемомъ мѣстѣ оды „Къ поэзіи“ Жуковский, для доказательства своей мысли, что и простой крестьянинъ „оживленъ божественнымъ вліаніемъ“ поэзіи, набрасываетъ, въ своемъ безоблачномъ оптимизмѣ въ данномъ отношеніи, идеализируя жизнь мужика, такую сентиментально-идиллическую фантазію:

Счастливый жребіемъ убогимъ,
Оратай, наклонясь на плугъ,
Влекомый медленно усталыми волами—
Поетъ свой лѣсъ, свой мирный дугъ,
Возы, скрипящи подъ снопами,
И сладость зимнихъ вечеровъ,

бывшемъ язычествомъ ихъ законѣ, перев. съ датскаго на нѣмецкій, а съ онаго на російской Сржнтм. Андрм. Врдвм.“ М. 1792.

¹⁾ *Харузинъ*, Русскіе Лопари, гл. VI: О народномъ творчествѣ у лопарей, стр. 376, 379 (Извѣстія Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии, М. 1890; кн. LXVI).

²⁾ См. мои Разысканія о соч. Жуковск., гл. XII, отд. отд., стр. 192.

³⁾ *Веселовскій*, Жуковскій, стр. 509.

Когда, при шумѣ вьюгъ, предъ очагомъ блестящимъ,
Въ кругу своихъ сыновъ,
Съ напиткомъ пѣннымъ и кипящимъ,
Онъ радость въ сердце льетъ,
И мирно въ полночь засыпаетъ,
Забывъ на дикія бразды пролитый потъ...

Чувство народнаго, мѣстнаго у Жуковского вообще какъ-то схематично-отвлеченно,—говорить академикъ Веселовскій ¹⁾,—и по приведеннымъ стихамъ затруднительно опредѣлить, какого крестьянина, съ его плугомъ на волахъ, избою съ очагомъ и чарой съ пшучимъ питьемъ въ рукахъ, имѣлъ здѣсь въ виду нашъ поэтъ и какія пѣсни про лѣсъ, лугъ, возы со снопами и зимній отдыхъ.

Далѣе ода изображаетъ дѣйствіе поэзіи на героя, пылкаго юношу-патріота, бѣднаго труженика:

Звукомъ... громкихъ лиръ
Герой, ко славъ пробужденный,
Дивить и потрясаетъ міръ...
Юноши воспламененный
Отъ нихъ въ восторгѣ слезы льетъ,
Алтарь отечества лобзаетъ,
И смерти за него, какъ блага, ожидаетъ...
Бѣдный труженикъ душою расцвѣтеть...

И Жуковскій обращается къ поэтамъ съ горячимъ призывомъ, усыпая „тернистую стезю цвѣтами“, изливать „въ пылкія сердца свой пламень“, чтобы такое дѣйствіе поэзіи и сказывалось. Возбуждая добрыхъ, поэтъ, напротивъ, долженъ бичевать „жестокихъ и развратныхъ“, какъ бы высоко они ни стояли по своему общественному положенію.

Ода заканчивается риторическимъ воззваніемъ, проникнутымъ моралью и обращеннымъ, видимо, къ поэтамъ—питомцамъ Пансіона въ присутствіи избранной публики:

Друзья небесныхъ музъ! Плѣнимся ль суетой?..
Пойдемъ великимъ по слѣдамъ!—
Стезя къ безсмертію судьбой открыта намъ!
Не остыдимъ себя хвалою
Высокихъ жребіемъ, презрительныхъ душою,—
Дерзнемъ достойныхъ увѣнчать!... ²⁾
О, слава, сердца восхищенье!...

¹⁾ Op. cit., 512.

²⁾ Отзвукъ рѣчи Андрея Тургенева, произнесенной въ Друж. Литер. Обществѣ 16-го февраля 1801 г.: „Поклянемся съ простымъ, но сильнымъ краснорѣчіемъ сердца

Заключеніе въ стилѣ и болѣе раннихъ пансіонскихъ одъ Жуковского. Стихотвореніе „Добродѣтель“ (Отъ свѣта свѣтовъ...) заканчивается воззваніемъ:

О, вы, подобье юныхъ криновъ!...
Стремитесь мудрыхъ по стезямъ!..

Окончаніе оды „Человѣкъ“:

О, вы, птенцы наукъ, путь жизни передъ вами!
Теките, ополчася премудрости мечемъ...
Васъ радость, слава, вѣчность ждутъ! ¹⁾

Послѣдній стихъ оды: „О, жребій сладостный въ любви потомства жить“—выражаетъ ту же мысль, какая была высказана Карамзинымъ въ заключительной строфѣ его стихотворенія „Дарованія“:

Пусть вѣтры прахъ пѣвцовъ развѣютъ!
Насъ вспомнать, вспомнать, пожалѣютъ...
Друзья! что лучше, что славнѣе,
Какъ вѣки жить въ своихъ стихахъ?
Но то еще для насъ мигъ,
Что можемъ вѣки жить... въ сердцахъ! ²⁾

При всемъ, однако, риторическомъ характерѣ оды „Къ поэзіи“, она заключаетъ въ себѣ до извѣстной степени, несомнѣнно, и выраженіе дѣйствительныхъ тогдашнихъ взглядовъ Жуковского на поэзію и ея задачи—служить возвышеннымъ цѣлямъ и интересамъ, возбуждать къ добру, прямодушно карать зло, быть чуждой лести. Въ усвоеніи нашимъ поэтомъ подобныхъ взглядовъ сказалось вліяніе Тургеневскаго кружка, Дружескаго Литературнаго Общества и въ частности ближайшаго друга Жуковского, Андрея Ивановича Турге-

во всѣхъ испытаніяхъ жизни, во всѣхъ случаяхъ, когда мы *хотя бы малю подлостію* могли снискать величайшія выгоды,—всегда оживляться духомъ нашего Собранія и предпочитать всему честь и душевное благородство“ (Рукопись Императ. Академіи Наукъ № 618, л. 41 обор.). „Ахъ, можетъ быть, — съ восторгомъ произношу слова сіи,—можетъ быть, возсіяетъ тутъ въ сердцахъ нашихъ лучъ того небснаго огня, который согрѣвалъ сердца Леонидовъ, Кодровъ, Брутовъ и Аристидовъ! Какое блаженство, друзья мои, оживлять въ груди своей, въ нашемъ тѣсномъ кругу, тѣнь оныхъ *великихъ* временъ прошедшихъ!... Проснитесь, дышите въ насъ величіе, бессмертные мужи! веселитесь тѣмъ, что чрезъ цѣлыя тысячи лѣтъ примѣръ вашъ служить свѣтильникомъ на пути нашей жизни!“ (та же рукопись, л. 42).

¹⁾ Рѣчь, разговоръ и стихи, чит. на Публич. актѣ въ Благородн. Панс. декабря 21-го дня 1801 года.

²⁾ С. А. Венеровъ, Русская поэзія, вып. VII, С.-Пб. 1901, Стихотворенія Карамзина, стр. 107.

нева. Выше я указалъ точки соприкосновенія съ одной изъ рѣчей послѣдняго въ Дружескомъ Литературномъ Обществѣ; для опредѣленія генезиса взглядовъ Жуковскаго на роль и задачи поэзіи имѣеть большое значеніе другая рѣчь Андрея Тургенева—„О поэзіи и о злоупотребленіи оной“: выще, въ главѣ XXXI, мы отмѣтили отзвукъ этой рѣчи въ стихотвореніи Жуковскаго „Къ моей лирѣ“; въ настоящее время необходимо констатировать подобное же совпаденіе идей, высказываемыхъ нашимъ поэтомъ въ стихотвореніи „Къ поэзіи“, съ идеями, выраженными Андреемъ Тургеньевымъ въ рѣчи „О поэзіи“.

Андрей Тургеньевъ считалъ предметами, достойными истиннаго поэта,—великія дѣянія, Бога, природу, добродѣтели, пороки, „однимъ словомъ, моральную натуру человѣка со всѣми безконечными ея отгѣнками“; онъ упрекалъ современныхъ ему поэтовъ, съ Державиннымъ и Херасковымъ во главѣ, за то, что они, говоря „о тиранахъ, показывали тѣ же восторги“, какіе выражали позднѣе по случаю дней Александровыхъ прекраснаго начала, — „молчите и не посрамляйте себя своими похвалами!“ Жуковский въ разсматриваемомъ стихотвореніи призываетъ „пѣвцовъ“ пробуждать героя къ славѣ, воспламенять юношей патріотизмомъ, „благодатными пѣснями“ утѣшать бѣдныхъ труженниковъ, вѣнчать хвалою достойныхъ,—напротивъ, обрушивать свой громъ „на сихъ жестокихъ и развратныхъ“:

Не остыдимъ себя хвалою
Высокихъ жребіемъ, презрительныхъ душою!

Отмѣченныя совпаденія не могутъ не свидѣтельствовать о томъ вліяніи, какое испыталъ Жуковский со стороны своего слишкомъ рано оплаканнаго друга.

XXXIV.

13-го января 1805 г. была свадьба племянницы Жуковскаго Авдотьи Петровны Юшковой (дочери Варвары Афанасьевны) и Вас. Ив. Кирѣевскаго; Жуковский на свадьбу пріѣхалъ изъ Москвы въ Мишенское ¹⁾. Возвратившійся въ это время изъ-за границы Александръ Ив. Тургеньевъ не засталъ друга въ Москвѣ и писалъ по этому поводу Андрею Серг. Кайсарову: „Жуковскаго здѣсь не засталъ: онъ уѣхалъ въ деревню; но тотчасъ опять для меня будетъ“ ²⁾. Въ на-

¹⁾ П. Б(артенева), Авдотья Петровна Елагина, Русс. Арх. 1877 г., № 8, стр. 488.

²⁾ Арх. бр. Турген., II, стр. 326.

чалъ марта нашъ поэтъ дѣйствительно явился снова въ Москву, чтобы немедленно ѣхать вмѣстѣ съ Ал. Ив. Тургеневымъ въ Петербургъ. Послѣдній писалъ Кайсарову отъ 7-го марта 1805 г.: „Я завтра ѣду въ Петербургъ... ѣду вмѣстѣ съ Жуковскимъ, который дня четыре какъ сюда пріѣхалъ“ ¹⁾. Тургеневъ ѣхалъ искать службы; цѣль Жуковского была иная: „Онъ прогуляться только ѣдетъ, а я, бѣдный—на досаду и на поклонъ“, писалъ Тургеневъ въ томъ же письмѣ Кайсарову ²⁾.

Жуковский, дѣйствительно, предпринималъ эту поѣздку безъ всякаго опредѣленнаго плана; еще въ августѣ 1804 года онъ мечталъ о ней, но ожидалъ только такихъ результатовъ: „Это путешествіе пріятно, потому что оно доставитъ мнѣ случай много видѣть такого, о чемъ не имѣю еще идей; можетъ быть, узнаю нѣсколько больше общество; не бездѣлица видѣть одинъ изъ лучшихъ театровъ, слышать прекрасныхъ пѣвицъ и пѣвцовъ, посѣщать кабинеты картинъ, статуй и прочее; однимъ словомъ, съѣздивъ въ Петербургъ, запасусь, можетъ быть, многими идеями для своего уединенія“... ³⁾.

Только такія послѣдствія, повидимому, и имѣла эта поѣздка, давшая даже, можетъ быть, менѣе, чѣмъ ожидалъ Жуковский. Пребываніе въ Петербургѣ не было продолжительнымъ; по крайней мѣрѣ Тургеневъ хотѣлъ возвратиться въ Москву къ Святой Недѣлѣ ⁴⁾. Въ планѣ своей автобіографіи нашъ поэтъ относительно этого эпизода своей жизни ограничивается лишь такой отмѣткой: „Поѣздка въ Петербургъ. Возвращеніе въ Москву и въ деревню“ ⁵⁾.

Событія выяснили Жуковскому недостаточность полученнаго имъ образованія. „Я не испорченъ, но я нимало не образованъ“, сознается онъ самъ въ дневникѣ ⁶⁾; и онъ принимаетъ мѣры заполнить пробѣлы. Онъ заводитъ дневникъ, чтобы „познать самого себя“ и затѣмъ исправить свои недостатки ⁷⁾: чувствуется вліяніе книги Іоанна Массона „Познаніе самого себя“ (Москва, 1782 г.), переведенной его духовнымъ руководителемъ, И. П. Тургеневымъ,—замѣчаетъ акад.

¹⁾ Тамъ же, стр. 334.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Дневники Жуковского съ примѣч. И. А. Бычкова, стр. 8 (подъ 5 августа 1804 г.).

⁴⁾ Архивъ бр. Тург., II, 335.

⁵⁾ Дневники Жуковского, стр. 40.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 28.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 13.

Веселовскій ¹⁾. Онъ составляетъ проектъ поѣздки за границу вмѣстѣ съ Мерзляковымъ: „Годъ пробыть въ Геттингенѣ, учиться; еще годъ въ Парижѣ, также учиться; потомъ годъ ѣздить по Европѣ... Путешествіе будетъ важнымъ дѣломъ, особливо если удастся поѣздить вмѣстѣ съ Мерзляковымъ“ ²⁾; потомъ этотъ планъ измѣнился: „Думаю, вмѣсто вояжа и переѣзда изъ мѣста въ мѣсто, остаться въ какомъ-нибудь университетѣ, и именно въ Ленѣ, гдѣ, говорятъ, очень дешево жить, и который малымъ чѣмъ уступить Геттингену... Лучше учиться... *Учене теперь мнѣ всего нужнее, потому что я совсѣмъ ничего не знаю*, а, кажется, время что-нибудь знать... Ожидаю величайшей пользы отъ путешествія: опытность, познанія, дѣятельность— все можемъ получить въ это время“. Деняги на поѣздку готовъ былъ дать (три тысячи рублей) А. А. Прокоповичъ-Антонскій ³⁾.

„Путешествіе должно положить основаніе всей моей будущей жизни“, — говоритъ Жуковскій въ только что процитированномъ письмѣ. Поясненіемъ этой фразы служатъ слѣдующія строки изъ его дневника (подъ 13 іюня 1805 г., § 3): „Путешествовать три года, съ половины 1806 до половины 1809 года. Возвратясь, начать издавать журналъ; продолжать это изданіе четыре года... Потомъ приняться за какую-нибудь важную работу, такую, которая бы принесла пользу и сдѣлала бы меня болѣе извѣстнымъ въ литературѣ“... ⁴⁾. На составленіе такого плана видимое вліяніе оказалъ примѣръ Карамзина: послѣдній тоже путешествовалъ по Европѣ, потомъ издавалъ журналъ, а затѣмъ засѣлъ за свой монументальный трудъ—Исторію государства Россійскаго.

Составляя планъ путешествія, Жуковскій не былъ, однако, увѣренъ въ томъ, что онъ осуществится. Поэтому, сознавъ недостаточность своихъ познаній, онъ принимаетъ возможныя мѣры для самообразованія, чтобы дома подготовиться и къ издательской дѣятельности и къ серьезнымъ занятіямъ литературой, которой онъ рѣшается „посвятить себя совершенно“ ⁵⁾.

Онъ составляетъ „Роспись во всякомъ родѣ лучшихъ книгъ и

¹⁾ *Веселовскій*, Жуковскій, стр. 101.

²⁾ Письма Жуковского къ Ал. Из. Тургеневу, стр. 4 (писано во второй половинѣ августа 1805 г.).

³⁾ Тамъ же, стр. 20 (письмо отъ 8-го января 1806 г.), а также Дневники Жуковского, стр. 10 (подъ 13 іюня 1805 г.).

⁴⁾ Дневн. Жуков., стр. 10—11.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 11, а также Письма къ А. И. Тургеневу, стр. 4.

сочинений, изъ которыхъ большей части должно сдѣлать экстракты“ (1805 года) ¹⁾. „Роспись“ эта дѣлится на двадцать три отдѣла, въ которыхъ отмѣчены такіа сочиненія:

I. Исторія. Discours ²⁾ de Bossuet; Les ruines de Volney; De la naissance et de la chute des anciennes républiques, par Cantwel . . . Voyage historique de la Grèce, par Pausanias; Voyage d'Anacharsis; Lettres Athèniennes; Hérodote, Thucydide; Xenophon: Retraite des Dix milles; Diodore de Sicile; Arrien; Tite Live; Velleius Paterculus; Polibe; Salluste; César; Tacite . . . L'esprit de la Ligue, par Anquetil; Louis XIV, sa cour et le Regent, par Anquetil; Siècle de Louis XIV et de Louis XV; Mémoires de Sully; Mémoires du card. de Retz; Mémoires de duc de Saint-Simon; Précis de la Révolution, par Rabaut et Lacretelle; Histoire de Charles V, Révolution de Portugal; Histoire de l'Angleterre, par Hume; Hist. des révolutions de Suède, par Vertot....

II. Natur. Исторія, III. Технолоія. Oeuvres de Buffon; Oeuvres d'hist. Natur. de Bonnet . . . Elements de Botanique; Système de Linné; Entretiens sur la pluralité des mondes; Lettres à une princesse d'Allemagne, par Euler . . . Dictionnaire de l'histoire naturelle, par Bomare . . . Etudes de la Nature, par St-Pierre . . . Технолоія Двигубскаго.

IV. Метафизика и V. Логика. Locke, Essai concerning human understanding; Leibnitz, Essais sur l'entendement humain; Logique de Condillac; Art de raisonner, art de penser, par Condillac; Traité des sensations; Essai analytique sur l'âme; Oeuvres philosophiques de Bonnet; Gott von Herder; Platners Neue Antropologie; Oeuvres d'Aristote . . . Oeuvres de Platon; Fénelon sur l'existence de Dieu; Discours préliminaire pour l'Encyclopédie; Morgenstunden von Mendelson; Phédon, par Mendelson;—Philosophische Schriften; Platners Aphorismen; De la recherche de la vérité, par Mallebranche; Oeuvres philosophiques de Vauvenargues; De la mort, par Scherlock; Oeuvres philosophiques de Bacon; Philosophie de Kant, par Charles Viller; Pensées de Pascal; Theodicée de Leibnitz; De l'immortalité de l'âme, par Scherlock.

VI. Мораль. La St.-Bible; Oeuvres morales de Plutarque; Collection des moralistes anciens; Oeuvres spirituelles de Fénelon; Religion raisonnable de Locke; Oeuvres philosophiques de Cicéron; Oeuvres de Senèque; Etique d'Aristote, par Garvé; Essais de Montaigne; Spectateur; Le

¹⁾ Бумаги Жуковскаго, хранящ. въ Импер. Публичн. Библ. пачка № 79, л. 1—4.

²⁾ Discours sur l'Histoire universelle, pour expliquer les changements des Empires et la suite de la Religion, Paris, 1780.

Rodeur; Guardian; Schaftesburis Characteristique; Hutschessons System of moral philosophy; Gellerts Moralische Vorlesungen; Garves Sämtliche Schriften; Engels Schriften; Abts vermischte Schriften; Sturz Schriften; Zimmermann über die Einsamkeit; Jerusalems Betrachtungen über die vornehmsten Wahrheiten der Religion; Iselius vermischte Schriften; Eberhards Apologie des Socrates, Theorie des Denkens und Empfindung, Sittenlehre der Vernunft; Cathéchisme universel; Lichtenbergs Schriften; Jacobi Schriften; Sermons de Massillon, de Bourdaloue etc.; Manuel d'Epictète; Caractères de la Bruyère; Le petit La Bruyère; Maximes de Laroche foucauld; Principes philosophiques; Kleine Schriften von Schiller; Pensées de Marc-Aurèle; Entretien de Phocion; Cours de morale religieuse par Wecker; La religion considérée comme la base du bonheur; Considérations sur les moeurs de ce siècle; Basedow practische Philosophie; Fergussons Institutes of moral philosophy; Hutschesson an inquiry into the original of ideas of Beauty and Virtue; De la sagesse par Charron; Ueber den Umgang mit Menschen, von Knigge; Oeuvres de Lucien; L'imitation de J. Christ; Oeuvres choisies de Bossuet; Le Christianisme de Bacon ou pensées de Bacon sur la religion; Abbadie sur la religion chrétienne; Le petit carême de Massillon; Hirschfeld von der Gastfreundschaft, Das Landleben; Moritz Beyträge zur Philosophie des Lebens; L'Esprit des anciens philosophes; Instructions d'un père à ses enfans, par Frerapley; Pensées et maximes de L. Maleschautes; Recherches philosophiques sur les preuves du Christianisme par Bonnet.

VII. Эстетика; VIII. Грамматика; IX. Риторика; X. Пистика; XI. Критика. Lycée de La Harpe; Mélanges de critique, par La Harpe; Des Tropes, par Dumarsais; Grammaire de Condillac; Principes de Litterature, par Batteux; De la manière d'enseigner les belles-lettres, par Rollin; Synonymes Français, par Giraid et Routeaud; Dictionnaire de l'Academie française; Discours préliminaire de Rivarol; Dictionnaire d'Adelung; Dictionnaire de Jonson; Quintilien; Poétique de Marmontel; Elements de grammaire générale par Sizard; Les quatre poetiques de Batteux; Lessings Laocoon; Gerards Essay on Taste, Essay on Genius; Burkes Enquiry into the origin of sublime; Kants Beobachtungen über das Gefühl des Schoenen und Erhabenen; Sulzers Theorie der schönen Künste; Leçons de Rhetorique de (непразобр.); Eberhard Theorie der schönen Wissenschaften; Aikin Essay on song-writing; Campbell Philosophy of Rhetorik; Hume Essay on criticism; Dialogues sur l'éloquence; Adelung Ueber den Styl; Engels Mimic; Lessings Hambur-

gische Dramaturgie; Hermes Philosophical inquiry concerning universal grammar; Longin Sur le sublime; Theorie der schönen Künste von Eschenburg; Geist der Hebrayschen Poesie von Herder; Meisters Charakteristik deutscher Dichter; Hurds Letters on Chivalry and Romance; Cours complet de Rhétorique; Dictionnaire du vieux langage français, par Lacombe; Heinsius, Deutsche Grammatik; Methode jungen Leuten an der Fertigkeit ihre Gedanken schriftlich auszudrücken, von Wilbaume.

XII. Восnumanie. Adèle et Théodore; Education pratique; Allgemeine Revision; Lettre sur l'éducation; Sur l'éducation des filles; Méthode de Pestalotzy; Emile; Belinde, conte moral; Ami des parents, par m-le Edgeworthe; Leçons d'une gouvernante; Méthode d'enseignement; oeuvres de m-se Lambert; Der Kinderfreund; Kleine Seelenlehre für Kinder; Magazin des Enfants etc.; Choix de nouveaux contes moraux, par m-le Edgewort; Oeuvres de m-me Genlis; Oeuvres de m-r le prince de Beaumont; Niemeyers Erziehungsschriften; Ewald, Die Kunst ein gutes Mädchen etc. zu werden; Ewald, Der gute Jüngling, Gatte und Vater; De l'éducation et du bonheur des femmes, par Felicité; Le guide des mères, par Hughsmith; Gymnastique de la jeunesse; Briefe aus München-Buchsee über Pestalotzy und seine Elementar-Methode der Erziehung, von Zürl, mit 4 Kupfern; Practisches Lehrbuch zur Bildung eines richtigen mündlichen und schriftlichen Ausdruck der Gedanken, von Vollbeding; Niemeyers Handbuch der practischen Erziehung; Kinderfreund von Weisse; Campe Schriften.

XIII. Политика, юриспруденция, права народныя и проч. Esprit des lois; Des délits et des peines; Bielfeld, Institutions politiques; Swarts Inquiry into the principle of political Oeconomie; Constitution d'Angleterre, par Delolme; Oeuvres diverses de Mably; La science de legislation, par Filangery; De l'administration des finances, par Necker; Institution du droit de la nature et des gens, par Gérard du Kaynaval; Essais du comte de Rumford; Wittich, Entwurf eines einfachen Sitem des heutigen Civilrechts; Bentham Sur la législation; Traité de l'économie politique, par Conard;—par Says; Sur la richesse des Nations, par Smith.

XIV. Физика; XV. Медицина. Traité élémentaire de Phisique, par Brisson; Sur la santé des geñs de lettres, par Tissot; Art de prolonger la vie, de Houfeland; Sur le rapport du phisique et du moral dans l'homme; Avis au peuple; Geschlechtstriebe eine unschädliche Richtung zu geben; Der philosophische Ort von (непазобр.); Essais sur la méga-

lantropogenesie; Poppes Allgemeines Rettungsbuch; Hufelands Macrobiotik; Roussel, Sur le phisque de la femme; Loders Anthropologie.

XVI. Географія; XVII. Путешествія. Remers Lehrbuch der Staatenkunde; Geographie, von Gasparie; Géographie ancienne, par d'Auvillie; Gatterer, Ideal einer allgemeinen Weltstatistik; Mannerts Geographie der Griechen und der Römer; Abregé des voyages, par La Harpe; Lettre de milady Montagy; Moritz Reisen; Archenholtz, England und Italie; Lettres sur l'Italie; Lettres sur la Suisse, par Coxe; Lettres sur l'Egypte et Cayres, par Savoie; Voyage au Nord, par Coxe; Voyage de Pallas; Voyage de Chardin en Perse; Voyage en Syrie et en Perse, par Wolney . . . Voyage en Italie, par Lalande Geographische Geschichte der Menschen, von Zimmermann Voyage d'Olearius Krusenstern.

XVIII. Поэзія. Idylles de Theocrite, par Chabanon; Oeuvres d'Homère, par Pope; Pindare, tr. de Chabanon; Odes d'Anacreon par Gail; Lucrèce, tr. de Lagrange; Virgile, trad. de Voss avec l'original; Georgiques de Virgile, Eneide, Pastorals—par Delille et Dryden; Métamorphoses d'Ovide; Oeuvres d'Horace; Epîtres et satires d'Horace, par Wieland; Lucain, par Marmontel; Tibulle, par Mirabeau; Juvenal, par Dusaulx; Homère par Voss et Stolberg; Oeuvres de Boileau; Sophocles de Rochefort; Euripide; Eschile; Boufflers; Chaulieux; Gresset; Parny; J. B. Rousseau; Oeuvres de Delille; Oeuvres de St-Lambert; Oeuvres complètes de La Harpe; Élites de poésies fugitives; Comédies de Térence, par Dacier; Théâtre grec, par Brumoy, Rochefort, Dutheil; Répertoire du théâtre français; Théâtre de La Chaussée; Théâtre de Lesage; Oeuvres de Racine, de Molière, de Regnard, de Crébillon, de Corneille; Commentaires sur Corneille; Nouveau théâtre; Théâtre de Quinault; Oeuvres de La Fontaine; Fables de Florian; Gellerts Schriften; Gleims Schriften; Hagedorns Schriften; Gessners Schriften; Voss Schriften; Popes works; Young Night Thoughts; Swifts works; Rabeners Schriften; Hallers Gedichte; Buckinghams works; Bloomfields Farmers boy; Seasons of Thomson; Miltons Paradise Lost; Kleists Schriften; Stolbergs Schriften; Klopstocks Oden, Messias; Grays Poetry; Hoeltys Schriften; Schillers Theater, Gedichte; Rammlers Gedichte; Uz Gedichte; Jacobis Gedichte; Bürgers Gedichte; Tasso; Camoens, tr. d'Hermilly; Tümmels Wilhelmine; Goethes Schriften.

XIX. Романы; XX. Се(ободныя) художества. Decameron de Boccace; Le Doyen de Killemie; Marianne; Gilblas de Santillac; Lettres de milord Rivers; Lettres de milady Catesby; La nouvelle Héloïse; Belisaire;

Numa Pompilius; Thelemaque; Romans de Voltaire; Estelle; Contes moraux de Marmontel; History of Clarissa; Tom Jones; History of Joseph Andrew; Wicar of Wakefield; Sentimental Journey; Tristram Shandy; Cecilia; Camilla; Les mères rivales; La princesse de Cleves; Humphry Clinker; Hamilton, oeuvres; Woldemar von Jacoby; Wielands Sämmtliche Schriften; Leben und Meinungen Sebalder Nothauker; Stillings Jünglingsjahre und Wanderschaft; Anton Reiser; Musaeus Volksmärchen; Alzibiades; Don Quichotte; Amadis de-Gaule; Romans de Duclos.—Histoire de l'art par Winkelmann; Oeuvres de Mengs; Théorie de jardins, par Morel; Essai sur les jardins, par Watelet; Dictionnaire des arts, par Watelet; Le grand livre des peintres, par Lucrepe; Hirschfeld Sur les jardins anglais Annales du Musée français Traité de peinture par Leonard de Vinci Lettres d'une péruvienne; Romans de m-me Genlis; Anna ou l'héritière; Rose ou la fille mendicante; Charles et Marie; Adèle de Senanges; L'âne d'or, par Apulée; Siegvart von Maler; Physiognomische Reisen von Musäus; Freundheins Erscheinungen; Siegfried von Lindenbergl; Comte de Valmont; Oeuvres de Gilpin.

XXI. Экономія; XXII. Землепашество. Le Socrate rustique; Richesse des nations, par Smith; Hülf- und Nothbüchlein; Le cultivateur anglais ou oeuvres choisies d'Arthur Young.

Смльсь. Lettres de Pline le Jeune; Les Provinciales, par Blaise Pascal; Génie du Christianisme; Zoroastre, Confutius et Mahomet, par Partoret; Moÿse considéré comme législateur, par Partoret; Lettres sur l'origine des sciences, par Bailly; Dictionnaire de la Fable, par Chouepié; Esprit de Leibnitz; Mélanges de littérature, par d'Alembert; Essais historiques sur Paris, par St-Foix; Correspondance de La Harpe; Lettres de m-me Sevigné; Lessings Gelehrte Briefwechsel; Lettres de quelques juifs à Voltaire; Lettres choisies de Bayle; Oeuvres de Fontenelle; Oeuvres de Thomas; Oeuvres diverses de Voltaire, de J. J. Rousseau, de Montesquieu; Oeuvres en vers et en prose d'Addisson; Eloge de Henri IV, par Gaillard; Oeuvres de Chamfort; Universalité de la langue française, par Redowl; Lettres familières, par Cicéron; Lettres de Cicéron à Atticus; Lettres de Clément XIV Ganganelli; Lettres de m-me de Maintenon; De l'Allégorie; Abbt's freundschaftliche Correspondenz; Briefe von Jacoby; Lettres de Gessner; Oeuvres d'Algarotti; Lessings Sämmtliche Schriften; Harangues de Demosthènes, Harangues de Cicéron; Pannégyrique de Trajan; Mémoires de Franelin; Voyage d'Antenor; Encyclopédie; Baggesem Kleine humoristische Reisen; Oeuvres posthumes de Thomas; L'Etat des prisons, par Howard; Correspondance de Rousseau

avec m-me Latour de Franconville; Junius letters; Memoirs of the life of Edward Gibbon; Bagatellen von Anton Wall; Mémoires de Clairon; Véritable manière d'instruire les sourds et les muets par Suard; Letters of Gray; Patriotische Phantasien von Moeser; Dictionnaire portatif de la Bible; Discours de Gordon sur Tacite; Discours et oeuvres mêlées de D'Aguesseau; Eloge de la Folie; Lettres du comte de Chesterfield; Manuel de la bonne compagnie; Mémoires secrets pour servir à l'histoire des lettres en France, par Bachaumont; Mémoires du Baron Tott; Mémoires de la cour de France, par Soulavie; Histoire et description des établissements de sûreté à Hambourg, par Gunther; Herders Sämmtliche Schriften.

Повидимому, въ рукахъ Жуковскаго оказался обстоятельный каталогъ какого-нибудь хорошаго тогдашняго книжнаго магазина ¹⁾; отсюда и намѣтилъ нашъ поэтъ сочиненія, которыя его интересовали.

Списокъ этотъ во всякомъ случаѣ характеризуетъ широту умственныхъ и образовательныхъ стремленій Жуковскаго. Если далеко не всё изъ намѣченныхъ имъ книгъ, то по крайней мѣрѣ многія, несомнѣнно, были имъ въ послѣдствіи прочитаны, и оказали на него извѣстное вліяніе. Свѣдѣнія о началѣ этихъ чтеній мы находимъ въ его дневникахъ (изд. И. А. Бычкова, стр. 5, 22). Въ той же пачкѣ хранящихся въ Императорской Публичной библиотекѣ бумагъ Жуковскаго, № 79, изъ которой извлечены нами только что приведенные списки книгъ, сохранилось нѣсколько листовъ, свидѣтельствующихъ, что онъ читалъ съ перомъ въ рукахъ: на листѣ 15-мъ онъ даетъ обзоръ содержанія одъ Горация и дѣлитъ ихъ на рубрики: а) оды торжественныя, б) философическія, с) пѣсни; на л. 11 стоятъ заглавіе: „Записки во время чтенія стихотворцевъ“, и дается краткій анализъ одъ Ж.-Б. Руссо; вставлено замѣчаніе: „Въ Расиновыхъ же одахъ больше живости, разнообразія тоновъ; въ одахъ Ж.-Б. Руссо больше важной величественной гармоніи: это отъ того, что хоры Расина требовали отрывистаго слога; выраженіе Расиново сильнѣе“;

¹⁾ Подобный каталогъ напечаталъ, напр., въ Петербургѣ въ 1788 году J. J. Weitbrecht, libraire de la cour impériale, подъ названіемъ „Livres françois“; книжка представляетъ солидный томъ болѣе чѣмъ въ 300 страницъ; отдѣлы каталога: Littérature, Logique, Rhétorique, Théâtre, Histoire, Géographie, Voyages, Arts, Grammaires, Education, Histoire naturelle, Jurisprudence, Agriculture, и др.; кромѣ французскихъ указаны книги также итальянскія, англійскія, нѣмецкія, переводы классиковъ.

затѣмъ дается анализъ содержанія Делилева Дионрамба о безсмертіи души и наконецъ (л. 11 обор.) дѣлается коротенькое замѣчаніе объ одахъ Рамлера: „Совершенное подражаніе Горацию! Не слишкомъ ли рабское? То, что прилично Горацию, прилично ли нашему времени? Духъ поэта и духъ его времени!“¹⁾

Листъ 16-й той же связки № 79 свидѣтельствуетъ объ изученіи Жуковскимъ „Лицея“ Лагарпа. Поставленъ заголовокъ: № 1. *Частныя записки*; затѣмъ идетъ рядъ вопросовъ съ указаніями томовъ и страницъ „Лицея“, гдѣ можно найти отвѣты:

Что такое посредственность—Лицей I томъ, 222.

О прозаическихъ стихахъ—Лицей II томъ, 80 стр.

О антитезѣ—Лицей II, 124—132.

Что такое ложный блескъ въ слогѣ—II, 136 Лицея.

О фигуральномъ слогѣ—149, II Лицея, 156, 161.

Какъ судить о искусствѣ поэта въ слогѣ—143, II Лицея, 156, 157.

О эпитетахъ—II Лицея, 165.

О критикѣ—II, 173 Лицея.

Что такое авторитетъ—217, II т. Лицея.

О соперничествѣ поэтовъ—Lycée, tome II, page 43.

Стихи необходимы для трагедіи—Lycée T. II, page 66.

О подражаніи и заимствованіи изъ др. писателей—289 Lycée VI.

О стихахъ трагедіи—289 Lycée VI.

О согласіи слога съ мыслями—Лицей, VII, 332.

О первыхъ минутахъ поэтическаго жара—Лицей, XII, 220.

О употребленіи фигуръ—Лицей XII, 236.

Объ украшеніи мыслей—Лицей, XII, 239.

О воображеніи—Лицей, XIII, 80.

На слѣдующемъ (17-мъ) листѣ стоитъ заглавіе: № 2. *На что дѣлать примѣчанія въ Эшенбурговой теоріи*; слѣдуютъ вопросы и замѣтки:

§ 8. Что такое подражаніе природѣ? Могутъ ли всѣ изящныя искусства имѣть общую цѣлью подражаніе природѣ?

¹⁾ Такимъ образомъ, мы видимъ, что Жуковский, ведя свое чтеніе, на дѣлѣ выполнялъ ту систему, которая формулирована имъ въ извѣстномъ отрывкѣ, напечатанномъ Шевыревымъ (Рѣчь о значеніи Жуковскаго, М. 1853, стр. 68—69): „Читать стихотворцевъ не каждого особенно, но всѣхъ одинаковаго рода вмѣстѣ; частный характеръ каждого сдѣлается ощутительнѣе отъ сравненія. Напр., Шиллера, какъ стихотворца въ родѣ балладъ, читать вмѣстѣ съ Бюргеромъ... Оды Рамлеровы, Горациевы съ Державина, Ж. Батиста и прочихъ“...

§ 14. Что такое сплеленіе идей?

§ 15. О воображеніи: что оно такое? чѣмъ питается? что его усиливаетъ?

§ 22. Каковъ долженъ быть поэтъ и вообще писатель? Изображеніе писателя въ разныхъ обстоятельствахъ его жизни.

NB. О изображеніи природы: связь физическаго съ моральнымъ.

NB. Въ примѣчаніи къ Бригадиру сказать о путешествіяхъ (?).

NB. Сравнить Гомера, Виргилія, Мильтона, Тасса, Клопштока.

NB. Сравнить Корнеля, Расина, Вольтера.

NB. Сравнить 1. трагедію съ эпическою поэмою, 2. прозу съ стихами: взять нѣсколько примѣровъ прозаическихъ и стихотворныхъ въ одномъ родѣ.

И друг.

Обнаруживающійся изъ этихъ отрывковъ способъ чтенія свидѣтельствуеть о серьезной вдумчивости Жуковскаго, объ интенсивной умственной работѣ.

Составивъ приведенный обширный списокъ сочиненій, „изъ которыхъ большей части должно сдѣлать экстракты“, нашъ поэтъ соображаетъ, сколько ему нужно теперь завести „книгъ“ (т. е. тетрадей): для замѣчаній во время чтенія, для выписокъ изъ читаемыхъ авторовъ, и т. д.; эти свои соображенія и выкладки онъ также записываетъ для памяти, — и между его старыми бумагами, въ той же связкѣ № 79 (листъ 5, обор.), сохранился любопытный листокъ съ такими строками:

„Il faut avoir un livre pour inserire tous les phrases morales en prose ou en vers, qui puissent servir de principes de morale.

Завести книги:

1. Для собственныхъ замѣчаній во время чтенія, для записки всего, что встрѣчается достойнаго примѣчанія; для разныхъ мыслей.
2. Для выписыванія разныхъ пассажей изъ читаемыхъ авторовъ.
3. Для журнала чтенія или экстрактовъ.
4. Для отдѣльныхъ моральныхъ изреченій. Экстракты дѣлать изъ слѣдующихъ книгъ:

Изъ историческихъ,

Философскихъ (метафизическихъ, моральныхъ и политическихъ),

Изъ книгъ натуральной исторіи,

Литературныхъ,

Россійской исторіи.

Всего на все книгъ имѣть 11“.

Здѣсь же нашъ поэтъ сообщаетъ и тотъ способъ, какой онъ

думаетъ примѣнить для пріобрѣтенія эрудиціи; это—довольно примитивный методъ чтенія оцупью, самоучкой, безъ всякаго руководства, котораго и не могъ имѣть тогда Жуковский.

На томъ же листкѣ читаемъ:

„Во всякой наукѣ взять за образецъ одного автора, котораго дополнять или опровергать другими.

Такъ же имѣть при себѣ книгу во время чтенія, въ которую краткѣ вписывать всѣ предложенія, которыя авторъ предлагаетъ читателю, для удержанія въ памяти связи.

Выписки дѣлать изъ слѣдующихъ авторовъ:

- Для исторіи—Кондильяка ¹⁾,
- Для метафизики—Кондильяка, Фенелона,
- Для морали—С.-Ламберта ²⁾,
- Для политики—Монтескьё,
- Натуральной исторіи—Бюффона,
- Литературы—Мармонтеля ³⁾,
- Для Русской исторіи—Левека.

Еще завести книгу въ которую бы по азбучному порядку вписывать замѣчательныя матеріи одинаковаго содержанія, трактованныя разными авторами“.

Въ этомъ перечнѣ обращаетъ на себя вниманіе исключительное преобладаніе тогдашнихъ французскихъ авторитетовъ.

Французскія книги преобладаютъ и во всей приведенной выше „Росписи лучшихъ книгъ и сочиненій“; англійскія и нѣмецкія изданія встрѣчаемъ лишь сравнительно рѣдко. При этомъ, Жуковский всецѣло охваченъ старымъ, до-романтическимъ литературнымъ теченіемъ; изъ новыхъ писателей онъ называетъ лишь очень немногихъ, напр. Шатобриана, Шиллера, Гете и нѣк. др.

Нашъ поэтъ былъ искренно одушевленъ идеей, которую формулировалъ въ письмѣ къ другу такимъ образомъ: „Мнѣ хочется непремѣнно сдѣлать изъ себя все то, что теперь осталось мнѣ возможнымъ, все лучшее, полезное; кто это имѣетъ цѣлью, тотъ по крайней мѣрѣ не сдѣлаетъ ничего дурного“ ⁴⁾.

¹⁾ Имѣется въ виду, повидимому, l'Histoire générale des hommes et des Empires изъ его „Cours d'étude pour l'instruction du prince de Parme“, 1782.

²⁾ Principes des mœurs chez toutes les nations ou Catéchisme universel. I—V, 1798—1801.

³⁾ Pédagogie française, 1763; Eléments de littérature, 1787.

⁴⁾ Письма Жуковского къ А. И. Тургеневу, стр. 20 (отъ 8 янв. 1806 г.).

Къ этой же порѣ составленія плановъ на будущее и программъ, съ цѣлью приступить и къ ихъ реализаціи, относится, повидимому, и тотъ перечень задуманныхъ переводовъ и подражаній, какой былъ набросанъ Жуковскимъ его почеркомъ первыхъ 1800-хъ годовъ, на бумагѣ 1804 года, и сохранился среди его бумагъ въ Императорской Публичной Библиотекѣ (№ 79, л. 8). Многое изъ намѣченнаго въ этомъ перечнѣ и было осуществлено впоследствии, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго.

Привожу этотъ любопытный перечень:

Эпическая поэзія.

Отрывки изъ Мессіады и Мильтона.
Оберонъ.
Освобожденный Іерусалимъ.
Отрывки изъ Гомера, Виргилія и Лукана.
Отрывки изъ Овидія.

Драматическая поэзія.

Филоктеть.
Донъ Карлосъ.
Отрывки изъ грековъ, англичанъ, французовъ и нѣмцевъ.

Элегія.

Первая Тибуллова элегія.
Элегія изъ Парни.

Посланія.

Нѣкоторыя Вольтеровы.
Посланіе къ Тассу.
La Chartreuse.
Героида Элоизы.
Мармонтелево посланіе О надеждѣ пережить себя.
Буало посланіе къ Ламуаньону.

Животисная поэзія.

Весна.
Опустѣвшая деревня.
Отрывки изъ Делиля, Томпсона и Сень-Ламберта.

Сатира.

Делилева сатира на роскошь.

Нѣкоторыя изъ Буало

” ” Горація.

” ” Попа.

” ” Рабенера.

Дидактическая поэма.

Опытъ о безсмертіи.

О искусствѣ поэта.

Эклога.

Изъ Гесснера.

Мелкія стихотворенія.

Изъ Elite des poésies fugitives.

” Ла Гарпа.

Изъ Парни.

” С.-Ламберта.

” Вольтера.

” Глейма.

” Якоби.

” Буфлера.

” Шолье.

” Гагедорна.

” Пфеффеля.

” Лессинга.

” Папара.

Ода.

Горацій.

Анакреонъ.

Грей.

Клопштобъ.

Рамлеръ.

Уцъ.

Клейсъ.

Шидлеръ.

Глеймъ.

Вейсе.
Крамеръ.
Галлеръ.

Басни и сказки.

Изъ Лафонтеня.
„ Флоріана.
„ Ламота.
„ Сенесе.
„ Геллерта.
„ Гагедорна.
„ Лихтвера.
„ Лессинга.
„ Виланда.
„ Вольтера.
„ Аріоста.

Къ этой же группѣ проектовъ необходимо отнести также и сохранившійся въ пачкѣ бумагъ Жуковского № 12, л. 51 обор., не менѣе любопытный списокъ его литературныхъ замысловъ, подъ заглавіемъ: „Что сочинить и перевести“. Списокъ этотъ таковъ:

Сочинить.

Сельской человѣкъ.
О садоводствѣ.
Моральные предметы, изъ энциклопедіи переработать.
Марьяна рожа.
Романсы въ старинномъ вкусѣ.
Поэзія, ода.
Письма къ Фанни.
О счастья земледѣльца.
Идилліи.
О скукѣ и веселости.
Жизнь, судьба и время.
Посланіе къ Д.
Посланіе къ К. В.
Весна.

Элегіи: { Отсутствіе.
Первое впечатлѣніе.
Присутствіе.

Элегіи: { Знатность.
Уединеніе.
Скука.
Мечты.
Музыка.
Ручей.
Быстрота времени

Пѣсни.

Сказки.

Оперу.

Спасскія ворота.

О богослуженіи.

Письма Камиллы по смерти Агатона.

Островъ.

Боянъ.

Американская повѣсть.

Сельскій законодатель.

О садоводствѣ.

О уединеніи и общественной жизни писателя.

Сказку народную.

Оссіанъ на гробъ Мальвины.

Давидовъ гимнь.

Исповѣдь щастливаго человѣка.

Письма по мѣологіи.

Посланіе къ Дмитріеву о мосмъ уединеніи.

Записки, воспоминанія.

Мужъ, влюбленный въ жену.

Біографіи: { Гесснера.
Ж. Ж. Руссо.
Лафонтеня.
Фенелона.
Стерна.
Франклина.

О славѣ.

О вкусѣ и гени.

Отрочевъ монастырь.

Марія Стюартъ.

Донъ Карлосъ.

Le franc Braton.

О трагическихъ страстяхъ.
Боги древности.

Перевестъ.

Елоиза къ Абеляру.
Опустѣвшая деревня.
Томпсона или Клейста или Блоомфильда.
Мѣста лучшія изъ Делиля.
Четвертую пѣснь l'Homme des champs.
Монахъ и монахиня.
Нѣкоторыя Гораціевы оды.
Пустынникъ Парнелевъ.
Пустынникъ Гольдсмитовъ.
Элегію 1 Тибуллову.
Нѣсколько пьесъ изъ Парни.
Изъ Маттисона.
„ Рамлера.
„ англійскихъ поэтовъ.
Изъ Грессета.
„ Шолье.
„ Буфлера.
Балладу Робинъ Грей.
Изъ Флоріана.
Вильямъ и (Мар.) Нина.
Эдвинъ и Эмма.
Изъ Леонара.
Монастырь, подражаніе Фонтану.
Изъ Мармонтеля Sur l'espoir de se survivre.
Изъ Гесснера.
„ Юнга.
„ Гервея.
„ Мильтона.
„ Клопштока.
„ Клейста.
Le Jour des Morts.
Изъ Теокрита.
Баязетъ и Пастухъ.
Изъ Ла Гарпа.
„ Лукана.

О греческихъ трагикахъ.

Изъ Буало.

Le temps, ode.

Balsora.

Къ какому времени относятся эти списки? Если опереться на то, что такія произведенія, написанныя впоследствии Жуковскимъ, какъ ода Поэзія, элегія Ручей (такъ первоначально названа была элегія Вечеръ — см. Бум. Жук., связка № 12, л. 26), Элоиза къ Абельяру, Опустѣвшая деревня и др., въ спискахъ „что сочинить и перевести“ значатся, видимо, еще только въ проектѣ, то составленіе списковъ приходится отнести къ раннему времени—къ самымъ первымъ годамъ XIX в.; на это же время указываетъ и почеркъ, какимъ написаны эти списки.

Требованія, какія Жуковский ставитъ практической жизни, весьма умѣренные,—по крайней мѣрѣ, судя по даваемой имъ формулировкѣ: онъ усиленно заботится объ уплатѣ своихъ долговъ, онъ хочетъ составить себѣ небольшой капиталъ, чтобы обезпечить себѣ вѣрный доходъ и безбѣдное существованіе. „Хочу спокойной, невинной жизни,—пишетъ онъ въ дневникѣ (лѣто 1805 г., § 3). Желаю не нуждаться. Желаю, чтобы я и матушка были не несчастны, имѣли все нужное. Хочу имѣть нѣкоторыя удовольствія, возможныя всякому человѣку, бѣдному и богатому, удовольствія отъ занятій, отъ умѣренной, но постоянной дѣятельности, наконецъ, отъ спокойной, порядочной семейственной жизни... Проведя три года въ путешествіи, возвращусь домой, начну трудиться, трудомъ получать свое пропитаніе и вмѣстѣ удовольствіе; чтеніе, садоводство и—если бы далъ Богъ—общество вѣрнаго друга или вѣрной жены будутъ моимъ отдохновеніемъ... Избави меня, Боже, отъ большихъ несчастій, и я не буду искать большого счастья! Спокойная невинная жизнь, занятія для меня и для другихъ полезныя или пріятныя, дружба, искренняя привязанность къ моимъ ближнимъ друзьямъ и, наконецъ, если бы было можно, удовольствіе нѣкоторыхъ умѣренныхъ благодѣяній—вотъ всѣ мои требованія отъ Провидѣнія!“¹⁾

Таковы были воплотѣ реальныя замыслы и виды Жуковского лѣтомъ 1805 г.

Но въ это время произошло событіе, послѣдствія котораго сыграли громадную роль въ жизни нашего поэта: въ Бѣлевѣ пере-

¹⁾ Дневники Жуковского, стр. 11—12.

уехала и поселилась здѣсь овдовѣвшая Екатерина Афанасьевна Протасова съ двумя дочерьми, Маріей и Александрой Андреевнами, 12 и 10 лѣтъ. Знакомство съ юными племянницами, особенно старшею, произвело на Жуковского сильнѣйшее впечатлѣніе: въ его программѣ автобіографіи появленіе на его небосклонѣ этого свѣточа его жизни отмѣчено многозначительнымъ: „Маша“ ¹⁾; и едва ли не это именно впечатлѣніе и выразилось въ томъ лирическомъ изліяніи, пока еще въ прозѣ, какое оказалось на страницахъ дневника Жуковского подъ 1 іюля 1805 г. (§ 5) ²⁾:

„Я нынче въ какомъ-то пріятно-уныломъ расположеніи. Не думая ни о чемъ, задумчивъ. Мнѣ пріятно было смотрѣть на отдаленія, покрытыя вечернею тѣнью. Эта неясность и отдаленность всегда имѣетъ трогательное вліяніе на сердце: видишь, кажется, будущую судьбу свою неизвѣстную, но не совсѣмъ незнакомую. Какое-то тайное предчувствіе говоритъ о ней и обнаруживаетъ ее неясвенно за прозрачнымъ занавѣсомъ... Сердце полно—чѣмъ? не знаешь!.. Глядишь съ чувствомъ на небо; хотѣлъ бы всякую минуту броситься на колѣна! Любишь Бога, то есть сильно Его чувствуешь. Въ минуту счастья и внутренняго наслажденія, которое одно можетъ назваться счастіемъ, находишь себя гораздо бодрѣе, готовѣе на все прекрасное и необыкновенное. Вспоминаешь о прошедшемъ съ нѣкоторою сладкою меланхоліею. Жизнь представляется въ самомъ привлекательномъ видѣ, потому что сильно ее чувствуешь; всѣ почти предметы пріятны, потому что наша чувствительность, въ ту минуту слишкомъ наполняющая сердце, на нихъ изливается и украшаетъ ихъ въ глазахъ нашихъ“...

Высказывающее себя въ этихъ строкахъ настроеніе влюбленнаго было очень скоро признано Жуковскимъ какъ таковое; уже 9-го іюля онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Что со мною происходитъ? Грусть, волненіе въ душѣ, какое-то неизвѣстное чувство, какое-то неясное желаніе! *Можно ли быть влюбленнымъ въ ребенка? Но въ душѣ моей сдѣлалась перемѣна въ разсужденіи ея!* Третій день грустенъ, унылъ. Отчего? Оттого, что она уехала!“ ³⁾.

И томящійся одиночествомъ, мечтающій о собственной семьѣ, какъ объ идеалѣ счастья, жизнерадостный и жизнеспособный человекъ, поэтъ нашъ быстро строитъ на возникшемъ чувствѣ вполнѣ опредѣленные

¹⁾ Тамъ же, стр. 40.

²⁾ Тамъ же, стр. 12.

³⁾ Тамъ же, 13.

планы. 4-го іюля, въ § 7 Дневника, онъ писалъ: „Что такое чувствительный человѣкъ?—Такой человѣкъ, который въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и случаяхъ очень быстро все объѣмлетъ, въ которомъ натуральное чувство служить вмѣсто размышленія, который видитъ результатъ вещи, не сдѣлавъ по формѣ разсужденія“... Именно такимъ чувствительно-прозорливымъ человѣкомъ, со способностью заглядывать въ будущее и предвидѣть далекія возможности, и оказался Жуковский, когда записалъ въ дневникъ подь 9 іюля: „Ребенокъ! Но я себѣ ее представляю въ будущемъ, въ то время, когда возвращусь изъ путешествія, въ бѣльшемъ совершенствѣ! Вижу ее не такою, какова она теперь, но такою, какова она будетъ тогда, и съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ это себѣ представляю. *Это чувство родилось вдругъ, отъ чего — не знаю; но желаю, чтобы оно сохранилось. Я имъ наполненъ, оно заставляетъ меня мечтать, воображать будущее съ нѣкоторымъ волненіемъ; если оно усилится, то сдѣлаетъ меня лучшимъ, надежда или желаніе получить это счастье заставитъ меня думать о усовершенствованіи своего характера... Я былъ бы съ нею счастливъ конечно!* Она умна, чувствительна, она узнала бы цѣну семейственного счастья и не захотѣла бы свѣтской разсѣянности. *Но можетъ ли это быть?.. Неужли для пустыхъ причинъ и противорѣчій гордости* ¹⁾ К(атерина) А(ванасьева) пожертвуетъ моимъ и даже ея счастьемъ, потому что она конечно была бы со мною счастлива“ ²⁾...

Личность Маріи Андреевны изображена въ талантливомъ этюдѣ П. Н. Сакулина ³⁾: это живое воплощеніе того идеальнаго типа русскихъ дѣвушекъ, поэтическимъ воссозданіемъ котораго была пушкинская Татьяна,—и увлеченіе Жуковскаго исполнѣ понятно. Вполнѣ понятно и отвѣтное чувство Маріи Андреевны къ нашему поэту съ его идеальными порывами и мечтами и сентиментально-меланхоличе-

¹⁾ Дворянской гордости, которая, предполагаетъ здѣсь Жуковский, могла возстать противъ брака съ незаконнымъ сыномъ плѣнной турчанки-прислужницы. Что такое чувство было свойственно Екатеринѣ Аванасьевнѣ, доказываетъ фраза изъ письма ея отъ 13-го февраля 1816 г.: „О Мойерѣ я тебѣ только скажу, что у него даже и для свѣта одинъ, кажется, недостатокъ—онъ *не дворянинъ*“... (Уткинскій Сборникъ, I. Письма Жуковскаго, М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой, подь ред. А. Е. Грузинскаго. М. 1904, стр. 299). Впрочемъ, этотъ предрасудокъ Екатерина Аванасьевна легко побѣдила.

²⁾ Дневн. Жуков., 13—14.

³⁾ П. Н. Сакулкинъ, М. А. Протасова-Мойеръ по ея письмамъ (Изв. Отд. р. яз. и слов. Акад. Наукъ, т. XII (1907), вн. 1 и 2 и отдѣльно).

скимъ настроеніемъ, которое онъ способенъ былъ такъ сильно и въ то же время такъ мягко и нѣжно выражать въ своей лирикѣ „сердечнаго воображенія“.

Жуковский сталъ учителемъ своихъ племянницъ. Видя разстроеныя дѣла Екатерины Аванасьевны,—разсказываетъ Зейдлицъ,—Жуковский вызвался давать уроки ея дочерямъ и обучать ихъ наукамъ, которыя были ему извѣстны, и тѣмъ, какія онъ еще намѣревался самъ изучить... Всякій день онъ отправлялся пѣшкомъ изъ Мишенскаго въ Бѣлевъ давать уроки или читать вмѣстѣ съ своими ученицами лучшія сочиненія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ ¹⁾...

Зейдлицъ (а вслѣдъ за нимъ и П. Н. Сакулинъ) приводитъ далѣе ²⁾ программу занятій и чтенія, составленную Жуковскимъ яко бы для своихъ племянницъ: „Занятія: 1) Исторія, 2) Философія и проч. Читать стихотворцевъ не каждого особенно, но всѣхъ одинаковаго рода вмѣстѣ. Частный характеръ каждого сдѣлается ощутительнѣе отъ сравненія...“ и проч.; такому сравнительному изученію предполагается подвергнуть Шиллера, Гете и Шекспира, трагедіи Расина, Вольтера, Корнеля и Кребиллона, сатиры Буало, Горация и Ювенала и т. п. Уже самая серьезность программы должна заставить усумниться въ томъ, могла ли она предназначаться для начала занятій съ 10—12-лѣтними дѣвочками; Н. С. Тихонравовъ убѣдительно выяснилъ ³⁾, что программа эта—планъ для собственныхъ занятій Жуковскаго, и составленъ онъ уже въ 1810 году.

Чтеніе, какое повелъ нашъ поэтъ съ своими юными ученицами, носило другой характеръ; въ дневникѣ его, подъ 16 ноября 1805 г., находимъ такія слова: „Я буду читать съ Машею Геллерта“—извѣстнаго нѣмецкаго баснописца и моралиста,—въ приведенной же программѣ Геллертъ не упоминается вовсе. Занятія шли далеко не систематически и непрерывно: то уѣзжали Протасовы, то уѣзжалъ Жуковский, который все это время не оставлялъ мысли поѣхать за границу ⁴⁾. Конечно, Марія Андреевна имѣла основанія выразиться впослѣдствіи (въ письмѣ отъ іюля 1822 г.), что она „bekam von ihm (Жуковскаго) Unterricht, Bildung und Seele“ ⁵⁾: ему принадлежало въ

¹⁾ Зейдлицъ, Жизнь и поэзія Жуковскаго, стр. 30.

²⁾ Тамъ же, стр. 30—31; Сакулинъ, назв. соч., отд. отт. стр. 5, 6.

³⁾ Соч. Тихонравова, т. III, ч. 1, примѣч., стр. 76—77, примѣчаніе 305 къ статьѣ „В. А. Жуковский“.

⁴⁾ См. Дневники Жуковскаго, стр. 15, 22; Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, стр. 19 (отъ 8-го января 1806 г.) и др.

⁵⁾ Seidlitz, W. A. Joukowsky, ein russisches Dichterleben, S. 120, Anmerk.

данномъ случаѣ главнѣйшее вліяніе; однако въ воспитаніи и образованіи дѣвицъ Протасовыхъ принимали участіе и другія лица: въ 1806 г. Протасова съ дочерьми гостила у брата своего покойнаго мужа (у В. И. Протасова) въ с. Троицкомъ; Марія Андреевна пишетъ А. П. Кирѣевской о своихъ занятіяхъ: „Читаю я одна *Les contes moraux de Miss Edgewort*, съ маменькой римскую исторію въ другой разъ, съ Машей (теткой) *Adèle et Théodor* (нравоучительный романъ *madame Genlis*), съ Сашей греческую Гольдшмидтову исторію; по-русски съ маменькой — Анахарсиса (*Бартеlemi Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, 1788*; русскіе переводы явились съ 1803 года), съ Натальей Андреевной Библию... По-нѣмецки мучаю несчастнаго Кокса (англійскій путешественникъ), а пишу—географію, по-французски стихи, по-русски Римскую исторію, по-итальянски разные анекдоты“¹⁾. И помимо Жуковского обученіе его племянницъ шло достаточно интенсивно.

Жуковский самъ читаетъ лѣтомъ 1805 г. Христіана Гарве „Объ обществѣ и уединеніи“, и въ дневникѣ своемъ, подъ 21 іюля, записываетъ: „Простой, ясной и пріятной слогъ; порядокомъ въ предложеніи мыслей; справедливость мыслей, основанныхъ на опытѣ... Гарве можетъ назваться настоящимъ практическимъ философомъ, то есть такимъ, котораго философія можетъ быть легко примѣнена къ человѣческой жизни, потому что она основана на опытѣ, не есть умозрительная, произведенная однимъ умомъ, но есть слѣдствіе многихъ замѣчаній и многихъ опытовъ“,—и вслѣдъ за тѣмъ Жуковский излагаетъ содержаніе книги Гарве²⁾.

Бреславльскій профессоръ философіи Христіанъ Гарве³⁾ (1742—1798), психологъ, мыслитель-моралистъ, былъ одинъ изъ ученыхъ нѣмецкихъ популяризаторовъ идей просвѣтительной философіи; зачастую въ своихъ многочисленныхъ трудахъ онъ обнаруживаетъ не только большую спеціальную эрудицію, но и тонкость пониманія и художественность изложенія: этимъ характеромъ особенно отличаются его статьи, вошедшія въ составъ его сборника „*Versuche über ver-*

¹⁾ Уткинскій Сборникъ, I, стр. IV, примѣч. 2.

²⁾ Дневники Жуковского, стр. 22—24.

³⁾ О немъ см. монографію *H. Döring'a* въ 54 части I секціи „*Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, hrsgb. von J. S. Ersch u. J. G. Gruber, Lpz. 1852, SS. 90—121*; срв. статью *Daniel Jacoby* въ VIII томѣ *Allgemeine Deutsche Biographie, Lpz. 1878, SS. 385—392*; *Фр. Фортъ* и *М. Коль*, *Исторія нѣмецкой литературы* (С.-Пб. 1901), стр. 559.

schiedene Gegenstände aus der Moral, der Litteratur und dem geselligen Leben“ (Части 1—5, Breslau, 1792—1800). Сочиненія Гарве возбуждали въ свое время всеобщій интересъ, цѣнились очень высоко¹⁾. Особенное вниманіе Гарве привлекала къ себѣ этика, вопросы о сущности добродѣтели, о свободѣ человѣческой воли. Главную заслугу Гарве видятъ въ томъ, что онъ не столько дѣлалъ самъ, сколько другихъ возбуждалъ и поощрялъ къ разнаго рода исканіямъ, и съ этой стороны вліяніе его на Жуковскаго, разумѣется, должно быть признано очень полезнымъ. Въ приведенной выше „Росписи во всякомъ родѣ лучшихъ книгъ и сочиненій, изъ которыхъ большей части должно сдѣлать экстракты“, въ отдѣлѣ VI (Мораль), нашъ поэтъ помѣщаетъ и принадлежащій Гарве переводъ Этики Аристотеля, и „всѣ сочиненія“ Гарве (Garves Sämmtliche Schriften). Вопросы нравственнаго совершенствованія, морали, добродѣтели, какъ мы видѣли, всегда влекли къ себѣ Жуковскаго, члена Тургеневскаго кружка.

Обширнѣйшая работа Гарве, разсужденіе, въ которомъ онъ обнаружилъ наибольшую обстоятельность,—книга „Ueber Gesellschaft und Einsamkeit“, помѣщенная въ III—IV частяхъ сборника „Versuche über verschiedene Gegenstände aus der Moral“ etc., вышедшая также и отдѣльно въ трехъ частяхъ. Сочиненіе это, видимо, прежде другихъ работъ Гарве попало въ руки Жуковскаго, остановило на себѣ его вниманіе, и онъ не только его прочиталъ, но и начинаетъ его переводить; въ хранящихся въ Императорской Публичной Библиотекѣ бумагахъ Жуковскаго дошло до насъ такое начало статьи „Общество и уединеніе“, относящееся, повидимому, именно къ 1805 году:

„Много писали и разсуждали о свѣтской жизни, всякой читалъ Циммерманову книгу о уединеніи; сія матерія должна казаться истощенною, но главное преимущество моральныхъ предметовъ состоитъ въ томъ, что они, не будучи никогда совершенно новыми, никогда и совершенно не истощаются; никто въ морали не можетъ быть ни первымъ изобрѣтателемъ, ни рабскимъ послѣдователемъ своихъ предшественниковъ; съ каждымъ новымъ человѣкомъ натура является въ нѣкоторомъ измѣненіи; цвѣты и травы не перемѣняютъ своего вида,—они таковы нынче, каковы были за тысячу лѣтъ,—но люди съ каждымъ вѣкомъ принимаютъ новый образъ. Сіе несходство умень-

¹⁾ Въ русскомъ переводѣ появилось, впрочемъ, только два отрывка изъ Гарве: а) О досугѣ, перев. Карамзина (Москов. Журн. 1792 г., ч. VI, стр. 167), и б) О напрасныхъ ожиданіяхъ (Вѣстн. Евр. 1802 г., ч. IV, августъ, № 15, стр. 165).

шается по мѣрѣ ихъ сближенія; но каждый имѣетъ свой особенный мѣръ, въ которомъ онъ дѣйствуетъ и который разсматриваетъ своими собственными глазами, слѣдовательно и тотъ, кто выбираетъ человѣческую натуру предметомъ своихъ наблюдений, кто больше совѣтуется съ своими опытами, нежели съ книгами, тотъ безъ сомнѣнія найдетъ въ ней много новыхъ сторонъ, и тѣмъ новѣе будутъ его открытія, чѣмъ больше будутъ имѣть въ себѣ особеннаго и ему принадлежащаго“.

„Порядокъ моихъ разсужденій слѣдуетъ изъ самой природы моего предмета. Общество и уединеніе важны для человѣка, слѣдовательно заслуживаютъ все вниманіе наблюдателя, ихъ можно разсматривать въ двухъ отношеніяхъ: въ отношеніи къ духовному образованію человѣка и въ отношеніи къ его счастью. Счастіе само по себѣ есть нѣчто простое, несложное. Но человѣческое образованіе имѣетъ своею цѣлю три предмета: умъ, характеръ и наружность“.

„Но уединенія и общества бываютъ многихъ родовъ, и потому разнообразны въ самыхъ своихъ дѣйствіяхъ. Общество, которое производится дѣлами обыкновенной гражданской жизни, въ которомъ человѣкъ трудится, отлично отъ того общества, которое имѣетъ предметомъ одно удовольствіе, въ которомъ человѣкъ отдыхаетъ. Роды уединенія такъ же не одинаковы въ своихъ дѣйствіяхъ, подчиненныхъ тѣмъ причинамъ, которыя побуждаютъ человѣка искать уединенія, или тѣмъ обстоятельствамъ, которыми оно сопровождается. Напримѣръ, уединеніе ученаго различно въ характерѣ и слѣдствіяхъ съ уединеніемъ монаха или ремесленника. Уединеніе добровольно избранное, въ многолюдномъ городѣ, и уединеніе принужденное, въ дикой пустынѣ, такъ же несходны въ своихъ вліяніяхъ на человѣка, какъ и въ своихъ первоначальныхъ побудительныхъ причинахъ. Не входя въ дальнѣйшее подробнѣйшее раздѣленіе, означая вкратцѣ общій планъ своей книги: въ первыхъ трехъ частяхъ хочу говорить о вліяніи общества и уединенія на умъ, характеръ и наружность человѣка, въ четвертой буду разсматривать разные роды общества и уединенія, каждый особенно; пятая будетъ посвящена ихъ вліянію на человѣческое счастье“ ¹⁾.

На этомъ обрывается дошедшая до насъ часть перевода. Продолженія не сохранилось,—повидимому, его и не было ²⁾, и дѣло остано-

¹⁾ Бумаги Жуковского, связка № 18, л. 13. Бумага съ водянымъ знакомъ 1804 года.

²⁾ Въ дневникѣ 1805 года, подъ 16 ноября, Жуковскій записалъ: „Я хотѣлъ

вилось на изложеніи этого очерка содержанія сочиненія, какой Гарве далъ въ началѣ своего трактата ¹⁾. Переводъ нельзя признать удавшимся,—это долженъ былъ сознать и самъ Жуковскій, и въ этомъ, вѣроятно, и слѣдуетъ усматривать причину, отвратившую его отъ продолженія; дѣло оказалось нелегкимъ, особенно при недостаточномъ еще тогда у нашего поэта знаніи нѣмецкаго языка.

переводить Гарве, но его оставляю на время. Я ошибся, думая, что разнообразіе въ работахъ будетъ дѣлать ихъ приятнымъ; напротивъ, оно только развлекаетъ мысли и не даетъ имъ заняться исключительно однимъ предметомъ“ (Дневники Жуковского, стр. 28).

¹⁾ *Versuche über verschiedene Gegenstände der Moral u. s. w.*, 3 Bd. S. 2 fg. Для сравненія привожу отрывокъ нѣмецкаго подлинника: Die Ordnung in welcher diese Betrachtungen über Gesellschaft und Einsamkeit am besten anzustellen sind, wird durch die Natur des Gegenstandes deutlich genug angegeben. Gesellschaft und Einsamkeit werden für das Leben der Menschen wichtig und also auch der Untersuchung des Philosophen werth; entweder, insofern sie auf die geistige Bildung des Menschen, oder, insofern sie auf seine Glückseligkeit Einfluss haben. Die Glückseligkeit ist etwas Einfaches; eben die Bildung des Menschen zerfällt in drei, deutlich von einander verschiedene, Theile: in die Bildung des Verstandes, in die des Charakters und in die der äussern Sitten. Auf alle diese Punkte haben Einsamkeit und Gesellschaft im Allgemeinen Einfluss. Aber auch eine Art der Gesellschaft ist von der andern, eine Art der Einsamkeit von der andern in Absicht ihrer Wirksamkeit verschieden. Eine grosse Verschiedenheit ist zwischen dem Umgange, den die Geschäfte des bürgerlichen Lebens von selbst veranlassen, und dem, welchen die Menschen des geselligen Vergnügens wegen veranstalten. Es ist billig, in einer Abhandlung über diesen Gegenstand nicht bloss die Gesellschaft des Menschen in den Zeiten, die er der Erholung, sondern auch in denen, die er der Arbeit widmet, zu betrachten. Andere kleinere Schattirungen in den Methoden und Anstalten zu den gesellschaftlichen Vergnügungen selbst werde ich erst dann aufzählen, wenn ich zu diesem Theile meiner Untersuchung komme. Die verschiedenen Arten der Einsamkeit sind ebenso mannichfaltig in ihrem Einflusse auf den Menschen; entweder durch die Verschiedenheiten der Absichten, in welchen man sie wählt, oder durch die Verschiedenheit der Umstände, von welchen sie begleitet werden. Die Einsamkeit des Einsiedlers hat einen andern Charakter und andere Folgen, als die Einsamkeit des Mönchs oder des Gelehrten. Die selbstgewählte Einsamkeit in einer volkreichen Stadt ist von der unvermeidlichen in einer Wildniss sowohl in ihren Wirkungen auf den Menschen, als in ihren Ursachen verschieden. Aber auch diese Unterschiede sind zu mannichfaltig und zu klein, um hier schon im Allgemeinen angegeben zu werden. Es ist genug, die Folge der Haupttheile von diesem Aufsätze zu bestimmen. Ich werde in drei Abschnitten, von dem Einflusse der Gesellschaft überhaupt auf Verstand, Sittlichkeit und äussere Sitten reden. Ich werde in einem vierten die verschiedenen Arten der Gesellschaft und Einsamkeit classificiren und das Eigenthümliche jeder Art nach Beschaffenheit und Einfluss aufsuchen. Ich werde endlich mit der Beziehung beider auf die menschliche Glückseligkeit schliessen“.

Отъ Гарве нашъ поэтъ обращается къ Энгелю и переводитъ изъ его „Philosoph für die Welt“¹⁾ небольшой отрывокъ (начало) статьи, подъ заглавiемъ: Этна или человѣческое щастiе,—который и сохранился въ той же пачкѣ бумагъ Жуковскаго въ Публичной Библиотецѣ, № 18, л. 31.

Вотъ этотъ отрывокъ (зачеркнутыя слова въ скобкахъ):

Этна или человѣческое щастiе. (Одинъ Мальтiйскiй кавалеръ) Графъ С.** Мальтiйскiй кавалеръ, родомъ изъ Баварiи (долженъ былъ ѣхать) (котораго званiе обязывало) обязанный по своему званiю ѣхать въ Валетту (въ проѣздѣ, въ пути своемъ черезъ Италию и Сицилию воспользовался всѣми достопамятностями, которыми...) (умѣлъ обратить), обратилъ сiе принужденное путешествiе въ путешествiе прiятное и наставительное, и въ проѣздѣ своемъ черезъ Италию и Сицилию осматрѣлъ всѣ достопамятности, которыми изобилуютъ сiи земли. Его письма къ одному прiятелю, барону Р..., въ Мюнхенѣ (достойны замѣчанiя) весьма любопытны: онъ прекрасно описываетъ многiя произведенiя природы и искусства, до сихъ поръ оставленные безъ (вниманiя) всякаго замѣчанiя (но еще болѣе прiятно находить въ сихъ письмахъ философическiя размышленiя, запечатлѣнные какою-то печатiю истинной возвышенности), и вообще философическiя мысли его (которыми сiи письма наполнены, въ сихъ письмахъ разсѣянные) привлекательны по своей оригинальности и возвышенности. Миѣ позволено сообщить читателю слѣдующiй отрывокъ изъ письма, писаннаго имъ изъ Катанiи.—„Отъ самаго *Николози* дорога чрезвычайно трудна и безпокойна: (одни пустыя равнины, покрытыя лавой) (представляется одна, видишь) степь, покрытая лавою. Изрѣдка (открываются вдали цвѣтущiя долины и холмы) являются виды цвѣ-

¹⁾ Иоганнъ Якобъ Энгель, съ 1766 г. профессоръ философи и изящныхъ искусствъ въ Иохимсталской гимназiи въ Берлинѣ, былъ другъ Гарве и вмѣстѣ съ послѣднимъ, принадлежа по своимъ воззрѣнiямъ къ эпохѣ нѣмецкаго „Просвѣщенiя“, цѣлю своей дѣятельности ставилъ—заинтересовать всѣхъ образованныхъ людей философскими идеями. Главнымъ произведенiемъ Энгеля былъ сборникъ „Philosoph für die Welt“ (1775—1800), въ составленiи котораго приняли участiе Эбергардъ, Фридендеръ, Гарве и Моисей Меадельсонъ; въ этомъ сборникѣ философскiя слѣдствiя сообщаются въ самыхъ разнообразныхъ и интересныхъ формахъ: въ видѣ небольшихъ рассказовъ, разговоровъ, аллегорiй, характеристикъ. Другое выдающееся сочиненiе Энгеля—„Ideen zu einer Mimic“, Berl. 1785—1786. (*H. Doring*, J. J. Engel, Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften, hggb. von Ersch u. Gruber, I Section, Th. 34, Lpz. 1840, S. 233 ff.; *Ф. Фомъ и М. Кохъ*, Исторiя нѣмецкой литературы, стр. 551, 559).

тущихъ долинъ и пригорковъ, увѣчанныхъ деревьями; но (мы были неспособны ими наслаждаться: страшный жаръ палить насъ) страшный жаръ отнималъ у насъ способность ими наслаждаться: расваленное небо (палило насъ); не было тѣни, въ которой могли бы мы найти убѣжище; не было растенія, которое своимъ бальзамическимъ запахомъ могло бы освѣжить пламенный и душный воздухъ. Наконецъ мы приблизились къ второй лѣсистой полосѣ Этны...

На этомъ мѣстѣ отрывокъ и останавливается ¹⁾. Жуковский не возвращался болѣе къ этому разсказу. Въ Вѣстникѣ Европы 1807 г., издававшемся тогда Каченовскимъ, помѣщенъ (часть XXXVI, ноябрь, 1807, № 21, стр. 3—29) чей-то другой переводъ, подъ заглавiемъ „Этна, или о счастiи человѣческомъ“. Энгель около этого времени сталъ вообще у насъ привлекать къ себѣ вниманiе: XIX часть „Прiятнаго и полезнаго препровожденiя времени“ (М. 1798) открывается переводной статью „Убогой Яковъ, у котораго всего довольно, изъ свѣтскаго философа Энгеля“, пер. *Григорiя Глинки* (стр. 3 и слѣд.); Вѣстникъ Европы напечаталъ рядъ переводовъ изъ Энгеля, какъ увидимъ ниже; былъ переведенъ и семейный романъ его „Lorenz Stark“, который привлекалъ тогдашнихъ читателей, главнымъ образомъ, описанiями мелкой мѣщанской жизни и любовнымъ, тщательнымъ изображенiемъ характеровъ (*Фигль и Кохъ*, op. cit., 559), и вышелъ подъ названiемъ: „Лорензо Старкъ, семейственная картина, соч. Энгеля, перев. съ нѣмец. Москва, 1808“. „Мимика“ Энгеля внесена Жуковскимъ въ его „Роспись лучшихъ книгъ“ (пунктъ VII—XI).

Жуковский беретъ въ это время и за другiе переводы. Въ той же пачкѣ бумагъ № 18, л. 4, сохранился написанный на бумагѣ

¹⁾ Переводъ Жуковскаго отличается большой близостью къ оригиналу, хотя и не чуждъ нѣсколькихъ уклоненiй отъ послѣдняго,—по недосмотру, а быть можетъ, и въ силу недостаточнаго еще знанiя нѣмецкаго языка. Въ подлинникѣ (имѣю подъ руками позднѣйшее изданiе: *Etui-Bibliothek der deutschen Classiker*, № XII, *Der Philosoph für die Welt*, von J. J. Engel, Aachen, 1814) разсказъ называется „Der Aetna“ и начинается такъ: Ein Malteserritter von der neuen Ordenszunge in Baiern, der Graf von S**, machte aus seiner Reise der Pflicht nach Valetta eine Reise des Unterrichts und Vergnügens, und nahm auf seinem Wege dahin die vornehmsten Merkwürdigkeiten Italiens und Siciliens in Augenschein. Ein Tagebuch dieser Reise, das er an seinen Freund in München, den Freyherrn von Th**, überschrieb, empfiehlt sich durch genauere Schilderung mancher noch nicht genug beachteten Werke der Natur und Kunst, vorzüglich aber durch die überall eingestreuten, meistens philosophischen Betrachtungen,—и проч. (стр. 69—70).

того же 1804 года переводный отрывокъ подъ заглавіемъ Какъ узнавать свои успѣхи въ добродѣтели (первоначально Жуковский озаглавилъ такъ: „О успѣхахъ въ добродѣтели“): „Сенесіонъ, можемъ ли мы сказать, что успѣли въ добродѣтели, если покорствуемъ всегда съ одинакимъ ослѣпленіемъ пороку или безпрестанно увлекаемся его приманками? (первоначально было переведено такъ: „Можемъ ли мы знать, Сенесіонъ, каковы наши успѣхи въ добродѣтели, есть ли порабощены пороку такъ же слѣпо, какъ и прежде, есть ли безпрестанно прельщаемся его приманками. Справедливѣе сказать, мы не сдѣлаемъ никакихъ успѣховъ“...).

Черновой набросокъ этотъ занимаетъ четыре страницы и обрывается на полусловѣ. Отыскать оригиналь, съ какого нашъ поэтъ переводилъ, мнѣ пока не удалось.

Въ той же пачкѣ бумагъ № 18, лл. 23—27, сохранился (бумага того же 1804 года) отрывокъ въ семь страницъ подъ заглавіемъ: О продолженіи жизни, извлеченіе изъ Гуфланда.

Christoph-Wilhelm Hufeland выпустилъ въ 1796 г. книгу „Kunst das menschliche Leben zu verlängern“; сочиненіе получило всемірную извѣстность, было переведено на всѣ европейскіе языки; начиная съ 3-го изданія, 1805 года, оно печаталось подъ заглавіемъ „Макробіотик“. Вопросъ заинтересовалъ Жуковского: въ свою „Роспись книгъ, изъ которыхъ должно сдѣлать экстракты“ онъ вноситъ (отд. XIV—XV, Физика, Медицина,—см. выше) заглавіе и нѣмецкаго оригинала (Hufelands Makrobiotik) и французскаго перевода (Art de prolonger la vie, de Hufeland), а затѣмъ дѣлаетъ и самый „экстрактъ“. Сохранившійся отрывокъ обнимаетъ только шесть §§,—но кажется, что это и все, что было извлечено Жуковскимъ изъ Гуфланда (пользовался онъ французскимъ переводомъ):

§ 1. *Что должно сдѣлать для положенія точныхъ правилъ продолженія жизни?* 1. Какъ можно яснѣе и точнѣе опредѣлить понятіе о жизни и жизненномъ началѣ. 2. Вопросить натуру о продолженіи жизни вообще и частно въ разныхъ организованныхъ тѣлахъ. 3. Собрать примѣры, сравнить; и наконецъ 4. Изъ разныхъ обстоятельствъ, способствующихъ къ продолженію и сокращенію жизни, заключить о самыхъ вѣроятнѣйшихъ причинахъ ея продолжительности или краткости.

§ 2. *Жизненное начало или жизненная сущность* (principe de vie). Жизненное начало, или жизненная сущность, есть одно изъ самыхъ общихъ, сильныхъ и неизъяснимыхъ началъ въ природѣ...

§ 3. *Жизнь.* Жизнь существа организованного есть не иное что какъ состояніе свободы и дѣятельности жизненнаго начала, съ которыми неразлучна живость и дѣятельность органовъ...

§ 4. *Продолженіе жизни.* Оно зависитъ первое: отъ количества жизненной сущности, находящейся въ тѣлѣ...

§ 5. *Предѣлы жизни.* Предѣлы жизни можетъ быть положенъ довольно точно. Для всякаго творенія назначено извѣстное продолженіе жизни...

§ 6. *Продолженіе жизни человѣческой.* Увѣряли, что въ первыхъ вѣкахъ по сотвореніи міра жизнь была продолжительнѣе, что люди долѣе наслаждались молодостію, имѣли огромное тѣло и вообще были совершеннѣе. Это заблужденіе произошло отъ того, что хронологія древняя была несходна съ нынѣшнею; доказано довольно вѣроятно, что годъ первыхъ людей состоялъ изъ трехъ мѣсяцевъ...

Та же пачка бумагъ Жуковского № 18 заключаетъ въ себѣ (л. 18—19, бумага съ водянымъ знакомъ 1804 г.) отрывокъ въ въ три страницы подъ заглавіемъ: О средствахъ дать совершенное здоровье дѣтямъ (первоначально заглавіе было: „О средствахъ сохранить здоровье дѣтей“), *сочиненіе Самуила Крузіуса, переводъ съ нѣмецкаго.* Рѣчь идетъ о значеніи воздуха для здоровья человѣка:

Воздухъ. Здоровье всего дороже на свѣтѣ. Больной не способенъ ни къ работѣ, ни къ удовольствію. Натура, произведя человѣка, не дала ему ничего кромѣ здороваго тѣла,—слѣдовательно, быть здоровымъ—его опредѣленіе, въ противномъ случаѣ онъ бы не могъ достигнуть той цѣли, для которой Провидѣніе наградило его жизнію...

Жуковский не сталъ продолжать перевода. Книга Крузіуса не упомянута въ его „Росписи лучшихъ книгъ и сочиненій“, попала въ руки его, можетъ быть, случайно, и долго останавливаться на ней онъ не сталъ.

Нашъ поэтъ начинаетъ штудировать „Лицей“ Ла-Гарпа; читаетъ внимательно это твореніе корифея французской классической литературной критики ¹⁾ и приступаетъ къ составленію конспекта его.

¹⁾ О немъ см. *Шевыревъ*, Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ (изд. 2-е, Спб. 1887, стр. 128—141, 268), гдѣ между прочимъ говорится: „Лагарпъ примѣнилъ національную (французско-классическую) теорію вкуса ко всѣмъ произведеніямъ поэзіи Франціи и на этомъ основаніи отдалъ преимущество своей націи передъ древними, почему и былъ главнымъ представителемъ національной, но вмѣстѣ и односторонней критики въ Европѣ... Магическое дѣйствіе

Въ бумагахъ нашего поэта (рукоп. Публичн. Библ. № 83, л. 20; бумага—та же синяя 1804 года) сохранился листокъ, содержащій конспектъ большей части первой главы I тома „Лицея“; Жуковский, повидимому, предполагалъ вести конспектъ постоянно, но дѣло остановилось. Отрывокъ озаглавленъ: *Lycée de la Harpe, tome I. Aristotelewa nititika*,—и дѣлится на четырнадцать §§:

§ 1. Происхожденіе поэзіи: склонность къ подражанію. Предметъ изображенный подражаніемъ намъ нравится. Не все однако можетъ быть предметомъ подражанія. Надобно выбирать и украшать. Подражаніе природѣ пріятно потому, что мы всё любимъ учиться, и что изображеніе есть легчайшій способъ получить объ чемъ-нибудь понятіе. Удовольствія воображенія также могутъ быть источникомъ сей пріятности, которую мы находимъ въ подражаніи (§ 2, соб. замѣч.).

§ 2. Второй источникъ поэзіи есть наша натуральная склонность къ ритму и пѣнію, къ размѣру, кадансу. Первые стихи были пѣты. Ритмъ есть опредѣленное протяженіе, отвѣчающее симметрически другому подобному пространству или протяженію. Въ поэзіи ритмъ есть извѣстное соединеніе слоговъ и словъ, отвѣчающихъ другому такому же соединенію; въ музыкѣ соединеніе звуковъ, въ танцахъ соединеніе движеній. Ритмъ натураленъ человѣку; это натуральное расположеніе сдѣлало то, что начали размѣрять слова,—что произвело поэзію,—звуки,—что произвело музыку. Сперва дѣлали опыты безъ приготовленія, такъ сказать случайные; послѣ сіи опыты произвели постоянныя правила.

§ 3. Поэзія прежде раздѣлялась только на два рода—на героическую, посвященную славѣ боговъ и героевъ, — и на сатирическую, осмѣивавшую пороки, изображавшую людей развратныхъ. Потомъ эпопея произвела трагедію, сатира—комедію натуральнымъ переходомъ отъ простаго разсказа къ дѣйствию. Изъ греческой поэзіи въ нѣкоторыхъ родахъ мы совсѣмъ образцовъ не имѣемъ, напр. въ дифирамбахъ, номахъ, сатирахъ и мимахъ. Мимы были, какъ говорятъ, слишкомъ вольныя стихотворенія, номы—священные, торжественныя пѣсни; дифирамбъ воспѣвалъ Бахуса, потомъ, по аналогіи, посвященъ славѣ знаменитыхъ героевъ. Архилохъ и Гиппонаксъ писали сатиры на лица.

§ 4. Эпопея, по словамъ Аристотеля, есть подражаніе изящному

могучаго народнаго эгоизма сдѣлало Лагарпа изъ критика французскаго на нѣкоторое время европейскимъ“...

словами; она разнствуеъь отъ трагедіи тѣмъ, что повѣствуеъь просто, когда трагедія все представляетъ въ дѣйствіи. Сверхъ того занимаетъ большее пространство. У древнихъ, по словамъ Аристотеля, эпопея могла быть писана стихами и прозою по произволению поэта. У насъ она должна быть непременно въ стихахъ; мы не отдѣляемъ поэзію отъ стиховъ.

§ 5. Комедія сначала не привлекла такого вниманія, какъ трагедія. Архонты послѣ уже сдѣлали изъ нея народное увеселеніе. Эпихармъ и Формисъ сициліанцы первые соединили дѣйствіе съ сатирою. Она прежде писалась на лицо, но это было запрещено правительствомъ, и Кратесъ, который первый ввелъ ее въ Аѣины, первый также употребилъ имена подложныя и дѣйствія выдуманныя.

§ 6. У древнихъ театральныя представленія были торжествомъ народнымъ. Одинъ изъ архонтовъ имѣлъ особенное управленіе надъ зрѣлищами. Онъ покупалъ піесы у авторовъ и заставлялъ ихъ играть на счетъ правительства. Два слѣдствія можно изъ сего вывести: первое то, что искусство драматическое отъ сего не дошло до такого совершенства, какъ у насъ, второе то, что это самое заведеніе отвратило *пресыщеніе* (*satiété*) и отдалило испорченность искусства.

§ 7. Комедія, говоритъ Аристотель, есть изображеніе худого подражаніемъ,—худого не во всемъ его смыслѣ, но только смѣшного и приводящаго въ стыдъ. Отвратительное же противно комедіи (§ 3, примѣч.).

§ 8. Трагедія есть подражаніе дѣйствію важному, цѣлому, имѣющему подлежащее протяженіе,—посредствомъ слова, котораго украшенія составляютъ одну изъ главнѣйшихъ принадлежностей сего подражанія, которое, приводя въ жалость и ужасъ, должно въ насъ исправлять сіи страсти (очищать, умѣрять, измѣнять), т. е. дѣлать ихъ пріятными посредствомъ подражанія, то есть чтобы мы, сожалѣя о томъ, что бы въ натурѣ произвело въ насъ чувство тягостное и непріятное, не чувствовали сей непріятности и вмѣсто того наслаждались.

§ 9. Трагедія есть подражаніе дѣйствію: *важному*, слѣдственно не терпитъ никакой примѣси смѣшного или страннаго, которое, не прибавляя ничего къ ея дѣйствію, ослабляетъ его силу; *цѣлому*, имѣющему начало, средину и конецъ; *надлежаще протяжному*, то есть ни слишкомъ малому, ни слишкомъ обширному, а соразмѣрному уму нашему,—такому, чтобы всѣ случаи, всѣ происшествія, одно изъ одного выливаясь безъ замѣшательства, наконецъ оканчивались

переменною счастія въ несчастіе или несчастія въ счастіе. Чрезмѣрность протяженія противна всѣмъ правиламъ и натурѣ. То не можетъ быть для насъ интересно, чего мы не можемъ объять своимъ умомъ. Мы способны только къ извѣстному *градусу вниманія, удовольствія, занятія, ученія*. Далѣе наши силы отказываются служить, и очарованіе поэтовъ должно исчезнуть.

§ 10. *Украшеніями слова* у насъ почитаются стихи и декламація; древніе сверхъ того имѣли мелопею или декламацію музыкальную, хоральное пѣніе и ритмическія движенія хоровъ.

§ 11. Итакъ, по словамъ Аристотеля, шесть главныхъ вещей заключаются въ трагедіи: басня или дѣйствіе; характеры или нравы; слогъ; мысли; зрѣлище и пѣніе (у насъ декламація).

§ 12. Дѣйствіе, или басня, всего важнѣе въ трагедіи. Безъ нея она не будетъ имѣть никакого впечатлѣнія на зрителя, между тѣмъ какъ не будучи написана хорошимъ слогомъ, даже безъ изображенія разительныхъ характеровъ, она можетъ сильно дѣйствовать своею баснею. У грековъ рѣже встрѣчались въ трагедіяхъ хорошія содержанія, нежели у насъ, потому что они были ограничены малымъ числомъ происшествій, въ которыхъ выбирали свои сюжеты; они искали ихъ всегда въ своей исторіи въ нѣкоторыхъ только фамиліяхъ; у новыхъ народовъ, напротивъ, во всякомъ краю міра можно найти содержаніе для трагедіи.

§ 13. Въ дѣйствіи должно быть сохранено единство—не *героя*, а *происшествія*. Мы представляемъ не цѣлую жизнь героя, а только одинъ случай изъ его жизни. Части въ семъ цѣломъ должны быть такъ тѣсно соединены между собою, чтобы ихъ не можно было отдѣлить одну отъ другой, не разрушивши цѣлага.

§ 14. Цѣль поэта не есть изображеніе истиннаго такъ, какъ оно случилось, но такъ, какъ бы оно могло или должно было случиться. Онъ долженъ представлять возможное правдоподобнымъ образомъ.

Еще и А. С. Пушкинъ „часто тратилъ время“, изучая „вкусъ Лагарпа“ по его 16-томному „Лицею“ (стихотвореніе „Городокъ“, 1814 года, стихи 148—151). У Жуковского въ его „Росписи лучшихъ книгъ, изъ которыхъ должно сдѣлать экстракты“, въ соотвѣствующемъ пунктѣ (§§ VII—XI, Эстетика—Критика, см. выше), „Лицей“ Лагарпа поставленъ на первомъ мѣстѣ; къ изученію его онъ приступилъ съ перомъ въ рукѣ, и началъ съ ознакомленія съ положеніями поэтики Аристотеля, что составляетъ первую главу I тома „Лицея“ (Analyse de la Poétique d'Aristote). Разсужденіямъ француз-

скаго авторитета нашъ поэтъ придаетъ въ своемъ конспектѣ болѣе сжатую и категорическую форму ¹⁾).

¹⁾ Для сравненія съ оригиналомъ привожу соответствующіе отрывки изъ „Лицея“. Лагарпъ сначала говоритъ о значеніи трудовъ Аристотеля (Un de ses grands monuments est son Histoire des Animaux...), а затѣмъ приступаетъ къ анализу его Поэтики, выписывая изъ нея положенія и сопровождая ихъ своими замѣчаніями и толкованіями: *Ayant à parler de la poésie, le plus ancien de tous les arts de l'esprit... cherchons d'abord, avec le guide que nous avons choisi, pourquoi cet art a été cultivé le premier, et sur quoi est fondé le plaisir qu'il nous procure. Aristote en donne deux raisons: „La poésie semble devoir sa naissance à deux choses que la nature a mises en nous. Nous avons tous pour l'imitation un penchant qui se manifeste dès notre enfance. L'homme est le plus imitatif des animaux: c'est même une des propriétés qui nous distinguent d'eux. C'est par l'imitation que nous prenons nos premières leçons; enfin tout ce qui est imité nous plaît...“* Quoique l'imitation soit une source de plaisir, *il ne faut pas croire que tout soit également imitable.* Dans la peinture même, dont le principal objet est l'imitation matérielle, il y a un choix à faire... à plus forte raison dans la poésie, que doit surtout imiter avec choix, et *embellir en imitant...* (Далѣе разъясняется, какъ понимали это правило Гораций и Буало, въ примѣръ приводятся Корнель, Расинъ, Вольтеръ). Les réflexions sur la première proposition d'Aristote nous ont menés un peu loin. Revenons à cet espèce de charme que l'imitation a pour tous les hommes, et dont ensuite Aristote veut assigner la cause. „C'est, dit-il, que non-seulement les sages, mais *tous les hommes en général, ont du plaisir à apprendre, et que pour apprendre il n'est point de voie plus courte que l'image*“. Cette idée est aussi juste que profonde; mais il me semble qu'on pourrait lui donner plus d'étendue, en faisant entrer notre imagination pour beaucoup dans ce que l'auteur attribue ici à la seule raison. *Toute imitation, en effet, exerce agréablement notre imagination...* et c'est toujours un plaisir pour nous de comparer les images que l'art nous présente avec celles que nous avons déjà dans l'esprit.

La seconde cause originelle de la poésie est, suivant Aristote, le goût que nous avons pour le rythme et le chant... il faut se souvenir que *les premiers vers ont été chantés...* On définit le rythme un espace déterminé, fait pour symétriser avec un autre du même genre (ссылка на Batteux, Les quatre Poétiques). Cette définition générale est nécessairement un peu abstraite: elle va devenir plus claire en l'appliquant aux trois choses qui sont principalement susceptibles du rythme, au discours, au chant et à la danse. *Dans le discours, le rythme est une suite déterminée de syllabes ou de mots qui symétrise avec une autre suite pareille,* comme, par exemple, le rythme de notre vers alexandrin... *Dans la danse, le rythme est une suite de mouvements qui symétrisent entre eux par leur forme, par leur nombre, par leur durée.* Il est reconnu que *rien n'est si naturel à l'homme que le rythme:* les forgerons frappent le fer en cadence, comme Virgile l'a remarqué des Cyclopes... *Cette disposition au rythme a conduit à mesurer les paroles, ce qui a donné le vers; et à mesurer les sons, ce qui a produit la musique.* On fit d'abord, dit Aristote, des essais spontanés, des *impromptus...* Ces essais, en se développant peu à peu, donnèrent naissance à la poésie. Жуковский въ концѣ § 2 своего конспекта передаетъ эту послѣднюю фразу словами: „послѣ сіи опыты произвели постоянныя правила“,

Жуковский знакомится и съ другими представителями и авторитетами тогдашней поэтики. Онъ затѣваетъ переводить Эшенбурга ¹⁾ и отчасти осуществляетъ это. Мы уже привели выше вопросы и замѣтки нашего поэта: „На что дѣлать примѣчанія къ Эшенбурговой теоріи“, сохранившіяся въ бумагахъ Жуковскаго въ Императорской Публичной Библиотекѣ, № 79, листъ 17; вопросы эти имѣютъ въ виду §§ общаго введенія въ книгу Эшенбурга „Entwurf einer Theorie

какъ бы отождествля поэзію съ „правилами“, и во всякомъ случаѣ, очевидно, признавая теоретически, что въ основѣ поэтическихъ произведеній должны лежать извѣстныя установленныя правила.

Далѣе, Лараръ говоритъ о томъ, что поэзія *se partagea d'abord en deux genres, suivant le caractère des auteurs: l'heroique, qui était consacré à la louange des dieux et des héros; le satirique, qui peignait les hommes méchants et vicieux. Dans la suite, l'épopée, menant du récit à l'action, produisit la tragédie; et la satire, par le même moyen, fit naître la comédie... Parmi les differens genres de poésie grecque, dont Aristote promet de parler dans cette partie de son Traité qui a été perdu, il y en a dont il ne nous reste aucun document, le dithyrambe, le nome, la satire et les mimes*, и проч.

Приведа Аристотелевское опредѣленіе трагедіи: „L'imitation d'une action grave, entière, d'une certaine étendue; imitation qui se fait par le discours, dont les ornemens concourent à l'objet du poëme, qui doit, par le terreur et la pitié, corriger en nous les mêmes passions“, Лараръ говоритъ: Je m'arrêterai d'abord sur le dernier article de cette définition, parce qu'il a été mal interprété,—и онъ возражаетъ противъ толкованій Корнеля и предлагаетъ собственное: Аристотель veut dire que l'objet de toute imitation théâtrale, au moment même où elle excite la pitié et la terreur en nous montrant des actions feintes, est *d'adoucir*, de modérer en nous ce que cette pitié et cette terreur auraient de trop pénible, si les actions que l'on nous présente étaient réelles. L'idée d'Aristote, ainsi entendue, est aussi juste qu'elle est claire; car qui pourrait supporter, par exemple, la vue des malheurs d'Oedipe, ou d'Andromaque, ou d'Hécube, si ces malheurs existaient sous nos yeux en réalité? Ce spectacle, loin de nous être agréable, nous ferait mal; et voilà le charme, le prodige de l'imitation, qui sait vous faire un plaisir de ce qui partout ailleurs vous ferait une peine véritable... (Lycée ou Cours de littérature ancienne et moderne par J. F. La Harpe, tome I, Senlis, 1826, pp. 56—89).

¹⁾ Дневники Жуковскаго, подъ 16-мъ ноября 1805 г., стр. 29: „Въ февралѣ перевелъ Эшенбурга, а въ мартѣ и апрѣлѣ напишу къ нему прибавленіе“. Johann Joachim Eschenburg (1743—1820) — профессоръ философіи и словесности, переводчикъ и референтъ ряда англійскихъ трактатовъ по эстетикѣ, пропагандистъ англійской литературы въ Германіи (его „*Britisches Museum*“, Lpz. 1777—1780; „*Annalen der britischen Literatur*“ съ 1780 г.), переводчикъ драмъ Шекспира и его истолкователь („*Versuche über Shakespeares Genie und Schriften*“ и др.), авторъ вліятельной, много разъ переизданной книги „*Handbuch der classischen Litteratur*“ и не менѣе популярной и долго пользовавшейся авторитетомъ книги „*Entwurf einer Theorie und Literatur der schönen Wissenschaften*“ (Berl. 1783 и рядъ послѣдующихъ изданій).

und Literatur der schönen Wissenschaften“, въ которомъ, между прочимъ, авторъ и высказывается о „подражаніи прекрасной природѣ“ (Nachahmung der schönen Natur), возражая противъ теоріи Баттё и предпочитая положенія Баумгартена (§ 8), объ ассоціаціи идей (Ideenverknüpfung, § 14), о воображеніи (Einbildungskraft, § 15), о характерѣ художника (Charakter des Künstlers selbst, § 22) ¹⁾. Въ бумагахъ Жуковскаго, № 83, листъ 1 и слѣд., находимъ пересказъ отрывковъ изъ того же сочиненія Эшенбурга, писанный на бумагѣ 1804 г. и, безъ сомнѣнія, относящійся къ 1805—1806 годамъ.

Жуковскій началъ съ введенія въ Поэтику, отрывокъ котораго и сохранился въ черновомъ и отчасти въ перебѣленномъ видѣ, подъ такимъ заглавіемъ: *Введеніе. Что такое поэзія* (въ черновомъ). — *О поэзіи вообще. Сущность и цѣль поэзіи* (перебѣл.) ²⁾. На поляхъ нашъ поэтъ приписалъ: „Сіе предвар(ительное) разсужденіе о поэзіи и прочія всѣ... (не разобр. одно слово), переведены своб(одно) изъ Эшенбурга; я осмѣ(лился) присоед(инить) нѣсколько своихъ примѣчаній, которыми по большей части одолженъ нѣкоторымъ лучшимъ фр(анцузскимъ) и нѣмецкимъ писателямъ. Просить критиковъ. Презрѣніе къ ругателямъ“ ³⁾.

Въ этомъ отрывкѣ введенія говорится:

1. „Поэзія есть искусство изображать посредствомъ слова все то, что наше воображеніе находитъ привлекательнѣйшаго въ природѣ физической и моральной: предметы, мысли, чувства, дѣйствія; искусство изображать сходно, живо, сильно и пріятно; искусство наполнять читателя или слушателя или зрителя тѣми самыми чувствами—радостными, унылыми, восхитительными, возвышенными,—которыя насъ самихъ наполняютъ“ ⁴⁾. На поляхъ въ черновомъ текстѣ приписано:

¹⁾ Книга Эшенбурга „Entwurf einer Theorie“ состоитъ изъ двухъ частей: а) Poetik и 2) Rhetorik; въ началѣ книги дано общее введеніе: Einleitung, oder allgemeine Grundsätze der schonen Literatur. Поэтика и Реторика отърываются частными введеніями.

²⁾ Въ подлинникѣ. Einleitung, von der Poesie überhaupt. Erklärung der Poesie, ihr Wesen.

³⁾ Бумаги Жуковскаго, № 83, л. 1.

⁴⁾ Въ подлинникѣ (пользуюсь вторымъ изданіемъ книги Эшенбурга, Berl. 1789): Poesie ist sinnlich vollkommen, oder möglichst lebhafte Darstellung vermittelt der Rede, wodurch entweder sinnliche Gegenstände, oder Gedanken, oder Empfindungen, oder Handlungen, ausgedruckt, nachgeahmt, beschrieben, in der Einbildungskraft des Horers oder Lesers mit der lebhaftesten Starke rege gemacht, oder der Mitempfindung desselben mitgetheilt werden (стр. 45, § 1).

„О подражаніи природѣ, объ изящной природѣ“; приписка эта показываетъ, что, работая надъ текстомъ Эшенбурга, Жуковскій параллельно имѣлъ въ виду и положенія французско-классической поэтики: сравни выше, § 1 конспекта Жуковского къ „Лицею“ Лагарпа.

2. „Дѣйствовать на воображеніе, говорить чувствамъ есть цѣль поэзіи. Она употребляетъ языкъ не обыкновенный, или лучше сказать, сама составляетъ свой собственный языкъ, отличный отъ простого, даннаго природою челоѣку, смѣлый, выразительный, сладостный, имѣющій особенную гармонію, особенный кадансъ или размѣръ, соединяющій пріятность музыки съ важностью простого, натурального голоса“. Въ черновомъ на поляхъ приписано: „О поэтическомъ языкѣ. Сравненіе прозы съ поэзіей“¹⁾.

3. „Поэзія объѣмлетъ всѣ предметы, которые могутъ пріятно дѣйствовать на чувства и воображеніе и быть представлены живо необыкновеннымъ языкомъ ея,—предметы физическіе, неотвлеченные (подлежащіе тѣлеснымъ чувствамъ), которые изображаетъ она сходно, вѣрно, въ лучшемъ, *украшенномъ* видѣ; предметы моральные, отвлеченные, которымъ даетъ нѣкоторый видимый образъ, которые дѣлаетъ, такъ сказать, ощутительными для чувствъ нашихъ. *Обманывать* душу, то есть наполнять ее живымъ изображеніемъ предмета, каковой бы онъ ни былъ, физической или моральной, такъ чтобы онъ ей казался присутственнымъ въ ту минуту, когда она имъ занимается, есть намѣреніе поэзіи. Она возбуждаетъ чувства и воображеніе, даетъ жизнь вещамъ неодушевленнымъ, образъ существамъ мысленнымъ, тѣло самымъ идеямъ“.

Въ перебѣленномъ текстѣ Жуковскій сдѣлалъ еще прибавку отъ себя: „Но сего не довольно. Поэзія должна увеселять и животворить фантазію, занимать и возвеличивать умъ, трогать, смягчать и дѣлать благороднѣе сердце. Вотъ главный и возвышенный предметъ ея“²⁾.

¹⁾ Этотъ § восходитъ къ §§ 2 и 3 Поэтики Эшенбурга, но представляетъ очень свободное ихъ изложеніе, скорѣе—выраженіе собственнаго взгляда Жуковского: по Эшенбургу цѣль поэзіи—*die möglichste Sinnlichkeit und Lebhaftigkeit der Vorstellungen, und die Unterhaltung der Phantasie durch dieselben; nicht im Sylbenmaass, nicht im Reim, nicht in der Auswahl und Besonderheit des Ausdrucks, nicht in der Erdichtung, nicht in der Begeisterung; auch nicht in der Nachahmung, noch in der Sprache der Leidenschaften ist das Wesen der Poesie zu suchen* (стр. 46).

²⁾ Здѣсь мы имѣемъ опять свободный пересказъ того, о чемъ Эшенбургъ говорить въ § 4 Поэтики: *Poetischer Stoff ist jeder Gegenstand, welcher der sinnlich vollkommenen Darstellung durch die Rede fähig ist. Dieser Stoff liegt also hauptsächlich*

4. „Сильныя впечатлѣнія, производимыя въ душѣ какимъ-нибудь предметомъ, и желаніе сообщить сіи впечатлѣнія другимъ, побуждаютъ поэта стихотворствовать. Минута, въ которую онъ наполненъ своими чувствами, въ которую предметъ его, съ необыкновенною живостію и ясностію ему представляющійся, движеть, волнуетъ его воображеніе, въ которую онъ ощущаетъ сильное, непобѣдимое желаніе излить на бумагу свои идеи, быстро въ головѣ его скользящія,—есть минута поэтическаго вдохновенія. Оно необходимо для живого, привлекательнаго изображенія: *Невдохновенный* поэтъ, то есть не восхитившійся тѣмъ предметомъ, которымъ другихъ восхитить намѣренъ, будетъ холоденъ и сухъ въ своихъ произведеніяхъ, и слѣдственно не воспламенитъ своего читателя. Живость, сила, разнообразіе, смѣлость, новостъ выраженій приличны поэту; иногда предметъ, самъ по себѣ малозначащій, но украшенный и возвышенный стихотворческою фантазіей, получаетъ пріятность, дѣлается привлекательнымъ“. Приписка на поляхъ: „Что такое поэтъ, каковъ долженъ быть поэтъ, его науки. Marmontel, Encyclopédie, Blair, La Harpe“¹).

5. „*Стихотворный языкъ* долженъ отвѣчать предмету, избирае-

lich im Sinnlichen und Einzelnen; doch kann auch das Geistige und Allgemeine, insofern es sich wieder versinnlichen und für Einbildungskraft und Empfindung bearbeiten lässt, zum poetischen Stoff umgebildet werden. Ueberhaupt beschäftigt sich also die Poesie mit Darstellung, Beschreibung, Nachahmung und Ausdruck wirklicher oder erdichteter Gegenstände, Begebenheiten, Handlungen oder Gesinnungen, deren stufenweise Entstehung, Wachsthum und Abnahme sie zu schildern vermag. Bei dem allen hat sie *Täuschung* zur Absicht, vermöge welcher man die abwesenden Gegenstände so lebhaft wie vorhandne empfindet, sie für wirklich nimmt, und seines gegenwertigen äusseren Zustandes dabei vergisst (стр. 47). Жуковский началъ было переводить этотъ § точно: „Предметомъ поэзій можетъ быть всякой“..., но затѣмъ зачеркнулъ эти слова (см. Бум. Жуков. № 83, л. 1). Въ его прибавкахъ о *пріятномъ* дѣйствіи предметовъ поэзій на чувства и объ *украшенномъ* видѣ изображенія слышатся отзвуки псевдоклассической поэтики, теоріи Баттё, имя котораго и отмѣчено Жуковскимъ на поляхъ далѣе на слѣдующемъ листѣ (Бум. Жуков. № 83, л. 2), среди указаній на источники, какіе имѣлись въ распоряженіи нашего поэта („Мармонтель, *Баттё*, Энциклопедія“).

¹ Въ основѣ этого § лежатъ §§ 5 и 12 Поэтики Эшенбурга. Послѣдній о вдохновеніи говоритъ: Wenn das poetische Genie sich thätig beweist, und die Seele des Dichters sich in einem Zustande vorzüglicher Lebhaftigkeit und Wirksamkeit befindet, so entsteht die poetische Begeisterung, deren Veranlassungen oft zufällige äussere Umstände, oft auch absichtliche Anstrengung und willkührlicher Schwung der Einbildungskraft sind. Sie verhält sich zur Poesie, wie Ursache zur Wirkung.. (стр. 52). Отступленія Жуковскаго отъ подлинника объясняются вліяніемъ французской поэтики, представителей которой онъ называетъ въ припискѣ на поляхъ.

тому стихотворцемъ, который кладетъ на него печать своихъ мыслей, чувствъ и самаго характера. Картины, смѣлые обороты, метафоры, все сіе зависитъ отъ живости мыслей, отъ дѣятельности его воображенія, отъ той пылкой, животворной чувствительности, которая представляетъ ему предметы съ лучшей, привлекательнѣйшей стороны ихъ, или научаетъ его украшать самые непривлекательные и производящіе непріятное впечатлѣніе“ ¹⁾.

6. „Предметы стихотворенія разнообразны, слѣдовательно и представлены должны быть разнымъ образомъ. Отсюда проистекаютъ сіи различныя формы поэтическаго изображенія, которыя стихотворецъ выбираетъ вмѣстѣ съ своимъ предметомъ, напримѣръ онъ слѣдуетъ правиламъ *животисной* поэзіи, когда описываетъ въ стихахъ вещи, наружный ихъ образъ, качества, описываетъ такъ, какъ они представляются его воображенію; *басни* или *повѣсти*, когда представляетъ исторически какой-нибудь случай, какое-нибудь дѣйствіе, справедливое или выдуманное; *драмы*, когда самъ подражаетъ какому-нибудь дѣйствію посредствомъ разговора или видимаго представленія; *дидактической поэмы*, когда изображаетъ въ стихахъ какую-нибудь моральную истину или предписываетъ правила науки, искусства; *оды*, *гимна*, когда предается своему восторгу и, вдохновенный гениемъ, свободно выражаетъ сильныя чувства его наполняющія“ ²⁾.

§§ 4-го, 5-го и 6-го въ перебѣленномъ текстѣ Жуковскаго нѣтъ; § 6 въ черновомъ даже зачеркнутъ. Вмѣсто того перебѣленный текстъ имѣетъ такое продолженіе:

„Поэтъ. Поэтъ долженъ быть одаренъ отъ природы сильнымъ творческимъ воображеніемъ, яснымъ умомъ и тонкимъ вкусомъ. Сіи способности не приобрѣтаются, но они могутъ быть образованы ученіемъ, дѣятельностью, трудами. Природа совершенствуется искусствомъ... Поэтъ имѣетъ нужду въ совершенномъ знаніи языка своего и правилъ своего искусства“ ³⁾.

¹⁾ Здѣсь Жуковскій вкратчѣ пересказываетъ содержаніе § 6 Поэтики Эшенбурга; объ украшеніи непривлекательныхъ предметовъ у Эшенбурга нѣтъ,—это Жуковскимъ прибавлено отъ себя, въ духѣ ложно-классическихъ правилъ.

²⁾ Этотъ § представляетъ довольно близкій къ подлиннику пересказъ § 7 Поэтики Эшенбурга.

³⁾ Мы имѣемъ здѣсь близкое воспроизведеніе того, что сказано Эшенбургомъ въ § 10-мъ и началъ § 11-го введенія въ Поэтику. Нѣмецкій текстъ таковъ: 10. Poetisches Genie besteht... in einer behenden Empfänglichkeit sinnlicher Eindrücke, in einem lebhaften und starken Gefühl, in einer reichen und fruchtbaren Einbildungskraft, verbunden mit reifer Beurtheilung und feinem Geschmack. Diese Fähigkeiten

На этомъ кончается написанный Жуковскимъ отрывокъ введенія въ поэтику. Сличеніе его съ текстомъ Эшенбурга приводитъ къ выводу, что это не переводъ нѣмецкаго подлинника, а, дѣйствительно, какъ предупреждаетъ и самъ Жуковский, свободный пересказъ, въ который временами врываются отклики неоклассической французской поэтики. Повидимому, Жуковский, выполняя эту работу, стремился формулировать для себя свои собственные взгляды, какіе получались у него въ результатъ изученія доступныхъ ему источниковъ и пособій.

За пересказомъ части введенія послѣдовалъ ¹⁾ исполненный нашимъ поэтомъ болѣе близкій къ нѣмецкому оригиналу переводъ главы поэтики Эшенбурга—о лирической поэзіи ²⁾:

„*Что такое лирическая поэзія.* Лирическая поэзія есть выраженіе пылкихъ чувствъ, или лучше сказать страстныхъ чувствъ, объемлющихъ душу поэта, сильно дѣйствующихъ на его воображенію, которое быстрымъ и смѣлымъ своимъ ходомъ опредѣляетъ и самый ходъ его мыслей. Лирическіе стихи отличаются особенною полнотою и гармоніей, размѣромъ, приличнымъ для пѣнія и музыки и симметрическимъ раздѣленіемъ на строфы, которыя обыкновенно должны быть одинаковой обширности и формы и имѣть одинаковое стопосложеніе ³⁾).

„*Ея раздѣленіе.* Отъ многочисленныхъ и разнообразныхъ чувствъ,

erhält der Dichter, wenigstens der Anlage nach, von der Natur; sie hängen größtentheils von ursprünglicher Organisation und Gemüthsart ab; indess kann er ihre Vollkommenheit durch Übung, Anwendung und Ausbildung gar sehr erhöhen.— 11. Ausser diesen zum Theil angeborenen Fähigkeiten sind dem Dichter auch mancherlei erworbene Kenntnisse unentbehrlich. Dahin gehören besonders die Regeln seiner Kunst, die Sprache, worin er dichtet... (стр. 51).

¹⁾ Бумаги Жуковскаго, № 83, л. 5—9.

²⁾ Въ Поэтикѣ Эшенбурга матеріалъ расположенъ въ такомъ порядкѣ: Einleitung, von der Poesie überhaupt. — Epische Dichtungsarten: I. Poetische Erzählung: 1) Aesopische Fabel; 2) Poetische Erzählung; 3) Allegorie. II. Das Schafergedicht. III. Das Epigramm und andere kleinere Dichtungsarten. IV. Die Satire. V. Das Lehrgedicht und die Epistel. VI. Die Elegie. VII. *Die lyrische Poesie*. VIII. Das Heldengedicht. — Dramatische Dichtungsarten: I. Das poetische Gespräch; II. Die Heroide; III. Die Kantate; IV. Das Drama überhaupt: V. Das Lustspiel; VI. Das Trauerspiel; VII. Die Oper.

³⁾ Въ подлинникѣ: Lyrische Poesie ist sinnlich vollkommener Ausdruck leidenschaftlichen Gefühls, welches die ganze Seele des Dichters einnimmt, auf die Einbildungskraft desselben lebhaft wirkt, und nach dem Gange derselben seine Ideenfolge leitet, vermitteltst gleicher Fülle der Rede, und einer bestimmten, für den Gesang vorzüglich schicklichen, Abmessung der Verse, die in Strophen getheilt werden, welche gewöhnlich von einerlei Sylbenmaass, Verslänge und Umfange sind (стр. 145).

которыя могутъ наполнять душу поэта и производить въ ней лирическое вдохновеніе, проистекають и различные роды лирической поэзіи; сіе различіе опредѣляется или самымъ характеромъ чувствъ, или степенью ихъ силы, или качествомъ ихъ предмета, или наконецъ самымъ образомъ ихъ выраженія. Вообще лирическую поэзію можно раздѣлить на два класса: на собственно такъ называемую *оду* и на *пѣсню*; къ первой принадлежать предметы возвышеннѣйшіе, чувства сильнѣйшія, большее пареніе мыслей и большая смѣлость выраженія; послѣдняя, напротивъ, изображаетъ кроткія, тихія, нѣжныя чувства, занимается предметами не столь возвышенными и вообще имѣетъ тонъ легкій, умѣренный¹⁾. На поляхъ приписано: „Роды лирической поэзіи, Сульцеръ, Мармонтель, Батте“²⁾.

„*Ода*. Ода собственно такъ называемая опять можетъ быть раздѣлена на нѣсколько классовъ: къ ней принадлежать *имны*, или пламенные пѣсни въ честь Божества и его творенія; *героическія оды*, имѣющія предметомъ великія дѣйствія челоѣковъ, славныя достопамятныя происшествія; *философическія оды*, обыкновенно производимыя сильнымъ ощущеніемъ какихъ-нибудь великихъ истинъ, живо дѣйствующихъ на стихотворную фантазію и легко преобращающихся въ чувства. Источникъ сего послѣдняго класса оды бываетъ также троякій и заключается или въ чрезмѣрной ясности и силѣ мыслей, возбуждаемыхъ разсматриваніемъ какой-нибудь истины, или въ необычайной дѣятельной живости воображенія, или въ отчужденной растроганности и страстномъ волненіи сердца“³⁾.

„*Вдохновеніе, лирическая смѣлость, лирической безпорядокъ*. Въ лирикѣ предполагается сильнѣйшее вдохновеніе, то есть живость или жаръ въ высочайшей степени. Сіе вдохновеніе должно наполнить его душу въ ту самую минуту, когда она исключительно занята своимъ предметомъ и когда стремится выразить чувства, симъ предметомъ въ ней возбужденныя. Оно есть источникъ великихъ, возвышенныхъ, необыкновенно живыхъ образовъ, картинъ и чувствъ, сообщаемыхъ

¹⁾ Близкій переводъ § 2 данной главы нѣмецкаго подлинника: срв. *Eschenburg, Entwurf*, стр. 145—146.

²⁾ Очевидно, слѣдуя своему правилу: „Во всякой наукѣ взять за образецъ одного автора, котораго дополнять или опровергать другими“ (*Бумаги Жуковскаго, № 79, л. 5 обор.*), нашъ поэтъ хотѣлъ выполнить это и для переведеннаго имъ даннаго § поэтики Эшенбурга.

³⁾ Близкій переводъ § 3 данной главы поэтики Эшенбурга; срв. *Entwurf*, стр. 146.

самимъ стихамъ и называемыхъ *лирическою смѣлостію* или *пареніемъ*. Самая сія сила страсти и сіе исключительное стремленіе души къ ней одной лишаютъ поэта возможности сохранить методическій порядокъ въ теченіи своихъ мыслей, картинъ и выраженій; отъ сего происходитъ такъ называемый *лирическій беспорядокъ*, который можно скорѣе почесть видимымъ, нежели дѣйствительнымъ, ибо, несмотря на живость фантазіи стихотворческой, послѣдствіе и цѣпь мыслей должны быть сохранены въ совершенной цѣлости и непрерывности“ ¹⁾.

„*Единство и разнообразіе лирическое*. Во всякомъ лирическомъ произведеніи должно быть сохранено *единство предмета* и слѣдовательно единство главнаго чувства. Всѣ отдѣльныя части и стороны предмета, всѣ постороннія ощущенія, имѣющія нѣкоторое сродство съ главнымъ, суть многочисленные источники *лирической разнообразности*, ибо въ душѣ поэта вмѣстѣ съ натуральнымъ раскрытіемъ сильнаго чувства, ее наполняющаго, раскрываются безпрестанно и новые образы и новыя представленія. Дѣятельная сила фантазіи влечетъ ее ко всему имѣющему согласіе съ ея состояніемъ въ ту минуту; она производитъ сіи переходы отъ одного чувства къ другому, сіи быстрыя измѣненія, которыя только тогда могутъ быть допускаемы, только тогда натуральны, когда самый предметъ остается непремѣннымъ, а единственно разсматриваемый со многихъ сторонъ, дѣйствуетъ различно на стихотворца“ ²⁾.

„*Лирическое правдоподобіе*. Теченіе мыслей поэта въ одѣ должно имѣть нѣкоторое *правдоподобіе*, или яснѣе—лирическій поэтъ предметъ долженъ непремѣнно согласовать съ тѣми чувствами, образами и картинами, которые разсматриваніемъ его пробуждены въ душѣ стихотворца. Предметъ сей по своей важности и дѣйствию необходимо долженъ быть способенъ произвести сіе необычайное душевное напряженіе, котораго обыкновенно ищемъ въ лирикѣ; въ протавномъ случаѣ всякая ода будетъ не иное что, какъ принужденная игра

¹⁾ *Eschenburg*, Entwurf, стр. 146—147, § 4; вначалѣ переводъ не совсѣмъ точенъ: Жуковский распространяетъ на всю область лирики тѣ особенности, какія вѣмецкій теоретикъ приписываетъ только одѣ,—срв. вѣмецкій подлинникъ: *Begeisterung wird bei dem Odendichter in vorzüglichem Grade vorausgesetzt, weil seine ganze Seele mit ihrer jetzigen Hauptempfindung und deren Gegenstände innigst beschäftigt seyn muss...*

²⁾ Жуковский и здѣсь, давая въ общемъ близкій переводъ, распространяетъ на „всякое лирическое произведеніе“ то, что Эшенбургъ говоритъ только объ одѣ (Entwurf, стр. 147, § 5: *Einheit des Gegenstandes der Ode, etc.*). Выраженіемъ „*раскрытие чувства*“ нашъ поэтъ перевелъ *Entwicklung des Affekts, развитие чувства*.

фантазіи, произведеніе холоднаго, мертваго искусства, ничтожная или даже противная по своему дѣйствію, тогда какъ единственная цѣль лирической поэзіи есть трогать и воспламенять человѣческую душу, изумлять ее чудесными картинами и чувствами, возбуждать въ ней великія идеи, стремить ее ко всему возвышенному и необыкновенному могуществомъ поэзіи и гармоніи“¹⁾.

„*Краткость*. По натурѣ самой страсти, которая не долго можетъ существовать въ состояніи чрезмѣрнаго и неестественнаго могущества, *краткость* и въ мысляхъ и въ выраженіяхъ должна быть отличительнымъ характеромъ оды и вообще лирической поэзіи. Одна только высочайшая степень страсти (не ея постепенное приращеніе и упадокъ, которыхъ изображеніемъ больше занимается элегія), та степень, на которой страсть дѣйствуетъ во всей своей силѣ, безъ примѣси и препоны, и притомъ оставляетъ душѣ столько свободы, столько ясности представленія, что она совершенно можетъ выражать свои чувства и передавать ихъ другимъ, служить поводомъ къ лирическимъ пѣснямъ. Краткость сія ограничиваетъ не только всю цѣлостъ поэмы, но даже самыя отдѣльныя выраженія, которымъ сообщаетъ полноту, силу и рѣзкость“²⁾.

„*Возвышенность, чудесность, новостъ*. Въ высокиихъ и торжественныхъ одахъ возвышенность предмета и сила впечатлѣній, имъ производимыхъ, сообщаетъ возвышенность и мыслямъ и выраженіямъ лирики. Они нерѣдко украшаются чудеснымъ или необыкновеннымъ— тогда, когда въ предметѣ обнаруживается дѣйствіе какой-нибудь сверхъестественной силы, которое натурально приводитъ въ большее изумленіе душу стихотворца и читателя, и наполняетъ ее представленіями больше возвышенными. Все сіе служитъ источникомъ *новаго, неожиданнаго, изумительнаго* въ чувствахъ, образахъ, выраженіяхъ, которыя нерѣдко бывають произведеніемъ частнаго характера стихотворцевъ или того необычайнаго состоянія души, въ которомъ они точно находятся, или въ которое приводитъ ихъ лирическое вдохновеніе“³⁾.

¹⁾ Близкій переводъ § 6-го данной главы Эшенбурга (стр. 147—148). Только въ концѣ цѣль лирической поэзіи характеризуется Жуковскимъ самостоятельно, гораздо болѣе горячо, съ энтузіазмомъ; въ подлинникѣ стоитъ: Da sie (die Ode) hingegen, bei jenem gleichen Verhältniss zwischen ihrem Anlass und Schwunge jeden Leser durch sich selbst interessiren muss.

²⁾ Близкій переводъ § 7-го (стр. 148) Эшенбурга.

³⁾ Близкій переводъ § 8-го (стр. 148—149) Эшенбурга.

„Гимны. Гимны, которыхъ предметъ есть Богъ, а содержаніе— прославленіе и описаніе Божескихъ дѣлъ и качествъ, составляютъ возвышеннѣйшій родъ лирическихъ пѣсней и требуютъ отъ поэта вдохновенія въ высочайшей степени. Живое пламенное чувство любви къ Богу должно наполнять ихъ съ начала до конца, и чѣмъ возвышеннѣе религія поэта, тѣмъ возвышеннѣе будутъ и самыя его пѣсни, тѣмъ чувства его будутъ живѣе и способнѣе сообщиться слушателю или читателю. Многія изъ нашихъ обыкновенныхъ церковныхъ пѣсней имѣютъ высокое лирическое пареніе гимна: большая часть изъ нихъ болѣе пѣсни, нежели оды, больше изліянія тихой, размышляющей любви къ Богу, нежели обнаруженіе пламеннаго, возвышеннаго чувства религіи“¹⁾).

„Лучшіе гимны у древнихъ и новыхъ. Древность представляетъ намъ превосходнѣйшіе примѣры въ семъ родѣ лирической поэзіи. Первое мѣсто между ими занимаютъ нѣкоторыя лирическія пѣсни священнаго писанія, а послѣ ихъ разные греческіе гимны въ честь боговъ, изъ которыхъ одни приписываются Орфею и Гомеру, а другіе сочинены позже Каллимахомъ, Прокломъ и Клеантомъ. Также и нѣкоторыя хоры въ греческихъ трагедіяхъ можно причислить къ гимнамъ, а изъ лирической поэзіи римлянъ—нѣсколько одъ, сочиненныхъ Горациемъ. Лучшими творцами гимновъ у новыхъ народовъ почитаются: италіанцы Вернардо Тассо, Менцини, Лемене, Кіабрера; французы Ронзаръ, Ж.-Б. Руссо и Ле Франъ де Помпіньянъ; англичане Кауле (Cowley), Акензаидъ (Akenside), Приоръ (Prior), Томсонъ и Грей; нѣмцы Крамеръ, Клопштокъ, Виландъ, Лафатеръ и Гердеръ“²⁾).

„Героическая ода. Второй классъ оды собственно такъ называемой заключаетъ въ себѣ героическую оду, которой предметъ есть человекъ, его великія качества, дѣйствія, подвиги, предпріятія, слава. Она подчинена тѣмъ самымъ правиламъ, какимъ и священные пѣсни, только по свойству самаго своего предмета не можетъ имѣть такой смѣлости и такого возвышеннаго паренія, какое находимъ въ гимнахъ. Обыкновенно воспѣваетъ она людей, отличныхъ великостію духа, или происшествія чудесныя, разительныя, имѣющія обширное вліяніе“³⁾).

¹⁾ Близкій переводъ § 9-го (стр. 149) Эшенбурга.

²⁾ Близкій переводъ §§ 10-го и 11-го Эшенбурга (стр. 149—150).

³⁾ Близкій переводъ § 12-го Эшенбурга (стр. 151); недостаточно точно передана только послѣдняя фраза: *Gewöhnlich besingt sie... und solche Handlungen und*

„*Торжественные лирики.* Всѣ Пиндаровы пѣсни въ честь побѣдителей на греческихъ играхъ принадлежать къ героической одѣ, хотя вмѣшанная въ нихъ похвала боговъ нерѣдко возноситъ ихъ до самыхъ божественныхъ гимновъ. Большая часть Гораціевыхъ одъ суть героическія. Лирическая поэзія новѣйшихъ народовъ обогащена пѣснями сего рода и можетъ смѣло спорить о преимуществѣ съ древними. Наименуемъ превосходнѣйшихъ торжественныхъ лириковъ: Петрарка, Тести, Гвиди, Реди, Кіабрера и Фрюгони (Frugoni) у итальянцевъ; Малербъ, Ж.-Б. Руссо и младшій Расинъ у французовъ; Уаллеръ (Waller), Драйденъ, Попъ, Вестъ (West) и Грей у англичанъ; Крамеръ, Шлегель, Уцъ, Кронегъ, Вейссе, Каршинъ, Глеймъ, Рамлеръ, Клопштокъ, Денисъ, Масталье (Mastalier), Кречманъ и братья графы Штольберги у нѣмцовъ“ ¹⁾.

„*Диѳирамбъ.* Средину между гимномъ и героическою одою занимаетъ диѳирамбъ, смѣлая пламенная пѣснь, которая первоначально была пѣта на праздникахъ Бахуса въ Греціи, и которой самое наименованіе заимствовано отъ сего бога. Въ ней заключаются живѣйшія чувства, производимыя обыкновенно виномъ и присутствіемъ бога радостей Бахуса. Лирической безпорядокъ, смѣлость картинъ, новостъ выраженій—въ высочайшей степени составляетъ отличительный характеръ диѳирамба. Древніе имѣли ихъ множество, но почти всѣ потеряны; а въ наше время нѣкоторые итальянскіе и нѣмецкіе поэты подражали имъ въ стихотвореніяхъ сего рода“ ²⁾.

Философическая ода. Философическія оды имѣютъ предметомъ не умозрительныя, но практическія истины философін, и изъ этихъ послѣднихъ только такія, которыхъ убѣдительный, озаряющій блескъ можетъ сильно дѣйствовать на сердце стихотворца, ибо его стремленіе должно быть выше и быстрѣе дидактическаго, а языкъ оживленъ пламеннымъ чувствомъ. Всякое умствованіе, всякой учительской тонъ, всякое методическое раздробленіе истинъ и доказательствъ совершенно противны лирическому тону; пускай добродѣтель и должность должны преобразиться въ страстное чувство въ душѣ поэта—тогда онъ изобразить мысли въ картинахъ, а свои доказательства въ живыхъ и привлекательныхъ примѣрахъ“ ³⁾.

Vorfälle, die viel Geist, Anstrengung oder Beläugnung forderten, und von grosser, ausgebreiteter Wirkung waren.

¹⁾ Близкій переводъ §§ 13 и 14 Эшенбурга (стр. 151—152).

²⁾ Близкій переводъ § 15 (стр. 153).

³⁾ Близкій переводъ § 16-го (стр. 154). Осталась не переведенною послѣдняя

„*Философическіе лирики*. Многія изъ Гораціевыхъ одъ принадлежатъ къ философическимъ и почитаются образцами. Изъ новѣйшихъ поэтовъ писали философическія оды Ченстонъ (Shenstone), Акензайдъ (Akenside), миссъ Картеръ (Carter)—англичане; Ж. Б. Руссо, мл. Расинъ, Грессетъ, Томасъ—французы; Галлеръ, Гагедорнъ, Крейцъ, Гемингенъ, Уцъ и Рамлеръ—нѣмцы“ ¹⁾.

„*Пѣсня*. Пѣсня, составляющая второй классъ лирической поэзіи, имѣетъ съ первымъ одинъ общій характеръ, заключающійся въ полномъ выраженіи чувства и всѣхъ принадлежностей сего выраженія. Разница между ими та, что пѣсня изображаетъ чувства больше нѣжныя, нежели возвышенныя, какъ и предметы не столь высокіе и не столь обширное вліяніе имѣющія. Радостныя, тихія ощущенія религіи, удовольствіе при видѣ красотъ природы, утѣхи любви, наслажденія дружбы, семейственное счастье, шутки и забавы посреди шумнаго общественнаго круга—вотъ обыкновенное содержаніе пѣсни“ ²⁾.

„*Роды пѣсней*. Пѣсни, по различію ихъ содержанія и цѣли, могутъ быть раздѣлены на многіе роды: есть пѣсни *духовныя*, или священныя, выражающія тихія чувства религіи и не имѣющія ни быстраго паренія гимновъ, ни сухости простыхъ философическихъ умозрѣній, а вообще изображающія благотворное вліяніе религіи на ясную, спокойную и вмѣстѣ чувствительную душу; *національныя*, или *народныя*, которыхъ предметъ есть возбужденіе въ сердцѣ гражданина любви къ отечеству и общественному согласію или воспоминаніе нѣкоторыхъ происшествій изъ отечественной исторіи, достойныхъ быть незабвенными; *моральныя*, имѣющія цѣлю оживленіе благородныхъ чувствъ души человѣческой; *нѣжныя*, посвященныя любви и дружбѣ; наконецъ *общественныя*, сочиняемыя посреди веселаго круга друзей и наиболѣе изображающія шумныя удовольствія Бахуса“ ³⁾.

„*Тонъ пѣсни*. Тонъ, выраженіе и ходъ пѣсни должны отвѣчать ея содержанію. Простота, натуральность, легкость, пріятность и гармонія—вотъ главныя отличія пѣсней. Гармонія стиховъ тѣмъ больше

фраза подлинника: Auch kann ihn der Eifer wider Verbrechen und Laster zum lyrischen Gesange begeistern.

¹⁾ Переводъ § 17-го (стр. 154).

²⁾ Переводъ § 18-го (стр. 155).

³⁾ Переводъ § 19-го Эшенбурга (стр. 155—156). Послѣднія три категоріи пѣсней въ подлинникѣ опредѣлены такъ: *Moralische Lieder zur Belebung edler sittlicher Gefühle; leidenschaftliche Lieder zum Ausdruck sanfter Zärtlichkeit und inniger Freundschaft; und gesellschaftliche Lieder zur Belebung und Unterhaltung der durch Umgang und Tischgenossenschaft erweckten geselligen Fröhlichkeit.*

для нихъ необходима, что онѣ, предпочтительно передъ другими родами лирической поэзіи, опредѣлены для пѣнія и должны быть соединены съ гармонією музыки. Слѣдовательно, поэты, при выборѣ мѣры и расположенія строфъ, непремѣнно должны имѣть въ виду сіе ихъ назначеніе. Сверхъ того они обязаны въ своихъ чувствахъ, мысляхъ и выраженіяхъ сохранять сію цѣломудренную скромность, которая тѣмъ легче можетъ быть нарушена, чѣмъ сильнѣе будетъ впечатлѣніе, производимое на нихъ удовольствіемъ, или чѣмъ необузданнѣе будетъ свобода общественнаго круга, въ которомъ поэтическое вдохновеніе внезапно ихъ объемлетъ“ ¹⁾.

„*Происхожденіе тѣсни.* По всѣмъ вѣроятностямъ, пѣсня была первымъ источникомъ всякой поэзіи, первымъ и всеобщимъ изображеніемъ стихотворческаго чувства. Вездѣ находимъ лирическую поэзію соединенную съ танцемъ, музыкою и пѣніемъ, вездѣ гдѣ только есть начало гражданскаго общества, у самыхъ дикихъ и необразованныхъ народовъ. Содержаніе ихъ пѣсней есть или возбужденіе веселости и мужества, или изображеніе любви, или описаніе какихъ-нибудь историческихъ происшествій. Вѣроятно, что пастушеская жизнь первыхъ людей произвела множество стихотвореній, множество пѣсней любви и непорочности и веселія, возбужденнаго благотворнымъ вліаніемъ природы. У восточныхъ народовъ находимъ многочисленныя слѣды стихотворенія (sic) пѣсней“ ²⁾.

„*Греческія и римскія тѣсни.* Греки сочиняли множество пѣсней. До насъ дошли только имена стихотворцевъ и нѣкоторые ихъ отрывки. Форма и предметъ греческихъ пѣсней, такъ же какъ и нашихъ, были весьма разнообразны; извѣстнѣйшія между ими суть такъ называемыя *сколи* или пѣсни неопредѣленной мѣры, мнѣческаго, историческаго, моральнаго или смѣшаннаго содержанія, пѣтыя въ кругу общества или народомъ во время его разнообразныхъ занятій, къ которымъ обыкновенно бывали приурочены. Образцами лирической

¹⁾ Переводъ § 20-го (стр. 156). Вторая половина §-а въ подлинникѣ читается такъ: Der herrschende Ton des Liedes kann bloss gefühlvoll, oder zugleich beschreibend und erzählend seyn (эта фраза опущена Жуковскимъ при переводѣ). Uebrigens ist auch die Sittsamkeit, in Gedanken, Empfindungen und Ausdrücken, eine Pflicht, auf welche der Liederdichter desto sorgfältiger zu achten hat, je leichter ihn die Macht froher Empfindungen, und selbst der begeisterte Zustand, worein ihn Scherz und Fröhlichkeit des geselligen Lebens versetzen, über die Gränzen der Zucht hinaus führen können.

²⁾ Переводъ § 21-го (стр. 157). Последняя фраза въ подлинникѣ: Man findet daher bei den ältesten morgenländischen Völkern häufige Spuren der Liederpoesie.

легкости, простоты и пріятности могутъ служить пѣсни *Анакреона* и въ нѣжномъ родѣ отрывки стихотвореній *Сафы*, уроженицы Митиленской. Лучшія римскія пѣсни сочинены *Гораціемъ* и *Катуллою*, а въ наше время итальянцами: *Тести*, *Кіабрера*, *Палпи*, *Филикаа*, *Ролли*, *Метастазіо* и *Фругони*; испанцами: *Гарсилацпомъ де ла Вега*, *Эстевалломъ Манюэлломъ де Виллегасъ*, *Лудвикою де Леономъ* и *Вицентомъ д'Еспинелломъ*; французами: *Лафаромъ*, *Шолье*, *Ленецомъ* (*Lainez*) и пр.; англичанами: *Уаллеромъ* (*Waller*), *Пріоромъ* (*Prior*), *Ландсдовномъ* (*Landsdown*), *Ченстономъ* (*Shenstone*), *мистрисъ Барбо* (*Barbauld*), *Эйкайномъ* (*Aikin*), и нѣмцами: *Гагедорномъ*, *Уцомъ*, *Глеймомъ*, *Лессингомъ*, *Цахаріе*, *Кронегомъ* (*Cronegk*), *Вейсе*, *Якоби*, *Геццомъ* (*Götz*), *Клавдіусомъ* и *Бюргеромъ* ¹⁾.

„*Священныя или духовныя пѣсни*. Цѣль ихъ—возвышать или трогать душу представленіями и чувствами, приличными высокому достоинству религіи, или способствующими ея благотворному вліянію на человѣческое сердце. Духовная пѣснь должна быть исключительно посвящена обожанію Вышняго Существа и единственно Его, а не какое-нибудь третье лицо или не самого поющаго имѣть предметомъ. Ея характеръ—простота содержанія, ясность и понятность выраженій, благородство, чувство, языкъ, говорящій болѣе сердцу, нежели уму и воображенію,—однимъ словомъ, поэзія во всей натуральной и неукрашенной простотѣ ея. Извѣстнѣйшіе сочинители духовныхъ пѣсенъ: у англичанъ—*Уатсъ* (*Watts*), а у нѣмцевъ—*Геллертъ*, *Крамеръ*, *Клопштокъ*, *Шлегель*, *Шмитъ* (*C. A. Schmid*), *Лафатеръ*, *Неандеръ*, *Функъ* и *Базедовъ* ²⁾).

¹⁾ Переводъ §§ 22-го и 23-го (стр. 157—158) Эшенбурга.

²⁾ Содержаніе этого § восходитъ къ § 24 данной главы Эшенбурга (стр. 160); но Жуковский выпустилъ все, что придаетъ нѣмецкому тексту спеціально нѣмецко-протестантскій характеръ. Въ подлинникѣ читается: *Da die geistliche Liederpoesie in den neuern Zeiten, vornehmlich unter uns Deutschen, sehr wesentliche Verbesserungen erhalten hat, so verdient sie hier noch einige besondere Bemerkungen. Ihre Bestimmung ist die Unterhaltung der Andacht sowohl bei der häuslichen, als hauptsächlich bei der öffentlichen Gottesverehrung; und ihr Zweck, die Erhebung und Erwärmung des Gemüths durch Vorstellungen und Empfindungen, welche der hohen Würde der Religion gemäss, und der Wirksamkeit ihres wohlthätigen Einflusses beförderlich sind. Ein geistliches Lied sollte daher allemal Anbetung der Gottheit, und nur an sie, nicht an einen unbestimmten Dritten, oder an den Singenden selbst gerichtet seyn. Seiner allgemeinen Bestimmung wegen, muss der Inhalt einfach und leicht, der Ausdruck fasslich und deutlich, ohne Bilder und Anspielungen, aber dabei doch korrekt, edel und gefühlvoll seyn, und weniger Verstand und Phantasie,*

„*Романсъ и Баллада*. Романсъ и Баллада суть не иное что, какъ легкія лирическія повѣствованія важныхъ или неважныхъ, трогательныхъ или веселыхъ, трагическихъ или смѣшныхъ происшествій,—повѣствованія, которыхъ вся пріятность зависитъ отъ искусства и живости повѣствователя ²⁾. Источники ихъ многообразны: мѣѳологія, исторія, рыцарство, монастырская жизнь, сцены изъ обыкновенной общественной жизни или произвольные вымыслы стихотворческой фантазіи. Разказъ въ романахъ и балладахъ долженъ быть простъ, натураленъ, легокъ, пріятенъ и всегда приличенъ матеріи: веселье и забавенъ, когда описываемое происшествіе смѣшно или странно; простодушенъ, когда представляется какая-нибудь сцена изъ невинной пастушеской жизни или изображается грубость и простота деревенскихъ нравовъ; живописенъ, когда стихотворецъ описываетъ что-нибудь чудесное, мрачное, ужасное или необычайное. Пріятность и обманчивость сихъ разказовъ зависятъ наиболѣе отъ того, когда читатель будетъ совершенно согласенъ, разумѣется на то время, въ образѣ мыслей съ поэтомъ или съ представленнымъ имъ лицомъ,—слѣдовательно, когда онъ не станетъ опровергать размышленіемъ тѣхъ понятій, которыя могутъ быть основаны на простотѣ ума, на легковѣрїи, суевѣрности или на вымыслахъ необузданной фантазіи, а напротивъ дастъ полную свободу всѣмъ впечатлѣніямъ неограниченно

als Herz und Empfindung, beschäftigen. In den protestantischen Kirchen ist man in den drei letzten Jahrzehenden auf die Verbesserung des gottesdienstlichen Gesanges mit glücklichem Eifer bedacht gewesen. Die Engländer haben an Watts etc.

²⁾ Эта часть этого § восходитъ къ §§ 25-му и 27-му Эшенбурга (стр. 161—162), Жуковскій, впрочемъ, выражаетъ здѣсь скорѣе собственное пониманіе даннаго вида лирики, чѣмъ переводитъ Эшенбурга. Въ подлинникѣ стоить: Zu der leichtern Gattung der lyrischen Poesie ist auch die Romanze oder Ballade zu rechnen, die gemeinlich ihrem Inhalte nach erzählend, und ihrer Einkleidung nach lyrisch ist. Gewöhnlich ist irgend eine merkwürdige, oft auch an sich wenig erhebliche, aber durch den Vortrag des Dichters merkwürdig gemachte Begebenheit der Gegenstand dieser Dichtungsart, von leidenschaftlicher, tragischer, wundervoller, verliebter, oder auch bloss belustigender und scherzhafter Wendung. Mehr das Interessante der Begebenheit selbst, oder des dichterischen Vortrags, als der Umfang des Stoffs, und sein Reichthum an vielfachen einzelnen Umständen, belebt die darin erzählte Handlung (§ 25)... Vorzüglich hat die Laune des Dichters in die Wirkung und das ganze Kolorit seiner Erzählung sehr viel Einfluss; und der daraus entstehende Ton des Vortrags, der, dem Inhalte gemäss, tragisch oder komisch, ernsthaft oder scherzhaft; naif oder drollig ist, lässt sich mehr aus Beispielen abnehmen, als auf allgemeine Regeln zurückführen (§ 27).

на себя дѣйствовать ¹⁾. Такъ какъ повѣствованіе романсовъ не можетъ быть продолжительнымъ, то стихотворецъ обязанъ пропускать всѣ излишнія подробности, больше намекать о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, нежели ихъ описывать, и вообще наблюдать въ разсказѣ своемъ быстроту и краткость ²⁾. Множество романсовъ и балладъ находимъ какъ у испанцевъ и французовъ, которыхъ романсы однако не всегда повѣствовательные, такъ и у англичанъ, которые въ семъ родѣ поэзіи, особливо въ балладахъ ужаснаго содержанія, могли бы получить первенство, когда бы нѣмцы по праву его у нихъ не оспаривали“ ³⁾.

Глава о лирической поэзіи, видимо, наиболѣе интересовала Жуковского, который въ собственныхъ стихотворныхъ опытахъ не выходилъ пока за предѣлы лирики; эта глава и была переведена нашимъ поэтомъ вся, отъ начала до конца. Онъ приступилъ было къ переводу и слѣдующей—VIII-й—главы („Das Heldengedicht“), но изъ 49 параграфовъ, изъ которыхъ состоитъ эта глава, перевелъ только девять и начало десятого. Вотъ этотъ отрывокъ, озаглавленный „Эпическая поэзія“ ⁴⁾:

„Что такое эпопея. Героическая эпическая поэма или эпопея есть стихотворный разсказъ о какомъ-нибудь дѣйствиіи, важномъ по своему предмету, по обстоятельствамъ, препятствіямъ съ нимъ соединеннымъ и по обширности своего вліянія. Она по содержанію своему

¹⁾ И въ этой части этого § Жуковский столь же свободно относится къ своему оригиналу: Die Quellen, woraus der Romanzendichter seinen Stoff zu entlehnen pflegt, sind die Mythologie, die Geschichte, die Ritterzeiten, das Klosterleben, gemeine tägliche Vorfälle, oder das weite Gebiet der willkürlichen Dichtung. Am schicklichsten wird dieser Stoff zur Romanze durch einen gewissen Anstrich des Wunderbaren, Abentheuerlichen, Neuen, Schauerhaften oder Lächerlichen. Gemeinlich pflegt der Stoff in den ritterlichen Romanzen mehr ein Vorfall aus dem Privatleben des Ritters, als eine seiner öffentlichen Heldenthaten zu seyn. Ihre Täuschung beruht gewöhnlich darauf, dass sich der Leser mit dem Dichter in eine Gemüthsfassung versetzt, die allen Eindrücken dieser Wirkungsmittel willig Raum giebt, und Meinungen, die auf Eingeschränktheit der Begriffe, Leichtgläubigkeit, Einfalt, Aberglauben und Bildern schwärmerischer Phantasie beruhen, durch kein schärferes Nachdenken aufzulösen und zu berichtigen sucht (§ 26, стр. 161—162).

²⁾ Взято отчасти изъ § 27 Эшенбурга (стр. 162), гдѣ читаемъ: Da die Erzählung der Romanze keinen grossen Umfang hat, so übergeht sie alle die ausserwesentlichen Umstände der Begebenheit, oder deutet sie doch nur durch kurze Winke an.

³⁾ Эта послѣдняя часть—переводъ § 28-го Эшенбурга (стр. 162—163).

⁴⁾ Бумаги Жуковского, № 83, л. 9 обор.—л. 11.

и тону раздѣляется на *героическую* и *шутливую*. *Романическая* (gottmantische) занимает средину между сими двумя классами“¹⁾.

„*Дѣйствіе или басня*. Дѣйствіе всякой эпической поэмы называется баснею, хотя оно равномерно можетъ быть и вымысленнымъ и истиннымъ. Въ послѣднемъ случаѣ поэтъ съ одной стороны облегчаетъ трудъ свой, а съ другой, напротивъ, себя ограничиваетъ. Будучи повѣствователемъ истины, онъ долженъ непременно сохранить хотя нѣкоторыя главныя черты ея, а въ представленіи характеровъ всегда согласоваться съ извѣстными оригиналами. Обыкновенно эпопея бываетъ смѣсью и справедливаго и вымысленнаго, то есть стихотворецъ заимствуетъ изъ исторіи одно происшествіе и главныя дѣйствующія лица своей поэмы, а въ расположеніи самаго дѣйствія и во всѣхъ его обстоятельствахъ повинуется одной стихотворческой фантазіи. Онъ долженъ только сохранить во всемъ правдоподобіе и приличіе“²⁾.

„*Единство*. Единство есть необходимѣйшее и важнѣйшее качество эпическаго дѣйствія; оно состоитъ въ направленіи сего дѣйствія къ одной, всегда видимой точкѣ зрѣнія. Единство главнаго лица и единство времени, въ которое совершается дѣйствіе, не могутъ быть достаточны; необходимо нужно, чтобы и самой предметъ эпической поэмы былъ единое, порядочное, изъ многихъ разнообразныхъ частей составленное цѣлое. Стихотворецъ обязанъ ни на минуту не выпускать его изъ виду, ни на минуту не забывать его при всѣхъ постороннихъ или вводныхъ обстоятельствахъ. Единство эпическаго дѣйствія будетъ совершеннѣе, когда оно въ одно время будетъ заключать въ себѣ и простоту дѣйствія, то есть когда сохранится порядокъ, ясность и незапутанность въ его расположеніи. Полнота дѣйствія не раздѣлима съ его единствомъ“³⁾.

„*Эпизоды*. Несмотря на то, что главное дѣйствіе всякой эпической поэмы должно быть единственнымъ, въ составъ ея входятъ и *эпизоды*, или вводныя, побочныя происшествія, имѣющія нѣкоторое отношеніе къ главному и съ нимъ одною нитію связанныя. Они разнообразяютъ и служатъ для наполненія эпическаго повѣствованія, котораго продолжительность легко могла бы сдѣлаться утомительною. Они всегда подчиняются главному дѣйствію, всегда уступаютъ ему и въ важности и въ занимательности, и, однимъ словомъ, служатъ только для одного увеличенія впечатлѣнія, имъ производимаго, такъ

¹⁾ Пересказъ § 1-го VIII-й главы Поэтики Эшенбурга (стр. 164).

²⁾ Переводъ § 2-го (стр. 164—165).

³⁾ Близкій пересказъ § 3-го (стр. 165).

точно, какъ въ исторической картинѣ всѣ второклассныя лица представляются для одного главнаго и съ нимъ только вмѣстѣ, а не каждое особенно, производятъ свое дѣйствіе. Обыкновенно эпизоды только въ такомъ случаѣ могутъ имѣть мѣсто, когда въ самомъ дѣйствіи случается остановка, или когда они могутъ наполнить промежутокъ въ его теченіи; въ противномъ случаѣ они только причиняютъ замедленіе въ ходѣ повѣствованія и будутъ излишествомъ“ ¹⁾.

„*Возвышенность или важность дѣйствія.* Второе необходимое качество эпического дѣйствія есть важность его или возвышенность. Оно возбуждаетъ и поддерживаетъ въ читателѣ вниманіе и оправдываетъ пышный, торжественный тонъ стихотворца. Слѣдовательно, всякой эпической поэтъ долженъ выбирать такое происшествіе, которое бы по своей важности и по характеру лицъ, въ немъ дѣйствующихъ, такъ какъ и по всѣмъ обстоятельствамъ, препятствіямъ и слѣдствіямъ, съ нимъ соединеннымъ, могло бы непремѣнно (натурально) быть привлекательнымъ или достойнымъ украшенія стихотворческой фантазій. Немало выигрываетъ эпическое дѣйствіе отъ древности и удаленія того времени, изъ котораго оно заимствовано: древность гораздо больше говоритъ воображенію, характеръ ея величественнѣе; она даетъ большую свободу и большое правдоподобіе вымысламъ поэтическимъ“ ²⁾.

„*Эпическій интересъ или занимательность.* Эпическая поэма должна быть интересна, привлекательна: свойство неразлучное съ важностію главнаго дѣйствія, съ торжественнымъ тономъ повѣствователя, и наиболѣе съ занимательностію самаго предмета, который долженъ возбуждать все вниманіе въ читателѣ. Сія привлекательность находится во всемъ, какъ въ главномъ дѣйствіи, такъ и въ эпизодахъ и въ характерахъ, и въ положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ, и въ самомъ образѣ повѣствованія. Эпическій интересъ обыкновенно бываетъ троякій: или интересъ человечества, или интересъ націи, или интересъ религіи. Первый по своей обширности есть сильнѣйшій и дѣйствительнѣйшій.—Препятствія, изобрѣтаемыя стихотворцемъ и затрудняющія совершеніе эпическаго дѣйствія, усиливаютъ сей интересъ. Поэтъ, могуществомъ поэзій и искусствомъ своего разсказа, такъ сильно очаровываетъ читателя, что онъ, такъ сказать, пересе-

¹⁾ Переводъ § 4-го (стр. 165—166). Жуковскій иначе представляетъ значеніе эпизодовъ; въ подлинникѣ: Nebenhandlungen, oder Episoden, deren Veranlassung, Grund und Zusammenhang in der Haupthandlung liegt...

²⁾ Переводъ § 5-го (стр. 166).

ляется духомъ въ самихъ героевъ, раздѣляетъ съ ними ихъ опасности, съ ними вмѣстѣ преодолеваетъ всѣ препятствія и съ любопытнымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ заключенія. Все это называется *завязкою* и *развязкою* эпической поэмы. Счастливая развязка обыкновеннѣе и приличнѣе, хотя не почитается необходимою¹⁾.

„*Дѣйствующія лица и характеры.* Дѣйствующія лица эпической поэмы должны своимъ достоинствомъ, важностію и характеромъ согласоваться со всѣми назначенными выше качествами главнаго эпическаго дѣйствія. Сіе достоинство опредѣляется наружною высокостію лицъ, нежели ихъ внутренними свойствами и великостію ихъ генія. Отъ нихъ не требуется доброты моральной, которая, будучи общимъ характеромъ, могла бы произвести однообразіе и лишитъ эпическую поэму дѣятельнѣйшей пружины—боренія страстей человѣческихъ.— *Характеры* эпическихъ лицъ, которыхъ различіе основано на особенностяхъ націи, времени, состоянія, лѣтъ, и личныхъ качествахъ, должны быть счастливо выбраны, представлены сходно и выразительно, нерѣдко представлены въ противоположности одинъ съ другимъ и всегда выдержаны. Во всѣхъ, даже самыхъ малѣйшихъ дѣйствіяхъ, рѣчахъ и выраженіяхъ эпическаго лица необходимо точнѣйшее соотвѣтствіе. Чѣмъ меньше довольствуется поэтъ общими характерными чертами, чѣмъ отдѣльнѣе и отличительнѣе изображаетъ онъ дѣйствія и чувства своихъ героевъ, тѣмъ самой образъ ихъ становится явственнѣе и самые характеры ихъ разительнѣе. Но все искусство его должно устремиться на характеръ главнаго героя: онъ есть самый видимый и разительнѣйшій предметъ въ картинѣ, предметъ, вокругъ котораго всѣ другіе, больше или меньше ему подчиненные, примыкаютъ какъ къ средоточію²⁾).

„*Чудесное въ эпической поэмѣ.* Чѣмъ больше героическаго, изумительнаго и чрезвычайнаго въ эпическомъ дѣйствіи, тѣмъ приличнѣе ему *чудесное*. Оно проистекаетъ...“³⁾.

Здѣсь отрывокъ оканчивается (на полстраницѣ); Жуковскій прервалъ свою работу надъ переводомъ поэтики Эшенбурга, и отъ теоріи поэзіи обратился къ практикѣ.

Въ дневникѣ Жуковскаго, подъ 16-мъ ноября 1805 года, стоитъ замѣтка о его планахъ на будущее; здѣсь между прочимъ читаемъ:

¹⁾ Этотъ § перевода Жуковскаго соответствуетъ §§ 6-му и 7-му Эшенбурга (стр. 166—167). Переводъ довольно близокъ къ подлиннику.

²⁾ Вязкій пересказъ §§ 8-го и 9-го (стр. 167—168).

³⁾ Начало § 10-го Эшенбурга (стр. 168).

„Въ февралѣ переведу Эшенбурга, а въ мартѣ и апрѣлѣ (1806 г.) напишу къ нему прибавленіе...“¹⁾. Не составляетъ ли части этого „прибавленія“, или матеріаловъ для него—начатый нашимъ поэтомъ трудъ подъ заглавіемъ: „Историческая часть изящныхъ искусствъ“, остановившійся на 152 параграфѣ перваго отдѣла подъ заглавіемъ: „Археологія литературы и изящныхъ художествъ у грековъ и римлянъ“, и сохранившійся въ рукописи Публичной Библіотеки, Бумаги Жуковскаго, № 84, писанной на такой же синей бумагѣ съ водянымъ знакомъ 1804 года, на какой написанъ и переводъ изъ поэтики Эшенбурга?

Трудъ этотъ—конспектъ отрывка изъ другой книги того же Эшенбурга: „Handbuch der klassischen Literatur“, которая раздѣляется на такія части: I. Archäologie der Literatur und Kunst; II. Kurze Uebersicht der klassischen Schriftsteller des griechischen und römischen Alterthums; III. Mythologie der Griechen und Römer; IV. Griechische Alterthümer; V. Römische Alterthümer.

Жуковскій даетъ вначалѣ нѣсколько предварительныхъ объясненій:

„§ 1. *Археологія* есть руководство къ познанію памятниковъ древности. Сіи памятники суть или словесныя, литературныя произведенія, или произведенія художествъ.

„§ 2. *Древности* заключаютъ въ себѣ все принадлежащее до публичныхъ заведеній, до гражданства, до религіи, до законовъ, до политической и приватной жизни древнихъ.

„§ 3. Памятники, которые разбираетъ археологія, суть: 1) *письменные*: *Рукописи* на египетскомъ папирѣ и пергаментѣ, *надписи* на камняхъ и металлахъ и 2) *Художественные*: остатки публичныхъ и приватныхъ зданій и остатки образовательныхъ искусствъ, подъ которыми заключаются валяніе, живопись, скульптура и рѣзьба. Слѣдовательно археологія имѣетъ собственно двѣ части, изъ которыхъ первая называется *палеографія*, и отчасти входитъ въ нее *дипломатика*, а другая—собственно такъ называемая *археологія*“.

Затѣмъ, подъ заглавіемъ: „*Эшенбургъ, I. Первоначальныя познанія человеческія; ихъ образованіе*“, дается краткое изложеніе введенія (Einleitung) къ книгѣ Эшенбурга, которое въ подлинникѣ озаглавляется такъ: Ueber den ersten Ursprung menschlicher Kenntnisse, und ihre Ausbildung zu Wissenschaften und Künsten.

¹⁾ И. А. Бычковъ, Дневники Жуковскаго, стр. 29.

Эшенбургъ началъ свою книгу такъ:

1. Der Mensch, in seinem ursprünglichen, natürlichen Zustande, hatte zwar schon alle Anlage und Fähigkeit zu mancherley Arten der Erkenntniss, in der vorzüglichen Vollkommenheit seiner Seelenkräfte, die er vor den vernunftlosen Geschöpfen voraus hat, und in der Besonnenheit, oder dem Vermögen, sich seiner Vorstellungen und Empfindungen bewusst zu seyn, und sie seinem Gemüthe durch gewisse Merkmale gegenwärtig zu erhalten; er besass aber noch keinen wirklichen Vorrath von anerschaffnen Kenntnissen und Fertigkeiten; viel weniger Einsicht in den Zusammenhang wissenschaftlicher oder kunstmässiger Regeln und Vorschriften, die erst Folgen langer Beobachtung und gereiften Nachdenkens sind ¹⁾.

Жуковский передаетъ это въ такомъ видѣ:

„§ 4. Человѣкъ въ своемъ натуральномъ состоянїи имѣетъ одну способность къ приобрѣтенію познаній, заключенную въ совершенствѣ образованія его душевныхъ качествъ и въ расположенїи сохранять получаемыя понятія, ихъ разбирать и разсматривать“.

Подобнымъ же образомъ, сокращенно, конспективно, изложено нашимъ поэтомъ все введеніе Эшенбурга.

Содержаніе этой части работы самимъ Жуковскимъ такъ формулировано въ приложенномъ имъ къ своему конспекту оглавленїи ²⁾.

§ 4. Человѣкъ въ натуральномъ состоянїи.

§ 5. Какъ совершенствуются его способности.

§ 6. Языкъ и общественная жизнь.

§ 7. Что прежде родилось—искусства или науки?

§ 8. Каковы были первыя познанія; ихъ цѣльность.

§ 9. Познанія до потопа и вскорѣ послѣ потопа.

§ 10. Первыя потребности людей и первыя ихъ занятія.

§ 11. Различіе въ занятіяхъ отъ чего происходило. Что должно было произвести землепашество?

§ 12. Домостроительство, обработка металловъ.

§ 13. Подражательныя искусства, когда и какія прежде произошли.

§ 13 (sic). Языкъ—не врожденное искусство; его первоначальная бѣдность.

¹⁾ У меня подъ рукою было 4-ое изданіе: Handbuch. d. class. Literatur... von Eschenburg, Berl. und Stettin, 1801. См. стр. 3—4.

²⁾ „Таблица, принадлежащая къ исторической части изящныхъ искусствъ“ (та же рукопись Публич. Библ., Бумаги Жук. № 84, листъ 21).

§ 14. Письмо; какимъ образомъ до его рожденія сохранялись идеи и сообщались.

§ 15. Знаки другого рода.

§ 16. Сія знаки получаютъ символическій смыслъ.

§ 17. Ихъ сокращеніе; условные знаки.

§ 18. Буквы и слова; кому припис. ихъ изобрѣтеніе.

§ 19. Первоначальное употребленіе письма. Матерія, на которой писали.

§ 20. Содержаніе первыхъ писаній. Древнѣйшія книги.

§ 21. Первые науки.

§ 22. Медицина. § 23. Ариметика. § 24. Звѣздохетство.

§ 25. Геометрія. § 26. Географія.

§ 27. Египетъ и Азія—колыбель наукъ; почему?

§ 28. Науки и искусства пересаженныя въ Грецію.

§ 29. О чемъ будетъ говорено въ археологіи.

§ 30. Польза этого познанія древностей.

Далѣе слѣдуетъ глава II: *Древности греческой литературы при ея началѣ и первомъ образованіи*; въ подлинникѣ это—первая глава первой части, подъ заглавіемъ: *Alterthümer der griechischen Literatur in ihrer Entstehung und ersten Fortbildung* ¹⁾). У Жуковского изложеніе конспективное, съ нѣкоторыми пропусками,—напр., опущенъ § о греческомъ придыханіи (spiritus): нашъ поэтъ, не имѣвшій понятія о греческомъ языкѣ, очевидно, просто не понялъ этого параграфа у Эшенбурга, почему и выпустилъ его.

Содержаніе этой главы (по „Таблицѣ“ Жуковского):

§ 1. Первоначальное состояніе Греціи. Гдѣ прежде всего явились искусства и науки.

§ 2. Первые познанія въ Греціи, кто ихъ принесъ; алфавитъ; счетъ.

§ 3. Измѣненіе алфавитныхъ знаковъ.

§ 4. Направленіе строкъ.

§ 5. Величина буквъ; сокращенія; монограммы.

§ 6. Знаки ударенія и препинанія.

§ 7. Матерія, на которой писали греки.

§ 8. Перья ихъ. § 9. Что служило вмѣсто чернилъ.

§ 10. Форма книгъ. § 11. Форма другого рода.

§ 12. Ремесло списчиковъ, ихъ различныя наименованія. Списчики въ среднихъ вѣкахъ.

¹⁾ Handbuch, стр. 21 и слѣд.

§ 13. Рѣдкое употребленіе письма у древнихъ грековъ.

§ 14. Какъ тогда преподавались науки; что такое былъ мудрецъ.

Третья глава конспекта Жуковского озаглавлена: „*Древности Греческой литературы въ ея цвѣтущемъ состояніи, до самаго ея упадка*“, и восходитъ ко II главѣ Эшенбурга: *Alterthümer der griechischen Literatur in ihrer blühendsten Epoche bis zu ihrem Verfall* ¹⁾).

Содержаніе (по „Таблицъ“):

§ 15. Эпоха блистательнѣйшаго состоянія наукъ въ Греціи.

§ 16. Что способствовало ихъ усовершенствованію у Грековъ.

§ 17. Какими науками греки занимались съ успѣхомъ и искусствомъ.

§ 18. О чемъ будетъ говорить авторъ археологіи.

§ 19. Воспитаніе грековъ.

§ 20. Гимнастика.

§ 21. Музыка, что значила у грековъ.

§ 22. Музыкальные споры, въ какое время и гдѣ происходили; кто въ нихъ участвовалъ; судьи.

§ 23. Чего требовалось отъ спорящихъ; порядокъ спора; награды.

§ 24. Читенія сочиненій. § 25. Чтецы, анагносты.

§ 26. Симпозіи.

§ 27. Греки имѣли по большей части энциклопедическія познанія.

Главные предметы ихъ ученія.

§ 28. Грамматика. Ея обширность, ея раздѣленіе.

§ 29. Философія — любимая наука грековъ. Секты. Раздѣленіе философіи.

§ 30. Образы предложенія. Какой лучший.

§ 31. Школы публичныя. § 32. Попеченіе объ нихъ.

§ 33. Библіотеки греческія. Славнѣйшія.

§ 34. Путешествія. § 35. Упадокъ и причины упадка Греціи.

Четвертая глава конспекта—„*Остатки и памятники греческой литературы*“; у Эшенбурга это—третья глава: *Ueberreste und Denkmäler der griechischen Literatur* ²⁾). Содержаніе:

§ 36. Какіе остатки и памятники.

§ 37. *Надписи*, къ чему служить.

§ 38. На чемъ обыкновенно находятъ надписи, каковы они. Эпиграмма.

¹⁾ Handbuch, стр. 32 и слѣд.

²⁾ Handbuch, стр. 43 и слѣд.

§ 39. Что нужно для разбирания надписей.

§ 40. Славнѣйшія надписи.

§ 41. *Надписи на монетахъ.* Къ чему нужно объ нихъ познаніе.

§ 42. Время тисненія монетъ и народы, введшіе его въ употребленіе.

§ 43. Древнѣйшія монеты.

§ 44. Число и названіе древнихъ монетъ.

§ 45. *Рукописи.* § 46. Ихъ древность. § 47. Какъ сохранились и распространены.

§ 48. Какъ опредѣлять точно древность рукописей.

§ 49. Примѣры признаковъ древности рукописей.

§ 50. Польза отъ знанія рукописей. § 51. Къ чему служитъ словесная критика.

§ 52. Древнѣйшія рукописи.

Пятая глава конспекта Жуковского озаглавлена „*Греческія Древности*“; она восходитъ къ IV части книги Эшенбурга — *Griechische Alterthümer*¹⁾; начинается введеніемъ (*Einleitung*):

§ 53. Имя Греціи. § 54. Границы и раздѣленіе Греціи.

§ 55. Славнѣйшіе города въ Греціи.

§ 56. Перемены въ формѣ правленія.

§ 57. Первые обитатели и первыя важныя историческія происшествія въ Греціи.

§ 58. Основаніе общественности.

§ 59. Уничтоженіе царской власти; его слѣдствія.

§ 60. Законы въ Греціи. § 61. Законы и перевороты аѳинскіе.

§ 62. Главныя причины цвѣтущаго состоянія Греціи.

§ 63. Древности къ чему служатъ. § 64. Изъ какихъ источниковъ почерпается понятіе о древностяхъ.

§ 65. Какой порядокъ можно въ нихъ соблюсти.

Отдѣлъ о греческихъ древностяхъ Эшенбургъ раздѣлилъ на двѣ части: I. *Griechische Alterthümer des frühern, weniger gebildeten Zeitalters*, и II. *Griechische Alterthümer des spätern blühenden Zeitalters*; каждая изъ этихъ частей подраздѣляется на четыре главы: 1. *Religionszustand*, 2. *Regierungszustand*, 3. *Kriegswesen*, и 4. *Privatleben*. Жуковский проштудировалъ только первыя три главы каждой части и составилъ ихъ конспектъ:

¹⁾ Handbuch, стр. 379 и слѣд.; Жуковскимъ выпущены предыдущіе отдѣлы: *Archäologie der römischen Literatur*, *Archäologie der Kunst*, *Griechische Literatur*, *Römische Literatur*, *Mythologie der Griechen und Römer*.

- § 66. Періоды исторіи греческой и отдѣленія древностей.
§ 67. *Религія. 1-е отдѣленіе.* Происхожденіе мифологіи.
§ 68. Первые учителя мифологіи, ихъ наставники.
§ 69. Что произвело богопочтеніе и какъ оно распространилось.
§ 70. Число боговъ. § 71. Священные мѣста. § 72. Внутренность храмовъ, алтари, идолы.
§ 73. Жрецы и жрицы. § 74. Очищенія.
§ 75. Молитвы. § 76. Жертвы и жертвенныя обыкновенія.
§ 77. Дары. § 78. Поклоненіе полубогамъ.
§ 79. Погребальныя торжества. § 80. Сожиганіе тѣлъ.
§ 81. Оракулы и гаданія.
§ 82. *Религія. 2-е отдѣленіе.* Число боговъ увеличилось въ теченіе времени.
§ 83. Храмы; ихъ расположеніе. § 84. Священные рощи и поля.
§ 85. Должности жрецовъ и другихъ священнослужителей.
§ 86. Роды жертвоприношеній и порядокъ ихъ.
§ 87. Клятвы. § 88. Оракулы. § 89. Оракулы Юпитера и Феба и другіе.
§ 90. Искусственное откровеніе, сколькихъ родовъ и какъ называлось.
§ 91. Разнаго рода предвѣщанія.
§ 92. Праздники. § 93. Игры, въ чемъ состояли и какія именно были.
§ 94. Атлетика.

Затѣмъ Жуковский составляетъ конспектъ двухъ главъ Эшенбурга, озаглавленныхъ „Regierungszustand“, соединивъ ихъ въ одну главу „*Правленіе*“, которую, соотвѣтственно двумъ главамъ оригинала, раздѣлитъ на два отдѣленія (§§ 95—130).

Двѣ главы Эшенбурга, озаглавленныя „Kriegswesen“, также соединены у Жуковского въ одну главу въ двухъ отдѣленіяхъ, которая озаглавлена „Восныя установленія“ (§§ 131—152); конспектированіе второй изъ этихъ главъ подлинника не было закончено нашимъ поэтомъ,—и на этомъ, видимо, и остановилось изученіе имъ даннаго сочиненія Эшенбурга.

Можно думать, что часть того же „прибавленія“ къ поэтикѣ Эшенбурга, о которомъ Жуковский говоритъ въ своемъ дневникѣ подъ 16-мъ ноября 1805 г., составляли 60 параграфовъ сдѣланныхъ Жуковскимъ извлеченій изъ разныхъ книгъ; изъ этихъ шестидесяти параграфовъ уцѣлѣли только послѣдніе §§ 49—60: въ рукописи Пуб-

личной библиотеки, Бум. Жук. № 83, листы 14—16 (такая же синяя бумага 1804 года). Здѣсь находимъ извлеченіе изъ извѣстнаго, въ свое время очень распространеннаго сочиненія I. Г. Зулцера (Sulzer) „Allgemeine Theorie der schönen Künste“ (Lpz. 1771 — 1774) — объ одѣ: „Едва ли начиная отъ тростника до кедра найдемъ столько разныхъ кустарниковъ и деревъ, сколько есть родовъ оды, начиная отъ возвышенной Пиндарической до пріятной Анакреонтической. Греки, повидимому, больше опредѣляли характеръ оды по наружной ея формѣ и по роду стиховъ, ей принадлежащихъ, нежели по ея существеннымъ качествамъ. Новѣйшіе критики объясняютъ ея характеръ сообразно съ ея существенными качествами, но ихъ опредѣленіе недостаточно: многія изъ Анакреоновыхъ и Гораціевыхъ одъ отдаляются отъ той идеи, которую они даютъ вообще объ одѣ. Всѣ критики согласились однако признавать оду самымъ возвышеннымъ произведеніемъ поэзіи“¹⁾, и проч. Излагается теорія оды, исчисляются представители этого вида поэзіи у древнихъ и новыхъ народовъ (§§ 50 — 56).

Небольшое извлеченіе сдѣлалъ здѣсь (§ 57, л. 15 обор.) Жуковский изъ соч. Роллена (*Ch. Rollin, De la manière d'enseigner et d'étudier les belles-lettres par rapport à l'esprit et au coeur, Paris, 1740*) — также о лирической поэзіи и объ одѣ: „Цѣль поэзіи, говоритъ аббатъ Фрагье, состоитъ въ удовольствіи воображенія, и есть ли идиллія, элегія, эпическая поэма и другіе роды поэзіи достигаютъ сей цѣли разными путями, то кольми паче лирическая поэзія, въ которой всѣ сія роды заключаются, должна вѣрнѣе и скорѣе къ ней достигать. Ода заключаетъ въ себѣ всѣ разнообразныя красоты, принадлежащія къ какому бы то ни было роду поэзіи, но сама въ себѣ заключаетъ нѣчто лучшее, что составляетъ собственный ея характеръ, именно — энтузіазмъ. Поэты сравниваютъ ее съ Юноною, украшенною Венеринымъ поясомъ, которая къ пріобрѣтеннымъ прелестямъ

¹⁾ Въ подлинникѣ: *Ode. Von der Eiche bis zum Rosenstrauch sind kaum so viel Gattungen von Bäumen, als Arten dieses Gedichtes von der hohen Pindarischen Ode bis auf die scherzhafte, niedliche Ode des Anakreons. Es scheint, dass die Griechen den Charakter dieser Dichtungsart mehr durch die äusserliche Form und die Versart, als durch innerliche Kennzeichen bestimmt haben, etc. (Allgemeine Theorie der schönen Künste, von J. G. Sulzer, Lpz. 1793. III Th., 538 ff. S.s.). Новѣйшій изслѣдователь труда Зулцера устанавливаетъ небезынтересное для изслѣдователя сочиненій Жуковского положеніе: Sind auf Sulzers Auffassung der Poesie überhaupt französische Anregungen nicht ohne Einfluss geblieben (*Karl Josef Gross, Sulzers Allgemeine Theorie d. schön. Künste. Berl. 1905, S. 73*).*

богини любви присоединяетъ величіе царицы боговъ. Поэзія, произведенная энтузіазмомъ, такъ сильно дѣйствуетъ и столь привлекательна, что вливаетъ восхищеніе въ душу, и гармонія лучшей музыки не можетъ имѣть такого очарованія, какое имѣютъ стихи, рожденные въ огнѣ вдохновенія“... Слѣдуетъ исчисленіе древне-греческихъ лириковъ.

Наконецъ, три параграфа (§§ 58—60) заимствованы Жуковскій, какъ самъ указываетъ, изъ „Энциклопедіи“:

§ 58. *Романсъ* есть пѣсня, въ которой рассказывается просто какое-нибудь происшествіе, и обыкновенно любовное, часто трагическое. Простота (naïveté) есть характеръ романса.

§ 59. *Пѣсня* вообще есть коротенькая поэма, съ которою обыкновенно соединяется музыка, арія ей приличная. Содержанія сихъ пѣсенъ разнообразны, въ нихъ обыкновенно выражаются нѣжныя чувства сердца, его наслажденія, предметы насъ трогаящіе. Чувство, выражаемое въ пѣсняхъ, какого бы оно рода ни было, должно быть живо, ибо живость есть принадлежность лирической поэзіи; но сія живость не есть ни возвышенность, ни важность, а простое чувство, возбуждаемое въ чувствительной душѣ обыкновенными предметами. Употребленіе пѣсенъ натурально человѣку: для изобрѣтенія ихъ нужно было только воспользоваться органами своими... Древніе не знали еще употребленія буквъ, а уже пѣли пѣсни и гимны...

§ 60. Стихи пѣсней должны быть легки, просты, пріятны. Сначала пѣли пѣсни хоромъ, сидя за столомъ, въ одинъ голосъ. Въ нихъ заключалась хвала богамъ. Потомъ собесѣдники пѣли поочередно, держа въ рукахъ миртовую вѣтвь, которая переходила изъ рукъ въ руки. Когда музыка усовершенствовалась въ Греціи, и когда начали употреблять лиру, тогда пѣли за столомъ одни только искусные люди“... Слѣдуютъ бѣглыя замѣтки о пѣсняхъ у древнихъ и новыхъ народовъ: „Пѣсни каждой націи сходны съ ея характеромъ и гениемъ. Французы отличаются отъ всѣхъ другихъ острою и пріятностію въ этомъ родѣ поэзіи, который всегда составлялъ одно изъ первыхъ ихъ удовольствій, и въ которомъ они всегда имѣли особенный успѣхъ: доказательствомъ сему служатъ ихъ трубадуры“, и проч. ¹⁾.

¹⁾ Оригиналомъ и источникомъ этихъ трехъ §§ послужили статьи изъ Encyclopédie, ou Dictionnaire Universel raisonné des connoissances humaines, mis en ordre M. De Felice (Yverdon 1770—1775); здѣсь читаемъ: *Romance*—chanson qui contient une historiette d'amour, dont la naïveté et la simplicité forment principalement le caractère. La romance est soumise aux mêmes règles que la chanson... v.

XXXV.

Въ ноябрѣ 1805 г. Жуковскій составляетъ замыселъ литературнаго предпріятія другого рода: „Займусь теперь сочиненіемъ моего собранія лучшихъ русскихъ поэтовъ“, пишетъ онъ въ дневникѣ подъ 16-мъ ноября ¹⁾; въ письмѣ къ Ал. Ив. Тургеневу отъ 8-го января 1806 г. онъ сообщалъ: „Я теперь занимаюсь собраніемъ русскихъ поэтовъ; скажи Мерзлякову, чтобъ онъ прислалъ мнѣ лучшіе свои стихи; не будетъ ли чего для помѣщенія въ это «Собраніе» ²⁾?“

Но самъ онъ написалъ въ теченіе цѣлаго 1805 года только четверостишіе „Дружба“ и перевелъ отрывокъ стих. Гольдсмита „Deserted village“ подъ названіемъ „Опустѣвшая (вар. Пустая) деревня“, въ рукописи ³⁾ помѣченный декабремъ 1805 г. ⁴⁾.

Изящное четверостишіе „Дружба“ заключаетъ въ себѣ символическій образъ:

Скатившись съ горной высоты,
Лежалъ во прахъ дубъ, перунами разбитый,
А съ нимъ и гибкій плющъ, кругомъ его обвитый...

Chanson (tome XXXVII, p. 109).—*Chanson* est une espèce de petit poème fort court auquel on joint un air, pour être chanté dans des occasions familières... L'usage des chansons est fort naturel aux hommes... Les grecs, en le cultivant, ont fait par conséquent ce qu'avoient déjà fait les peuples, qui les avoient précédés... Ils n'avoient point encore l'usage des lettres, qu'ils avoient celui des chansons... De toutes les chansons, qui étoient en usage dans l'ancienne Grèce, celles dont il nous reste le plus de monumens, sont les chansons de table... Tous ceux, qui étoient à table chantoient ensemble et d'une seule voix, les louanges de la divinité... Quand la musique se perfectionna dans la Grèce, et qu'on employa la lyre dans les festins, il fallut pour une simple chanson à boire, des talens que tout le monde n'avoit pas... (tome VIII, pages 747—749).

¹⁾ Дневн. Жуков., стр. 28.

²⁾ Письма Жуков. къ А. И. Турген., стр. 21 — 22. Собраніе русскихъ стихотвореній, въ пяти частяхъ, было издано Жуковскимъ, какъ увидимъ, въ 1810—1811 годахъ.

³⁾ Рукоп. Импер. Публ. Библ., Бумаги Жуковского, № 13, л. 14 обор.

⁴⁾ И. И. Дмитріевъ въ письмѣ своемъ къ Жуковскому отъ 8-го іюля 1805 г. между прочимъ говоритъ: „Примите благодарность мою... за переводъ Шиллеровой оды, который я прочиталъ два раза сряду съ великимъ удовольствіемъ...“ Контекстъ письма не даетъ полной увѣренности въ томъ, что здѣсь разумѣется исполненный Жуковскимъ переводъ Шиллеровской оды; что это былъ за переводъ, какой именно оды, къмъ сдѣланъ, выяснитъ мнѣ еще не удалось. Слѣдовъ того, чтобы этотъ переводъ сдѣланъ былъ Жуковскимъ, въ матеріалахъ, которыми я располагаю, не имѣется.

Жуковский взялъ этот живописный образъ въ качествѣ эмблемы дружбы: „О дружба, это ты!“—такимъ стихомъ заключаетъ онъ песенку.

Мотивъ о дружбѣ играетъ очень значительную роль у молодого Жуковского—и въ жизни и въ творествѣ; онъ проповѣдуетъ дружбу въ рѣчахъ, какія произнесъ въ „Дружескомъ литературномъ Обществѣ“¹⁾; утративъ друга—Андрея Тургенева,—онъ пишетъ цѣлый гимнъ дружбѣ—предисловіе къ „Вадиму Новгородскому“; къ брату своего друга—Ал. Ив. Тургеневу—онъ обращается (въ письмѣ отъ 11-го сентября 1805 г.) съ цѣлой проповѣдью о дружбѣ: „Дружба есть добродѣтель... Если скажутъ обо мнѣ: онъ истинный другъ, тогда скажутъ другими словами: онъ добродѣтельный благородный человекъ, оживленный *однимъ* огнемъ вмѣстѣ съ другимъ, который ему равенъ, который его поддерживаетъ собою, а самъ поддерживается имъ“, и проч.²⁾. Для самого Жуковского, натуры въ значительной степени женственно-пассивной³⁾, дружба доставляла родъ опоры: „Вижу необходимость быть выше, выше, для этого требую помощи отъ друзей моихъ“, говоритъ онъ въ письмѣ Ал. Ив. Тургеневу отъ 31-го августа 1805 г.⁴⁾; вспоминая о дружбѣ своей съ Андреемъ Тургеневымъ, нашъ поэтъ говоритъ: „Онъ былъ бы моимъ руководцемъ, которому бы я готовъ былъ даже покориться; онъ бы оживлялъ меня своимъ энтузіазмомъ“⁵⁾... Призывая къ дружбѣ Александра Тургенева, Жуковский выражался: „Ахъ, братъ, намъ надобно жить возвышеннымъ образомъ; но я *одинъ ничего не сдѣлаю*: мнѣ *необходима подпора*; я найду ее въ дружбѣ, и въ твоей дружбѣ... Мы, кажется, двое много можемъ, по крайней мѣрѣ я вмѣстѣ съ тобою! Ты долженъ быть согрѣвателемъ моей души“⁶⁾...

Эту мысль, что сильный другъ служить опорой для слабаго друга

¹⁾ См. выше, въ главѣ XXIX моихъ „Разысканій“, а также *акад. В. М. Истринъ*, Изъ документовъ Архива Братьевъ Тургеневыхъ, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1914 г., № 3, стр. 10, 14.

²⁾ Письма Жуковского къ А. И. Турген., стр. 14.

³⁾ Онъ самъ выразился про себя: „До сихъ поръ я, кажется, томился въ *женственности*, въ бездѣйствіи“ (Письма Жуков. къ Тург., стр. 7,—письмо отъ 31-го августа 1805 г.); „Моя жизнь была всегда такого рода, что я непременно долженъ былъ наконецъ сдѣлаться *недѣятельнымъ*“ (Дневники Жук., подъ 19-мъ ноября 1805 г., стр. 29).

⁴⁾ Письма Жук. къ Турген., стр. 7.

⁵⁾ Тамъ же, 15.

⁶⁾ Тамъ же, письмо отъ 8-го янв. 1806 г., стр. 17, 18.

въ стремленіи къ возвышенной цѣли, нашъ поэтъ и воплотилъ въ пластическомъ образѣ плюща, вьющагося вверхъ по стволу дуба; друзей не различаетъ и бѣдствіе, роковой ударъ судьбы, поражающій одного изъ нихъ. Жуковскій очень охотно выражалъ свои идеи въ символическихъ образахъ ¹⁾).

Гольдсмитомъ Жуковскій интересовался давно: еще весной 1802 г. Андрей Ив. Тургеневъ обѣщалъ ему прислать „поззію“ Гольдсмита, если найдетъ ее въ Петербургѣ,—и, повидимому, прислалъ, такъ какъ въ письмѣ изъ Вѣны (отъ 26-го ноября—7-го декабря 1802 г.) спрашивалъ: „Что дѣлаетъ твой *Deserted village*?“ Этотъ вопросъ Андрея Ив. Тургенева заставляетъ думать, что нашъ поэтъ уже тогда задумалъ перевести стихотвореніе Гольдсмита *The Deserted Village*, о чемъ и сообщилъ другу.

Исполненіе этого перевода относится къ декабрю 1805 года, какъ отмѣчено въ хранящейся въ Импер. Публич. Библіотекѣ тетради, гдѣ стихи Жуковского переписаны рукою А. А. Протасовой, при чемъ означено время ихъ написанія ²⁾).

Оливеръ Гольдсмитъ, знаменитый англійскій писатель, былъ очень любимъ въ кружкѣ Ив. Петровича Тургенева. Особенно читали и переводили его философскую поэму „*The Deserted Village*“, богатую подробностями автобіографическаго характера ³⁾. Николай Ив. Тургеневъ, очевидно, заимствовавшій увлеченіе Гольдсмитомъ отъ старшихъ сверстниковъ—Жуковского и Андрея Тургенева,—записалъ въ своемъ дневникѣ подъ 20-мъ ноября 1807 года ⁴⁾:

„Съ англійскимъ учителемъ я читаю *the Deserted Village*, прекрасное произведеніе славнаго и любимаго мною Гольдсмита. Въ сей деревнѣ онъ проводилъ свою молодость; послѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ, возвращается туда, находить все опустошеннымъ, и одна только старуха, собирающая корни для пропитанія, рассказала ему все случившееся съ сею деревнею, изъ которой поселяне, населявшіе

¹⁾ Припомнимъ, напр., его „философію фонаря“: „Счастіе состоитъ изъ удовольствій съ воспоминаніемъ... Удовольствіе—фонарь, зажженный на дорогѣ жизни, воспоминаніе—свѣтъ, а счастье—рядъ этихъ прекрасныхъ воспоминаній, которыя всё сливаются въ одно общее, тихое, ясное чувство, и которыя всю жизнь озаряютъ. Чѣмъ чаще фонари, тѣмъ свѣтлѣе дорога...“ (*Веселовскій, Жуковскій, 196*).

²⁾ См. Бумаги Жуковского, тетрадь № 13, листъ 14 обор.

³⁾ Архивъ Братъевъ Тургеневыхъ, вып. I (подъ ред. Е. И. Тарасова). С.-Пб. 1911, стр. 427.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 92.

оную, были выгнаны, и которая принадлежит теперь богатому помѣщику“...

Стихотвореніе Гольдсмита привлекаетъ къ себѣ мягкостью картинъ, прелестью пейзажа и нѣжно-меланхолическою гармоніей стиха ¹⁾; вниманіе Жуковского могъ остановить на себѣ еще одинъ элементъ—образъ, выступающій въ томъ мѣстѣ, которое нашъ поэтъ перевелъ такъ:

Я въ степь странникъ былъ, пылею уединенный!
 Влача участки бѣды, Творюмъ мнѣ удѣленный,
 Я сладкою надеждой обольщалъ
 Тамъ кончить мирно вѣкъ, гдѣ жизни даръ пріять, и проч. ²⁾.

И этотъ образъ и настроеніе, какимъ онъ обвѣянь, вполне гармонируютъ съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ видѣлъ себя въ эти годы Жуковский въ Мишенскомъ.

Оказался, можетъ быть, и специальный поводъ, почему онъ вспомнилъ о „Deserted village“ и обработалъ переводъ этого стихотворенія: Эк. Ае. Протасова, чтобы выплатить долги мужа, продала лучшую половину своего наслѣдства, и ей осталась только деревня Муратово, гдѣ не было господскаго дома, почему она и переѣхала въ Бѣлевъ ³⁾; Жуковский въ планѣ своей автобіографіи, вслѣдъ за упоминаніемъ о „Машѣ“, отмѣчаетъ: „Поѣздка въ Орловскую. Протапинскій“ ⁴⁾; въ замужествѣ Екатерина Аванасьевна жила въ Орловской губерніи, гдѣ мужъ ея Андрей Ивановичъ Протасовъ былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства ⁵⁾; Василій Протапинскій былъ побочнымъ сыномъ А. И. Протасова ⁶⁾; ясно, что вскорѣ по пріѣздѣ овдовѣвшей Екатерины Аванасьевны въ Бѣлевъ Жуковский ѣздилъ на прежнее ея Орловское пепелище, можетъ быть, по порученію самой же Екатерины Аванасьевны, для окончательной ликвидаціи дѣлъ. Это посѣщеніе проданнаго имѣнія сестры и могло напомнить нашему поэту о стихотвореніи Deserted Village, которымъ онъ и раньше интересовался,—и онъ теперь приступаетъ къ переводу его; перевелъ

¹⁾ The Cambridge history of English Literature, edited by A. W. Ward and A. R. Waller, Vol. X, Cambridge 1913, стр. 213.

²⁾ Соч. Жуков., ред. Архан., т. I, стр. 24; А. С. Архангельскій впервые извлекъ изъ рукописей и опубликовалъ это стихотвореніе Жуковского.

³⁾ Зейдлицъ, Жизнь и поэзія Жуковского, стр. 29.

⁴⁾ Дневники Жуковского, стр. 40.

⁵⁾ Зейдлицъ, op. cit., 13.

⁶⁾ См. родословную таблицу Протасовыхъ, приложенную къ „Уткинскому Сборнику“, вып. I.

онъ однако лишь сравнительно небольшой отрывокъ,—всего 103 стиха изъ 430, составляющихъ стихотвореніе.

Каковъ этотъ переводъ и каково отношеніе его къ подлиннику?

Сличеніе текста Жуковскаго съ текстомъ англійскимъ обнаруживаетъ, что нашъ поэтъ далъ, собственно говоря, не переводъ, а выработалъ пересказъ, переполненный собственными, усиливающими лирическій колоритъ стихотворенія дополненіями и вставками отъ себя, нѣкоторыми измѣненіями образовъ и картинъ.

У Гольдсмита читаемъ:

Sweet Auburn! loveliest village of the plain,
Where health and plenty cheer'd the labouring swain,
Where smiling spring its earliest visit paid,
And parting summer's lingering blooms delay'd:
Dear lovely bowers of innocence and ease,
Seats of my youth, when every sport could please,
How often have I loiter'd o'er thy green,
Where humble happiness endear'd each scene;
How often have I paus'd on every charm,
The shelter'd cot, the cultivated farm,
The never-failing brook, the busy mill,
The decent church that topp'd the neighbouring hill,
The hawthorn bush, with seats beneath the shade,
For talking age and whispering lovers made;
How often have I bless'd the coming day,
When toil remitting lent its turn to play,
And all the village train, from labour free,
Led up their sports beneath the spreading tree;
While many a pastime circled in the shade,
The young contending as the old survey'd;
And many a gambol frolick'd o'er the ground,
And sleights of art and feats of strength went round;
And still as each repeated pleasure tir'd,
Succeeding sports the mirthful band inspir'd;
The dancing pair that simply sought renown,
By holding out to tire each other down;
The swain mistrustless of his smutted face,
While secret laughter titter'd round the place;
The bashful virgin's side-long looks of love,
The matron's glance that would those looks reprove:
These were thy charms, sweet village; sports like these,
With sweet succession, taught e'en toil to please;
These round thy bowers their cheerful influence shed,
These were thy charm—But all these charms are fled ²⁾.

²⁾ Точный переводъ этихъ строкъ:

Перебѣленный рукой самого поэта текстъ „Опустѣвшей деревни“ (отъ начала стихотворенія до словъ: И воспоминаніе смѣняется то-ской!..) сохранился въ рукописяхъ Публичной Библиотеки, Бум. Жуков., № 14, лл. 23 обор.—24. Тотъ же текстъ передаетъ и рукопись № 13, лл. 14 обор.—16. Отсюда и извлечено стихотвореніе проф. Архангельскимъ для редактированнаго имъ изданія сочиненій Жуковского (см. т. I, стр. 22—24).

Для сравненія съ англійскимъ подлинникомъ выписываю начальную часть стихотворенія, соотвѣтствующую приведенному отрывку Гольдсмита:

Сладостный Обѣръ! любезнѣйшая деревня равнины,
Гдѣ здоровье и изобиліе вознаграждало трудящійся людъ,
Гдѣ улыбающаяся весна спѣшила наступить какъ можно раньше,
А послѣдніе цвѣты уходящаго лѣта держались какъ можно дольше.
Дорогой, любезный пріютъ невинности и покоя,
Пріютъ моей юности, когда всякая игра могла доставлять удовольствіе,
Какъ часто блуждалъ я по твоей муравѣ,
Гдѣ скромное счастье дѣлало милымъ каждое мѣсто;
Какъ часто останавливался я надъ каждою прелестью,
Незамѣтною хижиной, цвѣтущею мызой,
Неутомимымъ ручьемъ, шумливою мельницей,
Скромнымъ храмомъ, который возвышался на сосѣднемъ холмѣ,
Кустомъ боярышника съ лавочкой въ тѣни,
Устроенной для бесѣды старости и шепота влюбленныхъ;
Какъ часто я благословлялъ наступающій день,
Когда, отлагая трудъ, онъ давалъ чередъ забавъ,
И всю деревню, свободную отъ работы, влекъ
Къ играмъ подъ сѣнью деревьевъ;
При этомъ всякія развлеченія затѣвались въ тѣни,
Молодежь состязалась, старики наблюдали;
Разные веселые прыжки выдѣлывались на землѣ,
Ловкія штуки и проявленія силы наблюдались кругомъ;
И такъ какъ все повторявшіяся удовольствія утомляли,
То веселую толпу одушевляла смѣна развлеченій;
Танцующая пара—та просто искала славы въ томъ,
Чтобы, не сдаваясь, утомить до крайности другъ друга.
Простодушный юноша съ загорѣлымъ лицомъ.
Межъ тѣмъ какъ сдержанный смѣшокъ леталъ кругомъ;
Косвенные взгляды любви застѣнчивой дѣвушки,
Взоръ матери, которая хотѣла бы пожурить за эти взгляды:
Таковы были твои прелести, сладостная деревня; забавы, подобныя такимъ,
Пріятною смѣной пріучали даже въ трудѣ находить удовольствіе;
Эти твои хижины вокругъ распространяли свое благотворное вліяніе;
Таковы были твои прелести,—но эти прелести исчезли.

О родина моя, Обурнь благословенный,
 Страна, гдѣ селянинъ, трудами утомленный,
 Свой тягостный удѣлъ обильемъ услаждалъ,
 Гдѣ ранній лучъ весны пріятнѣе блистала,
 Гдѣ лѣто медило разлукою съ полями!
 Дубравы тихія съ гнѣистыми главами!
 О, сѣни счастья, друзья весны моей,—
 Ужель не возврату блаженства оныхъ дней,
 Волшебныхъ, райскихъ дней, когда судьбой забвенный,
 Я міромъ почиталъ сей край уединенный!
 О сладостный Обурнь! какъ здѣсь я счастливъ былъ!
 Какія прелести во всемъ я находилъ!
 Какъ все казалось мнѣ всегда во цвѣтѣ новомъ!..
 Рыбачья хижина съ соломеннымъ покровомъ,
 Крылатыхъ мельницъ рядъ, въ кустарникѣ ручей;
 Густой, согбенный дубъ съ дерновою скамьей,
 Любимый старцами, любовникамъ знакомый;
 И церковь на холмѣ, и скромны сельскіе дома,
 Все мой плѣняло взоръ, все духъ питало мой!
 Когда жъ, въ досужный часъ, шумящею толпой,
 Всѣ жители села подъ древній вязъ стекались,—
 Какія тѣмы утѣхъ очамъ моимъ являлись!
 Веселый хороводъ, звучащая свирѣль,
 Сраженье, спорный бѣгъ, стрѣльба въ далеку цѣль,
 Проворства чудеса и силы испытанье,
 Всеобщій крикъ и плескъ—побѣды въ воздаянье,
 Отважные скачки, искусство плясуновъ,
 Свобода, рѣзвость, смѣхъ, хоръ пѣсней, гулъ роговъ,
 Красавицъ робкій видъ и тайное волненье,
 Старушекъ бдительныхъ угрюмость, подозрѣнье,
 И шутки юношей надъ бѣднымъ пастухомъ,
 Который весь въ пыли, съ уродливымъ лицомъ,
 Стоя въ кругу, смѣшилъ своею простотою,
 И живость стариковъ за чашей круговою—
 Вотъ прежнія твои утѣхи, мирный край!
 Но гдѣ они? Гдѣ вы, луга, цвѣтушій рай?
 Гдѣ игры поселянъ, весельемъ оживленныхъ?
 Гдѣ пышность и краса полей одушевленныхъ?
 Гдѣ счастье? гдѣ любовь? Исчезло все—ихъ нѣтъ!..

Таково же отношеніе Жуковского къ оригиналу и въ послѣдующихъ стихахъ его перевода-пересказа. Нашему поэту недостаетъ выразительной сжатости Гольдсмита; Жуковский порою расплывчатъ, порой теряетъ опредѣленность, ясность свою подлинника, порою отъ себя рисуетъ иные образы, то видоизмѣняя, то дополняя англійскаго поэта.

И это не было результатомъ спѣшности работы: отступленія отъ подлинника Жуковский, видимо, допускалъ сознательно, соединяя трудъ переводчика съ проявленіями собственнаго поэтическаго творчества.

Въ рукописи Импер. Публ. Библ., Бумаги Жуковского № 12, сохранились черновые наброски начала перевода (л. 16, 17, 18), сильно исчерканные и свидѣтельствующіе о значительномъ трудѣ, какой былъ положенъ поэтомъ на выработку стиховъ. Первый набросокъ, подъ заглавіемъ „Пустая деревня“¹⁾, открывается стихами (зачеркнутое ставлю въ скобкахъ):

О родина моя! (Обурнь) о край благословенный!
Страна, гдѣ (мирный) селянинъ, трудами утомленный,
(Весельемъ—Обильемъ, счастьемъ себя животворилъ)
Безвѣстный (свой рокъ) жребій свой обильемъ (оживлялъ) услаждалъ!
Гдѣ ранній (цвѣтъ) лучъ весны (быстрѣе расцвѣталъ) пріятнѣе блисталъ
(Отголѣ медленнѣй дни лѣта...)
Гдѣ лѣто медлило (съ полями разлучиться) разлукою, прощаясь съ полями!

(Ужель тѣ сладкіе часы не возвратятся?)
(Ужели никогда тѣмъ счастьемъ не плѣняться?)
(Увы! ужъ никогда не буду восхищаться
Сей сладкой тишиной моихъ цвѣтущихъ лѣтъ!)
(О рощи) Дубравы (мирныя) тихія съ сѣнистыми главами
(О сѣни невинности и счастья и люб...)
О сѣни счастья, друзья весны моей
Забуду ли когда ту сладость мирныхъ—*var.* юныхъ—дней...

Затѣмъ, прежде чѣмъ продолжать, Жуковский перебѣлалъ эти стихи, и получилась такая редакція, уже близкая къ окончательной:

О родина моя, о край благословенный!
Страна, гдѣ селянинъ, трудами утомленный,
Свой жребій тягостный обильемъ услаждалъ!
Гдѣ ранній лучъ весны пріятнѣе блисталъ!
Гдѣ лѣто медлило разлукою съ полями!
Дубравы мирныя съ (вудравыми) сѣнистыми главами,
О сѣни счастья, друзья весны моей,
Забуду ли когда блаженство оныхъ дней...

Далѣе опять идетъ черновая работа:

(Когда блаженствомъ я безпечности и счастьемъ блисталъ, наслаждался,
И вашей тихою обителью плѣнялся!

¹⁾ Судя по зачеркнутымъ недописаннымъ словамъ, Жуковский колебался, не озаглавить ли такъ: „опустѣвшая“, „оставленная“ деревня.

Когда по симъ полямъ безпечный—я считался—и спокойный,
Когда я среди васъ, безпечный, неизвѣстный и забвенный
Задумавшись бродилъ... О миръ души...)
(Прелестныхъ) Волшебныхъ, сладкихъ дней, когда (я щастливъ былъ,
довольствуясь) судьбой (своей) забвенн(о)ый,
(Когда сія поля, сей доль уединенный)
Я міромъ почиталъ сей край уединенный
(Когда я щастливъ былъ, когда здѣсь все цвѣло)
(Гдѣ вы часы утѣхъ—златые дни?)
(О родина моя, гдѣ, гдѣ твои красы,
Когда здѣсь щастіе съ обиліемъ цвѣло?)
(О щастіе, куда? куда ты утекло?)
(О какъ я въ сихъ мѣстахъ доволенъ, щастливъ былъ!)
О родина моя, какъ здѣсь я щастливъ былъ!
Какія прелести во всемъ я находилъ!
(Рыбачья хижина у свѣтлаго потока—вар. омытая рѣкою,
Крылатыхъ мельницъ рядъ, деревня подъ горою
И церковь скромная...)
Какъ (часто) все казалось мнѣ всегда во цвѣтѣ новомъ!
Рыбачья хижина съ соломеннымъ покровомъ;
Крылатыхъ мельницъ рядъ, (деревня надъ рѣкой) въ кустарникѣ (рѣва,
потокъ) ручей,
(И церковь скромная—на холмѣ—на холмикѣ зеленомъ—съ блестящею
главой,

Дерновый скатъ...)

Густой вѣтвистый (вязъ) дубъ съ дерновою скамьей
(Для старцевъ и прохожихъ, [неразобр. слово] старикамъ)
Любимый старцами, любовникамъ знакомый,
И церковь на холмѣ, и (низенькіе) скромны сельски дома.

Перебѣленный текстъ:

Волшебныхъ (сладкихъ) райскихъ дней, когда, судьбой забвенный,
Всѣмъ міромъ я считалъ сей край уединенный!
О (родина моя) сладостный Обурнъ, какъ здѣсь я щастливъ былъ!
Какія прелести во всемъ я находилъ!
Какъ все казалось мнѣ всегда во цвѣтѣ новомъ!
Рыбачья хижина съ соломеннымъ покровомъ;
Крылатыхъ мельницъ рядъ; въ кустарникѣ ручей,
Густой вѣтвистый дубъ съ дерновою скамьей,
Любимый старцами, любовникамъ знакомый,
И церковь на холмѣ, и скромны сельски дома...

Л. 16 обор.—продолженіе черновой обработки:

(Все это духъ питало мой! Когдажъ оставя трудъ—я дни благословлялъ)
(Въ кото... все меня влекло) всѣмъ, всѣмъ я щастливъ былъ
(Въ которы сельянинъ работу забывалъ) все духъ питало мой!
Какъ весело, когда шумящею толпой

(Подъ деревомъ играть)

Все (духъ плѣня...) мой плѣняло взоръ! Я (весель) щастливъ былъ душой,
Когда (въ свобо...) (забывъ труды) всѣ пахари шумящею толпой
Въ день праздника собираясь,

Всѣ жители села подъ (дерево собирались) древній вязъ стекались;
(Когда заботы ихъ весельемъ замѣнялись)

(Гдѣ, Тамъ) всѣ заботы ихъ въ веселье пре(мѣня...) обращались!

(Проворство) Игривость юношей (и старцевъ важный видъ) и важность
стариковъ,

Борьба, [неразобр. слово] проворный бѣгъ... [чистое мѣсто для одного
слова] стрѣльбовъ,

И хитрость гибкая и дерзостная сила

(Все мой плѣняло (питало) взоръ, все духъ мой трогало, все духъ питало
(плѣняло) мой, я щастливъ былъ душой).

Не удовлетворенный, признавая набросокъ неудачнымъ, поэтъ
вновь перерабатываетъ эти стихи:

(Когда жъ забывъ труды) Какъ часто по трудѣ шумящею толпой
Всѣ жители села подъ древній вязъ стекались,

(Тутъ всѣ заботы ихъ въ забавы обращались)

Утѣхи ихъ (радости) очамъ моимъ являлись:

Игривость юношей, веселость стариковъ,

Борьба, проворный бѣгъ, (чудесный взоръ) сраженіе стрѣлковъ

(И хитрость гибкая) Искусство хитрое и (дерзостная) сил(а)ы (дерзно-
венъе) испытанье

(И сельскихъ дѣвухекъ улыбки въ награжденье!)

(И шумный—шумящій—хороводъ и пля...)

Всеобщій (и веселый, общій) шумный крикъ—побѣды (въ награжденье)
воздашь

(Шумящій хороводъ, звучащіе рога и рѣзвый),

Веселый хороводъ, (звукъ пѣсни и роговъ) скаканье пласуновъ,

Свобода, рѣзвость, смѣхъ (невинность вольныхъ словъ), звукъ пѣсней и
роговъ

(И взоры бѣглые) И взгляды нѣжные красавицъ боязливыхъ

И взгляды строгіе (старухекъ ихъ, наставницъ) родительницъ брюзгли-
выхъ.

Вотъ прелести твои (о мирная страна), о сладкій мирный край,

(Вотъ наслажденія, чѣмъ я...)

Но гдѣ они? Гдѣ вы (цвѣтущ...) поля, цвѣтущій рай,

(Куда сокрылося утѣхъ очарованье?)

Гдѣ (щастье) игры поселянъ, трудомъ не утомленныхъ

(Гдѣ щастье сельское; гдѣ игры, гдѣ любовь,

Гдѣ радость, гдѣ любовь, гдѣ...)

Гдѣ нивъ прелестный видъ, блестящихъ, оживленныхъ!

Гдѣ щастье, гдѣ любовь... Увы сокрылось все!

(Красавицъ скромный—робкій—видъ—и тайныхъ взоровъ—взглядовъ—и
тайное волненье)

(И старица—строгий взор—угрюмость—бдительность и взором подозрительные)

(Ставановъ стучь)

Насмѣшки тайныя надъ бѣднымъ пастухомъ,

Который всѣхъ...

(Насмѣшки) И шутки юношей надъ бѣднымъ пастухомъ,

Который (загорѣвъ) (весь въ грязи) весь въ пыли, съ замараннымъ
лицемъ,

Пришелъ, смѣшить (людей) (смѣется) и самъ (хохочетъ безъ причины)
(не зная чему) (съ другими) смѣется надъ (собою) своею
простою,

(Ставановъ звучь, стучь)

(Болтливость) И живость стариковъ за чашей круговою.

О родина моя! О сладость прежнихъ лѣтъ!

(О радости полей навѣкъ...)

О нивы, о поля, [...не разобр. слово] (печалю) добыча заустѣнья!

(Вездѣ уныніе—печальный,—вездѣ—клеветы—слѣды опустошенья!)

(На тучныхъ пажитяхъ не вижу пестрыхъ—рѣзвыхъ стадъ)

(Безъ дѣла острый плугъ...)

О скорбный, скорбный видъ развалинь, угнетѣнья..

Все, все (раздавлено) подавлено рукой (угнетѣнья) уничтоженья!

На тучныхъ пажитяхъ не вижу рѣзвыхъ стадъ!

(Такъ пустыри одни, гдѣ была роскошный садъ)

Въ пустыню обращенъ природы пышный садъ!

(Гдѣ класовъ...)

(Унылое въ лѣсахъ...)

(Молчанье) Унылость на холмахъ, въ [неразобр. нѣсколько зачеркнутыхъ
словъ] окрестности молчанья!

Потока (рѣзвый) быстрый бѣгъ (и свѣтлость), прозрачность и сверканье

Исчезли въ густотѣ болотныхъ дивныхъ травъ!

Ни тропки, ни слѣда подъ сѣнями дубравъ!

Все пусто и мертво! Замолели пѣсней клики!

Лишь цапли въ пустырь пронзительные крики,

Лишь стоны чибиса и медленный полеть...

Лишь чибиса въ глуши печальный, рѣдкій стонъ,

Лишь (вѣтровъ шумный свистъ) шумныхъ вѣтровъ свистъ, звонокъ
далекой звонъ,

Повременно сіе молчанье нарушаютъ!

Жуковский перебѣдилъ набросокъ отъ стиха: О родина моя! О сладость прежнихъ лѣтъ!—до стиха: Повременно сіе молчанье нарушаютъ,—и затѣмъ продолжалъ черновую работу:

Но гдѣ сыны твои (о мирный край—страна утѣхъ), о край утѣхъ, блуждаютъ?

Увы! отчуждены отъ родины своей!

Далеко странствуютъ! (среди пустыхъ степей) ихъ путь среди степей!
Ихъ бѣдственный удѣлъ—скитаться (и изгнанье) безъ покровъ,
(Близка къ падеңію страна)
(Погибнетъ та страна, гдѣ...) (Ту страну постигну...)
(Погибель носится надъ бѣдственной страной)
(Въ погибель та земля повергнуться готова)
Погибель той странѣ ужасная готова,
Гдѣ злато множится, (гдѣ люди жертвуютъ) и вянетъ двѣтъ людей!
Ничтожно счастье вельможей и князей!
(Минута ихъ творить, минута у...)
Ихъ мигъ одинъ творить и мигъ уничтожаетъ...
(Но блага поселянъ) Но счастье скромныхъ сель вѣками возрастаетъ!
Разрушившись оно разрушится на вѣкъ!
Гдѣ дни, о Альбионъ, какъ сельскій человекъ,
Подъ сѣнью твоей, спокойный и почтенный,
Довольство обрѣталъ, въ трудахъ не угнетенный)
Довольство обрѣталъ (вѣнецъ трудовъ достойный) тогда не угнетенный
(Когда) Орадай (плугъ) на поля съ весельемъ (изошрялъ) летѣлъ!
(Ихъ) нужное, излишество не алкалъ)
Не зная нищеты, излишество не имѣлъ;
(Невинность другъ его и здравъ...) который здравіемъ, невинностью,
(Его сокровище—сокровищей незнанье)
И паче счастливый сокровищей незнаньемъ!

Не удовлетворенный, поэтъ приступаетъ къ новой черновой переработкѣ послѣднихъ стиховъ:

Гдѣ время, Альбионъ, какъ сельскій человекъ
Подъ сѣнью (твоего могущества) твоей спокойной и почтенной,
(Счастливый въ нищетѣ, въ трудахъ не угнетенный)
Владѣтель нивъ своихъ, въ трудахъ не угнетенный,
(Убожества не зная)
(Счастливый въ нищетѣ, излишества не зная),
(Богатый здравіемъ, невинностію святой блаженный)
Богатый здравіемъ, (невиною) и чистою душой,
(Не зная излишества, былъ счастливъ нищетою!)
(И паче счастливъ былъ сокровищей незнаньемъ!)
Природы мирный сынъ, счастливый простотою
(Не льстился пышностію и тщетныхъ...)
Убожества не зная, не льстился (ничтожныхъ) благъ стяжаньемъ
И былъ стократъ блаженъ сокровищей незнаньемъ.

Переработавъ такимъ образомъ эти стихи, Жуковский ихъ тутъ же перебѣлливъ и выправилъ еще разъ:

Гдѣ время, Альбионъ, какъ сельскій человекъ,
Подъ сѣнью твоего могущества почтенный,
Владѣлецъ нивъ своихъ, въ трудахъ не угнетенный,
Богатый здравіемъ и чистою душой,

Природы мирный сынъ, (щастливый) блаженный простотой,
(Убожества не звалъ) Не зная нищеты, не лъстясь и благъ стяжаньемъ,
Стократно былъ (блаженъ) щастивъ сокровищей незнаньемъ.

Приступивъ въ дальнѣйшей работѣ, Жуковскій написалъ только одинъ стихъ:

Увы! оно прошло!—(Корыстная рука...) корыстниковъ толпа...

На этомъ стихѣ набросокъ обрывается.

Прежде чѣмъ продолжать выработку стихотворенія, нашъ поэтъ рѣшился перебѣлить свои наброски съ самаго начала,—и эту работу мы находимъ на листѣ 18-мъ той же связки бумагъ Жуковского № 12. Поставлено заглавіе: „Опустѣвшая деревня“, и стихи редактированы такимъ образомъ (зачеркнутое ставлю въ скобкахъ):

(О сладостный Обурнь, опустошенный край)
О родина моя, Обурнь благословенный,
Страна, гдѣ селянинъ, трудами утомленный,
Свой жребій тягостный обильемъ услаждалъ,
Гдѣ ранній лучъ весны пріятнѣе блисталъ,
Гдѣ лѣто медлило разлукою съ полями!
Дубравы тихія съ тѣнистыми главами,
О сѣни щастія, друзья весны моей,
Забуду ли когда блаженство оныхъ дней,
Волшебныхъ (сладкихъ) райскихъ дней, когда (судьбой забвенный) въ
(безвѣстной) спокойной долѣ,
(Всѣмъ міромъ я считалъ, Я въ міръ свой обращалъ) Я міромъ почиталъ сей край уединенный!
О (родина моя) сладостный Обурнь, какъ здѣсь я щастивъ былъ!

Слѣдующіе семь стиховъ тождественны со стихами 12 — 18 текста, напечатаннаго проф. Архангельскимъ; только 16-й стихъ читается въ данномъ мѣстѣ рукописи такъ: „Густой *вътвистый* дубъ“, и проч.

Слѣдующіе стихи въ рукописи такіе:

Все мой лѣвняло взоръ, (все) какъ духъ (питало) живился мой!
Когда жъ, забывъ труды, шумящею толпой
Всѣ жители села подъ древній вязъ стекались,
(Тутъ всѣ утѣхи ихъ) Какія тьмы утѣхъ очамъ моимъ являлись:
Игривость юношей, веселость стариковъ,
Борьба (бореніе) (проворный—спорный—летащій) упорный бѣгъ, сра-
женіе стрѣлковъ,
(Искусства хитрости) Проворотва чудеса и силы (напряженъе) испы-
танъе,
Всеобщій (шумный крикъ) крикъ и плескъ побѣд(ѣ) (въ награжденъе)
въ воздаянъе,

Веселый хороводъ, (звукъ пѣсней и роговъ) (скаканье, искусство) и
 легкость плясунновъ,
 Свобода, рѣзвость, смѣхъ, (невинность вольныхъ словъ), звукъ пѣсней
 и роговъ,

(И взгляды нѣжные красавиць боязливыхъ)

(Красавиць робкій видъ и тайное волненье)

(Старушекъ бдительныхъ угрюмость, подозрѣнье)

(И взгляды строгіе родительницъ брюзгливыхъ, старухъ боголюбивыхъ,
 старушекъ недовольныхъ)

Красавиць робкій видъ и тайное волненье,

И стариць бдительныхъ угрюмость, подозрѣнье,

И шутки юношей надъ бѣднымъ пасухомъ,

Который весь въ пыли, съ замараннымъ лицомъ

(Пришелъ) Сталъ въ кругъ смѣшать людей своею простотою,

И живость стариковъ за чашей круговою...

Вотъ прежни прелести твои, о (сладкій) мирный край!

Но гдѣ они? Гдѣ вы (поля) луга, цвѣтущій рай,

Гдѣ игры поселявъ, (веселыхъ) весельемъ оживленныхъ,

Гдѣ (прелесть) пышность и краса полей одушевленныхъ,

Гдѣ счастье, гдѣ любовь? (Увы, ихъ нѣтъ!) Исчезло все! ихъ нѣтъ!

Здѣсь этотъ набросокъ и обрывается.

На листѣ 47 той же тетради № 12 находимъ черновые наброски и перебѣленную редакцію еще одного отрывка „Опустѣвшей деревни“.

Это—то продолженіе, которое обѣщаль нашъ поэтъ, приписавъ на л. 24 рукописи № 14 (вслѣдъ за стихомъ *И воспоминаніе смѣняется тоской*, которымъ оканчивается сохранившійся здѣсь текстъ „Опустѣвшей деревни“): *Продолженіе посылъ*.

Проф. Архангельскій въ редактированномъ имъ изданіи сочиненій Жуковскаго (т. I, стр. 24) поставилъ послѣ стиха *И воспоминаніе смѣняется тоской!*.. цѣлую строку точекъ, отмѣчая этимъ, очевидно, сдѣланный поэтомъ пропускъ въ переводѣ. Но это не болѣе, какъ недоразумѣніе: послѣдующіе стихи Жуковскаго—*Я въ свѣтѣ страницъ былъ* и проч.—передаютъ непосредственное продолженіе англійскаго текста безъ всякаго пропуска.

У Гольдсмита:

У Жуковскаго:

Sweet Auburn! parent of the blissful
 hour,

Thy glades forlorn confess the tyrant's
 power.

Here as I take my solitary rounds,
 Amidst thy tangling walks, and ruin'd
 grounds

О родина моя, гдѣ счастье процвѣ-
 тало!

Прошли, навѣкъ прошли твои златые
 дни!

Смотрю—лишь пустыри заглохшіе одни,
 Лишь дичь безмолвную, лишь тундры
 обрѣтаю!

And, many a year elaps'd, return to
 view
 Where once the cottage stood, the
 hawthorn grew,
 Remembrance wakes with all her busy
 train,
 Swells at my breast, and turns the
 past to pain.
 In all my wand'rings round this world
 of care,
 In all my griefs—and God has given
 my share—
 I still had hopes my latest hours to
 crown,
 Amidst these humble bowers to lay
 me down;
 To husband out life's taper at the
 close
 And keep the flame from wasting by
 repose... ¹⁾

Лишь вѣтру, въ осокѣ свистающему,
 внимаю!
 Скитаюсь по полямъ—все пусто, все
 молчить!
 Къ минувшимъ ли часамъ душа моя
 летитъ?
 Ищу ли хижины рыбачьей надъ
 рѣкою,
 Иль дуба на холмѣ съ дерновою
 скамьею,—
 Напрасно! Скрылось все! Пустыня
 предо мной!
 И воспоминаше смѣняется тоской!..
 Я въ свѣтѣ странникъ былъ, пѣшець
 уединенный!
 Влача участою бѣды, Творцомъ мнѣ
 удѣленный,
 Я сладкою себя надеждой обольщалъ
 Тамъ кончить мирно вѣкъ, гдѣ жизни
 даръ пріялъ!
 Въ странѣ моихъ отцовъ, подъ сѣнью
 дровъ знакомыхъ,
 Исторгшись изъ толпы заботами гне-
 томыхъ,
 Свой тусклый пламеникъ отъ траты
 сохранить
 И дни отшествія покоемъ озлатить!..

Сохранившіеся въ рукописи № 12 наброски продолженія перевода
 „Опустѣвшей деревни“ таковы:

¹⁾ Точный переводъ:

Сладостный Обѣръя, виновникъ блаженныхъ часовъ!
 Твои заброшенные поляны свидѣтельствуютъ о силѣ тирана.
 Когда я здѣсь совершаю свои уединенныя прогулки
 По заросшимъ аллеямъ и разрушеннымъ усадьбамъ
 И, по прошествии многихъ лѣтъ, возвращаюсь, чтобы видѣть
 Мѣсто, гдѣ когда-то стоялъ домикъ, росъ боярышникъ,
 Воспоминанія пробуждаются непрерывнымъ роємъ,
 Сжимаютъ мое сердце и прошлое превращаютъ въ боль.
 Во всѣхъ моихъ странствіяхъ вокругъ этого міра заботъ,
 Во всѣхъ моихъ горестяхъ—и въ нихъ Богъ далъ мнѣ долю—
 Я донынѣ имѣлъ надежду увѣнчать мои послѣдніе часы—
 Поселиться среди этихъ скромныхъ хижинъ,
 Сберечь свѣтильникъ жизни подъ конецъ
 И покоемъ предохранить пламя отъ истощенія!..

А. (Я бѣдный странникъ былъ въ семь мѣрѣ тревоженномъ,
Имѣлъ...)

По свѣту странствуя стезей уединенной,
Влача участокъ бѣды, судьбой мнѣ удѣленной
(Всегда надеждою себя я улаждалъ...

Всегда надежды лучъ сіялъ въ душѣ моей...)

Тамъ кончить мнилъ я вѣкъ, гдѣ жизни даръ пріялъ

(На родинѣ златой, подѣ сѣнью дровъ, въ тѣни ихъ)

Въ родимой сторонѣ, подѣ сѣнью дровъ знакомыхъ...

В. (Я въ свѣтѣ странникъ былъ, жилецъ уединенный)

Скитаясь въ мѣрѣ семь—пѣшець уединенный!—

Влача участокъ бѣды, судьбой мнѣ удѣленный,

Я сладкою себя надеждою плѣнять

Тамъ кончить (скромно) мирно вѣкъ, гдѣ жизни даръ пріялъ!

Въ родимой сторонѣ, подѣ сѣнью дровъ знакомыхъ,

Исторгшись изъ толпы заботами гнетомыхъ,

Свой (бѣдный) тусклый пламенный отъ траты сохранить,

И дни отшельствія весельемъ (озарить) озлатить!

О гордости! я мечталъ (села быть удивленьемъ) въ сихъ хижинахъ (сми-
ренныхъ) забвенныхъ

(Слыть чудомъ, всѣхъ дивить своимъ высокимъ знаньемъ,

Ученостью блистать средѣ пастырей смиренныхъ)

Ученостью дивить оратаевъ смиренныхъ

(Слыть чудомъ знанія среди непросвѣщенныхъ,

Въ кругу передѣ огнемъ безопасно толковать)

И съ кружкой у огня въ кругу... толковать

(О томъ, что могъ слышать, видать)

О томъ, что въ жизни могъ и слышать и видать...

Какъ заяцъ по полямъ, (преслѣдуемый) станицей псовъ гонимый,

Оставивши, опять бѣжить въ лѣсокъ родимый,

(Такъ я мечталъ, свершивъ изгнанья срокъ)

Такъ мнилъ я, переждавъ изгнанничества срокъ,

Пришедъ на родину, въ ней кончить жизни токъ..

С. Перебѣлено и исправлено:

Скитаясь въ мѣрѣ семь—пѣшець уединенный!—

Влача участокъ бѣды, Творцомъ мнѣ удѣленный,

Я сладкою себя надеждою обольщаль

Тамъ кончить мирно вѣкъ, гдѣ жизни даръ пріялъ!

Въ странѣ моихъ отцевъ, подѣ сѣнью дровъ знакомыхъ,

Исторгшись изъ толпы заботами гнетомыхъ,

Свой тусклый пламенный отъ траты сохранить

И дни отшельствія весельемъ озлатить!

О гордость!—я мечталъ въ сихъ хижинахъ забвенныхъ

Слыть чудомъ посреди оратаевъ смиренныхъ,

За кружкой у огня въ кругу ихъ толковать

О томъ, что въ долгій вѣкъ могъ слышать и видать.

Какъ заяцъ, по полямъ станицей лсовъ гонимый,
Измученный бѣжать опять въ лѣсокъ родимый,
Такъ мнилъ я, переждавъ изгнанничества срокъ,
Притти съ остаткомъ дней въ свой отчий уголокъ...

D. Черновой набросокъ продолженія:

(Уединеніе, хранитель дней преклонныхъ)
О дни преклонные въ сѣни уединенья
(Спокойствіе, вѣнецъ житейскаго волненья...
О вѣрный кровь, вѣнецъ житейскаго волненья...
О дни, которыхъ мнѣ во вѣки не видать...)
О вѣрный кровь, вѣнецъ сей жизни тревоженья!
(Покой—васъ рокъ судилъ мнѣ вѣчно не видать)
Безпечность—рокъ судитъ мнѣ вѣчно ихъ не знать—
Блаженъ—

E. Перебѣленный и исправленный текстъ, извлеченный и напечатанный проф. Архангельскимъ (Соч. Жук. I, 24), отъ стиха *Я въ свѣтъ странникъ былъ...* до стиха: *Вънмаетъ въ старости безпечной тишиной!*..

На этомъ стихѣ работа Жуковского надъ переложеніемъ „Опустѣвшей деревни“ оборвалась окончательно, и болѣе, насколько знаемъ, нашъ поэтъ къ этому стихотворенію Гольдсмита уже не возвращался.

XXXVI.

16-го ноября 1805 года Жуковский писалъ въ своемъ дневникѣ: „Я давно не занимался стихами и какъ будто бы потерялъ изъ виду поэзію“. И, намѣчая себѣ чтеніе и переводы на ноябрь и декабрь 1805 г. и январь—апрѣль 1806 г. (чтеніе эстетическихъ авторовъ, переводъ Эшенбурга, „прибавленіе къ нему и критическія примѣчанія къ стихотворцамъ“, переводъ книжки „Leçons d'une gouvernante“), прибавляетъ: „а во все это время займусь сочиненіемъ въ стихахъ“¹⁾.

И точно, поэтическая дѣятельность его въ 1806 г. получила необыкновенную интенсивность: за этотъ годъ имъ написано свыше 40 стихотворныхъ произведеній.

Къ концу 1805 г. Жуковский отстроилъ собственный домъ въ Бѣлевѣ, переселился въ него и перевезъ къ себѣ „всю фамилію“²⁾, т. е., повидимому, М. Г. Бунину и племянницъ—дѣвицъ Юшковыхъ, осиротѣвшихъ послѣ смерти П. Н. Юшкова 4-го декабря 1805 года.

¹⁾ Дневники Жуковского, стр. 28—29.

²⁾ Письмо Жуковского къ Ѳ. Г. Вендриху отъ 19-го декабря 1805 г. Соч. Жуковск. ред. Ефремова изд. 7-ое, С.-Пб. 1878, т. VI, стр. 383—384.

Предполагая въ концѣ лѣта 1806 г. уѣхать за границу, онъ заботился о томъ, чтобы „все оставить безъ себя въ порядкѣ, чтобы матушка не имѣла хлопотъ“, и потому рѣшился пробывать безвыѣздно въ Бѣлевѣ „всю весну и лѣто“¹⁾.

Гости, однако, недолго пробыли у Жуковского, и скоро онъ остался совсѣмъ одинъ; Анна Петровна Юшкова (впослѣдствіи Зонтагъ) пишетъ ему изъ Москвы: „Хоть я и увѣрена, что вашъ досугъ никогда вамъ не будетъ въ тягость, однако же мнѣ очень жаль, что *вы теперь совершенно одни*“²⁾. Уединеніе прекрасное дѣло, но только не такое совершенное, каково теперь ваше... Право, страшно бы было, чтобы вы не забыли говорить, и чтобъ изъ милаго Базиля не вышелъ самой хорошенькой медвѣдь“... (Письмо отъ 9-го марта 1806 г.) „Мнѣ очень грустно думать, что вы все одни, что вамъ совсѣмъ не съ кѣмъ раздѣлить времени; очень боюсь, чтобы досугъ вашъ не былъ вамъ въ тягость“, пишетъ та же корреспондентка отъ 16-го апрѣля 1806 г.³⁾ Это уединеніе должно было длиться три мѣсяца.

Каково было настроеніе нашего поэта въ это время, видно изъ слѣдующихъ строкъ его дневника, подъ 1 марта 1806 г.: „Я одинъ, могу думать безъ помѣшательства (не говорю о *худомъ моемъ расположеніи, которое такъ часто мѣшаетъ мнѣ порядочно думать*). Что мнѣ дѣлать въ эти три мѣсяца, которые проживу одинъ совершенно? *Надобно хорошенько обратить глаза на самого себя; привести себя на память, сколько можно, прошедшее; подумать о будущемъ и настоящемъ. Пора выбрать что-нибудь постоянное и быть постояннымъ въ своемъ выборѣ*“⁴⁾.

Во исполненіе своего послѣдняго замысла, онъ составляетъ программу своей автобіографіи по 1805 годъ включительно⁵⁾; насколько извѣстно, программа осталась не выполненной, автобіографіи написано не было.

Уединеніе содѣйствовало пробужденію музыки Жуковского.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ (Бумаги Жуковского,

¹⁾ Письма Жук. къ А. И. Тургеневу, стр. 19—20 (письмо отъ 8-го января 1806 г.).

²⁾ Е. А. Протасова съ дочерью гостила въ Орловской губерніи у брата своего мужа въ с. Троицкомъ (Уткинскій Сборникъ, I, стр. IV, примѣч. 2; Дневники Жуковского, стр. 30, подъ 3 января 1806 г.).

³⁾ Изъ писемъ старшей дочери Юшкова, Анны Петровны (впослѣдствіи Зонтагъ). Русс. Арх. 1902 г., кн. II, стр. 131.

⁴⁾ Дневники Жук., стр. 31, § 26.

⁵⁾ Напечатана И. А. Бычковымъ въ „Дневникахъ Жуковского“, стр. 36—43.

№ 13) хранится переплетенная тетрадь въ листъ (объемъ этой тетради—56 листовъ), представляющая собой сборникъ стихотвореній Жуковского 1802—1806 годовъ; на л. 4 написано рукою самого поэта: *Сочиненія съ 1802 по 1807*. Большая часть помѣщенныхъ здѣсь стихотвореній писана рукою Александры Андреевны Протасовой ¹⁾; во многихъ изъ нихъ имѣются собственноручныя поправки Жуковского, а нѣсколько произведеній — автографы нашего поэта. Стихотворенія расположены въ хронологической послѣдовательности. При всѣхъ стихотвореніяхъ, писанныхъ рукою А. А. Протасовой, означено время ихъ написанія. Видимо, это собственная тетрадь Жуковского, которую онъ припасъ въ 1807 г., чтобы собрать на ея страницахъ изъ написаннаго имъ къ этому времени все, что считалъ заслуживающимъ вниманія, начиная „Сельскимъ Кладбищемъ“, съ котораго онъ велъ начало своей настоящей поэтической дѣятельности, считая его *первымъ* печатнымъ своимъ твореніемъ. На л. 5 рукою поэта и написанъ перечень стихотвореній, которыя затѣмъ вписаны были рукою А. А. Протасовой, съ означеніемъ времени ихъ написанія; въ перечнѣ отмѣчено и то, переводное ли стихотвореніе или оригинальное. Большинство—переводныя.

Вотъ этотъ перечень:

1. Сельское кладбище (съ англійскаго) 1802 ²⁾.
2. На смерть А. 1803 ³⁾.
3. Къ К.... 1803 ⁴⁾.
4. Къ поэзіи. 1804 въ декабрѣ.
5. Опустѣвшая деревня (начало). 1805 въ декабрѣ. Переводъ.

1806.

6. Элоиза къ Абеларду (начало), въ апрѣлѣ. Переводъ.
7. Элегія Парни (начало), въ апрѣлѣ. Переводъ.
8. Аббадона (начало), въ апрѣлѣ. Переводъ.
9. Пѣсня. Въ маѣ. Переводъ.
10. Отрывокъ, подражаніе. Въ маѣ.
- 8 (sic!). Ода Сафы, переводъ. Въ маѣ.
12. Идиллія, переводъ. Въ маѣ.
13. Прощанье старика, переводъ. Въ маѣ.

¹⁾ И. А. Бичковъ, Бумаги Жуковского, стр. 24.

²⁾ На л. 5 обор., передъ текстомъ, прибавлено: „въ сентябрѣ“.

³⁾ На л. 11 обор., передъ текстомъ, прибавлено: „въ іюль“.

⁴⁾ Тамъ же прибавлено: „въ декабрѣ“.

14. Вечеръ. Въ маѣ.
15. Къ Эдвину, переводъ, въ сентябрѣ.
16. Пѣснь Барда (начало). Сентября 28—октября 10.
17. Разговоръ, изъ Парни, переводъ. Октября 11.
18. Мартышка съ кит. тѣнями, переводъ. Октября 11.
19. Соколь и Голубка, переводъ. Октября 12.
20. Мартышка и Левъ, переводъ. Октября 12.
21. Ссора плѣшивыхъ, переводъ. Октября 13.
- 23 (sic.) Коть и зеркало, переводъ. Октября 13.
24. Голубка и Сорока, переводъ. Октября 13.
25. Сурки и Кротъ, переводъ. 14 октября.
26. Истина и басня, переводъ. Октября 16.
27. Смерть, переводъ. Октября 17.
28. Двѣ эпиграммы, переводъ. Октября 18.
29. Соннетъ, переводъ. Октября 19.
30. Эпитафія, переводъ. Октября 19.
31. Цапля, переводъ. Октября 22.
32. Сонъ Могольца, переводъ. Октября 23.
33. Эпиграммы, переводъ. Октября 26—30.
34. Мадригалъ ¹⁾, переводъ. Ноября 1.
35. Амина и Эндиміонъ, переводъ. Ноября 1.
36. Стихи Эльмины, переводъ. Ноября 2.
37. Къ портрету Руше, переводъ. Ноября 2.
38. Старый котъ и молодой мышенокъ, переводъ. 26 октября.
39. Соколь и каплунъ, переводъ. 27 октября.
40. Коть и Мышь, переводъ. 29 октября.
41. Орель и Жукъ, переводъ. 30 октября.
42. Эпиграммы, переводъ. 1 ноября.
43. Стихи, переводъ. 2 ноября.
44. Соколь и Филомелла, переводъ. 2 ноября.
45. Похороны львицы, переводъ. 6 ноября.
46. Младенецъ. 21 декабря.
- 45 (sic.). Отрывокъ изъ диѳирамба на безсмертіе. Сентября 28.

1808.

46. Романсъ.
47. Пѣсня, съ англійскаго. 15 апрѣля 1808.

¹⁾ „Старикъ молодой дѣвухѣ“—прибавлено въ текстѣ (л. 43 обор.).

48. Къ Филлидѣ.
 49. Людмила. 14 апрѣля.
 50. Мальвина. 20 апрѣля.
 51. Гимнъ Томпсоновъ.

Такимъ образомъ, къ 1806 году отнесено сорокъ два стихотворенія.

Между этими стихотвореніями первое мѣсто по времени занимаетъ „Посланіе Элоизы къ Абеларду“, отнесенное приведеннымъ выше перечнемъ къ апрѣлю мѣсяцу и обозначенное какъ переводъ съ англійскаго.

Романическая исторія Абеляра и Элоизы извѣстна ¹⁾. Его авто-

¹⁾ *Carrière*, *Abälard und Heloise, ihre Briefe und Leidengeschichte* (1853); *A. Hausrath*, *Peter Abélard* (Lpz. 1893), повторено въ его же „*Die Weltverbesserer im Mittelalter*“,—русс. переводъ: *Адольфъ Гаусратъ*, Средневѣковые реформаторы, подъ ред. Э. Л. Радлова, т. I, С.-Пб. 1900: Абелярь, см. особ. гл. II (Абелярь и Элоиза) и гл. V (Аббатъ и аббатисса); *Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche*, hgb. v. A. Nauk, I, 14 ff.; *O. Добиашъ*, Абелярь (Новый Энциклопедическій Словарь, изд. Брокгауза и Ефрона, т. I, стр. 39 и слѣд.); *Petri Abaelardi opera, in unum collegit V. Cousin*, т. I, Parisiis, 1849. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей умственной жизни средневѣковья, современниками называвшійся Сократомъ Галліи, Платономъ Запада, Аристотелемъ своей эпохи, философъ, осужденный церковью какъ еретикъ, онъ же поэтъ, музыкантъ,—Абелярь (1079—1142) прославился своимъ трогательнымъ романомъ съ Элоизой. Популярный, прославленный профессоръ, суровый и дѣломудренный мыслитель, онъ только въ возрастѣ около 40 лѣтъ узналъ радости раздѣленной любви. Въ своей автобіографіи (*Historia calamitatum mearum*) онъ рассказываетъ: „Въ то время жила въ Парижѣ молодая дѣвушка, по имени Элоиза; прекрасная собою, она еще болѣе блистала умомъ, чѣмъ красотою“; она была племянница (а можетъ быть и дочь) каноника Фульбера. Абелярь вошелъ въ домъ послѣдняго въ качествѣ домашняго учителя Элоизы,—и вотъ завязывается романъ. „Скоро мы имѣли одно сердце,—рассказываетъ Абелярь:—мы искали уединенія, котораго требуетъ наука, и, далекая отъ взоровъ, любовь наша наслаждалась этимъ уединеніемъ. Передъ нами лежали раскрытыя книги, но въ урокахъ нашихъ было больше словъ любви, чѣмъ наставленій мудрости, больше поцѣлуевъ, чѣмъ правилъ науки. Въ нашей нѣжности мы прошли всѣ фазы любви“ (*V. Cousin*, *Abaelardi opera*, I, 9—11). Вскорѣ Элоиза почувствовала себя матерью. Абелярь увезъ ее на свою родину, въ Бретань, гдѣ она и разрѣшилась отъ бремени. Впослѣдствіи, съ согласія Фульбера, они вступили въ бракъ. Но Абелярь хотѣлъ, чтобы бракъ этотъ остался тайнымъ; Элоиза стала жить въ одѣяніи монахини въ монастырѣ. Родственники ея, подозрѣвая, что Абелярь хочетъ такимъ способомъ отдѣлаться отъ Элоизы, рѣшились отомстить ему; подкупивъ слугу, они напали на Абеляра въ его собственной спальнѣ, и прежде, чѣмъ онъ вполне очнулся отъ сна, онъ былъ уже кастрированъ (*Гаусратъ*, I, стр. 31). Жестокая расправа повлекла за собой рѣзкій переломъ въ жизни Абеляра: онъ идетъ

биография (*Historia calamitatum mearum*) и возникшая въ связи съ нею ихъ переписка, въ которой выразилась вся горькая, мучительная правда жизни Абеяра и Элоизы, стали знаменитыми; трогательное письмо послѣдней, на каждой страницѣ котораго слышится вопль впавашаго въ отчаяніе женскаго сердца, эта исповѣдь Элоизы, по внутренней правдѣ страсти и величію несчастія, принадлежитъ къ самымъ потрясающимъ произведеніямъ, какія когда либо были написаны ¹⁾. Въ XVIII вѣкѣ было сильно возбуждено вниманіе къ личностямъ Абеяра и Элоизы и ихъ перепискѣ: появились изданія, переводы ²⁾; аббатъ Gervaise рассказываетъ исторію Абеяра и Элоизы совершенно въ стилѣ романа по-французски ³⁾; позднѣе явились пересказы англійскій ⁴⁾, нѣмецкіе (*Sam. Hahnemann, Aug. Kotzebue*). Наиболѣе содѣйствовали популярности сюжета о любви Абеяра и Элоизы стихи англійскаго поэта XVIII в. Ал. Попа „Eloisa to Abe-

въ монахи, 19-лѣтняя Элоиза, по его убѣжденіямъ, дѣлаетъ то же. Проходитъ рядъ безотрадныхъ лѣтъ. Въ тягостномъ настроеніи Абеяръ пишетъ свою автобиографію (*Historia calamitatum mearum*). Сочиненіе это попало въ руки Элоизы и, возбудивъ ея собственныя воспоминанія, чрезвычайно взволновало молодую аббатиссу; она пишетъ Абеяру страстное письмо, полное любви, укоризны и горькихъ жалобъ; съ полной откровенностью она высказываетъ ему, что ничего она не любитъ кромѣ него, что ея монашескій обѣтъ данъ ею только во исполненіе его желанія, что вся ея святость—не болѣе какъ лицемеріе, что она—женщина, день и ночь сжигаемая страстью и желаніями... Отвѣтъ Абеяра холоденъ, какъ ледъ; онъ пишетъ Элоизѣ, какъ возлюбленной сестрѣ о Христѣ, и вмѣстѣ съ письмомъ пересылаетъ ей псалтирь. Въ искалѣченномъ тѣлѣ и ожесточенной душѣ Абеяра умерло все, что такъ страстно еще волновало Элоизу,—онъ самъ откровенно признается въ этомъ; къ прежней любовницѣ-женѣ у него осталось только чувство дружбы, состраданія (*Гаусратъ*, I, 105 и слѣд.).

¹⁾ *Гаусратъ*, Средневѣковые реформаторы, I, 105—106.

²⁾ Оригиналъ писемъ латинскій. Послѣ изданій XVII в.: а) P. Abaelardi... et Heloissae opera nunc primum eruta ex manuscriptis codicibus et in lucem edita studio ac dilig. Andreae Quercetani, Paris 1616 и б) P. Abaelardi philosophi et theologi... et Heloisae... opera nunc primum edita ex manuscriptis codicibus v. illustr. Francisci Amboesii... Par. 1616,—въ Кельнѣ вышло въ 1695 г. изданіе писемъ Элоизы и Абеяра; Beauchamps перевелъ ихъ французскими стихами, а John Hughes далъ переводъ англійскій. Письма Абеяра и Элоизы были отдѣльно изданы въ Лондонѣ въ 1718 г. и въ Парижѣ въ 1723 г. (переводъ въ 1729 г.) патеромъ Gervaise, который далъ и французскій переводъ писемъ, очень свободный; въ 1782 г. вышло такое изданіе: *Lettres originales d'Abailard et d'Héloïse, nouvellement traduites du latin, avec l'original à côté*, Paris, 1782.

³⁾ *La vie de Pierre Abeillard et d'Héloïse*, I—II vol., Paris, 1720 (другое изданіе—1728 г.).

⁴⁾ *The History of Abeillard and Heloise*, by J. Berlington. London, 1787.

lard“ и его французскихъ подражателей (каковы: *Colardeau*, Charles-Pierre, 1732—1776, дебютировавший стихотворнымъ *Lettre d'Héloïse et d'Abailard*, imitée de Pope; *Dorat*, Claude-Joseph, 1734—1780, авторъ между прочимъ одиннадцати „геройдъ“, въ томъ числѣ „Элоизѣ Абеляръ“; *L. Mercier*, включившій письмо Элоизы къ Абеляру въ свой сборникъ „*Mon bonnet de nuit*“, вышедшій въ 4 томикахъ въ 1784—1785 и др.), романъ Руссо „Новая Элоиза“ и такія подражанія, какъ „*Le nouvel Abailard, ou Lettres des deux amants qui ne se sont jamais vûs*“, Berne, 1779, или „*L'Abailard supposé, ou le sentiment à l'épreuve*“, Paris, 1780.

„Eloïsa to Abelard“ Попа впервые появилось въ свѣтъ въ собраніи его сочиненій 1717 года ¹⁾. Источникомъ стихотворенія былъ англійскій переводъ, который сдѣлалъ John Hughes съ французской передѣлки латинскаго текста писемъ ²⁾. Нѣкоторыя мѣста Пошъ извлекъ изъ писемъ Элоизы, другое прибавилъ отъ себя, превосходно усвоивъ тотъ же духъ,—и получилось произведеніе, которое восхищало соотечественниковъ автора, напр. Сам. Джонсона, Байрона, и увлекало восточныхъ сосѣдей Англіи; новѣйшій французскій критикъ, посвятившій Попу специальный этюдъ, выражается такимъ образомъ: Pope a su faire un véritable drame de ce soliloque de l'âme d'Héloïse par la variété des mouvements de la passion... Il n'y a qu'une seule pensée, mais cette pensée prend les formes les plus imprévues, les plus audacieuses, les plus téméraires, les plus sacrilèges même. Tentation, regret, souvenir, obsession, tous ces mots sont trop faibles pour exprimer cette permanence de la pensée d'Abélard sous laquelle Héloïse succombe et sans laquelle elle ne peut vivre. Il n'est rien qui ne le lui rappelle lorsqu'elle ne le cherche pas, et il n'est rien dont elle ne s'éloigne lorsqu'elle ne l'y trouve pas. Ce cloître où elle vit séparée de lui est son oeuvre, et ces religieuses, ses compagnes, lui parlent de lui sans en rien dire. Cherche-t-elle la solitude, le fantôme d'Abélard vient l'y trouver; cherche-t-elle le silence, elle le trouble par le bruit des sanglots que la pensée d'Abélard lui arrache. Cherche-t-elle la méditation, c'est encore Abélard qu'elle rencontre, car il fut le maître de son intelligence comme de son coeur, et il ouvrit l'une aux divines clartés, comme il ouvrit l'autre aux flammes inextinguibles. Dieu seul peut donc la sauver de cet invincible attachement; mais lorsqu'elle se

¹⁾ *Ward and Waller*, The Cambridge history of english literature, vol. IX (Cambridge, 1912), p. 444.

²⁾ Тамъ же, стр. 71.

fond en prières et qu'elle se croit déjà délivrée, la crainte de perdre Abélard la fait se détourner du ciel avec épouvante, etc. ¹⁾).

Русскимъ читателямъ сюжетъ о любви и несчастіи Абельяра и Элоизы также былъ хорошо извѣстенъ; у насъ явились такіе переводы:

1) Ироида, Элоиза къ Абельяру, стихотвореніе (Модное ежемѣсячное изданіе, или Библіотека для дамскаго туалета, С.-Пб. 1779, ч. I, стр. 83, съ указаніемъ въ подстрочномъ примѣчаніи, что „сей переводъ учиненъ еще въ 1755 году, и безъ позволенія трудившагося въ ономъ между сказками весьма несправно напечатанъ.“); это—пересказъ стиховъ Попа.

2) Собраніе писемъ Абельяра и Элоизы, съ присовокупленіемъ описанія жизни сихъ несчастныхъ любовниковъ, перев. съ франц., Александръ Дмитріевъ. М. 1783. Здѣсь вначалѣ дается біографическій очеркъ, а затѣмъ въ видѣ письма Абельяра къ его другу излагается вкраткѣ *Historia calamitatum Abelardi*, затѣмъ идетъ письмо Элоизы къ Абельяру Попа, далѣе—письмо Абельяра къ Элоизѣ Коллардо, наконецъ—„подлинныя письма Элоизы и Абельяра“.

3) Ироида: Элоиза ко Абельяру, предувѣдомленіе и стихотвореніе (Новыя ежемѣсячныя сочиненія, С.-Пб. 1786, ч. III, стр. 78—103)—новая перепечатка стиховъ, изданныхъ въ „Модномъ ежемѣсячномъ изданіи“ 1779 г., ч. I. Начало:

Въ сей темной хранинѣ, въ моемъ уединенѣ,
Гдѣ вѣчну тишину имѣетъ воображенье,
Гдѣ скука лишь одна въ безмолвіи живетъ,
Не зная, отчего душѣ покою нѣтъ;
Не знаю, отчего ко свѣту мысль стремится,
И прежняя любовь въ груди моеѣ родится...

4) Элоиза къ Абельяру, ироида, вольный переводъ съ французскаго творенія г. Коллардо, В. Озерова, С.-Пб. 1794.

Это былъ первый стихотворный опытъ В. А. Озерова, извѣстнаго впоследствии драматурга.

Начало:

Среди молчанія, въ жилищѣ тишины,
Гдѣ души суеты и страсти лишены,
Гдѣ Богу лишь сердца навѣки посвящены,
Чѣмъ чувства днесъ мой жестоко толь смущены?...

¹⁾ *Émile Montégut*, Heures de lecture d'un critique. Pope (Revue des deux Mondes, 15 mars 1888, p. 308).

Окончаніе:

Пускай въ единый гробъ навѣкъ насъ соединятъ!
Чтобъ въ надписи любовь злу повѣсть описала;
Чтобъ нѣжныя сердца та надпись ужасала;
Чтобъ проходящій рекъ: „Могущая любовь,
Се ты виной ихъ бѣдъ, смутивъ въ нихъ жарку кровь:
Теките, токи слезъ, на гробъ четы несчастной,
И да страшимся всѣ любви столько страстной!“

Перепечатывается въ собраніи сочиненій Озерова.

5) Эпистола отъ Элоизы къ Абелярду, изъ *Bonnet de nuit, de m-r Mercier*, стихотвореніе. Подпись: *Им—нъ*, съ рѣки Инзары, село Константиново (Ишпокрена, ч. V, на 1800 годъ, стр. 337—357).

Начало:

Въ священномъ храмѣ семь, пустыней окруженномъ,
Гдѣ вѣра новый свѣтъ всѣмъ чувствамъ даетъ—
Въ семь мѣстѣ, тишиной и миромъ осѣненномъ—
Душа ничтожествомъ жизнь кратку признаетъ.
Чистѣйшій пламень въ ней мгновенно восплаетъ,
Коль гробныхъ мысленно касаюсь я дверей...

Конецъ:

Прости, что горести сердечны написали,
И помни, что любимъ ты былъ и будешь мной.
Прости! спасемъ себя!... Нѣтъ силъ! но—я готова...
Еще прости, о, другъ! и—болѣе—ни слова!!!

Стихотвореніе это представляетъ пересказъ посланія „*Eloisa to Abelard*“ Попа; въ рукахъ автора былъ не англійскій подлинникъ, а французская переработка Мерсье, включенная имъ въ его книгу „*Mon bonnet de nuit*“ (Neuchatel, 1784).

6) Абелардъ и Элоиза, соч. *Коцебу*, переводъ съ нѣмец. М. 1801,— краткій біографическій очеркъ.

7) Абелардъ и Элоиза—въ III части (стр. 1—31) сборника „Младшіе дѣти моего веселаго духа“, соч. *Г. Коцебу*, Смоленскъ, 1802,— тотъ же біографическій очеркъ.

8) Абелардъ и Элоиза, съ присовокупленіемъ двухъ повѣстей: 1) Новая Аталанта, 2) Очаровательная прелесть; соч. *Коцебу*, переводъ съ нѣм. Смоленскъ, 1802,— тотъ же біографическій очеркъ.

9) *Idées des amours d'Héloïse et Abélard, avec leurs portraits*. St.-Pétersbourg, 1804.

10) Краткое изображеніе любви Элоизы и Абелярда, С.-Пб. 1806.

11) Двѣ ироиды: I, Элоиза къ Абейларду, и II, Армида къ Ринольду. С.-Пб. (безъ года).

12) 22-го ноября 1801 года московскою цензурою была одобрена къ напечатанію книга: „Абейлардъ и Элоиза, или драгоцѣнное собраніе писемъ сихъ несчастныхъ любовниковъ, съ французскаго на російскій языкъ вновь переведенныя В. Пт. (Протопоповымъ—*Смирдинъ*, Роспись, № 8471). Печатаніе почему-то задержалось, и книжка вышла (изъ типографіи С. Селивановскаго, Москва) только въ 1816 г., въ двухъ частяхъ. Содержаніе I части—„Жизнь Абейларда и Элоизы“ (стр. 9—80). Часть II представляетъ сборникъ: „Подражательныя письма Абейларда и Элоизы“; здѣсь находятся:

а) *Письмо отъ Элоизы къ Абейларду* (стр. 1—28). Начало: „Въ семь мирномъ уединеніи, въ семь жилищѣ, гдѣ умозрѣніе постоянно возводитъ взоры свои къ небу, въ семь мѣстѣ, гдѣ царствуетъ глубокое молчаніе, — какія движенія возмущаютъ покой души моей?“... Конецъ: „Кто будетъ чувствительнѣе къ нашимъ злощастіямъ, тотъ и воспѣтъ ихъ достойнѣе можетъ“. Примѣчаніе на стр. 29: „Предъидущее письмо сочинено на англійскомъ языкѣ Г. Попе“, и проч.

б) *Письмо отъ Абейларда къ Элоизѣ, вольно переведенное съ латинскаго Г. К...* и *служащее отвѣтомъ на предъидущее письмо* (стр. 30—65). Начало: „О любезная и весьма чувствительная Элоиза! долженствовало ли угодно быть Провидѣнію, чтобъ бѣдствія наши, начертанныя моею рукою, для утѣшенія друга въ несчастіи, достигли нѣдръ твоего уединенія?“...

в) *Письмо отъ Элоизы къ Абейларду, сочиненное на англійскомъ г. Попе, на французской вольно переведенное стихами г. Колардо* (стр. 66—90). Подстрочное примѣчаніе: Г. Колардо не столько переводилъ г. Попе, сколько подражалъ ему, и едва ли не превзошелъ подлинникъ... (стр. 66). Начало: „Въ сихъ мѣстахъ, населяемыхъ чистою невинностью, въ коихъ царствуетъ миръ и вѣчное безмолвіе, въ коихъ поработенныя строгимъ законамъ сердца, будучи добродѣтельны по долгу, суть таковы и по изволенію своему,—какая ужасная буря для возмущенія моего спокойствія подымается въ чувствахъ слабой Вестальской дѣвы? Кто паки воспламеняетъ едва погашенный огонь мой?—Любовь, жестокая любовь!“... Конецъ: „Да начертаетъ рука любви на гробницѣ нашей жизнь нашу; да скажетъ путешественникъ, оплакивая память нашу: Они много любили другъ друга, они были несчастны; возстонемъ на гробъ ихъ, и не будемъ такъ любить, какъ они любили“.

d) *Письмо отъ Абейларда къ Элоизѣ, служащее отвѣтомъ на письмо предыдущее, сочиненное въ стихахъ г. Доратомъ* (стр. 92—106).

Начало: „Удадитесь отъ меня, священныя книги, строгія изъяснители нравственности; правила, тайнства ваши, сіи мрачныя истины, обожаемыя съ трепетомъ, не могутъ увѣрить колеблющійся умъ мой“...

e) *Письмо Элоизы къ Абейларду г. Сореня, члена Французской Академіи, подражаніе г. Попе* (стр. 107—116). Начало: „Святое убѣжище, въ которомъ отречешееся отъ прелестей міра сердце мое надѣялось найти невинность и спокойствіе... Сколь отличнымъ попеченіемъ занята душа моя!“... Конецъ: „Когда какіе-нибудь любовники, приведенные въ сіи печальныя мѣста любовію, посѣтятъ прахъ нашъ, тогда наклонившись на нашу гробницу, и склонивъ чело свое, скажутъ они, залившись нѣжнѣйшими слезами: ахъ! можно ли намъ, любя другъ друга, быть щастливѣе ихъ!“ Это — сокращенный пересказъ стихотворенія Попа.

f) *Письмо отъ Абейларда къ Элоизѣ, любовницѣ, супругѣ своей* (стр. 117—133). Начало: „Кто можетъ писать ко мнѣ... Посмотримъ... Великій Боже! Элоиза... Едва выходитъ отъ изумленія супругъ твой... Я покрываю поцѣлуями сіе прелестное письмо; оно пронзаетъ сердце мое восхитительнымъ удовольствіемъ... Но должно ли Абейларду заниматься твоими прелестями?“...

g) *Письмо отъ Элоизы къ Абейларду, любовнику и супругу своему, на французскомъ языкѣ съ письма г. Попе предложенное въ стихахъ г. Фѣтри* (стр. 134—156). Начало: „Въ сей мрачной пустынѣ, въ семъ мирномъ уединеніи, жилищѣ невинности и спокойствія, въ коемъ душа и очи мои, возведенныя къ небу, ни днемъ ни ноцію не могутъ довольно созерцать Его, кто можетъ возмущать глубокое мое безмолвіе!“... Конецъ: „Естьли, наконецъ, найдется какой либо пійтъ, пронзенный бѣдствіями жестокой разлуки,—любовникъ страстный и вѣрный,—такъ какъ и Элоиза обремененный мученіями,—ежели найдется, коего любовь, очарованіями, притворными сладостями своими, коварствомъ своимъ довела до края пропасти,—пусть воспоетъ онъ бѣдствія мои, пламень мой, раскаяніе мое... Но—чтобъ хорошо ихъ описать, должно хорошо ихъ и чувствовать“. Еще одинъ переводъ-передѣлка произведенія Попа.

h) *Письмо отъ Абейларда къ Элоизѣ, служащее отвѣтомъ на предыдущее письмо, сочиненіе г. Дората* (стр. 157—175). Начало: „Элоиза!—правда ли? Я раздулъ твой пламень! я возмущилъ тишину, входившую въ душу твою!—Сердце сіе, въ которомъ Богъ, можетъ

быть, начиналъ уже царствовать,—разорванное руками мовми,—кровь источаетъ!—Безсовѣстный Абейлардъ! чувствительнѣйшая Элоиза! несчастные любовники!“...

И самый сюжетъ объ Абелярѣ и Элоизѣ, и письмо Элоизы въ обработкѣ Попа и его подражателей, въ оригиналахъ или русскихъ переводахъ, были, конечно, знакомы Жуковскому. Сочиненіями Коцебу, какъ мы видѣли ¹⁾, онъ весьма интересовался, вмѣстѣ со всею русскою читающею публикою того времени, — слѣдовательно, долженъ былъ знать и его романъ „Абеляръ и Элоиза“ (въ подлинникѣ или въ русскомъ переводѣ). Въ переведенной Жуковскимъ комедіи Коцебу „Ложный стыдъ“, въ 8-мъ явленіи II дѣйствія ²⁾, идетъ разговоръ объ Абелярѣ и Элоизѣ, при чемъ указывается даже источникъ, откуда можно почерпнуть свѣдѣнія объ Абелярѣ,—словарь Бейля,—и Жуковский, чтобы не быть подобнымъ осмѣиваемому въ пьесѣ лицу, Виконту Мальякъ, который оказался относительно Абеляра полнымъ невѣждой, а на обращенный къ нему вопросъ, почему „Новая Элоиза“ такъ названа, отвѣчаетъ: — „Капризъ сочинителя! Во всей книгѣ нѣтъ ни слова объ Элоизѣ!“ — Жуковский, конечно, долженъ былъ воспользоваться указаніемъ на словарь Бейля, и навести справку объ Абелярѣ, если не зналъ о немъ ранѣе, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ выяснитъ для себя и то, откуда произошло заглавіе „Новая Элоиза“ того романа, который, очевидно, онъ рекомендовалъ Марьѣ Николаевнѣ Свѣчиной, и за увлеченіе которымъ, повидимому, Андрей Тургеневъ и отозвался о Жуковскомъ, что „Руссо его наставникъ“,—какъ это явствуется изъ письма Андрея Тургенева начала 1802 года ³⁾; „Иппокрена“, напечатавшая Эпистолю отъ Элоизы къ Абелярду, была журналомъ, близко извѣстнымъ Жуковскому и его друзьямъ.

Въ Бѣлевѣ нашъ поэтъ, ставъ учителемъ дѣвицъ Протасовыхъ, очень скоро почувствовалъ себя въ положеніи, до извѣстной степени аналогичномъ положенію Абеляра, влюбившись въ старшую изъ племянницъ, которую и сталъ воспитывать „по программѣ чувствительности“, какъ выразился акад. Веселовскій ⁴⁾. Руководя чтеніемъ

¹⁾ См. гл. XVI—XVII моихъ Размыслиній.

²⁾ Соч. Жуковск., ред. Архангельскаго, т. XI, стр. 88—89.

³⁾ Акад. *Веселовскій*, Жуковский, стр. 75.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 74. Сходство дополняется тѣмъ, что и разлученная съ Жуковскимъ Марія Андреевна будетъ продолжать любить его, мечтать о немъ, писать къ нему страстные письма (см. *П. Н. Сакулунъ*, М. А. Протасова-Мойеръ, глава IV).

Маріи Андреевны, Жуковский оставилъ свою ученицу въ невѣдѣніи относительно „Новой Элоизы“, которую она прочла впервые только въ 1821 г. ¹⁾; самъ онъ, повидимому, скоро охладѣлъ къ роману Руссо, признавъ его скучнымъ ²⁾; но мотивъ о любви Абельяра и Элоизы, очевидно, продолжалъ привлекать нашего поэта, и онъ, мечтая о любви „Маши“, о своемъ бракѣ съ нею, вспомнилъ о знакомомъ ему стихотвореніи Попа „Eloisa to Abelard“, и, оставшись въ Бѣлевѣ въ одиночествѣ, задумалъ перевести его. Замыселъ былъ выполненъ только отчасти: переводъ остался далеко не окончаннымъ.

Текстъ переведеннаго отрывка сохранился въ рукописяхъ Императорской Публичной Библиотеки, Бумаги Жуковского, №№ 12, 13, 14; по послѣдней рукописи (№ 14, л. 33 обор.—34) стихотвореніе и напечатано было впервые проф. Архангельскимъ ³⁾. Разночтенія въ другихъ рукописяхъ сводятся къ слѣдующимъ немногимъ вариантамъ:

Рукоп. № 13, л. 16 об.—18 об.:

5. Гдѣ вѣра въ тишинѣ *златія* слезы льетъ.
15. Не *тѣры* ль признаки, и проч.
20. О страшныя черты, *изладимъ* ихъ слезами.

Рукоп. № 12, л. 20—21:

40. Когда руки твоей *прелестными* чертами.
49. Въ кнѣзнь пыльныхъ лѣтъ съ *горящею* душой.
69. *Но ахъ, протекшаго* ничто не возвратитъ.

Каково отношеніе этого стихотворенія къ оригиналу?

Англійскій подлинникъ заключаетъ въ себѣ 366 стиховъ; изъ нихъ Жуковскимъ переведены лишь первые 72 стиха. Переводъ представляетъ довольно близкій пересказъ оригинала; но Попъ выразался болѣе сжато,—Жуковскому понадобилось 86 стиховъ для передачи 72-хъ стиховъ Попа. Переводя и пересказывая, нашъ поэтъ не воздержался отъ введенія нѣкоторыхъ образовъ, созданныхъ имъ самимъ, съ другой стороны — отъ пропуска нѣкоторыхъ образовъ оригинала, наконецъ — даже отъ нѣкоторыхъ лирическихъ дополненій; передавая стихи Попа, Жуковский до извѣстной степени перевопло-

¹⁾ Уткинскій Сборникъ, I, стр. 263; *Сахулинъ*, op. cit., отдѣльн. отт. стр. 17, 19.

²⁾ Въ письмѣ Жуковского къ И. И. Козлову отъ 27-го января 1833 г. читаются слѣд. строки: „Не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, *нѣтъ ничего скучнѣе Новой Элоизы; я не могъ дочитать ее и въ молодости*, когда воображенію нужны болѣе мечты, нежели истина... Руссо не имѣлъ ничего кромѣ блестящей декламаци“ (Соч. Жуков. изд. 7, подъ ред. Ефремова, Спб. 1878. т. VI, стр. 472).

³⁾ Соч. Жуков., ред. Архангельск., I, 24.

шался въ Элоизу и говорилъ отъ ея имени, отнюдь не ограничиваясь ролью переводчика, который бы старался стихъ за стихомъ переложить слова Попа на русскій языкъ.

Попъ начинаетъ такъ:

In these deep solitudes and awful cells,
Where heav'nly-pensive contemplation dwells,
And ever-musing melancholy reigns;
What means this tumult in a Vestal's veins?
Why rove my thoughts beyond this last retreat?
Why feels my heart its long-forgotten heat?
Yet, yet I love!—From Abelard it came,
And Eloisa yet must kiss the name ¹⁾..

(Въ этой далекой отъ міра пустынѣ, въ этой полной благоговѣнія кельѣ, гдѣ обитаетъ тоскующее о небѣ созерцаніе и царить вѣчно-задумчивая меланхолія, что значить это смятеніе въ крови весталки? Почему блуждаютъ мои думы далеко отъ этого послѣдняго убѣжища? Почему чувствуетъ мое сердце свой давно забытый жаръ? Еще, еще я люблю! Это [писаніе] дошло отъ Абеляра, и Элоиза должна еще лобзать это имя).

Жуковскій для характеристики монастырской жизни Элоизы прибавилъ *умиленіе надъ хладными гробами, святыя (вар. златыя) слезы впрѣ съ тишинъ*; пробудившійся давно забытый жаръ сердца Элоизы онъ изображаетъ какъ *трепетъ внутренній, души волненье, смѣшаніе восторга и тоски*; но лобзаніе начертаннаго на бумагѣ имени Абеляра, о чемъ говоритъ Попъ, нашимъ поэтомъ опущено ²⁾.

Вторая строфа у Попа:

Dear fatal name! rest ever unreveal'd,
Nor pass these lips in holy silence seal'd;
Hide it, my heart, within that close disguise,
Where mix'd with God's his lov'd Idea lies:
O write it not my hand—the name appears
Already written—wash it out, my tears!
In vain lost Eloisa weeps and prays,
Her heart still dictates, and her hand obeys.

(Дорогое роковое имя! стань навсегда непроизносимымъ, не появляйся на моихъ устахъ, на которыхъ лежитъ печать священнаго безмолвія; затаи его, мое сердце, скрой внутри той ограды, гдѣ покоится эта любимая мысль, смѣшанная съ мыслью о Богѣ; о, не пиши его, моя

¹⁾ The Works of Alexander Pope, London, 1752, vol. II, p. 29.

²⁾ См. Соч. Жуковск., ред. Арханг., I, 24.

рука—имя является уже написаннымъ—смойте его прочь, мои слезы! Напрасно погибшая Элоиза плачетъ и молится, ея сердце все еще приказываетъ, и повинуется ея рука).

У Попа Элоиза стремится затаить свое чувство, у Жуковского она хотѣла бы *укротить сердце, потушить пламень*; у Попа она плачетъ и молится тутъ же въ своей кельѣ, гдѣ и пишетъ Абеляру (такъ она и изображена на приложенной къ тексту въ лондонскомъ изданіи 1752 года гравюрѣ: въ сидячемъ положеніи съ молитвенно сложенными, въ порывѣ тоски, руками и обращенными кверху глазами и лицомъ, передъ столомъ, на которомъ чернила и бумага); у Жуковского Элоиза—*простертая въ пыли, молясь предъ алтарями*; предъ нею *небесный супругъ во гнѣвъ*—образъ, совершенно отсутствующій у англійскаго поэта.

Далѣе, у Попа:

Relentless walls! whose darksome round contains
Repentant sighs and voluntary pains:
Ye rugged rocks! which holy knees have worn;
Ye grotts and caverns shagg'd with horrid thorn!
Shrines! where their vigils pale-ey'd virgins keep,
And pitying saints, whose statues learn to weep!
Tho' cold like you, unwov'd and silent grown,
I have not yet forgot myself to stone.
All is not Heav'n's while Abelard has part,
Still rebel nature holds out half my heart;
Nor pray'rs nor fasts its stubborn pulse restrain,
Nor tears for ages taught to flow in vain.

(Неумолимая стѣны! чьи мрачные своды наполняются вздохами покаянія и добровольными муками; вы, жесткіе камни! которые истерли набожныя колѣни; вы, гроты и пещеры, обросшіе колючимъ терновникомъ! Алтари! гдѣ совершаютъ свои бдѣнія блѣдноглазья дѣвы, и сострадательные святые, чьи образы учатся проливать слезы! хотя холодная, какъ вы, ставъ свободною и безмолвною, я еще не забыла о себѣ самой, подобно камню. Не все принадлежитъ небесамъ, пока Абеляръ имѣетъ долю; еще возстающая природа владѣетъ половиною моего сердца; ни молитвы, ни посты не укрощаютъ ея упорнаго бѣнія, ни слезы съ годами не научились литься безстрастно).

Жуковский перевелъ эту строфу очень свободно; у него появились и *пустыней страшный видъ*, и *льсовъ уединенье* и *мощи съ лампадой гробовой*; его стихъ: О, дикія скалы, изрытыя мольбой—мало понятенъ безъ справки съ оригиналомъ (Ye rugged rocks! which

holy knees have worn),—это чувствовалъ онъ самъ, и въ рукописи ¹⁾ сдѣлалъ такое примѣчаніе: „Я хотѣлъ перевести Делилево выраженіе *Usés par la prière*, но кажется переводъ не очень щастливъ: слишкомъ смѣло или натянуто“ — замѣчаніе, любопытное для характеристики того, какъ нашъ поэтъ выработывалъ свой стиль, изучая поэтическіе обороты чужихъ писателей и пытаясь усвоить ихъ, не всегда удачно, русской рѣчи.

Во второй половинѣ строфы Жуковскій съ гораздо большей пылкостью проявляетъ темпераментъ, чѣмъ это является у Попа:

Могу ль, огоньъ любви сгорая, охладѣть?
 Ахъ, нѣтъ! не Божество душой моею владѣть!
 Она тобой, тобой, супругъ мой, пламенѣетъ!
 Къ тебѣ, мой Абельяръ, съ молитвами летитъ!
 Тебя въ жару, въ тоскѣ, зоветь, боготворить!..
 Ахъ, тщетно рвать себя, вотще томить слезами!

Упомянутое о постахъ нашъ поэтъ счелъ необходимымъ выпустить, а алтари, предъ которыми молятся дѣвы, перенесены имъ въ предыдущую строфу.

Подобное же свободное отношеніе Жуковского къ своему оригиналу наблюдается и далѣе въ переведенномъ отрывкѣ.

XXXVII.

Въ рукописной тетради „Сочиненія съ 1802 по 1807“ за „Посланиемъ Элоизы“ слѣдуетъ ²⁾ отрывокъ перевода VI-й элегіи Парни „Въ разлукѣ я искалъ смягченья тяжкихъ бѣдъ“... ³⁾, помѣченный апрѣлемъ 1806 г., а нѣсколько дальше (оборот. л. 29) стоитъ отнесенный по времени написанія къ 11-му октября 1806 г. „Разговоръ“: Какъ звать тебя, чудакъ? Кто ты таковъ?—Я богъ Амуръ! ⁴⁾—также переводъ изъ Парни.

Достоинство вниманія это обращеніе Жуковского къ французскому эротическому поэту, автору любовныхъ элегій, въ которыхъ изображаются различные отбѣнки любовной страсти ⁵⁾.

¹⁾ Бумаги Жуковского, № 12, л. 20.

²⁾ Бумаги Жуковского, № 13, обор. л. 19а.

³⁾ Соч. Жуков., ред. Арханг. I, 25—26.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 29.

⁵⁾ О Парни см. *Sainte-Beuve*, Parny—въ III томѣ его *Portraits contemporains et divers*, изд. 1855 г., стр. 118—155,—и его же, Parny poète élégiaque при изданіи *Élégies de Parny*, P. 1861 (повторено въ *Causeries du Lundi*, t. 15); *H. Gotez*, *L'Élégie en France avant le romantisme*, Paris, 1898, ch. II; *П. О. Морозовъ*, Пушкинъ и Парни (Соч. Пушкина подъ ред. Венгерова, т. I, стр. 380 и сл.).

Лирикъ таланта не очень крупнаго, но несомѣннаго, Парни (1753—1814) пользовался въ свое время громкой славой въ своемъ отечествѣ и за предѣлами его, благодаря искреннему и глубоко почувствованному тону своихъ произведеній. Ламартинъ въ 1814 году называетъ его „*maître de la lyre*“ ¹⁾). Нѣсколько десятилѣтій спустя, знаменитый французскій критикъ о немъ написалъ: *Les Poésies érotiques, les élégies de Parny* parurent pour la première fois en 1778, et devinrent à l'instant une fête de l'esprit et du coeur pour toute la jeunesse du règne de Louis XVI. L'oreille était satisfaite par un rythme pur, mélodieux; le goût l'était également par une diction nette, élégante, et qui échappait au jargon à la mode, au ton du libertinage ou de la fatuité. Les connaisseurs faisaient une différence extrême de cette langue poétique de Parny d'avec celle des autres poètes du temps, les Boufflers, les Pezai, les Dorat: c'eût été une grossièreté alors de les confondre ²⁾). Русскій ученый нашихъ дней говоритъ: „Непринужденное изящество слога, звучность красиваго стиха, граціозность картинъ, въ обрисовкѣ которыхъ поэтъ хотя нерѣдко становится на очень скользкую почву, но всегда умѣетъ во время остановиться у извѣстнаго предѣла, замѣняя античную безцеремонность свѣтскою галантною эпохи фижмъ и пудренныхъ париковъ, порою—искреннее чувство, проглядывающее сквозь дымку условной фразеологіи,—все эти положительные качества Парни давали ему право занять видное мѣсто среди поэтовъ современной ему эпохи, еще далекой отъ болѣе серьезныхъ и глубокихъ литературныхъ взглядовъ и задачъ. Съ появленіемъ этихъ послѣднихъ слава Парни и однородныхъ съ нимъ представителей поэзіи быстро пошла на убыль“... ³⁾).

Въ русскую литературу имя Парни проникло сравнительно поздно. Едва ли не впервые оно названо было на страницахъ альманаха „Муза“ за 1796 г.; здѣсь (ч. II, стр. 14—27) помѣщены были одиннадцать „Мадагаскарскихъ пѣсень“ въ прозаическомъ переводѣ Павла Львова, и послѣ заглавія (стр. 14) было прибавлено въ скобкахъ: *Изъ твореній кавалера де Парни*.

Издававшійся И. П. Пнинимъ „С.-Петербургскій Журналъ“ въ августовской книжкѣ 1798 года (стр. 88—91) помѣстилъ анонимный

¹⁾ P.-M. Masson, Lamartine et les deux „*Eléonore*“, Revue d'Histoire littéraire de la France, 1913, Avril—Juin, стр. 255.

²⁾ Causeries du Lundi, par *Sainte-Beuve*, XV³, 287.

³⁾ П. О. Морозовъ, Пушкинъ и Парни, loco cit., стр. 388.

прозаическій переводъ *Крылья Амура*, изъ сочин. де Парни (начало: „Однажды Элеонора и я нашли Амура спящаго на постелѣ, составленной изъ цвѣтовъ. Свяжемъ его, сказала тихонько Элеонора, и понесемъ въ нашу бесѣдку...“).

Пьеса эта—переводъ элегии въ прозѣ Парни „Les ailes de l'Amour, imitation du grec“, которая начинается такъ: Un jour Alpaïs et moi, nous rencontrâmes l'Amour dormant sur un lit de fleurs. Enchaînons-le, dit tout bas Alpaïs, et portons-le dans notre hermitage... ¹⁾. Русскій переводъ очень близокъ къ подлиннику, за исключеніемъ одного мѣста: вмѣсто сцены пирушки втроемъ съ Амуромъ („Подали на столъ напитки, и Амуръ сѣлъ между насъ“...) у Парни стоитъ: „Nous le prenons tour à tour sur nos genoux. Imprudent! j'osais jouer avec le plus puissant et le plus perfide des dieux“.

Въ русской лирикѣ конца XVIII и начала XIX столѣтій вліяніе Парни и вообще такъ называемой легкой или „анакреонтической“ французской поэзіи проявилось очень замѣтно,—говорить П. О. Морозовъ ²⁾; изъ русскихъ подражателей Парни въ XVIII в. на первое мѣсто П. О. Морозовъ выдвигаетъ Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, „чувствительныя элегии котораго воспроизводятъ тонъ и манеру пѣвца Элеоноры“ (Парни); къ Нелединскому примыкаетъ Батюшковъ; эти „наслѣдники Тибулла и Парни“ являются руководителями юноши Пушкина на зарѣ его поэтическихъ вдохновеній ³⁾.

Имя Парни ни разу, однако, не было названо Нелединскимъ. Предпринятое мною сравнительное изученіе стихотвореній того и другого обнаружило слишкомъ мало пунктовъ непосредственнаго соприкосновенія; лишь въ одномъ случаѣ я отыскалъ у Парни параллель къ Нелединскому,—при чемъ сходство ограничивается, однако, всего лишь нѣсколькими первыми строчками стихотвореній:

Нелединскій.

Дни счастливы миновались,
Дни прелестнѣйшей мечты,

Parny.

Ils ne sont plus ces jours délicieux,
Où mon amour respectueux et tendre,

¹⁾ Имѣю подъ руками изданіе: Oeuvres complètes de Parny, Bruxelles, 1824, t. II, p. 393—395. Амура развязали подъ условіемъ, чтобы онъ самъ обрѣзалъ себѣ крылья; онъ это дѣлаетъ; любовники чувствуютъ неодолимое влеченіе другъ къ другу; слѣдуетъ нѣжная сцена, во время которой крылья Амура отрастаютъ опять; онъ улетаетъ; любовница измѣнила, любовникъ оплакиваетъ ее и приходитъ къ убѣжденію, что любить можно лишь одинъ разъ.

²⁾ Пушкинъ и Парни, loco cit., стр. 388.

³⁾ Тамъ же.

Коей чувства улаждались,
Какъ меня любила ты! ¹⁾

À votre coeur savait se faire entendre,
Où vous m'aimiez, où nous étions heu-
reux! ²⁾

Далѣ стихотворенія совершенно расходятся. Знатокъ, цѣнитель и послѣдователь Парни, Батюшковъ совершенно не упоминаетъ о влiянiи Парни на Нелединскаго; въ письмѣ къ Н. И. Гнѣдичу отъ 29-го мая 1811 г. Батюшковъ пишетъ: „У Нелединскаго я недавно обѣдалъ и просидѣлъ до 9 часовъ вечера. Онъ читалъ свои стихи—время летѣло! *Счастливымъ Шоломъ* ³⁾ и *Анакреонъ нашего времени*, Нелединскiй лѣнивъ не потому, что лѣнь стихотворна, а потому, что лѣньность—его душа. Нѣга древнихъ, эта милая небрежность, дышетъ въ его стихахъ. Онъ много перевелъ изъ *Пирона*, но какъ перевелъ! Превзошелъ его!“ ⁴⁾. Судя по характеру этого отрывка письма Батюшкова, послѣднiй несомнѣнно отмѣтилъ бы здѣсь отзвуки Парни въ поэзiи Нелединскаго, если бы только эти отзвуки чувствовались имъ; но онъ говоритъ лишь о Шольѣ, Анакреонѣ и Пиронѣ. Другой современникъ, кн. П. А. Вяземскiй, выразился такъ:

Она (веселость) въ Мелецкомъ воскресила
На хладномъ сѣверѣ *Шолье* ⁵⁾.

Пѣвецъ Темиры—Нелединскiй-Мелецкiй еще слишкомъ слабо воспринялъ влiянiе Парни.

Напротивъ, родство поэзiи Батюшкова съ поэзiей Парни было замѣчено уже современниками, между прочимъ—Карамзинымъ ⁶⁾. Батюшковъ сталъ переводить изъ Парни съ 1805 г., къ которому относятся его элегiя „Какъ счастье медленно приходитъ“, напечатанная

¹⁾ Полное собранiе стихотворенiй Ю. Л. Нелединскаго-Мелецкаго въ VII выпускѣ „Русской поэзiи“ изд. подъ ред. С. А. Венгерова, С.-Пб., 1901, стр. 14.

²⁾ *Oeuvres complètes de Parny*, II, 193.

³⁾ Французскiй поэтъ G. Amphrye abbé de Chauvieu (1639—1720), авторъ эпикурейскихъ пѣсень, а также стихотворенiй, живыхъ, игривыхъ, но проникнутыхъ легкимъ отгѣнкомъ искренней грусти.

⁴⁾ Сочин. К. Н. Батюшкова, издан. П. Н. Батюшковымъ, т. III, С.-Пб., 1886, стр. 128.

⁵⁾ Полное собранiе сочиненiй кн. П. А. Вяземскаго, томъ III, С.-Пб., 1880, стр. 117 (стих. „Погребъ“).

⁶⁾ *Л. Н. Майковъ*, О жизни и сочиненiяхъ Батюшкова, стр. 98 (Сочин. К. Н. Батюшкова, изд. П. Н. Батюшковымъ, т. I, С.-Пб., 1887). Срв. *М. Погодинъ*, Н. М. Карамзинъ по его соч., письмамъ и проч. М. 1866, ч. II, стр. 325: „Батюшкова Карамзинъ называлъ, вмѣстѣ съ другими, „Парни“. Срв. еще письмо Карамзина къ А. И. Тургеневу. Москвитининъ, 1855 г., кн. I, стр. 97.

въ Сѣверномъ Вѣстникѣ 1805 г., ч. V, мартъ (стр. 338—339) ¹⁾. Затѣмъ послѣдовали: въ 1810 г.—„Привидѣніе“, „Ложный страхъ“, „Источникъ“; въ 1811 г.—„Сонъ воиновъ (изъ поэмы Парни Иснель и Аслега, пѣснь 3-я)“; въ 1816 г.—„Мщеніе“ ²⁾, и др. Отношеніе Батюшкова въ этомъ случаѣ къ своему оригиналу или образцу такъ формулировано изслѣдователемъ: „Когда Батюшковъ переводилъ французскаго поэта или, что чаще, только подражалъ ему, онъ обыкновенно смягчалъ слишкомъ чувственный характеръ его образовъ, сохраняя въ то же время ихъ грацію и изящество“ ³⁾.

Въ Вѣстникѣ Европы за 1806 г. (май, № 9, стр. 22 и слѣд.) А. О. Мерзляковъ напечаталъ свой переводъ VI-й Элегіи Парни. Переводъ—довольно точный; въ первой половинѣ элегіи Мерзляковъ стремится сохранить даже разнообразящіеся размѣры стиховъ подлинника.

У Парни:

J'ai cherché dans l'absence un remède à mes maux;
J'ai fui les lieux charmans qu' embellit l'infidelle.
Caché dans ces forêts dont l'ombre est éternelle,
J'ai trouvé le silence, et jamais le repos, etc. ⁴⁾.

У Мерзлякова:

Страданія любви разлукой облегчатся!—
Я думалъ прежде такъ; отъ милыхъ мѣстъ бѣжалъ,
Которыя моею жестокою гордятся,—
Сокрытый въ сихъ лѣсахъ, куда не проникалъ
Свѣтъ солнечный во вѣкъ, повсюду обрѣтаю
Одно безмолвіе; но гдѣ покой—не знаю...

Парни:

Мерзляковъ.

Mourez, importuns souvenirs
Que me retracez l'infidelle;
Mourez, tumultueux désirs,
Ou soyez volages comme elle.
Ces bois ne peuvent me cacher;
Ici même, avec tous ces charmes,
L'ingrate encor me vient chercher;

Умрите, бурныя желанья!
Моя надежда—призракъ сна!
Жестокую навѣкъ забудемъ,
Злой пламень истребимъ, или будемъ
Непостоянны, какъ она!
Нѣтъ! Нѣтъ! нигдѣ себя не скрою;
И здѣсь найдетъ меня любовь!

¹⁾ Соч. Батюшкова, I, 99 и примѣч. на стр. 310.

²⁾ Тамъ же, I, 98, 108, 115, 125, 240 и примѣчанія къ этимъ стихотвореніямъ, стр. 333, 337—338, 341, 345—347, 406.

³⁾ Л. Н. Майковъ, *op. cit.*, 98.

⁴⁾ Oeuvres complètes de Parny, Врux. 1824, t. II, p. 233—234.

Et son nom fait couler des larmes
Que le tems aurait dû sécher ²).

И здѣсь прелестная со мною.—
Противлюсь, и пылаю вновь!
Довольно имени любезной,—
И вновь потокъ лѣтся слезный!...

Въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. LII, было помѣщено стихотвореніе Вас. Л. Пушкина *Скромность, подражаніе Парни* ²), время написанія котораго помѣчено 1-го іюля того же года. Начало:

Сокроемся, мой другъ, отъ солнечныхъ лучей,
Отъ шума свѣтскаго, отъ зависти людей,
Чтобъ не могли коварны очи
Восторговъ нашихъ отравить!
Не скажемъ дню мы тайны ночи—
Счастливую любовь не мудрено открытъ...

Источникомъ этого стихотворенія была элегія Парни „La Discretion“:

O la plus belle des maîtresses!
Fuyons dans nos plaisirs la lumière et le bruit;
Ne disons point au jour les secrets de la nuit;
Aux regards inquiets dérobons nos caresses.
L'amour heureux se trahit aisément.
Je crains pour toi les yeux d'une mère attentive;
Je crains ce vieil argus, au coeur de diamant... ³).

Сравненіе обнаруживаетъ, что В. Л. Пушкинъ въ своемъ „подражаніи“ весьма близко держался своего оригинала; стихотвореніе „Скромность“ правильнѣе было бы назвать переводомъ, и при томъ очень близкимъ.

Въ поэзіи А. С. Пушкина вліяніе Парни стало выражаться начиная съ первыхъ же его лицейскихъ стихотвореній: „Измѣны“, „Эвлега“, „Леда“ и т. д. Роль Пушкина въ процессѣ усвоенія мотивовъ Парни русской литературѣ отчетливо изучена П. О. Морозовымъ въ его этюдѣ „Пушкинъ и Парни“, выше нами цитированномъ; въ ряду лицейскихъ стихотвореній Пушкина,—говоритъ П. О. Морозовъ,—едва ли не первое мѣсто принадлежитъ такимъ произведеніямъ, которыя или представляютъ болѣе или менѣе „вольный“ переводъ изъ Парни, или, по крайней мѣрѣ, передаютъ общій тонъ и настроеніе поэзіи „гѣвца любви и нѣги“... Вліяніе Парни на Пушкина можно прослѣдить до 1827 года.

²) Тамъ же, стр. 234.

³) Соч. В. Л. Пушкина, подъ ред. Саитова, С.-Пб. 1893, стр. 68—69.

³) Oeuvres complètes de Parny, Brux. 1824, т. II, стр. 175—176.

Произведёніе Парни „Isnel et Asléga, poème imité du scandi-nave“¹⁾, привлекла къ себѣ значительное вниманіе русскихъ поэтовъ. Въ 1811 г. Батюшковъ переводитъ отрывокъ изъ этой поэмы—„Сонъ воиновъ“, изъ 3-й пѣсни²⁾; Пушкинъ въ 1814 г. даётъ довольно близкій переводъ одного эпизода изъ 4-й пѣсни поэмы Парни—подъ заглавіемъ „Эвлега“³⁾, а въ своемъ подражательномъ стихотвореніи „Осгаръ“ переводитъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, отрывокъ изъ I пѣсни поэмы Isnel et Asléga⁴⁾.

Извѣстный партизанъ-поэтъ Денисъ Вас. Давыдовъ переводитъ въ 1817 г. отрывокъ той же поэмы—изъ III пѣсни „Иснеля“:

Сижу на берегу потока,
Борь дремлетъ въ сумраѣ; все спитъ вокругъ, а я
Сижу на берегу—и мыслію далеко,
Тамъ, тамъ... гдѣ жизнь моя!
И мечъ въ рукѣ моей мутитъ струи потока...⁵⁾.

Это—переводъ, подражаніе, частью переработка ревнивой пѣсни Эрика (самый конецъ III пѣсни „Иснеля“):

Je suis assis sur le bord du torrent.
Autour de moi tout dort, et seul je veille;
Je veille, en proie au soupçon dévorant:
Les vents du nord sifflent à mon oreille.
Et mon épée effleure le torrent...⁶⁾.

Данное стихотвореніе Давыдова относится къ циклу его стиховъ, вызванныхъ его увлеченіемъ Е. А. Злотницкой въ 1816—1818 годахъ; послѣдняя предпочла Давыдову князя П. А. Голицына⁷⁾. Чувство ревнивой досады и излиялъ поэтъ въ изящномъ стихотворномъ

¹⁾ Впервые напечатана въ 1802 г., а затѣмъ въ переработанномъ видѣ, въ 4 пѣсняхъ, въ 1808 г. „Это—прекрасная, нѣжная картина любви въ мечтательномъ лунномъ освѣщеніи, скорѣе навѣянная оссиановскими образами, чѣмъ представляющая прямое имъ подражаніе“ (П. О. Морозовъ, Пушкинъ и Парни, loco cit., стр. 385).

²⁾ Соч. Батюшк., I, 125 и примѣч., стр. 345.

³⁾ Соч. Пушкина, академич. изд. I, 27, и примѣч. стр. 36.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 30, и примѣч. стр. 38—39.

⁵⁾ Впервые напечатано въ альманахѣ „Сѣверная Звѣзда“ на 1829 г., Соч. Д. В. Давыдова, со статьей о литературной дѣятельности Давыдова и примѣчаніями А. О. Круглаго, приложение къ журн. „Сѣверъ“. С.-Пб. 1893, т. I, стр. 40.

⁶⁾ Oeuvres compl. de Racine, II, 157.

⁷⁾ В. В. Жеревъ, Партизанъ-поэтъ Д. В. Давыдовъ, очеркъ его жизни и дѣятельности. С.-Пб. 1913, стр. 96—97.

отрывкѣ, который подѣ перомъ Давыдова сталъ совершенно законченнѣмъ цѣлымъ.

По воспоминаніямъ князя П. А. Вяземскаго, Давыдовъ „сохранялъ до самой кончины изумительную молодость сердца и нрава“; въ минуты сердечныхъ тревогъ онъ любилъ обращаться къ Парни; Давыдова, какъ и Батюшкова, привлекали въ немъ простота и горячность чувства. И большая часть элегій, написанныхъ Давыдовымъ въ молодости, суть или переводы прославленныхъ элегій Парни, или подражанія имъ ¹⁾. Какъ переводы изъ Парни, въ собраніи сочиненій Давыдова указано два стихотворенія,—оба относятся къ 1816 г.: 1) „Утро“ (*Все тихо, и заря багряною стопой*) ²⁾, и 2) „О ты, смущенная присутствіемъ моимъ“ ³⁾. „Утро“—переработка V-й элегіи Парни, съ нѣкоторымъ приспособленіемъ къ собственному положенію Давыдова, увлекшагося около этого времени танцовщицей А. И. Ивановой ⁴⁾.

Давыдовъ.

Все тихо и заря багряной стопой
По синевѣ небесъ безмолвно побѣ-
жала;
И мгла, что горь хребты и рощи по-
крывала,
Волнуясь стелется туманною рѣкой
По лугу пестрому и нивѣ молодой.
Блаженные часы! Весь міръ въ отдох-
новеньи.
Еще зефиры снать на дремлющихъ
листахъ,
Еще пернатя покоятся въ кустахъ,
И все безмолвствуетъ въ моемъ уединеньи.
Но боги, неужель вы міра тишиной
И чувствъ души моеѣ порывы усмирили?
Ужели и во мнѣ господствуетъ покой?..

Парни.

D'un long sommeil j'ai goûté la douceur.
Sous un ciel pur, qu'elle embellit encore,
A mon réveil je vois briller l'aurore;
Le dieu du jour la suit avec lenteur.
Moment heureux! la nature est tranquille,
Zéphire dort sur la fleur immobile,
L'air plus serein a repris sa fraîcheur,
Et le silence habite mon asile.
Mais quoi! le calme est aussi dans mon coeur!
Je ne vois plus la triste et chère image
Qui s'offrait seule à ce coeur tourmenté;
Et la raison, par sa douce clarté,
De mes ennuis dissipe le nuage.

¹⁾ Крулѣй, Д. В. Давыдовъ, историко-литер. очеркъ, соч. Давыдова, изд. „Сѣвера“, т. I, VI.

²⁾ Впервые напечат. въ Трудахъ Общ. Люб. Росс. Слов. 1816 г., ч. V. Соч. Давыдова, изд. „Сѣвера“, т. I, стр. 35—36.

³⁾ Тамъ же, стр. 38; впервые напечат. въ Труд. Общ. Люб. Росс. Слов. 1816 г., ч. VI.

⁴⁾ В. В. Жерве, *op. cit.*, 91.

Уже, о счастье, не вижу предъ собой
Я призракъ грозный, вѣчно милый,
Котораго нигдѣ мой взоръ не поки-
далъ...

Нигдѣ: ни въ шумной сѣчѣ боя,
Ни въ бранныхъ игрищахъ военнаго
пооя!...

О ты, что я въ тоскѣ на помощь при-
зывалъ,

Безчувствіе, о даръ разсудка драго-
цѣнный,

Ты, внявъ мольбѣ моей смиренной,
Нисходишь, наконецъ, спасителемъ
моимъ...

Стихотвореніе „О ты, смущенная присутствіемъ моимъ“ написано Давыдовымъ подъ вліяніемъ восторженныхъ чувствъ къ Е. А. Злотницкой, въ которую поэтъ въ это время былъ влюбленъ, но которая предпочла другого ¹⁾; представляетъ это стихотвореніе сокращенный переводъ-переработку IX-й элегіи Парни:

Давыдовъ.

О ты, смущенная присутствіемъ мо-
имъ,
Спокойся: я бѣгу въ предѣлы отда-
ленны.

Пусть избранный тобой веушаетъ дни
блаженны,

Пока судьбой хранимъ.

Но ахъ! Не мысли ты, чтобъ новые
восторги

И спутникъ счастливый твоихъ весен-
нихъ дней

Изгладилъ меня изъ памяти твоей!

О, нѣтъ! Есть судъ небесъ и справед-
ливы боги!

Душевы радости, дѣлимыя со мной,
Воспомяванія протекшихъ упованій
И сладкіе часы забвенья и мечтаній,
И я, я самъ явлюсь тревожить твой
покой,

Но ужъ не въ видѣ томъ, какъ въ дни
мои счастливы,

Toi, que ma voix implorait chaque
jour,
Tranquillité, si long-tems attendue,
Des cieux enfin te voilà descendue
Pour remplacer l'impitoyable Amour... ²⁾

Парни.

Toi, qu' importune ma présence,
A tes nouveaux plaisirs je laisse un
libre cours;

Je ne troublerai plus tes nouvelles
amours;

Je remets à ton coeur de ma
vengeance.

Ne crois pas m'oublier; tout t'accuse
en ces lieux;

Ils savent tes sermens, ils sont pleins
de mes feux,

Ils sont pleins de ton inconstance...

De ces premiers plaisirs l'image sédui-
sante

Incessamment te poursuivra;

Et, loin de l'effacer, le tems l'embel-
lira.

Toujours plus pure et plus touchante,
Elle empoisonnera ton coupable bon-
heur.

¹⁾ Oeuvres complètes de Parny, II, 232—233.

²⁾ В. В. Жерве, op. cit., стр. 96—97.

Когда смущенный, торопливый,
Я плакалъ безъ укоръ, безъ гнѣва
угрожалъ
И за вину твою—любвникъ боязли-
вый—
Себѣ у ногъ твоихъ прощенія искалъ!
Нѣтъ, нѣтъ! Явлюсь опять, но какъ
посланикъ мщенья,
Но какъ каратель преступленья,
Свирѣпъ, неумолимъ вездѣ передъ то-
бой...

Et punira tes sens du crime de ton
cœur.
Oui, tes yeux prévenus me reverront
encore;
Non plus comme un amant tremblant
à tes genoux,
Qui se plaint sans aigreur, menace
sans courroux,
Qui te pardonne et qui t'adore;
Mais comme un amant irrité,
Comme un amant jaloux qui tourmente
le crime,
Qui ne pardonne plus, qui poursuit sa
victime,
Et punit l'infidélité.
Partout je te suivrai...¹⁾

Начинающій поэтъ Вас. Ив. Туманскій (1800 — 1866) также за-интересовался поэмой Парни „Isnel et Asléga“ и перевелъ отсюда два небольшихъ отрывка, оба подъ заглавiемъ „Романсъ“: 1) Прости, Иснель! ²⁾ и 2) Аслега, другъ преступный, но прекрасный ³⁾, впервые напечатанные въ журналѣ „Благонамѣренный“ 1819 г. (ч. VI, № 7 и 15). Оба отрывка представляютъ очень точный переводъ: первый—скорбной пѣсни Аслеги, любящей Иснеля, но по волѣ отца отдающей руку другому; второй—скорбной пѣсни Иснеля; отрывки взяты изъ второй пѣсни поэмы Парни. Въ доказательство точности перевода приведемъ сопоставленiя:

Туманскiи.

Прости Иснель! Отецъ неумолимой
Велитъ отдать другому руку мнѣ:
О милой мой! лишь горести однѣ
Остались душѣ тоской томимой.
Утѣшься другъ: мнѣ суждено терпѣть,
Любить тебя, любить и умереть...

Аслега, другъ преступный, но
прекрасный!
Увидѣться съ тобою я спѣшилъ;
Я бросилъ мечъ и латы положилъ—

Парни.

Pardonne, Isnel; un père inexorable
Donna ma main sans écouter mon
cœur.
Ils sont passés les jours de mon
bonheur;
Ils sont passés, et le chagrin m'accable.
Console-toi, seule je dois souffrir,
T'aimer encore, te pleurer, et mourir⁴⁾...
Belle Asléga, belle, mais trop coupable,
Pour arriver jusqu'à toi, du guerrier
J'ai déposé l'étrincelant acier.
Je t'ai perdue, et le chagrin m'accable.

¹⁾ Oeuvres compl. de Parny, II, 238—240.

²⁾ Стихотворенiя В. И. Туманскаго, Спб. 1881, стр. 25.

³⁾ Тамъ же, стр. 31.

⁴⁾ Oeuvres complètes de Parny, II, 142—143.

Но, ахъ! Забытъ тобой Иснель
 несчастный.
 Прощай—иду... въ чужихъ странахъ
 терпѣть,
 Любить тебя, любить и умереть...

En d'autres lieux Isnel ira souffrir,
 T'aimer encore, et combattre, et
 mourir²⁾...

Въ томъ же 1819 году В. И. Туманскій напечаталъ еще одинъ переводъ изъ Парни, подъ заглавiемъ *Разговоръ*: „Кто ты, дитя смѣшное?“—Я Эроть³⁾); это довольно точное воспроизведенiе стихотворенiя Парни „Dialogue“; въ переводѣ стертъ лишь парижскiй колоритъ. У Парни читаемъ:

Quel est ton nom, bizarre enfant?—L'Amour.
 — Toi l'Amour?—Oui c'est ainsi qu'on m'appelle.
 — Qui t'a donné cette forme nouvelle?
 — Le tems, la mode, et la ville, et la cour.
 — Quel front cynique! et quel air d'impudence!
 — On les préfère aux graces de l'enfance.
 — Où sont tes traits, ton arc, et ton flambeau?
 — Je n'en ai plus; je triomphe sans armes.
 — Triste victoire! Et l'utile bandeau
 Que tes beaux yeux mouillaient souvent de larmes?
 — Il est tombé.—Pauvre Amour, je te plains;
 Mais qu'aperçois-je, un masque dans tes mains,
 Des pieds de chèvre, et le poil d'un Satyre?
 Quel changement!—Je lui dois mon empire.
 — Tu règues donc?—Je suis encore un dieu.
 — Non pas pour moi.—Pour tout Paris.—Adieu⁴⁾).

Подъ влiянiемъ элегiй Парни Туманскiй написалъ свою „Элегiю“ (1819 г.). Эпиграфомъ нашъ поэтъ взялъ два послѣднiе стиха IV-й элегiи своего французскаго собрата:

Tous les chagrins sont pour les coeurs fidelles.
 Tous les plaisirs sont pour les inconstants⁴⁾).

Самая же Элегiя Туманскаго представляетъ собой пересказъ-передѣлку VIII-й элегiи Парни⁵⁾:

Туманскiй.

Парни.

Любовь есть жизни сладострастье,
 Младаго сердца красота,

Aimer est un destin charmant;
 C'est un bonheur qui nous enivre,

²⁾ Тамъ же, стр. 144.

³⁾ Стихотв. Туманскаго, стр. 33. Впервые напечатано въ „Благонамѣренномъ“ 1819 г., ч. VI, № 17, стр. 271.

⁴⁾ Oeuvres compl. de Parny, II, p. 396.

⁵⁾ Oeuvres compl. de Parny, II, 232.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 238.

И наслажденіе и счастье.
 Но для меня любовь—мечта,
 Одно обманчивое чувство.
 Ему я вѣрить пересталъ:
 Я опытностію узналъ,
 Что непорочность есть искусство;
 Что клятвы—звучь пріятныхъ словъ;
 Что рано-ль, поздно-ль, но любовь
 Непостоянна измѣняетъ;
 Что радость—какъ весенній цвѣтъ—
 Лишь расцвѣтеть и увядаетъ;
 Что счастья въ семь мірѣ нѣтъ¹⁾.

Et qui produit l'enchantement.
 Avoir aimé, c'est ne plus vivre,
 Hélas! c'est avoir acheté
 Cette accablante vérité,
 Que les sermens sont un mensonge,
 Que l'amour trompe tôt ou tard,
 Que l'innocence n'est qu'un art,
 Et que le bonheur n'est qu'un songe.

Таковы литературныя явленія, свидѣтельствующія о вліяніи Парни на нашихъ писателей и характеризующія процессъ усвоенія русской литературѣ поэтическихъ мотивовъ этого французскаго писателя; усваивались сюжеты и образы его эротическихъ стихотвореній, появлялись переводы отрывковъ его поэмы „Isnel et Asléga“; порою мотивы Парни, въ нѣкоторой обработкѣ, служили для выраженія и изображенія собственныхъ переживаній нашихъ поэтовъ. Главными дѣятелями въ этомъ случаѣ выступили Батюшковъ, въ поэзіи котораго Парни нашель весьма яркое отраженіе, и А. С. Пушкинъ, на котораго вліяніе Парни было и сильно и продолжительно²⁾.

Въ этомъ процессѣ, и при томъ въ самомъ его началѣ, принялъ участіе и Жуковский.

Перелистывая *Poésies érotiques* Парни, наталкиваясь на нѣкоторыя мѣста, отзвукъ которыхъ можно, кажется, видѣть уже въ стих. Жуковскаго „Къ моей лирѣ“. Такъ, въ элегіи Парни „*Ma mort*“, которая могла привлечь вниманіе Жуковскаго уже самымъ заглавіемъ, читаются такіа строки:

*De mes pensers confidente chérie,
 Toi, dont les chants faciles et flatteurs
 Viennent parfois suspendre les douleurs
 Dont les amours ont parsemé ma vie,
 Lyre fidelle...
 Je ne veux point qu'une pompe indiscrete
 Vienne trahir ma douce obscurité...
 Dans mon asile, heureux et méconnu,
 Indifférent au reste de la terre,*

¹⁾ Стих. В. И. Туманскаго, 26—27.

²⁾ П. О. Морозовъ, Пушкинъ и Парни, loco cit., стр. 392.

De mes plaisirs je lui fais un mystère:
Je veux mourir comme j'aurai vécu ²⁾.

Не этими ли стихами навѣяны слова нашего поэта:

О пра, другъ мой неизмѣнный,
Пострепный души моей!
Въ часы тоски уединенной
Уттишь меня игрой своей!
О пра милая моя!..
Не нужны мнѣ вѣнцы вселенной...
Простой, угрожающій уловокъ,
Идѣ бы свободно я дышалъ,
Всѣмъ милымъ сердцу окруженный—
Вотъ все, я больше не желаю...

Къ апрѣлю 1806 года относится попытка Жуковского перевести одну изъ элегій Парни, именно VI-ю; элегiя эта признается высшимъ произведенiемъ французскаго поэта (point culminant de l'oeuvre de Parny, une exception dans ces écrits comme dans la poésie de son temps) ¹⁾ и дѣлаетъ честь литературному вкусу Жуковского, что онъ избралъ для перевода именно эту элегiю. Переводъ отличается большою близостью къ оригиналу:

Жуковский.

Парни.

Въ разлукѣ я искалъ смягченъя тяж-
кихъ бѣдъ;
Вѣзаль отъ милыхъ странъ, тобою
озаренныхъ,
Бродилъ во мглѣ пустынь, ужасныхъ
и забвенныхъ...
Повсюду тишина! Нигдѣ покоя нѣтъ!
По ребрамъ дикихъ скалъ, извиною
тропою
Всхожу на сей утесъ со мшистою гла-
вою,—
Какимъ видѣнiемъ внезапно пораженъ!
Какая дивная безмѣрности картина!.. ³⁾

J'ai cherché dans l'absence un remède
à mes maux;
J'ai fui les lieux charmans qu'embel-
lit l'infidelle
Caché dans ces forêts dont l'ombre est
éternelle,
J'ai trouvé le silence, et jamais le
repos.
Par les sombres détours d'une route
inconnue
J'arrive sur ces monts qui divisent
la nue:
De quel étonnement tous mes sens
sont frappés!.. ⁴⁾

¹⁾ Oeuvres complètes de Parny, II, 220—221.

²⁾ H. Potez, L'Élégie en France, p. 146.

³⁾ Текстъ этого стихотворенiя сохранился въ рукописяхъ Император. Публ. Библ., Бум. Жуков. № 13, л. 18 об., и № 14, л. 35; напечатанный въ I т. Соч. Жуковского, подъ ред. проф. Архангельскаго, текстъ совпадаетъ съ рукописнымъ за исключенiемъ двухъ словъ: а) въ стихѣ 7-мъ рукописное чтенiе—„внезапу пораженъ“ и б) стихъ 21 въ тетради № 13 читается—„Умрите страстныя воспоминанья“.

⁴⁾ Oeuvres compl. de Parny, II, 233 и слѣд.

и т. д. Изъ 71 стиха, изъ которыхъ состоятъ VI элегія Парни, Жуковский перевелъ первые 34 стиха, передавъ ихъ 35-ю своими стихами, а затѣмъ, сдѣлавъ пропускъ, перевелъ четырьмя стихами, стихи 52—55 элегіи Парни:

Природа, предъ тобою восторженный О nature! qu'ici je ressens ton empire!
смиряться! и проч. etc.

Передавая французскій оригиналъ по-русски почти стихъ стихомъ, нашъ поэтъ и самый размѣръ своихъ стиховъ стремился приспособить къ стихамъ Парни: длинныя строчки послѣдняго переданы по-русски длинными же, а болѣе короткія—короткими:

Умрите, страстны воспоминанья!..	Mourez, importuns souvenirs...
Умрите буйныя желанья,—	Mourez, tumultueux désirs,
Или мѣняйтесь, какъ она!	Ou soyez volages comme elle.
Вотще во тѣмъ лѣсовъ скрываюсь!	Ces bois ne peuvent me cacher;
И здѣсь могущей красою	Ici même, avec tous ses charmes,
Она блистаетъ предо мной!	L'ingrate encore me vient chercher;
И здѣсь слезами обливаюсь,	Et son nom fait couler des larmes...
Стремясь душою къ ней одной!	

Переводъ остался, однако, не оконченнымъ.

Основной тонъ элегіи Парни—тоска въ разлукѣ съ измѣнившей возлюбленной, о которой поэтъ поетъ среди дикой и грандіозной природы. Повидимому, эта ситуація пѣвца, одиноко тоскующаго среди природы о своей милой, вырѣзывающаго на камнѣ ея имя, и привлекла вниманіе Жуковского, оставшагося въ это время въ одиночествѣ вспоминать объ уѣхавшей Маріи Андреевнѣ.

Элегія Парни заканчивается такимъ образомъ:

Et ma bouche indiscrete a prononcé son nom;
Je l'ai redit cent fois, et l'écho solitaire
De ma voix douloureuse a prolongé le son.
Ma main l'a gravé sur la pierre;
Au mien il est entrelacé.
Un jour le voyageur, sous la mousse légère,
De ces noms connus à Cythère,
Verra quelque reste effacé,
Soudain il s'écriera: Son amour fut extrême;
Il chanta sa maîtresse au fond de ces déserts...

Эта фигура прохожаго передъ надписью на камнѣ—образъ также симпатичный Жуковскому: съ нимъ мы встрѣчались и въ „Сельскомъ кладбищѣ“ и въ „Письмѣ французскаго путешественника“.

Однако тонъ у Парни, страдающаго отъ измѣны возлюбленной,

все-таки не тотъ, какой могъ бы совпасть съ настроеніемъ Жуковскаго. Нашъ поэтъ сдѣлалъ попытку измѣнить этотъ тонъ, удалить мотивъ о невѣрности милой,—стихи Парни:

Mourez, importuns souvenirs
Qui me retracez l'infidelle,

Жуковскій переводить:

Умрите, страстны воспоминанья,
Влекущія мой духъ въ протекши времена,—

но затѣмъ онъ оставляетъ эту попытку, которая сильно нарушила бы точность перевода, — говорить о невѣрности, измѣнѣ („Ахъ, еслибъ мы могли невѣрныхъ забывать въ минуту ихъ измѣны“) ¹⁾, — и отказывается отъ перевода второй половины элегіи.

Возможно, что появленіе полнаго—и недурного—перевода этой же элегіи Парни, уже исполненнаго Мерзляковымъ и напечатаннаго какъ разъ около этого времени ²⁾, не осталось безъ извѣстнаго вліянія на Жуковскаго: не желая конкурировать съ пріятелемъ, нашъ поэтъ не сталъ продолжать начатаго и позднѣе; текстъ написаннаго перечеркнуть въ тетради № 13. Взаимодѣйствія между переводами Мерзлякова и Жуковскаго не замѣтно; въ огромномъ письмѣ Жуковскаго къ Ал. Ив. Тургеневу отъ 8-го января 1806 г. есть такое мѣсто: „Что дѣлаетъ Мерзляковъ? Онъ забылъ меня совершенно: я не получила отъ него ни строки; не знаю, что онъ дѣлаетъ... Я самъ къ нему почти ничего не писалъ... Напомни ему обо мнѣ. За что намъ другъ отъ друга отдаляться? Признаюсь, мнѣ обидно слышать, что ты (Ал. Ив. Тургеневъ) съ нимъ рѣдко видишься... Мнѣ кажется, что Мерзляковъ не былъ со мною таковъ, какимъ бы я желалъ его видѣть; на примѣръ, между нами не было искренности; если мы и говорили другъ съ другомъ, то вообще всегда говорили о постороннихъ матеріяхъ; однимъ словомъ, мнѣ всегда казалось, что я мало для него значу, и отъ этого онъ мало на меня имѣлъ вліянія. Можетъ быть, этому причиною и то, что онъ не хотѣлъ имѣть вліянія: по крайней мѣрѣ я по сію пору еще его не знаю; онъ никогда мнѣ не открывался, даже въ самыхъ бездѣлицахъ, въ своихъ сочиненіяхъ, не только въ мысляхъ и чувствахъ. Между нами не было ничего

¹⁾ У Парни:

Ah! l'on devrait cesser d'aimer
Au moment qu'on cesse de plaire.

²⁾ Вѣстн. Евр. 1806 г., май; № 9, стр. 22 и сл.; въ тетради Жуковскаго (№ 13) его переводъ помѣченъ апрѣлемъ 1806 г.

общаго“... ¹⁾). Такимъ образомъ, что касается перевода элегии Парни, то прїатели, очевидно, не знали о литературномъ предпрїятїи одинъ другого, и Жуковскій прочелъ элегію Парни, переведенную Мерзляковымъ, очевидно, уже въ печатномъ видѣ, въ Вѣстникѣ Европы.

Полностью Жуковскій перевелъ изъ Парни небольшое шутовское стихотвореніе „Dialogue“. Мы привели выше французскій текстъ его. Переводъ Жуковскаго, исполненный 11-го октября 1806 г. ²⁾, отличается близостью къ подлиннику, но гораздо большей непринужденностью рѣчи, чѣмъ позднѣйшій переводъ В. И. Туманскаго:

- Какъ звать тебя, чужацъ? Кто ты?—Я богъ Амуръ!
- Обманывай другихъ! Ты шутишь, балагуръ!
- Ничуть! Свидѣтель Богъ! Амуромъ называюсь, и проч. ³⁾.

Элегіи Парни навѣяли, повидимому, Жуковскому изящное и по формѣ и по содержанію стихотвореніе „Когда я былъ любимъ“, написанное въ маѣ 1806 г. ⁴⁾ и названное поэтомъ „Пѣсня, подражаніе“. Граціозная пѣска эта обрабатываетъ тотъ же мотивъ тоски и страданій забытаго возлюбленнаго, какой легъ въ основу элегій Парни. По формѣ это—пѣсня, романсъ, то, что въ поэтикахъ того времени обозначалось терминомъ *chanson*, *poésie fugitive*.

Къ поэзіи Парни еще разъ возвратился Жуковскій—нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1813 г.; онъ перевелъ его стихотвореніе „*Éphimécide*“ ⁵⁾. Тонъ этого произведенія совершенно иной: Парни здѣсь выше дружбы, выше любви поставляетъ благотворительность (*la bienfaisance*), которая даруетъ человѣку истинное блаженство.

Исполненный Жуковскимъ переводъ этого стихотворенія отличается большой близостью къ подлиннику. Отступленія незначительны; они вызваны главнымъ образомъ техническими требованіями версификаціи.

Éphimécide.

Эпимесидъ.

Imitation du grec.

Combien l'homme est infortuné!
Le sort maîtrise sa faiblesse.

О жребій смертнаго унылый!
Твой путь—Зевесъ ему сказалъ—

¹⁾ Письма Жуковскаго къ Ал. И. Тургенева, стр. 21.

²⁾ Рукопись Император. Публичн. Библ., Бумаги Жуковскаго, тетрадь № 13, листъ 29 обор.

³⁾ Соч. Жуков., ред. Арханг., I, 29.

⁴⁾ Рукопись Императ. Публичн. Библ., Бум. Жуков., тетр. № 13, л. 20 об.; соч. Жуков., I, 26.

⁵⁾ *Oeuvres compl. de Parny*, II, 439; соч. Жуковскаго, ред. Арханг., II, 27 („Эпимесидъ“).

Et de l'enfance à la vieillesse
D'écueils il marche environné;
Le tems l'entraîne avec vitesse;
Il est mécontent du passé;
Le présent l'afflige et le presse;
Dans l'avenir toujours placé,
Son bonheur recule sans cesse;
Il meurt en rêvant le repos, etc.

Отъ колыбели до могилы
Между пучинъ и грозныхъ скалъ;
Его уносить быстро время;
Врага въ прошедшемъ видить онъ;
Влачить заботъ и скуки бремя
Онъ въ настоящемъ осужденъ;
А счастья будущаго сонъ
Все далѣ, далѣ улетаетъ,
И въ гробъ съ жизнью исчезаетъ,
и т. д.

Только въ двухъ случаяхъ переводчикъ замѣнилъ поэтическіе образы оригинала своими собственными: Парни минуту радости въ жизни человека уподобляетъ одинокой розѣ, расцвѣтшей среди могилъ:

Si quelque douceur passagère
Un moment console ses maux,
C'est une rose solitaire
Qui fleurit parmi des tombeaux.

У Жуковского иной образъ:

И пусть случайно оживитъ
Онъ сердце радостью мгновенной—
То въ безднѣ мучъ уединенный:
Онъ только бездну озаритъ.

У Парни Эпимесидъ свои статую, алтарь, храмъ воздвигаетъ подъ сѣнью двухъ сосенъ:

*Par les vents ployé,
Faible, sur son frère appuyé,
Un jeune pin frappe sa vue:
Auprès il place un statue,
Et la consacre à l'Amitié...*

У Жуковского Эпимесидъ

Видитъ: не вдали
Цвѣтетъ у берега миртъ зеленый,
На брата юнаго склоненный,
И бури вѣтви ихъ сплели.
Подъ тѣнью ихъ онъ воздвигаетъ
Ляжъ дружбы, въ честь благимъ богамъ...

Иногда, впрочемъ, нашъ поэтъ замѣняетъ отвлеченную рѣчь подлинника образною: у Парни—*De l'enfance à la vieillesse*, у Жуковского—*Отъ колыбели до могилы*.

Въ другихъ случаяхъ Жуковскій усиливаетъ образы подлинника:

Tout à coup une voix divine
Lui dit...

И грянулъ гласъ изъ облаковъ...

Surpris et long-tems immobile,
Il baisse un oeil respectueux...

Эпимесидъ простерся въ прахъ...

Впервые „Эпимесидъ“ былъ напечатанъ въ „Россійскомъ Музеумѣ“ 1815 г., № 2. Автографъ этого стихотворенія сохранился среди бумагъ Жуковского въ альбомѣ № 14, л. 126, гдѣ текстъ въ четырехъ мѣстахъ отличается отъ позднѣйшаго печатнаго:

Печатный текстъ ¹⁾.

Рукопись № 14:

Ты лжешь, хулитель Провидѣнья...
О! Какъ мнѣ весь передъ богами...
Проклятые дерзостнымъ хуламъ...
Столбы, обитые корою...

Узнай, хулитель Провидѣнья...
О, какъ могу передъ богами...
Погибель дерзостнымъ хуламъ...
Столбы, обитые корою...

Узнай и *О, какъ могу* удержались еще въ изданіи стихотвореній Жуковского 1824 года (см. томъ II, стр. 254 и слѣд.).

Подводя итогъ разсмотрѣнному въ настоящей главѣ, приходится установить, что роль Жуковского въ процессѣ усвоенія русской литературой поэзіи Парни не была значительна: онъ перевелъ всего два стихотворенія Парни („Диалогъ“ и „Эпимесидъ“) цѣликомъ и отрывокъ изъ третьяго (VI элегія), напечаталъ же только одного „Эпимесидъ“; вліяніе Парни на собственные стихи Жуковского удалось пока предположительно отмѣтить лишь въ одномъ случаѣ („Къ моему лирѣ“).

XXXVIII.

Въ своихъ планахъ и росписяхъ сочиненій для чтенія, изученія, извлеченій и переводовъ, какъ мы видѣли, Жуковский не разъ упоминаетъ „Мессіаду“ Клопштока, намѣчая перевести изъ нея отрывокъ.

Карамзинъ въ своемъ стихотвореніи „Поэзія“ (1787 г.) о Клопштокѣ писалъ:

Пѣвецъ избранный Клопштокъ

Вознесся выше всѣхъ и тамъ, на небесахъ,
Былъ тайнамъ наученъ, и той великой тайнѣ,
Какъ Богъ сталъ человѣкъ. Потому воспѣлъ онъ намъ
Начало и конецъ Мессинныхъ страданій,
Спасеніе людей. Онъ Богомъ дохновенъ...
Еще великій мужъ собою красить міръ,
Еще великій духъ земли сей не оставилъ...
Но нѣтъ! онъ въ небесахъ уже давно живетъ!
Здѣсь гѣнь мы зримъ сего священнаго поэта... ²⁾.

¹⁾ Изд., редактр. П. А. Ефремовымъ, проф. Архангельскимъ.

²⁾ *Синовскій*, Карамзинъ авторъ Писемъ Русс. Пут., прилож. II, стр. 35.

Читатели карамзинскаго „Московскаго Журнала“ встрѣчали такую оцѣнку нѣмецкаго поэта:

„Изображеніе Клопштоковой музы превосходить силы наши. *Messiaida* сіяетъ въ собственномъ свѣтѣ подобно лучезарному солнцу. Во всѣ вѣки и во всѣхъ зонахъ міра нашего пребудетъ сія божественная поэма единственною и несравненною“ ¹⁾.

Около этого же времени появился и переводъ (не полный—переведена только половина нѣмецкаго подлинника) „Мессіады“ на русскій языкъ: *Мессія, соч. г. Клопштока, перев. съ нѣмецк. Алексѣй Кутузовъ, 2 ч., М. 1785—1787.*

В. В. Сиповскій такъ выясняетъ, чѣмъ и какъ привлекалъ къ себѣ въ ту эпоху чувствительности Клопштокъ: У Клопштока Карамзинъ встрѣтился съ цѣлымъ рядомъ мотивовъ сентиментальной поэзіи: восхваленіе Бога, природы, идеальныхъ чувствъ любви и дружбы, сѣдой старины и швейцарской жизни... Всѣ характерныя особенности сентиментализма мы найдемъ у Клопштока. Онъ до того исключительно живетъ чувствомъ, что „презираетъ все, что не возвышаетъ насъ до слезъ“; славу свою онъ называетъ „плодомъ слезъ юности“. Онъ любитъ эти слезы и, конечно, не стыдится ихъ: достоинство мужчины, по его словамъ, не отвергаетъ слезъ... Его чувствительное сердце дорого ему: онъ заботится о немъ и, повидимому, не находитъ дурныхъ сторонъ въ немъ. „О, добродѣтель, добродѣтель! какъ ты прекрасна! Какъ божественно мастерски созданы души, которыя могутъ подняться до тебя!“ ²⁾.

Въ апрѣлѣ 1806 года Жуковский приступаетъ къ твореніямъ Клопштока непосредственно и, осуществляя намѣченный планъ, начинаетъ переводить отрывокъ изъ „Мессіады“. Этотъ первоначальный переводъ сохранился въ рукописи Императ. Публ. Библіотеки, Бум. Жуков., № 13, л. 20 обор.; онъ озаглавленъ такъ: *Отрывокъ изъ Мессіады. 1806 году въ апрѣлѣ.* Этотъ же самый отрывокъ имѣется и въ рукописи Жуковскаго, № 14, л. 21 оборотъ. Приводимъ полностью эти 16 строкъ, которыми ограничился пока нашъ поэтъ (строки эти доселѣ не были изданы):

Мрачный у трона сидѣлъ въ тоску погруженный
Ангель Абдиль Аббадона. Мыслью носился надъ бездной
Время предстоящихъ. Мука на мукѣ, вѣчность страданій

¹⁾ Москов. Журналъ, ч. VI, М. 1792, стр. 96 (въ статейкѣ „Жизнь Клопштока“, изъ *Meisters Charakteristik*).

²⁾ Сиповскій, *op. cit.*, стр. 89—91.

Грозно вдали представлялись мрачному взору!

5. Тутъ узрѣлъ онъ прежнее время. О воспоминанье
Сладкихъ восторговъ, часовъ безмятежныхъ, невинныхъ!
Тамъ онъ былъ другомъ небеснаго друга Еллои;
Съ нимъ непреклонный, въ день возмущенья, парилъ онъ
Къ трону Егovy со славой.. Съ нимъ незабвеннымъ
10. Онъ ужъ далеко былъ отъ мятежныхъ, отъ буйнаго стана
Враговъ ополченныхъ. Вдругъ Сатана, гремя и блистая
Въ грозной славѣ, сидя въ колесницѣ, звучащій броней
Близъ нихъ пролетѣлъ. Трубою пронзились небесные своды,
И съ шумомъ и съ воплемъ поля воскриленны помчались,
15. Мечтой божества упоенны! Увы! Аббадона—
Онъ горестныхъ, гнѣвныхъ взоровъ Еллои не видитъ!..

Это — довольно близкій пересказъ отрывка изъ П пѣсни „Мессіады“:

Unten am Throne sass einsiedlerisch, finster und traurig
Seraph Abdiel Abbadona. Er dachte die Zukunft
Und den Vergang voll Seelenangst. Vor seinem Gesichte,
Das in trauerndes Dunkel, in schreckliches Schwermuth hüllte,
Sah er Qualen gehäuft auf Qualen zur Ewigkeit eingehn.
Jetzt erblickt' er die vorige Zeit; da war er voll Unschuld,
Jenes erhabneren Abdiels Freund, so den Tag der Empörung
Eine strahlende That, vor Gottes Auge, vollführte, etc.

Въ своемъ переводѣ Жуковскій замѣнилъ имя добраго ангела Абдила, стараго друга Аббадоны, именемъ Эллои, которое у Клопштока носить верховный ангель.

Въ 1814 г. нашъ поэтъ сдѣлалъ новый переводъ этого же мѣста „Мессіады“:

Сумраченъ, тихъ, одинокъ на ступеняхъ подземнаго трона
Зрѣлся отъ всѣхъ удаленъ серафимъ Аббадона. Печальной
Мыслью бродилъ онъ въ минувшемъ, и прочъ ¹⁾.

Изъ перваго перевода Жуковскій взялъ лишь нѣсколько выражений, переводя прочее все заново.

Отказавшись пока отъ продолженія перевода изъ „Мессіады“, Жуковскій въ маѣ 1806 г. переводитъ нѣсколько небольшихъ стихотвореній.

На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ изящная Пѣсня („Когда я былъ любимъ“), обозначенная въ „Вѣстникѣ Европы“ (1807 г., № 2, стр. 123), гдѣ была впервые напечатана Жуковскимъ, какъ „переводъ съ французскаго“. Оригиналъ мнѣ остается пока неизвѣстенъ ²⁾.

¹⁾ Соч. Жуков., ред. Арханг., т. II, стр. 66 и слѣд.

²⁾ Не находится ли онъ въ Petite Encyclopédie poétique (1803) или въ Elites

Вслѣдъ за „Пѣснею“ (Когда я былъ любимъ) Жуковский перевелъ (въ маѣ 1806 г.) отрывокъ изъ оды Шиллера „Die Ideale“:

О, счастье дней моихъ! Куда, куда стремишься?
Златая, быстрая фантазія, стой!
Неумолима! ужель не возвратишься?
Ужель навѣтъ?.. Летить, все манить за собой!
Сокрылись сердца привидѣнья!
Сокрылись сладкія души моей мечты!
Надежды смѣлыя, въ надеждахъ наслажденья!
Увы! прелестный міръ, разрушился и ты! и проч. ²).

Это былъ первый переводъ Жуковского изъ Шиллера ²), переводъ довольно неточный, вѣрнѣе свободный пересказъ. У Шиллера читаемъ:

So willst du treulos von mir scheiden
Mit deinen holden Phantasien,
Mit deinen Schmerzen, deinen Freuden,
Mit allen unerbittlich fliehn?
Kann nichts dich, Fliehende! verweilen,
O meines Lebens goldne Zeit?
Vergebens! deine Wellen eilen
Hinab in's Meer der Ewigkeit.
Erloschen sind die heitern Sonnen,
Die meiner Jugend Pfad erhellt,
Die Ideale sind zerronnen,
Die einst das trunk'ne Herz geschwellt...

Въ своемъ распоряженіи Жуковский имѣлъ ранній, не сокращенный текстъ „Идеаловъ“ Шиллера,—въ томъ видѣ, какой этотъ текстъ имѣлъ въ *Musepalmanach's* на 1796 г., гдѣ это стихотвореніе впервые появилось ³).

Въ 1812 г. нашъ поэтъ пересказываетъ это стихотвореніе Шиллера полностью, озаглавивъ „Мечты“:

Почто такъ рано измѣнила?
Съ мечтами, счастьемъ и тоской,
Куда полетъ свой устремила?
Неумолима, стой! и проч. ⁴).

de poesies fugitives—наданіяхъ, извѣстныхъ Жуковскому, но которыхъ мнѣ не удалось отыскать въ полномъ видѣ въ книгохранилищахъ Петрограда, Москвы и Кіева.

²) Рукоп. Импер. Публ. Библ., Бум. Жуков., № 13, л. 21 обор.; № 14, л. 12 обор.; соч. Жуков. ред. Арханг., I. 26—27. Рукописный и печатный текстъ вполне совпадаютъ.

³) Не отмѣчено въ эту дѣ *Вс. Чешинина*, Жуковский какъ переводчикъ Шиллера. Рига, 1895.

⁴) Ср. Schiller's Sämmtliche Werke, Paris, 1836, B. I, S. 51.

⁴) Рукоп. Импер. Публ. Библ., Бум. Жуков., № 14, л. 107—108. Текстъ здѣсь

Вс. Чешихинъ въ своемъ прекрасномъ этюдѣ ¹⁾ подвергаетъ пересказъ Жуковского изученію сравнительно съ стихами Шиллера, и приходитъ къ справедливому выводу, что въ „Мечтахъ“ нашъ поэтъ довольствуется передачею основного настроенія своего оригинала, измѣняя по произволу частности.

Жуковский началъ заимствовать изъ Шиллера матеріалъ не только для перевода, но и для своеобразной разработки и переработки. Такъ, стихотвореніе *An Minna* открываетъ такую строфу:

Träum'ich? Ist mein Auge trüber?
Nebelt'es mir um's Angesicht?
Meine Minna geht vorüber?
Meine Minna kennt mich nicht?
Die am Arme seichter Thoren
Blähend mit dem Fächer ficht,
Eitel in sich selbst verloren—
Meine Minna ist es nicht.

Нашъ поэтъ беретъ эту первую строфу стихотворенія Шиллера и перерабатываетъ заимствуемый отсюда образъ такъ:

...Теперь прости, души моей покой!
Корина гордая столицы украшенье;
Влестить окружена ласкателей толпой,
За пышность отдала любви боготворенье,
Противна ей свирѣль, немилъ цвѣтущій лугъ...
Непостоянную илѣняютъ суеты;
Собою забыта, меня ужъ и не знаетъ.

Жизненные краски стиховъ Шиллера, размѣръ стиха—все вышло ослабленнымъ у Жуковского. „Шиллеръ негодуетъ на вѣтреную красавицу со слезами на глазахъ (*Weinen will ich bitter Thränen...*), Жуковский только робко вздыхаетъ“, — выразился Вс. Чешихинъ ²⁾. Эту строфу нашъ поэтъ дѣлаетъ второю половиною собственнаго стихотворенія, въ первой же половинѣ даетъ антитезу Шиллеровскаго образа, рисуя ту же Корину, до ея переселенія въ столицу, — просто-душною сельскою красавицей:

Когда она была пастушкой простой,
Цвѣла невинностью, невинностью блистала,
Въ деревнѣ славилась и сердца правомъ и красой,
И кудри свѣтлые цвѣтами убирала—

представляетъ нѣсколько незначительныхъ разнотченій съ печатнымъ. (Соч. Жуков., ред. Арханг., II, 14—15).

¹⁾ Жуковский какъ переводчикъ Шиллера, Рига, 1895, стр. 44—51.

²⁾ Тамъ же, стр. 6.

Тогда ей нравились и пѣнистый ручей,
И дугъ, и сѣнь лѣсовъ, и миръ моей долины,
Гдѣ я плѣнялъ ее свирѣлію моею!
Тогда все красилось присутвіемъ Коринны ¹⁾.

По первой строфѣ Жуковскій и озаглавилъ свою пьеску „Идиллія“,—не совѣмъ удачно, такъ какъ во второй строфѣ выступаетъ совѣмъ не идиллическій образъ.

Въ русскихъ переводахъ въ то время Шиллеръ былъ еще слабо представленъ. Вотъ списокъ раннихъ переводовъ:

1) Юліана, Шиллерова драма (Московскій Журналъ, ч. VII, М. 1792, стр. 122—155. Переведено первое дѣйствіе).

2) Разбойники, траг. въ 5 д. г. Шиллера, пер. съ нѣм. (прозою) Николаемъ Сандуновымъ, М. 1793.

3) Игра судьбы, отрывокъ истинной исторіи, Шиллера (Вѣстн. Евр., 1802 г., ч. IV, стр. 177 = Переводы Никол. Карамзина, ч. VI, стр. 75).

4) Преступникъ отъ безславія, изъ Шиллеровой Таліи (сборникъ „Пьеррида“, С.-Пб., 1802, книжка II, стр. 70).

5) Радость, ода Шиллера, перев. П. Кованько (Новости русской литературы, М. 1802, ч. I, стр. 44).

6) Дѣйствіе и всеобщее вліяніе хорошаго театра, изъ Таліи Шиллера (тамъ же, ч. II, стр. 3, 17).

7) Заговоръ Фіэска въ Генуѣ, траг. въ 5 д. Шиллера (пер. стихами Н. И. Гнѣдича и А.), М., 1803.

8) Коварство и любовь, трагедія г. Шиллера въ 5 д., перев. съ нѣм. (прозою) Семень Смирновъ, дѣйствительный членъ Общества Любителей Россійской Словесн. при Импер. Московскомъ университетѣ, М. 1806.

9) Духовидецъ, исторія взятая изъ записокъ графа О*** и изданная Фр. Шиллеромъ, пер. съ нѣм., 6 частей, М. 1807.

Жуковскаго привлекло къ Шиллеру прежде всего, несомнѣнно, вліяніе Дружескаго Литературнаго Общества, члены котораго „пересаживали, какъ умѣли, на русскую почву цвѣты поэзіи Виланда, Шиллера, Гёте“ ²⁾. Въ процессѣ этого усвоенія поэзіи Шиллера русской литературѣ Жуковскому пришлось сыграть очень видную роль,—оцѣнку ея даетъ выше названный этюдъ Вс. Чехихина.

Рядомъ съ „Идилліей“ (Когда она была пастушкой простой), на

¹⁾ Рук. Импер. Публ. Библ., Бум. Жуков., № 12, л. 22; срв. соч. Жуков. ред. Арханг., I, стр. 27, гдѣ воспроизведена переработанная редакція рукописей №№ 13 и 14.

²⁾ Ал. Ив. Тургеневъ, Отрывокъ изъ записной книжки путешественника, Современникъ, 1837 г., т. V, стр. 304—305.

одномъ и томъ же листѣ бумаги ¹⁾, въ черновыхъ наброскахъ, находятся еще двѣ вещицы Жуковского: *Ода Сафы къ Фаону* и *Старикъ* (Прощанье старика), также относящіяся по времени написанія къ маю 1806 года.

„Ода Сафы“—переложеніе знаменитаго стихотворенія греческой поэтессы *Φαινεταί μοι κηυός ἴσος θεοῖσιν ἔμμεν ὄντηρ*, которое представляет собою „какъ бы вѣчный типъ изображенія могучей глубокой любви, овладѣвающей всѣмъ существомъ человѣка, проникающей его до мозга костей, и становящейся физической мукой“, какъ выразился историкъ греческой литературы ²⁾; этому стихотворенію Сапфо подражалъ *Θεокритъ* ³⁾, его перевелъ *Катуллъ* на латинскій языкъ ⁴⁾, превозносилъ и считалъ совершеннѣйшимъ образцомъ въ своемъ родѣ *Лонгинъ* ⁵⁾, толковали гуманисты (*Калдерини*) ⁶⁾; Буало перевелъ его на французскій языкъ ⁷⁾, позднѣе этотъ переводъ передѣлалъ *Делиль* ⁸⁾; *Рогати* перевелъ это стихотвореніе на итальянскій языкъ ⁹⁾, *Вильг. Гейнзе*—на нѣмецкій ¹⁰⁾. Имѣемъ цѣлый рядъ русскихъ переводовъ ¹¹⁾; самый ранній изъ нихъ принадлежитъ *Сумарокову*:

Благополучень тотъ, кто всякой день съ тобою,
Всякъ часъ твой слышитъ гласъ, твой зря пріятный смѣхъ;
Какихъ еще желать на свѣтѣ семъ утѣхъ,
Имѣя завсегда тебя передъ собою! и проч.

(Ежемѣсяч. сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія, августъ, 1755 года, стр. 148—149; перепечат. въ соч. Сумарокова, ч. II, М. 1787, стр. 146); въ сумароковской „Трудолюбивой Пчелѣ“, 1759 г., ноябрь, стр. 677—678, напечатанъ былъ переводъ этого стихотворе-

¹⁾ Рукоп. Импер. Публ. Библ., Бум. Жук., № 12, л. 22.

²⁾ *A. Croiset*, Histoire de la litterature grecque, t. II, P. 1890, p. 239.

³⁾ Theocr. *Φαρμακούτρια* (Idyll. II), ст. 105—109.

⁴⁾ *Catulli carmina*, LI.

⁵⁾ О высокомъ, гл. X (VIII).

⁶⁾ *Bernh. Steiner*, Sappho, Jena, 1907, S. 71 ff.

⁷⁾ *Oeuvres de N. Boileau Despreaux*, avec des éclaircissemens historiques, donnez par lui-meme, nouvelle edition, Amsterdam, 1729, tome II, Traité du sublime, chap. VIII, p. 23.

⁸⁾ *J. J. Barthélemy*, Voyage du Jeune Anacharsis en Grèce. 1788; по имѣвшемуся у меня подъ рукою изданію (Paris, an XII—1804) t. II, p. 73, notes, p. 503.

⁹⁾ Le odi di Anacreonte e di Saffo, recate in versi ital. da *Franco. Sav. de' Rogati*, Calle. 1783, t. II, p. 209.

¹⁰⁾ *Fritz Jacobis Zeitschrift „Iris“*, 1775.

¹¹⁾ Перечень (неполный) ихъ даетъ *П. Прозоровъ*, Систематич. указатель книгъ и статей по греческой филологіи, напечатанныхъ въ Россіи, С.-Пб. 1898, стр. 71—72.

нія Саффо, исполненный Г. Козицкимъ, въ прозѣ, съ греческаго; затѣмъ появились переводы въ „Растущемъ Виноградѣ“, 1786 г., янв. стр. 91: „Ода Саффы къ дѣвицѣ“, перев. И. Виноградова, съ греч. (повторено въ сборникѣ Ив. Виноградова: Стихотворенія Саффы, Лесбійскія стихотворицы, пер. съ греч., съ привосокупленіемъ пѣсней изъ Анакреонта и др., С.-Пб. 1792); въ крыловскомъ „Зрителѣ“, 1792, ч. I, апрѣль, стр. 182: Кто часто близъ тебя бываетъ...; въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“, 1796, ч. XI, стр. 320: Блаженъ, кто для тебя единой въздыхаетъ..., перев. Е. Люценко; Державинъ много потрудился надъ Одой Саффо ¹⁾ и выработалъ два перевода ея: одинъ былъ напечатанъ въ Карамзинскихъ „Аонидахъ“, 1797 г., кн. II, стр. 244 („Блаженъ подобно тотъ богамъ“...) и повторенъ въ Державинскихъ „Анакреонтическихъ пѣсняхъ“, 1804, стр. 104, другой—въ изданіи соч. Державина 1808 г., ч. III, стр. LXIII („Счастливъ, подобится въ блаженствѣ тотъ богамъ“...); И. Мартыновъ представилъ въ своемъ переводѣ трактата Лонгина „О высокомъ“ (С.-Пб. 1803, стр. 74) сдѣланный имъ стихотворный переводъ (съ греч.) оды Саффо (Тотъ сходенъ, кажется, съ богами, Сидитъ кто тая предъ тобой...); здѣсь же, въ примѣчаніи, И. Мартыновъ печатаетъ и переводъ, сдѣланный Эминимъ съ французскаго перевода Буало: „Благополученъ тотъ, кто близъ тебя стенаетъ“ (стр. 74—75); графъ Д. Хвостовъ напечаталъ въ „Другѣ Просвѣщенія“, 1804, ч. I, № 1, стр. 28, свой стихотворный переводъ (съ франц. перевода Буало) оды Саффо (перепечат. въ Полномъ собраніи стихотвореній гр. Хвостова, С.-Пб. 1830, т. V, стр. 102): Счастливъ, кто, восхитясь прелестной красотою...; въ двухъ переводахъ появилась ода на страницахъ издававшегося И. Мартыновымъ „Лицея“ 1806 года, ч. I, кн. 2, стр. 12, 14. Переводы появлялись и позднѣе: Я... О... ий напечаталъ стихотворный переводъ въ „Благонамѣренномъ“ 1825 г., ч. 31, стр. 221; В. В. Крестовскій—въ журналѣ „Время“ 1862 г. сент., и т. д.

Осенью еще 1803 года Мерзляковъ писалъ Жуковскому: „Пишу, перевожу... Тебя самаго представляю я себѣ всегда почти въ соединеніи или съ Анакреономъ или съ Овидіемъ, изъ которыхъ кое-что перевожу... На этихъ дняхъ окончилъ свой переводъ Гораціевой Пятки... скоро надѣюсь отправить ее къ тебѣ съ другими пѣсами“ ²⁾. Къ этому, повидимому, времени относится и сдѣланный Мерзляковымъ переводъ нашей оды Саффо, который потомъ вошелъ въ его

¹⁾ См. Соч. Державина съ примѣч. Я. Грота, т. II², стр. 27—31.

²⁾ Русс. Архивъ, 1871 г., № 2, столб. 0145.

сборникъ „Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ“, М. 1826, ч. 2-ая, стр. 59: „Къ счастливой любовницѣ“ (Равный безсмертнымъ кажется онъ Мужъ...).

Увлечение поэзіею Саффо вызвало не только переводы уцѣлѣвшихъ отъ нея фрагментовъ, но и стремленіе дополнить отрывки и воскресить эту поэзію путемъ подражаній, поддѣлокъ. Французская коллекція такихъ подражаній-поддѣлокъ (въ стихахъ) встрѣтилась мнѣ на страничкахъ изданія „Bibliothèque Universelle de dames“ (Mélanges, tome VIII-me, pp. 112—130); третье мѣсто въ этой коллекціи (стр. 115) занимаетъ переводъ интересующей насъ оды, сдѣланный Буало (Heureux qui près de toi, pour toi seule soupire...). Павелъ Голенищевъ-Кутузовъ перевелъ (стихами) съ француз. такое собраніе ложно приписанныхъ Саффо позднѣйшихъ поддѣлокъ и издалъ особымъ сборничкомъ, подъ заглавіемъ: „Стихотворенія Сафы, пер. съ франц.“ М. 1805; его примѣру послѣдовалъ В. Анастасевичъ и напечаталъ „Стихотворенія Сафы, объясненные примѣчаніями, перев. съ франц.“ С.-Пб. 1808.

Державинъ въ одномъ изъ раннихъ своихъ стихотвореній—„Невѣстѣ“ (Къ Пльнирѣ), 1778 года, подражалъ послѣдней изъ сохранившихся строфъ оды Саффо 1).

Карамзинъ на страницахъ своей „Аглаи“ (ч. II, 1795, стр. 47), въ статьѣ „Аѳинская жизнь“, даетъ стихотвореніе, которое позднѣе перепечаталъ 2) подъ заглавіемъ „Пѣснь Сафина“:

Почто, о богъ любви коварной,
Ты грудь мою стрѣлой пронзилъ?
Почто Фаонъ неблагодарный
Меня красой своей плѣнилъ? и проч.

Третья строфа этого стихотворенія воспроизводитъ мотивъ оды Саффо *Φαίναται μοι χήνος*:

Когда на юношу взираю,
Мрачится свѣтъ въ моихъ глазахъ—
Дрожу, томлюся, умираю
Въ восторгѣ, въ пламенныхъ слезахъ.

Строфа эта снабжена подстрочнымъ примѣчаніемъ: „Читатель вспомнить послѣднюю строфу *Сафиной оды*“: *Φαίναται μοι χήνος* и проч.“

Вотъ то теченіе не только въ русской, но въ цѣлой европейской литературѣ, къ которому примыкаетъ Жуковский своимъ переводомъ оды Саффо.

1) Соч. Державина, съ примѣч. Я. Грота, I², 36—37; II², 29.

2) „Моя бездѣлка“, М. 1797, ч. II, 119—120.

Съ строеніемъ сапфической строфы Жуковский могъ ознакомиться черезъ своего друга—Мерзлякова, который началъ уже въ это время свою профессорскую карьеру, оду же Сапфо перевелъ именно сапфической строфою, и повидимому—съ греческаго подлинника:

Равныйъ безсмертнымъ кажется оный
 Мужь,—предъ твоими, дѣва, очами
 Млеющій, близкій, черплющій слухомъ
 Сладкія рѣчи,—
 Взоромъ ловащій страсти улыбки!..
 Видѣла это:—ощипенѣла;
 Сжалося сердце; въ устахъ неподвижныхъ
 Голосъ прервался!
 Замеръ языкъ мой.. Быстрой по тѣлу
 Нѣжному пламень льется рѣкою;
 Свѣта не вижу; взоры померкли;
 Въ слухѣ стонъ шумный!
 Въ потѣ холодномъ трепеть; ланиты
 Былій изсохшихъ зноемъ блѣднѣе;
 Кажется, смертью, таю, объята;
 Я бездыханна ¹⁾).

Греческій подлинникъ:

Φαίνεται μοι κηρὸς ἴσος θεοῖσιν
 ἔμμεν ὄνηρ, ὅστις ἐναντίος τοι
 ἴστανει, καὶ πλασίον ἄδου φωνεῖ—
 σὰς ὑπακούει
 καὶ γέλαισας ἱμεροῦν, τὸ μοι μαν
 καρδίαν ἐν στηθεσὶν ἐπτοάζεν·
 ὡς σε γὰρ ἴδω, βροχέως με φωνὰς
 οὐδὲν ἐτ' εἶχει· и проч. ²⁾).

Буквальный переводъ: Кажется мнѣ равнымъ богамъ тотъ мужь, который передъ тобою сидитъ и вблизи слышитъ твой сладкій голосъ и влюбленный смѣхъ; это поражаетъ мое сердце въ груди; ибо едва я увижу тебя, тотчасъ пропадася мой голосъ, и проч.

Какъ видимъ, переводъ Мерзлякова отличается близостью къ греческому оригиналу, исполненъ строфою подлинника и заключаетъ въ себѣ тѣ же четыре строфы, какія сохранились между фрагментами Сапфо.

Изъ другихъ переводовъ лишь очень немногіе сдѣланы, какъ и

¹⁾ Подражанія и переводы изъ греч. и латин. стихотворцевъ, А. Мерзлякова, ч. II, М. 1826, стр. 59.

²⁾ В. Steiner, Sappho, Jena. 1907, S. 93.

отмѣчено выше, съ греческаго оригинала; остальные восходятъ къ французскимъ переводамъ - передѣлкамъ. Переводъ Сумарокова, въ трехъ строфахъ, шестистопнымъ ямбомъ, отразилъ на себѣ двоякое влияние: съ одной стороны, по примѣру французскаго перевода Буало (Heureux qui près de toi...), Сумароковъ начинаетъ словами—„Благополученъ тотъ, кто всякой день съ тобою“, и дѣлитъ оду на три строфы по четыре стиха одной и той же мѣры въ каждой; съ другой—онъ стоитъ въ зависимости отъ прозаическаго перевода Козицкаго, переводившаго съ греческаго ¹⁾. Изъ двухъ переводовъ Державина первый сдѣланъ съ французскаго перевода Буало, второй—приближенъ къ греческому подлиннику, который сталъ извѣстенъ Державину, вѣроятно, по буквальному русскому переводу ²⁾. Переводъ Ан. Тейльса („Лицей“ 1806 г., ч. I, кн. 2, стр. 14) восходитъ къ французскому переводу Делиля. Переводъ Люценко (Пр. и пол. препр. времени, XI, 320)—весьма близкое воспроизведеніе французской обработки Буало:

Люценко.

Блаженъ, кто для тебя единой воз-
дышаетъ,
Кто нѣжныя изъ устъ слова твои вни-
маетъ,
Кто зрять тебя всегда съ улыбкою къ
нему!
И боги должны всѣ завидовать тому!
Я чувствую, что огонь изъ жилы въ
жилу льется,
Когда, любезная, увижу я тебя;
И въ восхищеніи душа моя мятется:
Я словъ не нахожу—не чувствую себя.
Мой взоръ покроетъ тьма... я все въ
очахъ теряю...
Не слышу ничего... въ огнѣ душа моя...
Теряюсь, блѣденъ, нѣмъ, безчувственъ
млѣю я.

Boileau.

Heureux qui près de toi, pour toi seule
soupire!
Qui jouit du plaisir de t'entendre
parler,
Qui te voit quelquefois doucement lui
sourire.
Les dieux, dans son bonheur, peuvent-
ils l'égaler?
Je sens de veine en veine une subtile
flamme
Courir par tout mon corps, sitôt que
je te vois;
Et dans les doux transports où s'égaré
mon ame,
Je ne saurois trouver de langue ni de
voix.
Un nuage confus se répand sur ma vue:

¹⁾ У Козицкаго: „Льетса хладный потъ, и дрожь всю меня пронимаетъ; блѣднѣе а злака“... У Сумарокова: „По тѣлу моему холодный потъ ллетса, блѣднѣю и дрожу“. У Буало неэстетическая подробность о потѣ выпущена вовсе, при чемъ онъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: Il y a dans le grec *une sueur froide*, mais le mot de *sueur* en françois ne peut jamais être agréable, et laisse une vilaine idée à l'esprit (Oeuvres de Boileau, Amsterd. 1729, t. II, p. 23, remarque 4).

²⁾ Соч. Державина съ примѣч. Я. Грота, т. II, стр. 28, 30, т. III стр. 604. Подробность о потѣ выпущена и во второмъ переводѣ Державина.

Объемлетъ трепеть сквозь, паду, и Je n'entends plus, je tombe en de
умираю. douces langueurs;
Et pâle, sans haleine, interdite, éperdue,
Un frisson me saisit; je tremble, je me
meurs ¹⁾.

Люценко въ своемъ переводѣ, какъ видимъ, сдѣлалъ лишь то отступление отъ перевода Буало, что превратилъ свое стихотвореніе въ изліяніе чувствъ влюбленнаго мужчины передъ своею возлюбленною.

Къ этому же французскому источнику, видимо, восходитъ и переводъ Жуковского. Нашъ поэтъ даетъ переводъ болѣе свободный и, подобно Люценку, сначала также дѣлаетъ стихотвореніе изліяніемъ горячихъ чувствъ влюбленнаго мужчины передъ возлюбленною ²⁾. Но кромѣ того, Жуковскому была извѣстна также и переработка принадлежащаго Буало перевода этой оды, произведенная Делилемъ; эта переработка сводится къ тому, что Делиль переводу Буало сообщилъ нѣкоторое подобіе сафической строфы:

Heureux celui qui près de toi soupire,
Qui sur lui seul attire ces beaux yeux,
Ce doux accent et ce tendre sourire!
Il est égal aux dieux.
De veine en veine une subtile flâme
Court dans mon sein, sitôt que je te vois;
Et dans le trouble où s'égare mon âme,
Je demeure sans voix.
Je n'entends plus; un voile est sur ma vue;
Je rêve, et tombe en de douces langueurs;—
Et sans haleine, interdite, éperdue,
Je tremble, je me meurs ³⁾.

Жуковский въ своемъ переводѣ пытается дать также нѣчто въ родѣ сафической строфы; но попытка эта, при отсутствіи, повидимому,

¹⁾ Oeuvres de N. Boileau Despréaux, Amsterdam, 1729, t. II, p. 23.

²⁾ Черновой текстъ этой редакціи сохранился въ бумагахъ Жуковского (Импер. Публич. Библ-ка), связка № 12, л. 22. По этой рукописи текстъ стихотворенія, отличный отъ общезвѣстнаго печатнаго, мною ниже и сообщается.

³⁾ *Barthélemy, Voyage du jeune Anacharsis en Grèce*, Paris, 1804, t. II, p. 73. Къ тексту дано такое примѣчаніе (на стр. 503): En lisant cette traduction libre, que je dois à l'amitié de M. l'abbé de Lille, on s'apercevra aisément qu'il a cru devoir profiter de celle de Boileau, et qu'il ne s'est proposé autre chose que de donner une idée de l'espèce de rythme que Sapho avait inventé, ou du moins fréquemment employé. Dans la plupart de ses ouvrages chaque strophe était composée de trois vers hendécasyllabes, c'est-à-dire, de onze syllabes, et se terminait par un vers de cinq syllabes.

у нашего поэта болѣе глубокихъ свѣдѣній по античной метрикѣ, свелась къ тому, что четвертый стихъ каждой строфы онъ сдѣлалъ по числу ямбовъ вдвое болѣе короткимъ (въ три ямба), чѣмъ три первые стиха, состояще изъ шести ямбовъ каждый.

И вотъ, сравнивая переводъ Жуковского съ переводами Буало и Делиля, мы дѣлаемъ наблюдене, характеризующее процессъ созданія Жуковскимъ этого стихотворенія: три первые стиха каждой строфы восходятъ къ тексту Буало, а четвертый—къ переработкѣ Делиля.

Щастливъ, кто близъ тебя *одной* тобой пылаеть,
Кто сладостью твоихъ рѣчей одушевленъ,
Кого твой ищетъ взоръ, улыбка (восхищаетъ) ободряетъ,
Съ богами онъ сравненъ!

(Узрѣвъ тебя, томлюсь, въ душѣ моей волненье)

Когда (я зрю тебя) ты предо мной, въ дупѣ моей смятенъ!

(Стремится въ первахъ, Палить всѣ нервы) Бѣжитъ по нервамъ огонь,
въ очахъ блѣднѣетъ свѣтъ,

Въ трепещущей груди (тоска и наслажденье) и скорбь и восхищенье!

Ни словъ, ни чувства нѣтъ!

Лежу у милыхъ ногъ (твоихъ), горю огнемъ желанья,

(Въ блаженствѣ страстнаго мученія томлюсь)

Блаженствомъ страстнаго (смятенья) волненья утомленъ,

Лью слезы, трепещу (въ восторгѣ) безъ силъ и безъ дыханья,

И съ жизнью (разстаюсь) разлученъ! ²⁾

Пьеса вся пронизана огненной страстью; если такое интенсивное чувство было направлено нашимъ поэтомъ на „природу“ (въ отрывкѣ „О счастье дней моихъ“), то и „бездушная“ она должна была „подвигнуться, вспылать“ и отвѣтить его „пламеннымъ лобзаньямъ“.

Черезъ нѣкоторое время, въ силу какихъ-то соображеній, Жуковский рѣшилъ приблизить нѣсколько свой переводъ къ оригиналу, и превращаетъ его въ изліянiе чувствъ влюбленной женщины передъ своимъ возлюбленнымъ. Для этого онъ произвелъ перемѣны въ трехъ стихахъ—1-мъ, 10-мъ и 12-мъ:

Блаженъ, кто близъ тебя *однимъ* тобой пылаеть...

Блаженствомъ страстныя тоски *утомлена*...

И жизни *мишена* ³⁾.

Изъ стихотворенія Карамзина „Пѣснь Сафина“ едва ли не ближе всего долженъ былъ узнать нашъ поэтъ о любви Сафо къ Фаону ³⁾,—

¹⁾ Рукопись Импер. Публич. Библ., Бум. Жук., № 12, л. 22. Въ скобкахъ мною поставлены зачеркнутыя въ этомъ черновомъ наброскѣ стихотворенія слова.

²⁾ Бумаги Жуковского, № 13, л. 22 обор., № 14, л. 11.

³⁾ Исторія эта рассказана, между прочимъ, и въ біографическомъ предисловіи

и отсюда, повидимому, возникло заглавіе, данное Жуковскимъ своему переводу въ его новой редакціи: „Ода Сафы къ Фаону“¹⁾.

Позднѣе, замѣтивъ, что стихотвореніе Саффо заключаетъ въ себѣ обращеніе женщины къ женщиной же (*qui... roug toi seule soupirer...*), нашъ поэтъ передѣлалъ заглавіе, устранивъ упоминаніе о Фаонѣ и назвалъ свой переводъ просто „Сафина ода“. Онъ сдѣлалъ нѣсколько (8) поправокъ въ текстъ и въ этомъ видѣ напечаталъ въ Вѣстникѣ Европы²⁾; въ этой послѣдней редакціи стихотвореніе всегда и перепечатывалось до сихъ поръ. Измѣнивъ заглавіе, внося передѣлки, Жуковский оставилъ, однако, неисправленнымъ свое отступленіе отъ подлинника „однимъ тобою пылаеть“, приписывая, такимъ образомъ, греческой поэтессѣ обращеніе къ мужчине, — и кромѣ того оставилъ безъ измѣненія введенный имъ образъ „лежу у милыхъ ногъ, горю огнемъ желанья“ (этими словами онъ перевелъ — очень не точно — французскую фразу „je tombe en de douces langueurs“ — падаю въ сладкой истомѣ), совсѣмъ не подходившій къ новой ситуации. Переработку не приходится признавать удачною.

Маленькое (8 стиховъ) стихотвореніе „Старикъ“ („Прощаніе старика“) отмѣчено Жуковскимъ какъ переводъ; оригиналь мнѣ пока неизвѣстенъ.

XXXIX.

Вслѣдъ за только что рассмотрѣнными стихотвореніями въ тетради Жуковского № 13, л. 23 обор., вписаны первыя 17 строфъ элегіи „Вечеръ“ (Ручей вьющійся по свѣтлому песку) съ помѣткой: „1806 г. въ маѣ“; въ той же тетради л. 55 обор. — окончаніе стихотворенія. Произведеніе это было напечатано въ № 4 Вѣстника Европы за 1807 годъ (стр. 278—281), причемъ въ концѣ поставлена дата: „Бѣлевъ, 1806 года въ іюль“; эту же дату находимъ и въ рукописи: см. Бумаги Жуковского, № 15, л. 58. Такимъ образомъ, созданіе этого стихотворенія относится къ маю—іюлю 1806 г.

Зейдлицъ говоритъ, что эта элегія Жуковского — одно изъ лучшихъ его описаній вечерней красоты природы села Мишенскаго³⁾.

къ упомянутой выше коллекціи французскихъ переводовъ стихотвореній, ложно приписанныхъ Саффо (*Bibl. Univers. des dames, mélanges, VIII, 95*).

¹⁾ Подъ такимъ заглавіемъ эта редакція сохранилась въ рукописяхъ №№ 13 и 14. Возможны также и вліянія иноземныя, — Овидія, Пона: Овидіева героида „Сафо къ Фаону“ переведена была на англійскій языкъ Попомъ (*Sappho to Phaon*).

²⁾ Вѣстникъ Евр. 1807 г., № 5, стр. 44.

³⁾ Зейдлицъ, Жизнь и поэзія Жуковского, 32.

Мѣстность, гдѣ жилъ теперь Жуковскій, характеризуется такими чертами: Бѣлевъ, уѣздный городъ Тульской губ., расположенъ на лѣвомъ, высокомъ, живописномъ берегу р. Оки, которая извивается подъ горою; въ Оку около Бѣлева впадаютъ четыре рѣчки; изъ нихъ Большая Выра впадаетъ въ четверти версты выше Бѣлева, а Малая Выра—въ самомъ городѣ. Большая Выра течетъ съ запада на востокъ и, прихотливо извиваясь, омываетъ сочные, богатые могучею растительностью луга села Мишенскаго; Мишенское лежитъ въ трехъ верстахъ отъ Бѣлева на возвышенности, покрытой небольшими лѣсомъ и прорѣзанной пятью холмами; на одномъ изъ лѣсистыхъ холмовъ находилась господская усадьба Бунина съ садомъ и паркомъ; за паркомъ шла тѣнистая дубовая роща, тянувшаяся по холмамъ до самой Васьковой горы, составлявшей продолженіе той же возвышенности; по долину протекалъ ручеекъ (теперь пересохшій); за усадьбой, черезъ ровъ, поросшій березками, находилось кладбище, а позади него—небольшая рѣчка Семьюнка. За селомъ, къ мельницѣ Бунина идетъ оврагъ, параллельный оврагу, отдѣляющему деревню отъ господской усадьбы (въ верховьяхъ его лежитъ прудъ рѣчки Семьюнки); въ этомъ оврагѣ, у подошвы горы, изстари существовалъ колодезь, именуемый „Гремячимъ“. Названіе свое колодезь получилъ не даромъ: по свойству почвы, истекающая вода его, говорятъ, издавала когда-то сильное журчаніе. Когда былъ истребленъ лѣсъ на вершинѣ горы, колодезь изсякъ; при Жуковскомъ „Гремячій“ колодезь былъ полный силъ: лѣса были цѣлы. Внизу усадьбы и села, къ сторонѣ города, по Вырѣ, тянется луговая мѣстность, соединяющаяся съ громаднымъ пространствомъ за-окскихъ луговъ, такъ что съ Мишенской господской возвышенности виднѣются: направо—всѣ лучшіе зарѣчные виды, съ группами отдѣльныхъ рощъ или сплошнымъ лѣсомъ въ отдаленіи; налево, къ западу—заросшая рощей возвышенность, на которой расположенъ амфитеатромъ Бѣлевъ ¹⁾).

Именно эту мѣстность, повидимому, и имѣлъ въ виду Жуковскій, когда въ своей элегій „Вечеръ“ писалъ:

Ручей, вьющійся по свѣтлому песку,
 Съ какимъ сверканіемъ катишься ты въ рѣку!
 Какъ солнца за горой плѣнителенъ закатъ,
 Когда поля въ тѣни, а рощи отдаленны
 И въ зеркалѣ воды колеблющійся градъ

¹⁾ П. Мартыновъ, Село Мишенское, родина Жуковскаго. Историч. Вѣстникъ 1887 г., томъ XXVII, стр. 110 и слѣд.

Багрянымъ блескомъ озаренны;
Когда съ холмовъ золотыхъ стада бѣгутъ къ рѣкѣ..
И сѣти склавъ рыбаки, на легкомъ челнокѣ,
Плыветъ у берега межъ кустами..
Послѣдній лучъ зари на башняхъ умираетъ!
Послѣдняя въ рѣкѣ блестящая струя
Съ потухшимъ небомъ угасаетъ!..
. Журчитъ, сливаясь съ рѣкой,
Потокъ, кустами обѣнненной..
Въ травѣ коростеля я слышу дивнй крикъ,
И въ роцѣ иволги стенанье..
Осыпанъ искрами во тьмѣ журчавшій ключъ,
Въ рѣкѣ дубравы отразились:
Луны ущербный ликъ возсталъ изъ-за холма..

Живописная природа Бѣлева и Мишенскаго, которой Жуковский и впоследствии посвятить не мало стиховъ, не могла не вліять на воспріимчивую и впечатлительную—„чувствительную“—душу нашего поэта, и начала выступать въ его твореніяхъ; впервые случилось это въ разсматриваемой элегіи „Вечеръ“, которая и проникнута вполне реальными элементами дѣйствительныхъ переживаній Жуковскаго.

Повидимому, элегія, какъ творческій замыселъ, создавалась въ одинъ изъ майскихъ вечеровъ 1806 г., когда поэтъ, наслаждаясь окружающею весеннею природою, бродилъ по окрестностямъ Бѣлева и Мишенскаго и, наконецъ, присѣлъ отдохнуть у устья одной изъ рѣчекъ, и погрузился въ воспоминанія и размышленія,

Простершись на травѣ подъ ивой наклоненной.

Приступивъ къ осуществленію своего поэтическаго замысла, Жуковский и начинаетъ съ этого послѣдняго своего впечатлѣнія, обращаясь къ этой рѣчкѣ, журчаніе которой дало ему вдохновеніе:

Ручей, вьющійся по свѣтлому песку,
Коль тихая твоя гармонія пріятна!
Съ какимъ сверзаніемъ катишься ты въ рѣку!

Лишь только онъ взялся за перо, тотчасъ же передъ нимъ явился излюбленный аллегорическій образъ, столь знакомый ему по его литературной школѣ,—образъ Музы—олицетвореніе самой поэзіи, вѣяніе которой почувствовалъ онъ надъ собою въ данную минуту. Охваченный могучимъ порывомъ поэтическаго творчества, которымъ насквозь проникнута эта чудная элегія, Жуковский превращаетъ холодный псевдоклассическій образъ богини пѣсноуѣнія, которую обязательно долженъ былъ призывать поэтъ, въ изящный символъ подъема

собственной творческой фантазіи, дающаго поэту минуты безграничнаго блаженства. Въ концѣ введенія къ повѣсти „Вадимъ Новгородскій“ Жуковский, въ 1803 году, писалъ: „Тихая муза моя непорочна, какъ сама природа... въ вѣнцѣ изъ розъ и вѣтвей дубовыхъ она скитается по тихимъ дубравамъ и съ томнымъ журчаніемъ потоковъ соединяетъ свои пѣсни, простыя, нестройныя“. Созданія Музы его становились все болѣе и болѣе стройными, стихи все болѣе приобрѣтали „плѣнительную сладость“—и тѣмъ выше было наслажденіе, доставляемое творчествомъ; нашъ поэтъ съ искреннимъ, глубокимъ чувствомъ обращается къ своей Музѣ, увидя себя во власти неодолимаго влеченія проявить поэтическую энергію и приступивъ къ созданію гармонической элегіи „Вечеръ“:

Приди, о Муза благодатна,
Въ вѣнцѣ изъ юныхъ розъ, съ цѣвницею златой ¹⁾,
Склонись задумчиво на пѣвнстыя воды,
И струны ²⁾ ожививъ, туманный вечеръ пой
На лонѣ дремлющей природы.

Этою Музою была собственная субстанція нашего поэта въ минуту возбужденія творческаго порыва. „Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли“, скажетъ впоследствии Жуковский.

Описавъ природу родной мѣстности, которая была ему такъ дорога, съ которою онъ сливался всей душой, всѣмъ своимъ чувствомъ, — „О родина! Гдѣбъ ни былъ я, но все съ тобой душой“, скажетъ онъ впоследствии,—Жуковский обращается къ самому себѣ:

Слжу задумавшись; въ душѣ моей мечты;
Къ протекшимъ временамъ лечу воспоминашьемъ.

Онъ вспоминаетъ свое дѣтство съ его „блаженствомъ и страданьемъ“,—отчетливо представляя себѣ, такимъ образомъ, и положительныя и отрицательныя стороны своего положенія въ семьѣ Бунныхъ. Далѣе, онъ переходитъ мыслью къ своимъ московскимъ друзьямъ, къ которымъ обращался съ такимъ горячимъ призывомъ уже въ „Стихахъ къ моей лирѣ“; это мѣсто представляетъ значительный біографическій интересъ, — справедливо замѣтилъ Тихонравовъ ³⁾. Поэтъ нашъ вспоминаетъ тѣсный пріятельскій кружокъ, породившій „Дружеское Литературное Общество“, и скорбитъ о расторженіи этого союза:

¹⁾ Такъ въ рукописи (тетр. № 13); въ Вѣст. Евр. „съ свирѣлюю простой“.

²⁾ Такъ въ рукописи № 13; въ Вѣст. Евр. „звуки“.

³⁾ Жуковский,—Соч. Тихонр. т. III, ч. 1, стр. 472.

О вы, погибши наслажденья,
 О братья, о друзья, *идь вашъ* ¹⁾ *священный кругъ!*
 Гдѣ пѣсни пламенны и музамъ и свободѣ!..
 Гдѣ клятвы, данныя природѣ
 Хранить съ огнемъ сердце негнѣнность братскихъ узъ!
 И гдѣ же вы друзья!..

Параграфъ 61 устава Общества гласилъ: „Еслибы случилось, что по какимъ-нибудь обстоятельствамъ всѣмъ или большей части членовъ должно было разстаться, въ такомъ случаѣ общество наше не должно рушиться“. Обстоятельства ²⁾ сдѣлали, однако, Дружеское Литературное Общество, какъ таковое, крайне недолговѣчнымъ; члены его развѣхались—Родзянка и Андрей Тургеневъ въ Петербургъ, Александръ Тургеневъ и Андрей Кайсаровъ за-границу, Жуковский въ деревню,—и кружокъ распался. Какъ дорогъ былъ этотъ союзъ по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ его членамъ, свидѣтельствуесть письмо Андрея Тургенева, гдѣ между прочимъ говорится: „Память о немъ (Друж. Лит. Обществѣ) вѣчно будетъ пріятнѣйшимъ чувствомъ моего сердца; часто время это и всѣ случаи будутъ представляться мнѣ, какъ сладкія мечты утренняго сна, и оно продлитъ свое благотворное дѣйствіе на всю жизнь мою“ ³⁾... Другу Андрея Тургенева, Жуковскому былъ не менѣе дорогъ „святой союзъ любви“ (какъ выразится онъ позднѣе), который завершился—не вполне удачно, нужно согласиться съ акад. В. М. Истринымъ—учрежденіемъ „Дружескаго Литературнаго Общества“, и нашъ поэтъ искренно скорбитъ о разлукѣ съ друзьями,—о томъ, что

всякъ своей тропою,
 Лишенный спутниковъ, влача сомнѣній грузъ,
 Разочарованный душою,
 Тащиться осужденъ до бездны гробовой!

Судьба двухъ изъ друзей особенно сильно поразила Жуковского:

Одинъ—минутный цвѣтъ—почилъ и непробудно!
 И гробъ безвременный любовь кропитъ слезой!
 Другой . . . о Небо правосудно!

¹⁾ Въ рукописи (тетр. № 13, л. 24 обор.) „вашъ“, въ Вѣст. Евр. напечатано „нашъ“.

²⁾ Обстоятельное изслѣдованіе о Дружескомъ Литературномъ Обществѣ, по архивнымъ матеріаламъ, принадлежитъ акад. В. М. Истрину,—см. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1910 г., № 8 и 1913 г., № 3.

³⁾ *Истринъ*, Друж. Литер. Общество 1801 г., *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1910 г., № 8, стр. 277.

Подъ первымъ разумѣется, конечно, скончавшійся Андрей Тургеневъ ¹⁾; въ „другомъ“ всего вѣроятнѣе, мнѣ кажется, слѣдуетъ видѣть С. В. Родзянку, который былъ пораженъ умопомѣшательствомъ и „изнемогъ подъ тяжестью ужаснаго недуга“ ²⁾: Жуковский не былъ въ состояннн формулировать словами всей глубины несчастья, постигшаго его товарища и друга, и ограничился горестнымъ восклицанiемъ: О, небо правосудно!

Поэтъ обращается къ остальнымъ друзьямъ, оставшимся живыми и здоровыми, съ горячимъ призывомъ:

А мы! ужель дерзнемъ другъ другу чужды быть?..
Нѣтъ! Нѣтъ!.. Пусть всякъ идетъ во слѣдъ судьбѣ своей,
Но въ сердцѣ любить незабвенныхъ!

Культь дружбы и ея проповѣдь—отличительная черта Жуковского. Въ произнесенной имъ въ одномъ изъ собраннй Дружескаго Литературнаго Общества 1801 г. рѣчи („О счастья“) Жуковский такъ взываетъ къ дружбѣ и любви: „Поклянемся на жертвенникѣ любви любить пламенно и страстно, подадимъ другъ другу руку, и пускай вихрь времени влечетъ насъ, куда захочетъ!“ ³⁾. Съ подобнаго рода призывами Жуковский обращался и въ письмахъ, напр., въ Александру Ив. Тургеневу: „Намъ надобно быть друзьями, товарищами въ этой бѣдной жизни, въ которой ничто не радуется, по крайней мѣрѣ не радуется продолжительно“ ⁴⁾.

Наконецъ, поэтъ обращается къ самому себѣ и говорить о томъ, что ему предстоитъ въ жизни. Не предвидя, да и не желая для себя никакой блестящей карьеры, построивъ себѣ домъ въ Бѣлевѣ, мечтая о возможномъ въ будущемъ тихомъ семейномъ счастья съ любимой особой, о наслажденн дружбой ⁵⁾,—Жуковский вполне, повидимому,

¹⁾ Въ Вѣстникѣ Евр. вмѣсто „И гробъ безвременный“ стоитъ: „И урну юности любовь кропитъ слезой“; въ черновомъ наброскѣ стояло: И скорбная любовь надъ урною простой Сидитъ съ понижшею головою (Бумаги Жуковского, тетр. № 12, л. 24). Вспоминается та урна, которою Жуковский украсилъ надгробный памятникъ Андрея Тургенева, — см. письма Жуковского къ Ал. Ив. Тургеневу, стр. 5: „Податель этого письма отдастъ тебѣ и урну. Она очень мала, но прекрасная, и будетъ годиться, если поставить ее на столбъ, которой надобно сдѣлать гранитной“... (отъ 31-го авг. 1805 г.).

²⁾ *Сушковъ*, Московскнй унив. благород. пансионъ, М. 1858, стр. 76.

³⁾ Рукопись Библиотеки Импер. Академнн Наукъ, № 618, л. 89.

⁴⁾ Письма Жуковского къ Ал. Ив. Тургеневу, стр. 16 (отъ 8-го января 1806 года).

⁵⁾ Тамъ же, стр. 19: „Другъ, жена—это помощники въ достиженн къ счастью, а счастье есть внутренняя, душевная возвышенность“.

примирился съ мыслью о постоянной скромной жизни въ Бѣлевскомъ уединеніи:

Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой тропой,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы,
Дышать въ вечерній часъ дубравной тишиной,
И взоръ склонивъ на свѣтлы воды,
Безпечность и друзей и рощи воспѣвать!.. ¹⁾

Поэтическое творчество, даръ пѣснопѣнія, доставляетъ ему высочайшую отраду:

Блаженъ, кому дано цѣвницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной,—

говорить онъ и, повидимому, рисуетъ самого себя въ Мишенскомъ въ образѣ поэта, который

въ тихій утра часъ, когда туманный дымъ
Ложится по полямъ и холмы облачаетъ,
И солнце, восходя, по рощамъ голубымъ
Спокойно блескъ свой разлиываетъ,—
Спѣшить, восторженный, оставя тихій кровъ,
Въ дубравѣ упредить пернатыхъ пробужденье,
И лиру соглася съ свирѣлю пастуховъ,
Поетъ свѣтила возрожденье!
Такъ—пѣть есть мой удѣлъ!..

Тотъ самый образъ поэта, который выступаетъ какъ автопортретъ въ элегіи „Вечеръ“, уже прошелъ передъ нами и въ „Сельскомъ кладбищѣ“:

Онъ (поэтъ) часто по утрамъ встрѣчался здѣсь со мною,
Когда спѣшилъ на холмъ зарю предупредить!
Тамъ часто онъ сидѣлъ поды дремлющею ивой!..
Тамъ часто въ горести безпечной, молчаливой,
Лежалъ надъ тихою, прозрачною рѣкой, и проч.

Ясно, что, давая переводъ-передѣлку элегіи Грея, Жуковский въ приведенномъ мѣстѣ рисовалъ самого себя.

Въ заключеніе въ элегіи „Вечеръ“ выдвигается излюбленный мотивъ Жуковского о неизбежности и возможной близости смерти и о чувствительныхъ посѣтителяхъ могилы:

Wem der grosse Wurf gelungen
Eines Freundes Freund zu sein,
Wer ein goldes Weib errungen..

Эти стихи я нынче очень чувствую“ (отъ 8-го января 1806 года).

¹⁾ Черновой варианты: Безпечность и друзей и щастье воспѣвать (Бумаги Жуковского, тетрадь № 12, л. 27).

Такъ—пѣть есть мой удѣлъ!.. Но долго-ль? какъ узнать!
Ахъ! скоро, можетъ быть, съ пастушскою унылой
Придетъ сюда пастухъ въ часъ вечера мечтать
Надъ тихой юноши могилой!

Мотивъ этотъ звучалъ уже въ „Мысляхъ при гробницѣ“ ¹⁾; звучалъ онъ и въ „Сельскомъ кладбищѣ“:

А ты, почившихъ другъ, пѣвецъ уединенный,
И твой ударить часъ, послѣдній, роковой,
И къ гробу твоему, мечтой сопровождаемый,
Чувствительный придетъ услышать жребій твой,—

образъ, созданный самимъ Жуковскимъ, такъ какъ въ соответствующемъ мѣстѣ англійскаго оригинала его вовсе нѣтъ:

For thee, who mindful of th' unhonour'd Dead
Dost in these lines their artless tale relate,
If chance, by lonely Contemplation led,
Some kindred spirit shall inquire thy fate,
Har'ly some hoary-headed swain may say ²⁾...

Встрѣчаемъ этотъ излюбленный мотивъ Жуковского и въ его стихотвореніи „Къ моему лирѣ“ (въ концѣ):

Не долго на землѣ сеятаться:
Друзья! увидимся опять,—

и даже въ шутовомъ стихотвореніи:

Живу въ селѣ,
Земномъ раю,
И жизнь мою
Въ трудѣ, во снѣ
И въ тишинѣ,
Таясь, веду,
И только жду,
Что стукнетъ въ дверь
Плѣшивый звѣрь
Съ большой косою
И скажетъ: Стой!.. ³⁾

Обработкѣ этого мотива Жуковский хотѣлъ посвятить цѣлое стихотвореніе, которое осталось однако незаконченнымъ; сохранился лишь небольшой отрывокъ начала среди черновыхъ набросковъ:

¹⁾ См. IX главу моихъ Разысканій о соч. Жуков., отд. оттискъ, стр. 145.

²⁾ Poems by Mr. Gray, Poema 1793, p. 107.

³⁾ Рукопись Импер. Публич. Библ., „Бумаги Жуковского“, № 12 (пачка съ стихотвореніями 1800—1810 гг.), л. 7. Соч. Жуков., ред. Арханг., I, 98.

Мой другъ, часы летать, и юность (*вар.* младость) погибаетъ!
Насъ драхлостъ хилая, наморщась, изъ дали
Манитъ къ себѣ клюкой и гробъ намъ отверзаетъ!
Ужь розы дѣтскихъ лѣтъ навѣки отцвѣли,
Ужь крылья распутивъ и юность на отлетѣ!
Вотще ты приноси воловъ Плутому въ даръ,
(Напрасно: будешь пить...) Вотще: всѣ будемъ пить забвенью въ
(мрачной) страшной Летѣ!.. и проч. ¹⁾.

Въ бумагахъ Жуковского, хранящихся въ Императорской Публичной Библиотекѣ, тетрадь № 12, лл. 23—27, сохранились всѣ черновые наброски и первоначальныя редакціи строфъ элегіи „Вечеръ“, которая сперва была озаглавлена „Ручей“. Изученіе этихъ черновиковъ показываетъ, какъ интенсивно работала въ это время творческая фантазія Жуковского; поэзія была у него живымъ ключемъ, подобнымъ ключу „Гремячаго“ колодезя его родного Мишенскаго, и элегія „Вечеръ“ написана была, видимо, очень быстро, въ нѣсколько присѣстовъ. Многія мѣста сразу вылились на бумагу прямо въ томъ видѣ, въ какомъ они и остались, почти безъ передѣлокъ. Напротивъ, нѣкоторые стихи и строфы неоднократно перерабатывались поэтомъ, пока установились окончательно.

Такъ, вторая строфа элегіи первоначально имѣла такой видъ:

Приди, о Муза ²⁾ благодатна,
Восядь на мураву и звуки лиръ дай ³⁾.
Внимая шуму струй, смотря на ясны воды,
Во грудь мою восторгъ фантазіи вливай ⁴⁾
На лонѣ дремлющей природы! ⁵⁾.

Затѣмъ эта строфа была передѣлана такъ:

Приди, о Муза благодатна,
Въ вѣнкѣхъ изъ юныхъ розъ, съ цѣвницею златой,
И взоры устремя на пѣнистыя воды,
Восядь на мураву и тихій вечеръ пой ⁶⁾.
На лонѣ дремлющей природы ⁷⁾.

¹⁾ Та же рукопись Публ. Библ., бум. Жук., № 12, л. 50. Соч. Жуков. ред. Арханг., т. XI, стр. 131.

²⁾ Вмѣсто зачеркнутого: Богиня пѣсней.

³⁾ Зачеркнуто: Восядь на мягкій дернъ и лиру оживи, и чувство дай струнамъ.

⁴⁾ Вмѣсто зачеркнутого стиха: Я буду здѣсь мечтать о славѣ, о любви.

⁵⁾ Тетрадь № 12, л. 23.

⁶⁾ Вмѣсто зачеркнутого: Струнамъ дай нову жизнь, покойся на травѣ, цвѣтахъ.

⁷⁾ Тетрадь № 12, л. 25.

Первоначальные редакціи строфъ:

- 6-ой. Померзли облаковъ прозрачные края,
Лишь томный лучъ зари на башняхъ отливаетъ ¹⁾,
Лишь зыблется въ водахъ блестящая струя
И съ небомъ тихо угасаетъ ²⁾.
- 8-ой. Какъ воздухъ прохладенъ ³⁾ душистою росой!
Какъ сладко серебристыхъ волнь журчанье ⁴⁾,
Какъ сладокъ вѣтерокъ, шумящій надъ водой ⁵⁾
И струй у берега трепетанье ⁶⁾.
- 9-ой. Какъ нѣжно ⁷⁾ зыблется у берега тростники!
Какъ усыпительно листочковъ колыханье!
Вдали коростеля я слышу дикой крикъ
И томной иволги стenanье ⁸⁾,
- 10-ой. Но что? Какой вдали мелькнулъ волшебный лучъ?
Спокойные берега въ водѣ изобразились;
Внезапно оживленъ (*вар.* испещренъ) сверканьемъ пѣнный ключъ,
Дубравы и холмы открылись.

Тутъ же и другой вариантъ:

- Но что... Какой вдали мелькнулъ волшебный лучъ?
Внезапно облаковъ края воспламенились,
(*Вар.* Внезапно облака восточны засребрились)
Внезапно засверкалъ струистый пѣнный ключъ,
Въ рѣкѣ дубравы отразились ⁹⁾.
- 11-ой. Ущербная луна катится въ облакахъ;
(*Вар.* Надъ рощами луна восходить въ облакахъ).
О тихое небесъ полунощныхъ свѣтило,
Какъ твой задумчивъ ликъ дрожащій на водахъ ¹⁰⁾,
Какъ блѣдно рощи (*вар.* холмы) озлатило! ¹¹⁾
(*Вар.* Коль блѣдно зелень озлатило,
Ты мрачну зелень озлатило) ¹²⁾.

¹⁾ Въмѣсто зачеркнутыхъ стиховъ: Лишь только на златыхъ крестахъ заря мелькаетъ, Лишь вечеръ на златыхъ главахъ церкви мерцаетъ.

²⁾ Тетрадь № 12, л. 25.

³⁾ Зачеркнуто: оживленъ.

⁴⁾ Отвергнуто: Какая сладкая прохлада на поляхъ растворена, Какъ усыпительно вечернее звучанье, Какъ сладко смутное струистыхъ водъ журчанье.

⁵⁾ Зачеркнуто: Какъ сладко вѣтерка порханье надъ водой.

⁶⁾ Тетрадь № 12, л. 25.

⁷⁾ Зачеркнуто: тихо.

⁸⁾ Тетрадь № 12, л. 25.

⁹⁾ Тамъ же, л. 25 обор.

¹⁰⁾ *Вар.*: ликъ на дремящихъ водахъ.

¹¹⁾ Тетр. № 12 л. 25 обор.

¹²⁾ Тамъ же, л. 26.

13-ой. Почто, мой Лизидасъ, съ тобой я разлученъ?

Ужели никогда не зрѣть соединенья?

Увы! намъ разный путь судьбою проложенъ! ¹⁾

16-ой. Одинъ—поблещій цвѣтъ—почиеть безпробудно ²⁾

(*Var.* Почиль безъ пробужденья)

И скорбная любовь надъ урною простой

Сидить съ поникшей головою

(Зачеркнуто: Терзалась прахъ лобзаеть милой) ³⁾

Сравнительно съ позднѣйшими передѣлками, первая редакція строфъ элегіи „Вечеръ“ проще, наивнѣе и ближе къ обстановкѣ дѣйствительной жизни поэта въ 1806 г., образы и впечатлѣнія которой были въ этомъ случаѣ исходнымъ пунктомъ его творчества. Исправленія вносятъ извѣстную искусственность языка, стираютъ колоритъ мѣстности; напримѣръ, строфа 9-ая (Какъ нѣжно зыблется у берега тростниги, и проч.) въ позднѣйшемъ текстѣ получила такой видъ:

Чуть слышно надъ ручьемъ колыхнется тростниги;

Гласъ *пытела* вдали уснувши будить селы;

Въ травѣ коростеля я слышу дивнй крикъ,

Въ лѣсу стенавѣ *Филомелы*.

Въ заключеніи—вмѣсто: „съ пастушкой унылой придетъ сюда пастухъ“, читаемъ:

Ахъ, скоро, можетъ быть, съ Минваною унылой

Придетъ сюда Альпингъ...

Особенно жаль, что Жуковский пожелалъ замѣнить, въ 6-ой строфѣ, реальные золотые кресты и главы Бѣлевскихъ церквей, озаренные заходящимъ солнцемъ, какими-то „башнями“: картина только проиграла, ставши изъ мѣстно-красочной какою-то отвлеченно-неопредѣленною.

Иныя изъ позднѣйшихъ передѣлокъ стремятся приблизить элегію къ обстоятельствамъ послѣдующей жизни поэта; такъ, въ 1806 г. онъ считаетъ своимъ назначеніемъ „жить и цѣть“ ⁴⁾ безопасность и поля, друзей и рощи,—позднѣе же горизонтъ его творчества раздвигается:

Мнѣ рокъ судиль,—говорить онъ,—

Творца, друзей, любовь и часть воспѣвать.

¹⁾ Тетрадь № 12, л. 25 обор.

²⁾ Вмѣсто зачеркнутаго: Увы, одинъ увядъ, опавшій цвѣтъ, и вять уже могилкой (*вар.* землею).

³⁾ Тетр. № 12, л. 24.

⁴⁾ Бумаги Жуковского, тетр. № 12, л. 27.

XL.

Июнь, июль и августъ 1806 года оказались бесплодны для творчества Жуковского,—по крайней мѣрѣ, къ этимъ мѣсяцамъ тетрадь № 13 не относитъ ни одного стихотворенія.

Съ сентября творчество нашего поэта пробуждается съ новою силой.

Къ сентябрю, безъ обозначенія числа, въ списокѣ стихотвореній нашего поэта, помѣщенномъ въ тетради № 13 и приведенномъ выше (см. въ гл. XXXVI), отнесены стихи *Къ Эдвину*, съ отмѣткою, что это—переводъ.

Оригиналъ мнѣ пока неизвѣстенъ.

Рукописный текстъ (№ 13, обор. лл. 24—25; № 14, л. 11 обор.; № 15, л. 60 обор.) представляетъ лишь очень немногія отличія отъ печатнаго: 1) О юноша! *стши...* 2) толпой прелестныхъ... 3) въ печали увядать... 4) Сей *радостный удѣлъ*, сей даръ не для меня... 5) *изгладь* воспоминанье...

Впервые напечатано въ Вѣстникѣ Европы 1807 года, № 5, стр. 45—46.

28-мъ сентября помѣченъ (тетр. № 13, л. 54 обор.) „Отрывокъ изъ Д. диэирамба“ — напечатанный въ „Вѣстникѣ Европы“ 1807 г. № 4, стр. 261—262, подъ заглавіемъ „Отрывокъ изъ Делилева Диэирамба на безсмертіе души“.

Подлинникъ носитъ названіе: „Dithyrambe sur l'immortalité de l'ame“ ¹⁾; это—гимнъ, написанный Делилемъ въ 24 часа, по настояніямъ Робеспьера, которому нужна была ода для праздника въ честь Высшаго Существа, но не подошедшій впрочемъ къ цѣли, для какой назначался ²⁾. Жакъ Делиль (1738—1813), французскій поэтъ, членъ французской академіи, профессоръ латинской поэзіи въ Collège de France, авторъ поэмъ „Les Jardins, ou l'art d'embellir les paysages“ (1782 г.), „L'Homme des champs ou les Géorgiques françaises“ (1800), „La Pitié“ (1803) и др., былъ очень цѣнимъ въ свое время; это былъ послѣдователь Томсона на французской почвѣ ³⁾; поэмы Делиля отличаются аффектаціей стиля, отсутствіемъ жизни, сухою холодною ри-

¹⁾ Oeuvres de Jacques Delille, Dithyrambe sur l'immortalité de l'ame, Paris, 1802.

²⁾ Ersch u. Gruber, Allgemeine Encyklopaedie der Wissenschaften, I, 23, стр. 374.

³⁾ D. Mornet, Le sentiment de la nature de J. J. Rousseau à Bern. de St.-Pierre, P. 1907.

торикой, условностью, однако онѣ обнаруживаютъ большое искусство версификаціи и въ деталяхъ не лишены поэтическихъ достоинствъ,— онѣ подходили ко вкусу времени, чѣмъ и обусловливался ихъ успѣхъ.

Русской публикѣ Делиль сдѣлался хорошо извѣстенъ. Карамзинъ ставилъ его очень высоко и много изъ него заимствовалъ ¹⁾; его стихотвореніе „Меланхолія“ (Вѣстн. Евр. 1802 г. № 1, стр. 53—54)—подражаніе Делилю. „Сады“ Делиля явились въ русскомъ переводѣ уже въ 1801 г.: „Стихотворенія Петра Карабанова нравственныя, лирическія и пр., съ присовокупленіемъ поэмы о Садахъ г. Делиля“. С.-Пб. 1801 (2-ое изд. М. 1812). Позднѣе явилось еще два перевода: 1) Сады въ IV пѣсняхъ, соч. г. Делиля, перев. съ франц. стихами Александръ Палицынъ. Харьковъ 1814, 2) Сады или искусство украшать сельскіе виды, соч. Делиля, перевелъ Александръ Воейковъ. С.-Пб. 1816. Переведены были и его „Георгики“: „Сельскій житель, или Георгики французскія“, соч. г. Делиля, перев. съ франц. Евстафій Станевичъ, М. 1804 (Журн. Росс. Слов. I, 230). Павелъ Львовъ помѣстилъ въ „Новостяхъ русской литературы“ за 1802 г. (ч. I, стр. 33—36) отрывокъ изъ поэмы Делиля „Воображеніе“ (L'Imagination) подъ заглавіемъ „Цвѣты Меланхоліи“ (въ прозѣ).

Отрывки изъ „Диѳирамба на безсмертіе души“ ранѣе перевода Жуковскаго уже дважды являлись на страницахъ карамзинскаго Вѣстника Европы: 1) А. Лабзинъ, Безсмертіе, подражаніе г-ну Делилю (Вѣстн. Евр. 1802, ч. VI, № 23, стр. 211—212: Въ непоколебимомъ чертогѣ, На твердыхъ вѣчности столпахъ, *Безсмертіе*, покоясь въ Богѣ и проч.); 2) Ю. Н(елединскій)-М(елецкій), Отрывокъ Делилева Диѳирамба на безсмертіе (Вѣстн. Евр. 1803 г., ч. VIII, № 5, стр. 43: Въ странѣ, гдѣ чуждо разрушеніе—На вѣчности утверждено...). Въ слѣдующемъ году Диѳирамбъ появился въ двухъ полныхъ переводахъ: 1) Диѳирамбъ на безсмертіе души, соч. г. Делиля, перев. съ франц. стихами А. Лабзинъ, С.-Пб. 1804; 2) Диѳирамбъ на безсмертіе души, соч. г. Делиля, перев. съ франц. А. Палицынъ М. 1804. Позднѣе явилось еще два перевода: 1) Безсмертіе души, диѳирамбъ, соч. Делиля, перев. съ франц. Александръ Писаревъ. М. 1820; 2) Диѳирамбъ на безсмертіе души, изъ соч. Делиля, пер. Александръ Склабовскій. Харьковъ 1821.

Потокъ увлеченія Делилемъ захватилъ и Жуковскаго. Ранѣе мы

¹⁾ В. В. Сиповскій, Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскихъ путеш.“, стр. 358 и др.

отмѣтили вліяніе на нашего поэта Делилевскаго перевода оды Сапфо. Въ настоящее время встрѣчаемъ у Жуковскаго переводъ отрывка изъ собственнаго произведенія Делиля.

Что обратило вниманіе Жуковскаго на Дионирамбъ Делиля? Идея о безсмертіи души очень занимала нашего поэта, какъ занимала она и его пансіонскаго товарища С. Е. Родзянку (см. выше, въ гл. XXVIII его рѣчь „О безсмертіи души“). Въ своихъ произведеніяхъ Жуковскій рѣшилъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ:

Передъ тобой отверсть безсмертья вѣчный храмъ;
Могила—гѣ вѣчной жизни путь,—

говоритъ онъ въ заключеніи своей оды „Человѣкъ“ (1801 г.), — повторяя взглядъ, распространенный въ средѣ, подъ вліяніемъ которой находился тогда Жуковский ¹⁾; стих. „Къ моей лирѣ“ (1803 г.) онъ заканчиваетъ намекомъ на ту же идею:

Когда жь придетъ намъ разставаться,
Не будемъ слезъ мы проливать;
Недолго на землѣ скитаться:
Друзья! увидимся опять.

Мы много разъ встрѣтимся съ этой мыслью у Жуковскаго впоследствии. На ней останавливался онъ свою серьезную думу, стараясь укоренить въ своихъ чувствахъ эту идею; въ дневникѣ подъ 17 іюля 1805 г. онъ записалъ: „Я смотрѣлъ на небо съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ: воображалъ *безсмертіе!* Какъ тотъ счастливъ, кто всегда имѣетъ передъ собою сію великую идею, кто нашелъ ее душею, въ комъ она запечатлѣлась неизгладимо! Сія увѣренность въ тлѣнности земныхъ вещей не есть ли тайное врожденное въ человѣка доказательство безсмертія?... Кто можетъ быть несчастливъ, вѣря безсмертію? Что онъ теряетъ въ жизни, которая сама ничто, которой потерю должно радоваться, потому что она приближаетъ насъ къ нашей великой цѣли! Какая судьба! Безсмертіе, вѣчное, радостное бытіе, котораго подобіе находимъ здѣсь въ духовныхъ наслажденіяхъ! Чтожъ насъ дѣлаетъ способными наслаждаться безсмертіемъ, какъ не сія привычка, здѣсь, въ этой жизни, къ мыслямъ, къ чувствамъ благороднымъ: они образуютъ душу, возвышаютъ ее и предають безсмертію въ новомъ, прелестномъ видѣ. *Ахъ, если бы это чувство укоренилось въ души моей!* Какъ бы всѣ несчастія были передо мною

¹⁾ См. гл. IX моихъ Разыск. о сочиненіяхъ Жуковскаго, отд. отт. стр. 147—148, 167.

слабы! Можетъ ли быть то ложно, что такъ возвышаетъ душу, и можетъ ли та душа быть не безсмертна, которая такъ можетъ возвышаться! Я начинаю больше мыслить, слѣдственно дѣлаюсь способнѣе къ своему усовершенствованію, способнѣе быть счастливымъ и здѣсь и тамъ. Тамъ,—какое слово, что подъ нимъ заключается! У меня на глазахъ слезы отъ сего слова! Друзья, надежды, радости, блаженство—все тамъ! О, великое Существо, великое Существо, значившее человѣка быть безсмертнымъ!“¹⁾

При такомъ настроеніи Диепрамбъ Делиля не могъ не приковать къ себѣ вниманія Жуковскаго. Онъ остановился на тѣхъ строфахъ его, въ которыхъ съ наибольшою яркостью формулируется мысль о безсмертіи, и, зная о существованіи уже двухъ переводовъ этого отрывка—Лабзина и Н.-Мелецкаго—вступилъ съ ними какъ бы въ соревнованіе,—но едва ли впрочемъ побѣдилъ: по формѣ строфъ переводъ Жуковскаго почти тождественъ оригиналу, онъ лучше по стиху, но передаетъ подлинникъ не ближе, чѣмъ переводы Лабзина и особенно Н.-Мелецкаго.

У Делиля читаемъ (стр. 26—27):

Dans sa demeure inébranlable,
Assise sur l'éternité,
La tranquille Immortalité,
Propice au bon, et terrible au coupable,
Du Temps qui sous ses yeux marche à pas de Géant,
Défend l'ami de la justice,
Et ravit à l'espoir du vice
L'asile horrible du néant.
Oui, vous qui de l'Olympe usurpant le tonnerre,
Des éternelles lois renversez les autels;
Lâches oppresseurs de la terre!
Tremblez!... vous êtes immortels!
Et vous, vous, du malheur victimes passagères,
Sur qui veillent d'un Dieu les regards paternels,
Voyageurs d'un moment aux terres étrangères:
Consolez-vous!.. vous êtes immortels! *)

¹⁾ Дневники Жуковскаго съ примѣч. И. А. Бычкова, стр. 21—22.

^{*)} Переводъ А. Лабзина:

Въ непоколебимомъ чертогѣ,
На твердыхъ вѣчности столпахъ,
Безсмертіе, покоясь въ Богѣ,
Отрада добрыхъ, злобныхъ страхъ,
Зреть время въ дерзостномъ полетѣ

Неправды сѣюще на свѣтѣ,
И прекращаетъ бѣдство то:
Невиннаго подъ кровъ приемлетъ
И у порочнаго отъемлетъ
Его надежду на ничто.

Жуковский въ своемъ переводѣ, передавая французское слово *le Temps* (время) собственнымъ именемъ „Кронъ“, руководился своими реминисценціями изъ области классической мифологіи,—дисциплины въ то время въ высшей степени популярной¹⁾; по установившимся тогда представленіямъ, Кронось или Хронось—то же, что Сатурнь, а Сатурнь рисовался обыкновенно въ образѣ старца, согбеннаго подъ тяжестью годовъ, съ косою въ рукѣ, что обозначало его власть надъ временемъ²⁾.

Далѣе, однако, нашъ поэтъ не пожелалъ оставаться на почвѣ мифологическихъ аллегорій стила, и „*le tonnerre de l'Olympe*“ перевелъ „молніей Вѣчнаго“.

Сильный выпадъ Делиля, повидимому, противъ дѣятелей революціи: *Vous qui des éternelles loix renversez les autels*—Жуковский смяг-

О вы, что громъ, какъ будто боги,
Поправъ законовъ вѣчныхъ власть,
Въ насъ мечете, и, въ казняхъ строги,
Жизнь превращаете въ напасть!
Губители земли злосердны!

Вострепещите: вы *безсмертны!*
И ты, о жертва злой мечты!
Страны чужой минутный житель,
Надъ коимъ бдѣть міровъ Зяждитель,
Возрадуйся: *безсмертенъ* ты!

Переводъ Нелединскаго-Мелецкаго:

Въ странѣ, гдѣ чуждо разрушенье—
На вѣчности утверждено,
Средь мирной тишины въ себѣ погружено,
Безсмертіе, злымъ казнь, а добрымъ утѣшенье,
Гигантскій время бѣгъ, свершаемый предъ нимъ,
Отъ правыхъ сердцемъ отклоняетъ;
А изверга надеждъ возбраняетъ,
Ничтожность страшную спасеньемъ чтить своимъ.
Такъ, грома вышняго ты, дерзкій похититель,
Низвергшии олтари предвѣчной Правоты!
Презрѣнный міра притѣснитель!
Дрожь!— безсмертенъ ты!
А вы, игралица, на время, лютой доли,
Чьи взоромъ отческимъ Господь блюдетъ главы,
Мгновенны странники въ безвѣстной слезѣ юдоли!
Утѣшьтеся! безсмертны вы!

¹⁾ Въ Росписи библіотеки А. Смирдина, С.-Пб., 1828, стр. 225—226, отмѣчено въ рубрикѣ „Мифологія“ двадцать сочиненій по этому предмету, на русскомъ языкѣ, явившихся въ теченіе 1767—1820 годовъ.

²⁾ *Saturne étoit communément représenté comme un vieillard courbé sous le poids des années, tenant une faux à la main, pour marquer qu'il préside au temps* (*D. E. Choffin*, Dictionnaire abrégé de la Fable, ou de la Mythologie, Halle, 1775, стр. 82, 92, 370).

чая, ослабляя свой подлинникъ (что часто, какъ знаемъ, случалось съ нашимъ поэтомъ), превратилъ въ стихъ: „О ты, кичащійся надъ скорбной *правотой*“, взявъ это послѣднее слово у Н.-Мелецкаго и не остановившись передъ полнымъ извращеніемъ смысла стиха,— можетъ быть, и не сознательнымъ, если онъ иначе понималъ слова Делиля.

Послѣдніе четыре стиха Делиля (*Et vous, du malheur victimes rassagères, etc.*) имѣютъ въ виду, повидимому, жертвы революціи, эмигрантовъ; Жуковский и въ этомъ случаѣ отступилъ отъ своего оригинала, далъ строфѣ иной смыслъ,—у него даже упоминается „жертва *мирная*“.

Во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Жуковскаго, кончая изданіемъ, редактированнымъ А. С. Архангельскимъ, стихотвореніе это печатали, воспроизводя текстъ, данный въ Вѣстникѣ Европы 1807 г. Между тѣмъ тетрадь Жуковскаго № 13 заключаетъ въ себѣ нѣсколько поправокъ, сдѣланныхъ рукой самого поэта, и въ этомъ исправленномъ видѣ стихотвореніе читается такъ:

На лонѣ вѣчности безколновной,
 Въ непозрачаемыхъ лучахъ,
 Безсмертіе, порока страхъ
 И щитъ невинности гонимой, безпокровной,
 Отъ Крона, грознаго рушителя міровъ,
 Добра подвижниковъ спасаетъ,
 И преступленье исторгаетъ
 Изъ тьмы небытія, изъ пристани гробовъ!
 Такъ, молній Вѣчнаго надменный похититель,
 О ты, кичащійся надъ скорбной правотой,
 Земли ничтожный утѣснитель!
 Страхись: безсмертье жребій твой.
 А ты отъ сладостной отчизны отлученный,
 О жертва мирная, минутный гость земной,
 Всевышняго Отца рукою огражденный,
 Страдалецъ, ободрись: безсмертье жребій твой.

Въ тетради Жуковскаго № 14 (л. 21) сохранился текстъ этого стихотворенія, продолженный еще одиннадцатью строками, которыя въ печати не появлялись ¹⁾, отброшенные самимъ поэтомъ:

И кто не оживленъ симъ сладкимъ ожиданьемъ?
 Сомнѣнемъ зыблемый, живимый упованьемъ,
 Въ обитель смерти человекъ

¹⁾ Напечатаны лишь въ 1902 г.: *Графъ Н. А. Бревернъ-де-ла-Гарди*, Два неизданныхъ стихотворенія Жуковскаго (Русск. Стар., 1902 г., апрѣль, стр. 136).

Приводить смѣлую надежду за собою
 Отъ тьмы небытія спасти свой краткій вѣкъ.
 На пеллѣ гробовомъ, съ заоблачной главою,
 Превознесенный мавзольей
 Къ престолу Вѣчнаго изъ праха восхищаетъ
 Кичливую мечту надменныхъ сихъ костей!
 На брѣнности гробовъ онъ слѣдъ свой сохраняетъ
 И ахъ! ничтожество свое!..

Это — пересказъ слѣдующихъ за приведенными выше строкъ Деллиа:

Eh! quel coeur ne se livre à ce besoin suprême?
 L'homme, agité d'espérance et d'effroi,
 Apporte ce besoin d'exister après soi.
 Dans l'asile du trépas même,
 Un sépulcre à ses pieds, et le front dans les cieux,
 La pyramide qui s'élançe,
 Jusqu'au trône éternel va porter l'espérance
 De ce cadavre ambitieux.
 Sur l'airain périssable il grave sa mémoire,
 Hélas! et sa fragilité...

XLI.

Датой: сентября 28-го—октября 10-го помѣчено въ тетради № 13 (л. 25 обор. и слѣд.) начало обширной оды Жуковскаго „Бардъ надъ гробомъ падшихъ славянъ“ (до стиха: „Почійте! мирный сонъ, о братья, о герои!“). Стихотвореніе полностью было напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“ 1806 г., декабрь, № 24, стр. 266 — 280, подъ заглавіемъ: „Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей“ съ помѣткой: Бѣлевъ, 15-го ноября. Такимъ образомъ, это прославившее имя Жуковскаго произведеніе возникло въ промежутокъ времени между 28-мъ сентября и 15-мъ ноября 1806 года.

Въ 1805 — 1806 г.г. Жуковскій былъ въ довольно оживленной перепискѣ съ И. И. Дмитріевымъ ¹⁾. Мы уже говорили ²⁾ о вліяніи послѣдняго на творчество нашего поэта: „Вы мой учитель въ поэзіи, — писалъ Жуковскій Дмитріеву 11-го февраля 1823 г. — Не назову себя Вашимъ достойнымъ ученикомъ, но имѣю право благодарить Васъ за то, что Вы способствовали мнѣ познакомиться съ живыми наслажде-

¹⁾ Извѣстно семь отвѣтныхъ писемъ Дмитріева за это время (Соч. И. И. Дмитр., ред. А. А. Флоридова, т. II, стр. 193—207).

²⁾ Мои „Разысканія о соч. Жуков.“, гл. I, отд. отт., стр. 10—11.

ніями поезіи...“¹⁾ Въ одномъ изъ писемъ 1806 г. Дмитріевъ писалъ Жуковскому: „Скажите лучше, когда Вы возвратитесь въ Москву, скоро ли мы увидимъ что-нибудь Вашего произведенія, не зародился ли какой-нибудь внучекъ Марыи Посадницы?“²⁾ Но я лучше бы желалъ увидѣть колдунью въ Марьиной Рощѣ, или въ родѣ идилліи возвращающагося со службы воина въ свою отчизну, или *барда на полѣ битвы послѣ ночного сраженія*, или оду: пѣснопѣвецъ, или четыре время дня, но мало ли что приходитъ въ голову на досугъ!“³⁾ Отсюда видно, что тема, литературная рамка „Барда надъ гробомъ падшихъ славянъ“ внушена Жуковскому И. И. Дмитріевымъ.

Принятіе этой темы Жуковскимъ было обусловлено „военными обстоятельствами того времени“, какъ выразился впоследствии нашъ поэтъ⁴⁾. Обстоятельства эти были таковы: ⁵⁾ Въ мартѣ — апрѣлѣ 1805 г. возникла коалиція Австріи, Россіи и Англіи противъ Наполеона. Австрія начала войну; императоръ Александръ I послалъ вспомогательную армію подъ командою Кутузова, а затѣмъ и самъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій. Наполеонъ быстро и рѣшительно двинулся въ Австрію и одержалъ побѣду прежде, чѣмъ успѣли придти на помощь союзники. Кутузовъ долженъ былъ идти назадъ; Багратионъ и Милорадовичъ прикрывали отступление. Наполеонъ воспользовался вслѣдъ за русской арміей; 30-го октября произошелъ горячій бой у Кремса, продолжавшійся цѣлый день и окончившійся отступленіемъ французовъ; героемъ событія былъ Милорадовичъ; Наполеонъ назвалъ этотъ день днемъ рѣзни (*cette journée a été une journée de massacre*); императоръ Александръ въ рескриптѣ Кутузову писалъ: „Сраженіе при Кремсѣ есть новый вѣнецъ славы для російскаго войска“... У Шенграбена былъ новый бой: небольшой отрядъ Багратиона, который самъ главнокомандующій считалъ „оставленнымъ на неминуемую гибель для спасенія армія“, заслонилъ грудью путь непріятелю и отстоялъ честь и славу русскаго войска, хотя третья часть людей легла костями. Имя Багратиона стало повторяться во всѣхъ

¹⁾ Соч. Жуковскаго подъ редакц. Ефремова, издан. 7-ое (С.-Пб., 1878), т. VI, стр. 430.

²⁾ Видимо, намекъ на „Вадима Новгородскаго“.

³⁾ Соч. И. И. Дмитр., ред. Флорид., т. II, стр. 207.

⁴⁾ Стихотворенія Жуковскаго, изд. 3. С.-Пб., 1824, т. I, стр. 393, примѣчаніе къ „Пѣсни Барда“.

⁵⁾ *Богдановичъ*, Исторія царствованія Имп. Александра I и Россіи въ его время, т. II, С.-Пб., 1869. *Н. К. Шильдеръ*, Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе, т. II, С.-Пб., 1897.

концахъ Россіи; австрійцы назвали его отрядъ „геройскою дружиной“ (Heldenschaar); въ бюллетенѣ Наполеона было отмѣчено: „Русскіе гренадеры выказали неустралшимость“. Участвовавшіе въ бою полки были награждены георгіевскими знаменами; императоръ Александръ писалъ Кутузову: „Наши сражаются геройски; нельзя не восхищаться. Горжусь честью стоять во главѣ такого народа“... 20-го ноября 1805 г. разразилась извѣстная катастрофа при Аустерлицѣ, — Наполеонъ нанесъ жестокое пораженіе союзнымъ арміямъ, австрійской и русской, изъ рядовъ русской арміи вышло свыше 20 тыс. человекъ; союзная коалиція распалась; Австрія заключила миръ съ Наполеономъ, русскія войска возвратились во-свояси. Проигрышь генеральнаго сраженія, въ которомъ самъ государь принималъ личное участіе, сильно повліялъ на императора Александра; онъ, однако, остался при прежнемъ намѣреніи положить конецъ преобладанію Наполеона въ Европѣ. Императоръ, возвратясь въ Петербургъ, былъ встрѣченъ съ такимъ же сочувствіемъ, какое сопровождало его отъѣздъ въ армію; его молодыхъ сотрудниковъ величали, какъ героевъ, совершившихъ чудеса храбрости и самоотверженія; успѣхъ непріятели приписывали болѣе счастью, чѣмъ искусству, желали и ожидали новой войны съ французами; возникъ Военный Совѣтъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя и занялся выработкою операціоннаго плана на случай войны и изысканіемъ мѣръ къ скорѣйшему и удобнѣйшему формированію войскъ; для возмѣщенія потерь въ людяхъ и для образованія новыхъ полковъ сдѣлано было два воинскихъ набора; манифестъ 30-го августа 1806 г. возвѣщалъ о предстоящей войнѣ съ французами... Въ Москвѣ, рѣзко осуждая наши военныя дѣйствія, въ то же время обнаруживали ненависть и презрѣніе къ побѣдителю, котораго называли Наполеошкою, — рассказываетъ современникъ (Вигель). „Несмотря на великій постъ (1806 года), въ Москвѣ казалось шумно и весело. Въ ней только тогда побѣдителей ожидали триумфы, и князь Багратіонъ, почти единственный изъ военачальниковъ, поддержавшихъ честь русскаго оружія, пріѣхалъ въ нее за вѣнками, со множествомъ молодыхъ знатныхъ людей, подвизавшихся съ нимъ въ послѣднюю кампанію; множество праздниковъ съ похвальными куплетами ¹⁾ даны были въ честь Багратіона и его сподвижни-

¹⁾ Въ родѣ кантаты П. И. Кутузова:

Тщетны Россамъ всѣ препоны;
Храбрость есть побѣдъ залогъ;

ковъ; на одномъ изъ нихъ, въ благородномъ собраніи, самомъ блистательномъ и многолюдномъ, явилась старшая изъ трехъ дочерей князя В. А. Хованскаго, — она была одѣта какою-то воинственною дѣвой, съ каской на головѣ, вмѣсто обыкновенныхъ лентъ украшенная георгіевскими, принадлежащими гвардейскому егерскому полку, коего Багратіонъ былъ шефомъ, и своимъ прекраснымъ голосомъ прошѣла стихи во славу его“... 1).

По расторженіи коалиціи 1805 г., Россія прекратила на время борьбу, предпринятую въ защиту государствъ, угнетенныхъ Наполеономъ; рядъ германскихъ владѣтелей подпалъ подъ иго Франціи. Утомленная Германія съ тупымъ равнодушіемъ несла постыдное рабство, и среди общаго безмолвія раздался въ защиту оскорбленнаго отечества только одинъ голосъ: явилась брошюра „Deutschland in seiner tiefen Erniedrigung“, — но книгопродавецъ (Пальмъ) за ея распространеніе былъ разстрѣлянъ по повелѣнію Наполеона. Послѣдовала несчастная война Пруссіи съ Наполеономъ; прусскія военныя силы были сокрушены въ двухъ сраженіяхъ; король прусскій потерялъ армію, столицу, государство, искалъ спасенія въ отдаленнѣйшей изъ своихъ областей и поручилъ судьбу собственную и своей монархіи великодушному заступничеству императора Александра...

Событія и впечатлѣнія отъ нихъ нашли себѣ яркое выраженіе въ тогдашней нашей литературѣ 2).

По полученіи въ Москвѣ перваго извѣстія о первомъ сраженіи съ французами явились „Стихи на побѣду русскихъ надъ французами при Кремлѣ“ 3):

Побѣда! — Россы торжествуютъ!
Побѣда, первой Россювъ шагъ!
Сыны отечества ликуютъ...
Напрасно злобой воспаленный
Тиранъ мечталъ потрясть весь свѣтъ!

Есть у насъ Багратіоны:
Будутъ всѣ враги у ногъ.

(Записки Жихарева, изд. Русск. Арх., М., 1890, стр. 163).

1) Записки Вигеля, изд. Русск. Архива, ч. II (М., 1892), стр. 204.

2) Срв. А. Галаховъ, Русская патриотическая литература 1805—1812 г.г. (Филологич. Записки 1867 г., вып. I); Н. О. Дубровинъ, Наполеонъ I въ современномъ ему русскомъ обществѣ и въ русской литературѣ (Русск. Вѣстникъ, 1895 г., № 2, 4, 6, 7); Н. Е. Грунскій, Наполеонъ I въ русской художественной литературѣ (Русск. Филологич. Вѣстникъ, 1899 г.).

3) Напечат. въ Вѣсти. Европы 1805 г. № 23, стр. 238 — 240.

Улыбкой счастья обольщенный,
Онъ мнилъ: „прелонъ мнѣ больше нѣтъ:
„Уже Суворовы не встанутъ!“ —
Безумецъ! ты мечтой обманутъ!
Суворовъ въ храмъ славы спитъ,
Но тѣнь его идетъ предъ нами,
Вооруженная громами, —
И ты трепещешь, скрывъ свой стыдъ.
Но тысячи у насъ героевъ
Еще ему подобныхъ есть...
Не лезть, не злато лицемѣра, —
Любовь къ отечеству и вѣра
Побѣдоносцевъ намъ дасть...
Такъ! — Вѣра, Правота, Законы,
Дикуйте! — съ нами, съ нами Богъ!
Не потрясутся ваши троны:
Коварства сломимъ гордый рогъ. —
Европа! стряси сомнѣнья,
Возстань изъ тьмы порабоженья:
Протекъ часъ гибели твоей. —
Россъ держитъ равновѣсье міра;
И Александра порфира,
Какъ небо, свѣтитъ надъ землей.

Въ честь Багратіона, героя Шенграбена, стихи написалъ князь
Шаликовъ;

Начало:

Герой! я вижу предъ тобою
Священну Римникскаго тѣнь....
Она была твоей душою
И образцомъ въ тотъ славный день,
Когда Беллона отворила
Тебѣ златой безсмертья храмъ,
И лаврами тебя покрыла
Рукою всемогущей тамъ...

Окончаніе:

Хвала! хвала сынамъ Колхиды,
Которымъ служишь ты красой!
Они прямые Леониды,
Когда ихъ честь зоветъ на бой.
Пѣвецъ — соотчичъ твой ¹⁾ — гордится
Душевно подвигомъ твоимъ;
Молвой всемѣстной веселится
О немъ, какъ торжествомъ своимъ ²⁾...

¹⁾ И Багратіонъ и Шаликовъ были родомъ грузины.

²⁾ „Московскій Зритель“ 1806 г., № 1, январь, стр. 56 — 57.

Вѣстникъ Европы отдаеть дань неустранимости и мужеству русскихъ воиновъ: въ статьѣ „Русскіе анекдоты послѣдней войны съ французами“ приводится рядъ случаевъ доблести нашихъ офицеровъ и солдатъ, командировъ и подчиненныхъ; изображается подвигъ Багратиона у Шенграбена („Важный и трудный сей подвигъ князя Багратиона показываетъ въ немъ достойнаго ревнителя славы великаго Суворова“...), героическія дѣянія многихъ другихъ; о битвѣ при Аустерлицѣ сдѣлано такое замѣчаніе: „Каждый шагъ російскаго воина ознаменованъ геройствомъ. Гвардейскіе офицеры, примѣрнымъ мужествомъ своимъ одушевляя солдатъ, на каждомъ шагу боролись со смертью, и славно преодолевали ее“¹⁾...

На другой день послѣ Аустерлицкаго сраженія императоръ австрійскій просилъ Александра I дозволить ему заключить миръ.

— Дѣлайте, что хотите, — отвѣчалъ Александръ, — только не вмѣшивайте меня ни подъ какимъ видомъ.

Этотъ отвѣтъ вполне удовлетворялъ нашей народной гордости, и „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (1806 г. № 7, стр. 60) торопились заявить, что русскій царь не принималъ участія даже въ переговорахъ о заключеніи перемирія. — „Французскій адъютантъ Савари, присланный въ російскую главную квартиру, не былъ допущенъ до Его Величества и долженъ былъ возвратиться безъ всякаго успѣха“²⁾.

При извѣстіи о пораженіи подъ Аустерлицемъ Москва сперва приуныла, — но затѣмъ „вдругъ перешли въ такой куражъ, что Боже упаси! Сами не свои и чертъ намъ не брать!“³⁾ Современникъ-москвичъ разсуждаетъ: „Конечно, потеря не малая въ людяхъ; но народу хватить у насъ не на одного Бонапарте, какъ говорятъ нѣкоторые бородачи-купцы, и не сегодня, такъ завтра подавится окаянный. Впрочемъ слышно, что потеряли не столько мы, сколько нѣмцы, которые будто бы *яшася бѣгу*, тогда какъ мы грудью ихъ отстаивали“⁴⁾.

Главнначальствующій Москвы привѣтствовалъ императора и поздравлялъ съ возвращеніемъ; въ рескриптѣ А. А. Беклешову отъ 22-го декабря 1805 г. государь въ сильныхъ и милостивыхъ выраженіяхъ изъявлялъ первопрестольной столицѣ монаршее благоволеніе;

¹⁾ Вѣстн. Европы 1806 г., № 10, май, стр. 106 — 113.

²⁾ *Дубровинъ*, *op. cit.*, Р. Вѣстн. 1895 г. № 2, стр. 214 — 215.

³⁾ Записки Жихарева, стр. 112.

⁴⁾ Тамъ же.

рескриптъ былъ принятъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ ¹⁾. „По случаю этого рескрипта, — рассказываетъ тотъ же современникъ, — всѣ наши записные стихотворцы пріударили въ перья; и графъ Хвостовъ, и Кутузовъ и пр., чиновные и нечиновные, корпятъ надъ виршами, и говорятъ, что не далѣе какъ завтра постигнетъ насъ настоящее стиховное наводненіе“ ²⁾... Черезъ недѣлю онъ же пишетъ: „Истинная правда: настоящее стиховное наводненіе. У кого только я ни былъ, у всѣхъ находилъ въ разныхъ видахъ и размѣрахъ оды по случаю полученія всемилостивѣйшаго рескрипта“... ³⁾ Александра I называли Титомъ, Маркомъ-Авреліемъ, Антониномъ, Ангеломъ на тронѣ.

Появился рядъ стихотвореній, статей и брошюръ, осуждавшихъ главу Франціи ⁴⁾. Послѣ Пресбургскаго мира (декабрь 1805 г.) Наполеона, по пріѣздѣ въ Парижъ, президентъ французскаго сената просилъ, отъ лица народа и войска, принять названіе *великаго* ⁵⁾. Какъ бы въ отвѣтъ, В. Вельяминовъ-Зерновъ, въ своей *Одѣ на войну* пишетъ:

Тому-ль великимъ называться,
Кто кровью любитъ упиваться,
Похитивъ власть изъ рукъ царей? —
Кому стоишь, слезы — утѣшенье;
Кому законъ — страстямъ служенье:
Тотъ и въ величествѣ — злодѣй!..
Царь долженъ быть великодушень,
Для царства забывать покой,
Законамъ, истинѣ послушенъ —
Сіять лишь благостью одной! ⁶⁾...

„Общество чуяло, что на западѣ Европы собираются грозныя тучи, которыя скоро разразятся и надъ Россіей. Въ прозѣ и въ стихахъ являлись возванія къ бдительности за врагами нашего отечества; воинственныя пѣсни напоминали русскимъ ихъ прежнія побѣдоносныя войны съ иноплеменниками. Въ этомъ смыслѣ особенно подвизался въ Москвѣ «Вѣстникъ Европы» своими политическими стать-

¹⁾ *Дубровинъ*, тамъ же, Р. Вѣстн. 1895 г. № 2, стр. 226 — 227.

²⁾ Записки Жихарева, стр. 121 (подъ 28-мъ декабря 1805 г.).

³⁾ Тамъ же, стр. 227.

⁴⁾ Многія изъ нихъ названы въ ст. Галахова (Филол. Записки 1867 г. вып. I, стр. 9); срв. Роспись Россійск. книгамъ для чтенія изъ бібліотеки А. Смирдина, Спб. 1828, № 2230 и слѣд.

⁵⁾ Вѣстникъ Евр., 1806 г., мартъ, № 5, „Извѣстія и зам.“, стр. 77 — 78.

⁶⁾ Вѣстн. Евр. 1806 г., окт., № 21, стр. 31.

ями“¹⁾. Такъ въ декабрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ 1805 г., № 23, было помѣщено извлеченіе изъ англійскихъ газетъ подъ заглавіемъ „*Хищенія Наполеоновы*“, — обличалась политика Наполеона относительно Италіи, Швейцаріи, Голландіи: „Чего опасались Государства Европейскія, то самое было предметомъ честолюбія для новаго властелина Франціи“...²⁾ Въ февральской книжкѣ того же журнала за 1806 г. *Извѣстія и замѣчанія* начинались такимъ образомъ: „Пускай раболѣпные поклонники Наполеоновы воздвигаютъ памятники, долженствующіе возвѣстить потомству о моральномъ и политическомъ униженіи; пускай російско-англійскія войска оставляютъ Италію... пускай власть Наполеона надъ слабыми сосѣдами еще болѣе увеличится: но все не должно отчаеваться о спасеніи Европы“...³⁾ Въ іюльской книжкѣ того же года, въ статьѣ *О состояніи политическихъ дѣлъ Европы въ продолженіе 1805 года и первыхъ трехъ мѣсяцевъ нынѣшняго* читаемъ такія фразы: „Бонапарте не хочетъ сражаться, не желаетъ побѣды; ему нужно только управлять и владствовать! Сдѣлавшись императоромъ, королемъ, законодателемъ, похитителемъ чужихъ областей, онъ раздастъ короны, и при всемъ томъ увѣренъ, что не вводитъ никакихъ новостей!.. Какъ согласить такія противности, такія затѣи, одна другой не соответствующія? Система правильная приличествуетъ государямъ, которыхъ власть основана на гармоніи общей политики; но счастливый похититель, бичъ народовъ, дѣйствуетъ по системѣ разрушительной“...⁴⁾ Въ переводной (съ нѣмец.) статьѣ *Изображеніе новой политики*: „Нѣтъ никакихъ законовъ справедливости; нѣтъ права обладанія собственностію, сего права, освященнаго рядомъ столѣтій; одно сильное слово рѣшитъ все. Уже около пятидесяти независимыхъ областей лишены бытія политическаго..., между тѣмъ какъ самыя малыя изъ сихъ независимыхъ областей, разоренныхъ подобно муравейникамъ, можетъ быть, изобилуютъ историческими чертами геройства и гражданскихъ добродѣтелей“...⁵⁾

Въ стихотвореніи А. Ѳ. Мерзлякова „*Торжество Александрово, или сила музыки*“, — кантата Драйдена въ честь св. Цециліи, переложенная съ наблюденіемъ мѣры подлинника“ — встрѣчаемъ такіе призывы:

¹⁾ *Зейдлицъ*, Жизнь и поэзія Жуковского, стр. 28.

²⁾ Вѣстн. Евр. 1805 г., № 23, стр. 247 и слѣд.

³⁾ Вѣстн. Евр. 1806 г. № 4, стр. 311 и слѣд.

⁴⁾ Вѣстн. Евр. 1806 г., № 14, стр. 128.

⁵⁾ Тамъ же, № 21 (ноябрь), стр. 69.

Раздайся, лиры звукъ, промчись!
Сильнѣй, еще сильнѣй, какъ бурный вихрь, кручись!
Перви ничтожны сна оковы!—
Возстань! возстань, Герой, на подвигъ славы новый!
И се въ ужасный часъ
Онъ внемлетъ грома гласъ!..
Отмсти, отмсти, отмсти! повсюду вопіють, —
Фуріи грозно бѣгутъ!...
Зри: тѣни блѣдны въ облакахъ!—
Перуны въ ихъ рукахъ! —
Кто вы? не души ли героевъ убиенныхъ
На полѣ битвы злой?..
Тамъ трупы ихъ забвенны
Лежать въ крови густой,
И просятъ погребенья!—
Я слышу страшный гласъ:
Мщенья! мщенья! Мщенья!
Возьмите стыдъ отъ насъ!... ¹⁾

Манифестъ 30-го августа 1806 г., въ которомъ императоръ Александръ предупреждалъ своихъ подданныхъ о возможности войны съ Франціею, вызвалъ стихи, выражавшіе радость по поводу твердости Государя и готовность на всякое пожертвованіе и самоотверженіе:

Твоей благой покорны волѣ,
За честь отечества, твою,
Мы всѣ готовы въ ратномъ полѣ
Геройски кончить жизнь свою... ²⁾

Объявленіе войны Наполеону вызвало со стороны А. Воейкова такое энергическое обращеніе:

Къ мечамъ! настало время славы!
Сыны отечества, къ мечамъ!—
Орлы! летимъ на бой кровавый,
Навстрѣчу пулямъ и смертямъ!
На насъ монарховъ, царствъ Европы
Вниманіе обращено....
Что смерть?—мгновеніе одно,
Котораго трепещетъ слабый;
Для храбрыхъ жизнь и честь равно;
Прекрасно умереть въ сраженьѣ!
Смерть за Отечество сладка!.. ³⁾

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1806 г., № 4, стр. 277—278.

²⁾ Ода на случай высочайшаго манифеста 30-го августа 1806 года, Москва, Университет. Типографія. Цитирую по ст. *Дубровина*, Наполеонъ I въ соврем. ему русс. общ. и литературѣ (Рус. Вѣст. 1895 г., № 4, стр. 226).

³⁾ Тамъ же, 1807 г., № 2, стр. 120 („Къ моимъ согражданамъ“).

Карамзинъ влагаетъ въ уста воиновъ такую пѣснь:

Гремитъ, гремитъ священный гласъ
Отечества, Закона, Славы!
Сыны Россійскія державы!
Насталъ великодушныхъ часъ;
Онъ нашъ!.. Друзья! вооружимся,
Съ врагомъ отечества сразимся;
Ударимъ мощною рукой,
Какъ дѣти грознаго Борея,
И міру возвратимъ повою,
Низвергнувъ общаго злодѣя!...

.... Друзья! впередъ!

Гремите звучными щитами,
Сверкайте свѣтлыми мечами
И пойте древній гимнъ побѣды!
Герои въ старости маститой,
Дѣлами, саномъ знаменитой!
Ведите юношъ Славы въ храмъ!
Достойный олтарею служитель!
Кури священный еиміамъ;
Молись... Россъ будетъ побѣдитель! ¹⁾

Поэты обращались къ русскому обществу съ стихотвореніями, призывавшими ко всеобщему ополченію противъ Наполеона:

Возстань, народъ, царемъ любимый,
И жизнь готовъ отчизнѣ въ дань!
Идетъ врагъ, алчностью водимый,
Неся съ собою кроваву брань....
Возстань, къ побѣдамъ Россъ рожденной!
Надежду оправдай вселенной
И царствамъ возврати покой...
На гласъ царя мы соберемся,
Исторгнемъ мечъ, стѣной сомкнемся,
Ударимъ—сокрушимъ колоссъ!
Намъ Александръ примѣръ средь бою—
Отецъ отечества! съ тобою
Держать на все усердный Россъ. ²⁾

Или:

Звучь браней всюду раздается!
Труба военная гремитъ;
Строптивый врагъ на насъ несется,

¹⁾ *Карамзинъ*, Пѣснь воиновъ, сочинена въ 1806 г. (*Венгеровъ*, Русская поэзія, вып. VII, С.-Пб. 1901, стр. 131).

²⁾ Стих. „Къ русскимъ“ (Подпись: Н. Н. Петербургъ). Вѣстн. Евр. 1806 г., декабрь, № 23, стр. 181—183.

Предъ нимъ ужасна смерть летить.—
Возстаньте чада громкой славы,
Возстаньте, Россы величавы!
Уже врагъ въ гордости своей
Судьбами царствъ располагаетъ,
Свободѣ вашей угрожаетъ!
Тебѣ ли, Россѣ, разстаться съ ней?...
Васъ царь къ защитѣ призываетъ,
Зоветь отечество спасать;
Онъ вашей длани поручаетъ
Враговъ вселенной поражать...
Оружье грозно принимайте
И славу чистую вкушайте
За отчество пролить всю кровь!.. ¹⁾

По поводу назначенія графа Каменскаго главнокомандующимъ русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Наполеона, престарѣлый Державинъ выпустилъ оду „На отправленіе въ армію фельдмаршала гр. Каменскаго“:

Взлетѣлъ маститый Орелъ,— парить,
Ширяется междѣ звѣздъ крылами,
Свистъ бурь, блескъ молній подѣ когтями,
И змѣй во мглѣ клубясь шипить.
Оставшій мечъ Екатерины,
Булатъ, обдержанный въ бояхъ, —
Каменскій, ты полеи орлины
Ведешь на брань,—и Галлу страхъ!
Иди! Иди! Предходить Богъ
Передъ хоругвью Александра.... ²⁾

Военно-политическія событія времени нашли свое отраженіе въ трагедіи Озерова „Дмитрій Донской“, которая писалась въ 1806 г., а представлена была впервые 14-го января 1807 г. Самый сюжетъ— борьба противъ поработителя—давалъ возможность проводить параллель между прошлымъ и настоящимъ; въ посвященіи трагедіи императору Александру драматургъ самъ указываетъ: „Дмитрій, поразивъ высокоомѣрнаго Мамаю на Задонскихъ поляхъ, положилъ начало освобожденію Россіи отъ ига татарскаго; Ваше Императорское Величество возбудили мужество россиянь на защищеніе свободы Европейскихъ державъ; будущіе вѣвьи благословятъ твердость и великодушіе монарха, принявшаго оружіе для спасенія разноплеменныхъ народовъ

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1806 г., дек., № 24, стр. 280—281.

²⁾ Соч. Державина, 2-е Акад. изд., т. II, стр. 386—387.

отъ ига честолюбиваго завоевателя“... Далѣе Озеровъ высказываетъ: „Пѣвецъ Дмитрія (т. е. самъ драматургъ) завидуетъ счастью тѣхъ пѣвцовъ, кои чрезъ столѣтія, воспламенясь великими дѣяніями, воспоютъ кроткое Ваше царствованіе, славу Вашего оружія, благословеніе подвластныхъ Вамъ народовъ“... Повидимому, Озеровъ и самъ пытался сдѣлать это же самое—и вотъ причина, почему патриотическія тирады его трагедіи нашли такой живой откликъ въ патриотически настроенныхъ текущими событіями зрителяхъ; конечно, только имѣя въ виду живую тогдашнюю русскую дѣйствительность, войну съ Наполеономъ, могъ авторъ закончить пьесу такою молитвою героя:

Но первый сердца долгъ къ Тебѣ, Царю Царей!
 Всѣ царства держатся десницею Твоей:
 Прославь и утверди и возвеличь Россію!
 Какъ прахъ земной, сотри враговъ кичливу выю,
 Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменикъ могъ:
 Языки, вѣдайте — великъ Россійскій Богъ!

Извѣстно, какое потрясающее впечатлѣніе произвела трагедія „Дмитрій Донской“, исполненная на сценѣ ¹⁾.

Этотъ потокъ патриотическаго подъема, такъ напряженно отразившійся въ нашей литературѣ 1806—1807 гг., не могъ, разумѣется, не увлечь и Жуковскаго: раздалась его „Пѣснь Барда надъ громомъ славянъ-побѣдителей“.

Стихи много разъ передѣлывались и исправлялись поэтомъ. Въ предлагаемомъ анализѣ я буду исходить изъ первоначальныхъ редакцій—текста рукописнаго ²⁾ и напечатаннаго въ Вѣстникѣ Европы 1806 г. (№ 24).

О содержаніи „Пѣсни барда“ современникъ выразился, что Жуковскій „подобно пѣвцу о полку Игоревѣ, въ чудесныхъ стихахъ оплакалъ падшихъ въ пораженіи Аустерлицкомъ“, и прибавилъ: „Видно въ славянской природѣ есть особенное свойство величественно и трогательно воспѣвать то, что другіе народы почитаютъ для себя унижительнымъ“ ³⁾. Біографъ же высказался такимъ образомъ: „Въ этомъ стихотвореніи Жуковскій, въ лицѣ барда, воспѣваетъ хвалу священ-

¹⁾ Записки Жихарева, 265—266, 268—271; *Дубровинъ*, Наполеонъ I въ русск. общ. и литературѣ, Русск. Вѣст. 1895 г., кн. 7, стр. 92—94; *II. Смирновскій*, Исторія русск. литературы XIX вѣка, вып. VI (С.-Пб. 1902), стр. 136—140.

²⁾ Бумаги Жуковскаго (Имп. Публ. Библ.), № 13, л. 25 обор. и слѣд., № 12, л. 28 и сл., № 14, л. 36 и сл.

³⁾ Записки Вигеля, ч. III, стр. 136—137.

нымъ защитникамъ отечества, юношамъ, погибшимъ во цвѣтъ лѣтъ, и героямъ, состарѣвшимся подъ лаврами; а затѣмъ, сдѣлавъ намеки на поражение союзныхъ войскъ въ несчастный годъ Аустерлицкой битвы и описавъ опустошеніе селъ и полей, убійства и хищенія, оскверненіе храмовъ и оскорбленіе нравовъ въ Германіи, поэтъ вызываетъ сыновъ славянъ на мщеніе. Этою пламенною пѣснью барда выражается не только благороднѣйшій патріотизмъ поэта, но и тѣ предчувствія всей Россіи, которыя должны были исполниться¹⁾.

Между бумагами Жуковского, хранящимися въ Императорской Публичной Библиотекѣ, тетрадь № 12 заключаетъ въ себѣ (л. 28 и слѣд.) любопытнѣйшіе матеріалы для исторіи созданія „Пѣсни Барда“: это черновые наброски стихотворенія. Оказывается, что, задумавъ воспѣть родныхъ героев послѣдней войны съ Наполеономъ, нашъ поэтъ съ самаго начала рѣшилъ превратить русскихъ въ отвлеченныхъ „славянъ“; для достиженія иллюзіи онъ готовился употреблять въ самомъ языкѣ предполагаемаго произведенія славянскіе архаизмы. Съ этой цѣлью онъ подбираетъ и выписываетъ „славенскія выраженія“, припоминая знакомыя слова и фразы изъ Библии, особенно изъ Псалтири, и допуская при этомъ, естественно, ошибки, видоизмѣненія текстовъ:

Скудельный сосудъ.

Одержаніе — владѣніе.

Достояніе — наслѣдство.

Пасты — управлять.

Ущедритъ — взирать съ щедротою.

Облистаніе — блескъ вкругъ.

Даде гласъ свой.

Препоясать силою.

Онъ далъ ногамъ моимъ быстроту еленя, да вознесуся на высоты его, научилъ поражать мои руки, и мышцу мою сотворилъ лубомъ мѣднымъ.

Плесны²⁾.

Далъ мнѣ хребетъ враговъ моихъ.

Яко прахъ предъ лицемъ втра.

Въ велелтіе облекся.

Одѣлся свѣтомъ яко ризою.

Речешъ и ангелы мчатся какъ вихри, и духи пламенѣють огнемъ.

¹⁾ Зейдлицъ, op. cit., 29.

²⁾ Значеніе не указано.

Поставилъ землю на тверди; вѣки не потрясутъ ее, вокругъ ее
бездна яко риза.

Ты рѣкъ: они сокрылись (убѣжали) отъ гласовъ твоего грома;
утекли во страхъ.

Онагръ — дикій осель.

Витать, привитать.

Умаститъ елеємъ.

Эродій — цапля.

Солнце познало западъ свой.

Сжимъ — левъ.

Узрѣло море и убѣжало; Иорданъ возвратился вспять; Горы вы-
гались какъ овны, холмы какъ агцы—море почто убѣжало, Иорданъ
почто вспять возвратился.

Видитъ море и бѣжитъ, Иорда... стреми...¹⁾

Выраженія эти заимствованы изъ Псалмовъ 1, 103, 113 и изъ
Второй Книги Царствъ, XXII, 34 — 35.

Первоначально Жуковский называетъ задуманное стихотвореніе —
„Пѣвецъ передъ вой“, употребляя, ради сохраненія колорита старины,
древнее слово (вой) и древнюю форму (твор. пад.), и дѣлаетъ такіе
наброски²⁾:

Молчитъ битва!

Греми цевница златострунна!

Восторгъ души моей, пылай!

Проснись, волшебная цевница!

Подвигнись бранная (*вар.* звучная) цевница

И спящихъ...

Такое начало не понравилось поэту, онъ зачеркиваетъ всѣ эти
стихи, и пишетъ:

Проснись³⁾ чудесныхъ дѣлъ пѣвица,

Утѣха⁴⁾ смертныхъ и боговъ,

Далекозвонкая цѣвница⁵⁾:

Славяновъ ликъ⁶⁾ внимать готовъ.

Звучи, звучи, о вдохновенна,

¹⁾ Тетрадь № 12, л. 33, оборотъ.

²⁾ Тамъ же, л. 33.

³⁾ Въмѣсто зачеркнутаго „О ты“.

⁴⁾ *Вар.* О другъ.

⁵⁾ Начало, подобное приступу пансіонской оды Жуковского „Миръ“ (Проснись,
пейскаго поэта древня лира...); такъ же начинается и „пиндарическая“ ода Гремъ
„Progress of poetry“ (Awake, Aeolian lyre, awake...).

⁶⁾ *Вар.* Соборъ славянъ.

Да пѣснью славы пробужденна
 Въ сердцахъ опять воспрянетъ брань!
 Да младъ и старъ гремящимъ хоромъ
 Воскликнуть: Брани! сверкая взоромъ,
 И вринуть щитъ и мечъ во длань!

Но и эти стихи, въ которыхъ отражается тогдашнее воинственное стремленіе возобновить, послѣ неудачи, борьбу съ Наполеономъ,—не удовлетворили поэта, и онъ проектируетъ иное начало своего произведенія:

Куда влечешь меня восторга изступленье!
 Какое предо мной чудесное видѣнье!
 Сюда, сыны славянъ! внимайте (*вар.* услышать) пѣснь мою!
 Прочь кѣга! прочь вѣнки, силегенные изъ крина! ¹⁾
 Воздвигнись, воспылай, о древня мощь орлина!
 И щитъ и мечъ во длань! Я славы (*вар.* брани) чадъ (*вар.* пѣснь) пою!

На этомъ приступѣ въ Ломоносовскомъ вкусѣ ²⁾ дѣло однако пока остановилось. Чуждый политики, чуждый воинственного пыла, мечтавшій въ своемъ Бѣлевскомъ уединеніи пѣть „безпечность, поля и дружбу“ (элегія „Вечеръ“), нашъ мирный поэтъ, настроивъ лиру свою на боевой ладъ, въ тонъ окружающимъ аккордамъ музы гѣва и мщенія, естественно, долженъ былъ прибѣгнуть къ поискамъ и заимствованіямъ матеріаловъ для своего пѣснопѣнія. Находившій собственные слова и образы для выраженія личныхъ переживаній, для своей задушевной лирики, Жуковский, обратившись къ лирикѣ военной, рѣшилъ обратиться къ прежней своей писательской манерѣ, практиковавшейся имъ въ пансіонскихъ одахъ,—творить на основаніи литературныхъ реминисценцій и подражаній. Около этого времени онъ получаетъ приведенное выше письмо И. И. Дмитріева, предлагавшее ему изобразить „барда на полѣ битвы послѣ ночного сраженія“ ³⁾; этотъ образъ нашъ поэтъ и избираетъ теперь точкой отправленія. Источники для дальнѣйшей разработки темы онъ нашелъ у Ломоносова, Державина, Осіана, Грея и др.

Державинская „Ода на побѣды надъ французами въ Италіи, одержанныя Суворовымъ 1799 г.“, напечатанная въ томъ же году и от-

¹⁾ Въмѣсто зачеркнутыхъ словъ: „вѣнки изъ криновъ благовонныхъ“.

²⁾ Срв. „Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ, Влечетъ на верхъ горы високой“ и проч. въ Ломоносовской одѣ „На взятіе Хотина“.

³⁾ Письмо И. И. Дмитріева къ Жуковскому изъ Москвы, 1806 года, мѣсяцъ и число не указаны (соч. И. И. Дмитр., ред. Флоридова, т. II, стр. 207).

дѣльнымъ изданіемъ и въ іюньской книжкѣ „Новостей“ П. И. Голубкова ¹⁾, начиналась такими стихами:

*Ударъ во серебряный, священный,
Далеко-звонкій, Валка! щитъ:
Да громъ твой, гуломъ повторенный,
Въ жилищѣ бардовъ воспумить.—
Встають.—Сто арфъ звучать струнами,
Предъ ними сто дубовъ горять;
Отъ чаши круговой зарямы
Сѣдыя чела въ тьмѣ блестятъ ²⁾.*

Ода эта, одна изъ послѣднихъ Державинскихъ одъ на побѣды—эпичнѣй,—конечно, была хорошо извѣстна Жуковскому. Ода проникнута Оссіановскими мотивами ³⁾. Оссіана Жуковский и самъ зналъ отлично, и о немъ должно было ему напомнить уже самое слово *барды*. Первая пѣснь знаменитой Оссіановской поэмы „Фингалъ“ такъ рассказываетъ о битвѣ Кухуллина противъ Сварана: „Воинства сближились другъ съ другомъ и сражаются съ невѣроятнымъ мужествомъ... Герои соннами упали на героевъ, и кровь мужественныхъ кипящими текла струями... Есть ли бы сточисленный ликъ соединенныхъ Бардовъ воспѣлъ ужасъ и всѣ слѣдствія сего грознаго сраженія, сточисленный ликъ Бардовъ не могъ бы гласомъ своимъ пренести въ потомственные роды всѣхъ знаменитыхъ ратоборцевъ, пораженныхъ на бранномъ полѣ... Барды, избранные пѣснопѣвцы! рыдайте надъ знаменитымъ... Но темная ночь простираетъ на сихъ вождей мрачныя свои крылѣ, и пресѣкаетъ ихъ ужасное противоборствіе... Побѣда осталась нерѣшенною; Кушуллинъ отправляетъ часть воинства для наблюденія непріятельскихъ расположеній... Герой *ударяетъ во щитъ, и на звукъ его стекается воинство*. Избранные на стражу ночную ратники направляютъ въ путь стопы свои; прочіе воители возлегши на холмѣ, покоились во мракѣ при томномъ шумѣ вѣтровъ. Тѣни пораженныхъ въ протекшій день бранноносцевъ скитались предъ ними, носимы на облакахъ, и вдали, въ глубокомъ безмолвіи, слышны были пронзительныя призраковъ гласы, предвозвѣстники суровой смерти“ ⁴⁾.

О погребальныхъ обычаяхъ Оссіановскаго времени сообщалось слѣдующее: „Никогда герой не могъ вступить въ воздушныя чертоги своихъ предковъ, доколѣ Барды не воспуютъ въ честь ему надгробной

¹⁾ Новости, ежемѣсяч. изданіе на 1799 г., С.-Пб. 1799, іюнь, стр. 124.

²⁾ Соч. Державина, 2-е академ. изд., т. II, стр. 166.

³⁾ О чемъ см. примѣчанія Грота тамъ же, стр. 168—169.

⁴⁾ Оссіанъ, перев. Кострова, I², стр. 3—4; 22, 25, 32.

пѣсни. Сія пѣснь была одна существеннымъ. обрядомъ ихъ погребенія; а въ прочемъ видима была простота при семъ послѣднемъ подвигѣ жизни... Четыре камня, возвышенные на четырехъ углахъ могилы, означали ея пространство... Обыкновенно имѣли одного Барда, который бы немедленно воспѣлъ въ честь героя надгробную пѣснь, и чрезъ то отверзъ ему врата чертоговъ облачныхъ; ежели сей обрядъ былъ неисполненъ, душа героя оставалась погруженною въ туманѣ озера, называемаго Лего“... 1).

Вотъ поэтическіе образы и мотивы, которые представились тотчасъ же фантазіи Жуковскаго, какъ только онъ рѣшился послѣдовать призыву Дмитріева.

Онъ ставитъ теперь заглавіе: „Пѣснь Барда надъ гробомъ падшихъ славянскихъ воиновъ“, и приступаетъ къ новымъ наброскамъ, имѣя, прежде всего, въ памяти обороты рѣчи и образы Державина и Оссіана-Макферсона. Наброски эти таковы 2):

Ударъ во щитъ! Сюда! Стекайтесь ополченны!
Престала брань 3); молчать поля опустошенны!
Затихнулъ горный вѣтръ, затихъ 4) дубравный вой!
Голодный, вырвавшись на ловъ, прикрытый черной мглой 5).
Сюда! Костерь дубовъ! Изройте гробъ мечами! 6)
Кладите на щиты поверженныхъ друзей!
Надъ пепломъ сель дымится паръ густой.

Вслѣдъ затѣмъ другой набросокъ:

Ударъ въ огромный (вмѣсто зачеркнутаго „мѣдный“) щитъ! стекитесь
ополченны!
Утихла брань! молчать поля опустошенны!
Во тѣмъ надъ пепломъ сель лишь вѣется паръ густой!
Лишь вырвавшись на ловъ, прикрытый черной мглой,
Несется ярый 7) волкъ, сверкающій очами!
Бойцы сюда! (зачеркнуто: Костерь дубовъ!) изройте ровъ мечами!

1) Тамъ же, I², Предувѣдомленіе, стр. LII—LIII.

2) Тетрадь № 12, л. 28 и слѣд.

3) Написано вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: „Молчать битва“, „умолила брань“.

4) Написано сверхъ зачеркнутаго „замолкъ“.

5) Написано вмѣсто зачеркнутаго:

Лишь рыщетъ дикій волкъ, сверкающій очами
Исторгшійся на ловъ.

6) Вмѣсто зачеркнутаго:

Кровавыми мечами
Изроемъ гробъ своимъ поверженнымъ друзьямъ.

7) „Несется ярый“ написано сверхъ зачеркнутаго: „Голодный рыщетъ“.

Вложите (вар. Снесите) на щиты поверженныхъ друзей,
Да путникъ видитъ холмъ надъ грудой ихъ костей ¹⁾,
Да камень возвѣститъ, гдѣ сильныхъ прахъ ²⁾ священный!
Гремитъ... Отгрянувъ громъ въ дубравѣ пробужденной).
Стеклись вождей и ратныхъ сонмы! ³⁾
Густой полнощи тьма кругомъ!
Предъ ними древній Бардъ съ цѣвницею златою
И трупы ратниковъ простерты на щитахъ!
Объяты думою ⁴⁾ поникнули главою,
На лицахъ грозныхъ кровь и прахъ.

Слѣдуетъ (л. 28 обор.) третій набросокъ начала, весь перечеркнутый, затѣмъ перебѣленный, исправленный еще разъ и продолженный (въ скобкахъ ставлю слова, находившіяся въ стихахъ до исправленій):

Ударъ во звонкій (бранный) щитъ! стекитесь ополченны!
Умогла (утихла) брань, враги утихли (сокрылись) расточенны!
Лишь паръ надъ пепломъ сель густой,
Лишь, вырвавшись на ловъ, сокрытый ноши мглой,

5. Несытый ичится волеъ, сверкаючи очами!

Сюда, бойцы! Къ дубамъ! Изройте ровъ мечами!

Несите на щитахъ поверженныхъ бойцовъ,

Да путникъ видитъ холмъ въ долині гробовой

(Да путникъ видитъ холмъ—безстрашныхъ гробъ, ихъ памятникъ прстой),

Да камень возвѣститъ, гдѣ сильныхъ прахъ священный.

10. Гремитъ!... Грохочетъ гулъ въ дубравѣ пробужденной.

Стеклись!... Вождей и ратныхъ сонмы!—

Глухой полнощи тьма кругомъ.

Предъ ними бардовъ вождь, объявши кинъ десною (вождь съ цѣвницею златою),

И падшихъ страшный рядъ, простертыхъ на щитахъ

(И трупы ратниковъ простерты на щитахъ)...

15. Объяты думою, съ потушенной (поникнули) главою!

На грозныхъ лицахъ кровь и прахъ;

Склонились (оперлись) на щиты (мечи) ⁵⁾, предъ ними дубъ пылаеть,

¹⁾ После этого стиха два стиха зачеркнуто:

Такъ пѣлъ славяновъ Бардъ священный,
Звуча перстами по струнамъ.

²⁾ „Сильныхъ прахъ“ написано сверхъ зачеркнутаго: „пепель ихъ“.

³⁾ Далѣе—зачеркнутый стихъ:

Горящимъ дубомъ озаренный.

⁴⁾ „Объяты думою“ написано вмѣсто зачеркнутаго: „Стоять — во взорахъ скорбы“.

⁵⁾ Сперва Жуковский написалъ: „Оперлись на мечи“; но затѣмъ онъ припо-

И съ свистомъ горный вѣтръ ихъ кудри воздымаеть (развѣваеть).

И се! воздвигся холмъ, и камень водружень,

20. И дубъ, краса полей, воспитанный вѣками,
Склонилъ главу на дернъ, потокомъ орошень
(Воинственной главой на гробъ сей наклонень).

И се! могущими (летащими) перстами

Пѣвецъ ударилъ по струнамъ!

Волшебна арфа забряцала (волшебны струны задрожали)!

25. Воспѣлъ... дубрава застенала

И гулъ помчался (помчалось эхо) по горамъ!

О сладкихъ пѣсней мати! о дивныхъ дѣлъ пѣвица!

Далековзвонкая цѣвница

Проснись да оживеть (Подвигнись, да звучить) *печаль* въ твоихъ струнахъ!

30. Пусть тѣни бранны низверженныхъ во прахъ,

Скитаясь (Бродящи) при лунѣ по тучамъ (Бродя по тучамъ) златоруннымъ,

Слетать на мрачный долъ, гдѣ миръ надъ пеломъ ихъ,

Плѣненные твоимъ бряцаньемъ тихоструннымъ ¹⁾.

Въ текстѣ стихотворенія, сохранившемся въ тетрадяхъ №№ 13 (л. 25 обор. и слѣд.) и 14 (л. 36 и слѣд.), Жуковскимъ произведено рядъ редакціонныхъ поправокъ и измѣненій, такъ напр.: озаглавлено здѣсь стихотвореніе— „Бардъ надъ гробомъ падшихъ славянъ“; первый стихъ: „Ударъ въ *огромный* щить“ и пр. Самое значительное изъ измѣненій сдѣлано въ стихѣ 29, который теперь читается такъ:

(Волшебногласная цѣвница),

Проснись, да оживеть *слава* въ твоихъ струнахъ.

Эта „хвала“, смѣнившая „печаль“ прежняго наброска, очень характерна: обнаруживается тенденція скорбную пѣснь о жертвахъ боя, мотивы которой таились въ душѣ нашего поэта при воспоминаніи объ Аустерлицкой катастрофѣ и невольно дали о себѣ знать въ словахъ: „да оживеть *печаль* въ твоихъ струнахъ“,—превратить въ пѣснь *славы*. Въ слѣдующей редакціи стихотворенія, напечатанной въ Вѣстникѣ Европы 1806 г. (декабрь, № 24, стр. 266 и слѣд.), Жуковский пошелъ дальше въ томъ же направленіи: заплачка „надъ гробомъ *падшихъ* славянъ“ превращается въ „Пѣснь надъ гробомъ

мнилъ, что герои Оссіана опираются на *щиты* (Оссіанъ, I², 89, 127) или на *копья* (ibid., I², 26, 75),—зачеркнулъ „мечи“, написалъ „щиты“, а въ окончательной редакціи поставилъ „щопья“.

¹⁾ Послѣдніе два стиха замѣнили зачеркнутый одинъ: „Плѣняются твоимъ бряцаньемъ тихоструннымъ“.

славянъ-побѣдителей“; поэтъ создавалъ фикцію, которой такъ жаждало тогдашнее русское общество ¹⁾, и которой оно такъ обрадовалось,—понятно, почему Растопчинъ былъ „въ восхищеніи отъ Барда“, въ Петербургѣ Бардъ „a fait beaucoup de bruit“ и прославилъ автора ²⁾, его „полюбили“ ³⁾. Успѣху фикціи содѣйствовали предшествовавшіе Аустерлицу подвиги Милорадовича и Багратиона у Кремса и Шёнграбена, вызвавшіе уже, какъ мы видѣли, восторженные стихи.

Жуковскій сообщаетъ своему произведенію „духъ Оссіановскій“, который въ то время такъ увлекалъ читателей и писателей, о которомъ съ такимъ почтеніемъ упомянули напр. первые издатели Слова о Полку Игоревѣ: „Въ семь оставшемся намъ отъ минувшихъ вѣковъ сочиненіи виденъ духъ *Оссіановъ*; слѣдовательно, и наши древніе герои имѣли своихъ *Бардовъ*, воспѣвавшихъ имъ хвалу“. Въ роли такого барда и рѣшилъ выступить нашъ поэтъ, увлеченный патриотическимъ порывомъ прославить героев своего отечества.

„Ударъ во звонкій щитъ! Стекитесь, ополченны!“—образъ и оборотъ рѣчи совершенно Оссіановскій, не разъ встрѣчающійся въ поэмахъ Макферсона: „Возьми копье мое и ударяй во звучный щитъ... Мои сподвижники услышатъ его на холмахъ высокихъ“,—говоритъ Кушуллинъ, въ I-й пѣснѣ „Фингала“—и по его приказанію, „Моранъ ударяетъ во щитъ, звуки простираются въ лѣса... Уже Кюрахъ возстаютъ и летятъ съ высоты камня, Конналъ за нимъ течетъ“... ⁴⁾ Ударомъ въ щитъ подавался военный знакъ соратникамъ: „На щитѣ возвышались многія выпуклости, которыя именовались *гласы войны*, потому что каждая выпуклость издавала особенный голосъ и возвѣщала особенное повелѣніе“ ⁵⁾.

Эти параллели изъ Оссіана обнаруживаютъ, что первые 9 стиховъ „Барда“ Жуковского—рѣчь, влагаемая въ уста предводителя; словами этого не высказано поэтомъ, но что это чужая рѣчь, показано

¹⁾ Въ Вѣстникѣ Европы 1806 г., № 1, стр. 77—78 въ отдѣлѣ „Извѣстія и замѣчанія“ писалось: „Нетерпѣливо ожидаемъ подробнаго описанія о славной битвѣ въ Моравіи при Аустерлицѣ между російско-австрійскимъ и французскимъ войсками. На первый случай для насъ довольно и того, что по всѣмъ извѣстіямъ, побѣда осталась на сторонѣ русскихъ; опровергать же газетныя статьи, сочиняемыя во Франціи, почитаемъ за излишнее“...

²⁾ Изъ письма А. П. Зонтага,—Русс. Арх. 1902 г. кн. 2, стр. 132.

³⁾ Записки Вигеля, III, 136.

⁴⁾ Оссіанъ, I², 6—7.

⁵⁾ Тамъ же, I, Предувѣдомленіе, стр. XXIX.

кавычками („ “), которыя стоятъ и въ перебѣленномъ текстѣ (въ тетр. №№ 13 и 14) и въ печатныхъ изданіяхъ.

„Да камень возвѣститъ, гдѣ сильныхъ прахъ священный... И се, воздвигся холмъ и камень водруженъ, и дубъ склонилъ главу на дернъ потокомъ орошенъ“. Срв. у Оссіана: „Есть ли должно мнѣ погибнуть на полѣ сраженій, не забудь воздвигнуть мнѣ гробницу. Малое число голубыхъ камней, покрытыхъ землею, напомнать о мнѣ временамъ грядущимъ. Звѣроловецъ возсядетъ близъ сея гробницы... онъ скажетъ: на семъ мѣстѣ покоится ратоборецъ. И слава моя будетъ бессмертна въ его похвалахъ“... ¹⁾ „Облака наполнены тѣнями сопостать нашихъ; но друзья наши увѣнчаны славою. Возри на сіе поле, виждь на зеленыхъ сихъ холмахъ покрытые травою и мохомъ камни: это гробы враговъ Фингаловыхъ“... ²⁾. Видишь ли ты гробъ сей на берегу источника? Три камня возвышаютъ голубовидныя главы свои подъ тѣнію дуба, согбеннаго вѣтрами: подъ сими камнями покоится вождь... ³⁾.

И съ свистомъ горный вѣтръ ихъ кудри развѣваетъ—срв. у Оссіана: „Власы его развѣвались дуновеніемъ вѣтра“... „Его власы развѣваются на крыльяхъ вѣтровъ“... ⁴⁾ и т. под.

Пусть тѣни бранныя низверженныхъ во прахъ, скитаясь при лунѣ по тучамъ златоруннымъ, слетятъ на мрачный долъ, плъненныя твоимъ (цѣвницы барда) *бряцаньемъ тихоструннымъ*,—срв. у Оссіана: „Тѣни пораженныхъ въ протекшій день бранноносцевъ скитались носимы на облакахъ (I, 32)... Тысяща тѣней, несомыхъ на своихъ облакахъ, приблизились, предзнаменуя паденіе Героевъ (I, 195)... Безмолвіе и мракъ покрываютъ поле смерти. Посреди мрачныхъ тѣней слухъ мой внималъ стройному и сладкому гласу Карриля; онъ воспѣвалъ дѣянія сподвижниковъ юности нашей... Тѣни героевъ, устами его прославляемыхъ, слетались на облакахъ своихъ. Онѣ уклонялись въ долъ, и внимали похваламъ своимъ со удовольствіемъ“ (I, 126).

Гремитъ! Грохочетъ гулъ въ дубравъ пробужденной, и проч.: Повелѣніе предводителя исполняется; гулъ пита разносится кругомъ, и, повинувся этому призыву, войны собираются къ пылающему костру, погребаютъ убитыхъ на берегу потока, подъ сѣнью вѣкового дуба, насыпаютъ курганъ, кладутъ надгробный камень, и бардъ начинаетъ

¹⁾ Тамъ же, I, 215.

²⁾ Тамъ же, II^a, 12.

³⁾ Тамъ же, II, 109.

⁴⁾ Тамъ же, I, 75, 313.

надгробную пѣснь. Въ основу этой сцены, представленной Жуковскимъ, легли представленія оссіановскихъ поэмъ: „По мнѣнію Каледонянъ,—сообщается уже въ предисловіи (I томъ, стр. LI и слѣд.),—души обитали на облакахъ по разлученіи съ тѣломъ. Всѣ жившіе добродѣтельно, и показавшіе мужественные въ сраженіяхъ подвиги, принимаемы были съ радостью въ воздушные чертоги своихъ предковъ“... Но никогда герой не могъ вступить въ эти чертоги, „доколѣ Барды не воспоютъ въ честь ему надгробной пѣсни. Сія пѣснь была одна существеннымъ обрядомъ ихъ погребенія... Обыкновенно имѣли одного Барда, который бы немедленно воспѣлъ въ честь герою надгробную пѣснь, и чрезъ то отверзъ ему врата чертоговъ облачныхъ. Ежели сей обрядъ былъ не исполненъ, душа героя оставалась погруженною въ туманъ озера, называемаго Лего“...

Не всегда, однако, вѣрно воспроизводитъ Жуковскій оссіановскіе мотивы: у нашего поэта костеръ изъ дубовыхъ полѣнъ пылаетъ при совершеніи обряда погребенія,—у Оссіана погребальный костеръ неизвѣстенъ, дубы же пылаютъ во время пиршествъ: „Бранноносцы стеклись для торжественнаго пиршества; сто древнихъ дубовъ возгораются при дуновеніи вѣтровъ; чаша празднества наполнилась и обращается кругомъ; радость блистаетъ на лицахъ ратоборцевъ“¹⁾... „Приготовляется пиршество; сто возжженныхъ дубовъ взвиваютъ огонь на воздухъ; дебрь озаряется блѣднымъ свѣтомъ“²⁾.

Среди оссіановскихъ вставлены и образы иного происхожденія:

Въ поэмахъ Оссіана не упоминается случаевъ положенія убитыхъ на щиты, у Жуковского же читаемъ—„Несите на щитахъ поверженныхъ бойцовъ... И падшихъ страшный рядъ, простертыхъ на щитахъ“; этотъ образъ нашъ поэтъ, очевидно, взялъ изъ области своихъ антично-классическихъ свѣдѣній и реминисценцій: на щиты полагали убитыхъ въ сраженіи спартанскихъ воиновъ, какъ даетъ знать о томъ Плутархъ въ своемъ „Ликургѣ“³⁾. Въ книгѣ Эшенбурга „Handbuch der alten klassischen Literatur“,—которая такъ хорошо была знакома Жуковскому (см. выше въ гл. XXXIV),—въ отдѣлѣ „Griechische Alterthümer“, въ §-ѣ о погребальныхъ обычаяхъ древнихъ гре-

¹⁾ Оссіанъ, I, 127. Эту картину воспроизвелъ Державинъ въ одѣ „На побѣды въ Италіи“ (Соч. Держ., II, 166).

²⁾ Оссіанъ, I, 161.

³⁾ Д. Бардонъ, Образование древнихъ народовъ,—обычаи духовные, гражданскіе, домашніе и воинскіе грековъ, римлянъ и др., С.-Пб. 1795, ч. I, стр. 63,—прилагаетъ даже и картинку: греческій воинъ на носилкахъ изъ щита (чертежъ 50, ж).

ковъ, читается: Die Leiche wurde auf einer Barge, und die der Krieger auf einem Schilde getragen... ¹⁾).

Образъ этотъ былъ прочно усвоенъ памятью и воображеніемъ нашего поэта: нѣсколько лѣтъ спустя, въ стихотвореніи „На смерть графа Каменскаго“, мы опять встрѣчаемъ у Жуковскаго этотъ образъ среди аналогичной обстановки:

И являю мы, что онъ послѣдній встрѣтитъ часъ
Простертый на щитъ, въ виду побѣдныхъ строевъ,
И угасающій съ улыбкой вонметъ гласъ
О немъ рыдающихъ героев ²⁾.

Стихи Жуковскаго:

Лишь паръ надъ пепломъ селъ густой,
Лишь, вырвавшись на ловъ, сокрытый ноци мглой,
Насытый ³⁾ мчится волкъ, сверкаючи очами,—

также не имѣютъ основанія въ мотивахъ поэмъ Оссиана-Макферсона, гдѣ совершенно нѣтъ упоминаній ни о преданіи врагами огню селеній, ни о рыскающихъ волкахъ. Можно думать, что стихи эти навѣяны мыслью о вполне реальной дѣйствительности обстановки войны и полей битвъ. Зная однако изъ предыдущихъ разысканій (см. гл. VII) о хорошемъ знакомствѣ Жуковскаго, еще на школьной скамьѣ, съ Ломоносовымъ, о вліяніи его образовъ на созданія нашего поэта, нельзя не имѣть въ виду Ломоносовскихъ параллелей, которыя и могли отразиться на разсматриваемомъ мѣстѣ „Барда“:

На нивахъ жатву оставляетъ
Отъ мести уstraшенный Финь
И съ горь оцѣненъвъзираетъ
На дымъ, всходящій изъ долинъ,
На пламень въ селажъ возпаленный;
Тамъ ночью отъ пожаровъ день,
Тамъ днемъ въ пыли ночная тѣнь;
Багровый облакъ въ небѣ рдѣетъ,
Земля подъ нимъ въ крови краснѣетъ ⁴⁾.
Скрываетъ лучъ свой въ волны день,
Оставивъ бой ночнымъ пожарамъ...

¹⁾ Handbuch der alt. klass. Literatur von J. J. Eschenburg, Berl. 1811, § 159, стр. 507.

²⁾ Соч. Жуков, ред. Архангельскаго, I, 62—рукопись Публич. Библ., Бумаги Жуковскаго, № 14, л. 58 обор.

³⁾ „На трупы“—Вѣстн. Евр. 1816 г., № 24, стр. 267.

⁴⁾ Соч. Ломоносова, изд. Ак. Н., С.-Пб. 1891, т. I, стр. 94: Ода на прибытіе императрицы Елисаветы изъ Москвы въ Петербургъ, строфа 25.

Изъ лывъ густыхъ выходитъ *волкъ*
На блѣдный *трупъ* въ турецкій полкъ ¹⁾.

„Пепель сель“ встрѣтимъ мы также въ стихотвореніи Жуковскаго на смерть гр. Каменскаго ²⁾.

„Гуль“ въ смыслѣ *эхо* употреблено Жуковскимъ (Гремитъ!.. Грохочетъ *гуль* въ дубравѣ пробужденной; Воспѣлъ—и *гуль* помчался по горамъ, исправлено изъ: Помчалось *эхо* по горамъ) вслѣдъ за Державинымъ, который въ той же одѣ „На побѣды въ Италиа“ говорилъ: „Да громъ твой, *гуломъ* повторенный“ ³⁾ (позднѣйшая поправка— „*эхомъ* повторенный“).

Такимъ образомъ, разсматриваемое твореніе Жуковскаго обнаруживаетъ соединеніе въ одну ткань разнородныхъ элементовъ: доминируютъ оссіановскіе вымыслы, но къ нимъ присоединяется и вліяніе стиля Ломоносова, Державина, и отзвукъ дѣйствительности, и диссонансомъ звучитъ вынырнувшій вдругъ античный мотивъ о павшемъ воинѣ, положенномъ на щитъ.

Надгробная пѣснь барда начинается съ 27-го стиха. Продолженіе ея въ черновомъ наброскѣ было такое ⁴⁾:

Какъ пали сильные? Какъ ярый вой (исправлено: сильныхъ громъ)
утихъ?

О юношей краса, о цвѣтъ погибшій крина,

О древня доблесть славянина!

О ярая битва, коль твой обиленьъ пирь!

Какая страшная поверженныхъ громада!

Колыкихъ матерей угаснула отрада!

Въ печали отчій домъ! Отецъ при гробѣ сирь!

О вы, какъ дольний знакъ, мечами посѣченный (вмѣсто зачеркнутого: О витязи, громами ополченны),

Бойцы, утекшіе съ битвы въ могильный прахъ!

(Зачеркнуто: Се днесъ отчизна скорбная въ слезахъ

Вамъ зиждетъ гробъ—олтарь, безсмертью посвященный!

Вар.: ... гробъ—чертогъ, безсмертьемъ озаренный!)

¹⁾ Соч. Ломон., I, стр. 14: Ода на взятіе Хотина, строфа 8. *Лыва*—густой и частый лѣсъ, выросшій на болотѣ. (Словарь церк.-слав. и руск. языка, составленный П отдѣленіемъ Ак. Наукъ).

²⁾ Вѣст. Евр. 1809 г., № 18, перепечат. въ соч. Жуков. ред. Ефремова I³, стр. 136—137—Рукопись Публич. Библ., Бум. Жуковскаго, № 14, л. 59. Въ изд. соч. Жуков. ред. Архангельскаго, I, 61—62, приводимое Ефремовимъ окончаніе стихотворенія опущено.

³⁾ Журналь „Новости“ 1799 г., июнь, стр. 24.

⁴⁾ Тетрадь, № 12, л. 29.

Се бранный воевъ ликъ, скорбѣщій о друзьяхъ,
Се гробъ вашъ, ратниковъ слезами орошенный!

Эти скорбныя причитанія оказались, разумѣется, неумѣстны, когда заплачка стала превращаться въ „хвалу“,—и потому Жуковский впоследствии, при переработкѣ, всѣ эти стихи выпустилъ, и замѣнилъ ихъ тремя строчками:

Какъ пали сильные? Какъ сильныхъ громъ утихъ?
Гдѣ вы, сыны побѣдъ? Гдѣ бранныхъ воевъ сила?
Отвѣтствуй, мрачная безречетныхъ могила!

Такъ читается въ тетрадяхъ №№ 13 (л. 26 об.) и 14 (л. 36 об.); эта же редакція пошла и въ печать, съ измѣненіемъ одного только слова: уже въ текстѣ Вѣстника Европы 1806 г. вмѣсто „*бранныхъ* воевъ“ стоитъ „*славныхъ* воевъ“.

Далѣе въ черновомъ наброскѣ (№ 12, л. 29 обор.) поэтъ намѣчаетъ себѣ для обработки такое содержаніе послѣдующей части надгробной пѣсни барда: „Изображеніе войны—славная жизнь и краткая лучше продолжительной и безславной—къ убитымъ! Гдѣ вы!“ И набрасываетъ стихи:

Какъ орлій со скалы поднявшійся птенець,
Взмахнувши въ первый разъ могучими крылами,
Близъ солнца зря трудовъ и поприща конецъ,
Несется пламенный, и вдругъ небесъ громами
Сраженный посреди стремленья къ высотамъ,
Въ гремящихъ облакахъ стараетъ,
И самый пепель свой по тучамъ разсыпаетъ,—
Такъ палъ могущій Россѣ, грозя своимъ врагамъ!

Этотъ образъ воспарившаго въ небо молодого орла, пораженного громомъ,—символь павшаго въ битвѣ молодого воина,—есть трансформация образовъ, встрѣчавшихся Жуковскому и у Оссіана и у Державина:

„Будемъ ратоборствовать, какъ два орла, которые съ высоты камня, простирая широкія свои крилѣ, устремляются и летятъ противъ вѣтровъ“ (Оссіанъ, пер. Костровымъ, II², 234).

Орель изъ стаи той высокои,
Котора въ воздухѣ плыла,
Внезапно роковой стрѣлою
Сраженный, съ высоты упалъ!
Увы! Гдѣ, гдѣ его подъ солнцемъ днесъ паренье?
Гдѣ по морямъ его слѣды?

Гдѣ бурно громовъ устремленье
И пламенны межъ тучъ бразды?

(Державинъ, На кончину графа Орлова, I, 506).

Далѣе, у Жуковского слѣдовало (рукоп. № 12, л. 29 об.) обращеніе къ павшимъ:

Гдѣ вы, сраженныя? Гдѣ чады побѣды сла?
О ты, безтрепетныхъ могила!
О страшный брани видъ!

И затѣмъ давалось описаніе битвы; описаніе это удалось поэту не сразу, — онъ дѣлаетъ такіе предварительные наброски:

Отъ топота копытъ
Отъ ярыхъ коней ржанья,
Отъ свиста быстрыхъ стрѣлъ, отъ громовъ и стenanья
Взмятенный прахомъ доль грохочеть и дрожить...

Подъ дымнымъ вихремъ... Подъ тучей дыма... Въ дыму и прахѣ...

Дружинъ сомнутыхъ сонмъ,
Въ дыму и прахѣ бой и громъ,
По шлемамъ стужъ мечей, коней пронзенныхъ ржанье,
Трубы звучащій трескъ! Отъ топота копытъ,
Отъ спершихся бойцовъ, отъ кликовъ и стenanья,
Реветь по дебрямъ гуль, окрестъ гремящій доль дрожить.

Л. 30. Описаніе сраженія.

О грозной гибели картины!
Колико жертвъ въ крови и прахѣ!
Несмѣтны жертвы пораженья!
Тотъ палъ съ коня, пронзенъ въ гортань стрѣлой,
Растоптанъ, роетъ прахъ изъязвленной главой,
Влечется по песку, реветъ... отъ мученья.
Несчетны виды пораженья!
Тотъ палъ стремглавъ съ коня, пробитъ въ гортань стрѣлой,
Истерзанъ (Растоптанъ), роетъ пыль (прахъ) растоптанной (изъязвленной)
главой,
Глогаетъ кровь и прахъ, кружится отъ мученья!
Тотъ ринулся какъ вихрь безстрашныхъ впереди,
Тотъ шуйцей рану сжавъ, десницей разможденной
Оторванну хоругвь скрываетъ на груди!
Тотъ страшно возревѣлъ на копья вознесенный
И сгннутый на прахъ дымясь опѣненѣлъ.

Въ тетрадахъ №№ 13 (л. 26 об.) и 14 (л. 36 об.—37) сохранилась обработанная редакція этого описанія боя, въ которой поэту оставалось произвести уже сравнительно немного перемѣнъ, чтобы

эта редакція стала окончательной; въ этихъ тетрадахъ читается такой текстъ:

45. Но что? се зрю битву! се рвутся разъяренны!
Кошея противъ кося! Дружинъ сомкнутыхъ сонмъ!
Лучъ молній по щитамъ! Хоругви распущенны!
Средь дымныхъ вихрей бой и громъ!
По племамъ стукъ мечей! Копей пронзенныхъ ржанье,
50. И трубъ стозвучный трескъ! Отъ топота копытъ,
Отъ пренія бойцовъ, отъ влизовъ и стенанья
Смятенный воетъ боръ, и доль гремя дрожить!
О страшный видъ погранныхъ боемъ!
Тотъ палъ стремглавъ съ коня, пробить въ гортань стрѣлой,
55. Истерзанъ, роетъ пылъ растоптанной главой,
И зыблется, какъ червь, съ глухимъ кончаясь воемъ!
Тотъ, выхремъ мчася, погибъ безстрашныхъ впереди,
Тотъ, шуйцей рану сжавъ, десницей раздробленной
Оторванну хоругвь скрываетъ на груди!
60. Тотъ страшно завопилъ, на кося восхищенный,
И сгрянуть на песокъ, дымясь, оцѣпенѣлъ,
О грозныхъ витязей предѣлъ,
О древня доблесть славянина!
О юношей краса! о цвѣтъ погибшій крина!
65. О ярая битва, коль твои обилень пирь!
Какая страшная поверженныхъ громада!
Колѣнкихъ матерей угасная отрада!
Колѣнкій, чадъ лишень, отецъ при гробѣ сирь!

Въ окончательной редакціи этой части стихотворенія сдѣланы слѣдующія измѣненія: стихи 45—47 переработаны въ двѣ строчки:

Но что? не битва ль тамъ пылаеть? (Вѣст. Евр.)
(О битвы грозный видъ! смотри! перунъ сверкаетъ! Изданіе 1818 года).
Се мчатся! Грудь на грудь! дружинъ сомкнутыхъ сонмъ!

Стихи 54—56 сократились въ одну строчку:

Тотъ зыблется въ крови, съ глухимъ кончаясь воемъ.

Стихи 62—68, перенесенные сюда поэтомъ съ ихъ прежняго мѣста въ первоначальномъ наброскѣ (см. выше), выпущены окончательно; изъ нихъ вышла одна строчка:

О мужество славянъ! о витязей предѣлъ!—такъ читается въ Вѣстникѣ Европы 1806 г., въ изданіи сочиненій Жуковского 1818 года и послѣдующихъ.

Къ стихамъ 58—59 въ тетрадахъ № 13 и 14 сдѣлано такое подстрочное примѣчаніе: „Извѣстный поступокъ солдата Емельянова, котораго императоръ Павелъ пожаловалъ чиномъ поручика и награ-

диль тѣмъ самымъ знаменемъ, которое онъ спасъ, подвергнувъ опасности собственную жизнь свою. Графъ Растопчинъ приказалъ списать съ него портретъ, который выгравированъ и продается. Емельяновъ получаетъ отъ него ежегодную пенсію“ ¹⁾).

Такимъ образомъ, источникомъ этой части стихотворенія была живая русская дѣйствительность.

Нельзя того же сказать о другихъ деталяхъ описанія битвы, которое вообще не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ позднѣйшими поэтическими описаніями сраженій у Пушкина (Полтавскій бой), Лермонтова (Бородино), Гоголя (Тарасъ Бульба). Жуковский держится старой манеры письма, и здѣсь сказываются литературныя вліянія, воздѣйствіе школы.

Родоначальникомъ нашей батальной живописи въ стихахъ былъ Ломоносовъ. Въ своей ранней одѣ „На взятіе Хотина“ (1739 г.) онъ не пошелъ еще дальше блѣдныхъ очерковъ боя, похожихъ скорѣе на намеки; нѣсколько ярче и отчетливѣе образы въ одѣ на побѣду надъ шведами 1741 года ²⁾ и въ одѣ 1742 года „На прибытіе имп.

¹⁾ Подобный же подвигъ имѣлъ мѣсто и во время битвы при Аустерлицѣ: унтеръ-офицеръ Старичковъ, „находясь въ сраженіи противу французскихъ войскъ, носилъ знамя своего полка и когда, покрытый ранами, въ ослабленнн силъ, увидѣлъ уже неизбежную потерю онаго, то рѣшился снять съ древка и сохранить при себѣ“... (Изъ дѣлъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба, опись 152, кн. 456, № 250, по военно-походной канцеляріи. Помѣчено: 4-го марта 1806 г., слѣдов. относится къ Аустерлицкой кампаніи. „Русскій Архивъ“, 1877 г. № 6 стр. 166).

²⁾ Соч. Ломоносова, изд. Академіи Н., т. I, стр. 35—37:

Войну открыли шведы намъ:
Горятъ сердца ихъ къ бою жарко;
Гремитъ Стокгольмъ трубами ярко...
Подобно быстрой какъ соколъ
Бодръ взираетъ скорымъ окомъ,
Враговъ такъ смотритъ нашъ солдатъ...
Уже ступаетъ въ свой походъ
Къ трудамъ избранной нашъ народъ,
Нагимъ мечемъ на западъ блещетъ...
Вспятить не можетъ ихъ гора,
Металъ и пламень, что съ верьха
Жарчае Геклы къ нимъ рыгаетъ,
Хоть купно Вилманстрандъ на нихъ
Ретиво толь со стѣнъ своихъ
Подобной блескъ и громъ пускаетъ...
Въ моряхъ какъ южныхъ вѣчной востокъ

Елисаветы Пестровны изъ Москвы“¹⁾; вполне обстоятельное описание картины Куликовской битвы даетъ онъ въ послѣднемъ явленіи своей трагедіи „Тамира и Селимъ“²⁾. Вслѣдъ за Ломоносовымъ по-

Отъ горъ Атлантскихъ валъ высокъ
Крутить къ брегамъ четвертой части,—
Россійскій воинъ такъ врагамъ
Слѣшить отмстить свирѣль грозю,
Збиваетъ сильной ихъ рукою.
Течетъ ручьями кровь къ ногамъ.
Вдается въ бѣгъ побитый Шведъ,
Бѣжитъ россійской конникъ въ слѣдъ
Черезъ шведскихъ труповъ кучи блѣдны
До самыхъ Вилмаstrandскихъ рововъ,
Безъ щету топчетъ тѣхъ головъ,
Что быть у насъ желали вредны...

1) Тамъ же, стр. 91—92:

Уже и моремъ и землею
Россійско воинство течетъ,
И сильной крѣпостью своею
За лѣсъ и рѣки Готоовъ жметъ.
Огня ревущаго удары
И свистъ отъ ядръ летящихъ ярнй
Згущенный дымомъ воздухъ рвутъ...
Тамъ кони бурными ногами
Взвиваютъ къ небу прахъ густой,
Тамъ смерть межъ готескими полками
Бѣжитъ ярясь изъ строя въ строй...
То ей! квириты, Маркъ вашъ живъ
Во всякомъ россѣ, что безъ страху
Черезъ огонь и рвы течетъ съ розмаху.
Всякъ мнитъ, что равень онъ Алкиду...
Пронзаетъ, рветъ и разсѣкаетъ,
Противныхъ силу презираетъ.
Смѣсившись съ прахомъ кровь кипитъ;
Здѣсь шлемъ съ головой, тамъ трупъ лежитъ;
Тамъ мечъ съ рукою отбитъ валится...

2) Тамъ же, стр. 287—288:

Уже чрезъ пять часовъ горѣла брань сурова,
Сквозъ пыль, сквозъ наръ едва давало солнце лучъ.
Въ густой крови князя тряслась земля багрова,
И стрѣлы падали дождевыхъ гуще тучъ.
Ужъ поле мертвыми наполнилось широко;
Непрядва трупами спершись едва текла.
Различный видъ смертей тамъ представляло око,

шель В. П. Петровъ; въ своей „Поемѣ на побѣды россійскаго воинства, подъ предводительствомъ графа Румянцова одержанныя надъ татарами и турками“, онъ даетъ рядъ батальныхъ картинъ, изображая, подобно Ломоносову, то общій видъ сраженія, то дѣйствія отдѣльныхъ участниковъ боя, то видъ убитыхъ и раненыхъ ¹⁾; рядъ

Различнымъ образомъ повержены тѣла.
Иной съ размаху мечъ занесъ на сопостата,
Но прежде прободенъ, удара не скончалъ;
Иной, забывъ врага, прельщался блескомъ злата,
Но мертвый на корысть желанную упалъ.
Иной отъ сильнаго удара убѣгалъ,
Стремглавъ на низъ слетѣлъ и стонеть подъ конемъ;
Иной пронзенъ угасъ, противника пронзалъ,
Иной врага повергъ, и умеръ самъ на немъ...

¹⁾ Сочиненія В. Петрова, I² (С.-Пб. 1811):

Текутъ сомкнувшися стѣною на проломъ;
Грудь грудью, мечъ мечемъ, встрѣчаютъ громомъ громъ.
Потемкинь тамъ чрезъ рвы на огонь и смерть дерзаетъ,
По трупамъ сопостать въ храмъ славы достигаетъ!
Тамъ Ржевской со своимъ перуномъ къ нимъ летитъ!
Тутъ Вейсманъ частымъ ихъ ударомъ тяготитъ!
Сопрягши силы, вдругъ всѣ рвутся, ускоряютъ,
Всѣ путь себѣ грудьми въ станъ вражій отворяютъ;
Ни рвы, ни крутизны не могутъ ихъ здержать... (стр. 208—209).

Свистъ адръ, оружія трескъ, ревъ махинъ, свукъ броней,
Сражающихся крикъ и ржаніе коней,
Визгъ, топотъ, шумъ и вопль до облакъ раздается;
Смѣсившись съ прахомъ дымъ на воздухъ вихремъ вьется;
Блится бранный огонь какъ молнія въ ночи!
Сверкаютъ острые сѣвозъ черву мглу мечи!... (стр. 216)

Сперлися, сшиблися! другъ друга нудятъ пасти,
Другъ друга тяготятъ и рубятъ въ мелки части!
Тотъ множество своей принесши злобѣ жертвъ
Несытъ убійствами, сражается полмертвъ;
Иной, лишь мечъ взмахнулъ, пронзенъ при самомъ взмахѣ,
Падеть и движется въ окровавленномъ прахѣ.
Всякъ мечется, бѣжитъ люте гладна льва
Топча свопкъ, чужихъ, пролитыя чрева!
Мурза, хотя взлетѣтъ Сабурову на плечи,
Самъ прежде сринуть палъ среди кровавой сѣчи.
Ахметъ, рвучись мечемъ межъ россовъ путь отверсты,
Сраженъ, какъ песь грызетъ невинну, зляся, персты.
Разметаны въ песокъ трепещущіе уды,
Тамъ руки, тамъ главы, и тѣлъ бездушныхъ груды (стр. 220).

такихъ же картинъ заключаетъ въ себѣ его ода „На взятіе Измаила“, 1790 года ¹⁾). Подражая Ломоносову, его одѣ „На взятіе Хотина“, Державинъ, въ томъ же 1790 году, пишетъ также оду „На взятіе Измаила“, батальные картины и образы которой ближайшимъ образомъ напоминаютъ стиль Ломоносова ²⁾). Нарисовалъ картину боя и

¹⁾ Соч. В. Петрова, ч. II^а, стр. 82 и слѣд.:

Сомкнувъ свои въ рядъ тѣсной плечи,
Возможной быстротью шаговъ,
Бросаются на ужасъ сѣчи,
Въ среду сгустившихся враговъ.
Стѣна ходяща, поражаютъ,
Разы разами умножаютъ;
Духъ всѣми дѣйствуетъ единъ...
Смѣсилися! другъ друга рубятъ,
Другъ друга колютъ, топчутъ, рвутъ;
Ударъ ударами сугубятъ,
По собственнымъ кровямъ плывутъ.
То туркъ наяръ вспять росса нудить,
То россъ весь жаръ души разбудить
И турка вдоль валовъ женеть...
Ударовъ звукъ и крови брызги,
Зіянье ранъ, нестройны визги,
Шумъ, крикъ возникъ, и стонъ и трескъ...
Ружью себя тутъ россы вѣвря
И силѣ мѣткія руки,
Какъ ловчіе напорна звѣвря,
Пріемлютъ турка на штыки:
Кровей подъ пѣною и паромъ
Шума разятъ во гнѣвѣ яромъ,
Кого имъ встрѣчу рокъ ни дастъ...
Ага несяся тигромъ лютымъ,
На конья острья воздѣтъ,
Въ крови, съ мечемъ полувзмахнутымъ,
Удара не скончавъ, падеть.
Тотъ меркнетъ, не дождавъ упада;
Сей падши звукнетъ какъ громада,
Пронзень на самомъ въ бой бѣгу.
Другой отъ тяжка въ грудь ушиба
Трепещется въ пыли, какъ рыба
Въ чужой стихіи на берегу.
Всѣхъ рокъ немилосердный косить,
Велики падаютъ ряды;
Зіяя тысячи уносить
Адъ вдругъ живуцахъ изъ среды... (стр. 93).

²⁾ Соч. Державина, изд. Акад. Н., I^а, стр. 239:

И. И. Дмитріевъ ¹⁾. Всего болѣе такихъ картинъ у Хераскова, — въ „Россіадѣ“ (пѣснь 12: взятіе Казани приступомъ), въ поэмѣ 1771 г. „Чесменскій бой“ ²⁾, особенно въ поэмѣ „Владиміръ“ ³⁾.

О, что за зрѣлище предстало?
О лагубный, о страшный часъ!
Злодѣйство что ни вымышляло,
Поверглось, россы, все на васъ:
Зрю камни, ядра, варь и бревны:
Но чѣмъ герои уstraшены?
Чѣмъ можетъ отраженъ быть Россѣ?
Тотъ лѣзетъ по бревну на стѣну,
А тотъ летитъ съ стѣны въ геенну;
Всякъ Курцій, Децій, Буарось!
Всякъ помнитъ должность, честь и вѣру,
Всякъ душу и животъ владеть...
Тамъ въ грудь, въ сердца лежатъ пронзенны,
Безъ силъ, безъ чувствъ, полмертвы, блѣдны;
Но мнѣ еще стерть вражій рогъ:
Иной движеньемъ ободряетъ,
А тотъ съ побѣдой восклицаетъ:
„Екатерина! Съ нами Богъ!“..

¹⁾ „Освобожденіе Москвы“, 1795 года (Сочиненія Дмитр., ред. Флоридова, т. 1, стр. 179—180):

И се—зрю зарево кругомъ,
Въ дыму и въ пламѣ страшну сѣчу!
Со звономъ сшибся щитъ съ щитомъ—
И разомъ сильнаго не стало!
Ядро во мракѣ зажужжало,
И цѣлый рядъ безстрашныхъ палъ!
Тамъ вожь добычею Эревъ;
Здѣсь бурный конь съ кошемъ во чревѣ,
Вскочивши на дыбы, заржалъ
И навзничъ грянулся на землю,
Покрывши всадника собой;
Отвсюду трескъ и громы внемлю,
Глушаци скрежетъ, стонъ и вой...

²⁾ Пѣснь III (Творенія Хераскова, вновь исправленныя и дополненныя, М. 1796, часть III, стр. 116—117):

Текутъ противъ враговъ полночны Марсы смѣло,
Едины въ нихъ душа, едино зрится тѣло.
Колико вижу тамъ въ сраженіи людей,
Только видимо различныхъ мнѣ смертей.
Иный, кончая жизнь, не ропщетъ на судьбину,
Хоть видитъ самъ себя едину половину;
Лишень обѣихъ ногъ, еще онъ возстаетъ,

Вотъ та школа, гдѣ учился батальной живописи Жуковский, давший небольшой этюдъ въ этомъ родѣ уже въ ранней своей одѣ „Миръ“ ¹⁾). Херасковъ оказалъ на данный отрывокъ „Барда“ и ближайшее, частное вліяніе,—у Хераскова читаемъ: Тотъ, *рану захватя единою рукою...*, у Жуковского: Тотъ, *шуйцей рану сжавъ...*—образъ, явно заимствованный нашимъ поэтомъ у Хераскова; Херасковъ же, повидимому, передалъ Жуковскому и манеру пояснять стихи подстрочными примѣчаніями.

Къ его спасенію текущимъ вопіеть:

„Въ покоѣ умирать, друзья, меня оставьте;

(Къ этому стиху Херасковъ дѣлаетъ подстрочное примѣчаніе: „Сія были подлинныя слова одного канонера, у котораго ядромъ обѣ ноги оторвало“)

„Не мнѣ служите вы, отечество прославьте“.

Иный, пшбючи пронзенну пулей грудь,

Со смертью борется, дерзая славы въ путь.

Иный уже покрытъ завѣсой смертной тѣни,

Съ оружіемъ въ рукахъ повергся на колѣни,

И ужасъ вкругъ его свирѣствуетъ вотще,—

Онъ, силы истощивъ, сражается еще.

Иные смертный сонъ, сомкнувъ глаза, вкушаютъ.

Но лицъ спокойствіемъ живущихъ утѣшаютъ.

Иные на своихъ оружьяхъ онѣмѣвъ,

Остаточный въ лицѣ изображаютъ гнѣвъ.

Тотъ, *рану захватя единою рукою,*

Разить своихъ враговъ и мечеть громъ другою...

3) Пѣснь XIV (Творенія Хераскова, т. II, стр. 242 и слѣд.)—бой Владиміра съ печенѣгами; пѣснь XVI (тамъ же, стр. 288 и слѣд.)—битвы подъ Корсувью:

Владиміръ къ воинству приближился, и зреть,

Что брань со всѣхъ сторонъ пылаетъ и горитъ;

Воители въ бою, какъ будто въ морѣ волны,

Другъ друга подавить стремятся, бурей полны.

Тамъ рѣзше молніи мечей сверкаетъ блескъ,

Тамъ страшныхъ трескъ громовъ, оружій слышенъ трескъ;

Схватятся за руки другъ съ другомъ, войски бьются,

Враждуютъ, но ручьи ихъ крови дружно льются...

Слѣдуетъ описаніе ряда боевыхъ подвиговъ отдѣльныхъ героевъ: Сагдона и Мстислава, Оркана и Всеволода и др.

4) Соч. Жуков., ред. Арханг., I, 9:

О страхъ!.. Какъ яростно другъ на друга стремятся!

Кони въ пыл, въ поту свирѣствуютъ, яряся,

И топчутъ всадниковъ, поверженныхъ во прахъ;

Оружія гремятъ, кровь льется на мечахъ

И стоны къ небесамъ восходятъ.

Выпущенные скорбные стихи 62 — 68 первоначальной редакціи замѣнены при отдѣлкѣ Пѣсни Барда „хвалой“:

Хвала на жертву принесеннымъ
70. За рождшихъ, братій и супруговъ!
Хвала отечества хранителямъ священнымъ!
Хвала, хвала тебѣ, о падшій славы другъ! и проч. 7).

Этихъ стиховъ нѣтъ въ черновыхъ наброскахъ тетради № 12 (см. л. 30): въ поэтическомъ сознаніи Жуковского его пѣснь печали еще не превратилась въ пѣснь славы.

Наброски продолжаются стихами (зачеркнутые ставлю въ скобкахъ):

Погибнешь въ высотѣ? Весь міръ твой мавзолей!
Безславный ждетъ томясь кончины тяжкихъ дней:
Перунъ въ полнощной мглѣ незримо расточенный!
Минута славы—жизни вѣкъ!

(О ты, весны прелестный цвѣтъ...

О ты, ссѣченный рано цвѣтъ...).

Кончина быстрый мигъ! Завтра или нынѣ!
(Промчался ли какъ громъ, во прахѣ ли протекъ)
Какъ молнья ли угасъ, незримый ли протекъ!
(Рѣшися: будь царь иль рабъ судьбиннѣ!)
Царемъ, рабомъ судьбиннѣ!
(Единъ конецъ вѣковъ и дней!)
Равны концемъ и день и вѣкъ!
Не слышенъ смерти часъ! Завтра или нынѣ!
Какъ молнья ли угасъ! Невидимъ ли протекъ!
Царемъ или рабомъ судьбиннѣ!

Послѣ этихъ „философическихъ“ строкъ повторяется тема: „Славная жизнь и краткая вождѣльна“ (л. 30 обор.), — и набрасывается образъ въ стилѣ Оссіана:

Блаженъ погибшій въ цвѣтѣ лѣтъ!
О ты, любимецъ дѣвъ, (любовью украшенный) ты славою плѣненный,
О юноша, свершень твой выспренный полетъ!
Се онъ на щитъ окровавленный
Склонень прелестною главою

7) Тетрадь № 13, л. 27 обор; тетр. № 14, л. 37. Въ рукописяхъ разница только въ двухъ стихахъ: печатная редакція—

Пускай безвѣстный погибаетъ,
Сей житель праха—червь душой;

рукописная редакція:

Пускай, содрывшись въ пыль, безвѣстный погибаетъ
Сей рабъ небытія, сей низкій червь душой.

(Затмились сладостные взоры...
Потухли пламенные взоры...
Увы, съ послѣднею слезой,
Съ послѣднимъ сердца трепетаньемъ!)
Скончалъ, едва начавъ, ты ранній свой полетъ!
Се онъ на щитъ окровавленный
Склоненъ престелною главой,
Надъ нимъ кончины часъ! Ужь взоръ недвижный гасить,
Но къ сладостной семьѣ, но къ родинѣ святой
Еще съ лучемъ любви въ послѣдніе стремится.

Слѣдуетъ новый набросокъ этой же части стихотворенія, уже очень близкій къ окончательной редакціи.

Въ рукописяхъ №№ 13 (л. 27 обор.) и 14 (л. 37 обор.) къ этимъ стихамъ Жуковский дѣлаетъ такое подстрочное примѣчаніе: „Сочинитель имѣлъ въ виду одного молодого человѣка, *Новосильцова*; онъ умеръ отъ ранъ, разлученный съ своею семьей, которая и теперь не можетъ утѣшиться, потерявъ его такъ безвременно“. Примѣчаніе это удержалось и на страницахъ Вѣстника Европы 1806 г. (№ 24, стр. 270—271), при чемъ дополнено сообщеніемъ, что Новосильцовъ былъ „израненъ въ сраженіи въ прошедшую войну“. Такимъ образомъ, въ основѣ этой части стихотворенія лежитъ опять реальная дѣйствительность,—обработанная, разумѣется, въ соответствующемъ стилѣ.

Въ противоположность юношѣ, со славой погибшему на полѣ брани, Жуковский рисуетъ далѣе грустный образъ престарѣлаго воина, пережившаго сверстниковъ и жаждущаго смерти; первоначальный набросокъ былъ таковъ (л. 31):

(Сей старецъ, въ сѣдинахъ, съ израненнымъ челомъ)
Герой въ сѣдинахъ подъ вѣнкомъ,
Склоненный на костыль израненнымъ челомъ!
Всѣхъ братій порезивъ, покинутый друзьями,
Отсюду окруженъ возлюбленныхъ гробами,
Сямъ міромъ утомленъ, и гробъ ему покой!
Тамъ радости его! Туда летитъ душой!
О какъ послѣдній часъ онъ сладостно встрѣчаетъ.
Блаженъ, коль славный путь со славой довершаетъ!

Новая вариация излюбленнаго мотива нашего поэта о сладости смерти! Самый же образъ нарисованнаго здѣсь престарѣлаго героя, пережившаго сверстниковъ и друзей и жаждущаго вѣчнаго покоя, совпадаетъ съ образомъ самого гѣвца Оссиана, какъ онъ рисуется у Макферсона: „Я пѣлъ гремящія сраженія и брани, гдѣ часто мечъ

мой блисталь смертоносными ударами... Но нынѣ я уже не ратоборствую. Слава первыхъ моихъ подвиговъ исчезла; печалень и забвень всѣми, сию я на гробѣ моихъ друзей и сподвижниковъ... Но Оссіанъ не долго будетъ одинъ: онъ видитъ облакъ, долженствующій принять тѣнь его... Такъ, я гряду соединиться съ тобою, о царь героевъ. Жизнь Оссіана приближается къ своему концу“... 1).

Продолженіе чернового наброска (тетр. № 12, л. 31 обор.):

Вамъ, чада брани, вѣчный миръ...
Днесъ! вѣчный миръ сынамъ битвы!
Почійте (почійте) сладко, низложенны,
(Трубой стогласныя молвы...)
Ловца пожравъ, почивши львы!
(Запутанны—вар. Погибшіе—въ сѣтяхъ, побѣдой утомленны)
И страшные въ бою, коварствомъ уловленны!
Уставши отъ побѣдъ, сѣтями уловленны!
Се гробъ вашъ, ратниковъ слезами орошенный!
Се гробъ вашъ, отъ друзей, отъ братій вознесенный!
Днесъ вѣчный миръ сынамъ битвы!
Почійте сладко, незабвенны,
Ловца пожравъ погибши львы,
Побѣдой силъ лишася (Въ побѣдахъ утомясь)—
вар. Лишася въ побѣдахъ силъ— коварствомъ низложенны!
(Исчезнетъ ли безстрашныхъ прахъ...
Ужели пропадетъ безстрашныхъ славный прахъ?
Сей холмъ васъ возвѣститъ въ грядущихъ временахъ...
Святой потомству даръ—безстрашныхъ славный прахъ)
Потомству даръ героевъ прахъ...

Изъ этихъ набросковъ вышли шесть стиховъ окончательной редакціи:

Здѣсь, братья, вѣчно мирны вы, 2)
Почійте сладко, незабвенны!
О вы, ловца пожравъ, въ сѣтяхъ погибши львы!
О спутники побѣдъ, коварствомъ низложенны!
Безстрашныхъ персть—потомству даръ!
О васъ сей будетъ холмъ бесѣдовать съ вѣками!

Если выраженіе „коварствомъ низложенны“ можно считать отзвукомъ дѣйствительности, намекомъ на Наполеона, то холмъ, который

1) Оссіанъ, пер. Костр., I², 143, 324, 327.

2) Въ рукописяхъ № 13 (л. 28 обор.) и № 14 (л. 38) этотъ стихъ читается еще такъ: Здѣсь вѣчный миръ сынамъ битвы; слѣдующіе пять стиховъ—тѣ же, что и въ печатной редакціи.

„возвѣститъ въ грядущихъ временахъ“ о падшихъ,—реминисценція изъ Оссіана, у котораго, напр., читаемъ:

„Если должно мнѣ погибнуть на полѣ сраженій, не забудь, о Вин-вела! воздвигнуть мнѣ гробницу. Малое число голубыхъ камней, покрытыхъ землею, *напомнятъ о мнѣ временамъ грядущимъ*. Звѣроловецъ возсядетъ близъ сея гробницы... онъ скажетъ: на семь мѣстѣ покоится ратоборецъ. И слава моя будетъ безсмертна въ его похвалахъ...“¹⁾.

Чернового наброска слѣдующей части стихотворенія не сохранилось въ рукописи № 12. Тетради № 13 и № 14 передаютъ уже окончательно выработанный текстъ, отличающійся отъ печатнаго лишь нѣсколькими словами.

Отзвуки Оссіана продолжаютъ; выступаетъ оссіановскій образъ барда: у надгробнаго холма

Бардъ грядущихъ лѣтъ, объять глубокой думой,
Къ протекшимъ воспарить вѣкамъ,
Пробудить звономъ струнь насулленны дубравы,
Изъ персти воззоветъ давно-почившихъ славу.

Срв. у Оссіана: „Пѣвцы, гласящіе о дѣяніяхъ временъ протекшихъ! исполните воздухъ похвалами героевъ... Сто гласовъ возвышаются, и столько же арфъ гремятъ славу героевъ, сокрытыхъ во мрачномъ гробѣ“²⁾ и т. под.

Обстановка, которою Жуковскій окружаетъ своего барда,—также оссіановская; нашъ поэтъ воспроизводитъ нѣкоторыя выраженія Оссіана по переводу Кострова — буквально:

И мѣсяцъ изъ-за тучъ
Повременно свой ликъ задумчивый являетъ,—

а у Кострова: „Катись на раздробленныхъ облакахъ луна, *являй повременно задумчивое* и блѣдное чело“³⁾.

Слѣдуютъ болѣе жизненные образы — дѣвы, проливающей слезы на могилѣ павшаго возлюбленнаго, и соотечественника, пришедшаго поклониться праху героевъ.

Образъ скорбной дѣвы, какъ мы уже видѣли (см. выше въ гл. XXXII), влекъ къ себѣ поэтическую мысль Жуковского; въ данномъ мѣстѣ „Барда“ нашъ поэтъ отчетливо разработалъ этотъ образъ⁴⁾,

¹⁾ Оссіанъ, I², 215; также I², 134.

²⁾ Оссіанъ, I², 133; срв. 162, 252; II², 30, 59, 108.

³⁾ Оссіанъ, I², 248.

⁴⁾ Мимолетнымъ видѣніемъ мелькаетъ этотъ образъ и у Оссіана: „Три дни стеная

поставивъ рядомъ съ нимъ и образъ юнаго героя, „друга сердца“ дѣвы, какимъ она его увидѣла въ послѣдній разъ передъ его отъѣздомъ на поле брани, и о которомъ она воспоминаетъ:

Летащій въ бой,
Пріявши громы въ руки,
Другъ сердца, сильнымъ страхъ,
Красою образъ Дида,
Съ уныніемъ въ очахъ,
Съ блистаньемъ Свѣтовиды,
Сказала: прости навѣкъ!
Шеломъ надвинулъ бранной,
Вдохнулъ, какъ вихрь потокъ,
И съ сомномъ ратныхъ силъ исчезъ въ дали туманной.

Отмѣтимъ въ этихъ послѣднихъ стихахъ обращеніе Жуковского къ той же манерѣ рисовать образы героевъ при помощи сравненій изъ области фантастической „славяно-русской“ мифологіи (Дидъ, Свѣтовидъ), — какую мы наблюдали въ его „Вадимѣ Новгородскомъ“ (см. выше, въ главѣ XXIV).

Здѣсь оканчивается первая часть пѣсни, влагаемой нашимъ поэтомъ въ уста его барда:

Умолъ... и струнъ исчезъ въ пустынномъ небѣ звонъ;
И отзывъ по горамъ и дебри усыпимсь...

Рисуется въ оссіановскомъ же стилѣ картина: озаренные луной, безмолвно стоятъ передъ курганомъ братской могилы товарищей мрачные, дышащіе гнѣвомъ и мщеніемъ воины; кругомъ — дебри и лѣса.

Среди такой обстановки въ поэмахъ Оссіана-Макферсона обычно являются живымъ тѣни убитыхъ. Жуковский воспользовался этимъ мотивомъ для продолженія своей „Пѣсни“. Его барду является видѣніе; передъ нимъ — „низверженныхъ полунощные лики“, „призраки могущихъ“, поютъ пѣснь гибели и мщенія:

Они! средь бурныхъ тучъ! силелись рука съ рукой!
О, страшный сонмъ! о, страшны клики!..
Внимай! внимай! горѣ пѣснь гибели поютъ,
Отмщенья! крови! вопіють,
Сверкая изъ-за тучъ ужасными очами ¹⁾.

проливала она слезы надъ тѣломъ своего любовника“ (I², 119); „Дщерь иноплеменика увидитъ мой гробъ, и проліетъ слезы надъ юнымъ ратникомъ, пришедшимъ изъ дальнихъ странъ для бранныхъ подвиговъ“ (I², 177).

¹⁾ Срв. у Оссіана: „Прозвительные ночныхъ призраковъ гласы, пролетая сквозь дебри и пустыни Ленскія, ударили въ его утеса (I². 34)... Тѣни прежде бывшихъ

Волосы поднимаются на головѣ барда; онъ взбѣгаетъ съ своей лирою на могильный курганъ и, возобновляя свою пѣснь, призываетъ славянскихъ героевъ къ отмщенію тирану.

Создавая эту новую ситуацію: вдохновенный бардъ на высотѣ кургана бряцаетъ пѣснь мести, воспламеняя окружающіе сонмы воиновъ на новые бранные подвиги, — Жуковский едва ли не воспользовался здѣсь образомъ, созданнымъ хорошо знакомымъ нашему поэту Греемъ, ода котораго „The Bard“ отрывается какъ разъ такую же картиною: проходитъ войско, а бардъ, стоя на высокой скалѣ, поетъ пѣснь мести тирану ¹⁾).

героевъ! жители облаковъ легкихъ! Срѣтайте, примите дружелюбно моихъ пораженныхъ ратоборцевъ, и упокойте ихъ въ убѣжищѣ холмовъ вашихъ! да возмогутъ нѣкогда, носимы на крылѣхъ вѣтра, пролетѣть они пространство моихъ морей, посѣтить меня въ сновидѣніяхъ и возвеселить душу мою въ безмолвіи ночи“ (I², 91)... и др.

- ¹⁾ „Ruin seize thee, ruthless King!
„Confusion on thy banners wait...
„Helm, nor hauberk's twisted mail,
„Nor even thy virtues, Tyrant, shall avail
„To save thy secret soul from nightly fears“...
Such were the sounds, that o'er the crested pride
Of the first Edward scattered wild dismay,
As down the steep of Snowdon's shaggy side
He wound with toilsome march his long array...
On a rock, whose haughty brow,
Frowns o'er old Conway's foaming flood,
Robed in the sable garb of woe,
With haggard eyes the Poet stood;
(Loose his beard, and hoary hair
Streamed, lik a meteor, to the troubled air)
And with a Master's hand, and Prophet's fire,
Struck the deep sorrows of his lyre.
„Hark, how each giant-oak, and desert cave,
„Sighs to the torrent's awful voice beneath!
„O'er thee, oh King! their hundred arms they wawe,
„Revenge on thee in hoarser murmurs breathe“...

Переводъ П. Голееницева-Кутузова (М. 1803), стр. 45—46:

„Погибни, лютый царь! ты смертныхъ стаде отравой!
„Да трепеть, срамъ, твои постигнуть знамена“...
Отъ сихъ ужасныхъ словъ потрясся шлемъ пернатый
На Эдуардовой гордящейся главѣ,
Когда высокихъ горъ презрѣвъ крутые скаты,
Надъ бездной войско онъ отважно велъ свое...
На каменной скалѣ, до облакъ возвышенной,

Объектъ мщенія, къ которому призываетъ бардъ у Жуковского, — „ярый исполинъ, побѣдами надменный“ — Наполеонъ, побѣдившій Австрію, которой помогали русскія войска, и разгромившій Пруссію. Рисуются картины послѣдствій военнаго разгрома:

Прострите взоръ окрестъ: лишь дебри заустѣлы.
Гдѣ пышный видъ полей? гдѣ радостныя селы?
И гдѣ тевтоновъ мощь, взринувшая Римъ?..

Слѣдуетъ рядъ пластическихъ образовъ: голодная мать, простертая на голой землѣ, пытается кормить младенца, но молоко въ груди изсякло, и изъ сосцовъ сочится кровь; больной старикъ приникъ къ развалинамъ своей сожженной хижины...

О, доблесть прежнихъ лѣтъ! лишь цѣни тамъ звучать;
Лишь хищниковъ блчи подъяты падъ рабами;
Сокрылись Германа послѣдніе сыны;
Сокрылись силъ вожди, парившіе орлами;
Въ пустыняхъ, очеса къ землѣ преклонены,
Надъ прахомъ падшаго отечества рыдаютъ.

О тогдашнемъ состояніи Германіи подъ владычествомъ Наполеона Жуковский былъ, видимо, достаточно освѣдомленъ: онъ изображаетъ въ стихахъ, образно, то же самое, о чемъ говорила, напр., упомянутая выше книжка „Deutschland in seiner tiefen Erniedrigung“ (1806); книжка эта, навлекшая на продававшего ее книгопродавца (за неразысканіемъ автора) Пальма смертную казнь (разстрѣлянь 26-го августа 1806 г.), очень скоро стала извѣстна въ Россіи даже въ переводѣ, и здѣсь, между прочимъ, читается ¹⁾:

Котору водопадъ яряся окроплялъ,
Пить, во мрачную одежду облеченной,
Съ глазами мутными, горящими стоялъ;
Какъ будто въ воздухъ носимое явленье,
Такъ вѣтеръ развѣвалъ власы его съ брадой;
Онъ быть въ пророческомъ вазался изступленьѣ,
И съ жаромъ ударялъ по лирѣ онъ рукой;
„Пещеры дикія, огромны древни дубы,
„Сливъ шумъ свой съ голосомъ ревуція воды,
„Гласяте тебѣ, тирань, какъ громко-звучны трубы,
„Что мщеніе тебя постигнетъ и бѣды“...

¹⁾ Пользуюсь 2-мъ изданіемъ перевода: *Германія въ глубокомъ униженіи своемъ, переводъ съ нѣмецкаго, второе исправленное изданіе. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. 1807 года, стр. 17, 18, 32, 33, 49, 54, 102.* Первое изданіе неизвѣстно даже библиографамъ (Сопиковъ, Смирдинъ), — такъ быстро оно было, повидимому, раскуплено и исчезло изъ продажи. Въ 1807 году книга

„Въ сіе снаружи блестящее время раздастся ужасный вопль о недостаткѣ, дороговизнѣ и голодѣ въ сихъ, нѣкогда щастливыхъ областяхъ Германіи... Бичъ ли Всевышняго наказуетъ насъ безплодіемъ, голодомъ, язвою, или виновны правители Германіи, когда недостатокъ и убожество со всею ужасною свитою своею ежедневно умножаются и угрожаютъ совершеннымъ паденіемъ прежнему благоденствію сихъ земель?... Бонапарте велѣлъ войскамъ идти впередъ, и собиралъ ихъ, гдѣ хотѣлъ. Франконскій округъ, чрезъ который прошла сія такъ называемая Галло-Батавская армія, терпѣлъ ужасныя тягости отъ сихъ человѣколюбивыхъ посѣтителей... Наступила чреда Баваріи. Съ французскими отрядами, какъ союзниками Баваріи, поступали какъ можно ласковѣе. Но никогда человѣчество не было словомъ *дружба* съ большею злостію обмануто, какъ въ сіе время. Первая учтивость городамъ и селамъ Баваріи было повелѣніе исправить чрезвычайныя поставки. Послѣ сего горестнаго начала, каждый солдатъ, подобно голодному волку, бѣжалъ въ назначенную для него квартиру. Прежде сего голодный не презиралъ никакой пищи, а въ семь случаевъ сталъ требовать лакомствъ для утоленія алчности своей... и когда искусно приготовленная пища не возбуждала снова позова его, онъ подлѣйшимъ образомъ безчестилъ хозяина и хозяйку... Гораздо ниже скотской похоти было необузданное сластолюбіе французскихъ солдатъ. Во многихъ Баварскихъ городахъ происходили ужаснѣйшія явленія. Такъ, говорятъ, напрямѣръ, что въ Пассауѣ французскіе солдаты заманили нѣсколько женщинъ въ конюшню, потомъ вывезли ихъ мертвыхъ на телѣжкахъ и зарыли въ землю... Земледѣлецъ, лишенный потребнаго ему рабочаго скота, лишь только началъ заводиться снова лошадыми и волами, какъ прохоть французовъ черезъ сію землю, во всемъ подобный нападенію, лишилъ его важной части его имущества. Обманъ, коварство, насиліе въ сіе время помогали одно другому. На слезы и усиленныя просьбы о помилованіи отвѣчали насмѣшками или побоями... Но отъ чего происходитъ сіе расслабленіе и бездѣйствіе Германцевъ? Ахъ! здѣсь вижу я войско, котораго полководцы, будучи несогласны между собою, открываютъ непріятелю слабость свою; и навлекая разногласіемъ своимъ себѣ смерть и плѣнъ, заставляють

была и вновь переведена: *Нѣмецкая Земля въ глубокомъ своемъ униженіи. Сочиненіе сіе есть самое то, за которое невинно пострадалъ Ниренбергскій книгопродавецъ Пальмъ, и послужилъ въ новый доводъ кровожадности, безчеловѣчія, насильства и неправосудія мучителей Европы, новыхъ Франковъ. Новый переводъ въ нѣмецкаго. Въ Санктпетербургѣ, 1807 года.*

огорченного симъ союзника оставлять ихъ во власти побѣдителя... Австріи не столько недоставало средствъ, сколько хорошихъ учрежденій и полководцевъ для отраженія врага отъ предѣловъ своихъ... Восплачь громко, благородной, честной Германецъ, твоя мирная хижина, не защищаемая первымъ изъ Германскихъ жителей, должна служить жилищемъ войскамъ нарушителя общаго спокойствія!...“

Слѣдующая затѣмъ часть „Барда“ заключаетъ въ себѣ обращеніе къ „сынамъ возвышенныхъ славянъ“ и горячій призывъ отмстить общему врагу за угнетеніе Германіи и обезопасить собственные предѣлы, родину. Для стиховъ 202—234 сохранились (въ тетради № 12, л. 32) черновые наброски, представляющіе картину авторскаго труда Жуковского при выработкѣ текста стихотворенія; привожу эти наброски (зачеркнутые стихи и слова ставлю въ скобки):

(Гдѣ чада Германа? Гдѣ славныхъ силъ вожди
Парившіе орлами...)

Сокрылись Германа (оставшіе) послѣдніе сыны,

Сокрылись силъ вожди, парившіе орлами!

Прискорбны! Очи ихъ къ землѣ преклонены!

(Отчизны надшей прахъ слезами орошаютъ!)

Надъ прахомъ надшаго отечества рыдаютъ!

(Герои, кровь славянъ!..)

О братья! о сыны возвышенныхъ славянъ!

(Грядите! вашъ перунъ царямъ побѣды данъ)

Впередъ! впередъ! вамъ гроизъ для мщенія свыше данъ.

(Бо мщенью воли васъ погибшихъ призываютъ!

Воззрите! издали къ вамъ руки простираютъ

Супруги, матери, и чада, и отцы)

Отмщенья! подъ ярмомъ народы восклицаютъ.

(Се къ вамъ, защитники...)

Отъ васъ, защитники, спасенья ожидаютъ...

Се къ вамъ „защиты! мщенья“—вар. защитники, отмстите—восклицаютъ

И матери въ слезахъ, и чада, и отцы).

Впередъ, да въ прахъ (низринутся) падутъ погибели творцы!

Воззрите всяты! Тамъ сонмъ (О сонмъ) священны!

Тамъ (нашихъ радостей) счастья нашихъ дней залого драгоцѣнны,

Тамъ матери въ слезахъ, тамъ чада и отцы!

Тамъ лавроносная отчизна въ ожиданъ!

(Съ какою сладостью—вар. нѣжностью—стремятся къ вамъ душой

Всѣ дѣвы! цвѣтъ славянъ...)

Возлюбленны, цвѣтуція красой...

Славянки вамъ вѣнецъ...

Славянки нѣжны... даръ любви... цвѣтуція красой...

Славянскихъ дѣвъ, пылающихъ любовью...

Съ какою любовію летятъ за вами вслѣдъ

Славяновъ восхищенны взоры...)

О витязи, за вами вслѣдъ

Славянскихъ дѣвъ любовь! (и тайныя желанья, возлюбленныхъ объѣты,

Да съ незабвенными свиданье) возлюбленныхъ желанье,

Да ихъ хранители съ трофеями побѣдъ

Въ отчизну прилетать, отмстивъ, непобѣжденны!

Слѣдуетъ перебѣленная редакція этого отрывка:

Возрите вспять: тамъ сонмъ священный!

Тамъ счастья нашихъ дней залогъ драгоцѣнны!

Тамъ матери въ слезахъ, тамъ чада и отцы!

Тамъ лавроносная отчизна въ ожиданьи!

О витязи, за вами вслѣдъ

Славянскихъ дѣвъ любовь, возлюбленныхъ желанье,

Да боги ихъ сердцецъ, съ трофеями побѣдъ,

Въ отчизну прилетать, отмстивъ, непобѣжденны!

За вами взоры ихъ стремятся восхищенны!

Далѣе опять идетъ выработка стиховъ (зачеркнутое ставлю въ скобкахъ):

(Идите, витязи, хранители друзей...)

Внимайте гласовъ...

Идите, вопіють возлюбленныя къ вамъ...

Внимайте чадъ, супругъ и дѣвъ священный гласъ!)

Супругъ и матерей, и чадъ, и юныхъ дѣвъ

Вонмите, витязи, моленье!

Возрите на отцовъ колѣнопреклоненье!

На славномъ поприщѣ, во славѣ посѣдѣвъ,

(Дрожащи руки)

(Поднявъ горѣ трепещущія руки)

Подъемлютъ къ небесамъ трепещущія длани

И молятъ: Царь Побѣдъ! за нихъ, за нихъ во брани!

(О сколь защитники)

О сколь возвышенны спасающіе насъ!

(На васъ взираетъ сонмъ возлюбленныхъ...)

Гласятъ возлюбленные сонмы...)

Возлюбленны вслѣдъ за вами восклицаютъ.

ПЕРЕБѢЛЕНО:

За вами взоры ихъ стремятся восхищенны!

Супругъ и матерей, и чадъ, и юныхъ дѣвъ

Вонмите, воины, моленье!

Возрите на отцевъ колѣнопреклоненье!

Со славой посреди могущихъ посѣдѣвъ,

Подъемлютъ къ небесамъ трепещущія длани

И молятъ: Царь побѣдъ, за нихъ во брани!

О сколь возвышенны спасающіе насъ!

Продолженіе черновой работы:

(Возлюбленны гордясъ въ восторгѣ сладкомъ...
Возлюбленныхъ соборъ любуясъ на васъ...)
(Плѣняясь) вами восклицаютъ
Возлюбленные зря на бой текущихъ васъ...
(Съ какою тишиной погибель презираетъ!
Коль ихъ ужасенъ—вар. Коль грозенъ бранн—видъ! какъ взоры ихъ
блистаютъ!

Коль въ шлемахъ и съ мечемъ плѣнительны они)
Какія молніи изъ взора ихъ блистаютъ
Коль (страшенъ) грозенъ ополченныхъ сонмъ!
О сколь плѣнительны (подъ шлемомъ и съ мечомъ), неся во длани
громъ!

Побѣдъ и рока властелины!
Ничто для нихъ свирѣпый бой!
Для нихъ, покинувшихъ отчизну за собой!
Невѣсть (супругъ) и женъ и чадъ отдавъ на власть судьбины!
О незабвенны, о слава нашихъ дней!
Грядите! благодать самихъ небесъ надъ вами!

Здѣсь прерывается послѣдній изъ сохранившихся черновыхъ набросковъ „Барда“.

Обработывая эти наброски, нашъ поэтъ въ окончательную редакцію внесъ необходимыя измѣненія, совершенно, впрочемъ не существенныя, и прибавилъ три стиха, составляющіе переходъ къ слѣдующимъ за тѣмъ картинамъ:

Враги да будутъ снѣдъ мечей;
Да вскорѣ бранными вѣнками
Священныя главы отмстившихъ обовьемъ.

Послѣ этого Жуковский рисуетъ картины встрѣчи побѣдителей на родинѣ и скорби о павшихъ, а затѣмъ призываетъ „россовъ“ (отбрасывая общее наименованіе „славянъ“) къ новой битвѣ, чтобы загладить испытанное пораженіе:

Ударимъ! упредимъ! не россу посрамленье!..
Нѣтъ! Нѣтъ! всей мощью пораженье
Низринемъ, россы, на враговъ!..
О, россы, о, ужасъ дерзновенныхъ!
Пусть смѣютъ испытать, гдѣ мощь руки твоей!..

Этими влагаемыми въ уста яко бы барда призываніями и заканчивается стихотвореніе Жуковского. Прибавлено лишь четыре стиха, говорящіе о томъ, каковъ былъ результатъ зажигательной пѣсни барда,—нѣсколькими штрихами нарисована картина новаго устремленія на враговъ:

Умолкъ... и сонмы всколебались...

Щитами грянули... чрезъ холмъ, сѣвось дебрь и лѣсъ,

Воспламененные помчались...

И праха чернѣй вихрь вознесся до небесъ.

Эта послѣдняя часть „Барда“, отъ стиха 206-го, вполне самостоятельна, совершенно свободна отъ литературныхъ влiяній. Здѣсь находится центръ тяжести стихотворенiя Жуковского; здѣсь нашель свое горячее выраженiе высокiй патрiотическiй подъемъ поэта, явившагося краснорѣчивымъ выразителемъ тогдашняго настроенiя и всего русскаго общества, готовившагося къ предстоявшей борьбѣ съ Наполеономъ. Предупреждавшiй о близкой войнѣ съ французами манифестъ императора Александра I, отъ 30-го августа 1806 г., заключалъ въ себѣ между прочимъ такiя слова: „Мы удостовѣрены, что вѣрные наши подданные, всегда движимые любовiю къ Отечеству, всегда водимые честiю и мужествомъ, окруженные великими примѣрами отечественной ревности, соединять усилiя свои съ нами, какъ скоро безопасносъ Россiи, гласъ славы и велѣнiя наши призовуть ихъ дѣйствовать на пользу общую“ ¹⁾. Жуковскiй даетъ поэтическiй откликъ на призывъ, раздавшiйся съ высоты престола,—и вполне понятна та популярносъ, какую получило стихотворенiе, настолько соотвѣтствовавшее настроенiю момента. Въ восемь дней Пруссiя была разгромлена Наполеономъ; 15-го октября 1806 г. побѣдитель вступилъ въ Берлинъ и поселился въ королевскомъ дворцѣ; ежедневно онъ получалъ ключи сдававшихся ему прусскихъ крѣпостей по Везеру, Эльбѣ и Одеру; королю и его семейству пришлось искать убѣжища на восточныхъ окраинахъ государства. Императоръ Александръ I рѣшилъ выручить друга и союзника, хотя послѣ пораженiя прусаковъ при Иенѣ и Ауэрштедтѣ вмѣсто наступательной войны приходилось помышлять о защитѣ границъ Россiи ²⁾. Современникъ пишетъ: „Столь блестящаго похода никогда еще Наполеонъ не дѣлалъ; лишь коснется крѣпости, она падаетъ передъ нимъ безъ защиты; лишь достигнетъ бѣгущiй корпусъ, хватаетъ его руками. Отъ стыда Пруссiи покраснѣли наши щеки; каждое ея пораженiе какъ кинжаломъ ударяло насъ въ сердце: они не знаютъ того, неблагодарные, нынѣшнiе наши ненавистники, какъ всѣ русскiе въ душѣ своей тогда побратались съ ними. Уже не за Аустерлицъ, а за чуж-

¹⁾ Полн. Собр. Законовъ Россiйск. Им., т. XXIX, С.-Пб. 1830, стр. 702.

²⁾ Н. К. Шильдеръ, Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованiе, т. II, стр. 154.

дую нашей чести Іену кричали всѣ: отмщеніе“¹⁾. Жуковскій выразилъ это настроеніе такими стихами своего „Барда“:

Сокрылись Германа послѣдніе сыны;
Сокрылись силъ вожди, парившіе орлами;
Въ пустыняхъ, очеса въ землѣ преклонены,
Надъ прахомъ надшаго отечества рыдаютъ.
О, братья! о сыны возвышенныхъ славянъ,
Воспринемъ! намъ²⁾ перунъ для мщенья свыше данъ.
Отмщенья! Подъ ярмомъ народы восклицаютъ,
Да въ прахъ надутъ погибели творцы!..

22-го октября русскій корпусъ (подъ командою генерала Беннигсена) перешелъ границу у Гродно, направляясь на помощь Пруссіи; затѣмъ главнокомандующимъ былъ назначенъ фельдмаршалъ графъ М. Ѳ. Каменскій³⁾. 15-го ноября Жуковскій заканчивалъ своего „Барда“ стихами:

... Сошмы всколебались...

Щитами грянули... черезъ холмъ, сквозь дѣбрь и лѣсъ,
Воспламененные помчались...

Печатая свое произведеніе въ Вѣстникѣ Европы 1806 г. (декабрь, № 24), поэтъ посвятилъ его „неустрасимымъ защитникамъ Отечества“, и снабдилъ эпиграфомъ изъ „Диѳирамба безсмертію души“ Делиля.

Подведемъ итоги.

Борьба съ Наполеономъ и военныя обстоятельства середины перваго десятилѣтія ХІХ вѣка напряженно отразились въ нашей литературѣ рядомъ патріотическихъ произведеній въ прозѣ и стихахъ; среди нихъ стоитъ и „Бардъ“ Жуковского, занявшій выдающееся мѣсто по своему успѣху у читателей.

Литературная рамка—бардъ, исполняющій передъ воинами пѣснь въ честь убитыхъ въ сраженіи—была подсказана нашему поэту И. И. Дмитріевымъ, а разработана по поэмамъ Оссіана-Макферсона.

Первоначально воспоминаніе объ Аустерлицкой катастрофѣ навѣвало поэту скорбную пѣснь о погибшихъ жертвахъ боя; но затѣмъ его фантазія создала фикцію побѣды, и стихотвореніе превратилось въ „хвалу“, въ своеобразную пѣснь славы, оду.

Матеріалъ для стихотворенія доставила частью дѣйствительность,

¹⁾ Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. II, стр. 220.

²⁾ Тамъ же въ рукописи (№ 14, л. 40); въ печат. *вамъ*.

³⁾ Шильдеръ, тамъ же, стр. 155.

частью литературные источники: Ломоносовъ, Державинъ, Оссіанъ, Грей и др.; эти источники оказали вліяніе и на поэтическую обработку Жуковскимъ впечатлѣній дѣйствительности.

Задумавъ въ своихъ стихахъ превратить русскихъ въ отвлеченныхъ „славянъ“, Жуковскій хотѣлъ и въ самый языкъ стихотворенія ввести „славенскія выраженія“, которыя и началъ было подбирать; выдержать славянскій колоритъ онъ однако оказался не въ состояніи. Онъ сообщилъ своему произведенію колоритъ оссіановскій: изъ поэмъ Макферсона онъ заимствовалъ обстановку, рядъ мотивовъ, образовъ и представленій,—хотя оссіановскіе мотивы воспроизведены не всегда точно.

Оссіановское вліяніе доминируетъ; однако встрѣчаемъ образы и мотивы и иного происхожденія, заимствованные у Ломоносова, Державина, Грея, и даже изъ области античныхъ представленій (павшій въ битвѣ воинъ, положенный на щитъ).

Въ своей батальной живописи Жуковскій придерживается старой манеры—Ломоносова, Петрова, Державина, Дмитріева, Хераскова; вліяніе послѣдняго замѣтно и въ нѣкоторыхъ частностяхъ.

Послѣдняя часть стихотворенія, заключающая въ себѣ горячій, искренній призывъ къ отпущенію, къ новой борьбѣ съ Наполеономъ, написана Жуковскимъ вполне самостоятельно, внѣ всякихъ литературныхъ воздѣйствій, подъ впечатлѣніемъ общаго тогдашняго настроенія русскаго общества, манифеста 30-го августа, разгрома Пруссіи и послышки русскихъ войскъ противъ Наполеона въ октябрѣ 1806 года.

XLIІ.

Къ осени 1806 года относится написаніе Жуковскимъ ряда басенъ, которыя онъ переводилъ изъ Лафонтена и Флоріана. Баснотворческое настроеніе овладѣло Жуковскимъ едва ли не въ связи съ уроками, которые онъ давалъ въ это время своимъ племянницамъ. Свой взглядъ на басню нашъ поэтъ выразилъ впоследствии въ своей статьѣ „О баснѣ и о басняхъ Крылова“ такимъ образомъ:

„Что въ наше время называется баснею? Стихотворный разсказъ происшествія, въ которомъ дѣйствующими лицами обыкновенно бываютъ или животныя или твари неодушевленные. *Цѣль сею разсказа—впечатлѣніе въ умъ какой-нибудь нравственной истины, заимствуемой изъ общежитія, и слѣдовательно болѣе или менѣе полезной*“.

И затѣмъ развиваетъ и разъясняетъ это положеніе:

„Отвлеченная истина, предлагаемая простымъ и вообще для рѣдкихъ пріятнымъ языкомъ философа-моралиста, дѣйствуя на однѣ способности умственныя, оставляетъ въ душѣ человѣческой одинъ только легкій и слишкомъ скоро исчезающій слѣдъ. Та же самая истина, представленная въ дѣйствіи, и слѣдовательно пробуждающая въ насъ и чувство и воображеніе, принимаетъ въ глазахъ нашихъ образъ вещественный, впечатлѣвается въ разсудкѣ сильнѣе и должна сохраниться въ немъ долѣе. Какое сравненіе между сухимъ понятіемъ, облеченнымъ въ простую одежду словъ, и тѣмъ же самымъ понятіемъ, одушевленнымъ, украшеннымъ пріятностію вымысла, имѣющимъ отличительную, замѣтную для воображенія вашего форму?—Таковъ главный предметъ баснописца“.

Уроки морали и раньше имѣлъ въ виду Жуковскій—и для себя и для своихъ ученицъ; онъ читалъ съ Марією Андреевною Протасовою Геллерта—очевидно, его „Moralische Vorlesungen“ и басни ¹⁾. Теперь онъ приступаетъ къ переводу басенъ, преслѣдуя, конечно, ту же моральную цѣль.

Басня переводная, а затѣмъ и болѣе оригинальная—очень популярный у насъ видъ литературы въ XVIII и началѣ XIX вв. Кромѣ извѣстныхъ баснописцевъ до-Крыловскаго времени—Сумарокова, Дмитріева, Хемницера, Измайлова,—басни писались очень многими и помѣщались, очень часто анонимно, на страницахъ журналовъ и сборниковъ ²⁾. Въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ воспитанники писали и переводили басни; младшій товарищъ Жуковскаго Ив. Ал. Петинъ сдѣлался завзятымъ баснописцемъ: онъ помѣстилъ рядъ басенъ въ „Утренней Зарѣ“. Жуковскій также увлекся этимъ теченіемъ литературы и внесъ свою лепту въ общую сокровищницу; оригинальной басни, впрочемъ, онъ не далъ ни одной, ограничившись переводами.

Сперва за матеріаломъ нашъ поэтъ обратился къ своему старому знакомцу Флоріану, у котораго и взялъ девять басенъ; девять же басенъ взялъ затѣмъ Жуковскій у величайшаго мастера басни—Ла-

¹⁾ Подъ 16-мъ ноября 1805 г. въ дневникѣ своемъ Жуковскій записалъ: „Мои работы не помѣшаютъ мнѣ думать и о морали моей: я буду читать съ Машею Геллерта“ (Дневники Жуковскаго съ примѣч. И. А. Бычкова, стр. 29).

²⁾ Подъ именемъ и басенъ и притчей, какъ тогда также назывались басни, Неустроевъ въ своемъ „Указателѣ къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг.“, С.-Пб. 1898, стр. 41—45, 532—534, отмѣчаетъ огромное количество №№.

фонтена. Сохранились еще два отрывка: одинъ—начало перевода басни Флоріана, другой—Лафонтена.

Въ глазахъ французскихъ критиковъ Флоріанъ какъ баснописецъ стоялъ и стоитъ очень высоко: *Les fables de Florian ont un charme à elles propre, une grâce à la fois naïve et malicieuse, une fraîcheur de ton, une pureté de forme qui les placent sans conteste au premier rang, non loin du fablier de La Fontaine*“,—говоритъ новѣйшій популяризаторъ ¹⁾. У Ла-Гарпа, „Лицей“ котораго Жуковский, какъ мы видѣли, усердно штудировалъ, нашъ поэтъ встрѣчалъ такой отзывъ о басняхъ Флоріана: „*Des nombreux recueils de fables qui ont paru dans ce siècle, celui-ci* ²⁾ *me paraît le meilleur; c'est celui où il me semble qu'on a le mieux saisi le véritable esprit et le vrai ton de la fable. La morale est généralement bien choisie et bien adaptée au sujet... Le bon, en tous les genres, prédomine dans ce recueil: vous y trouvez des fables d'un intérêt attendrissant* ³⁾; d'autres, d'une gaieté douce et badine; d'autres, d'une finesse piquante; d'autres, d'un ton plus élevé sans être au-dessus de la fable. Le poète sait varier ses couleurs avec les sujets; il sait décrire et converser, raconter et moraliser; nulle part on ne sent l'effort, et toujours on aperçoit la mesure“ ⁴⁾...

Русскій критикъ сдѣлалъ такой отзывъ о Флоріанѣ-баснописцѣ: „Сей авторъ прославился баснями столько же, какъ и другими своими сочиненіями. Хотя нельзя ставить его наравнѣ съ Лафонтеномъ, однако жъ многіе знатоки опредѣляютъ ему мѣсто подлѣ неподражаемаго баснописца. Флоріанъ рассказываетъ натурально и пріятно; лица, выводимыя имъ на сцену, иногда разговариваютъ *умно*, нежели сколько нужно для басни; но это самое и возвышаетъ достоин-

¹⁾ *Classiques populaires, édités par H. Legèze et H. Oudin: Leo Claretie, Florian, Paris. 1890, p. 123. Срв. отзывъ Сентъ-Бѣва: „Les fables de Florian sont bien composées, d'une combinaison ingénieuse et facile; le sujet y est presque partout dans un parfait rapport, dans une proportion exacte avec la moralité“, etc. (Causeries du Lundi, par Sainte-Beuve, t. III³, p. 244).*

²⁾ Сборникъ басенъ Флоріана вышелъ въ 1792 году.

³⁾ Новѣйшій изслѣдователь называетъ басни Флоріана „чувствительными“: *G. Saillard, Essai sur la fable en France au XVIII siècle, Paris, 1912, p. 140: Un des charmes et aussi une des supériorités de Florian, c'est d'avoir „sensibilisé“ la fable (Chap. X, La Fable sensible: Florian).*

⁴⁾ *Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne, par J. F. La Harpe, t. XV (пользуясь изданіемъ Senlis, 1826). pp. 227—228 (Sur les Fables de M. de Florian).*

ство его дарованія, потому что простота (naïveté), главное украшеніе аполога, у него не пренебрежена для остроумія и учености, какъ напримѣръ, у Гея и Ламотта. Вотъ другія отличительныя черты Флоріана: стопосложеніе легкое и пріятное, языкъ чистой и правильной, изобрѣтеніе и расположеніе счастливыя. Одно только обстоятельство можно назвать противнымъ піитикѣ, именно то, что Флоріанъ иногда выходитъ за предѣлы, назначенныя для басни. Напримѣръ, *Мудрецъ и Поселянинъ* и *Калифъ* по содержанію своему и по качеству дѣйствія болѣе принадлежать къ роду сказокъ, нежели аполога¹⁾.

Около двадцати басенъ Флоріана было уже извѣстно въ русскихъ переводахъ; болѣе всего для этого сдѣлалъ И. И. Дмитріевъ²⁾. Жуковский продолжалъ дѣло послѣдняго, перенося басни Флоріана на русскую почву.

Въ группѣ басенъ Жуковского первое мѣсто по времени написанія занимаетъ *Мартышка, показывающая китайскія тѣни*, помѣченная въ рукописной тетради № 13, л. 30 обор. (Бум. Жуков., хранящ. въ Имп. Публичн. Библ.), датой: *1806 года 11-го октября*.

Текстъ этой басни, напечатанный впервые въ Вѣстникѣ Европы 1807 г., № 5, стр. 41—43, и воспроизведенный въ изданіи сочине-

¹⁾ Вѣстникъ Европы 1806 г., апрѣль, № 8, стр. 281—282 (въ статьѣ о сочиненіяхъ и переводахъ И. И. Дмитріева).

²⁾ Въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“, кн. XVII, 1798 г., стр. 342 и слѣд. появились въ переводѣ К. Н. (женщ.) три басни: Воспитаніе льва (l'Éducation du Lion, I, II, № 15), Голубка и Сорока (la Pie et la Colombe, II, 14), Зеркало правды (le Miroir de la verité, IV, 18). Въ „Аонидяхъ“ 1798—1799 гг., кн. III, стр. 155, Влад. Измайловымъ напечатанъ *Фениксъ, басня, подражаніе Флоріану*—близкій переводъ басни Флоріана Le Phénix (II, 13); въ этой же книгѣ „Аонидъ“, стр. 243, Вас. Л. Пушкинъ напечаталъ *Мирза и Соловей, подражаніе Флоріану*—пересказъ басни Флоріана Le Rossignol et le Prince (I, 19). И. И. Дмитріевъ перевелъ слѣдующія басни Флоріана: *Кокетка и Пчела* (la Coquette et l'Abeille, I, 13—Аониды, II, 1797, стр. 244), *Шарлатанъ* (le Charlatan, V, 14—тамъ же, стр. 220), *Царь и два Пастуха* (le Roi et les deux Bergers, I, 3—Вѣст. Евр. 1802 г., ч. VI, стр. 213), *Летучая Рыба* (le Poisson volant, V, 22—Вѣст. Евр., 1803 г., ч. VII, стр. 192), *Воспитаніе Льва* (l'Éducation du Lion,—Вѣст. Евр. 1803 г., ч. IX, стр. 259), *Змья и Пыльца* (la Vipère et la Sangsue, IV, 6—въ изданіи соч. И. И. Дмитріева 1803—1805 гг.), *Придворный и Протей* (le Courtisan et le dieu Protée, IV, 11—тамъ же), *Путешествоіе* (le Voyage, IV, 21—тамъ же), *Калифъ* (le Calife, I, 8—тамъ же), *Лисица-проповѣдница* (le Renard qui prêche III, 15—тамъ же), *Мудрецъ и Поселянинъ* (le Savant et le Fermier, IV, 1—тамъ же), *Отецъ съ сыномъ* (le jeune Homme et le Vieillard, I, 17—тамъ же), *Слепецъ и Разслабленный* (l'Aveugle et le Paralytique, I, 20—тамъ же), *Донъ Кихотъ* (Don Quichotte, IV, 20—тамъ же).

ній Жуковского, редактированномъ проф. А. С. Архангельскимъ (т. I, стр. 29—30), совпадаетъ съ текстомъ рукописной тетради Жуковского № 15, л. 40 обор.—42. Въ рукописи № 13 имѣются такія незначительныя различія:

Изъ чести *пиръ!* Ужь гости по мѣстамъ..
И свѣчки потушились..
По чести, коть *сказалъ*, будравыхъ много словъ..

Въ рукописи № 14 воспроизведенъ текстъ рукописи № 13; только 49-й стихъ читается такъ:

А было бы о чемъ съ дѣтми поговорить.

Въ тетради стихотвореній Жуковского, весьма тщательно переписанныхъ рукою одной изъ Протасовыхъ (тетрадь эта хранится въ Императ. Публич. Библиотекѣ, особаго № не имѣеть, описана въ Отчетѣ Публ. Библ.—ки за 1887 г., стр. 228—229, № 42), сохранилась (л. 4 об.—5), повидимому, окончательная редакція этой басни; здѣсь иначе и лучше редактированы цѣлыхъ 15 стиховъ:

Хозяинъ, подгулявъ, на улицѣ заснулъ.
Потапъ торжество.—„Теперь и я свободенъ!
Теперь и я могу, друзья, вамъ быть угоденъ!..
Намъ слава дорога!“—Вотъ гости по мѣстамъ
И на столѣ фонарь, и окны затворили,
И свѣчки погасили..

Съ жеманной харею, съ осанкой величавой,

Выходить—вѣмъ поклонъ.

Потомъ съ кадушки рѣчь, какъ будто новой Цицеронъ—

Заставилъ всѣхъ звать—и всѣ вричали: браво!..
Прозрачную въ фонарь картинку онъ вдвигаетъ..
Моргаютъ, проглядѣтъ глаза свои хотять..
„Мнѣ видѣтся!.. Вотъ!.. Вотъ!.. Ну право! это чудо!
„Какъ жаль, что устарѣвъ я стала видѣтъ худо!..
Такъ восхищалася индѣйка чудесами..

Оригиналомъ для Жуковского послужила басня Флоріана „Le Singe qui montre la lanterne magique“ (livre II, № 7). Пересказъ близокъ къ французскому тексту, но нашъ поэтъ руссифицируетъ всю обстановку: мѣсто дѣйствія переносится въ *Москву*, обезьяна (Jasqueau у Флоріана) получаетъ имя *Потапъ*, она *гадаетъ на картахъ*, пляшетъ *въ присядку*, зрители собираются *въ закуту* (у Флоріана мѣсто представленія не указано вовсе); Потапъ хочетъ показать не только со-твореніе міра, какъ въ подлинникѣ, но и *царя-гороха съ морковкою-царицей* и *журку-долноса обѣдающаго съ лисицей*. Языкъ своей

басни Жуковский стремится сдѣлать бойкимъ, непринужденнымъ, простымъ, живымъ, разговорнымъ. Для иллюстраціи приведемъ параллельные отрывки:

Творцы и прозой и стихами,
Которыхъ громкій слогъ пугаетъ весь
Парнасъ,
Которые понять себя не властны
сами,

Поймите мой рассказъ!
Однѣя фигляръ въ Москвѣ показывалъ
мартышку,
Съ волшебнымъ фонаремъ. На кар-
тахъ ли гадать,
Взбираться ль по шнуру на крышку,
Или кувыряться и въ присядку пля-
сать

По гибкому канату,
Иль спичкой выпрямясь, подъ шляпою
съ перомъ,
На задни лапы ставъ, ружьемъ,
Какъ должно прусскому солдату,
Метать по слову артиеуль:
Потапъ всему гораздъ. Не звѣрь, а
утѣшенье!
Однажды въ воскресенье
Хозяинъ, подкуривъ, на улицѣ за-
снулъ....

Изображеніе дѣйствующихъ лицъ у Жуковского гораздо болѣе детальное, живое, наглядное; Флоріанъ ограничился фразой: Par un discours fait exprès, Jacqueau prépare l'auditoire,—нашъ же поэтъ рисуетъ цѣлую комическую сцену:

Потапъ въ суконномъ колпакѣ
Съ указкою въ рукѣ
Съ жеманною харею, съ осанкой величавой
Выходить—всѣмъ поклонъ,
Потомъ съ кадушки рѣчь, какъ будто новой Цицеронъ...

На слѣдующій день, 12-го октября 1806 года, какъ отмѣчено въ тетради Жуковского № 13, л. 31 обор., нашъ поэтъ написалъ басню *Соколы и Голубка*. Басня была напечатана въ Вѣстникѣ Европы 1807 г., № 4, стр. 262; этотъ же текстъ воспроизведенъ въ изданіи сочиненій Жуковского, ред. А. С. Архангельскимъ (т. I, стр. 30). Текстъ этотъ восходитъ къ рукописному, сохранившемуся въ тетрадяхъ Жуковского № 14 (л. 8) и № 15 (л. 3 обор.); въ тетради № 13

Messieurs les beaux esprits, dont la
prose et les vers
Sont d'un style pompeux et toujours
admirable,
Mais que l'on n'entend point, écoutez
cette fable,
Et tâchez de devenir clairs.
Un homme qui montrait la lanterne
magique
Avait un singe dont les tours
Attiraient chez lui grand con-
cours;
Jacqueau, c'était son nom, sur la corde
élastique
Dansait et voltigeait au mieux,
Puis faisait le saut périlleux,
Et puis sur un cordon, sans que rien
le soutienne,
Le corps droit, fixe, qu'à-plomb,
Notre Jacqueau fait tout du
long
L'exercice à la prussienne.
Un jour qu'au cabaret son maître était
resté, etc.

первоначально былъ написанъ этотъ же текстъ, но затѣмъ рукою нашего поэта внесены такія поправки (зачеркнутое ставлю въ скобки):

Голубку соболю (несь, держаль) *мчалъ* въ когтяхъ.
Попалась? Ну, теперь *забуди* свои затѣи...
Есть боги-мстители!—(Увы! я ожидала—
вар. Ахъ! я-бъ того желала). *Увы! я то-же мечтала,—*
Такъ бѣдная въ котляхъ мучителя стенала.
Какъ! *Что!* Отступница!.

Басня Жуковского—близкій пересказъ басни Флоріана „Le Milan et le Pigeon“ (кн. V, № 18):

Un milan plumait un pigeon,
Et lui disait. Méchante bête,
Je te connais, je sais l'aversion
Qu'ont pour moi tes pareils; te voilà ma conquête!
Il est des dieux vengeurs. Hélas! je le voudrais,
Répondit le pigeon, etc.

Поправки Жуковского въ тетради № 13 дѣлаютъ переводъ менѣе близкимъ къ оригиналу: plumait — драль (Вѣст. Евр.)—мчалъ; je le voudrais—я бъ того желала (Вѣст. Евр.)—я тожъ мечтала.

Въ тотъ же день, 12-го октября, Жуковский написалъ и другую басню—*Мартышки и Левъ* (тетр. № 13, л. 32 обор.) Текстъ и этой басни напечатанъ въ Вѣстн. Евр., 1807 г., апр., № 8, стр. 278—280—Соч. Жуков., ред. Арханг., I, 30—31; этотъ печатный текстъ всецѣло совпадаетъ съ текстомъ рукописи № 15, л. 44 обор.—45. Разночтенія въ рукописи № 13:

Вотъ изъ лѣсу на шумъ выходитъ левъ...
Примолкли, труслили...
Не трусьте, начинай!
И вѣря (какъ и все) *привѣтливымъ* словамъ...
Мартышка—ой!—и прочь, *махнувъ* хвостомъ...

Разночтенія въ рукописи № 14, л. 9 обор.—10:

Ни *пискнутъ*, труслили...
Братъ царскій *шлетъ*...
Мартышка—ой!—и прочь, *вертя* хвостомъ...

Жуковский даетъ близкое воспроизведеніе басни Флоріана Les Singes et le Leopard (кн. III, № 1), но рассказываетъ гораздо живѣе, картиннѣе, образнѣе. У Флоріана:

Des singes dans un bois jouaient à la main chaude;
Certaine guenon moricaude,

Assise gravement, tenait sur ses genoux
La tête de celui qui, courbant son échine,
Sur sa main recevait les coups.
On frappait fort, et puis devine!
Il ne devinait point; c'était alors des ris,
Des sauts, des gambades, des cris.

Жуковский, усиливая элементъ дѣйствія, создаетъ цѣлую забавную сцену скорѣе дѣтской, чѣмъ обезьянней игры:

Мартышки тѣшились лаптой;
Вотъ какъ: одна изъ нихъ, сидя на шѣ, держала
Въ колѣняхъ голову другой;
Та, лапки на спину, зажмурясь узнавала,
Кто билъ.—Хлопъ-хлопъ! „Потанцъ, проворнѣй! кто?“—Мирошка!
—„Совралъ!“—и всѣ, какъ бѣсы, врозь!
Припрыжи, кувырненье впередъ, и назадъ, и вбось;
Крикъ, хохотъ, пискъ! Одна мяукаетъ, какъ кошка,
Другая, ноги вверхъ, повисла на суку;
А третья ну скакать сорокой по песку!
Такого поискать веселья!..

Образъ нарушителя этого веселья разработанъ у Жуковского тоже нѣсколько иначе, обстоятельнѣе. У Флоріана:

Attiré par le bruit du fond de sa tanière,
Un jeune léopard, prince assez debonnaire,
Se présente au milieu de nos singes joyeux...

У Жуковского:

Вдругъ изъ лѣсу на шумъ выходитъ левъ,
Ученый, смиренный принцъ, братъ внучатный царевъ:
Ботанизировалъ по роцѣ отъ бездѣлья.

13-го октября была написана басня *Ссора пльшиныхъ* (рукоп. № 13, л. 33 обор. = № 14, л. 7 = № 15, л. 42; печат. Вѣстн. Евр. 1807 г., № 6, стр. 113 = Соч. Жуков., ред. Арханг., I, 31). Въ этихъ рукописяхъ стихъ пятый читается такъ:

Подъ брюхо, подъ бока.

Въ № 13 исправлено рукою Жуковского:

И въ спину и въ бока.

Съ этою поправкою басня и напечатана.

Въ тетради, переписанной рукою Протасовой (№ 42 по Отчету Императ. Публ. Библиотеки за 1887 г., стр. 228), этотъ стихъ варьируется такимъ образомъ (л. 15): *Пинками, въ спину, подъ бока;*

такъ исправлено рукою Жуковского вмѣсто зачеркнутого: *Въ затылокъ*, подъ бока.

Оригиналъ—*Les deux chauves* (кн. IV, № 16) Флоріана:

Un jour deux chauves dans un coin
Virent briller certain morceau d'ivoire.
Chacun d'eux veut l'avoir; dispute et coups de poing.
Le vainqueur y perdit, comme vous pouvez croire,
Le peu de cheveux gris qui lui restaient encor...

Гладенькій, чуждый образовъ и опредѣленной обстановки французскій разсказецъ превратился подъ перомъ Жуковского и здѣсь въ живую юмористическую сценку. Среди проселочной дороги:

Два кума лысые дорогой шли,
И видятъ, что-то на травѣ блестаетъ.
Ну!—думаютъ—мы кладъ нашли!
„Моя находка!“—Вздоръ!—Ужъ кума кумъ толкаетъ
И въ спину и въ бока!

Къ тому же 13-му октября относится написаніе басни *Котъ и Зеркало* (рукоп. № 13, л. 33 обор.; срв. рукоп. № 14, л. 7 обор., № 15, л. 49 обор.—50). Печатный текстъ (Вѣст. Евр. 1807 г., июль, № 14, стр. 98 = Соч. Жуков., ред. Арханг., I, 31) совпадаетъ съ текстомъ рукоп. № 15. Въ рукоп. № 13 рукою Жуковского сдѣланы поправки, не вошедшія въ печатную редакцію:

Шерсть дыбомъ... и мордою въ стекло..
Надулся... „Понимаю“.
Постой, *увертливый*, ужъ будешь ты моимъ!
Хватъ! Хватъ! и *лапками* царапъ!
Даль промахъ, сорвался, и *бухъ съ высокой* рамы
И самъ отправился...

Въ рукоп. № 14 вмѣсто стиха: Хватъ-хватъ! когтями цапъ-царапъ—стоять:

Поймалъ!.. и лапки врозь, когтями цапъ...

Подлинникомъ нашему поэту послужила басня Флоріана „*Le Chat et le miroir*“ (кн. I, № 6). Пересказывая, Жуковский и въ этомъ случаѣ внесъ значительное оживленіе, замѣнилъ простой разсказъ изображеніемъ дѣйствій, движеній, приводитъ собственныя слова дѣйствующаго лица. У Флоріана:

Sur une table de toilette
Le chat aperçut un miroir;
Il y saute, regarde, et d'abord pense voir
Un de ses frères qui le guette.

Notre chat veut le joindre, il se trouve arrêté.
Surpris, il juge alors la glace transparente,
Et passe de l'autre côté,
Ne trouve rien, revient, et le chat se présente.
Il réfléchit un peu: de peur que l'animal,
Tandis qu'il fait le tour, ne sorte,
Sur le haut du miroir il se met à cheval,
Une patte par-ci, l'autre par-là; de sorte
Qu'il puisse partout le saisir.
Alors, croyant bien le tenir,
DouceMENT vers la glace il incline la tête,
Aperçoit une oreille, et puis deux... A l'instant,
A droite, à gauche, il va jetant
Sa griffe qu'il tient toute prête:
Mais il perd l'équilibre, il tombe et n'a rien pris...

У Жуковского:

На дамскомъ туалетѣ
Сидѣлъ Федотка котъ,
И чистилъ морду... Вдругъ, глядъ въ зеркало: Федотъ
И тамъ. Точь въ точь! сходнѣй двухъ харей нѣтъ на свѣтѣ.
Шерсть дыбомъ, прыгъ къ нему—и мордою въ стекло...
Надулся, фыркнулъ!.. „Понимаю!
Стекло прозрачное! онъ тамъ! поймаю!“
Бѣжить... О чудо!—никого.
Задумался: куда-бъ такъ скоро провалиться? и проч.

Къ тому же 13-му октября относится и еще одна басня Жуковского — *Голубка и Сорока*: см. рук. № 13, л. 34 обор. Въ этой рукописи имѣются поправки рукою поэта и такія разночтенія:

Лишь только вздорный мужъ...
Она тотчасъ летитъ...
Кряхтитъ, щебечеть, вопить...
То правда—со *иръгомъ!* случается и мнѣ...
Но это все, мой другъ, сосѣдушка, пустякъ!
И нѣтъ! и мой совѣтъ—когда не любилъ...

Послѣ стиха: Сиди-ка надъ гнѣздомъ въ рук. № 13 слѣдуютъ еще двѣ строчки, которыя зачеркнуты:

Вотъ люди! въ чемъ себя когда бъ ни обвиняли,
Все только для того, чтобъ ихъ опровергали.

Печатная редакція этой басни (Вѣст. Евр., 1807 г., сент., № 17, стр. 32=Соч. Жук., ред. Арх. I, 32) совпадаетъ съ текстомъ рукописи № 15, л. 49; въ рукоп. № 14, л. 6 — этотъ же текстъ, но отсутствующіе въ печатномъ, зачеркнутые въ рук. № 13 два заключи-

тельные стиха (Вотъ люди! въ чемъ себя, и проч.) здѣсь имѣются на лицо.

Оригиналъ—басня Флоріана *La pie et la colombe* (кн. II, № 14). Пересказъ Жуковскаго свободный, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительно отступающій отъ подлинника, опускающій многія черты дѣйствующихъ лицъ, а нѣкоторыя замѣняющій другими чертами: у Жуковскаго—Лишь только *пьяный* (вар. *вздорный*) мужъ сороку поколотить, у Флоріана этихъ качествъ мужу не приписывается (*Lorsque par son époux la pie était battue*); у Флоріана сорока жалуется на мужа, перечисляя такіе его недостатки:

Il est fier, exigeant, dur, emporté, jaloux;
De plus, je sais fort bien qu'il va voir des corneilles;
Et cent autres choses pareilles
Qu'elle disait dans son courroux.

У Жуковскаго сорока причитаетъ:

„Охъ! горьку, мать моя, пришлось мнѣ чашу пить!
Ужъ видно такъ и вѣкъ прожить!
Богъ далъ мнѣ муженька! мучитель окаянной!
Житья нѣтъ! бьеть меня безошлинно, безданно!
Ревнивецъ! а какъ самъ—таскаться за совою!“

У Флоріана сорока признается въ собственныхъ погрѣшностяхъ такого рода:

En conduite, en propos, je suis assez légère,
Coquette comme on l'est. parfois un peu colère,
Et me plaisant souvent à le faire enrager...

У Жуковскаго совѣмъ иное:

Случается и мнѣ
И лишнее сказать, и спорить, и въ винѣ
Признаться не хотѣть, неправду утверждая...

У Флоріана голубка, давая сорокѣ совѣтъ исправиться самой, упоминаетъ о ея дурномъ характерѣ (*Votre humeur peut l'aigrir...*); это выводитъ изъ себя сороку (*Moi de l'humeur! Comment!..*), и она упрекаетъ сосѣдку: *Je vous conte mes maux, et vous m'injuriez!*

У Жуковскаго эта подробность выпущена вовсе, и сороку приводитъ въ бѣшенство одинъ совѣтъ исправиться.

Флоріанъ заканчиваетъ басню нравоученіемъ:

Nous convenons de nos défauts,
Mais c'est pour que l'on nous démente.

Это нравоученіе Жуковскій перевелъ было (Вотъ люди! въ чемъ

себя...), но затѣмъ, при напечатаніи басни, отвергъ, такъ какъ дѣйствительно оно не совсѣмъ подходило бы къ той обработкѣ басни, какою далъ ей нашъ поэтъ.

14-го октября была написана басня *Сурки и Кротъ*: см. рукоп. № 13, л. 35 обор.; въ этой рукописи сдѣланы поправки рукою Жуковского, и текстъ представляетъ такія отклоненія отъ печатной редакціи (зачеркнутое ставлю въ скобки):

Чѣмъ бѣдъ (виновникомъ назваться) причиною сказаться...
 (Въ примѣрѣ всѣмъ разскажу не басенку, а былъ)
 На то примѣрѣ вамъ былъ
 (Хотя чудна, но справедлива)
 Чудна, не скрою я, но точно справедлива...
 Однажды на лужку...
 И бродитъ нашъ слѣпой, другіе же кругомъ
 Скакать (плясать), кувыряться (бѣситься), кружиться...
 Растѣшился, летить...
 Ловитъ кроту; сурки
 Сошлись и говорятъ...
 Не будетъ ли намъ грѣхъ душить...
 (Вотъ это, господа, ужъ очень мнѣ обидно)
 Вотъ! это и обидно!..

Рукопись № 14, л. 6 об.—7, даетъ такіе варианты:

Чѣмъ бѣдъ виновникомъ назваться!
 На этотъ случай вамъ скажу не басню, былъ;
 Хотя чудна, но справедлива;
 Я самовидецъ былъ такого дива.
 Такъ вѣрно, какъ я здѣсь! Болотной (*вар. широкой*) осокой...
 Слѣпой бредеть, другіе же кругомъ
 Скакать, плясать, коверкаться, бѣситься,
 Тотъ въ лобъ ему щелчея, а тотъ предъ нимъ вертится,
 Кувыркаясь какъ бѣсъ...
 Не лучше ли его... И! что вы, братцы! Нѣтъ,
 Прервалъ съ досадой кротъ...
 Я пойманъ! Мнѣ ловить съ повязкою идетъ...
 Намъ будетъ совѣстно давить тебя узломъ...
 Вотъ это, господа, ужъ очень мнѣ обидно...

Надъ всѣми этими стихами надписаны поправки карандашомъ, которыя и совпадаютъ съ текстомъ въ рукописи № 15, л. 48, а этотъ послѣдній воспроизведенъ въ печатномъ изданіи (Вѣстн. Евр. 1807 г., май, № 10, стр. 110—112 = Соч. Жуков. ред. Арханг., I, 32), редакція котораго отступаетъ лишь въ двухъ стихахъ, которые въ рукописи № 15 читаются такъ:

Чѣмъ бѣдѣ виновникомъ назваться...
Хотя чудна, но ¹⁾ справедлива...

Въ тетради руки Протасовой (№ 42 по Отчету Публ. Библ. за 1887 г., стр. 228) въ текстѣ этой басни (л. 13 обор.—14) передѣлана цѣлая половина стиховъ; въ концѣ—поправки рукою самого поэта. Эта редакція должна быть признана позднѣйшею и, видимо, окончательною:

3. Какъ ночь и день. Отъ бѣдѣ согласны мы страдать,
4. Но бѣдѣ причиною намъ тяжело называться...
6. Покажется чудна, но знайте—справедлива!..
8. И стану ли, друзья, метать въ глаза вамъ пыль.
9. Однажды на лужку, лишь только солнце сѣло,
10. Вертлявые сурки...
12. И въ жмурки!—„Въ жмурки?“—„Да, клянусь вамъ! это дѣло
13. Такъ вѣрно, какъ я здѣсь! Сошлись; осокой
14. Тому, чья очередь, завязываютъ глазки...
16. Подъ морду въ узелокъ; и вотъ—бреди слѣпой!..
26. Изъ норы вылѣзъ кротъ. Извѣстно, онъ слѣпой,
27. Но можно ли кроту не поиграть съ сурками!
28. И выступилъ мой кротъ, и разомъ—брякъ въ силки!
31. Не лучше ли ему насъ просто.. „Что за страмъ!..
34. Согласны! но, дружокъ, межъ нами и тобою
(Зачерки.: Есть разница, и памъ тебя обидѣть стыдно:
Мы зрячіе, а ты на свѣтъ рожденъ слѣпцомъ!)
35. Есть разница: у насъ глаза, а ты слѣпцомъ
36. Пущень на бѣлый свѣтъ ²⁾.—„Вотъ это и обидно!..“

Оригиналъ этой басни Жуковскаго—басня Флоріана „La Taure et les Lapins“ (кн. I, № 18). Обработка нашего поэта отличается большою живостью, образностью языка. У Флоріана—

Des lapins s'amusaient sur l'herbette fleurie
A jouer au colin-maillard (жмурки),—

у Жуковскаго—

Проказники-сурки
Сошлись играть въ ѣзду, въ гулочки, въ уголки
И въ жмурки!..

„Une feuille flexible“, изъ котораго дѣлаютъ повязку на глаза кролики у Флоріана, Жуковскій удачно замѣнилъ „болотной (вар. широкой) осокой“.

¹⁾ Въ рукописи здѣсь явная описка: не справедлива.

²⁾ Такъ надписано рукою Жуковскаго надъ зачеркнутымъ.

Продѣлки участниковъ игры Флоріанъ описываетъ такъ:

Celui que se ruban privait de la lumière
Se plaçait au milieu; les autres alentour
Sautaient, dansaient, faisaient merveilles,
S'éloignaient, venaient tour à tour
Tirer sa queue ou ses oreilles...

У Жуковскаго проказы забавнѣе: Слѣпой бредеть, другіе же кругомъ—скакать, плясать, коверкаться, кружиться, тотъ въ лобъ ему щелчка, тотъ подъ носъ шишъ ему, тотъ въ задъ ему пинкомъ, тотъ на ухо свистить, а тотъ предъ нимъ вертится, кувыркаясь какъ бѣсъ...

Кротъ у Флоріана описанъ такъ:

Une taupe assez étourdie,
Qui sous terre entendit ce bruit,
Sort aussitôt de son réduit,
Et se mêle dans la partie.
Vous jugez que, n'y voyant pas,
Elle fut prise au premier pas.

У Жуковскаго—живѣе, сквозить добродушная иронія:

Возню услышавъ подъ землей,
Изъ норки вылѣзъ кротъ, монахъ слѣпой;
Тудажъ играть съ сурками,
Разтѣшился, катить (*вар.* летить)—и прямо брякъ въ силки!

16-го октября написана была Жуковскимъ басня *Истина и Басня*: см. рукопись № 13, л. 36 обор. Это была первая басня, напечатанная нашимъ поэтомъ (Вѣст. Евр. 1807 г., янв., № 1, стр. 56—58); за нею послѣдовали прочія. Рукописи № 13, № 14, л. 12 обор., № 15, л. 38 не представляютъ значительныхъ различій; въ № 13—

Однажды Истина изволила нагая
Оставить кладезь свой, на бѣлой вытти свѣтъ...
Туть Истина умлѣно
На Басню глядь, и къ ней; летять во весь опоръ,
И слѣду нѣтъ!—Съ тѣхъ поръ...

Тотъ же текстъ въ № 14, кромѣ стиховъ:

Оставить кладезь свой и выступить на свѣтъ...
Фальшивыхъ, но блестящихъ,
На тройкѣхъ рысаковъ летящихъ...

Текстъ рукописи № 15 — редакція, напечатанная въ Вѣстникѣ Европы (=Соч. Жуков. ред. Арханг., I, 32—33).

Однако это не была окончательная редакція басни; въ тетради,

описанной въ Отчетѣ Публич. Библ. за 1887 г., стр. 228, № 42, на листѣ 7 имѣемъ текстъ басни со слѣдующими иначе редактированными стихами:

Однажды Истина изъ кладезя нагая
На бѣлой вышла свѣтъ...
„Нѣтъ мѣста! Богъ съ тобой! Щастливая дорога!..“
Летить и прямо къ ней...
Я всёмъ страшна! Мы бѣдныя старухи!..
Прими же въ доброй часъ мой дружескій совѣтъ:
Намъ должно вмѣстѣ жить, въ ладу, не такъ какъ прежде;
А ты не постыдись въ моеи ходить одеждѣ...
Глушцевъ же нынѣ родъ...
На Басню вкпнувъ взоръ.
Къ ней въ санки... и съ тѣхъ поръ...

Оригиналъ—басня Флоріана „La Fable et la Vérité“ (кн. I, № 1).
Обработка Жуковскаго превосходитъ французскій рассказъ живостью, образностью и даже силой.

У Флоріана:

La Vérité toute nue
Sortit un jour de son puits.
Ses attraits par le temps étaient un peu détruits.
Jeunes et vieux fuyaient sa vue.
La pauvre Vérité restait là morfondue,
Sans trouver un asile où pouvoir habiter.
A ses yeux vient se présenter
La Fable richement vêtue,
Portant plumes et diamants,
La plupart faux, mais très brillans...

Слѣдуетъ разговоръ двухъ сестеръ; Басня называетъ Истину „*ma cadette*“ и приглашаетъ ее:

Venez sous mon manteau, nous marcherons ensemble...
Vous verrez, ma soeur, que partout
Nous passerons de compagnie.

Этими словами басня и оканчивается.

Жуковскій замѣняетъ изящную, но довольно сухую аллегорію подлинника живыми персонажами. Образъ нагой Истины:

Богъ съ ней! не пригожа, какъ смерть худая,
Лицомъ угрюмая, съ сутульной отъ лѣтъ...

Она стучится у всѣхъ воротъ:

— „Пустите, ради Бога!
Я Истина, больна, устала, чуть хожу!“

Морозно, вѣтренно, иззябла и дрожу!“

— Нѣтъ мѣста! Богъ съ тобой! счастливая дорога!—

Вездѣ ей былъ отвѣтъ.

Жуковский создаетъ реалистическую, напоминающую русскую дѣйствительность, обстановку встрѣчи двухъ сестрицъ въ зимнюю стужу, на большой дорогѣ, занесенной снѣгомъ: Истина

Присѣла на сугробъ, стучитъ зубами...

Вдругъ Басня, въ золотѣ, облитая парчей,

Обнизанная жемчугами,

Вся въ камняхъ дорогихъ,

Блещающихъ какъ жарь, хотя фальшивыхъ,

На санкахъ золотыхъ,

На тройкѣ рысаковъ красивыхъ

Летить, и прямо къ ней...

Происходитъ разговоръ. Басня называетъ Истину *старшею* сестрою, приглашаетъ ее быть дружбею съ ней, Баснею, жить вмѣстѣ, совѣтуетъ ходить въ ея одеждѣ:

Со мною и тебя не выгонитъ глупецъ,—

Глупцевъ же нынѣ родъ, и родъ весьма обильный,—

не безъ яду прибавляетъ нашъ поэтъ; Флоріанъ ограничивается только такими словами:

A cause de moi, chez les fous

Vous ne serez point maltraitée.

Результатъ встрѣчи и разговора двухъ сестеръ Флоріаномъ не указанъ вовсе; Жуковский представляетъ союзъ состоявшимся и, приведя разговоръ Истины и Басни, заканчиваетъ такъ:

Тутъ Истина, умильный

На Басню кипувъ взоръ,

Къ ней въ санки... и съ тѣхъ поръ

Вездѣ сестрицы неразлучно:

И Басня не глупа, и съ Истиной не скучно!

Повидимому, этими словами Жуковский выразилъ свой взглядъ на басню, какъ литературный видъ,—и недаромъ онъ открылъ именно этою баснею ту серію этого рода своихъ произведеній, какую готовился напечатать въ Вѣстникѣ Европы.

17-го октября была написана басня *Смерть*: см. рукопись № 13, л. 37 обор. Какъ къ источнику, эта басня восходитъ къ баснѣ Флоріана „La Mort“ (кн. I, № 9), но послѣдняя послужила только **кнввой**—такъ свободно и широко разработалъ сюжетъ Жуковский.

Текстъ много разъ выправлялся. Сравнительное изученіе вариантовъ приводитъ къ выводу, что наиболѣе ранняя редакція сохранилась въ рукоп. № 14, л. 14 обор.; рук. № 13 даетъ исправленную (поправки сдѣланы рукою Жуковскаго), нѣсколько распространенную, дополненную подробностями редакцію; текстъ рукописи № 15, л. 53—редакція, выправленная поэтомъ для напечатанія: съ ней совпадаетъ текстъ басни въ Вѣстникѣ Европы 1807 г., июль, № 13, стр. 29—30 (=Соч. Жуков. ред. Арханг., I, 33); наконецъ, тетрадь стихотвореній Жуковскаго 1802—1810 гг., писанная рукою Протасовой (№ 42 по Отчету Импер. Публ. Библ. за 1887 г., стр. 228), листъ 21 обор., и принадлежавшій проф. П. А. Висковатому листокъ, „весь испещренный собственноручными поправками Жуковскаго“, даютъ послѣднюю, видимо, окончательную редакцію басни „Смерть“,—которая и воспроизведена, по доставленному проф. Висковатымъ оригиналу, въ Вѣстникѣ Европы 1883 года, февр., стр. 809—810, при чемъ даны свѣдѣнія и о самой рукописи (стр. 808, 812).

Флоріанъ начинаетъ басню такъ:

La Mort, reine du monde, assembla, certain jour,
Dans les infers toute sa cour.
Elle voulait choisir un bon premier ministre
Qui rendit ses États encors plus florissans.

Жуковскій даетъ реалистическую разработку темы (беру текстъ по рукописи № 14):

Однажды Смерть послала въ адъ указъ,
Чтобъ всѣ ея чины, съ повѣсткой въ тотъ же часъ
На выборъ собрались въ сенатъ,
И ждали бы ее въ аудіенцъ-палатъ.
Ея величеству былъ нуженъ фаворитъ,
Обычнѣе—министръ. Конечно ей помнилось
(Какъ и исторія то ясно говоритъ),
Что жителей число подземныхъ уменьшилось.

Флоріанъ продолжаетъ:

Pour remplir cet emploi sinistre,
Du fond du noir Tartare avancent à pas lents
La Fièvre, la Goutte et la Guerre.
C'étaient trois sujets excellens;
Tout l'enfer et toute la terre
Rendaient justice à leurs talens,
La Mort leur fit accueil..

Жуковскій выводитъ яркіе образы придворныхъ „бояръ“ Смерти:

Идутъ предъ страшный тронъ владычицы своей—
Горячка блѣдная, со впадыми щеками,
Подагра, чуть тащась на парѣ костылей,
И жадная Война, съ кровавыми глазами.
Таланта сихъ бояръ свидѣтель цѣлый адъ,—
И Смерть ихъ приняла съ уклонкой уваженья.

Далѣе у Флоріана:

La Peste vint ensuite.
On ne pouvait nier qu'elle n'eût du mérite,
Nul n'osait rien disputer...

У Жуковского—цѣлое театральное явленіе:

Опустивъ смиренно-постный взглядъ,
Подъ мышкой сжавъ сосудъ съ отравою зловонной,
Является Чума:
Грѣхъ молвить, чтобъ и въ ней достоинствъ не сыскалось:
Палата цѣлая ума!
Собранье всколебалось:
„Ну!—шепчуть—быть министромъ ей!“
И это другой?..

Еще болѣе развита слѣдующая сцена. У Флоріана:

Lorsque d'un médecin arriva la visite,
Et l'on ne sut alors qui devait l'emporter.
La Mort même était en balance...

Введенный французскимъ баснописцемъ единственный представитель опаснаго искусства Эскулапа у Жуковского превратился въ цѣлую толпу:

Вдругъ полсотни лѣкарей
Съ патентами въ рукахъ, какъ надобно, съ обрядомъ,
Попарно, въ шагъ, вошли, и ставъ предъ Смертью рядомъ,
Ей обруку поклонъ, поправка парики.
Чтобъ лучше разглядѣть, надѣла Смерть очки,
Анатомируетъ хирурговъ строгимъ взглядомъ.

Нашъ поэтъ выправилъ этотъ текстъ, произвелъ въ немъ перемѣны, и въ рукописи № 13 имѣемъ редакцію, отличающуюся отъ напечатанной въ Вѣстникѣ Европы 1807 года (= Соч. Жуков. ред. Арханг.) только слѣдующими стихами:

Искусства сихъ бояръ свидѣтель цѣлой адъ...
Смерть руку имъ дала во знакъ благоволенья...

Зачеркнуто:

Подъ мышкою сосудъ съ заразою зловонной,

и надписано (поправки рукою Жуковского):

Таща подъ мышкою бичи опустошенья,
Идетъ ужасная Чума...
Но сценка повал: полсотни лѣкарей
Съ патентами съ рукахъ, предписаннымъ обрядомъ,
Попарно, въ шагъ, вопли, и ставъ предъ смертью рядомъ,
(Ей до земли поклонъ, поправка пария) ¹⁾
Ей въ землю— „Здравствовать царидѣ много лѣтъ!“
(Чтобъ лучше разглядѣть, надѣла смерть очви) ²⁾
Парица, приложивъ еъ глазами своимъ лорнетъ,
Анатомируетъ хирурговъ строгимъ взглядомъ.

Въ сообщенномъ проф. Висковатымъ текстѣ басни измѣнены слѣдующіе стихи:

О чемъ и лѣтопись Тенара говорить ³⁾...
И грозная Война, съ кровавыми глазами,..
Талантамъ сихъ бояръ свидѣтель мѣръ и адъ...
Палата знаній и ума...
Но вдругъ является фаланга лѣкарей...
Var. Вдругъ цѣлый факультетъ явился лѣкарей...

Именно эту послѣднюю редакцію въ перебѣленномъ видѣ имѣемъ и въ тетради стихотвореній Жуковского 1802—1810 г.г., писанной рукою Протасовой (№ 42 по Отчету Импер. Публ. Библ. за 1887 г., стр. 228), л. 21 обор., причемъ здѣсь собственноручно исправленъ Жуковскимъ еще одинъ стихъ:

Что адскихъ жителей въ приходѣ *убавлялось*...

Жуковский хотѣлъ перевести еще одну басню Флоріана — „Le lièvre, ses amis et les deux Chevreuils“ (кн. III, № 7); дѣло остановилось, однако, въ самомъ началѣ. Сохранился небольшой черновой отрывокъ, написанный на бумагѣ съ водянымъ знакомъ „1804“ (года): см. Бумаги Жуков., пачка (въ переплетѣ) № 12, л. 39 обор. Повидимому, набросокъ этотъ относится къ той же осени 1806 года; никогда болѣе нашъ поэтъ не обращался уже къ писанію басенъ, а къ написаннымъ относился настолько скептически, что не включилъ ихъ ни въ одно изъ вышедшихъ при его жизни собраній его сочиненій. Французскій оригиналъ:

Un lièvre de bon caractère
Voulait avoir beaucoup d'amis.

¹⁾ Поставленное въ скобкахъ зачеркнуто.

²⁾ Въмѣсто стиха: Какъ и исторія то ясно говоритъ. Пещеру у подножія мыса Тенара древніе считали входомъ въ адъ.

Beaucoup! me direz-vous, c'est une grande affaire;
Un seul est rare en ce pays.
J'en conviens; mais mon lièvre avait cette marotte,
Et ne savait pas qu'Aristote
Disait aux jeunes grecs à son école admis:
Mes amis, il n'est point d'amis.
Sans cesse il s'occupait d'obliger et de plaire;
S'il passait un lapin, d'un air doux et civil,
Vite il courait à lui: Mon cousin, disait-il,
J'ai du beau serpolet tout près de ma tanière,
De déjeuner chez moi faites-moi la faveur...

Это начало довольно длинной басни Флоріана только и успѣлъ переложить Жуковскій. Привожу этотъ его черновой отрывокъ (доселѣ полностью не опубликованный), который любопытенъ еще и въ томъ отношеніи, что показываетъ, съ какой легкостью переводилъ нашъ поэтъ басни, — зачеркнутого и исправленнаго очень немного, вполне удовлетворительный пересказъ почти сразу ложился на бумагу (зачеркнутое ставлю въ скобкахъ):

Былъ зайчикъ-косопале, звѣрь добрый, но чудакъ!
Онъ вздумалъ всёхъ скотовъ считать себѣ друзьями.
Не смѣхъ ли? Между нами
(Однихъ собровище) Находка и одинъ, а два и такъ и сякъ!
Но зайчикъ мудраго запомнилъ изреченье!
Давно Аристотель собравшимся въ Лицей
Сказалъ: Друзья, ужъ нѣтъ друзей! *)
И такъ важнѣйшее косога упражненье:
Услуживать звѣрямъ, ихъ тѣшить, ихъ дарить.
(Сойдется ли съ Суркомъ) Увидитъ ли Сурка, тотчасъ къ нему съ поклономъ,
Пожавши лапку, учтивымъ тономъ
(Зоветь къ себѣ) Къ себѣ въ нору его просить...

Далѣе Жуковскій не продолжалъ. Что остановило работу, неизвѣстно.

Въ переводахъ-пересказахъ Жуковскаго изъ Флоріана мы наблюдали реалистическую тенденцію, стремленіе сообщить дѣйствующимъ лицамъ живость, разсказу — образность. „Нынѣ отъ баснописца требуютъ украшеній—пріятнаго разсказа, очаровательнаго слога, живописи, огня, отгѣнокъ въ характерахъ“, высказался критикъ басенъ И. И. Дмитріева ²⁾; повидимому, такъ же смотрѣлъ и Жуковскій, и

¹⁾ До сихъ поръ сообщаетъ этотъ отрывокъ проф. Архангельскій въ редактированномъ имъ собраніи сочиненій Жуковскаго, т. XI, стр. 130.

²⁾ Вѣстн. Евр. 1806 г., апрѣль, № 8, стр. 232.

хотѣлъ осуществить это требованіе въ своихъ басняхъ. Въ значительной степени онъ этого и достигъ.

Тѣ же качества перевода отличаютъ и прочія девять басенъ, написанныя Жуковскимъ и взятыя имъ у Лафонтена, который былъ всегдашнимъ источникомъ для нашихъ баснописцевъ отъ Сумарокова до Крылова.

Первою изъ этого ряда басенъ Жуковского была *Цапля*, написанная 22-го октября 1806 года, какъ гласитъ запись въ рукоп. № 13, л. 39 обор.; въ этой рукописи, а также въ рук. № 14, л. 19 обор., имѣемъ первоначальный текстъ басни; въ рукописи № 15, л. 42 обор., два стиха измѣнены; въ этомъ послѣднемъ видѣ басня и была напечатана: Вѣстн. Евр. 1807 г., мартъ № 6, стр. 114 — 115 (= Соч. Жуков. ред. Арханг., I, 34),—такъ что, чтобы получить первоначальный текстъ, нужно въ печатномъ замѣнить 1) стихъ: „У берега рѣзвися гонялась“ стихомъ „Рѣзвися туда сюда гонялась“ и 2) стихъ: „Но вотъ и линь уплылъ“ стихомъ: „Межь тѣмъ и линь уплылъ“. Позднѣе текстъ былъ исправленъ; эти собственноручныя исправленія Жуковского сохранила намъ рукопись № 13:

Было написано.

Карпомъ-вуманькомъ
И впрямь! хорошъ въ нихъ толкъ!
Я и трески клеветнуть..
Пискарь! Ну что за статья! и проч.
Ой ты, разборчивая дама!

Исправлено.

Кумомъ-осетромъ
Какой есть въ этихъ людяхъ толкъ!
Я нынче и трески клеветнуть..
Пискарь! Не стыдно ли такую удить
тварь?
Безчестить только носъ!
Какая, цапля, ты разборчивая дама!

Въ тетради руки Протасовой (№ 42 по Отчету Публ. Библ. за 1877 г., стр. 228) въ текстѣ этой басни (л. 14 обор.) перередактировано 9 стиховъ:

Въ ней шука рѣзвая за кумомъ-осетромъ

Туда-сюда гонялась..

Гляднть: вдругъ видить, линь вѣясь со дна поднялся..

„Себя кормить! Друзья! скажите, есть ли толкъ?

„Я и трески клеветнуть не скоро удостою!“

Но вотъ и линь уллылъ, является пискарь.

„Пискарь! забавниик! ловить такую тварь!

„Унизить знатный носъ! Избави Богъ отъ страма!“

Какая жъ, цапля, ты разборчивая дама!..

Такова была послѣдняя редакція басни.

Въ своемъ переложеніи Жуковскій близко воспроизводитъ свой оригиналь—басню Лафонтена „Le Héron“ (кн. VII, № 4):

Un jour, sur ses longs pieds, allait, je
ne sais où,
Le héron au long bec emmanché d'un
long cou.

Il côtoyait une rivière.
L'onde était transparente ainsi qu'aux
plus beaux jours;
Ma commère la carpe y faisait mille
tours
Avec le brochet son compère etc.

Однажды цапля-долгошея
На парѣ длинныхъ ногъ путемъ-доро-
гой шла;
Дорога путницу къ потоку привела.
День красный былъ; вода, на солнышкѣ
свѣтлѣя,
Казалась въ тишинѣ прозрачнѣйшимъ
стекломъ;
Въ ней щука-кумуська за карпомъ ку-
манькомъ гонялась...
Рѣзвися туда-сюда.

Опустивъ намекъ на стихи Горация („Compte le rat du bon Horace“— срв. Ног., lib. II, sat. VI, v. 86), нашъ поэтъ, въ возмѣщеніе дѣ-
лаетъ ссылку на „Тиссотову діатетику“¹⁾. Описаніе появленія линя
Жуковский развилъ:

L'oiseau,
S'approchant du bord, vit sur l'eau
Des tanches qui sortait du fond de ces
demeures.

Причудница въ потокъ;
Глядитъ—вдругъ видитъ, линь, виль-
виль, со дна поднялся!
То вверхъ на солнышко, то къ низу
на песокъ!

Улитку (limaçou), которою должна была въ концѣ концовъ удо-
вольствоваться цапля у Лафонтена, Жуковский замѣнилъ „лягу-
шонкомъ“.

Правоученіе нашимъ поэтомъ формулировано много короче, чѣмъ
въ оригиналѣ.

23-го октября Жуковский написалъ басню *Сонъ Могольца*: см. ру-
копись № 13, л. 40 обор. Текстъ басни въ окончательномъ видѣ,
какой далъ ему поэтъ въ послѣднемъ приготовленномъ имъ самимъ
изданіи (Карлеруэ, 1849), воспроизведенъ въ изданіи соч. Жуков.,
ред. Арханг., I, 34—35. Рукописи представляютъ разночтенія, ко-
торыя и привожу для освѣщенія исторіи текста басни.

Въ рукописи № 14, л. 20, текстъ имѣетъ такія редакціонныя
отличія:

Изданіе 1849 г.

Рукопись № 14.

Въ обитель вознесенъ...
Въ котлѣ, въ влочущей смолѣ...

Внесенъ въ обители...
Въ кострецѣ въ влочущей смолѣ..

¹⁾ Книга S.-A. Tissot, Avis au peuple sur la santé, 1761, имѣла громадный
успѣхъ у публики; Sur la santé des gens de lettres, par Tissot, упомянуто Жуков-
скимъ въ его „Росписи во всякомъ родѣ лучшихъ книгъ“, § XIV (см. выше въ
главѣ XXXIV).

Кого жъ—прошу сказать—узналъ онъ...
 Моголецъ въ страхѣ пробудился.
 Отецъ мой, изъясни...
 Тогда смиренно вась молилъ бы...
 Съ забвеніемъ суетъ, съ безпечностью
 свободы...
 Нить для меня совьется...

Кого жъ—прошу сказать—онъ видитъ...
 Моголецъ: Ухъ! и навскочъ пробудился.
 Отецъ мой, объясни...
 Тогда, не мѣтя вдаль, просилъ бы объ
 одномъ...
 Съ забвеніемъ суетъ, въ обителяхъ
 свободы...
 Нить жизни моя совьется...

Рукопись № 14 содержитъ, повидимому, наиболѣе ранній текстъ басни.

Въ рукоп. № 13 зачеркнуто „онъ видитъ“ и написано „узналъ онъ“; зачеркнуто „навскочъ“; въ стихѣ „Не суйся къ визирямъ ходить на поклоненье“ зачеркнуто „не суйся“, и поставлено „не думай“¹⁾; вмѣсто „и я прибавить могъ“ стоитъ „и я промолвить могъ“.

Въ рукоп. № 15, л. 43—44, въ начальный текстъ (см. рукоп. № 14) введено три поправки:

- 1) Кого жъ, прошу сказать, *узналъ* онъ...
- 2) Въ котлѣ, въ влокочущей смолѣ...
- 3) Отецъ мой, *истолкуй* чудесное видѣнье...

Въ редакціи рукописи № 15 басня напечатана въ Вѣстникѣ Европы 1807 года, апрѣль, № 7, стр. 192—194.

Текстъ рукописи № 14 переписанъ былъ рукой М. А. Протасовой въ тетради, часть которой сохранилась между бумагами Жуковского въ Имп. Публ. Библиотекѣ, № 20, л. 2, и здѣсь сдѣланы были собственноручныя поправки Жуковского, послѣ которыхъ исправленные стихи получили такой видъ:

Въ обитель вознесенъ всевышняго царя...
 Потомъ открылася предъ нимъ и пропасть ада...
 Кого бъ—прошу сказать!—узрѣлъ онъ въ адской мглѣ?..
 Въ котлѣ,
 Въ влокочущей смолѣ...
 Моголецъ ухъ! и пробудился...
 Отецъ мой, изъясни...
 Друзья, любите сѣнь уединенна крова!
 Ахъ! ваше щастье здѣсь, на ловѣ тишины...

Этотъ текстъ слово въ слово, со внесеніемъ поправокъ, былъ перебѣленъ рукою той же Протасовой въ тетради, помѣченной въ Отчетѣ

¹⁾ Поправка эта удержалась въ изданіи стихотвореній Жуковского 1824 г.: см. II, стр. 248.

Импер. Публичн. Библиотеки за 1887 г., стр. 228, № 42, л. 37. Въ окончательной редакціи басни (изд. 1849 г.) отнюдь не всё, однако, поправки были приняты Жуковскимъ; нѣкоторые стихи остались въ прежнемъ ихъ видѣ.

Оригиналомъ Жуковскому послужила басня Лафонтена „Le songe d'un Habitant du Mogol“ (кн. XI, № 4). Слѣдую своей манерѣ, нашъ поэтъ оживилъ сухой въ первой части рассказъ французскаго баснописца, причемъ *отшельникъ* (un ermite) Лафонтена замѣненъ *дервишемъ*, а *снотолкователь* (l'interprète)—*колдуномъ*:

Jadis certain Mogol vit en songe un vizir	Однажды доброму Могольцу снился сонъ,
Aux champs élyséens possesseur d'un plaisir	Ужъ подлинно чудесной!
Aussi pur qu'infini, tant en prix qu'en durée:	Вдругъ видить, будто онъ,
Le même songeur vit en une autre contrée	Какой-то силой неизвѣстной,
Un ermite entouré de feux,	Взнесенъ въ обители всевышняго Царя,
Qui touchait de pitié même les malheureux...	И тамъ — подумайте! — находить Визиря!
Le dormeur s'éveilla, tant il en fut surpris.	Потомъ открылася предъ нимъ и пропасть ада.
Dans ce songe pourtant soupçonnant du mystère,	Кого—прошу ссазать—узналъ онъ въ адской мглѣ?
Il se fit expliquer l'affaire.	Дервиша! да, Дервишь, служитель Орозмада,
L'interprète lui dit...	Въ котлѣ
	Въ клочочущей смолѣ,
	На ужинъ дьяволамъ варился!
	Моголецъ ухъ! и наскокъ пробудился!...

Мало интересная сама по себѣ басня Лафонтена привлекла вниманіе Жуковскаго, повидимому, своею второю частью, которая представляетъ гимнъ уединенію:

Si j'osais ajouter au mot de l'interprète,
 J'inspirerais ici l'amour de la retraite:
 Elle offre à ses amants des biens sans embarras,
 Bien purs, présents du ciel, qui naissent sous les pas.
 Solitude, où je trouve une douceur secrète,
 Lieux que j'aimai toujours, ne pourrai-je jamais,
 Loin du monde et du bruit, goûter l'ombre et le frais!
 Oh! qui m'arrêtera sous vos sombres asiles!
 Quand pourront les neuf Soeurs, loin des cours et des villes,
 M'occuper tout entier, et m'apprendre des cieux
 Les divers mouvements inconnus à nos yeux,
 Les noms et les vertus de ces clartés errantes

Par qui sont nos destins et nos moeurs différentes!
Que si je ne suis né pour de si grands projets,
Du moins que les ruisseaux m'offrent de doux objets!
Que je peigne en mes vers quelque rive fleurie!
La Parque à filets d'or n'ourdira point ma vie,
Je ne dormirai point sous de riches lambris:
Mais voit-on que le somme en perde de son prix?¹
En est-il moins profond, et moins plein de délices?
Je lui voue au désert de nouveaux sacrifices...

Пересказывая эти строки, Жуковский сталъ говорить не объ уединеніи вообще, а объ уединеніи подъ родительскимъ ¹⁾ кровомъ, среди полей, рощъ, лѣсовъ, долинъ и источниковъ родной деревни,—повидимому, своего Мишенскаго, — и оттого въ стихахъ зазвучали искренніе лирическіе тоны, появились нѣжныя краски, напоминающіе тоны и краски элегіи Жуковскаго „Вечеръ“; нашъ поэтъ, кажется, самъ созналъ это превращеніе его перевода въ задушевное изліяніе собственныхъ чувствъ по отношенію къ Мишенскому и его окрестностямъ, и обронилъ устранинное при дальнѣйшей разработкѣ текста выраженіе, что онъ „не мѣтитъ въ даль“, т. е. что онъ имѣетъ въ виду свое ближайшее окруженіе:

Когда бъ, не бывши колдуномъ,
И я прибавить могъ къ словамъ его два слова,
Тогда, *не мѣтя въ даль*, просилъ бы объ одномъ:
Друзья, любите сѣнь родительскаго крова!
Гдѣ жъ счастье, какъ не здѣсь, на лонѣ тишины,
Съ забвеніемъ суетъ, въ обителяхъ свободы?
О, блага чистыя! о, сладкій даръ природы!
Гдѣ вы, мой поля, гдѣ вы, любовь весны?
Страна, гдѣ я раздвѣлъ, въ тѣни уединенья,
Гдѣ сладость тайная во грудь мою лилась?
О, рощи, о, друзья! когда увижу васъ?
Когда, покинувъ свѣтъ, опять безъ принужденья
Вкушать мнѣ вашу сѣнь, вашъ сумракъ и покой?
О! кто мнѣ возвратитъ родимыя долины?..

Тѣмъ большую задушевность Жуковскаго должны были пробудить стихи Лафонтена, что и заканчиваются они симпатичнымъ нашему поэту мотивомъ:

Quand le moment viendra d'aller trouver les morts,
J'aurai vécu sans soins, et mourrai sans remords.

¹⁾ При послѣдующей обработкѣ басни слово „родительскій“ замѣнено было, впрочемъ, словомъ „уединенный“: см. рукоп. № 20, л. 2.

Жуковский передалъ этотъ заключительный аккордъ Лафонтена такими стихами:

Придетъ ли часъ отбыть къ невѣдомымъ брегамъ:
Мой вѣкъ былъ тихой день, а смерть—успокоенье!

26-го октября написана Жуковскимъ басня *Старый котъ и молодой Мышеночъ*: см. рукоп. № 13, л. 45 обор.—46 об. Текстъ въ рукописяхъ № 14, л. 25, и № 15, л. 51—тотъ самый, который напечатанъ былъ въ Вѣстникѣ Европы 1807 г., окт., № 19, стр. 185—186. Въ рук. № 13 имѣются двѣ поправки, рукою автора, не вошедшія въ печатные тексты: „Сказалъ, мышенка *хлонтъ*“ (вмѣсто „цалъ“) и „*Ошиблись, есть*“ (вмѣсто „Никакъ, читатель, есть“).

Въ тетради руки Протасовой (№ 42 по Отчету Публ. Библ. за 1887 г., стр. 228), л. 17 обор.,— послѣдняя редакція басни, въ которой подверглись перемѣнамъ слѣдующіе стихи:

Твоя хозяйюшка и вся твоя семья...
Могу ходить! Вчера оставилъ лишь постелю,
Былъ боленъ! Добрый котъ! позволь еще пожить!..
Я котъ и старъ, дружокъ! прощенія не жди...
Сказалъ, мышенка въ ротъ,
И былъ таковъ—мой старый котъ!
Какое жъ въ басни сей найдемъ нравоученье?
Возьмите трудъ прочесть!..

Въ новѣйшихъ изданіяхъ сочиненій Жуковского (ред. Ефремова, Архангельскаго) текстъ этой басни совпадаетъ съ текстомъ Вѣстника Европы 1807 г. кромѣ послѣдняго стиха: во всѣхъ рукописяхъ и въ Вѣстникѣ Европы читаемъ—

А старость *никогда* не знаетъ сожалѣнья!

Въ изданіяхъ же подъ ред. Ефремова, Архангельскаго стоитъ: А старость *иногда*...; поправка эта восходитъ къ посмертному изданію дополнительныхъ томовъ сочиненій Жуковского 1857 г. (т. XII), принадлежитъ ихъ редактору, а не автору, и совершенно не оправдывается оригиналомъ: въ баснѣ Лафонтена „*Le vieux Chat et la jeune Souris*“ (кн. XII, № 5), которую пересказалъ въ данномъ случаѣ Жуковский, соотвѣтствующій (послѣдній) стихъ гласитъ—

La vieillesse est impitoyable (старость безжалостна).

Жуковский передалъ эту басню довольно близко къ французскому подлиннику:

Une jeune souris, de peu d'expérience,
Crut fléchir un vieux chat, implorant sa clémence,

Et payant de raisons le Raminagrobis.
Laissez-moi vivre: une souris
De ma taille et de ma dépense
Est-elle à charge en ce logis?
Affamerais-je, à votre avis,
L'hôte et l'hôtesse, et tout leur monde?
D'un grain de blé je me nourris:
Une noix me rend toute ronde.

A présent je suis maigre; attendez quelque temps.
Réservez ce repas à messieurs vos enfants...

Обычная однако манера Жуковского въ басняхъ — увеличивать образность—сказалась и здѣсь: Лафонтенъ про своего кота говорить только—Il tint parole; Жуковский рисуетъ цѣлую сценку:

Сказаль, мышонка хлопъ,—тотъ лискнулъ и припаль;
А котъ, покушавши, ни въ чемъ какъ не бываль!

27-го октября написана басня *Соколъ и каплунъ*: см. рук. № 13, л. 46 обор.

Случай даетъ возможность прослѣдить исторію текста этой басни отъ черноваго наброска, сохранившагося въ бумагахъ нашего поэта (тетрадь № 12, л. 35). Набросокъ этотъ, имѣющій сравнительно очень немногія поправки, подтверждаетъ, что переводы басенъ давались Жуковскому легко; этимъ и объясняется, что всѣ свои 17 басенъ онъ написалъ менѣе чѣмъ въ одинъ мѣсяць—первая помѣчена 11-мъ октября 1806 г., а послѣдняя 6-мъ ноября.

Черновой набросокъ таковъ (зачеркнутыя слова ставлю въ скобкахъ):

Каплунъ и Соколы.

Матюшка-долгохвость, (по прозвищу) прозваніемъ Каплунъ,
Былъ долженъ передъ судъ къ кухмистеру явиться
(Ясиѣ на очагъ, съ кухмистеромъ судиться)

И съ нимъ начать судиться.

5. Вся дворня взбѣгалась: цыпъ! цыпъ! цыпъ! цыпъ!—Шалунъ
Проворно

Смекнувши, что бѣда,
Скорѣй давай Богъ ноги!—„Господа,
Слуга покорной!

10. По мнѣ хотя весь день извольте горло драть,
Меня вамъ не прельстить учтивыми словами!
Теперь: цыпъ-цыпъ! а тамъ меня щипать,
Да въ печку, да сморчками
Набивши брюхо мнѣ на столъ меня! а тамъ
И поминай какъ звали!“

15. Тутъ соколъ-врутонось, котораго (держали) считали
(Со всею почестью приличною бойцамъ)
Во всей окружности примѣромъ всѣмъ бойцамъ,
Который на жерди, со спесью соколиной
Раздувши зобъ, сидѣлъ
И съ смѣхомъ на гоньбу смотрѣлъ,—
20. Сказалъ: „Дуракъ каплуно! Съ такой какъ ты скотиной
(Измучень весь) Изъ силы выбился честной народъ!
Тебя зовуть, а ты, уродъ,
И носъ отворотилъ, оглохъ, ко всѣмъ спиною!
Смотри пожалуй! Я тебѣ ль чета? Но такъ
25. Не чванюся! Лечу на свистъ! Глухарь, дуракъ,
Постой! Хозяинъ ждетъ! вся дворня за тобою!“
Каплуно, кряхтя, пыхтя, совѣтнику въ отвѣтъ:
„Князь-соколъ, я не глухъ! Меня хозяинъ ждетъ?
Но знать хочу, зачѣмъ? А этотъ твой пріятель,
30. Который въ фартукѣ, какъ воръ (въ камзолчикѣ) съ ножомъ (подъ
краснымъ колпакомъ),
(У кухни на крыльцѣ стоитъ—вар. кобенится—съ ножомъ)
Такъ чванится своимъ махровымъ колпакомъ,
Конечно каплуновъ усердный почитатель?
(Смѣешься, что я глухъ къ привѣтливымъ словамъ?)
Не гнѣвайся, что я въ ихъ сладкимъ глухъ словамъ:
(Но есть ли бѣ) Когда бы Соколамъ,
35. Какъ нашей брати каплунамъ,
На кухню заглянуть случилось
Въ горшокъ (гдѣ ихъ высоче...), гдѣ бѣ въ (укусѣ) кипяткѣ ихъ
княжество варилось,
(Тогда бѣ хозяинъ) Тогда хозяйскій свистъ и ихъ бы не провѣлъ
(до нихъ бы не дошелъ),
Тогда бѣ, какъ скотъ-каплуно, (стрекнулъ) черкнулъ и князь-
соколъ!“

Этотъ текстъ басни „Соколъ и Каплуно“ находимъ въ тетради
№ 14 (л. 25 об.—26) съ очень немногими переменными, именно:

Въ № 14

стихъ 3: И съ нимъ на очагѣ судиться

стихъ 16: По всей округѣ той примѣромъ всѣмъ бойцамъ

ст. 20: Сказалъ: съ такой, какъ ты скотиной, при чемъ карандашемъ
послѣ „Сказалъ“ вставлено: „Дуракъ-каплуно“.

ст. 22: А ты уродъ

ст. 33: Прогнѣвался, что я... (карандашемъ поправлено: Не гнѣвайся)

ст. 34: Но естьли бѣ соколамъ (поправлено карандашемъ: Когда бы
соколамъ)

ст. 37: Въ горшокъ, гдѣ бѣ въ укусь... (поправлено карандашемъ:
„въ кипяткѣ“).

Въ тетради № 13 переписанъ былъ текстъ тетради № 14, съ карандашными исправленіями, а затѣмъ сдѣланы были новыя поправки:

ст. 1: Матюшка-долгохвость, а промысламъ каллунъ

ст. 10: Меня не обмануть учтивыми словами

ст. 13: Набивъ желудокъ мнѣ...

ст. 39: черкнулъ и князь-соколь.

Къ этимъ немногимъ, какъ видимъ, поправкамъ первоначальнаго наброска въ редакціи рук. № 15, лл. 52—53, прибавлено еще двѣ:

1) Четыре стиха впереди:

Привѣты иногда злыхъ умысловъ прикраса.

Одинъ

Московский гражданинъ,

Пришлецъ изъ Арзамаса;

2) въ 33 стихѣ:

Прогнѣвался, что я не падохъ къ ихъ словамъ.

Внесенная въ текстъ тетради № 13 поправка въ 13 стихѣ „Набивъ желудокъ“ пока не принята.

Въ редакціи, всецѣло совпадающей съ текстомъ рукописи № 15, басня и напечатана (Вѣстн. Евр. 1807 г., авг., № 15, стр. 176—178 = Соч. Жуков. ред. Арханг., I, 35—36).

Послѣдняя редакція — въ тетради стихотвореній Жуковского 1802—1810 гг. руки Протасовой (№ 42 по Отчету Публич. Библ. за 1887 г., стр. 228), л. 27 обор.—28. Здѣсь подверглись исправленію слѣдующіе стихи:

Извѣстно всѣмъ, что лезть злыхъ умысловъ прикраса.

Одинъ

Московский гражданинъ

Пришлецъ ¹⁾ изъ Арзамаса, а промысламъ каллунъ... ²⁾

Хотя весь день меня извольте величать,

Но я не обманусь пустыми похвалами...

Набивъ желудокъ мнѣ...

По всей округѣ той примѣромъ всѣмъ бойцамъ...

Изъ силы выбился честной народъ,

А ты, уродъ,

И носъ отворотилъ...

Не чванюся! Лечу на свистъ! Глухарь, дуракъ...

¹⁾ Зачеркнуто: „И уроженецъ“, надписанное надъ первоначальнымъ „пришлецъ“, которое восстановлено. Поправка рукою Жуковского.

²⁾ Зачеркнуто: „Матюшка-долгохвость“.

Которой въ фартукѣ, какъ будто воръ съ ножемъ...
Не гнѣвайся, что я къ учтивымъ глухъ словамъ;
Когда бы соколамъ...
Тогда бы каплуномъ черкнулъ и князь-соколъ...

Подлинникъ—басня Лафонтена „Le Faucon et le Chapon“ (кн. VIII, № 21):

Une traitresse voix bien souvent vous appelle;
Ne vous pressez donc nullement:
Ce n'était pas un sot, non, non, et croyez-m'en,
Que le chien de Jean de Nivelle.
Un citoyen du Mans, chapon de son métier,
Était sommé de comparaître
Par-devant les lares du maître,
Au pied d'un tribunal que nous nommons foyer.
Tous les gens lui criaient, pour déguiser la chose,
Petit, petit, petit! mais, loin de s'y fier,
Le Normand et demi laissait les gens crier.
Serviteur, disait-il, votre appât est grossier:
On ne m'y tient pas, et pour cause.
Pendant un faucon sur sa perche voyait
Notre Manseau qui s'enfuyait...

Жуковский сократилъ правоученіе въ одинъ стихъ, превратилъ нормандца изъ Манса въ москвича изъ Арзамаса, далъ имя и прозвище герою (Матюшка-долгохвость), сообщилъ его словамъ трагикомической колоритъ („... да въ печку, да сморчками набивши брюхо мнѣ“....), котораго нѣтъ у Лафонтена ¹⁾, изображенію же сокола придалъ тонъ ядовитой насмѣшки надъ спесивымъ совѣтчикомъ, не понимающимъ сущности того, что передъ нимъ творится и въ чемъ онъ хочетъ принять участіе по крайней мѣрѣ словами; вся симпатія нашего поэта, видимо, на сторонѣ бѣдняги-каплуна, убѣгающаго отъ сознаваемой смертельной опасности.

29-го октября Жуковский написалъ басню *Котъ и Мышь*: см. рукоп. № 13, л. 47 обор.

Печатную редакцію басни имѣемъ въ Вѣстникѣ Европы 1807 г., апр., № 8, стр. 280—282; этотъ же текстъ воспроизведенъ въ соч. Жуков., ред. Арханг., I, 36—37, съ отличіемъ въ одномъ только словѣ: въ Вѣст. Евр. читаемъ—„Тебя мой Богъ сюда послалъ“, у

¹⁾ Celui-ci (chapon), qui ne fut qu' avec peine attrapé,
Devait, le lendemain, être d'un grand soupé,
Fort à l'aise en un plat, honneur dont la volaille
Se serait passée aisément.

Арх.— „Тебя *миѣ* Богъ“..., какъ въ изданіи 1857 г. и послѣдующихъ.

Наиболѣе ранняя редакція басни сохранена рукописью № 14, л. л. 26 обор.—27; здѣсь имѣемъ такія разночтенія:

Стихъ 11. Нашъ котъ ужъ на ногахъ! ступилъ и брякъ подь сѣты!

Вѣда коту, приходитъ умереть!...

Ст. 20. Ты жъ, нещичко мое, мой другъ, всегда была

Не знаю почему, мнѣ точно такъ мила...

Ст. 25. предъ Богомъ погрѣшилъ...

Ст. 28. Но гнѣвный милуетъ... Надъ „гнѣвный“ написано перомъ:
„грѣшныхъ“.

Ст. 47. Друзья-союзники давай тотчасъ Богъ ноги врозь!..

Ст. 49. Дни два спустя коту увидѣть мышъ случилось...

Ст. 55. А мнѣ забыть, что ты—когище-обѣдало?..

Карандашныя поправки приближаютъ этотъ текстъ къ тексту рукописи № 13, который отстываетъ отъ текста Вѣстника Европы въ трехъ мѣстахъ: 1) Предъ Богомъ согрѣшилъ (въ В. Евр.—погрѣшилъ), 2) Меня не *обольститъ* (въ В. Евр.—*обмануть*), 3) Благодарности въ васъ духомъ не бывало (въ В. Евр.—*духу*); Жуковский сдѣлалъ своею рукою въ тетради № 13 двѣ поправки:

Стихъ 15. А мышъ-плутовка тутъ, ей пирь...

Ст. 36. Приежешь, вмгъ ихъ *приберу!*...

Текстъ въ рукописи № 15, л. 45 обор.—46, вполне совпадаетъ съ текстомъ Вѣстника Европы, кромѣ одного стиха: А мнѣ ужель не знать... (въ В. Евр.—А я могу ль не знать...)

Позднѣе текстъ былъ переписанъ рукою М. А. Протасовой (Рукоп. Публ. Библ., бум. Жуков. № 20, л. 4), причемъ 13-й и 14-й стихи получили такой видъ:

Туда сюда хлопочеть!

Взяукался Федотъ!

Въ этомъ спискѣ Жуковский произвелъ новыя поправки, и затѣмъ басня была перебѣлена рукою той же Протасовой (тетрадь № 42 по Отчету Публич. Библ. за 1887 г. стр. 228, листъ 39 обор.—40); поэтъ выправилъ еще два стиха, и въ этой окончательной редакціи переработанные стихи получили такой видъ:

Случилось такъ, что котъ усердный сыроѣдъ,

Сова-хозяйка, хлопотунья...

Котъ вышелъ погулять и мигомъ—брякъ подь сѣты!

Вѣда усатому, приходитъ умереть!

Туда, сюда, хлопочеть!

Взмаукался мой котъ...
 Тыжь, дитятко мое, душа моя была..
 Я ныпѣ къ завтрени слѣшпалъ,
 (Такое набожныхъ котовъ обмыновенье)
 И—знать невѣдьемъ предъ Богомъ погрѣшилъ..
 Тебя мой Богъ сюда прислалъ!..
 Приѣжешь? въ мигъ ихъ приберу!“—Я знаю,
 Что ты искусникъ-котъ! Но словъ побереги!
 Меня не обольститъ..
 Союзники тотчасъ давай Богъ ноги! врозь
 Разсыпались.—И тѣмъ все дѣло заключилось..
 Что благодарности въ васъ чувства не бывало..

Оригиналомъ Жуковскому послужила басня Лафонтена „Le Chat et le Rat“ (кн. VIII, № 22). Пересказъ нашего поэта въ общемъ довольно близокъ къ французскому подлиннику, но живѣе, проще, не-принужденнѣе, образнѣе, полнѣе: напр. краткому обозначенію времени „de grand matin“ у Жуковского соответствуетъ цѣлое описаніе разсвѣта; начало:

Quatre animaux divers, le chat grippe-
 fromage,
 Triste oiseau le hibou, ronge-maille le
 rat,
 Dame belette au long corsage,
 Toutes gens d'esprit scelérat
 Nantaient le tronc pourri d'un pin
 vieux et sauvage...

Случилось такъ, что котъ Федотка-сырождъ,
 Сова Трофимовна-сопунья,
 И мышка-хлѣбница, и ласточка-пры-
 гунья—
 Всѣ плуты, сколько-то, не помню,
 Не вмѣстѣ, но въ одной душлистой,
 дряхлой ели
 Пристанище имѣли...

Охотникъ разставилъ сѣти; попался котъ; мышъ торжествуетъ:

Le chat, de grand matin,
 Sort pour aller chercher sa proie.
 Les derniers traits de l'ombre em-
 pêchent qu'il ne voie
 Le filet: il y tombe, en danger de
 mourir;
 Et mon chat de crier; et le rat d'ac-
 courir:
 L'un plein de désespoir, et l'autre
 plein de joie;
 Il voyait dans les lacs son mortel
 ennemi...

Лишь только ночь отъ дня свой су-
 мракъ отдѣлила,
 Въ тотъ часъ, какъ на поляхъ ни
 темно, ни свѣтло,
 Когда не видя ждешь небеснаго свѣ-
 тила,—
 Нашъ котъ изъ норки шастъ, и прямо
 брякъ подъ сѣть.
 Бѣда Федотушкѣ! приходитъ умереть!
 Копышется, хлопочетъ,
 Взмаукался мой котъ.
 А мышъ-платовка тутъ, ей пиръ, въ
 ладоши бьетъ,
 Хохочетъ...

Къ 30-му октября относится написаніе басни *Орель и Жуки*: см. рукоп. № 13, л. 49 обор.

Процессъ созданія этой басни мы можемъ наблюдать по черновому наброску, начало котораго сохранилось въ рукописи № 12, л. 34. Уцѣлѣвшая часть наброска такая (зачеркнутыя слова ставлю въ скобки):

- Орель пустясь пзъ тучъ на кролика напалъ.
Вѣднѣкъ, безъ памяти, куда бы.. (*неразобр.*) уеруться,
На норку жука набѣжалъ.
(Скажите, гдѣ тутъ пріютиться?)
Не норка, щель — гдѣ тутъ, скажите, пріютиться?
5 И лапкѣ мѣста нѣтъ. Нашъ кроликъ (вое-каеъ) таеъ и сѣеъ
Свернувшись въ кулаеъ
Прилегеъ, дрожитъ. Орель за нимъ стрѣлоу,
И хочеть драть. Жучекъ (упалъ) приползеъ къ его ногамъ:
„Царь птицъ, и я и онъ — ничто передъ тобою,
10 Но сжался, пощади! Какой мнѣ будетъ срамъ,
Когда въ моеи норѣ (ты кролика погубишь, бѣдняжку)
невинность растерзаеши!
(Гостепрѣимства правъ ужели, царь, не знаеши?)
Онъ мой сосѣдъ, мой кумъ, мы старые друзья;
Ты самъ, мой царь, права гостепрѣимства знаеши;
(Когда же нѣтъ, убей съ нимъ вмѣстѣ и меня)
Смягчись, или пускай погвбну съ нимъ и я!“
(Пернатыхъ гордый царь съ презрѣньемъ)
15 Владыка птицъ надменный,
Ни слова не сказавъ, толкнулъ жука крыломъ,
(Сбилъ) Сшибъ съ мѣста, оглушилъ, а кума смявши въ комъ
Каеъ не бывалъ; жучогеъ, жестоко оскорбленный,
(Летить тотчасъ къ орлу въ гнѣздо, пускается яички колотить)
Въ гнѣздо къ орлу — и вмигъ яички всѣ побилъ,
20 Яички (милыя), плодъ любви (души его отраду, любовь его),
надежду (души его веселье), утѣшене, —
Хотя бъ одно, хотя бъ одно онъ пощадилъ!

Здѣсь прерывается сохранившійся черновой текстъ. Какъ видимъ, поправокъ сравнительно немного: стихи легко выходили изъ-подъ пера поэта.

Немного перемѣнъ понадобилось и при окончательной отдѣлкѣ. Въ рукописи № 15, л. 39 — 40, текстъ вполне совпадаетъ съ напечатаннымъ въ Вѣстникѣ Европы 1807 г., февр., № 3, стр. 187 — 189 (= Соч. Жуков., ред. Арханг., I, 37—38). Въ руц. № 13 имѣемъ отклоненія отъ этого текста въ пяти стихахъ:

Царь птиць, *найда* въ гнѣздѣ такое разоренье..
Ко трону Зевса полетѣлъ..
Днесъ будетъ *самъ Зевесъ* дѣтей моихъ хранитель..
Тряхнулъ имъ, яйца хлопъ! *Тутъ* птичій царь взбѣсился..
Царь неба струсилъ; звать жучка...

Текстъ тетради № 14, л. 28, отличается отъ текста въ рукоп. № 13 въ трехъ стихахъ:

Ст. 4. Не норка, щель! Ну какъ, скажите, въ ней укрыться?

Надъ второю частью этого стиха собственноручная поправка Жуковского карандашемъ: Кому (*зачеркнуто*) Ему ли въ ней укрыться? Эта поправка, сдѣланная не сразу, какъ доказываетъ зачеркнутое „кому“, свидѣтельствуеть, что текстъ рукописи № 14 старше текста рукописи № 13.

Ст. 46. Который черноты (*поправка* карандашемъ: пятнышка)
на немъ терпѣть не могъ...

Ст. 47. Тряхнулъ имъ: яйца хлопъ! Пернатыхъ (*поправка*
каранд.: Тутъ птичій) царь взбѣсился...

Въ тетради руки Протасовой (№ 42 по Отчету Импер. Публич. Библ. за 1887 г., стр. 228) въ текстѣ этой басни (л. 8), который должно, повидимому, считать окончательной редакціей, предѣлано шесть стиховъ:

Лички всѣ побилъ,
А съ ними и птенцовъ, надежду, утѣшенье!
Злодѣй! Хотя бь одно, одно онъ пощадилъ!..
На платье Зевсово онъ бросилъ грязи. Богъ,
Который пятнышка на немъ терпѣть не могъ
И другомъ чистоты прослыть на Небѣ тщился,
Махнулъ эфирною полой —
Лички въ дребезги. Пернатыхъ царь взбѣсился..

Настоящая басня Жуковского представляетъ близкій пересказъ басни Лафонтена „L'Aigle et l'Escarbot“ (кн. II, № 8):

L'aigle donnait la chasse à maitre Jean lapin,
Qui droit à son terrier s'enfuyait au plus vite.
Le trou de l'escarbot se rencontre en chemin.
Je laisse à penser si ce gîte
Était sûr: mais où mieux? Jean lapin s'y blottit.
L'aigle fondant sur lui nonobstant cet asile,
L'escarbot intercède, et dit:
Princesse des oiseaux, etc.

Для оживленія разсказа Жуковскій косвенную рѣчь подлинника обращаетъ въ прямую:

Quand l'aigle sut l'inadvertance,
Il menaça Jupiter
D'abandonner sa cour, d'aller vivre
au désert,
Avec mainte autre extravagance...

Орелъ взбѣялся,
На Зевса окричь: „Я сейчасъ съ
небесъ долой,
Оставлю и тебя, и громъ, и нектаръ
твой!
Въ пустыню спрячусь! Богъ съ
тобою!..“

1-го ноября написана была басня *Амина и Эндиміонъ*: см. рукоп. № 13, л. 43 обор. Басня дошла въ нѣсколькихъ редакціяхъ: текстъ, напечатанный въ Вѣстникѣ Европы 1807 г., май, № 10, стр. 108 — 110 (= Соч. Жуков., ред. Архангельскимъ, I, 39 — 40), совпадаетъ съ рукописью № 15, л. 47, кромѣ стиха 10-го, который въ этой рукописи редактированъ такъ:

Тебя, о сладостный души моей предметъ ¹⁾...

Самая старшая редакція басни сохранилась въ рукописи № 14, л. 30. Здѣсь стихи 1—11, 15, 16, 19, 21—24, 27—37 тождественны со стихами въ рукописи № 15; прочіе стихи читаются такъ:

Ст. 12. — „Какъ звать ее, пастухъ?“—Любовію! весь свѣтъ

Ст. 13. Подвержень ей, и ты съ душой твоей прелестной!

Ст. 14. — „Ужели? Страхъ какой!..“

Ст. 17. Мученье сладкое, предъ конемъ тронъ вселенной

Ст. 18. Теряютъ прелести свои..

Ст. 20. Подъ сумракомъ лѣсовъ мечтаешь въ упоеньи..

Ст. 25. Въ деревнѣ есть пастухъ: узрѣвъ его случайно,

Ст. 26. Красишь; томный лучъ въ очахъ твоихъ горитъ...

Эти стихи, кромѣ 25-го, исправлены карандашомъ такимъ образомъ, какъ они читаются въ рукописи № 15 и были напечатаны въ Вѣст. Европы 1807 г.

Ст. 38. Бѣднякъ Эндиміонъ, весь трудъ напрасень (*исправл. карандаш.*:
расчетъ невѣренъ) твой.

Ст. 39. Давно пословица ведется:

Ст. 40. Ты прочишь (*исправл. карандаш.*: Готовишь) для Петра—Ивану
достается.

Этотъ выправленный текстъ былъ переписанъ въ тетради № 13 (л. 43 обор.—44 обор.) и подвергся нѣкоторымъ новымъ исправленіямъ (перомъ), послѣ которыхъ исправленные стихи получили такой видъ:

¹⁾ Въ Вѣст. Евр. 1807 г. стихъ этотъ читается такъ:

Тебя, которую душа моя живетъ...

Въ этомъ и заключается единственное отличіе этой редакціи отъ текста рукописи № 15.

10. Тебя, единственный души моей (*зачеркнуто*: пылающей) предметъ...
14. Что слышу? Страхъ какой!
17. Мученье рай души! Предъ нимъ и тронъ вселенной
18. Теряетъ прелести блестящія свои...
33. И это, пастушокъ, любовію зовешь?..
35. (*Зачеркн.* Она) Извѣстна мнѣ она: прошедшею весной...
40. Готовишь для Петра, Ивану достается.

Редакція рукописи № 13 легла въ основу новаго списка басни— въ рукописи, которая сдѣлалась въ послѣдствіи собственностью проф. П. Висковатаго¹⁾; въ этомъ списокѣ стихъ 18-й остался въ предыдущей редакціи („Теряетъ весь свой блескъ, всѣ прелести свои“) и перередактированы были пять стиховъ:

4. Душа твоя, полна сокрытою тоскою,
5. Конечно, чувствуетъ ту сладостную боль,
6. То сердца упоенье,
7. Съ которыми ничто, ничто нейдетъ въ сравненье...
10. Тебя, котораго невиннѣй въ мірѣ нѣтъ...

Съ другой стороны, текстъ рукописи № 14 съ карандашными поправками воспроизведенъ въ рукописи № 15, л. 47, но три послѣдніе стиха получили здѣсь такой видъ:

38. Какъ быть, Эндиміонъ! Не рѣдкость жребій твой!
39. Нашъ духъ желаніемъ ко счастью влечется,
40. Но счастье другимъ при насъ же достается.

Эта редакція, съ перемѣной 10-го стиха (Тебя, о сладостный души моей предметъ—Тебя, которою душа моя живетъ), напечатана была Жуковскимъ въ Вѣстникѣ Европы 1807 года.

Источникомъ басни „Амина и Эндиміонъ“ была басня Лафонтена „Tircis et Amaranthe“ (кн. VIII, № 13), которую нашъ поэтъ переработалъ довольно неудачно. Лафонтенъ открываетъ свою басню введеніемъ:

J'avais Esore quitté
Pour être tout à Vossace, etc.

Жуковскій это введеніе, какъ для него излишнее, опустилъ. Въ подлинникѣ рассказъ начинается такъ:

Tircis disait un jour à la jeune Amaranthe:
Ah! si vous connaissiez comme moi certain mal

¹⁾ По этой рукописи басня „Амина и Эндиміонъ“ напечатана въ Вѣстникѣ Европы 1883 г. № 2, стр. 811—812 (перепечатка въ Соч. Жуков. подъ ред. Ефремова, изд. 8-е, т. I, стр. 510—511).

Qui nous plaît et qui nous enchante,
Il n'est bien sous le ciel qui vous parût égal!
Souffrez qu'on vous le communique;
Croyez-moi, n'ayez point de peur...

Тирсисъ хочетъ привить страсть Амарантъ, не подозрѣвая, что она уже любить. Эндимионъ у Жуковского, напротивъ, видитъ, что она „пріуныла“, страдаетъ „тайною тоскою“, и онъ хочетъ, во спасеніе ея неопытной невинности, „зараннѣ охранить ея отъ сей при-манки злой“,—получаются какія-то противорѣчія, можетъ быть, впро-чемъ, намѣренно допускаемыя Жуковскимъ: не хотѣлъ ли онъ сво-его героя представить хитрецомъ, который предупреждаетъ, хочетъ якобы отклонить,—въ сущности, чтобы тѣмъ болѣе привлечь? У Ла-фонтена дѣло просто.

Далѣе у французскаго баснописца:

Amarante aussitôt réplique:
Comment l'appellez-vous, ce mal? quel est son nom?
— L'amour.—Ce mot est beau! dites-moi quelques marques
A quoi je le pourrai connaître: que sent-on?
— Des peines près de qui le plaisir des monarques
Est ennuyeux et fade...

Жуковский первоначально (въ текстѣ рукописи № 14) переводить этотъ діалогъ, но въ слѣдующихъ редакціяхъ вопросъ героини объ имени болѣзни опущенъ, имя называетъ Эндимионъ самъ, и Амина спрашиваетъ только о симптомахъ болѣзни. Описаніе этихъ симпто-мовъ—цѣлая пѣснь любви—приблизительно сходно во французскомъ оригиналѣ и русской передѣлкѣ:

On s'oublie, on se plaît	Ты забываешься, ты въ сладостномъ
Toute seule en une forêt.	волненіи,
Se mire-t-on près d'un rivage,	Подъ сумракомъ лѣсовъ мечтаешь въ
Ce n'est pas soi qu'on voit; on ne voit	упоеннѣ;
qu'une image	Глядишь ли въ тихія источника струи,
Qui sans cesse revient, et qui suit en	Ты видишь не себя, ты видишь образъ
tous lieux:	тайной,
Pour tout le reste on est sans yeux...	Всегда присутственный, повсюду слут- никъ твой,
	Единственный, весь міръ украсившій собою...

У Лафонтена конецъ басни разработанъ очень тонко: выслушавъ Тирсиса,

Amarante dit à l'instant:
Oh! Oh! c'est là ce mal que vous me prêchez tant?
Il ne m'est pas nouveau: je pense le connaître.

Tircis à son but croyait être,
Quand la belle ajouta: *Voilà tout justement*
Ce que je sens pour Clidamant.
L'autre pensa mourir de dépit et de honte.

У Жуковскаго Амина прямо оглушаетъ Эндиміона признаніемъ, о впечатлѣніи послѣдняго не сказано ничего,—но признаніе ея относится какъ будто къ прошлому („*прошедшею весной*“...), что опять находится въ какомъ-то противорѣчій съ тѣмъ, что сказано о состояніи Амина въ началѣ басни.

Заключеніе Лафонтена:

Il est force gens comme lui,
Qui prétendent n'agir que pour leur propre compte,
Et qui font le marché d'autrui.

Изъ двухъ заключеній, написанныхъ Жуковскимъ, первое („Бѣднякъ Эндиміонъ“...) годилось бы только въ томъ случаѣ, если бы нашъ поэтъ не допустилъ такихъ отклоненій отъ своего оригинала; второе („Какъ быть, Эндиміонъ“...) болѣе подходитъ къ русской передѣлкѣ басни, но не передаетъ смысла французскаго текста.

Жуковскій, видимо, самъ чувствовалъ свою неудачу съ переводомъ данной басни,—оттого онъ и передѣлывалъ столько разъ стихи; печатая басню въ Вѣстникѣ Европы 1807 года, онъ не подписался, какъ подъ другими своими баснями („В. Ж—ій“), а поставилъ только двѣ звѣздочки; кончилъ онъ тѣмъ, что вовсе зачеркнулъ все стихотвореніе, какъ это оказывается въ рукописи проф. Висковатаго ¹⁾. Редакторъ этой послѣдней говоритъ, будто „послѣдніе три стиха (въ баснѣ) давали ключъ къ ея содержанію: поэтъ могъ изобразить въ ней свою собственную судьбу, которая, какъ, извѣстно, близко подходила къ судьбѣ воспѣтаго имъ Эндиміона“; не зная, что „Амина и Эндиміонъ“ напечатана въ Вѣст. Евр. 1807 г., г. Висковатый продолжалъ: „Все это стихотвореніе зачеркнуто: поэтъ, очевидно, не предназначалъ его къ печати въ то время, вслѣдствіе довольно прозрачнаго автобіографическаго характера всего стихотворенія, напоминавшаго исторію еще зарождавшейся въ ту пору его любви къ Маріи Протасовой, а конецъ этой любви онъ могъ предвидѣть уже тогда“ ²⁾. Въ виду того, что басня переводная, написана еще въ 1806 году и вслѣдъ затѣмъ была и напечатана, всѣ эти предположенія должны быть, разумѣется, совершенно отвергнуты.

¹⁾ Вѣстникъ Европы, 1883 г., № 2, стр. 812.

²⁾ Тамъ же.

2-го ноября Жуковский написал басню *Соколы и Филомела*: см. рукоп. № 13, л. 51 обор.

Старшая редакция этой басни сохранилась в рук. № 14, л. 31 обор. Отъ текста, напечатаннаго въ Вѣстникѣ Европы 1807 г. (№ 18, стр. 102—103) и перепечатаннаго въ Соч. Жуков., ред. Арханг., I, 40, эта редакция отличается двумя стихами; въ рукописи имѣемъ:

6. И на бѣду въ тотъ часъ къ подружкѣ полетѣла...
17. Годится-ль твой Терей мнѣ въ брюхо?—Нѣтъ, онъ царь!..

Текстъ этой старшей редакціи былъ переписанъ въ тетрадь № 13 и подвергся такимъ исправленіямъ:

6. Въ тотъ часъ, какъ на бѣду, къ подружкѣ полетѣла...
8. И въ когти къ соколу. „Помилуй!“—умоляетъ...
17. Годится-ль твой Терей на ужинъ?—„Нѣтъ, онъ царь!..
18. Сему (*зачеркнуто*: то страшному) злодѣю..

Въ текстѣ, сохранившемся въ рукописи № 15 (л. 50 об. — 51), изъ этихъ поправокъ принята была только поправка въ 17 стихѣ. Стихъ 16-й исправленъ такъ: И въ тотъ часъ на бѣду къ подружкѣ полетѣла. Въ этой редакціи басня и сдѣлалась извѣстна въ печати.

Оригиналомъ для Жуковского послужила басня Лафонтена „Le Milan et le Rossignol“ (кн. IX, № 18):

Après que le Milan, manifeste voleur,
Eut répandu l'alarme en tout le voisinage,
Et fait crier sur lui les enfants du village,
Un rossignol tomba dans ses mains par malheur...

Нашъ поэтъ этотъ сжатый изящный рассказъ оживилъ фламандскою картинкой переполоха среди куръ и образомъ пустынноицы-пѣвицы Филомелы, полетѣвшей въ гости къ подружкѣ,—зато выпустилъ картинку, нарисованную Лафонтеномъ: деревенскихъ ребятишекъ, крикомъ отпугивающихъ хищника-коршуна.

Разговоръ хищника и захваченной имъ жертвы переданъ Жуковскимъ многословнѣе; упоминается не только Терей, но и ласточка Прогна: нашему поэту былъ, очевидно, извѣстенъ мифъ о Фракийскомъ царѣ Терей, Филомелѣ и Прогнѣ, рассказанный Овидіемъ въ VI книгѣ „Метаморфозъ“.

6-го ноября написана была басня *Похороны Львицы*: см. рукоп. № 13, л. 52 обор.

Въ рукописи № 12, л. 39, сохранилась часть (окончаніе) черного наброска этой басни. Поправокъ сравнительно немного; текстъ

басни легко дался нашему поэту. Набросокъ этотъ таковъ (зачеркнутое ставлю въ скобки):

И шепчетъ (Божится), что олень, безсовѣстная тварь,
Смѣялся подь рукою.

Вамъ скажетъ Соломонъ, каковъ во гнѣвѣ царь,
А нашъ былъ царь и левъ! Онъ гривую густою
Затрясъ, (сверкнувъ очми) хвостомъ забилъ:

„Смѣяться—возошилъ—

Тебѣ, червякъ? тебѣ! надъ (скорбнымъ) ихъ стenanьемъ!
Когтей не посрамлю (презрѣннаго) преступника терзаньемъ!
Къ волкамъ его! (сейчасъ) къ волкамъ!
Да вмигъ расторгнется ругатель по частямъ!
Да (успокоится) казнь его смирить въ обителяхъ Плутона
Царицы оскорбленной тѣнь!

Олень,

(Который и не зналъ о притчахъ Соломона)
(Который и не зналъ, къ несчастью, притчей Соломона)
Который не читалъ пророка Соломона,
(Однако былъ неглушь, сказалъ: могущій царь,
Утѣшень будь! часы печали миновались)
(Скорѣй) Царю въ отвѣтъ: Не сѣтуй, государь:
Часы стenanья миновались!

Да жертву радости положимъ на олтари!
Когда въ печальный ходъ всѣ звѣри собирались,

И я за ними вслѣдъ бѣжалъ;

Царица (вдругъ моимъ глазамъ въ лучахъ) предъ меня въ сіяньи вдругъ
предстала

(Мой взоръ былъ ослѣпленъ...)

Хоть былъ я ослѣпленъ, но вмигъ ее узналъ.

(Мой другъ) Олень—святая мнѣ сказала—

Не плачь! я въ области боговъ,

(Ликую посреди звѣрей со мной блаженныхъ)

Бесѣдую въ кругу звѣрей преобразенныхъ!

(Утѣшь кончиною моею огорченныхъ)

(Утѣшь моихъ друзей, концемъ моимъ сраженныхъ)

Утѣшь со мною разлученныхъ,

Скажи царю, что (здѣсь) тамъ вѣнецъ ему готовъ!

И скрылась, и проч. (до конца, безъ поправокъ).

Старшимъ изъ сохранившихся полныхъ списковъ басни „Похороны Львицы“ является текстъ въ рукописи Публ. Библ., Бум. Жуковск., № 14, л. 32—33. Здѣсь отъ текста, напечатаннаго въ Вѣстникѣ Европы 1807 г., № 11, стр. 189—192 и повтореннаго проф. Архангельскимъ (Соч. Жуков., I, 41), отличаются только слѣдующіе стихи:

19. Отъ горя по пещу... (въ Вѣст. Евр.: по землѣ)
22. Къ тому жъ свидѣтели... (Вѣст. Евр.: Еще жъ)
32. Не люди, точные органы (Вѣст. Евр.: сущіе)
43. Затрясь, сверкнуль очми, (нѣтъ въ Вѣст. Евр.), хвостомъ забилъ.
63. Утѣшь моихъ друзей (нѣтъ въ Вѣст. Евр.), со мною разлученныхъ.

Рукопись № 14 воспроизводитъ редакцію чернового наброска. Она имѣетъ двѣ поправки карандашемъ,—именно, стихъ 17-й исправленъ такъ: „Поклонникамъ въ отвѣтъ“, а въ стихѣ 63-мъ вычеркнуты слова: „моихъ друзей“.

Послѣдняя изъ этихъ поправокъ принята въ текстъ рукописи № 15 (л. 53 обор.—55); въ остальномъ эта рукопись передаетъ текстъ рукописи № 14 съ тѣми пятью отклоненіями въ стихахъ 19, 22, 32, 43 и 63, которыя мы только что отмѣтили въ текстѣ Вѣстника Европы 1807 г., гдѣ эта именно редакція и воспроизведена.

Въ рукописи № 13, (л. 52 об.—54 об.) переписанъ былъ тотъ самый текстъ, какой имѣемъ въ рукописи № 14,—но затѣмъ этотъ текстъ подвергся исправленію рукою Жуковского и измѣненные стихи получили такой видъ:

9. Поталь-мартышка, въ носъ гнуса...
43. Взмахнулъ, глаза какъ жаръ, хвостомъ бьетъ по бедрамъ.
45. Смѣяться ты, червякъ? надъ ихъ стenanьемъ?
46. Когтей не посрамимъ, и проч.
52. Хотя и не читалъ пророка Соломона,
53. Но вмигъ царю отвѣтъ...
55. Осыпте розами торжественный олтарь!
58. Царица предо мной, и проч.
59. Мой взоръ былъ ослѣпленъ, но я ее узналъ
63. Утѣшь со мною разлученныхъ
70. Не правда ли, что лезть пріятнѣвшая дань?

Эти поправки въ стихахъ 43, 55, 58, 59 и 63 были приняты въ текстъ тетради, писанной рукою Протасовой (№ 42 по Отчету Публ. Библ. за 1887 г., стр. 228), л. 30 обор.—31, и кромѣ того переработаны еще слѣдующіе стихи:

22. А очевидцы насъ съ божбою увѣрили ¹⁾
53. Скорѣй царю въ отвѣтъ: Не сѣтуй, государь!
54. Часы прискорбны миновались!..
57. И я въ уныніи за ними въ слѣдъ бѣжалъ...

Всѣ эти поправки, несомнѣнно, улучшающія текстъ и дающія, наконецъ, окончательную редакцію басни (въ тетради № 42), издателями доселѣ во вниманіе не принимались.

¹⁾ Поправка, сдѣланная рукою Жуковского.

Et je l'ai d'abord reconnue.
 Ami, m'a-t-elle dit, garde que ce convoi,
 Quand je vais chez les dieux, ne t'ob-
 lige à des larmes.
 Aux champs élysieus j'ai goûté mille
 charmes,
 Conversant avec ceux qui sont saints
 comme moi.
 Laisse agir quelque temps le désespoir
 du roi:
 J'y prends plaisir...

И я за ними вслѣдъ бѣжалъ,
 Царица предо мной въ сіяньи вдругъ
 предстала;
 Мой взоръ былъ ослѣпленъ, но я ее
 узналъ.
 „Олень!—святая мнѣ сказала—
 Не плачь! я въ области боговъ,
 Бесѣдую въ кругу звѣрей преображен-
 ныхъ!
 Утѣшь со мною разлученныхъ!
 Скажи царю, что тамъ вѣнецъ ему
 готовъ!“

И скрылась...

Въ результатъ — Le cerf eut un présent, bien loin d'être puni; у Жуковского — живой образъ: Царь, ослабя взоръ, сказалъ: „Оленю въ награжденіе даемъ два луга, чинъ и лань!“

Въ правоученіи, которое нашъ поэтъ заключилъ въ одинъ стихъ (Не правда ли, что лестъ пріятнѣйшая дань?), онъ выразилъ такое свое пониманіе басни, будто она написана на тему о лести, къ которой и сводится вся ея мораль. У Лафонтена и шире и глубже:

Amusez les rois par des songes,
 Flattez-les, payez-les d'agréables mensonges:
 Quelque indignation dont leur coeur soit rempli,
 Ils goberont l'appât; vous serez leur ami.

Рукопись Импер. Публич. Библ. Бум. Жуков. № 12 даетъ возможность присоединить къ этимъ извѣстнымъ баснямъ Жуковского еще одну цѣлую басню *).

На л.л. 40 обор.—41 имѣемъ черновой набросокъ и перебѣленный и вновь исправленный текстъ басни „Прогна и Филомела“. На листахъ бумаги, на какой написанъ этотъ текстъ, стѣбитъ водяной знакъ „1804“; это — такая же бумага, какъ и та, изъ которой сдѣлана была Жуковскимъ тетрадь № 13. Почеркъ — одинаковый съ тѣмъ, какимъ написаны Жуковскимъ черновые наброски басни „Каплунъ и Соколъ“, „Похороны Львицы“ и др. Поэтому „Прогну и Филомелу“ приходится отнести къ той же серіи переводныхъ басенъ Жуковского, которая возникла осенью 1806 года. Басня „Прогна и Филомела“ писалась Жуковскимъ на томъ же листѣ бумаги, на которомъ передъ

*) „Прогна и Филомела“. Проф. А. С. Архангельскій напечаталъ эту басню въ XI томѣ редактированнаго имъ собранія соч. Жуковского, въ рубрикѣ „Дополненій изъ неизданныхъ и черновыхъ рукописей поэта“, стр. 130.

этой баснею былъ набросанъ вчернѣ, а затѣмъ перебѣленъ романсъ „Дубрава шумитъ“. Передъ текстомъ послѣдняго поставлена дата: 18 февраля, — очевидно, это былъ февраль 1807 года, и къ этому мѣсяцу и должно, повидимому, относить написаніе „Прогны и Филомелы“, такъ какъ послѣ осени и зимы 1806—1807 г.г. Жуковский къ сочиненію басенъ уже не возвращался.

Черновой набросокъ такой (зачеркнутое ставлю въ скобкахъ):

Прогна и Филомела.

Случи(ло)сь (такъ) весеннею порой
Что Прогна-ласточка въ ту рошу залетѣла,
Гдѣ много-много лѣтъ бѣдняжка Филомела
Въ уединеніи, грустя сама съ собой,
б. Во мракѣ невидимкой лѣла. —
(Здравствуй, милый другъ)
— Насилу Богъ велѣлъ увидѣться съ тобою,
(Вотъ тысяча ужъ, какъ мы...)
(Мы тысячу ужъ лѣтъ съ тобою не слетались!)
(Ужъ... пять вѣковъ...)
Сестрица! мы давно другъ съ другомъ не слетались!
Какъ ты остава градъ, забывъ цвѣтушій лугъ,
(Въ пустынѣ сѣтуешь...)
(Скрываешься въ лѣсу...)
Лѣтъ ты... прошло (съ тѣхъ поръ) какъ мы разстались;
Съ Фракійскихъ горестныхъ временъ
Никто нигдѣ тебя, сестрица, не видастъ!
(Одна) Пустыня лишь (Лишь дакій лѣсъ) твоей гармоніи внимасть!
Тебѣ ль такой удѣлъ, мой другъ (пѣвица, положень), опредѣленъ,
(Тебѣ ли тосковать—*вар.* унывать—во тьмѣ—*вар.* во мглѣ—уединенья...)

(Увы! гдѣ лучшій край? Гдѣ радость для меня?)
Твое ль убѣжище лѣсовъ уединенья!
(Увы! Гдѣ жъ сладостей убѣжище найти?)
Увы! (гдѣ... прелестнѣе) найду ли гдѣ толь сладостный покровъ!
(О небо! для кого толь сладостное пѣнье?)
О небо, здѣсь кого плѣняетъ пѣнье?
(Одни) (Для совъ, лисицъ, лѣсныхъ...)
Медвѣдей, вепрей и волковъ,
А много (грубыхъ) дикихъ лѣсниковъ!

Здѣсь набросокъ обрывается, и слѣдуетъ перебѣленный текстъ съ новыми поправками:

Прогна и Филомела.

Случилось прошлою весной,
Что Прогна-ласточка въ ту рошу залетѣла,

Гдѣ много-много лѣтъ бѣдняжка Филомела
Уединенная, грустя сама съ собой,
Во мракѣ невидимой плѣла.
„Насилу Богъ судиль увидѣться съ тобой,
Сестрица! Мы давно другъ съ другомъ не слетались!
Лѣтъ тысяча тому, какъ мы съ тобой разстались!
Съ Фракійскихъ горестныхъ временъ
Тебя нигде нигдѣ подъ солнцемъ не видаютъ (въ свѣтѣ не встрѣ-
чаютъ),

Пустыня лишь твоей гармоніи внимаетъ:
Тебѣ ль сей горестный (такой) удѣлъ опредѣленъ?
Твое ль убѣжище лѣсовъ уединенье?“...
— „Увы! Найду ли гдѣ толь сладостный покровъ?“
— „О небо! (здѣсь) и кого жь твое плѣняетъ плѣнье!
Медвѣдей, вепрей (и волковъ), совь,
Ночныхъ нетопырей, а много (дивныхъ) лѣсниковъ!
(Пустыня ль создана для сихъ даровъ прелестныхъ?)
Пустыню ль украшать толь милыми дарами?
Нѣтъ, нѣтъ, ты создана въ обителяхъ людей
По селамъ и градамъ блистать ихъ чудесами!
Къ тому же здѣсь во всемъ слѣды минувшихъ дней,
Пустыня, сумракъ и молчанье:
Въ подобныхъ симъ мѣстахъ неистовый Терей“...
— „Сіе то горестей протекшихъ воспоминанье
Велитъ (остаться мнѣ) мнѣ обитать пустынною въ лѣсахъ:
(Я здѣсь грущу, но я на волѣ)
Увы! съ людьми я вспомню болѣ“.

Нашъ поэтъ, видимо, не считалъ еще этой басни окончательно отдѣланною, не внесъ ея вмѣстѣ съ другими баснями въ чистовыя рукописи, не напечаталъ. Въ сущности, однако, это—цѣльное произведение: полное и близкое переложение басни Лафонтена: „*Philomèle et Progné*“ (кн. III, № 15):

Autrefois Progné l'hirondelle
De sa demeure s'écarta,
Et loin des villes s'emporta
Dans un bois où chantait la pauvre Philomèle.
Ma soeur, lui dit Progné, comment vous portez-vous?
Voici tantôt mille ans que l'on ne vous a vue:
Je ne me souviens point que vous soyez venue,
Depuis le temps de Thrace, habiter parmi nous, etc.

Обычная манера—развивать одно понятіе, выраженное въ подлин-
никѣ, въ цѣлый образъ и даже рядъ образовъ—не оставляетъ и
здѣсь нашего поэта: у Лафонтена—

Dans un bois chantait la pauvre Philomèle,

У Жуковского—

Много, много гѣтъ бѣдняжка Филомела,
Уединенная, грустя сама съ собой,
Во мракѣ невидимкой гѣла...

У Лафонтена:

Eh qu'il cette musique
Pour ne chanter qu'aux animaux,
Tout au plus à quelque rustique!

У Жуковского:

О небо! и кого жь твое плѣняетъ пѣнье?
Медвѣдей, вепрей, (волковъ) совь,
Ночныхъ нетопырей, а много—(грубыхъ, дивныхъ) лѣсниковъ!...

На той же бумагѣ 1804 года, въ той же связкѣ (теперь переплетенной) бумагѣ Жуковского № 12, сохранилось нѣсколько неоконченныхъ набросковъ переводныхъ басенъ, относящихся къ той же серіи работъ нашего поэта осенью 1806 года. Набросокъ начала перевода басни Флоріана „Le Lièvre et les deux Chevreuils“ мы уже привели выше. На обор. л. л. 35—36 находимъ три наброска перевода басни Лафонтена „Le Coche et la Mouche“ (Fables, l. VII, № 9), которой оказалась пересказанною Жуковскимъ первая половина (зачеркнутое ставлю въ скобки):

Однажды въ гору, въ вуть (при страшномъ пеклѣ жара) измученны
жаромъ,

Въ (шли) пескѣ, по колеямъ, бургристымъ крутояромъ

Шесть дюжихъ (сильныхъ) лошадей повозку волокли;

Всѣ—(дѣвушки) женщины, старики, монахи—долой сошли:

Лошадки силятся, потѣютъ, бьются—стали!

Откуда ни возьмись (вдругъ муха къ нимъ катить) пискунья-муха пырь

На встрѣчу къ нимъ: „Что, клячи? знать устали?”

Вотъ я приструню васъ! (жужжить, пицить) я въ нуждѣ богатырь!

(Пришло намъ вмѣстѣ потрудиться!“)

(Ту въ ухо, ту въ глаза, то кучеру [щелчокъ] на носъ,

То къ дышлу...)

И впрямъ искусница! хлопочеть, суетится!

То на носъ къ кучеру! то съ сердцемъ къ колесу!

(„Дружнѣ! развѣ намъ и впрямъ здѣсь поселиться!)

„Дружнѣй, одры! Не здѣсь же поселиться!

(Смотрите) Не срамъ ли? Я одна за васъ весь трудъ несу!“

Лишь клячи шагъ впередъ, а муха величаться:

„Ну, гдѣ бь имъ безъ меня!“ И (тотчасъ снова сѣла) вмигъ и тамъ, и
снова

Жужжать (пырять), колоть носкомъ! Таеъ (мчался, бѣгалъ) рыщеть по
рядамъ

(Троянскихъ войскъ Эней, когда ихъ велъ сражаться)
Капраль, команду равняться... *)

Французскій подлинникъ:

Dans un chemin montant, sablonneux, malaisé,
Et de tous les côtés au soleil exposé,
Six forts chevaux tiraient un coche.
Femmes, moines, vieillards, tout était descendu:
L'attelage suait, soufflait, était rendu.
Une mouche survient, et des chevaux s'approche,
Prétend les animer par son bourdonnement,
Pique l'un, pique l'autre, et pense à tout moment
Qu'elle fait aller la machine,
S'assied sur le timon, sur le nez du cocher.
Aussitôt que le char chemine,
Et qu'elle voit les gens marcher,
Elle s'en attribue uniquement la gloire,
Va, vient, fait l'empressee: il semble que ce soit
Un sergent de bataille allant en chaque endroit
Faire avancer ses gens et hâter la victoire...

Жуковский стремится внести въ свой пересказъ больше оживленія,
для чего заставляеть свою муху говорить.

Подведемъ итоги нашему изученію басенъ Жуковского.

Періодъ, когда нашъ поэтъ предался писанію басенъ — осень
1806 года. Можно думать, что при этомъ онъ преслѣдовалъ цѣль
моральную, въ связи съ уроками, преподаваемыми имъ племянницамъ.

Всѣ басни Жуковского—переводныя: девять басенъ и начало де-
сятой переведены изъ Лафонтена и какъ разъ столько же (девять и
начало десятой) изъ Флоріана. Переводя этихъ баснописцевъ, Жу-
ковский шелъ по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, главнымъ обра-
зомъ И. И. Дмитріева (переведшаго по четырнадцати басенъ изъ
Лафонтена и Флоріана),—и такимъ образомъ принялъ довольно зна-
чительное участіе въ процессѣ усвоенія басенъ этихъ французскихъ
писателей русской литературѣ. Басни Жуковского очень понравились
И. И. Дмитріеву ²⁾).

¹⁾ Часть этого отрывка напечаталъ проф. Архангельскій: Собр. соч. Жуков.,
т. XI, стр. 129.

²⁾ Изъ письма М. П. Офросимовой Жуковскому: „Очень рада, что басни вами
такъ Дмитріеву понравились. Правду сказать, и невозможно иначе“... (Русск.
Архивъ 1883 г., I, 212).

Извѣстные до сихъ поръ въ печати тексты басенъ Жуковскаго большею частью (кромѣ басни „Сонъ Могольца“ — единственной, которая вошла въ собранія соч. Жуковскаго, вышедшія при его жизни) отнюдь не даютъ окончателныхъ редакцій этихъ басенъ, а представляютъ одну изъ промежуточныхъ ступеней въ выработкѣ текста: исправленія дѣлались поэтому и послѣ напечатанія басенъ въ Вѣстникѣ Европы 1807 года. Изученіе рукописей Жуковскаго открываетъ возможность возстановить исторію текста и послѣднюю редакцію каждой басни,—что я и пытаюсь сдѣлать въ настоящей главѣ.

Рукописи Жуковскаго свидѣтельствуютъ, съ какою быстротой и легкостью создавались имъ басни: даты въ тетради № 13 говорятъ, что онъ писалъ въ день по одной баснѣ и даже иногда по двѣ; черновые наброски и прочіе списки доказываютъ, что текстъ почти сразу же удавался поэту, и укладывался въ удовлетворительной формѣ на бумагу,—поправокъ и передѣлокъ сравнительно немного.

Басни Жуковскаго — переводы-пересказы; отношеніе переводчика къ подлинникамъ свободное: онъ стремится въ своей передачѣ сообщить дѣйствующимъ лицамъ живость, языку — бойкость, характеръ простой обыденной, непринужденной разговорной рѣчи; всему разсказу — образность, иногда почти сценичность, реалистическую тенденцію.

Не было, однако, у Жуковскаго той тонкой, добродушно-язвительной сатиры, которая отличаетъ настоящаго баснописца; басни нашего поэта — не болѣе, какъ нравоучительные забавные разсказы, живые, простые, образные, этою послѣднею стороною даже превосходящіе порою свои оригиналы.

XLIII.

Переводя осенью 1806 года басни, Жуковскій, ради разнообразія, обращается и къ другому рода литературнымъ формамъ.

Къ 19 октября 1806 г. относится (см. рукоп. № 13, л. 5 и 38 обор.) переводъ сонета „За нѣжный поцѣлуй“,—см. соч. Жуковскаго, ред. Арханг., I, стр. 33—34.

Сонетъ сохранился среди бумагъ Жуковскаго въ рукописяхъ № 13 л. 38 обор. и № 14 л. 17. Въ этихъ текстахъ стихъ 7-й читается такъ:

Хотя *неможечко* Парнасскаго мнѣ свѣта.

Въ № 14 стихъ 9:

„Чтожь стихъ? а уговоръ?“—О горькая досада!

карандашомъ исправленъ такъ:

Но вотъ ужъ и усталъ! О муза! о досада!

Поправка эта перенесена въ рукопись № 13.

Оригинала этого сонета мнѣ до сихъ поръ не удалось разыскать. Не имѣя постоянно подъ рукой коллекціи изданій, откуда могъ заимствовать и переводить нашъ поэтъ (см. реестры и перечни Жуковского выше, въ XXXIV главѣ), мнѣ очень трудно своевременно наводить необходимыя справки. Оставляю ихъ на будущее.

Къ тому же дню (19 окт. 1806 г.) рукопись № 13 (см. л. 5 и 38 обор.) относитъ переводъ *Эпитафіи* „Здѣсь кончилъ вѣкъ Памфиль“. Напечатанный въ соч. Жуков-го, ред. Арханг., I, 34, текстъ восходитъ къ рукописи № 14, л. 17; въ рукописи же № 13 (л. 38 обор.) первый стихъ исправленъ рукою нашего поэта такъ:

Здѣсь кончилъ вѣкъ Памфиль, *надумясь* одъ пѣвецъ.

Оригиналомъ этого четверостишія послужила эпитаграмма Ж.-Бат. Руссо:

Ci-gît l'auteur d'un gros livre
Plus embrouillé que savant.
Après sa mort il crut vivre,
Et mourut dès son vivant²⁾.

Въ теченіе времени съ 18 октября по 1 ноября 1806 г. Жуковский переводитъ рядъ *эпиграммъ*. Къ 18 октября относятся (см. рукоп. № 13 л. 38 об.) двѣ эпиграммы: а) „Пускай бы за грѣхи дождь нашъ убавлялся“ и б) „Ты драму, Фефиль, написалъ?“. Текстъ этихъ эпиграммъ, напечатанный А. С. Архангельскимъ (Соч. Жуков., I, 38—39), вполнѣ совпадаетъ съ рукописнымъ (тетр. № 13, л. 38 об. и № 14, л. 15 и 16 обор.).

До сихъ поръ удалось отыскать оригиналь только второй изъ нихъ:

Certain Pradon, bâtard de Melpomène,
Rimant toujours et rimant toujours mal,
Voulut encore exposer sur la scène
De son génie un avorton fatal.
L'affiche annonce, et tout Paris y vole:
Chacun, avant, eut soin de se munir
D'un gros sifflet. Vain projet, soin frivole:
On bâilla tant qu'on ne put s'en servir²⁾.

¹⁾ Oeuvres poétiques de J.-B. Rousseau, *Épigrammes*, I, III, № 23.

²⁾ *Élite de poésies fugitives*, Londres, 1769, t. I, p. 110: *Épigramme*. Этотъ

Работа весьма удалась нашему поэту; эпиграмма вышла вдвое короче и потому тоньше, и гораздо живѣе, такъ какъ облечена Жуковскимъ въ форму діалога,—только получился, разумѣется, не переводъ, а пересказъ, осложненный еще введеніемъ мотива самодовольства и самохвальства драматурга:

Ты драму, Фефиль, написалъ?

—„Да! какъ же удалась! какъ сыграна! не чаешь!

Хотя бы кто-нибудь для смѣха просвистать!“

—И! Фефиль, Фефиль! Какъ свистать, когда зѣваешь?

Къ 25 октября 1806 г. та же рукопись № 13, л. 41 обор., приурочиваетъ переводъ еще десяти эпиграммъ. Эта группа эпиграммъ, въ томъ же порядкѣ, находится и въ рукописи № 14, л.л. 18—19, и въ томъ же порядкѣ воспроизведена въ собр. соч. Жуковского, ред. Арханг., I, стр. 38, №№ I—X. Девять изъ нихъ (№№ I—IV, VI—X) напечатаны были въ Вѣстникѣ Европы 1807 г. №№ 2, 4, 6, при чемъ въ четырехъ сдѣланы были небольшія редакціонныя поправки въ текстъ (которые и сохраняеть А. С. Архангельскій):

IV. Въ рукописяхъ стихъ 14-й: „*Историкъ, проповѣдникъ, физикъ*“, въ печат.—*Хирургусъ* и проч.

VII. Въ рукописяхъ стихъ 1-й: „*Напрасно стъуешь, пріятель мой Гарпасъ*“, въ печат.—Ты сердисься и пр.

IX. Въ тетради № 14 первый стихъ читается такъ: *Зачѣмъ, пріятель мой, пристѣлъ?* Исправлено карандашомъ: Пріятель, отчего пристѣлъ? Въ рукописи № 15, л. 65, эта эпиграмма озаглавлена: „Баварскій король“.

X. Въ тетради № 14 стихъ 4-й первоначально имѣлъ такую редакцію: *Съ антикомъ гребень въ волосахъ*,—исправлено карандашомъ: Вихры на лбу и на глазахъ; стихъ 10-й: *И называютъ Селіоной*. Въ тетради № 13:

4. Вихры на лбу и на глазахъ.

9. Въ каретѣ модной, позлащенной

10. И называютъ (Селіоной, Альцидоной) Селимоной.

Тетрадь № 14 даетъ редакціи болѣе раннія; проф. Архангельскимъ воспроизведенъ позднѣйшій, исправленный поэтомъ текстъ Вѣстника Европы 1807 года.

сборникъ упомянуть Жуковскимъ въ спискѣ задуманныхъ имъ переводовъ и подражаній (см. Бумаги Жук-го, хран. въ Импер. Публ. Библ., № 79, л. 8; воспроизведенъ мною выше, въ XXXIV главѣ).

Нѣсколько оригиналовъ этой группы эпиграммъ Жуковского мнѣ удалось разыскать:

Эпиграмма I („Не знаю почему, по дружбѣ или такъ“...) представляетъ, видимо, передѣлку эпиграммы Gombaud:

Une fois l'an il me vient voir,
Je lui rends le même devoir:
Nous sommes l'un et l'autre à plaindre;
Il se contraint pour me contraindre ¹⁾.

Эпиграмма IV („Для Клима все какъ дважды два“...)—переработка эпиграммы Ж.-Б. Руссо:

Chrysologue toujours opine;
C'est le vrai Grec de Juvénal:
Tout ouvrage, toute doctrine
Ressortit à son tribunal.
Faut-il disputer de physique?
Chrysologue est Physicien.
Voulez-vous parler de Musique?
Chrysologue est Musicien.
Que n'est-il point? Docte critique,
Grand poète, bon scholastique,
Astronome, grammairien.
Est-ce tout? Il est politique,
Jurisconsulte, historien,
Platoniste, cartésien,
Sophiste, rhéteur, empyrique;
Chrysologue est tout, et n'est rien ²⁾.

Эпиграмма V („Сей камень надъ моею возлюбленною женою“...)—переводъ сатирической эпиграммы:

Ci-gît ma femme: ah! qu'elle est bien
Pour son repos et pour le mien ³⁾!

Эпиграмма X („Румянь французскихъ штукатура“...) имѣетъ своимъ источникомъ эпиграмму Gombaud:

Blanc d'Espagne, couleurs vermeilles,
Perles, brillans, pendans d'oreilles,
Passemens, jupes de grand prix,

¹⁾ Nouvelle Anthologie françoise, ou Choix des Épigrammes et Madrigaux de tous les poètes François depuis Marot jusqu'à ce jour. Paris, 1769, t. II, p. 291, № 121.

²⁾ Тамъ же, t. I, p. 125, № 78 (=Oeuvres poét. de J.-B. Rousseau, Épigr., III, № 29).

³⁾ Тамъ же, I, 100, № 31.

On vous étale, on vous promène,
Pour duper les foibles esprits,
Et l'on vous nomme Lisimène ¹⁾.

Подъ перомъ нашего поэта французскій оригиналь получилъ значительную переработку и развитіе подъ влияніемъ, повидимому, наблюдений надъ русскими модницами и франтихами; у Жуковского „Одежды легкой подозрѣнье“ — срв. съ разсужденіемъ Карамзина „О легкой одеждѣ модныхъ красавицъ девятаго-надесять вѣка“ (1802 года) и съ насмѣшками Крылова надъ дамами, „раздѣтыми“ по послѣдней модѣ.

Въ тетради № 14, л. 19, здѣсь же, но позднѣйшимъ почеркомъ Жуковского приписана еще одна эпиграмма:

У насъ въ провинціи наряднѣй нѣтъ Любви:
По модѣ съ ногъ до головы:
Наколки, цвѣтъ лица, помаду, зубы, брови—
Все получаетъ изъ Москвы.

Эту эпиграмму, ранѣе не напечатанную, проф. Архангельскій (соч. Жуков., I, стр. 38, № XI) воспроизвелъ въ искаженномъ видѣ.

Къ 1 ноября 1806 года тетрадь Жуковского № 13, л. 51 обор., приурочиваетъ переводъ еще четырехъ эпиграммъ; эти эпиграммы въ томъ же порядкѣ находимъ и въ тетради № 14, л. 29.

На первомъ мѣстѣ въ этой группѣ стоитъ эпиграмма:

„Скажи, чтобъ тамъ потише были“!
Кричалъ повытчику судья, и пр.

Тождественный въ тетрадяхъ № 13 и 14 текстъ отличается отъ напечатаннаго проф. Архангельскимъ однимъ словомъ: въ соч. Жуков., I, 39, № XIV, во 2-мъ стихѣ *Кричитъ* повытчику судья.

Оригиналь этой эпиграммы:

Epigramme.

Huissiers, qu'on fasse silence,
Dit, en tenant audience,
Un Président de Beaugé;
„C'est un bruit à tête fendre:
„Nous avons déjà jugé
„Dix causes sans les entendre“ ²⁾.

Baraton.

¹⁾ Тамъ же, I, 62, № 119.

²⁾ Тамъ же, II, 323, № 29 = Elite de poésies fugitives, Londres, 1769, t. II, p. 19.

Перелагая эти стихи, нашъ поэтъ перенесъ мѣсто дѣйствія въ русскую обстановку нашего стараго дореформеннаго суда эпохи „Ябеды“.

Второе мѣсто занимаетъ эпиграмма „Новый стихотворецъ и Древность“:

Едва лишь что сказать удастся мнѣ счастливо...

Стихъ 5-й въ рукописяхъ редактированъ такъ:

Ей послѣ не прійти невѣждѣ,—

въ печат. (Вѣст. Евр. 1807 г. № 2, стр. 122):

Ей послѣ не прійти къ невѣждѣ.

Оригиналъ:

Épigramme.

Dis-je quelque chose assez belle:
L'Antiquité toute en cervelle
Me dit: je l'ai dite avant toi.
C'est une plaisante donzelle;
Que ne venoit-elle après moi?
J'aurois dit la chose avant elle ¹).

Daceilly.

Далѣе—помѣщается эпиграмма „Дидона! какъ тобой рука судьбы играла!“ Рукописный текстъ сохраненъ въ печатныхъ воспроизведеніяхъ (Вѣст. Евр. 1807 г. № 6, стр. 116, и проч.) въ неприкосновенности. Оригиналъ—

Épitaphe de Didon.

Pauvre Didon, où t'a reduite
De tes amants le triste sort!
L'un, en mourant, causa ta fuite;
L'autre, en fuyant, causa ta mort ²).

Charpentier.

Четвертая эпиграмма читается въ тетради № 14, л. 29 обор., такъ:

Барма нашедь Тому чуть жива, на отходѣ,
„Скорѣе,—закричалъ,—изволь мнѣ долгъ отдать (исправл. карандашемъ:
платить),

Ужъ полно завтраковъ твоихъ мнѣ ожидать!
(Исправл. карандаш.: Ужъ полно завтракомъ тебѣ меня кормить).

¹) Тамъ же, I, 18, № 33.

²) Тамъ же, I, 289, № 74 = *Elite de poésies fugitives*, t. I, p. 193.

Остальные три стиха — какъ въ печатномъ (Вѣст. Евр. 1807 г. № 2, стр. 121 = соч. Жуков., ред. Арханг. I, 39).

Въ тетради № 13, л. 51 обор., былъ воспроизведенъ текстъ со внесениемъ этихъ исправленій карандашомъ, а затѣмъ рукою Жуковскаго сдѣлано чернилами еще двѣ поправки:

3. Ужъ полно *заетра* мнѣ безъ пользы кормить (sic)!

4. Охъ, *друтъ*, хотъ умереть...

Оригиналъ этой эпиграммы:

Blaise voyant à l'agonie
Lucas qui lui devoit cent francs,
Lui dit, toute honte bannie:
„Ça, payez-moi vite, il est tems“.
„Laissez-moi mourir à mon aise“,
Répondit foiblement Lucas:
„Oh! parbleu! vous ne mourrez pas
„Que je ne sois payé“, dit Blaise^r).

Всѣ эти эпиграммы Жуковскаго, какъ переводныя, — безпредметны и представляютъ собой не болѣе, какъ стилистическія упражненія нашего поэта.

Подъ вліяніемъ, повидимому, этихъ упражненій, Жуковскій сочиняетъ самостоятельную эпиграмму „На Чичерина“. Въ тетради № 14, л. 27 обор., эта эпиграмма помѣщена между баснями „Котъ и Мышь“ и „Орелъ и Жукъ“; такъ какъ первая изъ этихъ басенъ написана, согласно рукописной помѣткѣ въ тетради № 13, 29 октября, вторая — 30 октября, то и эпиграмму „На Чичерина“ слѣдуетъ отнести къ этому же времени. Эпиграмма эта очень невинна:

Сибири управленьемъ
Мой предоеъ славенъ былъ,—
А я, судьбы велѣньемъ,
Дормезъ себѣ купилъ.

Столь же невинна и другая, повидимому, также оригинальная эпиграмма Жуковскаго „На прославителя русскихъ героевъ, въ сочиненіяхъ котораго нѣтъ ни начала, ни конца, ни связи“ (соч. Жуков., ред. Арханг., I, 39):

Миронъ схватилъ перо, надулся, пишетъ, пишетъ,
И подъ собой земли не слышитъ!
„Пожарскій! Филаретъ! отечества отецъ!“
Поставилъ точку—и конецъ!

^r) Тамъ же, I, 16, № 29—Elite de poésies fugitives, Londres, 1769, t. I. p. 129.

Не направлялъ ли Жуковский эту свою эпиграмму на поэму „Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ, или спасенная Россія, въ 3 пѣсняхъ, соч. кн. Сергѣя Шихматова“, С.-Пб. 1807, которую впослѣдствіи Пушкинъ привѣтствовалъ своимъ убійственнымъ стихомъ: „Слогъ темень, напыщенъ, и тяжки словеса пустыя“? Если такъ, то время написанія Жуковскимъ этой его эпиграммы придется отодвинуть нѣсколько поздиѣ (проф. Архангельскій отнесъ къ 1806 году).

1—2 ноября Жуковский сдѣлалъ переводъ нѣсколькихъ маленькихъ стихотвореній:

а) Къ 1 ноября рукопись № 13, л. 43 обор., относитъ *мадриаль* „Старикъ молодой дѣвушкѣ“; текстъ рукописи № 13 (л. 43 обор.) = = рукоп. № 14 (л. 29 обор.) = соч. Жуков., ред. Арханг., I, 39.

б) Ко 2 ноября та же рукопись № 13 (л. 44 обор.) относитъ *надпись* „Стихи Ельмины къ портрету ея матери“; текстъ въ тетради № 14 (л. 30 обор.) = соч. Жуков., ред. Арханг., I, 40; въ тетради № 13, гдѣ сначала былъ переписанъ текстъ тетради № 14, послѣдній стихъ (л. 45 обор.) исправленъ рукою Жуковскаго:

Ты *блва* замѣнишь, *котормъ* больше нѣтъ.

Это была окончательная редакція, установленная поэтомъ уже послѣ напечатанія надписи въ Вѣстникѣ Европы 1807 г. (№ 12, стр. 278), гдѣ послѣдній стихъ сохраняетъ еще прежнюю редакцію, которая до сихъ поръ и перепечатывалась.

Оригиналы этихъ двухъ стихотвореній мнѣ пока неизвѣстны. Первое изъ нихъ близко къ пятистишию Сен-Ламбера:

Je touche aux bornes de ma vie;
Mais l'amour vient me ranimer,
Je suis jeune aux pieds de Sylvie:
J'ai si peu de temps pour l'aimer
Qu'il faut l'aimer à la folie¹⁾.

Сен-Ламберъ (St-Lambert) включенъ Жуковскимъ и въ его „Роспись лучшихъ книгъ“ (см. выше, въ XXXIV гл.) и въ его перечни задуманныхъ переводовъ и подражаній (см. тамъ же).

с) Ко 2-му же ноября тетрадь № 13, л. 45 обор., относитъ четверостишіе „Руше къ своей женѣ и дѣтямъ, посылая имъ свой портретъ, писанный въ тюрьмѣ за нѣсколько дней до его казни“. Текстъ тетради № 13 = Вѣст. Евр. 1807 г. № 12, стр. 278 = соч. Жуков., ред. Арханг., I, 40.

¹⁾ Oeuvres de Saint-Lambert, t. II, Paris, 1795, Pièces fugitives, p. 49.

Въ тетради № 14 (л. 31)—первоначальная редакция:

Ст. 3. Когда *художествомъ* черты сія творились, при чемъ *карандашомъ* исправлено:

Когда *подъ кистию* и проч.—

поправка, принятая въ текстъ тетради № 13 и въ печатный.

Оригиналъ:

A ma femme, à mes amis, à mes enfans.
Ne vous étonnez pas, objets sacrés et doux,
Si quelqu' air de tristesse obscurcit mon visage;
Quand un savant crayon dessinait cette image,
J'attendais l'échafaud et je pensais à vous.

Jean-Antoine Roucher (1745—1794)—французскій поэтъ, авторъ дидактической поэмы въ 12 пѣсняхъ „Les Mois“ („Мѣсяцы“), Paris 1779, и др.,—погибъ на эшафотѣ во время террора. Обстоятельства, при которыхъ написано имъ приведенное четверостишіе, таковы:

Le 5 thermidor, Roucher fut prévenu que son nom était inscrit sur les listes de proscription. Préparé dès longtems à son sort, il renvoya son fils à sa femme, brûla ses papiers inutiles... Le 6, il fit faire son portrait au bas duquel il écrivit les vers suivans: Ne vous étonnez pas, etc. 7-го термидора онъ былъ казненъ 1).

d) Ко 2-му же ноября рукописью № 13, л. 51 обор., отнесено четверостишіе „Плѣнять, а не любить“. Текстъ рукописи № 13 = рукоп. № 14, л. 31 = Соч. Жуков., ред. Арханг., I, 40. Въ перечнѣ стиховъ 1802—1807 гг. въ рукоп. № 13, л. 5, приведенномъ нами выше, въ гл. XXXVI, подъ номеромъ 43 обозначено, повидимому, это четверостишіе какъ переводъ; отыскать оригиналь мнѣ еще не удалось.

Къ 21-му декабря 1806 г. отнесъ Жуковский (рукоп. № 13, л. 55 об.) написаніе стихотворенія „Младенецъ“:

Се онъ на жизни путь..

Текстъ рукописи совпадаетъ съ напечатаннымъ у Арханг. I, 41—42; въ двухъ стихахъ рукописи имѣются поправки рукой Жуков.—го, сдѣлавшія эти стихи такими, какъ напечатаны Архангельскимъ; до исправленія эти стихи читались такъ:

3. О прелесть выше всѣхъ невинности священной.

7. На даль безвѣстную очей не устремляетъ.

1) Consolations de ma captivité, ou Correspondance de Roucher, Paris, 1797, т. II, р. 300—301.

Передъ наброскомъ басни „Прогна и Филомела“, на томъ же самомъ листѣ бумаги 1804 года (Бумаги Жуков., пачка № 12, л. 40) сохранился черновой набросокъ перевода-передѣлки извѣстнаго стихотворенія Шиллера „Des Mädchens Klage“ ¹⁾ (Der Eichwald brauset, die Wolken ziehn...):

Дубрава шумить,
Сбираются тучи;
Прискорбно сидить,
На берегъ зыбучій
Склонившись, сиротка, дѣвица-краса!
И полночь и буря темнятъ небеса,
Шумящія волны клубятся, бушуютъ,
И тяжкіе вздохи грудь бѣлу волнуютъ:
Земля опустѣла,
Душа умерла,
Любовь улетѣла,
Надежда прошла!
Надежда, надежда! веселія дни!
Ахъ, милаго друга земля не...
О, скоро ль дождуся послѣдняго дня!
Пречистая Дѣва, помилуй меня!

Эта редакція, разумѣется, не удовлетворила нашего поэта; онъ приступилъ къ исправленію, а затѣмъ тутъ же перебѣдиль текстъ, который и получилъ тотъ видъ, въ какомъ переписанъ въ альбомѣ № 14, л. 42, и напечатанъ въ Вѣстникѣ Европы 1808 г. (январь, № 1, стр. 39) подъ заглавіемъ „Романсъ“ (позднѣе стихотвореніе получило названіе „Тоска по миломъ, пѣсня“).

Г. Всеволодъ Чешихинъ въ своемъ этюдѣ „Жуковский какъ переводчикъ Шиллера“ (Рига, 1895), стр. 7—10, путемъ сличенія съ нѣмецкимъ подлинникомъ, даетъ оцѣнку переводу Жуковского, который онъ признаетъ „лишь подражаніемъ“ (стр. 10). Съ особымъ упрекомъ по адресу переводчика онъ останавливается на послѣдней строфѣ.

„Послѣдняя строфа стихотворенія ослабляетъ впечатлѣніе, получаемое отъ подлинника. Тоскующая дѣвушка Шиллера въ этой строфѣ проситъ у Богоматери страданій и слезъ, въ которыхъ она находитъ мучительное упоеніе. *Эта мысль подлинника не могла быть доступна юности-переводчику*, не имѣвшему почти никакого жизненнаго опыта. Поэтому Жуковский *сузилъ всю идею стихотворенія*: на первый планъ

¹⁾ Schiller's sämtliche Werke, Paris 1836, B. I, S. 52.

выступила у него «тоска по миломъ», а не сладость страданія. Между тѣмъ, эта идея достаточно ясно указана у Шиллера:

Lass rinnen der Thränen vergebllichen Lauf,
Es wecke die Klage den Todten nicht auf!
Das süsseste Glück für die traurende Brust
Nach der schönen Liebe verschwundener Lust
Sind der Liebe Schmerzen und Klagen.

Сравненіе этой строфы съ переводомъ говорить не въ пользу переводчика¹⁾.

Замѣчаніе это нуждается въ оговоркѣ и поправкѣ. Дѣло въ томъ, что „на первый планъ выступила тоска по миломъ“ только въ исправленной нашимъ поэтомъ редакціи, первоначально же, въ черновомъ наброскѣ, было иначе, ближе къ подлиннику, отступление отъ котораго потомъ произошло намѣренно, сознательно, а не потому, якобы „мысль подлинника не могла быть доступна“ тогда Жуковскому. Последняя строфа чернового наброска была сначала написана на отдѣльномъ листѣ (рукоп. № 12, л. 39 обор.) и имѣла такой видъ (зачеркнутое ставлю въ скобкахъ):

(Когда же) Ахъ! скоро ль пройдутъ
Унылые годы?
Съ весною — природы
Красы расцвѣтутъ!

(А прежнему счастью опять не расцвѣсть!
Но радости сердца не дважды цвѣтутъ!
Пускай же въ печали они оживутъ...)
Но сладкое счастье не дважды цвѣтетъ!
Пускай же драгое въ слезахъ оживетъ!
(Когда миновалось любви наслажденье,
Для сердца отрада въ тоскѣ...)
Погибла (веселье) ты, радость, любовь миновалась,
Но сердцу отрада въ стѣнахъ осталась.

На л. 40-мъ той же рукописи передъ перебѣленнымъ текстомъ стоитъ дата: *18-ю февраля*, вставленная послѣ написанія текста, между строкъ, но написанная тѣмъ же почеркомъ и тѣми же чернилами. Это былъ, очевидно, февраль 1807 года, и къ этому мѣсяцу и должно приурочить созданіе романа „Дубрава шумитъ“; на томъ же листѣ бумаги Жуковский дѣлаетъ черновой набросокъ своей басни „Прогна и Филомела“—одной изъ послѣднихъ въ серіи этого рода произведеній нашего поэта, возникшей осенью и, очевидно, зимой 1806—1807 гг., какъ мы говорили выше, въ гл. XII.

¹⁾ *Вс. Чешининъ*, назв. соч., 9—10.

XLIV.

Среди хранящихся въ Императорской Публичной библиотекѣ бумагъ Жуковскаго, связка № 12 (нынѣ переплетенная) сохранила нѣсколько черновыхъ стихотворныхъ отрывковъ, набросковъ, любопытныхъ при детальномъ изученіи ранняго періода творчества нашего поэта.

Элегическія, сентиментально-идиллическія настроенія нашли себѣ неоднократно выраженіе въ произведеніяхъ Жуковскаго разсматриваемаго времени: припомнимъ „Сельское кладбище“, „Опустѣвшую деревню“, „Вечеръ“ и нѣк. др.

Въ перечнѣ „Что сочинить и перевести“ (Бумаги Жуковскаго, № 12, л. 51,—см. въ моихъ „Разысканіяхъ“ въ гл. XXXIV) нашъ поэтъ поставилъ себѣ, между прочимъ, и прямо задачу: сочинить „идилліи“, перевести „изъ Гесснера“.

Попытку осуществленія этого замысла мы и встрѣчаемъ среди черновыхъ отрывковъ въ бумагахъ Жуковскаго, въ пачкѣ № 12.

Идилліи и эклоги были у насъ популярнымъ видомъ поэзіи въ XVIII и началѣ XIX вв.

Еще Сумароковъ въ своей „Эпистолѣ о стихотворствѣ“, слѣдуя Буало ¹⁾, удѣляетъ много вниманія идилліи ²⁾:

Вспѣвай въ идилліи мнѣ ясны небеса,
Зеленые луга, кустарники, лѣса,
Біющія ключи, источники и рощи,
Весну, пріятный день, и тишость темной ночи.
Дай чувствовать мнѣ пастушью простоту,
И позабыть, стихи читая, суету, и проч.

Примѣняя теорію на практикѣ, Сумароковъ пишетъ длинный рядъ „эклогъ“: Ириса, Дориза, Климена и проч. ³⁾. Сумароковъ, а позднѣе Княжнинъ и Владиміръ Панаевъ усердно переводили и передѣлывали французскія идилліи. Ломоносовъ подноситъ графу К. Г. Разумовскому идиллію „Полидоръ“ ⁴⁾.

На страницахъ журналовъ и сборниковъ появилось множество переводныхъ и подражательныхъ идиллій и эклогъ ⁵⁾.

¹⁾ L'Art poétique, Ch. II, v. 1 ss.

²⁾ Соч. Сумарок., I, М. 1787, стр. 338, 347.

³⁾ Соч. Сумарок., VIII, стр. 5—149; IX, стр. 3—50.

⁴⁾ Соч. Ломоносова, ред. Сухомл., I, 198 и слѣд.

⁵⁾ *Неустроевъ*, Указатель къ русскимъ повремен. изданіямъ и сборникамъ, стр. 251—253, 782.

Не говоря объ идилліяхъ Теокрита и эклогахъ Виргилія („Буколики“), переводомъ которыхъ занимались Мерзляковъ и др., на русской почвѣ были особенно извѣстны французскія идилліи m-me Deshoulières, которыя переводилъ тотъ же Мерзляковъ („Идилліи г-жи Дезульеръ“, Москва 1807), и нѣмецкія идилліи Гесснера.

Въ свое время Гесснеръ считался поэтомъ первой величины; его называли нѣмецкимъ Теокрытомъ и считали главнымъ представителемъ „поэтовъ природы“; на страницахъ Карамзинскаго „Московского Журнала“ читаемъ переведенную съ нѣмецкаго (Meisters Charakteristik) характеристику Гесснера, гдѣ находятся, напр., такія слова:

„*Великій духъ Гесснеровъ одушевилъ цветущіе муза, и всю Аркадію населилъ любезнѣйшими существами. Какая тонкость, какая живость въ малѣйшихъ оттѣнкахъ картинъ его! Природа улыбается подъ его живительною кистью, подобно какъ въ лучахъ утренней зари. И такъ чудно ли, что его сельская муза, переселяющая насъ изъ желѣзнаго вѣка въ златой вѣкъ природы, невинности и любви — чудно ли, что сія муза полюбилась всякой нѣжной душѣ, не только въ Германіи, но и во всѣхъ просвѣщенныхъ земляхъ Европы? Читая Гесснеровы идилліи—вникая въ красоты оныхъ, въ прекрасные характеры и трогательнѣйшія сцены,—не находя ничего лишняго, и видя, какъ одна черта украшаетъ другую, мы конечно признаемся, что хотя онъ и заимствовалъ нѣчто отъ Мосхоса и Біона, Теокрита и Марона, однако жъ по справедливости можетъ быть названъ оригинальнымъ авторомъ, какъ въ разсужденіи мыслей, такъ и въ разсужденіи языка своего, достойнаго Грацій“*, и проч. ¹⁾.

Кн. Шаликовъ въ „Иппокренѣ“ (1799 г., ч. IV, стр. 47) печатаетъ такую „Надпись къ Гесснеровой гробницѣ“:

Какъ сердце онъ свое съ любезною душою
Изображаетъ намъ въ идилліяхъ своихъ:
Такъ ероткій гробъ его, Лиммать! кропая тобою,
Пусть созерцается въ кристаллѣ водѣ твоихъ.

Творенія Гесснера усердно переводились на русскій языкъ ²⁾. Пере-

¹⁾ Москов. Журн., 1792, ч. VI, стр. 287—288.

²⁾ Еженедѣльный журналъ „Вечера“ (С.-Пб. 1772 г.) стоитъ во главѣ процесса усвоенія Гесснера русской литературѣ; здѣсь были напечатаны пять идиллій Гесснера: Къ Дафнии, Милонъ, Идасъ, Миконъ, Дафнидъ (Вечера, ч. I, стр. 60, 177, 201; ч. II, стр. 17, 49). Затѣмъ переводы изъ Гесснера стали появляться то отдѣльными изданіями, то въ журналахъ и сборникахъ:

Ламехъ и Цилла, идиллія Гесснера, пер. съ нѣм. Слб. 1774.

Ночь, изъ соч. Гесснера, пер. съ нѣм. Ник. Пороховъ. С.-Пб. 1777.

водомъ его идилліи „Der hölzerne Bein“ (Деревянная нога) началъ

Авелова смерть, поэма, — Утр. Свѣтъ, ч. III, 1778 г., стр. 1; ч. IV, стр. 1.

Идиллія Геснера: „Въ часы пріятнаго Аврорина восхода“... Тамъ же, ч. III, стр. 185.

Палемонъ, идил. Геснера, перев. Я. К(няжина), — С.-Петербургскій Вѣстникъ 1778 г., ч. I, стр. 267.

Весна, идил. Геснера, пер. Я. К(няжина), тамъ же, I, 357.

Меналкъ и Епинъ, идил. Геснера (ib., II, 27).

Ожиданіе Дафны на гуляніе, идил. Геснера (ib., II, 202).

Дафнисъ, идил. Геснера (ib., II, 270).

Миртиль, идил. Геснера (ib., III, 1779 г., стр. 18).

Дамонъ и Дафна, идил. Геснера (ib., III, 425).

Изъ драм. Геснера: Евандръ и Альцима (ib., IV, 178).

Дамонъ и Филисса, идил. Геснера (ib., V, 1780 г., 372).

Филисса и Хлоя, идил. Геснера (ib., 448).

Милонъ, идил. Геснера (ib., VI, 124).

Титиръ и Меналкъ, идил. Геснера (ib., VI, 284).

Твердое намѣреніе, идил. Геснера (ib. VII, 1781 г., стр. 120).

Ревнивость, идил. Геснера (ib., VII, 287).

Переводы идилліи Геснера: Милонъ, Дамонъ и Дафна, Дамонъ и Филлида, Палемонъ, Хлоя (Модное ежемѣсячн. изданіе или Библіотека для дамскаго туалета, 1779 г., ч. II, стр. 47—60).

Авелова смерть, въ 5 пѣсняхъ, соч. Геснера, пер. съ нѣм. Ив. Захаровъ. М. 1780 (первоначально помѣщено было въ „Утр. Свѣтъ“, III—IV). То же, изд. 2-е, С.-Пб. 1781. То же, другой переводъ, В. Протопопова, съ картинками. М. 1799.

Златой вѣкъ Дафниса, или природная любовь пастуха и пастушки, основанная на самой чистой сельской добродѣтели, изъ соч. Геснера, пер. съ франц. М. 1781. Изд. 2-ое, М. 1788. Золотой вѣкъ, Дафнисъ, или любовь, сопряженная природою, пастуха съ пастушкою, соч. Соломона Геснера, перев. съ франц. С.-Пб. 1783. Дафнисъ, съ прибавленіемъ двухъ пастушескихъ комедій: Алцимъ и Евандръ, соч. Геснера, пер. съ нѣм. Алек. Шишковъ, С.-Пб. 1785.

Деревянная нога, швейцарская идиллія Геснера, пер. съ нѣм. Н. Карамзинъ. С.-Пб. 1783.

Первобытнй мореплаватель, въ 2 пѣсняхъ, соч. Геснера, пер. съ нѣм. Дм. Болтинъ. М. 1784. Первый плаватель, изъ Геснера, стих., Иппокрена, ч. XI (1801), стр. 89. Первый мореплаватель, поэма, соч. Геснера, пер. съ нѣм. Пан. Сумароковъ (Библіотека Ученая, экономич. и пр., ч. XI, 1794 г., стр. 163; ч. XII, стр. 175).

Идилліи и пастушки поэмы Геснера, пер. съ нѣмец. В. Левшинъ, М. 1786.

Новая Астрея, изъ соч. Геснера, пер. (Вас. Раевского) съ франц. М. 1789.

Идасъ и Миконъ, Геснерова идиллія (Дѣтское Чтеніе, ч. XVIII, 1789 г., стр. 110).

Гвоздика, Геснера (С.-Пбскій Меркурій, 1793 г., ч. III, стр. 144).

Объязаніе, Геснера (ib., 145).

Зефиры, Геснера (ib., 146).

Пѣсня одного швейцарца на вооруженную дѣвушку, Геснера (ib., IV, 256).

свою литературную дѣятельность (въ 1783 г.) Н. М. Карамзинъ. Геснеръ вызывалъ и подражанія со стороны русскихъ авторовъ ¹⁾.

Большое количество идиллій (въ томъ числѣ и рядъ Гесснеровскихъ) напечатано въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“ ²⁾, и здѣсь же имѣемъ и теоретическую статью „О свойствѣ

Лаура, или поцѣлуй въ своихъ дѣйствіяхъ, соч. Геснера, пер. съ нѣм. М. 1794.

Утренняя пѣснь, изъ Геснера, пер. А. Л(абзинъ),—Пріят. и пол. Препр. врем., 1794 г., ч. IV, стр. 49.

Вѣрные поцѣлуи, изъ Геснера, пер. А. Л(абзинъ), *ib.*, 50.

Меналкъ и охотникъ Эсхинъ, идиллія изъ Геснера, пер. Арсеньева, *ib.*, 82.

Идась и Миконъ, *идил.*, *ib.*, VII, 1795 г., стр. 102.

Миртиль и Тирсисъ, *ib.*, 105.

Аминтъ, пов. изъ Геснера, пер. Е. П.,—*ib.*, VII, 376.

Дафнисъ, идиллія изъ Геснера, пер. Н. Пол(итковскаго), *ib.*, ч. XI, 1796 г., стр. 55.

Идиллія: Зефиры, изъ Геснера, пер. Н. К.,—*ib.*, XII, 22.

Желаніе, изъ Геснера, пер. съ нѣм. Н. Тимковскаго, *ib.*, XV, 1797 г., стр. 241.

Буря, изъ Геснера, пер. И. Вышеславцева, *ib.*, XIX, 1798 г., стр. 254.

Къ Хлофъ, изъ Геснера, пер. Дмитрія Смирнова. Муза, I (1796), 32.

Ночь, изъ Геснера. *ib.*, III (1796), 118.

Идиллія: Осеннее утро, изъ Геснера. С.-Петербургскій Журналъ 1798 г., ч. IV, стр. 70.

Къ Амуру, пер. изъ Геснера. Аониды, III (1798—1799), стр. 55.

Полное собраніе сочиненій г. Геснера, пер. съ нѣм. Ив. Тимковскій. 4 части, съ фигурами. М. 1802—1804.

¹⁾ Потопъ, по расположенію Геснера, стих. Е. В. Херасковой (Вечера, I, 1772 г., стр. 160).

Аминтъ, подражаніе Геснеру (С.-Петербургскій Вѣстникъ, ч. II, 1778 г., стр. 31).

Идиллія, сочиненная въ А* на случай маскарада, бывш. 18 іюля 1778 г., подражаніе Геснеру (тамъ же, ч. IV, 1779 г., стр. 196).

Подраженіе Геснеру, Идиллія (Утра, 1792 г., май, 32).

Идиллія, подражаніе Геснеру, А. Б(ухарскаго),—С.-Петербургскій Меркурій, 1793 г., I, 131.

Ночь, подражаніе Геснеру, соч. Бухарскаго, въ стихахъ. С.-Пб. 1794.

²⁾ II, 6: Идиллія, А. Х(аненко); III, 7: Любитель природы, идиллія А. С(ворцова); IV, 82: Меналкъ и охотн. Эсхинъ, идиллія изъ Геснера, Арсеньева; VI, 199: Овечки, идиллія К. Гр. Хованскаго; VII, 8: Щастливые супруги, идиллія (Измайлова); VII, 27: Забавы дѣтства, идиллія К(нязя) О. С(пбпрскаго); VII, 86: Утренняя прогулка, *идил.* К. А—ой; VII, 89: Идиллія, изъ Рич. Стиля; VII, 102: Идась и Миконъ, Геснера; VII, 105: Миртиль и Тирсисъ, Геснера; VII, 193: Пажомонъ и Хлоя, идиллія К—ной; VII, 268: Добрый смыслъ, идиллія; VIII, 147: Влеченіе сердца, идиллія С. К.; X, 332: Идиллія: Ликасъ и Ерминія, Евф. Люценко; XI, 39: Геній Евфрады, идиллія; XI, 55: Дафнисъ, *идил.* изъ Гесн., Н. Пол(итковскаго); XII, 22: Идиллія Зефиры, изъ Геснера, Н. К...; XII, 81: Прелеста, идиллія Павла Львова; XII, 177: Геркулесъ-младенецъ, изъ Теокрита, идиллія, пер. П. Львова; XIV, 225:

идиллій“¹⁾, въ которой восхваляется Гесснеръ, при чемъ двѣ его идилліи („Идасъ и Миконъ“ и „Миртиль и Тирсисъ“), въ прозаическомъ переводѣ, приводятся для иллюстраціи, въ качествѣ образцовъ.

Увлеченный этимъ литературнымъ теченіемъ, Жуковскій задумалъ и самъ перевести что-нибудь изъ Гесснера, и для начала выбралъ одну изъ тѣхъ двухъ идиллій, которыя приведены въ качествѣ образца при только что упомянутой статейкѣ „О свойствѣ идиллій“, — именно, идиллію „Миртиль и Тирсисъ“. Въ нѣмецкомъ подлинникѣ эта идиллія (какъ и всѣ идилліи Гесснера) написана прозой:

Mirtill hatte sich in einer kühlen nächtlichen Stunde auf einen weit umsehenden Hügel begeben; gesammelte dürre Reiser brannten vor ihm in hellen Flammen, indess dass er, einsam ins Gras gestreckt, mit irrenden Blicken den Himmel, mit Sternen besäet, und die vom Mond beleuchtete Gegend durchlief. Aber schüchtern sah'er sich jetzt um; denn es rauschte etwas im Dunkeln daher. Es war Thyrsis. Sey mir willkommen, sprach er; setze dich zum wärmenden Feuer; Wie kommst du hierher; jetzt da die ganze Gegend schlummert? u. s. w.²⁾

Переводъ въ „Пр. и пол. прер. вр.“ (VII, 105): „Въ одну прохладную ночь Миртиль взошелъ на высокой холмъ, съ котораго всѣ окрестныя мѣста были видны. Сухой дернъ горѣлъ предъ нимъ; онъ возлегъ на зеленой травѣ, и смотря съ удивленіемъ на неизмѣримое пространство небесъ, усѣянныхъ звѣздами и освѣщенныхъ луною, пугливо оглянулся отъ шума, которой въ темнотѣ причинилъ Тирсисъ свсими приходомъ. Здравствуй, любезный другъ!—сказалъ ему Миртиль, — садись возлѣ согрѣвающего огня. Я удивляюсь, что ты сюда пришелъ въ такое время, когда унываетъ вся природа“ и проч.

По просьбѣ Тирсиса, Миртиль поетъ ему пѣсню о любви Дафниса и Хлои; эта пѣсня и наполняетъ собою большую часть идилліи Гесснера.

Жуковскій рѣшилъ переводить стихами. Идиллія, видимо, нравилась ему, возбудила его собственную творческую фантазію—и въ ней родились поэтическіе образы, дополнившіе собою нѣмецкій подлинникъ: у Жуковского передъ героемъ, котораго онъ называетъ и Палемономъ—имя, также навѣянное, повидимому, Гесснеромъ³⁾, — разсти-

Палемонъ, П. Л(ьво)ва; XVI, 46: Идиллія: Роза, Ал(ександ)ра Ча(месо)ва; XX, 350: Идиллія А. М(аксимо)вича.

¹⁾ Пр. и пол. прер. вр., ч. VII, стр. 96 и слѣд.

²⁾ Salomon Gessners Schiften, Zurich, 1801, B. III, S. 84.

³⁾ У Гесснера есть идиллія „Palemon“: Wie lieblich glänzet das Morgenroth

лаются озаренные луною равнины и холмы, видна рѣчка, рыбацья хижина, поросшія деревьями скалы; пейзажъ этотъ, очевидно, отражаетъ личныя впечатлѣнія Жуковского отъ окрестностей Мишенскаго, которыя были недавно воспѣты нашимъ поэтомъ въ его элегіи „Вечеръ“, какъ это мы видѣли выше, въ главѣ XXXIX нашихъ „Разысканій“.

Всей идилліи „Миртиль“ Жуковский, однако, не перевелъ: мы имѣемъ лишь черновой набросокъ начала, сохранившійся въ пачкѣ бумагъ № 12, л. 50, на листѣ бумаги 1804-го года, и соотвѣтствующій выше приведенному по-нѣмецки и по-русски отрывку Гесснера:

Въ прохладну ночь Миртиль (*вар.*: Въ часъ ночи Палемонъ) на холмѣ отдыхалъ

(Костеръ изъ хворосту треща предъ нимъ пылалъ)

Костеръ сучихъ вѣтвей, предъ нимъ воспламененный,

(Свѣтъ яркій по кустамъ окрестнымъ разливалъ)

Окрестные кусты сиянемъ озарялъ.

(Едва-едва зефиръ...)

(Лучами мѣсяца равнины осребренны)

Равнины и холмы, луною осребренны,

(И тихая рѣка, текущая въ кустахъ)

И тихій ручеекъ, текущій въ тростникѣ,

И мирный (*вар.* темный) сводъ небесъ, усыпанный звѣздами,

И (рощи и холмы) кущи рыбаговъ, дрожація въ рѣкѣ,

— *Var.* И куща рыбака, дрожащая въ рѣкѣ,—

И дикія скалы, (обросшія кустами) увѣнчанныя древами,

— *Var.* И дикія скалы съ кудрявыми хребтами,—

Все спало... Палемонъ, на руку наклонясь,

Мечталъ, плѣняемый — *вар.* Плѣнялся въ тишинѣ — ночнымъ очарованьемъ!

(Вдругъ шорохъ въ темнотѣ мечтателя смутилъ)

Вдругъ слышитъ (шумъ кустовъ)—гибкая ракета потряслася;

Встаетъ, глядитъ (окрестъ) въ кусты и съ робкимъ ожиданьемъ

(Внимаетъ шороху, недвижимъ, оробѣвъ)

Чуть дышитъ, слушаетъ... То былъ пастухъ Эгонъ,

(Сіяніемъ огня) къ блестящему (костру) огню изъ дола

привлеченный,

„Отколь идешь, пастухъ?—воскликнул Палемонъ:

„Весь міръ покоится въ дремоту погруженный“...

Здѣсь набросокъ обрывается.

Въ упомянутой выше статейкѣ „О свойствѣ идиллій“ говорилось:

„Существо идиллій состоитъ въ подражаніи невинной, покойной

durch die Haselstaude und die wilden Rosen am Fenster! u. s. w. (S. Gessners Schriften, III, 70).

и безыскусственной жизни пастуховъ въ первобытномъ состояніи свѣта. Для сего должно представить себѣ вольный народъ, который не знаетъ ни царей, ни князей; живетъ въ теплой и плодоносной странѣ, производящей не токмо растенія, травы и деревья, но и прекраснѣйшіе плоды безъ всякаго о томъ старанія. Тяжкая работа здѣсь столь же мало извѣстна, какъ несчастія и война... Въ разсужденіи ума сіи щастливые пастухи хотя и просты, но не глупы... Они имѣютъ страсти, но не имѣютъ безпорядочныхъ и непопозволенныхъ, коими бь могли другъ друга обидѣть... Любовь наиболѣе властвуетъ между ими, но при томъ невиннымъ образомъ; она есть источникъ ихъ блаженства и вмѣстѣ всѣхъ горестей. Немногодѣліе на поляхъ и при стадѣ оставляетъ имъ довольно времени для любовныхъ помышленій и разговоровъ“... 1).

Статейка эта, заканчивающаяся обширною цитатою изъ II пѣсни поэмы *L'Art poétique* Буало, повторяетъ теоретическія положенія, установившіяся относительно пасторальной поэзіи, эклоги и идилліи во французской поэтикѣ 2). Теорія хотѣла ограничить содержаніе идилліи исключительно пастушескимъ бытомъ; практика, однако, издавна расширила область сюжетовъ этого вида поэзіи, и въ идилліяхъ мы встрѣчаемся съ настроеніями, мыслями и обыденнымъ бытомъ вообще простыхъ людей, живущихъ въ деревнѣ, въ непосредственномъ общеніи и соприкосновеніи съ простою природою.

Жуковский сталъ на эту послѣднюю точку зрѣнія относительно идилліи, когда, повидимому, по примѣру Карамзина, выступившаго съ сентиментальнымъ разсказцемъ „Фроль Силинъ, *благодѣтельный человекъ*“ 3), набрасываетъ начало самостоятельной идилліи о Титѣ—*доброму человеку*, въ которой, повидимому, отражаетъ вполнѣ реальныя воспоминанія собственнаго дѣтства, — подобно тому, какъ дѣлаетъ это и Карамзинъ, сообщающій въ началѣ своего разсказа: „Я жилъ тогда въ деревнѣ, близъ Симбирска; былъ еще ребенокъ, но умѣлъ уже чувствовать какъ большой человекъ... Въ одной изъ нашихъ сосѣднихъ деревень жилъ—а можетъ быть, живетъ еще и теперь—Фроль Силинъ, трудолюбивой поселянинъ, который“ и проч.

Замыселъ Жуковского написать идиллію о Титѣ не былъ поэтомъ

1) Пр. и пох. препр. вр., VII, 97—99.

2) Срв. Dictionnaire de littérature par *Sabatier de Castre*, Paris, 1770, sub voce *Eglogue, Idylle, pastorale*; *Elemens de littérature* par *Marmontel*, см. тѣ же термины, *Poétique française* par *Domairon*, Paris, 1804, p. 78 ss.

3) Москов. Журн. 1791 г., июль.

осуществленъ вполнѣ: среди черновыхъ набросковъ, въ его бумагахъ, хранящихся въ Имп. Публ. Библіотекѣ, въ пачкѣ № 12, л. 36—38, на бумагѣ 1804 года, сохранился лишь отрывокъ, написанный тѣмъ же почеркомъ, какимъ сдѣланы наброски „Барда надъ громомъ славянъ“ и басень. Вотъ этотъ отрывокъ (зачеркнутое ставлю въ скобкахъ):

Назадъ тому съ десятоєъ лѣтъ,
Какъ жилъ у насъ въ краю, спокойно и смиренно,
Тить—добрый человѣкъ, ближайшій нашъ сосѣдъ
(Мой другъ, наставникъ мой, хранитель, мой образецъ, мой пестунъ
незабвенный)

И юности моеѣ, моихъ цвѣтущихъ дней хранитель незабвенный!
Увы! Его ужъ нѣтъ!

Но память добраго поднесъ боготворима;
Изглядится (*вар.* заглядится) ль когда души прелестной слѣды!
Благихъ святая жизнь въ слезахъ любви хранима.
Весь Титовъ скромный вѣкъ протекъ какъ свѣтлый (*вар.* вешній)
день.

Свой домикъ надъ ручьемъ, на тихомъ скатѣ луга,
Своихъ питомицъ липъ тостепримна сѣнь,
Веселость, чистыя невинности подруга,
Незнание (богатствъ) нищеты, незнаніе заботъ,
Умъ ясный и душа, (хранилище) исполнена щедротъ,
Вотъ все, чѣмъ наградила Господь небесный Тита.
Кто только Тита зналъ, тотъ Тита и любилъ!
Бѣднякъ ли въ домъ его съ (моленьемъ) молитвой приходилъ,
(Ему казна его была открыта)
И Титова казна молящему открыта.
(Случалось, денегъ нѣтъ—словами онъ дарилъ,
Съ отрадой отъ него страдалецъ отходилъ,

И примирялся съ Провидѣньемъ)
Нѣтъ денегъ? словомъ награждалъ,
Всегда утѣшенный, довольный Провидѣньемъ,
(Страдалецъ домъ его съ надеждой оставлялъ)
Страдалецъ отъ него съ (отрадой) надеждой отступалъ!
(Тому) Инымъ благотворилъ полезнымъ наставленьемъ.
(Разстройка ли въ семьѣ? Тить—добрый человѣкъ
Придетъ, и снова все спокойно)
Въ разстройкѣ мужъ съ женой—
Тить—добрый человѣкъ придетъ... и вновь покой,
И вновь согласіе златое (родится) между ими.
(Проказить вѣтреникъ? Онъ кротко пожурить)
(Живыхъ проказниковъ—*вар.* Горячихъ шалуновъ—онъ съ
кротостью журилъ)

(Онъ пылкихъ ласково—*вар.* кротко вѣтренихъ—журилъ)
(Съ любезной) Онъ съ нѣжной кротостью проказниковъ журилъ!

(Веселыхъ забавляя) Былъ съ старыми старикъ и молодъ съ
молодыми,

(Невѣстамъ жениховъ, красавицамъ мужей)

А дѣвушкамъ мужей хорошихъ находилъ,

И недостатками чужими

Не думая скучать, нерѣдко говорилъ:

„У всякаго свое—тотъ кривъ, а тотъ безногой!

(Намъ всёмъ) Добро и зло для всёхъ назначено въ удѣлѣ!

(Законъ природы строгой)

Участки разныя (*вар.* не равны), но всёмъ одной дорогой

Итти небесный царь велѣлъ!

Путь трудный,—для чего жъ въ добавокъ затрудненья?

(Намъ камни подъ ноги товарищей метать!)

(Другъ въ друга камнями швырять!)

(Не мало—*вар.* Довольно—и безъ нихъ для бѣдныхъ

претенуенья)

Другъ въ друга камнями бросать!

Довольно случаевъ найдутъ для претенуенья“...

Продолженія не было,—по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не извѣстно.
Два опыта Жуковского дать образцы идиллии не были на этотъ разъ
доведены до конца.

Не оконченными также остались и первые опыты Жуковского въ
томъ родѣ произведеній, въ которомъ позднѣе онъ стяжалъ себѣ зна-
менитость—въ *балладѣ*. Въ той же рукописной связкѣ № 12, л. 49,
сохранился такой черновой набросокъ:

Бландина вздыхала, Ринальдо вздыхалъ,

Ихъ (взоръ оживленный) взглядъ сокровенный любовью пылалъ;

Вар. Во взорѣ ихъ пламень любви пылалъ;

Бландина принцесса—(души, какъ день) очей восхищенье,

Ринальдо прекрасный при ней въ услуженьѣ.

Землей и водою, изъ дальнихъ сторонъ,

И герцогъ и рыцарь, и принцъ и баронъ

Стекался въ златѣ, въ драгомъ украшеньѣ

Увидѣть принцессу—очей восхищенье.

Ни злато и перлы, ни пышность парчей

Ничуть не лѣтняли Бландины очей;

Ринальдо прекрасный съ цвѣткомъ благовоннымъ

Встрѣчаемъ былъ взглядомъ ея благосклоннымъ.

Ринальдо прекрасный прекрасенъ душой;

Онъ родомъ не знатенъ, онъ низомъ судьбой

(Но всё мы природы единой творенье)

Но (князь) принцъ и служитель—всѣ Бога творенье;

Возвышенность духа—раба украшенье.

Однажды Бландина съ блестящимъ дворомъ

(Подъ грушей сидѣла) Подъ яблоней слѣлой въ тѣни вечеркомъ

Въ корзинку златые плоды собирала:
Ихъ милаго (сердцу) друга рука (подавала) ей срывала...

Здѣсь текстъ обрывается.

Отрывокъ этотъ—пересказъ первыхъ пяти строфъ баллады Бюргера „Lenardo und Blandine“. Для сравненія приводимъ оригиналь:

Blandine sah her, Lenardo sah hin,
Mit Augen, erleuchtet von zärtlichsten Sinn:
Blandine, die schönste Prinzessin der Welt,
Lenardo, der schönsten zum Diener bestellt.
 Zu Land und zu Wasser, von nah und von fern
 Erschienen viel Fürsten und Grafen und Herrn,
 Mit Perlen, Gold, Ringen und Edelgestein,
 Die schönste der schönen Prinzessen zu frein.
Allein die Prinzessin war Perlen und Gold,
War Ringen mit blankem Gestein nicht so hold,
Als oft sie ein würziges Blümlein entzückt,
Vom Finger des schönsten der Diener gepflückt.
 Der schönste der Diener trug hohes Gemut,
 Obschon nicht entsprossen aus hohem Geblüt.
 Gott schuf ja aus Erden den Ritter und Knecht.
 Ein hoher Sinn adelt auch niedres Geschlecht.
Und als sie 'mal draussen in fröhlicher Schar,
Von Schranzen umlagert, am Apfelbaum war,
Und alle genossen der lieblichen Frucht.
Die emsig der flinke Lenardo gesucht... *)

Bürgers Gedichte отмѣчены Жуковскимъ въ его „Росписи во всякомъ родѣ лучшихъ книгъ и сочиненій, изъ которыхъ большей части должно сдѣлать экстракты“ (см. выше въ гл. XXXIV, п. XVIII); но въ перечнѣ задуманныхъ переводовъ (Бумаги Жуковскаго, № 79, л. 8, № 12, л. 51 обор.,—см. выше въ той же XXXIV главѣ нашихъ „Разысканій“) Бюргеръ не упомянуть. Отсюда видно, что нашъ поэтъ не всегда руководился этимъ перечнемъ.

О балладѣ на русской почвѣ мы говорили въ главѣ XII „Разысканій“. Къ этому вопросу намъ предстоитъ возвратиться и позднѣе.

Рядомъ съ элегіями, идилліями, одами, баснями и т. д., вниманіе Жуковскаго остановилъ на себѣ и тотъ видъ литературныхъ произведеній, которыя въ XVIII и началѣ XIX вв. назывались „сказками“, и мастеромъ которыхъ у насъ считался тогда И. И. Дмитриевъ, авторъ „Причудницы“ и „Модной жены“, а изъ французскихъ

*) Bürgers sämtliche Werke, Lpz. I, 134.

писателей—Лафонтенъ ¹⁾; это были contes, nouvelles, Erzählungen. Въ своемъ перечнѣ задуманныхъ переводовъ, въ отдѣлѣ „Васни и сказки“, Жуковский называетъ между прочимъ Лафонтена и Гагедорна,—перваго, очевидно, какъ автора „Fables“, „Contes et nouvelles en vers“, въ пяти книгахъ, второго—какъ автора „Fabeln und Erzählungen“, въ двухъ книгахъ ²⁾. Одна изъ такихъ новеллъ привлекла къ себѣ нашего поэта, и онъ началъ ее пересказывать; въ пачкѣ бумагъ Жуковского № 12, л. 46, сохранился слѣдующій черновой отрывокъ:

Соколъ.

Сказка.

(Въ славномъ городѣ Флоренціи...).

Давно въ Флоренціи одинъ любовникъ

Одну красавицу (Который дѣвушку одну) любилъ

Такъ точно, какъ себя. (Изрядный, Ну славный) Плохой же я
толковникъ!

Дивовинка—любить! Боготворилъ!

Сходилъ по ней съ ума! (Готовъ былъ въ угожденье

Красавицѣ своей) Былъ радъ ей въ угожденье

Сѣсть на конь, спечься на огнѣ,

Или на вѣчное мученье

Себя закабалить злодѣю-Сатанѣ.

Такъ въ стары годы всѣ любовники любили!

Въ нашъ вѣкъ и со свѣчей подобныхъ не сыскать.

Его—извольте знать—

Когда-то именемъ Эраста окрестили,

Ее жъ Камиллою (намъ должно) мы станемъ величать!

И если древнее преданіе не лживо,

То эта красота была осьмое диво:

Едва семнадцать лѣтъ,

(Въ глазахъ весь чувства жаръ, лица прелестный цвѣтъ)

Улыбка—даръ души, румянца свѣжій цвѣтъ,

Невинности очарованье

(Во всемъ: и въ голосѣ, пріятномъ какъ журчанье)

Во всемъ: и въ томности задумчивыхъ очей,

(И въ тихой сладости задумчивыхъ очей)

¹⁾ Срв. *Н. Остолоповъ*, Словарь древней и новой поэзіи, С.-Пб., 1821, т. III, стр. 146 и слѣд., подъ словомъ „Сказка“.

²⁾ Поэтическіе рассказы въ стихахъ (Erzählungen) Гагедорна, слѣдовавшаго здѣсь французскимъ образцамъ, особенно Лафонтену, возобновили въ нѣмецкой литературѣ этотъ видъ произведеній, забытый было нѣмецкими писателями со времени Г. Закса (*Prof. O. L. B. Wolff*, Encyclopädie der deutschen Nationalliteratur, Lpz. 1838, III, 336; Allgem. Deutsche Biographie, X, 326).

И въ звукѣ голоса, столь нѣжномъ, какъ журчанье
Потока посреди яминовъ и лилей,

(И въ легкомъ груди колебаньи)

И въ легкомъ трепетѣ отъ глазъ сокрытой груди!

(Камилла, сей весенній цвѣтъ)

Камилла (нѣжной любви, страстныхъ чувствъ) сей любви Эростовой
предметъ,

Была супругою красавца во сто лѣтъ

(И—чудо изъ чудесъ!—супругой постоянной!)

И—были жъ на свѣту такіе (чудны, странны) люди—

(Была супругою во всемъ значеньи слова!)

Супругой вѣрною (сѣдого старика, въ душѣ и словомъ) и видомъ
и душой...

Этимъ отрывокъ кончается.

Начатое такимъ образомъ произведеніе Жуковского восходитъ, какъ къ оригиналу, источнику, къ двумъ стихотвореніямъ—французскому и нѣмецкому. У Лафонтена есть „Le Faucon, nouvelle tirée de Bossage“ ¹⁾,—этою новеллою нашъ поэтъ воспользовался для начала своего повѣствованія о любви своего героя.

Лафонтенъ, послѣ коротенькаго (пять строкъ) введенія, начинаетъ такъ:

Il était donc autrefois un amant
Qui dans Florence aimait certaine femme.
Comment aimer! c'était si follement
Que, pour lui plaire, il eût vendu son âme.
S'agissait-il de divertir la dame,
A pleines mains il vous jetait l'argent:
Sachant très-bien qu'en amour, comme en guerre,
On ne doit plaindre un métal qui fait tout:
Renverse murs, jette portes par terre;
N'entreprend rien dont il ne vienne à bout;
Fait taire chiens, et quand il veut, servantes...

¹⁾ Oeuvres complètes de Jean de La Fontaine, P. 1840, p. 192 ss. Стихотвореніе это дѣйствительно представляетъ собой пересказъ IX-й новеллы пятого дня „Декамерона“: „Federigo degli Alberighi ama e non è amato“ etc. Новелла (послѣ введенія) начинается такъ: In Firenze fu già un giovane, chiamato Federigo di messer Filippo Alberighi, in opera d'arme et in cortesia pregiato sopra ogni altro donzel di Toscana. Il quale, si come il più de'gentili uomini avviene, d'una gentil donna, chiamata monna Giovanna, s'innamorò, ne'suoi tempi tenuta delle più belle e delle più leggiadre che in Firenze fossero: et acciò che egli l'amor di lei acquistar potesse, giostrava, armeggiava, faceva feste e donava et il suo senza alcuno ritegno spendeva. Ma ella non meno onesta che bella, niente di quelle cose per lei fatte, nè di colui si curava, che le faceva (срв. Дж. Боккаччио, Декамеронъ, пер. Ал. Веселовскаго, М. 1891, т. I, стр. 401—402.).

Bref, ne voudrait avoir laissé debout
Aucune place, et tant forte fût-elle...

Эти строки и пересказаль, не безъ, отступленій отъ подлинника, Жуковский въ первыхъ десяти стихахъ своей „сказки“.

Эту же самую новеллу Боккаччо, слѣдуя Лафонтену, обработаль (въ стихахъ же) Гагедорнъ, назвавъ свою переработку тоже „Соколь“ — „Der Falke“ ¹⁾. Но Гагедорнъ начинается, послѣ коротенькаго введенія, съ изображенія и превознесенія красоты героини:

Dort, in Florenz, verehrte man vorzeiten
Ein schönes Weib, voll Stolz und Trefflichkeiten.
Es war nur sie dem Wunder aller Welt,
Der Venus gleich, die Cosmus aufgestellt.
Sie war es nur, die aller Sehnsucht ubte,
Geliebet ward, und keinen wieder liebte:
Frau Silvia, für die so manche Nacht
Der Stutzer Volk geseufzet und gewacht,
Und, schlief es ja, mehr als ihr Ehegatte,
Zum langen Traum nur sie gewünschet hatte.

Этимъ началомъ нѣмецкой обработки новеллы Жуковский воспользовался для продолженія своей „сказки“, съ стиха 14-го, пересказывая, впрочемъ, очень свободно, съ большими отступленіями отъ подлинника.

Вслѣдъ за изображеніемъ красоты героини Жуковский дополняетъ ея характеристику указаніемъ на ея семейное положеніе („Была супругою красавца во сто лѣтъ“) и ея безукоризненное отношеніе къ престарѣлому мужу (была „супругой вѣрною и видомъ и душой“). Возрастъ мужа, какъ и возрастъ жены,—домысль нашего поэта: ни Боккаччо, ни Лафонтень, ни Гагедорнъ не говорятъ объ этомъ ничего опредѣленнаго. Свою героиню Жуковский представилъ слишкомъ молодою: по новеллѣ она должна была имѣть уже сына-подростка, болѣзнь и смерть котораго—центръ всѣхъ событій новеллы; если бы Жуковский продолжалъ свою „сказку“, ему пришлось бы передѣлать портретъ Камиллы.

Неуспѣхъ поклонника Лафонтень формулируетъ такъ:

Elle tint bon; Frédéric échoua
Près de ce roc, et le nez s'y cassa...

Гагедорнъ говоритъ объ этомъ гораздо пространнѣе, вспоминая, очевидно, культъ дамы рыцарскихъ временъ и рыцарской поэзіи:

¹⁾ Sämtliche Werke des Herrn Friedrich von Hagedorn, Wien, 1793, III, 131 ff.

Allein umsonst, wie viel er auch erfand:
Ein trockner Kuss auf Handschuh oder Hand,
Ein kurzer Dank, womit sie ihn beehrte,
Der ihren Stolz durch Pracht und Knechtschaft mehrte,
Ein karges Lob, ein seltner Seitenblick,
Das war sein Lohn, das war sein ganzes Glück.

Жуковский ограничился замѣчаніемъ, что Камилла была „супругой вѣрною и видомъ и душой“,—и на этомъ оборвалъ свое повѣствованіе, едва лишь приступивъ къ нему.

Гагедорнъ не пользовался большою извѣстностью въ нашей литературѣ: въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“ (1780 г., ч. V, стр. 243 и слѣд.) было переведено его разсужденіе „О дружбѣ“, да въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“ появилось нѣсколько стихотвореній: „Вѣнокъ“ (X, 248), „Таково на свѣтѣ“ (XII, 57), „Размышленіе о Богѣ“ (XIII, 9), „Ночь“ (XV, 317), „Хлора“ (XV, 318), „Благодарность за отказъ“ (XX, 329).

Жуковский не увеличилъ популярности этого нѣмецкаго поэта на русской почвѣ.

Къ категоріи же „сказокъ“ относится, повидимому, и то прозведение, подъ заглавіемъ *Balsora*, которое нашъ поэтъ намѣтилъ для перевода въ своемъ перечнѣ (см. выше, въ гл. XXXIV). Оригинальнѣ пока неизвѣстенъ. Начало перевода сохранилось въ переплетенной пачкѣ бумагъ Жуковскаго № 12, л. 48. Писано на такой же бумагѣ 1804 года, какъ и басни.

Сохранилось два наброска: а) черновой и б) перебѣленный и затѣмъ вновь исправлявшійся. Первоначально Жуковский хотѣлъ назвать новое стихотвореніе *Зюлима*, но затѣмъ зачеркнулъ это заглавіе и поставилъ то, какое имѣлъ оригиналь.

Приводимъ этотъ отрывокъ (зачеркнутыя слова въ скобкахъ):

Бальзора (Зюлима).

(Абдилла, Аббассидъ, Багдадскій повелитель)
Зорамъ (вар. Одинъ Аббассовъ внукъ) владыка Вавилона
(Своимъ железомъ) Жестокостью востокъ обременялъ
(Забывши, что любовь, не страхъ—защитникъ трона,
Своей жестокостью народы ужасалъ)
Но страшный (подданнымъ) для рабовъ, рабовъ онъ трепеталъ.
Не стража и не страхъ, любовь—защита трона!
Тиранъ въ страданіяхъ всѣ дни свои влачилъ!
Пускай предъ нимъ (во трепетѣ) въ пыли (съ покорностью) простерта
полвселенна,
Пускай онъ зреть себя (до облакъ) надъ міромъ вознесенна,

(Госка въ душѣ его) Онъ (мертвъ) сирѣ въ душѣ, и смерть, какъ тѣнь,
за нимъ стоитъ!

(Гонимый) Гнетомый ужасомъ, гонимый подозрѣньемъ,

(Онъ мира сладкаго нигдѣ не находилъ)

Во всемъ онъ зрѣлъ врага (вездѣ убійца встрѣчалъ), убійцей друга
читалъ,

Унылость—замыслоть, веселье—преступленьемъ!

(О жребій тягостный) О страшная судьба злодѣя подъ вѣнцомъ!

Какъ тѣнь полнощная, съ растерзаннымъ лицомъ,

Угрюмый и (*неразобр.*) (скитался, бродилъ) блуждалъ уединенный

Среди безчисленной толпы своихъ рабовъ,

Ужасный, сумрачный (суровый), на всѣхъ ожесточенный,

Онъ взоромъ косвеннымъ ихъ лица вопрошалъ...

Здѣсь отрывокъ обрывается. Образъ дѣйствующаго лица вырисованъ; въ чемъ должно было заключаться содержаніе этой восточной повѣсти—остается неизвѣстнымъ (пока не найденъ оригиналъ этой пьесы). Въ началѣ страницы, выше заглавія, стоятъ два стиха, которыми, возможно, должно было заканчиваться стихотвореніе, и въ которыхъ во всякомъ случаѣ ясенъ намекъ, что дѣйствіе, рассказъ о которомъ долженъ былъ дать содержаніе пьесы, заканчивалось трагической развязкой:

И ты, отецъ (*неразобр.*) здѣсь! Бальзора восклицаетъ.—

О счастье (о восторгъ) сладкое! насъ гробъ соединитъ!

На такой же бумагѣ 1804 года въ той же теперь переплетенной пачкѣ бумагъ Жуковского № 12, л. 43, сохранился набросокъ *пѣсни* безъ заглавія,—не могу рѣшить, оригинальной или переводной. Нашъ поэтъ, видимо, имѣлъ намѣреніе дать нѣсколько пьесъ того же рода, и въ началѣ листа онъ поставилъ общій заголовокъ: „Пѣсни“. Дѣло однако ограничилось лишь наброскомъ, который и приводимъ.

Сначала идутъ зачеркнутые наброски:

Подай блистающій шлемъ!

Надѣнь на юное чело!

Прости, въ послѣдній разъ, герой!

Прости, о незабвенный другъ...

Въ послѣднее прости, (мой другъ, о) супругъ мой незабвенный!

(Дай скорбной) Ахъ дай мнѣ возложить дрожащею рукой

На (юное чело) милую главу шлемъ сей оперенный,

Дай грудь твою накрыть булатною броней!

Дай къ сердцу приложить возлюбленную руку,

Позволь лобзаньями и слезами,

Въ послѣдній разъ прими супруги лобзанье!

(Простись, простись со мной, о незабвенный)

Прости, супругъ мой незабвенный,
Хранитель, геній мой!
Пускай шеломя сей оперенный
Супруга томною рукою
(На милую главу...)
(Чело прелестно....)
На милое чело возложить....

Наконецъ перебѣленная редакція:

Прости, супругъ мой незабвенный,
Прости хранитель, геній мой!
Шеломъ подайте оперенный
Съ булатной грозною броней!
Пускай дрожащею рукою
Одѣну въ сталь главу твою!
Власы подь бранный шлемъ сокрою
И грудь слезами оболюю...

Въ сторонѣ, на поляхъ, стоитъ стихъ, который долженъ былъ войти, очевидно, въ одну изъ послѣдующихъ строфъ:

О, сколь прелестенъ грозный видомъ...

Третья, и вмѣстѣ послѣдняя, изъ написанныхъ строфъ этого стихотворенія осталась въ черновомъ наброскѣ (зачеркнутое ставлю въ скобкахъ):

(Дай руку мнѣ, мою защиту,
Мою твердыню, мой покровъ)
Въ послѣдній разъ тебя лобзаю,
Моя защита, мой покровъ!
Въ послѣдній разъ (тебѣ внимаю) себя плѣняю
(Прости, веселье готовъ!)
(Плѣняюсь звукомъ мил...)
Знакомымъ звукомъ милыхъ словъ!

Группа вырисована поэтомъ; какое дѣйствіе должно было развиваться, и было ли должно развиваться далѣе, неизвѣстно. Возможно, что и по замыслу поэта это была лишь коротенькая пѣсня прощанія жены съ воиномъ, отправляющимся въ бой, въ родѣ пѣсни Глейма „Leb wohl, du braves, gutes Weib“, которая изображаетъ прощаніе воина съ женой и состоитъ всего изъ четырехъ строфъ ¹⁾.

Въ перечнѣ задуманныхъ переводовъ и подражаній (см. выше, въ гл. XXXIV) Жуковскій отмѣтилъ: „Драматическая поэзія: отрывки изъ грековъ, англичанъ, французовъ и нѣмцевъ“. Нашъ поэтъ пред-

¹⁾ J. W. L. Gleim's Sämmtliche Werke, Halberstadt, 1811, B. IV, Marschlieder, 1790, № 13, S. 194—195.

принялъ осуществленіе и этого намѣренія: въ той же пачкѣ бумагъ № 12, л. 45, сохранился наброски „Серторій и Помпей“,—напечат. въ Собр. соч. Жуковского, ред. проф. Архангельскаго, XI, 130—131 (Помпей: Вражда не помрачить въ глазахъ моихъ героя!..); отрывокъ этотъ представляетъ пересказъ начала II-го явленія III-го дѣйствія трагедіи П. Корнеля „Sertorius“:

Pompee.

L'inimitié qui règne entre nos deux partis,

N'y rend pas de l'honneur tous les droits amortis, etc.

XLV.

Намѣчая и предпринимая опыты въ разныхъ родахъ литературы, перевода, подражая, проявляя оригинальное творчество, Жуковский остановилъ свое вниманіе и на „живописной“, какъ онъ обозначилъ въ своемъ перечнѣ (см. выше, въ главѣ XXXIV), т. е. описательной поэзіи: въ спискѣ „что сочинить“ (Бумаги Жуковъ, пачка № 12, л. 51 об.) стоитъ между прочимъ заглавіе „Весна“.

Къ разработкѣ этого своего литературнаго замысла Жуковский только приступилъ. На томъ же листѣ, на которомъ былъ набросанъ имъ списокъ „что сочинить и перевести“, нашъ поэтъ набрасываетъ такой планъ:

„Приступъ: Утро—Пришествіе весны—Весна все оживляетъ—Разрушеніе и жизнь—А...¹⁾ Краткость его жизни—Гробъ его—Надежда пережить себя—Опять обращеніе къ веснѣ—Главныя черты весенней природы (изъ Клейста)—Жизнь поселенина (изъ Клейста)—Цѣна неизвѣстной и спокойной жизни—Уединеніе—Обращеніе къ себѣ—Любовь—Мальвина—Меланхолія—Неизвѣстность судьбы—Мечты—Къ К... Лѣсъ—Черемуха—Ручей—Птицы—Гнѣзда—Конь—Воль—Озеро—Рыбакъ—Первый дождь“.—²⁾

Въ замышлявшемся произведеніи должны были выступить, съ одной стороны, отзвуки впечатлѣній окружавшей поэта дѣйствительности, какъ безвременная смерть его друга Андрея Тургенева (?), жизнь поэта въ деревенскомъ уединеніи, его меланхолическое настроеніе, можетъ быть его увлеченіе М. А. Протасовой, если послѣднюю подразумѣвать подъ упомянутой въ планѣ Мальвиной; съ другой стороны, должны были оказать вліяніе и литературные источники: вводя мотивъ о надеждѣ пережить себя, Жуковский, очевидно, имѣлъ въ

¹⁾ Андрей Тургеневъ?

²⁾ Рукоп. Публичн. Библ., бум. Жуков., № 12, л. 51.

виду опереться на Мармонтеля, статью котораго „Sur l'espoir de se survivre“ онъ намѣчалъ въ приведенномъ выше (въ гл. XXXIV) списокѣ къ переводу; описаніе весенней природы и жизни поселянина онъ опредѣленно проектируетъ взять у Клейста.

Подготовительныя работы для выполненія задуманнаго труда находимъ въ наброскахъ Жуковскаго, сохранившихся на оборотѣ листа 19-го и слѣд. той же пачки бумагъ его № 12 ¹⁾. Поэтъ нашъ пишетъ здѣсь заглавіе: „Содержаніе весны“, и затѣмъ, очевидно, для памяти, заноситъ на бумагу то, что нашель онъ относящагося къ его предмету у С.-Ламбера и Клейста:

„С.-Ламбертъ: Бури при открытіи весны. Пастухъ выходитъ на паству, а земледѣлецъ на ниву. Птицы возвращаются. Начало плаванія по морямъ. Дѣйствіе солнца. Трава восходитъ. Лѣса зеленѣютъ. Пѣсни птицъ. Возвращеніе изъ города въ деревню. Веселье и надежды, вселяемые весною въ поселянъ при началѣ работъ. Паханіе. Засѣвъ. Цвѣты. *Первый дождь* ²⁾. Все цвѣтетъ и зеленѣетъ. Надежда. Садъ. Линдоръ. Похвала здоровью. Восхожденіе солнца. Прелестный видъ полей. Отъ вліянія весны.—Война. Любовь. Въ звѣряхъ (одно слово неразобр.) чувство наслажденія; въ человѣкѣ—наслажденіе моральное“.

„Клейстъ: Снизшествіе весны. Разливъ. Ночные морозы. Зеленъ. Лѣса одѣваются листьями. Обращеніе къ несчастнымъ, обманутымъ, призываніе ихъ къ наслажденіямъ. Къ красавицамъ, призываніе ихъ въ деревню. Поэтъ идетъ подъ утесъ, садится и смотритъ на цвѣтущую природу. Море. Корабли. Кони на берегу. Волю. Виноградный холмъ въ тѣни. Жаворонокъ. Сѣятель на полѣ. Война, которая разрушаетъ его надежды. Ужасы войны. Обр(ащеніе) къ царямъ, чтобы дѣлали счастливыми свои народы, не ища побѣдъ и новыхъ пріобрѣтеній. Призываніе музы. Сельское хозяйство. Древнее дерево, осѣняющее хижину. Прудъ. Курица на пруду. Гуси, отгоняющіе отъ себя собаку; гусята. Дѣвушка съ кормомъ. Кроликъ въ кусту. Голуби. Садъ. Цвѣты. Павлинь. Бабочки. Прививка. Хозяйка, сажающая цвѣты. Ребенокъ при ней. Счастіе сельской жизни поселянъ и уединенія. Поэтъ обращается къ самому себѣ ³⁾, желаетъ подруги и тихаго уеди-

¹⁾ Это тотъ самый листъ бумаги 1804 года, на первой страницѣ котораго набросано вчернѣ начало перевода „Опустѣвшей деревни“ Гольдсмита.

²⁾ Срв. въ концѣ приведеннаго выше наброска плана.

³⁾ Эти же мотивы Жуковскій вноситъ и въ свой планъ описанія весны—срв. приведенный выше набросокъ плана.

ненія, не завидуя богатымъ и славнымъ. Думаетъ о будущемъ... Мечты. Печальная существенность. Наслажденіе настоящимъ, не думая о будущемъ. Наслажденіе природою. Тишина рощи, за которою блеститъ заходящее солнце. Пастухъ съ волынкою. Козы на утесахъ. Олени, кони, волю, воспламененные теплою весны. Водопадъ. Пѣніе птицъ. Соловей въ глубинѣ лѣса, стонъ его о потерѣ подружки. Горлица въ дуплѣ оставляющая гнѣздо. Обращеніе къ Творцу природы. Поэтъ зоветъ своихъ друзей на лугъ. Журавль. Чибись. Пчелы и ульи, сравненіе ихъ съ мудрецами. Озеро и на немъ островъ, осѣненный деревьями и кустарникомъ. Молитва о дождѣ. Дождь. Обращеніе къ полямъ“ ¹⁾).

Первый изъ этихъ конспектовъ даетъ обзоръніе содержанія первой пѣсни поэмы Сен-Ламбера „Les Saisons“; пѣснь эта называется „Le Printemps“ ²⁾); послѣ введенія:

Je chante les saisons, et la marche féconde
De l'astre bienfaisant qui les dispense au monde etc.,—

она начинается картиной вѣшнихъ бурь:

L'homme s'éveille encore à la voix des tempêtes;
Mais le vent du midi qui mugit sur nos têtes
Des brûlants Africains traversa les déserts;
Il enleva des feux qu'il répand dans les airs;
Il les mêle aux vapeurs qui couvrent nos rivages;
Il agite, balance, et presse les nuages, etc.

Далѣе:

Le berger vigilant, l'agriculteur avide,
De la nature oisive observent le réveil,
Et loin de leurs foyers vont jouir du soleil...
Déjà le peuple ailé s'essayant dans les airs,
D'un vol timide encor rasant les champs déserts,
Se ranime, s'égaie....
Ce retour des oiseaux apprend au nautonnier
Qu'aux promesses d'Éole il peut se confier...
L'océan solitaire attendoit vos vaisseaux...
Brillant astre du jour, de climats en climats
Tu poursuis en vainqueur les ombres, les frimas;
Tu conduis le zéphyr dans les airs qu'il épure.
Il trace autour du globe un cercle de verdure...
Tandis que mes regards erroient sur ces campagnes,
Le pampre a reverdi sur le front des montagnes.

¹⁾ Бумаги Жуковского, связка № 12, л. 21 обор.

²⁾ Oeuvres de Saint-Lambert, Paris, 1795, t. I, p. 3 ss.

Ce verd sombre et foncé des humbles végétaux
Doit bientôt revêtir les chênes, les ormeaux;
Et dans peu la forêt reprendra sa parure.
Quels chants vont éclater sous son toit de verdure!
Déjà le rossignol fait retentir les bois...
Ô vallons, ô côteaux, champs heureux et fertiles,
Quels charmes ces beaux jours vont rendre à vos asyles!
Oh! de quel mouvement je me sens agité
Quand je reviens à du sein de la cité!...
Je ne jouis pas seul. Le retour du printemps
Vient d'inspirer la joie aux citoyens des champs...
La nue enfin s'abaisse, et sur les champs paisibles
Distille sa rosée en gouttes insensibles.
Je ne vois point les flots de sa chute ébranlés,
Ni leur sein sillonné de cercles redoublés;
À peine je l'entends dans le bois solitaire
Tomber de feuille en feuille et couler sur la terre....
Lindor, dans l'âge heureux qui succède à l'enfance,
Sans la connoître encor cherchant la volupté,
Un jour vit dans les champs une jeune beauté
De guirlandes de fleurs composer sa coiffure...
Lindor aime, etc.

Второй конспектъ представляетъ подобное же обзорѣніе содержанія лирической поэмы Эвальда Христіана Клейста „Der Frühling“, въ которой воспѣвается природа въ рядѣ простыхъ, но истинно-поэтическихъ картинъ, перемежающихся искренними лирическими изліяніями ¹⁾. Поэма открывается введеніемъ (не упомянуто въ конспектѣ Жуковскаго):

Empfangt mich, heilige Schatten,
Ihr Wohnungen süßer Entzückung,
Ihr hohen Gewölbe voll Laub
Und dunkler schlafenden Lüfte! u. s. w.

За этимъ введеніемъ слѣдуетъ картина „снизшествія весны“, съ которой начинается свой конспектъ Жуковский:

Auf rosefarbnem Gewölk,
Bekränzt mit Tulpen und Veilchen,
Sank jüngst der Frühling vom Himmel.

Далѣе:

Aus seinem Busen ergoss sich
Die Milch der Erde in Strömen,

¹⁾ Впервые вышла въ Берлинѣ въ 1749 г., а затѣмъ послѣдовала длинный рядъ перепечатокъ. У меня подъ руками изданіе *E.-Chr. von Kleist, Frühling, kritisch bearbeitet*, Berl. 1804.

Schnell rollte von Hügeln und Bergen
Der Schnee in Haufen herab,
Und Felder wurden zu Seen...
Zwar streute der weichende Winter
Noch oft bei nächlicher Umkehr,
Von den geschüttelten Schwingen
Reif, Eis und Schauer von Schnee,
Noch liessen wüthende Stürme
Die rauhe, dumpfige Stimm'
Aus Islands Gegend ertönen...
Bald aber siegte der vor
Noch ungesicherte Frühling;
Die Luft ward sanfter, es deckt'
Ein bunter Teppich die Felder,
Die Schatten wurden belaubt,
Ein sanftes Tönen erwachte,
Und floh und wirbelt umher
Im Hain voll grünlicher Dämrrung...
Ihr, deren zweifelhaft Leben,
Gleich trüben Tagen des Winters
Ohn' Licht und Freude verfließt,
Die ihr in Höhlen des Elends
Die finsternen Stunden verseufzt,
Betrachtet die Jugend des Jahres!...
Ihr blühenden Schönen! flieht jetzt
Den athemraubenden Aushauch
Von goldnen Kerkern der Städte,
Kommt! kommt! in winkende Felder...

Мѣста, которыя Жуковский хотѣлъ перенести въ свое произведаше:

Komm Muse, lass uns die Wohnung
Und häusliche Wirthschaft des Landmanns,
Und Viehzucht und Gärten betrachten...
Verschränkte wölkichte Wipfel
Von hohen Linden beschatten
Ein Haus von Reben umkrochen,
Durch Dorn und Hecken befestigt.
Ein Teich glänzt mitten im Hofe,
Mit grünem Flosskraut bestreut,
Wodurch aus scheinbarer Tiefe
Des Himmels Ebenbild blinkt;
Er wimmelt von zahmen Bewohnern...
Von blühenden Fruchtbäumen schimmert
Der Garten, die kreuzende Gänge
Mit rother Dunkelheit füllen,
Und Zephyr gaukelt umher,
Treibt Wolken von Blüthen zur Höhe,

Die sich ergiessen und regnen.,
Indessen impfet der Herr
Des Gartens Zweige von Kirschen
Durchsäget Schleestämmen ein,
Die künftig über die Kinder,
Die sie gesäuget, erstaunen.
Das Bild der Anmuth die Hausfrau
Sitzt in der Laube von Reben,
Pflanzt Stauden und Blumen auf Leinwand,
Die Freude lächelt aus ihr;
Ein Kind, der Grazien Liebling,
Stört sie durch Plappern, am Hals
Mit zarten Armen ihr hangend...
O dreimal seliges Volk,
Dem einsam in Gründen die Tage
Wie sanfte Weste verfliegen...
Der ist ein Liebling des Himmels,
Den fern von Lastern und Thorkeit
Die Ruh an Quellen umschlingt.
Auf ihn blickt immer die Sonne
Von oben lieblich herab,
Ihm braus't kein Unglück in Wogen,
Er seufzt nicht eitele Wünsche,
Ihn macht die Höhe nicht schwindelnd,
Die Arbeit würtzt ihm die Kost,
Sein Blut ist leicht wie der Äther,
Sein Schlaf verfliegt mit der Dämmerung,
Ein Morgenlüftchen verweht ihn...
Ach! wär' auch mir es vergönnt,
In euch, ihr holden Gefilde,
Gestreckt in wankende Schatten,
Am Ufer schwatzhafter Bäche
Hinfort mir selber zu leben,
Und Leid und niedrige Sorgen
Vorüberrauschender Luft
Einst zuzustreuen, ach! möchte
Doch Doris die Thränen in euch
Von diesen Wangen verwischen,
Und bald Gespräche mit Freunden
In euch mein Leiden versüssen,
Bald redende Todte mich lehren,
Bald tiefe Bäche der Weisheit
Des Geistes Wissensdurst stillen...

Въ такомъ стилѣ, судя по приведенному выше плану, предполагалъ Жуковский создать свою описательную поэмю „Весна“, которая должна была быть проникнута лирическими элементами.

С.-Ламберъ въ „Discours préliminaire“ своей поэмы „Les saisons“ говорил: *Élevé à la campagne, dans un pays peuplé d'heureux cultivateurs, je n'ai vu dans mon enfance que des objets champêtres et des hommes contents de leur état; j'ai vu de bonne heure les révolutions, les phénomènes, les beautés, les bienfaits de la nature, et je ne les ai point vus avec indifférence... Les couleurs d'un beau soir, l'éclat et la fraîcheur du matin, le moment d'une récolte abondante, devinrent les sujets de mes vers. J'étois dans l'âge où on chante ce qu'on aime; j'avois un plaisir à peindre les objets qui avoient frappé mes sens; j'avois la passion de peindre... Почти все это могъ съ полнымъ правомъ повторить о себѣ Жуковский.*

С.-Ламберъ здѣсь же заявляетъ: Ovide, Virgile, Lucrèce, Horace, me charmoient par les tableaux de la campagne qu'ils ont répandus dans leurs ouvrages; *j'essayai de les imiter... Жуковский былъ увлеченъ новѣйшими писателями, у которыхъ и нашелъ образцы и матеріалы; внизу той же страницы, гдѣ кончается конспектъ поэмы Клейста „Frühling“, нашъ поэтъ набрасываетъ для себя такую замѣтку 1):*

„Прочеть: Клейста. Томсона 2). С.-Ламберта. Georgiques de Virgile. Gessner. Histoire Naturelle du Ciel. Sur la manière d'étudier la Nature. Theorie de la Terre. Epoque de la Nature. Histoire de l'Homme. Discours sur la nature des animaux. Sur la nature des oiseaux 3). Sur la nature des ovipares. Sur la nature des serpens. Sur la nature des poissons. Конь. Волъ. Жаворонокъ. Курица. Гусь. Собака. Голуби. Павлинь. Цвѣты. Коза. Олень. Соловей. Горлица. Пчелы. Чибись“ 4).

Такою подготовкою въ области поэзіи de la nature, Naturpoesie, и въ области естествознанія имѣлъ въ виду Жуковский предварить свой опытъ, задумавъ создать стихотв. „Весна“; онъ хотѣлъ здѣсь использовать рядъ источниковъ, наиболѣе въ то время авторитетныхъ.

„Времена года“ (Seasons) Томсона—этого перваго, крупнаго живописца природы—создали и, во всякомъ случаѣ, укрѣпили въ европейской литературѣ то теченіе, къ которому Жуковский хотѣлъ приложить свою „Весной“. Описательную поэму Томсона всѣ критики и историки согласно признаютъ однимъ изъ великихъ явленій въ исто-

1) Бумаги Жук—го, № 12, л. 21 обор.

2) Имѣется въ виду, очевидно, „Весна“ изъ поэмы „Времена года“.

3) Все это—работы Бюффона (Histoire naturelle générale et particulière).

4) Отдѣлы и отрывки изъ Histoire naturelle de Lacépède.

риѣ англійской поэзи отъ Чосера до Теннисона ¹⁾. „C'était la première fois qu'un poète prenait la Nature pour sujet d'une oeuvre de longue haleine... Avec le poème de Thomson, c'est la série complète des tableaux de l'univers qui doit passer devant nos yeux... Aucun poète a-t-il réussi à transcrire aussi vivement, avec une plus grande magie des mots, ces mille aspects ondoyants du ciel, des nuages et des astres... De tous les poètes qui depuis ont voulu peindre les colères de l'océan, il n'en est guère en Angleterre, sans excepter Byron, qui ne se soient souvenus de l'auteur des «Saisons» et ne lui aient emprunté quelques-uns de leurs effets; il n'en est pas qui l'aient surpassé en tragique grandeur“, etc.,—говорить французскій изслѣдователь, анализируя нарисованныя Томсономъ картины неба, моря, горъ, равнинъ, полей, рѣкъ, лѣсовъ, цвѣтовъ, животныхъ и проч. ²⁾).

Со стороны нѣмецкаго ученаго словесника встрѣчаемъ такой отзывъ: „Томсонъ—мастеръ красочной описательной поэзи. Всѣ его картины живы и свѣжи, полны горячаго одушевленія и часто поразительной красоты. Его весна цвѣтетъ и благоухаетъ, какъ лугъ, усыпанный цвѣтами; надъ его солнцемъ стоитъ горячее небо и зеленая пышность прекрасныхъ августовскихъ дней; осеннія поля, деревья, виноградныя лозы наклоняются къ землѣ подъ бременемъ своихъ плодовъ, и мы слышимъ и чувствуемъ неприятный трескъ и стонъ зимняго льда, какъ будто бы замирающая природа еще разъ собирала всѣ свои силы, чтобы помолодѣть въ зернахъ и почкахъ новой весны... Сентиментальная наклонность къ природѣ, породившая эту поэму, и религіозная торжественность основного тона, мило переходящаго иногда то въ тихо-элегическіе, то въ граціозно-идиллическіе звуки, нашли самый одушевленный отголосокъ въ ту эпоху“... ³⁾

На Жуковского эти качества поэмы Томсона, естественно, должны были дѣйствовать съ особою притягательною силою.

О Томсонѣ на русской почвѣ (переводы, подражанія) мы говорили выше (въ гл. XXXI).

Твореніе Томсона было высоко оцѣнено нѣмецкими писателями; подъ его вліяніемъ возникаетъ цѣлая полоса описательной поэзи въ

¹⁾ James Thomson, sa vie et ses oeuvres, par Léon Morel (ouvrage couronné par l'Académie française), Paris, 1895, p. 1.

²⁾ Тамъ же, стр. 257, 264, 270 и др.

³⁾ H. Hettner, Literaturgeschichte des XVIII Jahrhunderts. I. Die englische Literatur 1660—1770. Braunschweig, 1881, S. 536—537.

нѣмецкой литературѣ ¹⁾. Ранѣе другихъ усвоилъ манеру Томсона, взявъ его поэму за образецъ для собственнаго подражанія, одинъ изъ значительнѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ того времени—Эвальдъ фонъ-Клейстъ (1715—1759) въ своей поэмѣ „Весна“ („Frühling“), въ которой обнаруживается вліяніе Томсона и въ общемъ планѣ, и въ точкѣ зрѣнія на природу, и въ отдѣльныхъ сценахъ, мотивахъ, и въ стилѣ ²⁾. Поэма Клейста—проникнутое любовью описаніе прогулки горожанина, который бѣжитъ изъ душевной комнаты, всей грудью глотаетъ дыханіе весны и наблюдаетъ жизнь въ лѣсу и въ полѣ, на озерѣ и на лугу; хотя это стихотвореніе и страдаетъ монотонностью въ изображеніи положеній, лишенныхъ дѣйствія, но отъ него вѣетъ, по выраженію Геттнера, „нѣжной освѣжающей, едва зарождающейся весенней жизнью“ ³⁾. Историки признаютъ поэму Клейста „однимъ изъ самыхъ значительныхъ поэтическихъ произведеній этого періода“ ⁴⁾; она сдѣлалась въ свою очередь образцомъ, которому подражалъ рядъ нѣмецкихъ писателей ⁵⁾.

Эвальдъ Клейстъ былъ уже достаточно извѣстенъ и на русской почвѣ, въ переводахъ:

„Весна, соч. Клейста, или изображеніе пріятностей сего времени года, съ выводимыми изъ оныхъ важными размышленіями, и съ присовокупленіемъ жизни сего славнаго стихотворца и храбраго воина“ ⁶⁾. Москва, 1792.

Въ журналахъ появилось нѣсколько другихъ переводовъ изъ Клейста ⁷⁾. Карамзинъ прекрасно зналъ произведенія Клейста. „Без-

¹⁾ См. *Knut Gjerset*, *Der Einfluss von James Thomson's „Jahreszeiten“ auf die deutsche Literatur des XVIII-en Jahrhunderts*, Heidelberg, 1898.

²⁾ Тамъ же, стр. 20—28; Gjerset неоспоримо доказываетъ эти положенія текстуральными сопоставленіями и параллелями.

³⁾ *Alfred Biese*. *Die Entwicklung des Naturgeföhls*; я пользовался русскимъ переводомъ: Историческое развитіе чувства природы, А. Бизе, перев. Д. Корочевскаго, Спб. 1890, стр. 249; *Hettner*, *Literaturgeschichte des XVIII Jahrhunderts*, III Theil, 2 Buch, Braunschweig, 1864, S. 113.

⁴⁾ *Gjerset*, тамъ же, стр. 28. Срв. *Ф. Фомъ и М. Кохъ*, *Исторія нѣмецкой литературы*, Спб. 1901, стр. 465.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 29.

⁶⁾ Клейстъ участвовалъ въ походахъ Фридриха II и умеръ отъ раны, полученной въ битвѣ при Кунерсдорфѣ.

⁷⁾ Иривъ, идиалія Клейста, пер. Г. Брайко,—Спб. Вѣстникъ 1778 г., ч. I, стр. 455; другой переводъ: Новости русс. литер. на 1804 г., XII, 3; Разговоръ между Харономъ и Катилиной, изъ Клейста, пер. съ нѣм. А. Савина,—Пр. и пол. препр. вр. 1794 г., II, 17; Гимнъ Клейста,—тамъ же, IX (1796), стр. 113; Привѣт-

смертный пѣвецъ Весны“ очень увлекалъ Карамзина: „Клейсть, говорилъ онъ, есть одинъ изъ любезныхъ моихъ поэтовъ. Весна не была бы для меня такъ прекрасна, если бы Томсонъ и Клейсть не описали всѣхъ красотъ ея“. Вліяніе Клейста на Карамзина отражается довольно сильно на многихъ раннихъ произведеніяхъ послѣдняго ¹⁾.

Жуковский еще питомцемъ Университетскаго Благороднаго Пансіона переводить Клейста, то же дѣлають и нѣкоторые другіе пансіонеры: въ удѣлѣвшемъ протоколѣ „Собранія воспитанниковъ Унив. Бл. Пансіона“ за 18 мая 1799 года читаемъ: „Предсѣдатель В. А. Жуковский внесъ переводъ изъ Клейста въ стихахъ Гимнъ, а В. П. Поляковъ также переводъ съ нѣм.: *Отрывокъ изъ Клейста*“ ²⁾.

То непосредственно, то черезъ посредство Ж.-Ж. Руссо, Томсонъ оказалъ значительное вліяніе и на французскую литературу, вызвалъ здѣсь много подражаній ³⁾. Въ числѣ его подражателей былъ J.-Fr. de Saint-Lambert (1716—1803), стихотворецъ не по заслугамъ прославленный и возвеличенный при жизни, авторъ поэмы „Les Saisons“, вышедшій въ 1769 г. въ четырехъ пѣсняхъ („Весна“, „Лѣто“, „Осень“, „Зима“), вызвавшей восторженные отзывы Вольтера: „C'est le seul (ouvrage) de notre siècle qui passera à la postérité“, и т. под. ⁴⁾, но своей холодностью, бездушнoй сухостью, безжизненностью, возбуждавшей отрицательное отношеніе со стороны многихъ уже современниковъ ⁵⁾. Сень-Ламберъ усиленно идеализируетъ сельскую жизнь, но его описанія лишены колоритности, поэтическаго чутья, истиннаго пониманія природы; однако отдѣльные эпизоды въ „Les Saisons“ написаны красивымъ, изящнымъ языкомъ,—и это, вмѣстѣ съ мнимо-философскимъ характеромъ нѣкоторыхъ мѣстъ поэмы, и подкупало читателей того времени ⁶⁾, — въ томъ числѣ, повидимому, и Жуковского.

ствіе веснѣ, изъ Клейста,—тамъ же, 424; Агатокля и Темира, изъ Клейста, перев. кн. Александра Оболенскаго,—тамъ же, ч. XX (1798), стр. 321; и др.—см. Историч. разсужденіе о русс. повремен. изданіяхъ за 1702—1802 гг. А. Н. Неустроева, Спб. 1874, и Указатель къ нему, Спб. 1898, стр. 294 (sub voce Клейсть).

¹⁾ *Ситовскій*, Карамзинъ авторъ „Писемъ р. путеш.“, 94—95.

²⁾ *П. Захаринъ*, В. А. Жуковский и его произведенія, М. 1883, стр. 17.

³⁾ *L. Morel*, James Thomson, стр. 196.

⁴⁾ *Sainte-Beuve*, De la poésie de la Nature, — Causeries du Lundi, t. XI³, 125.

⁵⁾ Тамъ же, 126, 127.

⁶⁾ *Ю. В.*, Сень-Ламберъ (Энциклопед. Словарь Брокгауза, 58-й полутомъ, стр. 558).

На русскомъ языкѣ поэма С.-Ламбера появилась значительно позднѣе: „Времена года, соч. Сень-Ламберта, пер. съ фр. Александръ Палицынъ“. Харьковъ, 1814.

Черезъ годъ послѣ появленія поэмы Сень-Ламбера „Les Saisons“, Делиль выпустилъ свой стихотворный переводъ „Георгикъ“ Вергилія, вызвавшій восторженныя похвалы Вольтера и доставившій Делилю кресло въ французской академіи; критикъ новаго времени даетъ такой отзывъ: „Quand il (Delille) traduit les *Géorgiques* de Vergile, au milieu de toutes les inexactitudes essentielles et les infidélités qui en altèrent le caractère et le ton, il a un cours général facile et des portions heureuses“ ¹⁾. Современникамъ нравилась „sa grâce, son harmonie, ce je ne sais quoi qui plait, même dans sa manière française, aux amateurs impartiaux de l'Antiquité“ ²⁾.

Вотъ причины, почему Жуковский рѣшился привлечь французскій переводъ „Георгикъ“ въ качествѣ своего источника.

Далѣе, Жуковский намѣчаетъ прочесть Геснера. У послѣдняго есть небольшое стихотвореніе въ прозѣ „Der Frühling“ (Sal. Gessners Schriften, Zurich, 1801, В. II, 315—320),—не его ли и имѣлъ здѣсь преимущественно въ виду нашъ поэтъ? Вліянія этого произведенія, которое заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ восторженныя призыванія весны („Komm, Lenz! komm Stifter der Freude!... Eile, Lenz! beblüme die Triften, und belauben den Wald, das Gebüsch und die Lauben“...) и переполнено образами античной мифологіи („Die Grazien mit umschlungenen Armen begleiten dich, fröhlicher Lenz!... Sie springen taumelnd hervor, die geissfüssigen Satyren und die Faunen, und rufen den fröhlichen Nymphen... Die Nymphen der Bäche öffnen ihre Krüge wieder... Bacchus und Silen und sein Gefolge lachen dir entgegen“...),—не замѣтно, однако, непосредственно на планѣ Жуковского.

Замысливъ статью пѣвцомъ природы, обратиться къ поэзіи описательной (descriptive), нашъ поэтъ, конечно, не могъ не вспомнить о великомъ художникѣ природы—Бюффонѣ. „Buffon peint la nature sous tous les points de vue qui peuvent élever l'âme, qui peuvent l'agrandir, la rasséréner et la calmer“,—такъ характеризуетъ писательскую манеру знаменитаго натуралиста Сень-Бёвъ ³⁾.

¹⁾ *Sainte-Beuve*, De la poésie de la Nature (Causeries du Lundi, XI^s, 131).

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Causeries du Lundi, IV^s, 368.

Графъ Бернаръ де Ласепедъ былъ продолжателемъ „Естественной Исторіи“ Бюффона ¹⁾.

Въ какой степени повліяли бы на Жуковскаго эти источники, рѣшить, разумѣется, нѣтъ возможности.

Что привело Жуковскаго къ мысли сочинить лирико-описательную поэмю, какою должна была выйти, очевидно, его „Весна“? Повидимому, такой импульсъ дало, помимо литературныхъ вліяній, пробуждавшееся въ немъ *чувство природы* ²⁾.

Александръ Гумбольдъ, которому принадлежит и самый терминъ *Naturgefühl*, принятый вслѣдъ затѣмъ психологами, эстетиками, историками искусства, сдѣлалъ наблюдение, что чувство природы въ разные эпохи находитъ для себя различное выраженіе, въ зависимости отъ общаго характера и настроенія эпохи, преобладающихъ вкусовъ общества и его представителей. Изученіе исторіи развитія чувства природы и выраженія его въ поэтическихъ произведеніяхъ вызвало цѣлую литературу ³⁾.

¹⁾ Важнѣйшія сочиненія Ласепеда: „*Histoire des quadrupèdes ovipares et des serpents*“ (Р. 1788—89), „*Histoire naturelle des poissons*“ (Р. 1798—1805) и др.

²⁾ Авторъ подготавливаемого къ печати труда, посвященнаго изученію чувства природы въ русской художественной литературѣ, В. О. Саводникъ, даетъ такое объясненіе этого чувства: „Чувство природы, по своему психическому составу, отличается большою сложностью. Уходя своими корнями въ таинственную глубь безсознательнаго, сближая и родня человѣка со стихійной міровой жизнью, разлитой вокругъ него, оно вмѣстѣ съ тѣмъ, въ своихъ высшихъ проявленіяхъ, тѣсно граничитъ съ наиболѣе высокими, чисто-человѣческими сферами дѣятельности нашего духа, переплетается со стремленіями и эмоціями эстетическими, моральными, религіозными. Вслѣдствіе этого и самыя формы проявленія чувства природы отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ, видоизмѣняясь въ зависимости отъ темперамента человѣка, общаго склада характера и міросозерцанія, преобладающихъ интересовъ, жизненныхъ условий, воспитанія, обстановки и т. д. При этомъ чувство природы очень часто тѣснѣйшимъ образомъ сочетается съ тѣми или другими элементами душевной жизни, образуя такимъ путемъ весьма сложный психическій комплексъ, отдѣльными частями котораго находятся въ состояніи внутренняго взаимодействія“ (В. О. Саводникъ, Чувство природы въ поэзіи Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М. 1911, стр. 1).

³⁾ *De Laprade, Le sentiment de la nature avant le christianisme; eto же, Du sentiment de la nature dans la poésie d'Homère; J. Ruskin, Modern Painters, vol. III; A. Biese, Die Entwicklung des Naturgefühls; Sainte-Beuve, De la poésie de la nature (Causeries du Lundi, XI); D. Mornet, Le sentiment de la nature en France de J. J. Rousseau à Bernardin de Saint-Pierre; L. Morel, James Thomson, sa vie et ses oeuvres (II-de partie, l. I: Le sentiment de la nature dans la poésie anglaise); В. О. Саводникъ, Чувство природы въ поэзіи Пушкина, Лермонтова и Тютчева, М. 1911, и др.*

Оставляя въ сторонѣ античный міръ и средневѣковье, припомнимъ эволюцію чувства природы и поэзіи природы въ новое время. Натурализмъ поэтики нео-классицизма имѣлъ въ виду „прекрасную“ природу ¹⁾, природу искусственную, украшенную изысканно, манерно, какою она являлась, напр., въ знаменитыхъ Версальскихъ садахъ; въ дни господства кодекса „правилъ“ этой поэтики чувство природы было сковано всякаго рода искусственными условностями, и конечно не могло свободно излиться въ непринужденныхъ, вѣрныхъ живой, не изломанной дѣйствительности картинахъ, образахъ, описаніяхъ въ торжественной одѣ, героической поэмѣ, высокой трагедіи и т. под.; улыбающійся пейзажъ, съ цвѣтущей лужайкой, зеленой рощицей, сверкающимъ ручейкомъ, овечками и нарядными пастушкѣми и пастушками—вотъ обычная аркадская декорация идилліи и эклога. Затѣмъ намѣчаются признаки возвращенія къ живой природѣ; выступаетъ Томсонъ съ своими картинами временъ года; Юнгъ, Грей, Оссианъ-Макферсонъ увлекаютъ читателей и писателей своими меланхолическими и мрачными ночными пейзажами; Ж.-Ж. Руссо даетъ могущественнѣйшій толчекъ къ развитію въ литературѣ чувства любви къ природѣ. онъ открываетъ природу, какъ Америку Колумбъ,—въ особенности это можно сказать относительно горной природы Швейцаріи, красоту которой до Руссо мало кто чувствовалъ и понималъ; Руссо первый вводитъ горный ландшафтъ въ художественную литературу ²⁾...

Въ періодъ господства французскаго классицизма въ нашей литературѣ русскіе писатели были очень стѣснены искусственностью царившаго „монументальнаго“ стиля, препятствовавшаго свободному развитію и непринужденному выраженію живого чувства природы ³⁾; описанія природы отличались сухостью, давали главнымъ образомъ лишь общія довольно шаблонныя схемы, а главнымъ изобразительнымъ средствомъ было внесеніе антично-миеологическихъ образовъ или образовъ въ томъ же стилѣ, созданныхъ фантазіей поэта ⁴⁾.

¹⁾ См. *Batteux*, Les beaux arts, réduits à un même principe.

²⁾ *Mornet*, Le sentiment de la nature; *Саводникъ*, Чувство природы, 6—7.

³⁾ Подробнѣе у Саводника, *op. cit.*, 9 и слѣд.

⁴⁾ Вотъ образчикъ: „Съдая угрюмая Зима, не стерпя пламенныхъ взоровъ лучезарнаго Фива, притуляющихъ ея пониклое зрѣніе, отвращаетъ блѣдное лицо свое, и уступаетъ мѣсто соперницѣ своей—Веснѣ. Сія младая, игривая дочь Времени, увѣнчана будучи мягкими листвіями священнаго дуба, и одѣяна въ легкое платье,—гордо шествуетъ по лицу земному..., и шествіемъ своимъ украшаетъ чело земли

Вліяніе Оссіана вносить ине образы и иной колоритъ описаній. Присоединяется вліяніе Юнга, Грея, и среди нашихъ писателей распространяется вкусъ къ изображенію меланхолическихъ картинъ кладбища... Вліяніе Томсона обращаетъ Карамзина уже къ прямымъ наблюденіямъ надъ внѣшнимъ міромъ: черты такихъ наблюденій В. О. Саводникъ усматриваетъ ¹⁾ въ стихотвореніи Карамзина „Осень“ (1789), въ которомъ я съ своей стороны замѣчаю повтореніе ряда мотивовъ изъ „Осени“ Томсона,—и „Волга“ (1793 г.). Въ описаніяхъ Швейцаріи въ „Письмахъ русскаго путешественника“ сказанъ еще ярче интересъ автора къ жизни природы, подогрѣтый вліяніемъ Руссо ²⁾. Непосредственное воздѣйствіе Карамзина обусловило появленіе у насъ многочисленныхъ произведеній въ родѣ „Путешествія въ Малороссію“ Шаликова, „Путешествія въ полуденную Россію“ Измайлова и т. под., которыя и обличаютъ отрицательныя стороны Карамзинской сентиментальной манеры описывать природу.

Иное мы наблюдаемъ съ нѣкоторыхъ поръ у Жуковскаго. Являясь во многихъ другихъ отношеніяхъ и случаяхъ послѣдователемъ и представителемъ въ русской литературѣ сентиментальнаго Карамзинскаго теченія, какъ мы неоднократно видѣли это выше,—нашъ поэтъ въ данномъ случаѣ дѣлаетъ съ нѣкоторыхъ поръ значительный шагъ впередъ: если въ своей ранней статейкѣ „Мысли при гробницѣ“ (см. IX гл. нашихъ „Разысканій“), въ своей неоконченной повѣсти „Вадимъ Новгородскій“ (см. выше гл. XXIV) Жуковскій въ изображеніяхъ природы копируетъ Оссіана, Юнга, Грея и ихъ подражателей, то въ его элегии „Вечеръ“ (см. выше, гл. XXXIX) мы встрѣчаемся уже съ наблюденіемъ и поэтическимъ изображеніемъ реальной окружающей поэта природы ³⁾. Въ статейкѣ о „Путешествіи“ кн. Шаликова нашъ поэтъ набрасываетъ съ натуры, по отчетливому воспоминанію, картину лѣтняго вечера въ Москвѣ, на Дѣвичьемъ полѣ (см. выше, въ гл. XXXII). Стремленіе воспроизводитъ живую

нѣжною зеленью муравы пушистой... Граціи ей сопутствуютъ. Услужливая Флора грядетъ ей во срѣтеніе; разсыпая щедрою рукою свои богатства, устилаетъ цвѣтами путь милой своей подруги... Румяная Аврора привѣтствуетъ богинь сихъ восхитительными гимнами послушныхъ ей пернатыхъ, и сыплетъ перлы росы ради омовенія ружъ и чела юныхъ небожительницъ“ (*Иванъ Волковъ*, Весна,—Новости русской литературы на 1803 г., ч. VI, стр. 375—376).

¹⁾ Тамъ же, стр. 25.

²⁾ Тамъ же, 25; *Сиповскій*, Карамзинъ авторъ „Пис. р. путеш.“, 326.

³⁾ Я совершенно не согласенъ съ взглядомъ на элегію Жуковскаго „Вечеръ“, высказаннымъ В. О. Саводникомъ („Чувство природы“, стр. 26—28).

русскую природу замѣчается и въ нѣкоторыхъ басняхъ Жуковского (см. выше, въ гл. XLII, замѣчанія о басняхъ: „Истина и Басня“, „Сонъ Могольца“).

Замысливъ въ своей „Веснѣ“ дать образчикъ „живописной“ поэзіи, сосредоточить свое вниманіе на описаніи природы, нашъ поэтъ, привлекая въ качествѣ образцовъ и источниковъ Томсона, Клейста, С.-Ламбера, Геснера, Делиля, какъ переводчика Вергилія, а рядомъ— Бюффона и Ласепада, хотѣлъ ¹⁾, такъ сказать, пройти высшую тогдашнюю литературную школу поэзіи природы, изучить приемы извѣстныхъ мастеровъ-живописцевъ природы; въ то же время, намѣчая въ составленномъ планѣ обработку лирическихъ мотивовъ *личныхъ* переживаній, Жуковский, должно думать, и въ проектированныхъ описаніяхъ явленій природы пошелъ бы по той дорогѣ, на какую вступилъ въ элегія „Вечеръ“, и его описанія въ „Веснѣ“ отразили бы непосредственныя *личныя* впечатлѣнія поэта отъ окружающей его дѣйствительной природы.

Жаль, что замыселъ остался не выполненнымъ.

Что этотъ планъ Жуковского соотвѣтствовалъ тогдашнимъ литературнымъ запросамъ его современниковъ, доказываетъ появленіе въ печати такихъ книгъ: въ прозѣ —

Весна, соч. Клейста, или изображеніе пріятностей сего времени года. М. 1792;

Четыре времени года, въ 4 пѣсняхъ, соч. Александра Иванчикова. С.-Пб. 1795;

Четыре времени года, соч. Томсона, пер. Дмитревскій. М. 1798 и 1805;

Четыре времени года въ ихъ сокращеніи, или четыре части дня,

¹⁾ Жуковский руководился при этомъ, повидимому, тѣми же переживаніями, какія Карамзинъ формулировалъ въ нѣсколькихъ строчкахъ своего стихотворенія „Дарованія“ (Аониды, II, 1797 г., стр. 327 и слѣд.):

Ламберта, Томсона читая,
Съ рисункомъ подлинникъ слыхая,
Я міръ сей лучшимъ нахожу,
Тѣнь роци для меня свѣжѣе,
Журчанье ручейка нѣжнѣе;
На все съ веселіемъ гляжу,
Что Клейстъ, Делиль живописали;
Стихи ихъ въ памяти храня,
Гуляю, гдѣ они гуляли,
И слѣдъ ихъ радуетъ меня!..

соч. Цахарія, подражаніе Томсону, пер. съ нѣм. А. Лубкинъ. С.-Пб. 1805.

Четыре части дня, соч. Захарія, пер. съ франц. Б. Бланкъ. М. 1806;

Четыре времени года, соч. А. Попе, перев. съ англ. М. Макаровъ. М. 1809;

Сельской работникъ, соч. Роберта Блумфильда ¹⁾, пер. съ франц. М. Опанинъ. М. 1809, и др.

Въ стихахъ:

Сельской житель, или Георгики французскіе, поэма въ 4 пѣсняхъ, соч. Ж. Делиля, пер. съ фр. Евстафій Станевичъ. М. 1804;

Ландшафты, или опытъ о сельской природѣ, поэма въ 5 пѣсняхъ, соч. Клавдія, Франсоа, Адриана-Лезай Марнезія, пер. съ франц. Евстафій Станевичъ. С.-Пб. 1805;

Четыре части дня, соч. Кардинала де Берниса, пер. съ фр. Павелъ Голенищевъ-Кутузовъ. М. 1805, и др.

„Весна“ Жуковского, будь она написана, ярко выдѣлилась бы на сѣромъ фонѣ этихъ переводныхъ „поэмъ описательныхъ“.

XLVI.

Къ этимъ же годамъ жизни Жуковского въ деревнѣ, до переѣзда въ Москву, относятся еще два литературныхъ замысла; онъ предполагилъ приготовить два изданія, проекты заглавій которыхъ въ рукописяхъ были такіе (зачеркнутыя слова ставлю въ скобкахъ):

1) Примѣры (Образцы) слога вы(из)бранные изъ лучшихъ французскихъ прозаическихъ писателей и переведенные на русскій языкъ (изданные на русскомъ языкѣ, въ русскомъ переводѣ) Василиемъ Жуковскимъ ²⁾.

2) Избранныя сочиненія Жанъ-Жака Руссо, переводъ съ французскаго, томъ первый ³⁾.

Поэтъ приступилъ къ выполнению своихъ замысловъ, и въ числѣ бумагъ его, хранящихся въ Императорской Публичной Библиотекѣ, имѣется двѣ пачки (№№ 16 и 17, нынѣ переплетенныя) черновыхъ листовъ; бумага синяя 1804—1806 годовъ, почеркъ Жуковского тоже первыхъ годовъ XIX столѣтія.

¹⁾ Жуковский тоже намѣчалъ для себя переводъ „Томсона или Клейста или Блюмфильда“,—см. его списокъ „Что сочинить и перевести“ выше въ XXXIV главѣ.

²⁾ Рукопись Имп. Публич. Библ., Бум. Жуков., № 16, л. 1.

³⁾ Бумаги Жуковского, рукоп. № 17, л. 1.

„Примѣры слога“ должны были составить цѣлую хрестоматію. Въ основу легъ, какъ оказывается, первый томъ двухтомной французской хрестоматіи, носившей такое заглавіе: „Leçons de littérature et de morale, ou Recueil, en prose et en vers, des plus beaux morceaux de notre langue dans la littérature des deux derniers siècles“¹⁾; заглавіе „Leçons de littérature“ было написано, но потомъ зачеркнуто на листѣ 7-мъ тетради Жуковского № 16.

Такъ какъ свѣдѣній объ этомъ трудѣ Жуковского до сихъ поръ не сообщалось, за исключеніемъ коротенькаго описанія рукописи у И. А. Бычкова („Бумаги Жуковского“, стр. 48), то я даю здѣсь подробное обзорѣніе его и сличеніе съ подлинникомъ, который мнѣ удалось установить.

Трудъ этотъ интересенъ особенно въ томъ отношеніи, что это была своего рода созданная самимъ поэтомъ для себя школа выработки и усовершенствованія своего писательскаго языка, которымъ онъ долженъ былъ передавать тонкую, блестящую, мастерскую рѣчь длиннаго ряда образцовыхъ французскихъ писателей.

Въ качествѣ введенія сборникъ Жуковского открывается теоретическою статьею *О словѣ*²⁾:

„Во всякое время были люди (которые повелѣвали другими, одаренные могуществомъ слова), сильные даромъ краснорѣчія; но только въ однихъ просвѣщенныхъ вѣкахъ находимъ великихъ писателей, великихъ ораторовъ. (Съ истиннымъ краснорѣчіемъ сопряжены труды дѣятельнаго генія и образованія разсудка) Сильное напряженіе генія и образованіе разсудка соединено съ истиннымъ краснорѣчіемъ, которое весьма далеко отъ сей натуральной легкости изъясняться, (дарованія) таланта, качества людей, одаренныхъ сильными страстями, гибкими органами и (живостію) быстротою воображенія. Люди сіи чувствуютъ съ живостію, трогаются сильно, выразительно обнаруживаютъ свои чувства и совершенно механическимъ впечатлѣніемъ переселяютъ въ другихъ свой энтузіазмъ и пламень. Тѣло говоритъ тѣлу; всѣ движенія, всѣ знаки соединенно дѣйствуютъ и поражаютъ. (Чего

¹⁾ Составителями этой хрестоматіи были Fr. Noël и Fr. De la Place; первое изданіе вышло въ 1804 году. Книга быстро достигла громадной популярности и стала переиздаваться почти ежегодно: въ 1828 году вышло уже 16-ое изданіе, въ 1833—21-ое, въ 1851 г.—28-ое, при чемъ на выходномъ листѣ, послѣ заглавія, значилось: „Ouvrage classique, adopté par l'Université Royale de France à l'usage des collèges et institutions“.

²⁾ Слова зачеркнутыя въ рукописи воспроизвожу въ скобкахъ, и здѣсь и далѣе.

больше, много ли для многочисленной...) Скажите, что надобно для обольщенія толпы народа (который легко обольщается) для (потрясенія) убѣжденія и (другихъ) большей части другихъ людей! Сильный и мужественный голосъ, выразительныя тѣлодвиженія, слова быстрыя и звучашія. Но малое число мыслящихъ, имѣющихъ вкусъ и бжннй, чувство разборчивое, (не уважающихъ) презирающихъ ничтожныя украшенія наружности, звуковъ и тѣлодвиженій, требуютъ мыслей, рассужденій, доказательствъ, предложенныхъ въ порядкѣ, въ натуральной постепенности. Недовольно того, что плѣнять ухо и занимать взоры: надобно дѣйствовать на душу, трогать сердце, говоря разсудку“.

„Слогъ есть не иное что, какъ порядокъ и движеніе нашихъ мыслей. (Когда они соединены тѣсно, сжаты, слогъ...) Онъ силенъ, быстръ и важенъ, когда идеи стѣснены и сжаты; растянуть, слабъ и жидокъ, когда (они медленно слѣдуютъ одна за другою и соединяются словами, не имѣющими другой связи, кромѣ словъ, хотя пріятныхъ и звонкихъ...) ихъ теченіе медленно и связь состоитъ въ однихъ словахъ, пріятныхъ для слуха, но малозначущихъ“.

„Прежде начертанія сего порядка нашихъ мыслей, мы должны имѣть передъ глазами другой, общій, постояннѣйшій, въ который входятъ одни первоначальные виды, одни главные идеи: назначивъ ихъ мѣсто на семъ первомъ планѣ, мы (узнаемъ предѣлы) ограничимъ предметъ свой и узнаемъ (его протяженіе) обширность его; безпрестанно имѣя передъ глазами сіе начальное начертаніе, мы опредѣлимъ (настоящее разстояніе главныхъ идей между собою) истинные промежутки между главными идеями и вмѣстѣ найдемъ идеи относительныя и среднія, которыми ихъ наполнимъ. Силою генія представимъ себѣ въ цѣломъ въ настоящемъ ихъ расположеніи всѣ (главныя) общія и частныя идеи. Тонкою разборчивостію отдѣлимъ идеи безплодныя отъ обильныхъ, и проникательностію, (которая пріобрѣтается отъ большого навыка сочинять) которую получаемъ отъ привычки писать, отроемъ всѣ главные слѣдствія сихъ различныхъ дѣйствій разсудка. Трудно окинуть однимъ взглядомъ или проникнуть въ цѣлости единымъ и первымъ усиленіемъ генія предметъ обширный и имѣющій множество отношеній. Трудно, даже по многимъ размышленіямъ, узнать его въ совершенной точности. (Мы должны безпрестанно имъ заниматься...) Итакъ, устремляйте на него все ваше вниманіе: вотъ (вѣрное) единственное средство усилить, распространить и возвысить ваши мысли. Чемъ больше будете (уверѣплять) образовать и

объяснять ихъ размышленіемъ, тѣмъ свободнѣе изобразите ихъ словами“.

„Сей планъ не есть еще самый слогъ, а только его основаніе: (онъ поддерживаетъ его) онъ имъ управляетъ, опредѣляетъ его движеніе и подчиняетъ его законамъ. Безъ него лучшій писатель теряется, покорствуя перу своему, которое бросаетъ на бумагѣ черты неправильныя и фигуры (необразованныя) одна другой противныя. Блестящія краски и красоты частныя не могутъ замѣнить безпорядка или несообразности въ цѣломъ, которое одно составляетъ достоинство сочиненія“.

„Тогда, удивляясь уму автора, мы (откажемъ ему въ геніи) скорѣе можемъ подумать, что онъ не имѣетъ генія. Вотъ отъ чего всѣ тѣ, которые пишутъ, какъ говорятъ, пишутъ дурно; которые предаются первому пламени воображенія, не выдерживаютъ своего тона; которые боятся потерять свои мысли, разсѣянные и отдѣльныя и (пишутъ) сочиняютъ стрывки въ разное время, соединяютъ ихъ принужденно и не могутъ обойтись безъ натяжки,—однимъ словомъ, вотъ отъ чего видимъ (столько) такъ много книгъ, составленныхъ изъ клочковъ, и (не видимъ ни одной связной) такъ мало связныхъ, написанныхъ однимъ духомъ“¹⁾.

Статьека эта представляетъ собой отрывокъ изъ Discours de réception à l'Académie Française Бюффона²⁾.

¹⁾ Бумага Жук—го, рукоп. № 16, лл. 5—6.

²⁾ Для сличенія и опредѣленія качества перевода привожу нѣсколько мѣстъ подлинника:

Il s'est trouvé, dans tous les temps, des hommes qui ont su commander aux autres par la puissance de la parole: ce n'est néanmoins que dans les siècles éclairés que l'on a bien écrit et bien parlé. La véritable éloquence suppose l'exercice du génie et la culture de l'esprit. Elle est bien différente de cette facilité naturelle de parler qui n'est qu'un talent, une qualité accordé à tous ceux dont les passions sont fortes, les organes souples, et l'imagination prompte....

Le style n'est que l'ordre et le mouvement qu'on met dans ses pensées; si on les enchaîne étroitement, si on les serre, le style ferme devient nerveux et concis; si on les laisse se succéder lentement, et ne se joindre qu'à la faveur des mots, quelqu'élégans qu'ils soient, le style sera diffus, lâche et traînant....

C'est par cette raison que ceux qui écrivent comme ils parlent, quoiqu'ils parlent très-bien, écrivent mal; que ceux qui s'abandonnent au premier feu de leur imagination, prennent un ton qu'ils ne peuvent soutenir; que ceux qui craignent de perdre des pensées isolées, fugitives, et qui écrivent en différens temps des morceaux détachés, ne les réunissent jamais sans transitions forcées; qu'en un mot, il y a tant d'ouvrages faits de pièces de rapport, et si peu qui soient fondus d'un seul jet

Жуковский счелъ возможнымъ и ограничиться этимъ отрывкомъ „О слогѣ“, какъ введеніемъ въ проектированную хрестоматію. Во французскомъ его источникѣ—*Leçons de littérature*—въ качествѣ введенія же взято это же мѣсто изъ Бюффона, но отрывокъ длиннѣе болѣе, чѣмъ втрое; статья озаглавлена: „*Règles de l'art d'écrire*“; начало: *Il s'est trouvé, dans tous les temps, des hommes qui ont su commander aux autres par la puissance de la parole...* Конецъ: *Mais le ton de l'orateur et du poète, dès que le sujet est grand, doit toujours être sublime, parce qu'ils sont les maîtres de joindre à la grandeur de leur sujet autant de couleur, autant de mouvement, autant d'illusion qu'il leur plaît; et que devant toujours peindre et toujours agrandir les objets, ils doivent aussi partout employer toute la force, et déployer toute l'étendue de leur génie.* Изъ десяти страницъ введенія къ „*Leçons de littérature*“ Жуковский перевелъ три первыя страницы.

Разсужденія Бюффона, на которыхъ составитель французской хрестоматіи остановилъ прежде всего вниманіе своего переводчика, должны были имѣть въ данномъ случаѣ большое значеніе для Жуковского: перевода послѣдующія статьи, онъ, конечно, долженъ былъ, въ этихъ своихъ стилистическихъ упражненіяхъ, вдумываться, уяснять для себя, провѣрять и примѣнять на практикѣ теоретическія положенія такого мастера стиля, какимъ былъ Бюффонъ.

Хрестоматія „*Leçons de littérature*“ дѣлится на такіе отдѣлы: *Narrations, Tableaux, Descriptions, Définitions, Fables et allégories, Morale religieuse ou philosophie pratique, Lettres, Discours et morceaux oratoires, Exordes, Dialogues philosophiques ou littéraires, Caractères ou portraits et parallèles.* Жуковский предположилъ раздѣлить свою хрестоматію на такіе же отдѣлы: Повѣствованія, Картины, Описанія, Аллегоріи, Дефиниціи, Моральная практическая философія, Характеры, Сравненія.

Пользуясь оглавленіемъ своего источника, воспроизводя его почти цѣликомъ, Жуковский составилъ роспись статей, которыя должны были войти въ каждый изъ отдѣловъ его хрестоматіи¹⁾; всего этого плана ему, однако, выполнить не удалось; въ рукописи имѣются далеко не всѣ статьи, намѣченныя росписью.

(Histoire naturelle générale et particulière, par *Leclerc de Buffon*, redigé par C. S. Sonnini. Paris, an VIII, t. XXI, p. 402 ss.).

¹⁾ Бумаги Жуков., рукоп. № 16, л. л. 39—40.

Первый отдѣлъ (Повѣствованія) Жуковскій предполагалъ снабдить тѣмъ же эпиграфомъ, какой имѣется въ „Leçons de littérature“:

Soyez vif et pressé dans vos narrations.

Boileau, Art poétique¹⁾.

Исправляя текстъ своихъ переводовъ, нашъ поэтъ зачеркнулъ, однако (красными чернилами), этотъ эпиграфъ.

Отдѣлъ повѣствованій открывается статейкой *Дружба или Дамонъ и Писеасъ*:

„На одномъ изъ острововъ Эгейскаго моря, въ тѣни древнихъ топей, находился оltарь, посвященный дружбѣ. День и ночь (дымился, курился) сожигали на немъ еиміамъ, чистый и пріятный Богинѣ. Но скоро узрѣла она передъ собою толпу обожателей (корыстолобивыхъ, неискреннихъ въ дружбѣ) недостойныхъ, друзей корыстолобивыхъ и скрытныхъ. Она сказала наперснику Креза: Не приѣмлю твоихъ приношеній: ты жертвуешь не мнѣ, а Фортунѣ. Жителю Аѳинъ, который называлъ себя другомъ Солона и объ немъ молился: Ты хочешь прославиться дружбою мудраго человѣка и (покрыть забвѣніемъ свои пороки) загладить свои преступленія. Двумъ женщинамъ изъ Самоса, которыя обнимались (у оltаря) предъ жертвенникомъ: (Любовь къ наслажденіямъ соединяетъ васъ; но зависть кипитъ въ вашемъ сердцѣ... Ваша дружба есть не иное что, какъ любовь къ наслажденіямъ...). Не дружба, но любовь къ сладострастію васъ соединяетъ; зависть (наполняетъ) гнѣздится въ сердцахъ вашихъ и скоро (ненависть заступитъ ея мѣсто) уступить мѣсто непримиримой ненависти“.

„Наконецъ два сиракузца, (пиеагорейцы) послѣдователи Пиеагора, Дамонъ и Писеасъ, (пришли съ дарами) положили дары свои на оltарь Богини. Принимая (ваши обѣты) ихъ — сказала она — еще больше: оставляю жилище, оскверненное жертвами меня недостойными; отнынѣ сердца ваши будутъ моимъ храмомъ. Спѣшите показать Сиракузскому тирану, вселенной и потомству, что можетъ дружба въ (сердцахъ) душахъ великихъ, одаренныхъ моимъ (пламенемъ) могуществомъ“.

„Они возвратились въ Сиракузы. Діонисій, жестокій и несправедливый, по одному подозрѣнію, осудилъ на смерть Писеаса (Писеасъ имѣлъ важныя дѣла въ сосѣднемъ городѣ, которыхъ не могъ оставить безъ окончанія, просилъ тирана отпустить его, обѣщавъ воз-

¹⁾ Тамъ же, к. 7.

вратиться въ назначенный день. И поѣхаль—но Дамонъ остался на его мѣстѣ, готовый умереть за своего друга). Но важныя дѣла отзываютъ его въ сосѣдственный городъ; онъ просилъ позволенія ихъ кончить, клялся возвратиться къ назначенному дню. Дамонъ подтвердилъ его клятвы (остался на мѣстѣ своего друга), надѣлъ на себя цѣпи своего друга, и Писоіасъ поѣхаль“.

„Время проходить—Писоіаса нѣтъ. Между тѣмъ наступаетъ ужасный день, народъ собирается; винять, оплакиваютъ Дамона, который спокойно идетъ на (эшафотъ) смерть, слишкомъ увѣренный, что другъ его возвратится, и слишкомъ счастливый (есть ли), когда не возвратится! Уже приближалась роковая минута, вдругъ тысячи восклицаній наполняютъ воздухъ—явился Писоіасъ: онъ бѣжитъ, летитъ на мѣсто казни, видитъ мечъ надъ головой своего Дамона, стремится въ его объятія, они обливаютъ другъ друга слезами, спорятъ о смерти, какъ о благѣ—зрители тронуты; самъ тиранъ (смягченный, пораженный изумленіемъ, оставляетъ престолъ свой и осмѣливается предложить свое сердце симъ чуднымъ людямъ, героямъ истинной дружбы) спѣшитъ сойти съ престола и хочетъ имѣть участіе въ сей дружбѣ, единственной и прекрасной“ ¹⁾.

Подпись: *Бартелеми, Анахарзисъ.*

Статейка эта, дѣйствительно, заимствована изъ „Voyage du jeune Anacharsis en Grèce“, par J. J. Barthélemy, именно изъ LXXVIII главы. Привожу для сравненія отрывокъ подлинника:

Dans une des îles de la mer Egée, au milieu de quelques peupliers antiques, on avait autrefois consacré un autel à l'Amitié. Il fumait tous les jours d'un encens pur, et agréable à la déesse. Mais bientôt, entourée d'adorateurs mercenaires, elle ne vit dans leur coeur que des liaisons intéressées et mal assorties. Un jour elle dit à un favori de Croesus: Porte ailleurs tes offrandes; ce n'est pas à moi qu'elles s'adressent, c'est à la Fortune... Enfin deux Syracusains, Damon et Phintias, tous deux élevés dans les principes de Pythagore, vinrent se prosterner devant la déesse: Je reçois votre hommage, leur dit-elle; je fais plus, j'abandonne un asyle trop longtemps souillé par des sacrifices qui m'outragent, et je n'en veux plus d'autre que vos coeurs. Allez montrer au tyran de Syracuse, à l'univers, à la postérité, ce que peut l'amitié dans des ames que j'ai revêtues de ma puissance... Il court, il vole au lieu du supplice: il voit le glaive suspendu sur la tête de son ami;

¹⁾ Тамъ же, т. 7—7 обор.

et, au milieu des embrassements et des pleurs, ils se disputent le bonheur de mourir l'un pour l'autre. Les spectateurs fondent en larmes, le roi lui-même se précipite du trône et leur demande instamment de partager une si belle amitié ¹⁾.

Какъ видимъ, переводъ очень близокъ къ оригиналу. Искаженымъ оказалось имя второго изъ друзей: Phintias—Пинѳіасъ.

Разсказъ о дружбѣ Дамона и Финтія давно былъ знакомъ Жуковскому; какъ мы видѣли выше, въ гл. XXIX, нашъ поэтъ упоминаетъ о нихъ въ своей рѣчи о дружбѣ, произнесенной имъ въ Дружескомъ Литературномъ Обществѣ 27 февраля 1801 года.

Второе мѣсто въ „Примѣрахъ слога“ занимаетъ статейка *Потопъ*: „Для быстрыхъ коней не осталось поприща на землѣ, поглощенной водами. (Корабли не дерзали въ море, которое кипѣло и ярилось) Свирѣпное море сдѣлалось (ужаснымъ) неприступнымъ для кораблей мореходцевъ. Напрасно человекъ искалъ убѣжища на (горахъ и утесахъ) высотахъ горныхъ; тысячи потоковъ по нимъ стремились, и глухой шумъ водъ мѣшался съ воемъ вѣтровъ и грознымъ гуломъ грома. Черныя (тучи носились) бури шумѣли надъ ихъ вершинами; день казался ужасною ношю. Напрасно взоры искали мѣста, на которомъ должна была разцвѣсть заря; одни безконечные ряды облаковъ носились вокругъ горизонта; блѣдныя молніи (сверкали) вѣсь разсѣкали ихъ (мрачные) грозные и безчисленные сонмы; свѣтило дня помраченное, багровое, разливало тусклый свѣтъ; едва зрѣлся (кругъ) его шаръ, катящійся посреди новыхъ созвѣздій. (Видя, узрѣвши небесный безпорядокъ) При видѣ безпорядка небесъ, человекъ отчаялся въ спасеніи земли. (Не надѣясь найти, имѣть) Не находя въ самомъ себѣ послѣдняго утѣшенія добродѣтели, (мирнаго спокойствія невинности на краю гроба) невинности передъ концомъ ужаснымъ, онъ искалъ убѣжища въ объятіяхъ любви и дружбы, (искалъ) напрасно! Въ семь вѣкъ преступленій и ужасовъ чувства натуры (угасли) были забыты. Другъ оттолкнулъ своего друга, мать сына, супругъ супругу. Все, все (пожрали воды) поглощено водами. Грады, чертоги, величественныя пирамиды, торжественныя врата, обремененныя (добычами царей) трофеями царей, и вы, которые были достойны пережить разрушеніе самаго міра, тихіе гроты, мирныя рощи, скромныя хижины, убѣжища непорочности! Ни единого слѣда

¹⁾ Voyage du j. Anacharsis, Paris, 1804, t. VI, pp. 440—442; Leçons de littérature, P. 1804, t. I, Narrations, № 1, подъ заглавіемъ: L'Amitié, ou Damon et Phintias; Жуковский перевелъ весь помѣщенный въ Leçons отрывокъ.

человѣческой славы и щастія не осталось на землѣ въ оныя дни мщениа и гибели“¹⁾).

Подпись: *Бернарденъ де С. Пьеръ.*

Статейка представляет отрывокъ изъ „Etudes de la Nature“ Б. де С.-Пьеръ:

Les vastes plaines de la terre, inondées par les eaux, n'offrirent plus de carrière aux agiles coursiers, et celles de la mer en fureur cessèrent d'être navigables aux vaisseaux. En vain l'homme crut trouver une retraite dans les hautes montagnes. Mille torrents s'écoulaient de leurs flancs, et mêlaient le bruit confus de leurs eaux aux gémissements des vents et aux roulements des tonnerres. Les noires orages se rassemblaient autour de leurs sommets, et répandaient une nuit affreuse au milieu du jour. En vain il chercha dans les cieux le lieu où devait reparaître l'aurore; il n'aperçut autour de l'horizon que de longs files de nuages redoublés; de pâles éclaires sillonnaient leurs sombres et innombrables bataillons; et l'astre du jour, voilé par leurs ténébreuses clartés, jetait à peine assez de lumière pour laisser entrevoir dans le firmament son disque sanglant, parcourant de nouvelles constellations. Au désordre des cieux, l'homme désespéra du salut de la terre. Ne pouvant trouver en lui-même la dernière consolation de la vertu, celle de périr sans être coupable, il chercha au moins à finir ses derniers moments dans le sein de l'amour et de l'amitié. Mais dans ce siècle criminel, où tous les sentiments naturels étaient éteints, l'ami repoussa son ami, la mère son enfant, l'époux son épouse. Tout fut englouti dans les eaux; cités, palais, majestueuses pyramides, arcs de triomphe chargés des trophées des rois; et vous aussi, qui auriez dû survivre à la ruine même du monde, paisibles grottes, tranquilles bocages, humbles cabanes, asiles de l'innocence! Il ne resta sur la terre aucune trace de la gloire ou du bonheur des mortels, dans ces jours de vengeance où la nature détruisait ses propres monuments²⁾).

Третье мѣсто занимаетъ *Сраженіе при Рокруа*:

„Надлежало провести ночь въ виду непріятеля. Д'Ангиенъ, какъ бдительный полководецъ, заснулъ послѣдній, и сонъ его никогда не

¹⁾ Бумага Жуков., рук. № 16, л. 7 обор.—8.

²⁾ *B. de St.-Pierre*, Etudes de la nature, t. I, étude IV: Réponses aux objections contre la Providence, tirées du désordre du globe (Oeuvres complètes de J. H. Bernardin de Saint-Pierre, Paris, 1825, t. III, p. 171—172). Leçons de littérature, ibid., № 2, подъ заглавіемъ: „Le Deluge“; статья переведена полностью.

былъ столь безмятеженъ. Онъ спокоенъ, наканунѣ онаго рѣшительнаго дня, передъ первымъ сраженіемъ! Спокоенъ, и всѣ знаютъ, что на утро въ назначенный часъ надлежало пробудить сего новаго Александра, такъ естественно для него сіе состояніе! Смотрите, какъ онъ стремится къ побѣдѣ или на смерть! Пролетѣвъ изъ строя въ строй и ожививъ ратниковъ своимъ мужествомъ, онъ въ одно время сражаетъ правое крыло непріятеля, расширяетъ свое уже стѣсненное, соединяетъ разсыпанныхъ французовъ, гонитъ испанцевъ побѣждающихъ, разноситъ повсюду страхъ, погибель и сверкающимъ взоромъ своимъ изумляетъ бѣгущихъ отъ его ударовъ "... и т. д. ¹⁾

Подпись: *Боссюэтъ, Надиробное слово принцу Конде.*

Отрывокъ взятъ изъ извѣстнаго надгробнаго слова Боссюэта принцу Людовику II Конде Великому; Боссюэтъ рисуетъ идеализированный портретъ своего героя (отъ котораго принцъ Конде, выдающійся полководецъ, но отличавшійся крайней надменностью и жестокостью, былъ очень далекъ). Въ литературномъ отношеніи это была самая блестящая изъ Oraisons funèbres Боссюэта; ораторъ обозрѣваетъ здѣсь современныя военныя событія, изображаетъ боевыя подвиги принца Конде, даетъ художественныя характеристики тогдашнихъ дѣятелей.

Оригиналъ переведеннаго Жуковскимъ отрывка:

A la nuit qu'il fallut passer en présence des ennemis, comme un vigilant capitaine, le duc d'Enghien reposa le dernier; mais jamais il ne reposa plus paisiblement. A la veille d'un si grand jour, et dès la première bataille, il est tranquille, tant il se trouve dans son naturel; et on sait que le lendemain, à l'heure marquée, il fallut réveiller d'un profond sommeil cet autre Alexandre. Le voyez-vous comme il vole ou à la victoire ou à la mort? Aussitôt qu'il eut porté de rang en rang l'ardeur dont il était animé, on le vit presque en même temps pousser l'aile droite des ennemis, soutenir la nôtre ébranlée, rallier les Français à demi vaincus, mettre en fuite l'Espagnol victorieux, porter partout la terreur, et étonner de ses regards étincelans ceux qui échappaient à ses coups... ²⁾

Далѣе слѣдуютъ въ „Примѣрахъ слога“ такія статьи:

¹⁾ Рукон. № 16, л. 9.

²⁾ *Rossuet*, Oraison funebre de Louis de Bourbon prince de Condé (Oraisons funebres de Bossuet, Paris an X (1802), p. 232 — 233). Leçons de litt., *ibid.*, № 3, подъ заглавіемъ: „Bataille de Rocroi“.

4. *Дюге Труэнь побѣдитель на морскомъ сраженіи* (л. 9 обор.—10).

Начало: „Дюге Труэнь является! За нимъ летитъ побѣда) Дюге Труэнь приближается. За нимъ слѣдуетъ побѣда. Хитрость и мужество, искусство дѣйствій военныхъ и дерзость нападенія покоряють ему начальствующій корабль. Между тѣмъ сражаются отвсюду; страшная брань (царствуетъ) свирѣпствуетъ на обширномъ пространствѣ моря. (Между тѣмъ) Все смѣшивается: кормы спираются съ кормами, быстрые маневры пересѣваются маневрами; громы гремятъ. Дюге Труэнь спокойнымъ взоромъ наблюдаетъ за сраженіемъ“...

Конецъ: „О вы, правители народовъ, повелѣвающіе браней! (воззрите, устремите взоры) обратите взоры на сіе зрѣлище и содрогнитесь. Между тѣмъ Дюге Труэнь (преслѣдуетъ флотъ утраченный) стремится (летитъ) за утраченнымъ флотомъ; все бѣжитъ и разсыпается; волны покрыты обломками; наши пристани (покрываются добычами“.

Подпись: *Томасъ, Похвальное слово Дюге Труэню.*

Оригиналъ—отрывокъ изъ *Thomas, Éloge de René Duguay-Trouin:*

Il s'avance, la victoire le suit. La ruse et l'audace, l'impétuosité de l'attaque et l'habileté de la manoeuvre l'ont rendu maître du vaisseau commandant. Cependant l'on combat de tous côtés, sur une vaste étendue de mer règne le carnage. On se mêle: les proues heurtent contre les proues, les manoeuvres sont entrelacées dans les manoeuvres, les foudres se choquent et retentissent. Duguay-Trouin observe d'un oeil tranquille la face du combat...

Puisse le génie de l'humanité mettre souvent de pareils tableaux devant les yeux des rois qui ordonnent les guerres! Cependant, Duguay-Trouin poursuit la flotte épouvantée. Tout fuit, tout se disperse. La mer est couverte de débris; nos ports se remplissent de dépouilles¹⁾.

5. *Погребеніе Гиптія* (л. 10 об.—11 об.).

Начало: „Телемакъ, омывъ тѣло Гиптія благовонными водами, повелѣлъ соорудить костеръ (велѣлъ омыть... и соорудить... по его повелѣнію...). Огромныя сосны возстали подъ ударами сѣкиръ и скатились съ вершинъ горныхъ; дубы, сіи многолѣтныя сыны земли, которые такъ (противились бурямъ) гордо возносили главы свои къ

¹⁾ Oeuvres complètes de Thomas de l'Académie Française, tome I, Paris, an X (1802), pages 116—117. Leçons de lit., ibid., № 4, подъ заглавіемъ: „Combat et triomphe de Duguay-Trouin“.

небу, высокіе тополи, вязы, которыхъ верхи такъ зелены, которыхъ вѣтви такъ густы и пріятны для взора, мощныя буковыя деревья— (украшеніе дубравы) краса тѣнистыхъ рощей—пали на брегахъ рѣки Галеза“...

Окончаніе: „Тѣло (уже обратилось) Гиппиево (было уже истреблено) уже истребилось пламенемъ. Телемакъ оросилъ благовопіями пепель, еще дымящійся, (потомъ сокрыль) заключилъ его въ золотую урну, (обвитуя цвѣтами, которую) и увѣнчавъ ее цвѣтами, отнесъ къ Фалланту, (Онъ лежалъ) простертому на одрѣ бѣльзни, покрытому ранами и уже приближенному ко дверямъ мрачнаго ада“.

Подпись: *Фенелонъ, Телемакъ.*

Статья эта — близкій къ французскому подлиннику пересказъ отрывка изъ XIII книги „Les Aventures de Télémaque“ Фенелона. Начинается этотъ отрывокъ словами: *Ensuite Télémaque fit laver le corps dans des liqueurs odoriférantes; puis on prépara par son ordre un bûcher. Les grands pins, gémissant sous les coups de haches, tombent en roulant du haut des montagnes. Les chênes, ces vieux enfants de la terre, qui semblaient menacer le ciel; les hauts peupliers, les ormeaux, dont les têtes sont si vertes et si ornées d'un épais feuillage, les hêtres, qui sont l'honneur des forêts, viennent tomber sur le bord du fleuve Galèse...*

Конецъ переведеннаго Жуковскимъ отрывка: *Le corps était déjà consumé par les flammes. Télémaque lui-même arrosa de liqueurs parfumées les cendres encore fumantes; puis il les mit dans une urne d'or qu'il couronna de fleurs, et il porta cette urne à Phalante. Celui-ci était étendu, percé de diverses blessures; et, dans son extrême faiblesse, il entrevoyait près de lui les portes sombres des enfers ¹⁾.*

6. *Дюге Труэнъ съ однимъ (кораблемъ) судномъ (избавляется) уходитъ отъ двадцати (одного) англійскихъ военныхъ кораблей (его окружавшихъ).* Л. 11 обор.

Начало: „Ужасная опасность ожидаетъ Дюге-Труэня: двадцать военныхъ кораблей на него устремляются, тѣснятъ его и окружають. Уже одинъ истребленъ его громами, но торжество бесполезное!“...

Конецъ: „Онъ раздастъ повелѣнія. Повинуются въ молчаніи; всѣ паруса натянуты. Вѣтеръ вѣетъ, и корабль его съ чудесною быстро-

¹⁾ Oeuvres de Fenelon. Paris, 1843, t. III, p. 104; Leçons de littér., I, ibid., № 5, подъ загл.: „Funérailles d'Hippias“.

тою пролетѣвъ (мимо) посреди англичанъ, пораженныхъ изумленіемъ, исчезаетъ“.

Подпись: *Томасъ, Похв. слово Дюге-Труэню.*

Оригиналъ—отрывокъ изъ *Thomas, Éloge de René Duguay-Trouin*: Il va être exposé à un des plus grands périls où se soit jamais trouvé un homme de mer. Vingt-un vaisseaux de guerre fondent sur lui, l'attaquent et l'environnent. Déjà il en a mis un hors de combat; mais de quoi lui sert ce triomphe?..

Il donne des ordres, on obéit en silence; toutes ses voiles sont tendues, le vent s'élève, et son vaisseau s'échappe rapidement à travers les Anglois étonnés ¹⁾.

7. *Бѣгание, колесничное ристаніе и борьба на Олимпійскихъ играхъ* (лл. 12—14).

Начало: „(Какъ скоро) Судьи сѣли по мѣстамъ. (Одинъ) Герольдъ воскликнулъ (громогласно): Желающіе (заслужить, оспоривать побѣду въ бѣганьи) бѣгать (въ стадіи) да явятся. Ихъ явилось множество; стали въ (порядкѣ) одинъ рядъ (наблюдая порядокъ, назначенный по жребію), каждый (на свое мѣсто) занялъ мѣсто, назначенное жребіемъ. Герольдъ провозгласилъ (ихъ имена и мѣсто ихъ отечества) имена и отчины соперниковъ“...

Конецъ: „Въ послѣдній день праздниковъ надлежало увѣнчать побѣдителей... Въ самый день вѣнчанія атлеты принесли богамъ жертвы въ знакъ благодаренія. Ихъ имена (были записаны) внеслись въ публичные списки эллинцевъ, а сами они были великолѣпно угощаемы въ Пританеѣ (дали имъ великолѣпный праздникъ). Въ слѣдующіе дни побѣдители (они сами) давали праздники съ музыкою и съ плясками... Слѣдуя древнему обычаю, сіи люди, уже обремененные почестями на полѣ сраженія, (входятъ) возвращаются въ свое отечество со всей пышностію триумфа, предшествуемые и преслѣдуемые многочисленною толпою, въ пурпуровыхъ одеждахъ, на колесницахъ, везомыхъ двумя или четырьмя конями, (и вѣзжаютъ въ городъ) черезъ проломы, нарочно для нихъ въ городскихъ стѣнахъ дѣлаемые“...

Подпись: *Бартелеми, Анахарзисъ.*

Статья эта — близкій къ французскому подлиннику пересказъ от-

¹⁾ Oeuvres complètes de Thomas de l'Académie française, t. I, P. An X (1802), pages 112—113; Leçons de litt., I, ibid., № 6, подъ загл.: „Duguay-Trouin enveloppé, avec un seul bâtiment, par vingt-un vaisseaux de guerre ennemis, leur échappe“.

рывковъ изъ 38-й главы „Voyage du jeune Anacharsis en Grèce“, Бартеlemi. Для сравненія приведемъ соотвѣтствующія мѣста:

Quand les présidents eurent pris leurs places, un héraut s'écria: „Que les coureurs du Stade se présentent“. Il en parut aussitôt un grand nombre qui se placèrent sur une ligne, suivant le rang que le sort leur avait assigné. Le héraut récita leurs noms et ceux de leur patrie...

Le dernier jour des fêtes fut destiné à couronner les vainqueurs... Le jour même du couronnement, les vainqueurs offrirent des sacrifices en actions de grâces. Ils furent inscrits dans les registres publics des Éléens, et magnifiquement traités dans une des salles du Prytanée. Les jours suivants, ils donnèrent eux-mêmes des repas, dont la musique et la danse augmentèrent les agréments... Suivant l'ancien usage, ces hommes, déjà comblés d'honneurs sur le champ de bataille, rentrent dans leurs patrie avec tout l'appareil du triomphe, précédés et suivis d'un cortège nombreux, vêtus d'une robe teinte en pourpre, quelquefois sur un char à deux ou à quatre chevaux, et par une brèche pratiquée dans le mur de la ville ¹⁾).

8. *Тишина посреди океана* (л. 14 об.—15).

Начало: „Десять разъ всходило и заходило солнце, а вѣтеръ не усмирался. Наконецъ онъ утихъ, настаетъ совершенное спокойствіе. Воды, сильно разъяренныя, долго еще воздымаются; но мало-по-малу ихъ (морщины сравниваются) валы (оппадаютъ) мелѣютъ, (разстилаются), сравниваются, исчезаютъ (и корабль, какъ будто пригвожденный къ неподвижному морю, напрасно ищетъ въ воздухѣ... Нѣтъ дуновенія въ пространствѣ воздуха, которое...) Ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не потрясаетъ корабля, который кажется пригвожденнымъ къ неподвижному морю“...

Конецъ: „Первыя мученія голода сдѣлались опутительны. Страшный образъ тоски и бѣшенства: несчастные, простертыя на скамьяхъ, подъемлющіе къ небу руки съ воплями отчаянной горести, или въ неистовствѣ и забвеніи бѣгающіе по кораблю и зовущіе смерть къ себѣ на помощь“.

Подпись: *Мармонтель, Инки.*

Оригиналъ — отрывокъ изъ XXII главы I тома „Les Incas“ Мармонтеля. Переводъ очень близокъ къ подлиннику:

¹⁾ Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, par. J. J. Barthélemy, Paris, 1804, t. III, pp. 478—479, 507, 511, 512; Leçons de litt., I, ibid., № 8, подъ загл.: „La course à pied, la course des chars et la lutte dans les jeux solennels de la Grèce“.

Dix fois le soleil fit son tour, sans que le vent fût appaisé. Il tombe enfin; et bientôt après un calme profond lui succède. Les ondes, violemment émues, se balancent long-temps encore après que le vent a cessé. Mais insensiblement leurs sillons s'applanissent; et sur une mer immobile, le navir, comme enchaîné, cherche inutilement dans les airs un souffle qui l'ébranle; la voile, cent fois déployée, retombe cent fois sur les mâts...

Les premiers accès de la faim se font sentir sur le vaisseau: cruelle alternative de douleur et de rage, où l'on voyoit des malheureux étendus sur les bancs, lever les mains vers le ciel, avec des plaintes lamentables, ou courir éperdus et furieux de la proue à la poupe, et demander au moins que la mort vînt finir leurs maux ¹⁾.

9. *Приближение и ужасы урагана въ Иль-де-Франсъ* (л. 15 об.—16).

Начало: „Пламенное лѣто, которое бываетъ такъ ужасно въ странахъ, лежащихъ между тропиками, здѣсь явилось (со) все(мъ) (своимъ) свое могущество(мъ). При концѣ декабря, въ то время, (въ которое) когда солнце, вступивши въ знакъ козерога, (бросаетъ на Иль-де-Франсъ нѣсколько) цѣлыя три недели палить Иль-де-Франсъ вертикальными лучами, юго-восточный вѣтеръ, который дуетъ почти во весь годъ безпрестанно, совсемъ утихнулъ. Длинные столбы пыли взвивались вихрями по дорогамъ и висѣли на воздухѣ“...

Конецъ: „Передъ вечеромъ дождь пересталъ, свѣжій юго-восточный вѣтеръ началъ дуть снова. Бурныя облака (улетѣли, были брошены) пронеслись на сѣверо-западъ, и заходящее солнце явилось на горизонтѣ“.

Подпись: *Бернарденъ де С. Пьеръ, Павелъ и Виргинія.*

Оригиналъ—соединенные вмѣстѣ три небольшие отрывка изъ повѣсти Paul et Virginie Бернардена де Сень-Пьеръ.

Переводъ близко воспроизводитъ подлинникъ:

Un de ces étés qui désolent de temps à autre les terres situées entre les tropiques vint étendre ici ces ravages. C'était vers la fin de décembre, lorsque le soleil, au capricorne, échauffe pendant trois semaines l'Île-de-France de ses feux verticaux. Le vent du sud-est, qui y règne presque toute l'année, n'y soufflait plus...

Sur le soir la pluie cessa, le vent alizé du sud-est reprit son cours

¹⁾ Oeuvres complètes de Marmontel, Paris, 1787, t. XI, pp. 296 — 299. Leçons de litt., I, ibid., № 9, подъ загл.: „Calme au milieu de l'Océan“.

ordinaire, les nuages orageux furent jetés vers le nord-ouest, et le soleil couchant parut à l'horizon ¹⁾.

10. *Сонъ Марка Аврелія* (л. 16).

Начало: „Я размышлялъ о тѣлесныхъ и душевныхъ страданіяхъ: ночь уже царствовала повсюду; сонъ обременялъ мои вѣжды; я нѣсколько времени съ нимъ боролся, наконецъ изнуренный долженъ былъ уступить, заснулъ и таинственное сновидѣніе мнѣ представилось. Я увидѣлъ себя во храмѣ обширномъ и величественномъ, посреди людей, которыхъ лица поразили меня изумленіемъ и казались божественными. Хотя я никогда, нигдѣ съ ними не встрѣчался, черты ихъ были мнѣ знакомы: я вспомнилъ, что много разъ смотрѣлъ на ихъ статуи, воздвигнутыя въ Римѣ. (Грозный голосъ) Я стоялъ въ размышленіи, какъ вдругъ ужасный и сильный голосъ воскликнулъ: *Смертные, научайтесь страданію!* Въ сію минуту передъ однимъ явился пламень — онъ положилъ въ него руку. Другому подали ядъ, онъ выпилъ его и принесъ благодареніе богамъ“...

Конецъ: „Окруженный сими великими страдальцами, я пролилъ слезы; они изумились. Одинъ изъ нихъ, Катонъ, ко мнѣ приблизился и сказалъ: «Не (сожалѣй объ насъ) плачь, но подражай намъ; и ты долженъ научиться побѣждать страданіе». Между тѣмъ онъ готовъ былъ вонзить остріе кинжала (который держалъ, имѣлъ въ рукѣ) въ свое сердце; я хотѣлъ (удержать его) остановить его руку, (содрогнулся) затрепеталъ и пробудился. Тогда, размышл(я)ивъ о семъ чудесномъ сновиденіи, заключилъ я, что мнимыя бѣды не должны устрашать моего мужества, рѣшился быть человекомъ, (страдать и дѣлать добро, быть добродѣтельнымъ) терпѣть и утѣшать себя добродѣтелию“.

Подпись: *Томасъ, Похвальное слово Марку Аврелію.*

Оригиналъ—отрывокъ изъ *Thomas, Éloge de Marc-Aurèle*:

J'examinai les maux physiques, je n'y aperçus que l'effet inévitable des lois de l'univers. Bientôt je voulus méditer sur la douleur; la nuit étoit déjà avancée; le besoin du sommeil fatiguoit ma paupière; je luttais quelque temps; enfin, je fus obligé de céder, et je m'assoupis; mais dans cet intervalle, je crus avoir un songe; il me sembla voir dans un vaste portique une multitude d'hommes rassemblés; ils avoient tous

¹⁾ Paul et Virginie, par B. de Saint-Pierre, Lpz. 1845, pp. 43—45; Leçons de litt., I, ibid.. № 10, подъ загл.: „Symptômes et ravages d'un ouragan à l'Île-de-France“.

quelque chose d'auguste et de grand. Quoique je n'eusse jamais vécu avec eux, leurs traits pourtant ne m'étoient pas étrangers, je crus me rappeler que j'avois souvent contemplé leurs statues dans Rome. Je les regardois tous, quand une voix terrible et forte retentit sous le portique: *mortels, apprenez à souffrir*. Au même instant, devant l'un je vis s'allumer des flammes, et il y posa la main; on apporta à l'autre du poison, il but, et fit une libation aux dieux...

Environné de tous ces grands hommes malheureux, je versois des larmes; ils parurent étonnés. L'un d'eux, ce fut Caton, approcha de moi et me dit: ne nous plains pas, mais imite-nous; et toi aussi, apprends à vaincre la douleur. Cependant il me parut prêt à tourner contre lui le fer qu'il tenoit à la main; je voulus l'arrêter; je frémis et je m'éveillai. Je réfléchis sur ce songe, et je conçus que ces prétendus maux n'avoient pas le droit d'ébranler mon courage: je résolus d'être homme, de souffrir et de faire le bien ¹⁾.

11. *Тиранство и доносы въ Римъ* (л. 16 об.—17).

Начало: „Жестокость являлась подъ видомъ справедливости, когда тираны обнаруживали тайну заговора или торжествовали надъ возмущениемъ; тогда государственная причина оправдывала убійства“...

Конецъ: „... забывъ его навсегда, (незнакомаго) незнающаго ни преступленія своего ни обвинителя, лишеннаго свободы, которой прелестный образъ уже никогда не оживить его сердца, лишеннаго подпоры законовъ, безмолвныхъ и неслышимыхъ во мракъ (темничномъ) заточенія“.

Подпись: *Томасъ, Пох. слово М. Аврелию.*

Оригиналъ—отрывокъ изъ Thomas, *Éloge de Marc-Aurèle*:

Je voudrois pouvoir mettre ici sous vos yeux ces temps de vos annales où vos tyrans découvroient une conspiration, ou triomphoient d'une revolte. Vous vous en souvenez: la proscription étoit un droit, la raison d'état justifioit la meurtre ²⁾...

12. *Паденіе Протезилая* (л. 17 об.—18).

Начало: „Эгезиппъ пошелъ къ Протезилаю въ домъ, не столь великолѣпный, какъ царскій, но пріятнѣйшій и построенный съ большимъ вкусомъ; Протезилая (употребилъ) расточилъ на него (большія) несмѣтныя суммы, орошенныя кровію и слезами несчастныхъ“...

¹⁾ Oeuvres complètes de Thomas, Paris, an X (1802), t. II, pp. 19—21; *Leçons de litt.*, I, *ibid.*, № 11, подъ загл. „Songe de Marc-Aurèle“.

²⁾ Тамъ же, р. 45; *Leçons de litt.*, I, *ibid.*, № 12, подъ загл. „La tyrannie et les délations à Rome“.

Конецъ: „При сихъ словахъ надменность Протезилая пала. Какъ (утесъ, оторвавшись отъ горы крутой) камень, скатившись съ высоты горной, онъ лежитъ у ногъ Эгезиппа; онъ плачетъ, (онъ страдаетъ), трепещетъ, говоритъ зыкаясь, объѣмлетъ колена сего человѣка, котораго, за часъ передъ симъ, не удостоивать ни единого взгляда. Всѣ, пресмыкавшіеся предъ нимъ за минуту, видя его погибшаго, (въ минуту) мгновенно перемѣняютъ видъ свой и вмѣсто лѣсти обремѣняютъ его (упреками) поношеніемъ и укоризнами“.

Подпись: *Фенелонъ, Телемакъ.*

Отрывокъ взятъ изъ XI книги „Les Aventures de Télémaque“. Переводъ близокъ къ подлиннику:

Négésippe se hâta d'aller prendre Protésilas dans sa maison: elle était moins grande, mais plus commode et plus riante que celle du roi; l'architecture était du meilleur goût; Protésilas l'avait ornée avec une dépense tirée du sang des misérables, etc. ¹⁾.

13. *Клазомень или страждущая добродѣтель* (л. 18).

„Клазомень испыталъ всѣ (горести) бѣдствія человѣчества. (Болезни отравили юность его...) Юношескія радости его увяли въ болѣзняхъ, постигшихъ его еще въ колыбели. Будучи опредѣленъ для чувствительнѣйшихъ горестей, онъ въ самой нищетѣ сохранилъ гордость и честолюбіе. Друзья забыли его въ несчастіи. Оскорбленія поразили его добродѣтель; онъ былъ обиженъ и лишенъ возможности отличать оскорбителя. Ни дарованія, ни трудолюбіе неуспынное, ни страстная любовь къ добру, ничто не смягчило жестокой его участи; самая мудрость не (избавила его) предохранила его отъ незагладимыхъ проступковъ. Онъ терпѣлъ несчастія и незаслуженныя и неосторожностію на него навлеченныя. Въ то самое время, когда фортуна, казалось, (нѣсколько) утомилась его преслѣдовать, онъ похищенъ смертію; сокрылся во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ, и умирая мучился горестною мыслію, что послѣ него не останется довольно имущества для заплаты его долговъ. Добродѣтель его не спаслась отъ сего нареканія. Скажите, найдется ли подобная сей участь? Кто изъяснить мнѣ, почему искусные игроки нерѣдко разоряются отъ игры, а неискусные (скопляють сокровища) богатѣють? Отъ чего въ иные годы нѣтъ ни весны ни (лѣта) осени, и плоды увядаютъ въ своемъ цвѣтѣ? Со всемъ тѣмъ Клазомень не согласился бы отдать своихъ (несча-

¹⁾ Oeuvres de Fenelon, Paris 1843, t. III, p. 82; Leçons de litt., I, ib., № 13, подъ загл.: „Disgrace de Protésilas“.

стей) бѣдствій за щастіе слабаго. Фортуна можетъ играть мудростію добродѣтельнаго человѣка, но (поколебать его мужества ей никогда... поколебать не въ состояніи) вся напряженная сила ея не поколеблетъ его мужества“.

Подпись: *Вовенаргъ.*

Статейка эта представляетъ переводъ главы 9-й изъ „Характеровъ“ Вовенарга. Въ подлинникѣ читаемъ:

9. *Clazomène ou la vertu malheureuse.* Clazomène a eu l'expérience de toutes les misères de l'humanité. Les maladies l'ont assiégé dès son enfance, et l'ont sevré dans son printemps de tous les plaisirs de la jeunesse. Né pour les plus grands déplaisirs, il a eu de la hauteur et de l'ambition dans la pauvreté. Il s'est vu dans ses disgraces méconnu de ceux qu'il aimait. L'injure a flétri sa vertu; et il a été offensé de ceux dont il ne pouvait prendre de vengeance. Ses talents, son travail continuel, son application à bien faire, n'ont pu fléchir la dureté de sa fortune. Sa sagesse n'a pu le garantir de faire des fautes irréparables. Il a souffert le mal qu'il ne méritait pas, et celui que son imprudence lui a attiré. Lorsque la fortune a paru se lasser de le poursuivre, la mort s'est offert à sa vue. Ses yeux se sont fermés à la fleur de son âge; et quand l'espérance trop lente commençait à flatter sa peine, il a eu la douleur insupportable de ne pas laisser assez de bien pour payer ses dettes, et n'a pu sauver sa vertu de cette tache. Si l'on cherche quelque raison d'une destinée si cruelle, on aura, je crois, de la peine à en trouver. Faut-il demander la raison pourquoi des joueurs très-habiles se ruinent au jeu, pendant que d'autres hommes y font leur fortune? ou pourquoi l'on voit des années qui n'ont ni printemps ni automne, où les fruits de l'année sèchent dans leur fleur? Toutefois qu'on ne pense pas que Clazomène eût voulu changer sa misère pour la prospérité des hommes faibles. La fortune peut se jouer de la sagesse des gens vertueux; mais il ne lui appartient pas de faire fléchir leur courage ¹⁾.

14. *Затмѣніе солнца въ Перу* (л. 18 об.—19).

Начало: „Свѣтило, (обожженное въ сихъ странахъ) божество сего климата, вдругъ помрачилось посреди неба яснаго и спокойнаго; незапно (мрачная) черная ночь покрыла землю“...

Конецъ: „Божество ихъ, окруженное всѣми лучами своими, на

¹⁾ Oeuvres complètes de Vauvenargues, Paris, 1806, t. I, p. 227—228 (Caractères, 9); Leçons de litt., I, *ibid.*, № 14.

самой высотѣ неба, вдругъ исчезаетъ: и причина и продолженіе сего чуда имъ неизвѣстны. Городъ Квито, городъ солнца Куско, воинство обоихъ инковъ, все въ уныніи, все трепещетъ и терлетъ мужество“.

Подпись: *Мармонтель, Инки.*

Оригиналъ—отрывокъ изъ XXXV главы (tome II) „Les Incas“, par M. Marmontel. Переводъ близокъ къ подлиннику, какъ видно изъ сличенія:

L'astre adoré dans ces climats s'obscurcit tout à coup au milieu d'un ciel sans nuage. Une nuit soudaine et profonde investit la terre...

Dans une pleine sérénité, au moment où leur Dieu, dans toute sa splendeur, s'élève au plus haut de sa sphère, il s'évanouit! et la cause de ce prodige, et sa durée, ils l'ignorent profondément. La ville de Quito, la ville du Soleil, Cusco, les camps des deux Incas, tout gémit, tout est consterné ¹⁾.

15. *Нещастія 1709 года и челоѣколюбіе Фенелона* (л. 19 об.—20).

Начало: „Оно еще не изгладилось изъ памяти нашей, сіе ужасное бремя бѣдствій, сей гибельный годъ, злополучнѣйшая эпоха при концѣ царствованія Людовикова,—сей годъ, въ который небо, казалось, хотѣло наказать Францію за надменность ея величія, хотѣло помрачить сіе столѣтіе въ ея лѣтописяхъ“...

Конецъ: „О! Кто не тронется во глубинѣ сердца, видя сего челоѣка, почтеннаго своими лѣтами, своимъ саномъ, своимъ просвѣщеніемъ, сего божественнаго смертнаго, подобнаго генію-благотворителю, стоящаго посреди сихъ нещастныхъ, подъемлющихъ къ нему руки съ благословіями, подающаго имъ помощь и отраду и самымъ трогательнымъ примѣромъ подтверждающаго свои трогательныя наставленія въ добродѣтели“.

Подпись: *Лагарпъ, Поэв. слово Фенелону.*

Оригиналъ—отрывокъ изъ Éloge de François de Salignac de la Motte-Fenelon, par La Harpe:

Elle n'est point effacée de notre mémoire cette époque désastreuse et terrible, cette année, la plus funeste des dernières années de Louis XIV, où il semblaît que le ciel voulût faire expier à la France ses prospérités orgueilleuses, et obscurcir l'éclat du plus beau règne qui eut encore illustré ses annales...

¹⁾ Oeuvres complètes de Marmontel, P. 1787, t. XII, pp. 57—59; Leçons de litt., I, ib., № 15, подъ зарг.: „L'éclipse du soleil au Pérou“

Oh! comment se défendre de quelque attendrissement, en voyant cet homme vénérable par son âge, par son rang, par ses lumières, tel qu'un génie bienfaisant au milieu de tous ces malheureux qui le bénissent, distribuer les consolations et les secours, et donner les plus touchans exemples de ces mêmes vertus dont il avait donné les plus touchantes leçons! ¹⁾.

16. *Буря и змѣнная пещера въ Перу* (л. 20—21).

Начало: „Грозный отдаленный шумъ (предвѣщаетъ) предшествуетъ боровію вѣтровъ. Они (устремляются) со всѣхъ сторонъ съ ужаснымъ свистомъ поднимаются. Густая ночь покрываетъ небо и смѣшиваетъ его съ землею. Молнія, быстрыми огненными браздами разсѣкая чернѣйшій покровъ, усугубляетъ его мрачность“...

Окончаніе: „Между тѣмъ утреннее блистаніе (рождавшагося) дня оживляло лѣса и равнины. Казалось, что небо, съ ними примиренное, (улыбалось на нихъ съ милосердіемъ и любовью) смотрѣло на нихъ съ улыбкою милосердія и любви. Животныя, которыхъ буря пощадила, начинали наслаждаться жизнью; птицы и дикіе звѣри забыли прошедшій ужасъ: благодѣтельный даръ природы—скорое забвеніе несчастій, въ которомъ она одному человѣку отказала“.

Подпись: *Мармонтель, Инки.*

Статейка представляетъ, близкій къ подлиннику пересказъ отрывка изъ XX главы (I тома) „Les Incas“ Мармонтеля:

Un murmure profond donne le signal de la guerre que les vents vont se déclarer. Tout à coup leur fureur s'annonce par d'effroyables, sifflemens. Une épaisse nuit enveloppe le ciel, et le confond avec la terre; la foudre, en déchirant ce voile ténébreux, en redouble encore la noirceur...

Le ciel sembloit avoir fait la paix avec la terre, et lui sourire en signe de faveur et d'amour. Tout ce qui respiroit encore, recommençoit à jouir de la vie, les oiseaux, les bêtes sauvages avoient oublié leur effroi; car le prompt oubli des maux est un don que la nature leur a fait, et qu'elle a refusé à l'homme ²⁾.

17. *Изверженіе волкана* (л. 21 об.—22).

Начало: „(Вдругъ) Внезапно тишина ночи прерывается ужаснымъ

¹⁾ Oeuvres de m-r de La Harpe revues et corrigées par l'auteur, Yverdon, 1777, t. II, p. 67—68; Leçons de litt., I, ib., № 16, подъ загл.: „Les fléaux de 1709; l'humanité de Fenelon“.

²⁾ Oeuvres compl. de Marmontel, P. 1787, t. XI, pp. 266—271; Leçons de litt., I, ib., № 17, подъ загл.: „L'Orage, et la Caverne des Serpens au Pérou“.

шумомъ; слы(шится)шень отдаленный ревъ моря (воздымающаго свои валы и въ берега ударяющаго), которое надулось, всколебалось (и къ берегамъ устремило) и ударило въ берега своими волнами. Въ глубокихъ подземельяхъ раздались глухіе удары, земля содрогнулась. Вдругъ ближняя гора съ трескомъ разверзается, и пламенный столбъ стремится изъ жерла ея“...

Конецъ: „Люди, пораженные страхомъ, унылые, стѣсненные въ узкомъ пространствѣ, до котораго пламя не досягнуло, подъемлютъ руки къ небу, (единственному своему защитнику и возсылаютъ молитвы) молятъ о пощадѣ Всемогущаго Повелителя морей и громовъ. Молитва непродолжительна и трогательна; они многократно возобновляютъ ее, всякой разъ съ новымъ, сильнѣйшимъ чувствомъ; какъ будто желаютъ пробудить слухъ Божества и тронуть Его милосердіе: сильныя чувства, ихъ волнующія, страхъ, отчаяніе, безпокойство, живо изображаются въ ихъ вопляхъ, голосѣ“...

Подпись: *Ласепедъ, Поэзія музыки.*

Оригиналъ—отрывокъ изъ первой главы первой книги сочиненія *La poétique de la musique, par m. le comte De Lacedède* (глава эта озаглавлена *De l'origine de la musique*):

Tout-à-coup, au milieu du silence de la nuit, un bruit affreux retentit à leurs oreilles; ils entendent de loin la mer mugir, et rouler vers le rivage ses ondes amoncelées; les souterrains profonds sont frappés à coupes redoublés, la terre tremble sous leurs pas; ils courent pleins d'effroi au milieu des ténèbres épaisses. Une montagne voisine s'entr'ouvrant avec effort, lance au plus haut des airs une colonne ardente...

Consternés, saisis d'effroi, pressés dans le seul espace où les flammes ne sont pas parvenues, les mains élevées vers le ciel qui seul peut les secourir, les hommes adressent alors leurs ardentes prières à celui qui commande à la mer et à la foudre. Leur prière est courte, mais touchante; ils la recommencent souvent, ei chaque fois avec un ton plus pénétré; ils cherchent, en quelque sorte, a faire parvenir leurs voix jusques à l'être dont ils implorent la clémence: tous les signes des passions qui les agitent, de l'effroi, de la vive inquiétude, de la désolation, se mêlent aux sons qu'ils profèrent et qu'ils soutiennent avec efforts ¹).

¹) *La Poétique de la Musique, par M. le Comte De Lacedède, Paris 1785, t. I,*

18. *Зараза въ Афинахъ* (л. 22—23).

Начало: „Никогда (сей ужасный бичъ) язва сія не опустошала столькихъ климатовъ въ одно время. Она (поразила) протекла Египцію, Египеть, Ливію, часть Персіи, островъ Лемнось и другія (мѣста) земли. (Корабль) Купеческое судно принесло ее въ Пирей, откуда она распространилась по всему городу и особенно заразила сіи мрачныя и смрачныя жилища, въ которыхъ обитатели сель (ствѣняются) собираются“...

Конецъ: „По истеченіи двухъ лѣтъ язва нѣсколько успокоилась. Но скоро она явилась въ новой силѣ, свирѣпствовала цѣлый годъ, и тѣ же сцены ужаса и горести возобновились. Во все ея продолженіе погибло множество гражданъ, между прочимъ пять тысячъ мужей, способныхъ носить оружіе; и (что всего несчастіе, самъ Перикль, который) съ ними человекъ, котораго потеря ничемъ не могла замѣниться, Перикль, умершій въ третій годъ войны отъ слѣдствій сей болѣзни“.

Подпись: *Бартелеми, Анахарзисъ.*

Оригиналъ—отрывокъ изъ I тома „Voyage du jeune Anacharsis en Grèce“:

Jamais ce fléau terrible ne ravagea tant de climats. Sorti de l’Ethiopie, il avait parcouru l’Egypte, la Libye, une partie de la Perse, l’île de Lemnos, et d’autres lieux encore. Un vaisseau marchand l’introduisit sans doute au Pirée, où il se manifesta d’abord; de là il se répandit avec fureur dans la ville...

Au bout de deux ans, la peste parut se calmer. Pendant ce repos, on s’aperçut plus d’une fois que le germe de la contagion n’était pas détruit: il se développa dix-huit mois après; et, dans le cours d’une année entière, il remena les mêmes scènes de deuil et d’horreur. Sous l’une et sous l’autre époque, il périt un très-grand nombre de citoyens, parmi lesquels il faut compter près de cinq mille hommes en état de porter les armes. La perte la plus irréparable fut celle de Périclès, qui, dans la troisième année de la guerre, mourut des suites de la maladie ¹⁾.

pp. 25—27; Leçons de litt., I, ib., № 18, подъ загл.: „L’éruption d’un volcan et ses ravages“.

¹⁾ Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, par Barthélemy, Paris, 1804,—introductions au voyage, part. II, sect. III, pp. 500—505; Leçons de litt., I, ibid., № 19, подъ загл.: „La peste d’Athènes“.

19. *Смерть Марка Аврелія* (л. 23 об.—24).

Начало: „Кто изъ васъ, о граждане Рима, не желалъ сему великому человѣку безсмертія, или не просилъ отъ боговъ продолжительной старости? Увы! сіи благотворныя души такъ рѣдки, и земля наслаждается ими такъ мало!“...

Конецъ: „Всѣ друзья сего великаго человѣка, всѣ вожди воинства оступили его ложе. Лице его было блѣдно, взоры тусклы, уста уже мертвы. Но мы замѣтили нѣжное безпокойство, на челѣ его изображенное. Для тебя, о государь, [Коммодъ] оживился онъ на минуту! Умиращая рука его представила тебя симъ старцамъ, при немъ служившимъ; онъ поручилъ имъ твою молодость! Будьте ему вмѣсто отца—сказалъ онъ.—Ахъ! Будьте ему вмѣсто отца. Тогда онъ далъ тебѣ послѣднія свои наставленія, такія наставленія, какія одинъ умирающій Маркъ Аврелій можетъ дать своему сыну, и скоро потомъ Римъ и вселенная потеряли (лишились) его“.

Подпись: *Томасъ, Похв. слово Марку Аврелію.*

Оригиналъ—отрывокъ изъ *Thomas, Eloge de Marc-Aurèle*:

Qui de vous, Romains, ne faisoit alors des vœux pour que ce grand homme fût immortel, ou que les dieux lui accordassent du moins une longue vieillesse? Quoi! les âmes bienfaisantes sont si rares, et la terre en jouit si peu!..

Tous les amis de ce grand homme, et les principaux de l'armée, vinrent se ranger autour de lui; il étoit pâle, ses yeux presque éteints, et ses lèvres à demi glacées; cependant nous remarquâmes tous une tendre inquiétude sur son visage. Prince, il parut se ranimer un moment pour toi; sa main mourante te présenta à tous ces vieillards qui avoient servi sous lui; il leur recommanda ta jeunesse. „Servez-lui de père, leur dit-il: ah! servez-lui de père“. Alors il te donna des conseils tels que Marc-Aurèle, mourant, devoit les donner à son fils; et bientôt après, Rome et l'univers le perdirent ¹⁾.

20. *Смерть Тюреня* (л. 24).

Начало: „Тюрень умираетъ—все смущается, Фортуна колеблется, Побѣда медлитъ, Миръ спѣшитъ удалиться, союзники въ нерѣшимости, мужественные воины, убитые печалію, оживлены однимъ мщеніемъ; лагерь неподвиженъ. Раненые забыли о ранахъ и помнить объ одной потерѣ своей“...

¹⁾ Oeuvres complètes de Thomas, Paris, 1802, t. II, pp. 47—50; Leçons de litt., I, ib., № 20, похв загл.: „La mort de Marc-Aurèle“.

Конецъ: „Тамъ вмѣсто побѣднаго торжества готовятъ для него почести погребенія; всѣ устремили взоры на сію жизнь, столь славную и прелѣстную и увы, столь внезапно пресѣченную; всѣ хотятъ (хвалить) усладить свою печаль хваленіемъ; и всѣ прерываемые слезами и вздохами, чюдятся протекшему, сожальютъ о настоящемъ и трепещутъ будущаго. Такъ цѣлая земля оплакиваетъ своего (защитника) хранителя, и потеря единаго человѣка есть бѣдствіе всеобщее“.

Подпись: *Флешье, Надгробное слово Тюреню.*

Оригиналъ—отрывокъ изъ Oraison funèbre de très-haut et très-puissant prince Henry de la Tour d'Auvergne, vicomte de Turenne, prononcée à Paris le 10 Janvier 1676, par Esprit Flechier:

Turenne meurt, tout se confond, la Fortune chancele, la victoire se lasse, la paix s'éloigne, les bonnes intentions des alliés se rallentissent, le courage des troupes est abattu par la douleur, et ranimé par la vengeance; tout le camp demeure immobile. Les blessés pensent à la perte qu'ils ont faite, et non aux blessures qu'ils ont reçues...

Là on lui dresse une pompe funèbre, où l'on s'attendait de lui dresser un Triomphe. Chacun choisit l'endroit qui lui paroît le plus élatant dans une si belle vie. Tous entreprennent son éloge; et chacun s'interrompant lui-même par ses soupirs et par ses larmes, admire le passé, regrette le présent, et tremble pour l'avenir. Ainsi tout le royaume pleure la mort de son défenseur; et la perte d'un homme seul est une calamité publique ¹⁾.

21. *Первый человекъ въ первыя минуты бытія своего* (лл. 24 об.—27 об.).

Начало: „И теперь еще помню сію минуту радости и смятенія, сію минуту, въ которую ощутилъ я, въ первый разъ, чудесное бытіе свое, не знаяши, кто я, гдѣ и откуда?“

„Открываю глаза: новое, сильнѣйшее чувство! Сіяніе дня, сводъ неба, прелестная зелень, свѣтлая вода, все меня занимаетъ, веселить и наполняетъ душу мою неизъяснимымъ чувствомъ удовольствія...“

„Пораженный, печальный, размышляю о сей чудесной переменѣ, и вдругъ слышу звуки. Пѣніе птицъ...“

¹⁾ Recueil des oraisons funèbres prononcées par messire Esprit Flechier. Paris, 1740, pages 194—196; Leçons de litt., I, ib. № 21, подъ загл.: „Mort de Turenne“.

„Занявшись совершенно симъ бытіемъ новаго рода, забываю о свѣтѣ...

„Смотрю на множество различныхъ предметовъ и скоро замѣчаю, что могу терять ихъ и снова находить...

„Я уже не смущаясь начиналъ наслаждаться зрѣніемъ и слухомъ...

„Движимый сими разнообразными ощущеніями, волнуемый удовольствіями сего бытія столь прелестнаго...

„Кладу руку на голову...

„Каждая часть моего тѣла отвѣчаетъ мнѣ чувствомъ на чувство...

„Скоро замѣчаю, что сія способность ощущать...

„Смотрю на свое тѣло; нахожу его столь великимъ...

„Долго разсматриваю себя со вниманіемъ, съ удовольствіемъ, слѣдую глазами за рукою...

„Начинаю подозрѣвать, что чувство, зрѣніемъ производимое, обманчиво...

„Сія предосторожность была небезполезна. Иду впередъ, поднявъ голову къ небу, (встрѣчаюсь съ пальмовымъ деревомъ) нахожу на пальму, пугаюсь...

„Пораженный симъ новымъ изъ всѣхъ важнѣйшимъ для меня открытіемъ, долго не могу успокоиться...

„Хочу ко всему прикоснуться, хочу осязать солнце...

„При каждомъ новомъ опытѣ изумляюсь: всѣ предметы кажутся равно ко мнѣ близкими...

„Занимаюсь собою, тѣмъ, что я былъ, что буду, и безпрестанныя противорѣчія погружаютъ меня въ уныніе...

„Сажу подъ тѣнію прекраснаго дерева; плоды краснаго цвѣта кистями висятъ надъ моею головою...

„Приближаю плодъ къ своимъ глазамъ, разсматриваю цвѣтъ его и образъ...

„Какая сладость! какое новое ощущеніе! Прежде я имѣлъ одни удовольствія, теперь узнаю чувство роскоши...

„Гордясь своимъ могуществомъ, подстрекаемый удовольствіемъ, срываю другой, третій плодъ, радуюсь движеніямъ руки моей...

„Сонъ мой былъ глубокъ...

„Сіе кратковременное уничтоженіе...

„Новое безпокойство во мнѣ рождается...

Конецъ: „Въ сію минуту свѣтило дня, приближенное къ концу своего поприща, угасло. Не примѣчаю, что зрѣніе мое (помрачается)

затмѣвается, не боюсь ничтожества; бытіе мое утвердилось, и мракъ уже не возбуждаетъ во мнѣ той идеи, которая съ первымъ сномъ возбудилась въ душѣ моей“.

Подпись: *Бюффонъ, (Натуральн...) О человекѣ.*

Оригинал—отрывокъ изъ *Histoire naturelle de l'homme* Бюффона:

Je me souviens de cet instant plein de joie et de trouble où je sentis, pour la première fois, ma singulière existence: je ne savois ce que j'étois, où j'étois, d'où je venois.

J'ouvris les yeux: quel surcroît de sensation! la lumière, la voûte céleste, la verdure de la terre, le crystal des eaux, tout m'occupoit, m'animoit, et me donnoit un sentiment inexprimable de plaisir, etc. ¹⁾.

Этою статьею заканчивается отдѣлъ „повѣствованій“; всѣ они перечислены въ сохранившемся оглавленіи (листь 39), и всѣ, какъ видно изъ этого оглавленія, и уцѣлѣли въ данной рукописи. Жуковский цѣликомъ воспроизвелъ отдѣлъ „Narrations“ своего источника.

Слѣдующій отдѣлъ „Примѣровъ слога“ долженъ былъ носить названіе: „Картины“; составъ этого отдѣла проектировался такой, судя по оглавленію (та же рукопись, л. 39):

1. Достоинство человекѣа, возвышенность его натуры. *Бюффонъ.*
2. (Начало и пружины) Происхожденіе человекѣской дѣятельности. *Вольней.*
3. (Добродѣтельный въ несчастіи). Смерть Сократова. *Томасъ.*
4. Сюлли въ удаленіи отъ двора. *Томасъ.*
5. Скромность Тюрена. *Флешье.*
6. Тюрень (побѣдитель умиленный предъ Богомъ) въ минуту сраженія и побѣды. *Маскаронъ.*
7. (Образъ жизни Фенелона) Фенелонъ въ Камбрѣ. *Лагарнь.*
8. Земля въ гармоніи трехъ царствъ природы. *Ж. Ж. Руссо.*
9. Натура дикая и натура обработанная. *Бюффонъ.*
10. Лѣса и жители холодныхъ климатовъ. *Ласенедъ.*
11. Природа въ Южной Америкѣ. *Ласенедъ.*
12. Изображеніе прекрасной ночи въ пустыняхъ новаго міра. *Шатобрианъ.*

¹⁾ *Histoire naturelle générale et particulière* par *Leclerc Buffon*, rédigé par C. S. Sonnini, Paris, an VIII, tome XX, pp. 51 ss.; *Leçons de litt.*, I, *ibid.*, № 22, подъ загл.: „Le premier Homme fait l'histoire de ses premiers mouvements, ses premières sensations, ses premiers jugemens, après la creation“.

13. Великій полководецъ и его воинство въ минуту сраженія.
Лагартъ.

(14. Тотъ же предметъ, рассматриваемый съ другой точки зрѣнія.
Маскаронъ).

14. Поклоненіе огню. *Балли.*

(15. Огнедышущая гора въ Квито. *Мармонтель*).

(16. Паденіе Ніагары. *Шатобрианъ*).

15. Темпейская Долина. *Бартелеми.*

16. (Сельской патріархъ при захожденіи солнца. *Рейракъ*).

(Рудники и ихъ...) Рудокопы. *Ж. Ж. Руссо.*

(Кузнецы. *Г-жа Севиньи*).

(Простая и щастливая жизнь обитателей острова Крита. *Фенелонъ*).

17. Нравы, (единодушіе, связь) союзъ и щастіе семействъ въ Сѣ-
верной Америкѣ. *Реналь.*

18. Мельерійскіе утесы. *Ж. Ж. Руссо.*

19. Лилія и Роза. *С.-Пьеръ.*

20. Ничтожность человѣческ(ой силы)аго могущества передъ (си-
лою) могуществомъ природы. *С.-Пьеръ.*

21. Щастіе неизвѣстности. *Флоріанъ.*

22. Щастіе неизвѣстности. *С.-Пьеръ.*

(Четыре) Возраст(а)ы человѣческіе. *Ласепедъ* ¹⁾).

Заглавія статей начиная съ № 16 (Сельской патріархъ) и до конца
перечеркнуты.

Сохранились въ рукописи (Бум. Жуковск., № 17, л. 28 и слѣд.)
изъ отдѣла „Картины“ слѣдующія статьи:

1. *Достоинства челоѣька. Возвышенность его натуры* (л. 28).

Начало: „Мужчина имѣлъ силу, величество, женщина — красоту,
пріятность; въ томъ и другой видимъ властителей природы!“...

Конецъ: „(Всего яснѣе) Но совершеннѣе выражаются они (гла-
зами) взорами: глазъ принадлежитъ душѣ непосредственно, предпо-
чтительно передъ всѣми другими органами. Онъ (раздѣляетъ всѣ ея
движенія) участвуетъ во всѣхъ ея измѣненіяхъ; выражаетъ живѣйшія
страсти, стремительнѣйшія (чувства) движенія; самыя (тихія, сладкія
впечатлѣнія) нѣжныя чувства, самыя сладкія (движенія) впечатлѣнія;
выражаетъ во всей ихъ силѣ, во всей ихъ (чистотѣ) (со всею вѣрно-
стію) природной чистотѣ, быстрыми чертами, которыя переливаются

¹⁾ Это оглавленіе цѣликомъ воспроизводитъ оглавленіе отдѣла „Tableaux“ въ
I томѣ „Leçons de littérature“.

пламень, образъ, дѣйствіе одной души въ другую; (наконецъ глазъ оживляется тепломъ, жаромъ) согрѣвается теплотою чувства и, такъ сказать, отражаетъ сіяніе мыслей, онъ есть органъ ума, языкъ разумѣнія“.

Подпись: *Бюффонъ, Нат. Исторія.*

Оригиналъ: L'homme a la force et la majesté; les grâces et la beauté sont l'apanage de l'autre sexe. Tout annonce dans tous deux les maîtres de la terre...

C'est surtout dans les yeux qu'elles se peignent, et qu'on peut les reconnoître; l'oeil appartient à l'âme plus qu'aucun autre organe, etc. ¹⁾.

2. (*Начала и пружины человѣческой дѣятельности*) *Происхождение человѣческой дѣятельности* (л. 28 об.—29).

Начало: „Нужда есть причина (главный источникъ) дѣятельности въ человѣкѣ, тѣлесной и умственной...) Нужды производятъ дѣятельность человѣческую, тѣлесную и умственную: по мѣрѣ ихъ развитія и обширности, она (сама) развивается, усиливается“...

Конецъ: „Онъ насладился прохладой тѣнистаго (подъ сѣнію) дерева, и строить хижину; испыталъ (увѣренъ, знаетъ), что звѣриная кожа согрѣваетъ, и дѣлаетъ одежду; знаетъ вкусъ вина, куриль табакъ, полюбилъ ихъ, желаетъ (имѣть ихъ больше) чаще ими наслаждаться; долженъ (покупать ихъ) платить за свое удовольствіе бровымъ мѣхомъ, слоновою костью, золотымъ пескомъ и прочее, удваиваетъ дѣятельность, становится промышленнѣе и наконецъ научается продавать человѣка ему подобнаго“.

Подпись: *Волней, Путешествіе въ Сирію.*

Оригиналъ: Toute activité, soit de corps, soit d'esprit, prend sa source dans les besoins; c'est en raison de leur étendue, de leurs développemens, qu'elle même s'étend et se développe...

Il a goûté le plaisir d'un ombrage contre les feux du soleil; il se fait une cabane. Il a éprouvé qu'une peau le garantit du froid; il se fait un vêtement, etc. ²⁾.

3. *Смерть Сократа* (л. 29).

„Смерть добродѣтельнаго сама по себѣ (возвышаетъ) возносить,

¹⁾ *Buffon*, Histoire naturelle; Leçons de litt., I, Tableaux, № 1, подъ заглавіемъ: „Dignité de l'homme; Excellence de sa nature“.

²⁾ *Voyage en Egypte et en Syrie* (1783—85), par Volney (Chassboeuf), t. III, chap. XIX, pp. 182 ss. (Paris, 1823); Leçons de litt., *ibid.*, № 2, подъ загл.: „Origine et Mobiles de l'activité et de l'Industrie humaine“.

восхищаетъ душу! Но есть ли сей добродѣтельный гонимъ порокомъ, естли невѣжество предаеть (на казнь, палачамъ чистѣйшую) въ руки палача (святѣйшую) божественную истинну, естли непорочность казнится какъ преступленіе, естли въ минуту смерти она не имѣеть передъ собою никого, кромѣ Бога и малаго числа друзей, по ней рыдающихъ; естли она (прощаетъ злобѣ) благословляетъ своихъ гонителей; естли изъ мрака темницы, въ которой она (разстается съ жизнію, умираеть) борется со смертію, мирные взоры ея безмятежно стремятся къ небу; естли (въ минуту разлуки, разлучаясь) прощаясь съ людьми, она въ послѣднія минуты (посвящаетъ ихъ благу и наставленіямъ) занимаетъ ихъ благомъ и наставленіями, естли наконецъ (въ самой погибели) погибнувъ она одна щастлива, а злоба, ее погубившая, одна (является несчастною) терзается и страждеть, то (нѣтъ) въ цѣлой природѣ не найдемъ зрѣлища величественнѣйшаго, святѣйшаго“.

Подпись: *Томасъ, Опытъ о похвальныхъ словахъ.*

Оригиналъ — отрывокъ изъ VIII-й главы („De Platon considéré comme panégyriste de Socrate“) сочиненія Thomas „Essai sur les éloges“:

La mort d'un homme juste est un objet sublime par lui-même; mais si ce juste est opprimé, si l'erreur traîne la vérité au supplice, si la vertu souffre la peine du crime, si en mourant elle n'a pour elle-même que Dieu et quelques amis qui l'entourent, si cependant elle pardonne à la haine, si de l'enceinte obscure de la prison où elle meurt, ses regards se tournent avec tranquillité vers le ciel, si, prête à abandonner les hommes, elle emploie encore ses derniers momens à les instruire, si enfin, au moment où elle n'est plus, ce soit le crime qui paroisse malheureux et non pas elle, alors je ne connois point d'objet plus grand dans la nature: et tel est le spectacle que nous présente Platon, en décrivant la mort de Socrate *).

4. *Сюлли, удалившійся отъ двора* (л. 29 об.—30).

Начало: „Исторія изображала мудрецовъ уединенныхъ, героевъ гонимыхъ, но (мы не найдемъ въ ней ничего возвышеннѣе несчастнаго) Сюлли въ несчастіи всего разительнѣе: Въ тишинѣ убѣжища онъ имѣлъ образъ добродѣтели спокойной, великой, не подчиненной ни человекамъ, ни царямъ“...

* Oeuvres complètes de Thomas, Paris, 1802, t. III, p. 68; Leçons de litt., I, ib., № 3, подъ загл.: „Le juste opprimé ou la mort de Socrate“.

Конецъ: „Смерть прекратила сію жизнь, почти столѣтнюю, которой одна половина была, другая могла быть посвящена (благу, щастію) благоденствію отечества“.

Подпись: *Томасъ, Похвальное слово герцогу Сюлли.*

Оригиналъ — отрывокъ изъ *Éloge de Maximilien de Béthune, duc de Sully, Thomas'a*:

L'histoire a peint des sages dans la retraite, des héros dans l'oppression; mais elle n'offre rien de plus grand que la dignité de Sully dans le malheur. C'étoit la dignité de la vertu même, sur laquelle et les hommes, et les cours, et les rois ne peuvent rien. La grandeur qui étoit dans son ame se répandoit sur toute sa maison..

La mort termina une carrière de quatre-vingt-deux ans, dont cinquante furent employés pour le bonheur de l'état, et le reste auroit pu l'être ¹⁾.

5. *Скромность Тюреня* (л. 30).

Начало: „Кто сдѣлалъ столько великаго? (Кто говорилъ о дѣлахъ своихъ съ такою скромностью?) и кто смиреннѣе, воздержнѣе въ словахъ своихъ? Одержалъ ли онъ побѣду,—слыша слова его, думаешь, что непріятель ошибся, что не искусство сдѣлало его побѣдителемъ“...

Конецъ: „Видя его, считаешь враговъ, имъ побежденныхъ, а не служителей, за нимъ идущихъ; онъ одинъ, но воображаешь его окруженнаго добродѣтелями, побѣдами: непонятное величіе соединено съ сею простотою; великій человекъ въ своей скромности кажется божественнымъ“.

Подпись: *Флешіе, Надиробное слово Тюреню.*

Оригиналъ — отрывокъ изъ той же *Oraison funebre de monsieur de Turenne, par Esprit Flechier*:

Qui fit jamais de si grandes choses? qui les dit avec plus de retenue? Remportoit-il quelque avantage? à l'entendre, ce n'étoit pas qu'il fût habile, mais l'ennemi s'étoit trompé...

On compte en le voyant, les ennemis qu'il a vaincus, non pas les serviteurs qui le suivent; tout seul qu'il est, on se figure autour de lui se vertus et ses victoires qui l'accompagnent: il y a je ne sçai quoi de noble dans cette honnête simplicité; et moins il est superbe, plus il devient venerable ²⁾.

¹⁾ Oeuvres complètes de Thomas, P. 1802, t. I, pp. 203—204; Leçons de litt., I, ib., № 4, похъ зал.: „Sully loin de la Cour“.

²⁾ Recueil des oraisons funebres, prononcées par messire Esprit Flechier, Paris

6. *Тюренъ въ минуту сраженія и побѣды* (лл. 30 об.—31).

Начало: „(Онъ возвращался) (Есть минуты, въ которыя) Бываютъ случаи, когда человѣческая душа, слишкомъ собою наполненная, подвергается опасности забыть самого Бога: (посмотрите на человѣка, который... силою духа вознесеннаго выше людей) устремите взоры на сего мужа, возвеличеннаго могуществомъ ума (своего), (чудеснымъ мужествомъ) чудесами неустрашимости, силою руки безчисленныхъ полковъ ему покорныхъ“...

Конецъ: „Вотще окрестъ его раздавались клики побѣды, вотще (ожиданіе вѣрнаго успѣха) увѣреніе въ успѣхѣ со всѣхъ сторонъ стремилось обольстить его душу: онъ усмирялъ свою радость, усмирялъ порывы гордаго самолюбія и говорилъ съ кротостію вѣры: естъли Богъ не довершитъ своего (дѣла начятаго) подвига, естъли рука Его не поддержитъ насъ: еще (много времени) имѣемъ время быть побѣжденными“.

Подпись: *Маскаронъ, Надѣробное слово Тюреню.*

Оригиналъ — отрывокъ изъ *Oraison funebre de très-haut et très-puissant prince Henry de la Tour-d'Auverne, vicomte de Turenne, prononcée en 1675...*, par Jules Mascarón:

Certes, s'il y a une occasion au monde, où l'ame pleine d'elle-même, soit en danger d'oublier son Dieu; c'est dans ces postes éclatans, où un homme par la sagesse de sa conduite, par la grandeur de son courage, par la force de son bras, et par le nombre de ses soldats, devient comme le Dieu des autres hommes, et rempli de gloire en lui-même, remplit tout le reste du monde, d'amour, d'admiration ou de frayeur...

En vain tout retentissoit des cris de victoire autour de lui; en vain les officiers se flattoient et le flattoient lui-même de l'assurance d'un heureux succès: il arrêtoit tous ces emportemens de joie où l'orgueil humain a tant de part, par ces paroles si dignes de sa piété: Si Dieu ne nous soutient, et s'il n'acheve son ouvrage, il y a encore assez de tems pour être battus ¹⁾).

7. (*Образъ жизни Фенелона*) *Фенелонъ въ Камбре* (л. 31).

Начало: „Онъ былъ всегда одинаковъ, спокоенъ въ душѣ: при-

1740, p.p. 173—175; *Leçons de litt.*, I, ib., № 5, подъ заглавіемъ: „Modestie de Turenne“.

¹⁾ Recueil des oraisons funebres prononcées par Messire Jules Mascarón. Paris, 1740, pp. 405 — 409; *Leçons de litt.*, I, ib., № 6, подъ заглавіемъ: „Même sujet“ (т. е. о скромности Тюреня, о чемъ говорилось въ предыдущей статейкѣ).

вѣтливъ, простъ въ обхожденіи, пріятель, живъ и обилень въ разговорѣ. Важность его (достоинства) пастырскаго сана (услаждалась) умѣрялась нѣжнымъ, веселымъ его характеромъ; религія Фенелона была привлекательна, любезна“...

Конецъ: „Онъ посѣщаль ихъ ¹⁾ хижины, принималъ съ удовольствіемъ дары гостепріимнаго простодушія, и конечно сіи щастливые, которыхъ онъ (удостоилъ) отличилъ своимъ посѣщеніемъ, не одинъ разъ, въ веселіи сердца, рассказывали (своимъ) новому поколенію, передъ глазами ихъ рожденному, что въ сельской ихъ хижинѣ былъ нѣкогда Фенелонъ“.

Подпись: *Лагарть, Похвальное слово Фенелону.*

Оригиналъ—отрывокъ изъ *Éloge de François de Salignac de La Motte-Fenelon, par La Harpe*:

Son humeur était égale, sa politesse affectueuse et simple, sa conversation féconde et animée. Une gaieté douce tempérerait en lui la dignité de son ministère, et le zèle de la religion n'eut jamais chez lui ni sécheresse ni amertume...

Il entraît même dans leurs cabanes, et recevait avec plaisir tout ce que lui offrait leur simplicité hospitalière. Sans doute ceux qu'il honora de semblables visites racontèrent plus d'une fois à la génération qu'ils virent naître, que leur toit rustique avait reçu Fénelon ²⁾.

8. *Земля въ гармоніи трехъ царствъ природы* (л. 31 обор.).

„Деревья, кусты, растенія составляютъ пышность) Рощи, кустарники, цвѣтущая зелень суть украшеніе земли, суть пышная ея одежда. Ничто не можетъ быть такъ печально для взоровъ, какъ поле (обнаженное, нагое) голое и неплодное, покрытое камнями, (пескомъ) песчаное, болотное. Но (страна) земля, оживотворенная природою, (украшенная, обогащенная всѣми дарами трехъ царствъ) представляющаяся въ плѣнительной гармоніи трехъ царствъ, представляетъ восхитительное зрѣлище, преисполненное жизни, привлекательное, волшебное, всегда разнообразное для души и взоровъ“.

„Чемъ живѣе чувствительность созерцателя, тѣмъ (сильнѣе восторги) пламениѣ, тѣмъ продолжительнѣе восторги его при видѣ сего совершенства и согласія. Тогда задумчивость сладкая, неизяс-

¹⁾ Поселянь.

²⁾ *Oeuvres de m-r De La Harpe* revues et corrigées par l'auteur. Yverdon, 1777, t. II, p. 70; *Leçons de litt.* I, *ibid.*, № 7, подъ загл.: „La vie et les moeurs de Fenelon“.

нимаемая (объемлетъ) проникаетъ всю его душу, онъ (теряется) исчезаетъ въ нѣкоторомъ очаровательномъ упоеніи передъ обширностію сей великой системы, съ которою существо его кажется сляннымъ. Тогда онъ забываетъ частные предмѣты, все видитъ, все чувствуетъ только въ цѣломъ. Одни особенныя обстоятельства могутъ стеснять его идеи, ограничить его воображеніе и понудить (разсудокъ, сердце) душу его заниматься по частямъ сею вселенною, которую онъ стремится объять въ цѣломъ.

Подпись: *Ж. Ж. Руссо.*

Оригиналъ—отрывокъ изъ „*Rêveris du promeneur solitaire*“, VII: Les arbres, les abrisseaux, les plantes sont la parure et le vêtement de la terre. Rien n'est si triste que l'aspect d'une campagne nue et pelée, qui n'étale aux yeux que des pierres, du limon et des sables; mais vivifiée par la nature, et revêtue de sa robe de noces, au milieu du cours des eaux et du chant des oiseaux, la terre offre à l'homme, dans l'harmonie des trois règnes, un spectacle plein de vie, d'intérêts et de charmes, le seul spectacle au monde dont ses yeux et son cœur ne se lassent jamais. Plus un contemplateur a l'âme sensible, plus il se livre aux extases qu'excite en lui cet accord, etc. ¹⁾

9. *Натура дикая и натура обработанная* (гл. 32—33).

„Натура есть видимый престолъ величія Божія. Человѣкъ, разсматривающій ее внимательнымъ окомъ, постепенно возвышается къ невидимому престолу всемогущества. Онъ обожатель Творца и повелитель творенія; онъ данникъ неба, владыка земли; онъ населяетъ, облагораживаетъ, обогащаетъ. Онъ учреждаетъ порядокъ, повиновеніе, гармонію между живущими тварями; украшаетъ самое природу; обрабатываетъ, (расширяетъ) распространяетъ, (совершенствуетъ) образуетъ; на мѣсто цыкуты и терна (и репейника) (садитъ) разводитъ виноградъ и розу...

„Дикая натура печальна и мертва, одинъ я могу ее украсить и оживить. Осушимъ сіи болота, одушевимъ сіи неподвижныя воды, проведемъ на нихъ каналы и сточники: употребимъ сію дѣятельную, пожирающую стихію, которую природа отъ насъ сокрыла и которую мы почитали силою; сожжемъ сію ненужную кору, сіи древніе лѣса, до половины истлѣвшіе, довершимъ желѣзомъ разрушеніе огня: скоро на

¹⁾ *J. J. Rousseau*, Collection complète des œuvres, Genève, 1782, t. X, p. 465; *Leçons de litt.*, t. I, Tableaux, № 8: „L'aspect de la terre dans l'harmonie des trois règnes“.

мѣстѣ тростника и (косатника) ¹⁾ болотныхъ травъ, изъ которыхъ жаба извлекаетъ ядъ свой, увидимъ клеверъ, травы сладкія и питательныя...

„О сколь прелестна сія обработанная натура! Какъ она блистаетъ, какъ великолѣпна одежда ея подъ рукою человѣка! Но самъ онъ есть первая краса ея, благороднѣйшее ея созданіе: размножаясь онъ какъ будто ее самое размножаетъ; искусство извлекаетъ изъ мрака всѣ драгоценности, въ нѣдрахъ ея сокрытыя. Сколько новыхъ богатствъ, сколько неизвѣстныхъ сокровищъ! Цвѣты, плоды, семена усовершенствованныя, размноженныя до безконечности..... Рѣки, сжатыя, повинующіяся новому направленію. Море, покорное, измѣренное, безопасное, изъ края въ край обтеченное; земля повсюду открытая, повсюду живая и плодотворная..... Тысячи другихъ образовъ славы и силы доказываютъ, что человѣкъ, повелитель земли, преобразилъ, обновилъ ея наружность и всегда владычествовалъ вмѣстѣ съ природою.

„Но его владычество есть побѣда; скорѣе можно сказать, что онъ наслаждается, нежели властвуетъ... Сія времена, въ которыя человѣкъ теряетъ свое владычество, сія вѣка варварства, всегда приготавливаются войнами... Человѣкъ, могущій только во множествѣ и соединеніи, щастливъ однимъ только миромъ; въ безумной слѣпотѣ своей онъ вооружается на свое нещастіе и, поражая ближнихъ своихъ, погибаетъ..... обращаетъ силы свои противъ самого себя, желаетъ себя уничтожить, уничтожаетъ, и послѣ, когда протекуть часы убійства и крови, когда разнесетъя туманъ славы, взорамъ его представится земля въ опустѣніи; падшія художества, разсыпанныя націи, народы разслабленные, его собственное щастіе въ развалинахъ, его истинное могущество уничтоженнымъ“.

Подпись: *Бюффонъ.*

Оригиналъ: La nature est le thrône extérieur de la magnificence divine. L'homme qui la contemple, qui l'étudie, s'élève par degrés au thrône intérieur de la Toute-Puissance. Fait pour adorer le Créateur, il commande à toutes les créatures; vassal du Ciel, Roi de la terre, il l'ennoblit, la peuple et l'enrichit; il établit entre les êtres vivants l'ordre, la subordination, l'harmonie; il embellit la nature même; il la cultive, l'étend et la polit, en élague le chardon et la ronce, y multiplie le raisin et la rose, etc. ²⁾).

¹⁾ На сторонѣ написано: Nénufar.

²⁾ *Buffon*, De la nature, première vu (Hist. naturelle générale et particulière,

10. *Лѣса и обитатели холодныхъ климатовъ* (л. 33 обор.—34).

Начало: „Подъ небомъ, всегда помраченнымъ густыми облаками, (всегда печальнымъ, всегда сумрачнымъ), едва пропускающимъ лучи дневныя, простерты древніе обширныя лѣса. Тамъ обитаетъ ужасъ, ночь, безмолвіе“...

Конецъ: „Мучимые голодомъ, подстрекаемые своимъ зверствомъ, неустрашимые, грозные, сильные, оживляемые воспоминаніемъ побѣдъ протекшихъ, пренебрегающіе опасность и погибель, сіи люди громкими восклицаніями выражаютъ свои ужасныя чувства. Они кричатъ, съ усиленіемъ напрягаютъ свой голосъ; страшное изступленіе оживляетъ ихъ: дикое пѣніе, вопли, голосъ варварства исторгаются изъ устъ ихъ вмѣстѣ съ восклицаніями смерти и бѣшенства“.

Подпись: *Ласепедъ, Поэзія музыки.*

Оригиналъ—отрывокъ изъ первой главы первой книги сочиненія Ласепеда „La poétique de la Musique“:

Sous un ciel toujours couvert d'épais nuages, où la clarté du jour ne pénètre qu'avec peine, s'élèvent de vastes et antiques forêts. L'horreur, le silence et la nuit les habitent...

Pressés par la faim, agités par la férocité, pleins de courage, de cruauté et de force, s'animant par le souvenir de leurs victoires passées, cherchant à s'étourdir sur le danger qui les menace, ils profèrent à haute voix l'expression de leurs sensations profondes et horribles: ils crient, ils élèvent leurs voix avec effort, et tâchent d'en remplir tous les lieux qu'ils parcourent; un enthousiasme atroce s'empare de leur ame; une espèce de chant sauvage, une chanson barbare sort de leurs bouches avec leurs paroles de mort et de carnage ¹⁾.

11. *Натура въ Южной Америкѣ* (л. 34).

Начало: „Тамъ, въ (сихъ) оныхъ (краяхъ) странахъ Южной Америки, гдѣ натура оживленная большею дѣятельностію, съ высоты Кордильеровъ орошаетъ поля изобильными (струями) водами, которыми человѣческая рука никогда не полагала преграды, — тамъ на тучныхъ берегахъ потоковъ цвѣтутъ пространныя, древніе лѣса“....

Конецъ: „Здѣсь встрѣчается множество яйцеродныхъ четвероно-

Paris, an VIII, t. XXIII, pp. 363 ss.); Leçons de litt., I, ibid., № 9, подъ загл.: „La Nature brute et la Nature cultivée“.

¹⁾ La poétique de la musique par m. le comte De Lacerpède. Paris, 1785, t. I, pp. 33—35; Leçons de litt., I, ibid., № 10, подъ загл.: „Les Forêts et les Habitants des Régions glaciales“.

гихъ: огромныя ящерицы съ гладкими свѣтящимися кожами, украшающія вершины деревь и какъ будто (живущія на воздухѣ вмѣстѣ съ...) раздѣлившія съ пернатыми воздушную область“.

Подпись: *Ласепедъ, Натур. исторія яйцеродныхъ животныхъ.*

Оригиналъ—отрывокъ изъ сочиненія Ласепада „Histoire naturelle des quadrupèdes ovipares“, именно—начало первой главы второго раздѣла отдѣла о ящерицахъ (Des lézards):

Dans ces contrées de l'Amérique méridionale, où la nature plus active fait descendre à grands flots du sommet des hautes Cordilières, des fleuves immenses, dont les eaux s'étendant en liberté, inondent au loin des campagnes nouvelles, et où la main de l'homme n'a jamais opposé aucun obstacle à leur course; sur les rives limoneuses de ces fleuves rapides s'élèvent de vastes et antiques forêts...

Là, des couleurs plus vives, parce qu'elles sont renvoyées par des corps plus polis, forment la parure de ces grands quadrupèdes ovipares, de ces gros lézards que l'on est tout étonné de voir décorer le sommet des arbres et partager la demeure des habitants ailés¹).

12. *Прекрасная ночь въ пустыняхъ новаго міра* (л. 34 об.—35).

Начало: „Черезъ часъ по захожденіи солнца луна показалась надъ деревьями; съ востока, вслѣдъ за нею, прилетѣлъ благовонный вѣтерокъ, который какъ будто освѣжилъ ея дыханіемъ. Растворилась внутренность лѣса. Парица ночи мало по мало поднималась“....

Конецъ: „Возвышенность, чудесная меланхолія сего зрѣлища не могутъ изобразиться языкомъ человѣка; прекраснѣйшая ночь Европы не можетъ дать о немъ понятія. Напрасно посреди обработанныхъ полей нашихъ хотимъ вознестись воображеніемъ: вездѣ встрѣчаются ему человѣческія обитатели; но въ (сихъ) оныхъ обширныхъ пустыняхъ душа любить (теряться) исчезать въ пучинѣ лѣсовъ, скитаться по берегамъ сихъ неизмѣримыхъ озеръ, парить надъ пропастями водопадовъ и такъ сказать являться уединенною предъ Богомъ“.

Подпись: *Шатобрианъ, Духъ христіанства.*

Оригиналомъ для этой статейки послужилъ отрывокъ изъ Génie du Christianisme:

Une heure après le coucher du soleil, la lune se montra au-dessus des arbres; à l'horizon opposé, une brise embaumée qu'elle amenoit de

¹) Histoire naturelle de Lacépède, Paris, 1850, t. I, p. 179; Leçons de litt., I, ib., № 11, подъ загл.: „De la Nature dans l'Amérique méridionale“.

l'orient avec elle, sembloit la précéder, comme sa fraîche haleine, dans les forêts. La reine des nuits monta peu à peu dans le ciel...

La grandeur, l'étonnante mélancolie de ce tableau, ne sauroient s'exprimer dans des langues humaines; les plus belles nuits en Europe ne peuvent en donner une idée ¹⁾...

13. *Великій полководець и его воинство передъ сраженіемъ* (л. 35 обор.).

Начало: „(Минута) Сраженіе! Какая минута для великаго полеводца, для Катината, уже (знакомаго) привыкшаго къ побѣдамъ, способнаго (устремить на нее взоръ) разсматривать ее глазами филозофа, въ то самое время, когда онъ долженъ дѣйствовать какъ военачальникъ! Какое зрѣлище представляетъ сія толпа людей, со всѣхъ сторонъ соединенныхъ, оживленныхъ, такъ сказать, единымъ духомъ вождя своего“....

Конецъ: „Мысль о благѣ всѣхъ наполняетъ его не волнуя. Одна мысль сія (приводитъ въ движеніе всѣ силы) движетъ всѣми силами напряженнаго ума его, ему принадлежитъ все великое, онъ одинъ выше сего величія; взоръ его, устремленный на побѣду, слѣдуетъ за всѣми ея движеніями, которыя отдаляютъ ее или приближаютъ, видятъ ее, наконецъ, уловляетъ, и усмотрѣвъ потоки крови, за нее пролитые, отвращается отъ сцены убійствъ и утѣшаетъ себя взглядомъ на отечество!“

Подпись: *Лагаръ, Похвальное слово Катинату.*

Оригиналъ—отрывокъ изъ *Éloge de Nicolas de Catinat, maréchal de France, discours qui a remporté le prix de l'académie française, en 1775, par La Harpe:*

Quel moment, messieurs, qu'une bataille pour un homme tel que Catinat, déjà familiarisé avec l'art de vaincre, et capable de la considérer en philosophe, en même tems qu'il la dirigeait en guerrier! Quel spectacle que cette foule d'hommes rassemblés de toute part, qui tous semblent n'avoir alors d'autre âme que celle que leur donne le général...

La pensée du salut de tous le remplit sans l'agiter; elle occupe toutes les forces de sa raison recueillie. Tout ce qui se fait de grand lui appartient, et lui même est au-dessus de cette grandeur. Son ceil

¹⁾ *Châteaubriand*, Génie du Christianisme, I-re partie, livre V-me, chap. XII: Deux perspectives de la nature (вторая половина); *Leçons de litt.*, I, ib., № 12, подъ загл.: „Le spectacle d'une belle nuit dans les déserts du Nouveau-Monde“.

toujours attaché sur la victoire, la suit dans tous les mouvemens qui semblent l'éloigner ou la rapprocher; il la fixe, l'enchaîne enfin, et voyant alors tout le sang qu'elle a coûté, il se détourne du carnage, et se console en regardant la patrie ¹⁾.

14. *Поклоненіе огню* (л. 36).

Начало: „Въ сихъ климатахъ, гдѣ царствованіе зимы такъ продолжительно, гдѣ все (покрыто) погребено подъ горами нетающихъ льдовъ, открытіе огня должно было казаться (благодвореніемъ неба) даромъ неба, благодвореніемъ челоуѣка“...

Конецъ: „Но сей огонь, произведенный молніею, слетѣвшею съ неба, или случайнымъ удареніемъ кремня, сей огонь, рожденный внезапно посреди льдовъ и хлада, никому дотолѣ неизвѣстный, долженъ былъ (казаться) храниться какъ сокровище; можно вообразить, какъ боялись его потерять: надлежало (беречь) хранить его какъ святыню, воздвигать храмы, священнымъ жрицамъ, дѣвамъ столь же чистымъ, какъ сія стихія поручили его сохраненіе“.

Подпись: *Балли, Письма объ Атлантидѣ.*

Оригиналъ—отрывокъ изъ *Lettres sur l'Atlantide de Platon et sur l'ancienne histoire de l'Asie*, par M. Bailly, Londres et Paris, 1779:

C'est dans les climats où le froid exerce un long empire, où réside l'hiver accompagné de glaces perpetuelles et accumulées, que la découverte du feu a été une faveur du ciel, un bienfait pour l'humanité... Mais ce feu produit par la foudre descendue, ou donné par le hasard dans le choc d'un caillon, ce feu né du sein des glaces, et qui dut y paraître étranger, vous jugez comme il a dû être précieux; on craignit de le perdre, et de ne pouvoir le retrouver. De là le soin de le conserver, ce soin sacré confié à des prêtres, à des vierges pures comme lui ²⁾.

15. *Отнедышущая гора въ Кито* (л. 36 обор.).

Начало: „Щастливы народы, обитатели долинъ и холмовъ, произведенныхъ морскими волнами изъ песковъ, ими скопляемыхъ, и земныхъ произведеній! Пастухъ безконечно пасеть на нихъ стада; земледѣлецъ въ мирѣ на нихъ сѣетъ и собираетъ обильную жатву.“

¹⁾ Oeuvres de m-r De La Harpe, Yverdon 1777. t. II, p. 227—228; Leçons de litt., I, ib., № 13, подъ загл.: „Le grand Général et son Armée, au moment d'une bataille“.

²⁾ Bailly, *Lettres sur l'Atlantide*, pp. 204—206; Leçons de littér., I, ib., № 14, подъ заглавіемъ: „Le culte du feu“.

Но горе вамъ, обители (сихъ) оныхъ возвышенныхъ горъ, которыхъ основаніе никогда не орошалось океаномъ, которыхъ верхи въ облакахъ исчезаютъ! Они суть не иное что, какъ ужасныя отверстія, произведенныя подземнымъ огнемъ, который разрушилъ своды (глубокихъ) пространныхъ пещей, горнилъ, гдѣ заключенный безпрестанно пылаетъ и свирѣпствуетъ и на свободу исторгся“...

Статья не окончена и перечеркнута. Подписи съ указаніемъ автора нѣтъ. Въ оглавленіи названъ Мармонтель. Оригиналомъ послужило начало XXVIII главы (I томъ) романа Мармонтеля *Les Incas*:

Heureux les peuples qui cultivent les vallées et les collines que la mer forma dans son sein, des sables que roulent ses flots, des dépouilles de la terre! Le pasteur y conduit ses troupeaux sans alarmes; le laboureur y sème et y moissonne en paix, etc. ¹⁾.

На этомъ обрывается въ рукописи этотъ отдѣлъ („Картины“) заглавной Жуковскимъ переводной хрестоматіи. Прочія статьи, намѣченныя въ оглавленіи (л. 39), повидимому, и не были переведены, такъ какъ даже и заглавія ихъ, какъ мы отмѣтили, зачеркнуты въ проектѣ оглавленія, кромѣ статьи „Темпейская долина“, Бартеlemi.

Слѣдующій отдѣлъ долженъ былъ носить названіе: „Описанія“; въ оглавленіи (л. 39 обор.) намѣчены такія статьи:

1. (Теорія зари. *Балми*)—зачеркнуто.
2. Восхожденіе солища. *Ж. Ж. Руссо*.
3. Весна въ Греціи. *Бартеlemi*.
4. Гроза. *Бартеlemi*.
5. Вихрь на Антильскихъ островахъ. *Реналь*.
6. Щастіе поселянъ... *Фенелонъ*.
7. Аполлонъ Бельведерскій. *Винкельманъ*.
8. (Оружія Телемака. *Фенелонъ*)—зачеркнуто.
9. Видъ Египетскихъ пирамидъ. *Вольней*.
10. Развалины Пальмиры. *Вольней*.
11. Видъ Ливана. *Вольней*.
12. Аравійская пустыня. *Бюффонъ*.
13. Средства узнавать великія дѣйствія разнообразія природы. *Бюффонъ*.
14. Собака товарищъ дикаго человѣка и первая хижина. *Ласнедъ*.

¹⁾ Oeuvres complètes des Marmontel, P. 1787, t. XI, p. 361; *Leçons de litt.*, I, ib., № 15, подъ загл.: „Le volcan de Quito“.

15. Собака.	}	<i>Бюффонъ.</i>
16. Лошадь.		
17. Коза и овца.		
18. Левъ и тигръ.		
19. Зяблица.		
20. Чижикъ и Соловей.		
21. Павлинь.		
22. Лебедь.		
23. Мушка-птица.		
24. Змѣя.	}	<i>Ласпедъ.</i>
25. Сѣрая ящерица.		
26. Драконъ.		

Текста ни одной изъ этихъ статей не имѣется.

Слѣдующій отдѣлъ въ оглавленіи—„Аллегоріи“ (л. 39 об.):

1. Басня и аллегорія. *Бартеlemi.*
2. Стадо и пастухъ. *Ла Брюеръ.*
3. Человѣкъ. *Боссюэтъ.*
4. Одно начало, одинъ конецъ для всѣхъ человѣковъ. *Боссюэтъ.*
5. Милость, немилость. *Ла Брюеръ.*
6. Модной человѣкъ, достойной человѣкъ. *Ла Брюеръ.*
7. Смерть и ея свита (*вар.* служители) передъ трономъ Плутона.

Фенелонъ.

8. Духи. *Бартеlemi.*

Всѣ эти заглавія перечеркнуты. Текста статей нѣтъ,—и вѣроятно, не было.

Слѣдующій отдѣлъ въ оглавленіи—„Дефиниціи“ (л. 39 обор.):

1. Добродѣтель. *С.-Шьеръ.*
2. Истинна. *Массильонъ.*
3. (Умъ. *Флешье*)—зачеркнуто.
4. (Умъ. *Данессо*)—зачеркнуто.
5. (Остроуміе. *Данессо*)—зачеркнуто.
6. Самолюбіе. *Ларошефубко.*
7. Злословіе. *Массильонъ.*
8. Скука и лѣварство отъ нея. *Мармонтель.*
9. Блюститель правосудія. *Томасъ.*
10. Писатель. *Ла Гарпъ.*
11. Честолюбивый. *Бурдаму.*
12. Честолюбивый. *Массильонъ.*
13. Жизнь человѣческая и люди. *Массильонъ.*

14. (Наука.)—зачеркнуто.

15. (Истинная и ложная ученость.)—зачеркнуто. } *Данессо.*

Перевода ни одной изъ этихъ статей не сохранилось.

Слѣдующій отдѣлъ въ оглавленіи—„Моральная практическая философія“ (л. 40):

1. (Молодые люди, рано испорченные, безчеловѣчны и жестокосерды; но молодой человѣкъ, сохранившій себя до двадцати лѣтъ, есть самый лучший, самый любезный изъ людей. *Ж. Ж. Руссо*). Цѣломудріе сохраняетъ чистоту души. *Ж. Ж. Руссо.*

2. Атеизмъ. *Вольтеръ.*

3. Религія и атеизмъ. *Шатобрианъ.*

5 (sic). Мы не совсѣмъ умираемъ. *Массильонъ.*

6. Бытіе Бога. *Массильонъ.*

7. Безсмертіе души. *Ж. Ж. Руссо.*

8. Чувство Божества. *С.-Пьеръ.*

9. Совѣсть. *Массильонъ.*

10. О угрызеніи совѣсти. *Шатобрианъ.*

11. О угрызеніи совѣсти. *Ж. Ж. Руссо.*

12. Любовь къ человѣчеству. }

13. Любовь къ отечеству. } *Бартеlemi.*

15 (sic). О христіанскомъ краснорѣчій. *Шатобрианъ.*

16. О забвеніи бѣдныхъ. *Бурдалу.*

17. О жестокости съ неимущими. *Массильонъ.*

18. Роскошь. *Фенелонъ.*

19. Умѣй отказываться отъ всякаго состоянія и быть человѣкомъ вопреки судьбѣ. *Руссо.*

20. Побѣда надъ самимъ собою славнѣйшая изъ побѣдъ. *Массильонъ.*

21. Писатель долженъ быть другомъ истины. }

22. Изображеніе писателя-гражданина. }

23. Уединеніе необходимо для писателя (для работы генія).

Ла Гарпъ.

24. Уединеніе мудреца. *Томасъ.*

25. Истинныя удовольствія и независимость сельской жизни въ сравненіи съ ложными удовольствіями и рабствомъ городовъ. *Бартеlemi.*

26. (Домъ, друзья, удовольствія Жанъ-Жака въ деревнѣ, когда бы онъ былъ богатъ). *Руссо.* Деревенская жизнь *Ж. Жака Руссо.*

27. Наружность счастья и истинное счастье. *Руссо.*

28. Честолюбіе. *Бурдалу*.

29. Честолюбіе. *Массильонъ*.

(30. Лесть, или сокрытіе истины. *Флешье*)—зачеркнуто.

30. Лесть. *Массильонъ*.

(31. Женщина. *С.-Пьеръ*.)—зачеркнуто.

31. Слава. *Томасъ*.

32. Настоящее, будущее. *Фенелонъ*.

(33. Смерть. *Флоріанъ*)—зачеркнуто.

33. Смерть. *Массильонъ*.

34. Смерть. *Бюффонъ* ¹⁾.

Изъ всего этого отдѣла въ рукописи уцѣлѣло только два листа листы 37-й и 38-й); на этихъ листахъ имѣемъ

а) послѣднія строки статьи *Деревенская жизнь Ж. Ж. Руссо*:

„Весело было сидѣть за ихъ длиннымъ столомъ, (въ кругу) я бы охотно пѣлъ съ ними старинныя (сельскія) деревенскія пѣсни и плясаль въ ихъ (огромномъ) пространномъ сараѣ съ большимъ удовольствіемъ, нежели въ оперной залѣ“.

Подпись: *Ж. Ж. Руссо*.

Оригинал—отрывокъ изъ „Эмиля“ Руссо, заканчивающійся фразой:

Je souperois gaiement au bout de leur longue table, j'y ferois chorus au refrain d'une vieille chanson rustique, et je danserois dans leur grange, de meilleur coeur qu'au bal de l'Opera ²⁾.

¹⁾ Эта роспись статей всѣхъ отдѣловъ, воспроизводитъ цѣлкомъ оглавленіе тѣхъ же отдѣловъ въ „Leçons de littérature“, t. I:

Descriptions. Théorie de l'aurore, *Bailly*; Lever du soleil, *J.-J. Rousseau*; Le printemps du climat de la Grèce, *Barthélemi*; L'orage, *le même*; L'ouragan des Antilles, *Raynal*, etc.

Allégories. La fable et l'allégorie, *Barthélemi*; Le troupeau et le berger, *La Bruyère*, etc.

Définitions. La vertu, *B. de Saint-Pierre*; La vérité, *Massillon*; L'esprit, *Fléchier*; Même sujet, *Daguesseau*; Le bel esprit, *idem*; L'amour propre, *La Rochefoucault*, etc.

Philosophie morale et pratique. Les jeunes gens corrompus de bonne heure sont inhumains et cruels; le jeune homme sage jusqu'à vingt ans est le meilleur et le plus aimable des hommes, *J.-J. Rousseau*; L'athéisme, *Voltaire*; La religion et l'athéisme, *Châteaubriand*; Tout ne meurt pas avec nous, *Massillon*, etc.

²⁾ Collection complète des oeuvres de J.-J. Rousseau, Genève, 1782, t. V, p. 188; Leçons de litt., I, Philosophie morale, № 26, подъ зал.: „La maison, les amis, les plaisirs de Jean-Jacques à la campagne, s'il étoit riche“ (начало: Je n'irois pas me bâtir une ville en campagne, et mettre au fond d'une province les Tuileries devant mon appartement...).

б) Полностью статью: *Наружность счастья и истинное счастье.*

Начало: „Мы слишком часто заключаемъ о счастья по наружности; нерѣдко воображаемъ его тамъ, гдѣ его нѣтъ, (и думаемъ найти тамъ) а ищемъ, гдѣ оно быть не можетъ: веселость очень подозрительна; веселой человѣкъ весьма часто бываетъ несчастный, который старается обмануть другихъ и переувѣрить самого себя“...

Конецъ: „Съ начала множество и разнообразіе удовольствій покажется необходимымъ для счастья, однообразность одинокой жизни скучною и тяжкою; но разсмотрѣвши ихъ въ близи увѣришься, что самая сладостная привычка души состоитъ въ умѣренности наслажденій, которая не даетъ мѣста ни желаніямъ, ни отвращенію. Безпокойство желаній производитъ любопытство, непостоянство; недостатокъ въ сильныхъ удовольствіяхъ рождаетъ скуку. Но тотъ никогда не будетъ скучать своимъ состояніемъ, кто не знаетъ пріятнѣйшаго“.

Подпись: *Ж. Ж. Руссо.*

Оригинал—отрывокъ изъ „Эмиля“ Руссо:

Nous jugeons trop du bonheur sur les apparences; nous le supposons où il est le moins; nous le cherchons où il ne sauroit être: la gaieté n'est qu'un signe très-équivoque. Un homme gai n'est souvent qu'un infortuné, qui cherche à donner le change aux autres, et à s'étourdir lui-même, etc. ¹⁾

с) Полностью статью: *Честолюбіе.*

Начало: „Честолюбіе показываетъ издали человѣку, ослѣпленному ея (sic) блескомъ, цвѣтущее состояніе, въ которомъ ему не останется ничего желать, потому что всѣ его надежды будутъ исполнены; въ которомъ онъ будетъ наслаждаться (пріятнѣйшимъ) вожденнѣйшимъ для него удовольствіемъ, удовольствіемъ началь(ника) ствовать, повел(ителя)евать, представител(я)ьствовать въ дѣлахъ и раздават(еля)ь (милостей) награды; удовольствіемъ блистать въ (званіи) достоинствахъ министра, полковнца“...

Конецъ: „Прибавимъ: самое сіе состояніе, котораго ищутъ съ такою дѣятельностію и такимъ постоянствомъ, не удовлетворитъ никакого честолюбія, — напротивъ, оно придастъ ему новыя силы, раздуетъ сіе пламя; съ одной степени захотимъ на другую; будемъ ко всему стремиться и ни на чемъ не останавливаться, всего желать,

¹⁾ Collection complète des oeuvres de J.-J. Rousseau, Genève, 1782, t. IV, p. 395; Leçons de litt., I, ibid., № 27, подъ загл.: „L'apparence du bonheur et le vrai contentement“.

ничемъ не наслаждаться: безпрестанная перемѣна плановъ, исканій, предпріятій и слѣдственно безпрестанное (мученіе) страданіе! И въ самомъ наслажденіи малейшее обстоятельство можетъ мучить раздражительную душу честолюбца; во всемъ онъ видитъ врага; все представляется ему чудовищемъ!“

Подпись: *Бурдалу.*

Оригиналъ—отрывокъ изъ *Sermon pour le XVI-e dimanche après la Pentecôte, Sur l'Ambition*, Бурдалу:

L'Ambition montre à celui qu'elle aveugle, pour terme de ses poursuites, un état florissant, où il n'aura plus rien à désirer, parce que ses vœux seront accomplis, où il goûtera le plaisir le plus doux pour lui, et dont il est le plus sensiblement touché; savoir, de dominer, d'ordonner, d'être l'arbitre des affaires et le dispensateur des grâces, de briller dans un ministère, dans une dignité éclatante; d'y recevoir l'encens du public et ses soumissions; de s'y faire craindre, honorer, respecter, etc ¹⁾.

d) Начало другой статьи подъ тѣмъ же заглавіемъ: *Честолюбіе*, авторомъ которой въ оглавленіи (л. 40) названъ Массильонъ. Сохранились лишь слѣдующія строки:

„Честолюбіе, сіе ненасытимое желаніе возвышаться надъ другими на развалинахъ другихъ, (сей червь) сія змея, (сосущая) грызущая сердце и не дающая никогда покою, сія (страсть) пружина всѣхъ хитростей (интригъ) и всѣхъ волненій дворскихъ, сей источникъ (начало) (всѣхъ) государственныхъ перемѣнъ и потрясеній; сія страсть, которая на все дерзаетъ и все можетъ, сія гибельная, непобѣдимая страсть творить несчастнымъ того, кто (ею наполненъ) ей покоряется. (Честолюбецъ)“.

Далѣе не сохранилось.

Оригиналъ: L'Ambition, ce désir insatiable de s'élever au-dessus et sur les ruines même des autres; ce ver qui pique le cœur et ne le laisse jamais tranquille; cette passion qui est le grand ressort des intrigues et de toutes les agitations des Cours, qui forme les révolutions des Etats, et qui donne tous les jours à l'univers de nouveaux spectacles; cette passion qui ose tout, et à laquelle rien ne coûte, rend malheureux celui qui en est possédé ²⁾...

¹⁾ *Bourdaloue*, Oeuvres, Paris 1834, t. II, p. 152; Leçons de litt., I, ibid., № 28, подъ загл.: „L'Ambition“.

²⁾ Oeuvres de Massillon, P. 1843, t. II, p. 617; Leçons de litt., I, ibidem, № 29.

Послѣдній отдѣлъ „Примѣровъ слога“ долженъ былъ носить названіе „Характеры и сравненія“. Въ оглавленіи намѣчены такія статьи этого отдѣла (листь 40 обор.):

- Греки и римляне, *Мабли*.
Аѳиняне, *Бартелеми*.
Аѳиняне, *Арно*.
Новѣйшія націи, *Шатобрианъ*.
Французы, *Дюкло*.
Французы, *Реналь*.
Арабы, *Реналь*.
Плутархъ, *Томасъ*.
Гомеръ,)
Симонидъ,) *Бартелеми*.
Эсхиль,)
Софокль,)
Эврипидъ,)
Платонъ,)
Ксенофонъ,) *Томасъ*.
Исократъ,)
Демосфенъ,)
Цицеронъ,) *Мори*.
Тацитъ,)
Пигмаліонъ, *Фенелонъ*.
Тиверій, *Томасъ*.
Лудвигъ XI.
Николай Габрино Ріенци, *Буанпрео*.
Опиталь, *Томасъ*.
Опиталь, *Гено*.
Сюлли, *Томасъ*.
Кромвель, *Боссюэтъ*.
Бэдмаръ, *С.-Реаль*.
Вальштейнъ, *Саразень*.
Кардиналъ Ришелье, *Флешье*.
К. Ришелье, *Фонтанъ*.
К. Ришелье, *Мабли*.
Мазарень, *Флешье*.
Кардиналъ де Рець, *Боссюэтъ* ¹⁾).

¹⁾ Здѣсь воспроизведена часть оглавленія отдѣла „Caractères ou portraits, et

Изъ этого отдѣла уцѣлѣло также только два листа (л. 41, 42 рукописи № 16), на которыхъ сохранился текстъ первой статьи отдѣла и начало статьи второй.

1. *Греки и римляне* (л. 41—42 обор.).

Начало: „(Вопреки одному изъ первыхъ древнихъ историковъ, писателей, мы скажемъ, что исторія) Исторія грековъ, вопреки мнѣнью Саллюстія, заимствовала блескъ свой не отъ одного искусства и генія великихъ историковъ. Взгляните на сію націю, и вы признаетесь, что она нерѣдко превышаетъ самое челоѡвѣчество. Иногда цѣлый народъ (подобится) имѣеть великодушіеThemistocle и справедливость Аристиды. Скажите, Марафонъ, Термопилы, Саламина, Платея, Микала и множество другихъ великихъ историческихъ случаевъ не пре(вышаютъ)восходятъ ли всякую похвалу повѣствователя. Римляне побѣдили Грековъ самими Греками. Спрашиваемъ: какой успѣхъ имѣли бы сіи завоеватели, когда бы вмѣсто Грековъ, испорченныхъ пороками и разслабленныхъ междуусобными войнами, они были бы встрѣчены сими полководцами, сими воинами, сими гражданами, которые нѣкогда рассыпали Ксерксовы (арміи) ополченія? Тогда мужество было бы противопоставлено мужеству, дисциплина дисциплинѣ, умѣренность умѣренности, любовь къ свободѣ, отечеству и славѣ любви къ свободѣ, отечеству и славѣ.

„Греція можетъ хвалиться и тѣмъ, что произвела величайшихъ людей...

„Римляне, потерявъ свободу, сдѣлались низкими, презрѣнными рабами. Греки, покоренные Филиппомъ и Александромъ, не лишились надежды возвратить свою прежнюю независимость...

„Наконецъ (погубленная) растерзанная междуусобіями, подавленная могуществомъ Рима, она все еще сохранила нѣкоторое преимущество надъ самыми своими побѣдителями“...

Конецъ: „Въ школахъ Философіи, гдѣ самые знатнѣйшіе изъ римлянъ забывали свои предразсудки, они научались уважать (грековъ) своихъ наставниковъ; возвращались въ свое отечество съ благодарностію и удивленіемъ, и Римъ облегчалъ ихъ узы, опасаясь употреблять во зло право побѣды и отличалъ (Грецію) ихъ отечество

parallèles“ въ I томѣ „Leçons de littérature“: Les Grecs, les Romains, *Mably*; Le peuple athénien, *Barthélemi*; Les nations modernes, *Châteaubriand*; Les Français, *Duclos*; Les mêmes, *Raynal*; Les Arabes, *idem*; Plutarque, *Thomas*; Homère, *Barthélemi*, etc.

своими благодѣяніями отъ всѣхъ другихъ поработенныхъ имъ провинцій. (Какая слава...) Отдадимъ справедливость наукамъ и философіи (которыя спасли); они предохранили Грецію отъ многихъ несчастій, которыхъ ни законодатели, ни правители, ни полководцы ея отвратить были не въ состояніи“.

Подпись: *Мабли.*

Оригиналъ — послѣднія страницы сочиненія Мабли „Observations sur l'histoire de la Grèce“:

Quoi qu'en dise un des plus judicieux écrivains de l'antiquité qui cherche à diminuer la gloire des Grecs, leur histoire ne tire point son principal lustre du génie et de l'art des grands hommes qui l'ont écrite. Peut-on jeter les yeux sur tout le corps de la nation grecque, et ne pas avouer qu'elle s'élève souvent au-dessus des forces de l'humanité? On voit quelquefois tout un peuple être magnanime comme Thémistocle, et juste comme Aristide. Salluste nieroit-il que Marathon, les Thermopyles, Salamine, Platée, Mycale, la retraite des Dix-Mille, et tant d'autres exploits exécutés dans le sein même de la Grèce pendant le cours de ses guerres domestiques, ne soient au-dessus des louanges que leur ont données les historiens? Les Romains n'ont vaincu les Grecs que par les Grecs mêmes ¹⁾...

2. (*Аѳиняне*) *Народъ Аѳинскій* (л. 42 обор.).

„Исторія представляетъ его иногда старикомъ легковѣрнымъ и неопаснымъ, иногда ребенкомъ, котораго надобно забавлять всякую минуту; иногда просвѣщеннымъ и великимъ; приверженнымъ до чрезмѣрности къ свободѣ и удовольствіямъ, ко славѣ и покою; восхищающимся похвалами, которыми его осыпаютъ (или упреками, которые онъ заслужилъ), принимающимъ съ рукоплесканіями заслуженные упреки; довольно проницательнымъ для обозрѣнія съ перваго слова предлагаемыхъ ему дѣлъ; слишкомъ нетерпѣливымъ для разбора подробностей и предвидѣнія слѣдствій; ужаснымъ для своихъ правителей въ ту самую минуту, когда (прошаетъ своихъ враговъ) онъ милостивъ къ жесточайшимъ врагамъ своимъ, (готовымъ) переходящимъ съ невѣроятною скоростію отъ“...

Здѣсь оканчивается уцѣлѣвшій текстъ.

Взять этотъ отрывокъ изъ XIV главы (II т.) Voyage du jeune

¹⁾ Collection complète des oeuvres de l'abbé de Mably, Paris; an III (1794—1795), t. IV, p. 246—247; Leçons de litt., I, Caractères, № 1, подъ загл.: „Les Grecs, les Romains“.

Anacharsis en Grèce, Бартеlemi. Переводъ очень близокъ къ оригиналу:

L'histoire nous le représente, tantôt comme un vieillard qu'on peut tromper sans crainte, tantôt comme un enfant qu'il faut amuser sans cesse; quelquefois deployant les lumières et les sentiments des grandes âmes; aimant à l'excès les plaisirs et la liberté, le repos et la gloire ¹⁾...

Въ дневникѣ подѣ 16 ноября 1805 года Жуковский записалъ: „Въ апрѣль (1806 года) кончу переводъ *Leçons*“ ²⁾. И. А. Бычковъ дѣлаетъ въ этому мѣсту такое примѣчаніе: „Какихъ именно *Leçons*— сказать трудно; въ Росписи во всякомъ родѣ лучшихъ книгъ и сочиненій, изъ которыхъ большей части должно дѣлать экстракты, 1805 года, встрѣчается, между прочимъ, такая книга: *Leçons d'une gouvernante*“ ³⁾. Въ настоящее время нельзя, кажется, сомнѣваться, что подѣ упомянутыми Жуковскимъ *Leçons* должно разумѣть *Leçons de littérature et de morale, par Noël*, откуда нашъ поэтъ дѣлалъ переводы для своихъ „Примѣровъ слога“ ⁴⁾.

Приведенная замѣтка въ дневникѣ устанавливаетъ и время, когда Жуковский занимался составленіемъ своихъ „Примѣровъ слога“: очевидно, это былъ 1805 годъ, въ которому относится такъ мало стихотвореній Жуковского; поэтъ былъ поглощенъ выработкой, путемъ переводовъ, своего стиля въ прозѣ.

XLVII.

Обращаемся въ другому литературному предпріятію Жуковского— его замыслу издать въ русскомъ переводѣ нѣсколько томовъ сочиненій Ж. Ж. Руссо.

Руссо въ то время былъ уже хорошо извѣстенъ на русской почвѣ. Еще графъ Григорій Орловъ былъ почитателемъ Руссо; онъ переписывался съ нимъ, предлагалъ ему гостепримство въ одномъ изъ своихъ помѣстій. Его братъ, Владиміръ Орловъ, также приглашалъ Руссо жить въ свои помѣстья въ Россіи. Графъ К. Г. Разумовскій имѣлъ намѣреніе предложить Руссо въ подарокъ свою огромную библіотеку,

¹⁾ Voyage... Paris, 1804, t. II, p. 278; *Leçons de litt.*, I, ibid. № 2, подѣ загл.: „Le peuple Athénien“.

²⁾ Дневники Жуковского съ прим. И. А. Бычкова, стр. 29.

³⁾ Тамъ же, примѣч. 2-ое.

⁴⁾ Эту поправку я и вношу къ тому, что высказалъ въ первыхъ строкахъ XXXVI-й главы настоящихъ „Разысканій“ о *Leçons d'une gouvernante*.

дать ему пенсію и мѣстопробываніе въ одномъ изъ своихъ безчисленныхъ помѣстій въ Малороссіи ¹⁾). Русскіе писатели становились учениками Руссо,—особенно дѣйствовала „Новая Элоиза“ ²⁾): подъ вліяніемъ Руссо находился М. Чулковъ ³⁾, О. Эминъ ⁴⁾; романъ послѣдняго „Награжденная постоянность, или Приключенія Лизарка и Сарманды“ (С.-Пб. 1764, 1788) отразилъ на себѣ вліяніе Руссо и въ стилѣ и въ идеяхъ: гимны „натурѣ“, нападки на городскую культурную жизнь, на сословные предрасудки, которые поработаютъ свободное сердце ⁵⁾,—срв. тирады Алеко противъ „неволи душныхъ городовъ“ и пр. въ поэмѣ Пушкина „Цыганы“, гдѣ отразились тѣ же идеи Руссо ⁶⁾; прекраснымъ показателемъ того огромнаго вліянія, которое имѣлъ Руссо на русскую литературу, въ смыслѣ обогащенія ея стиля, расширенія и углубленія психологическаго содержанія, является сочиненіе В. Л. Левшина „Утренники влюбленнаго“, говорить В. В. Сиповскій ⁷⁾. Карамзинъ относился къ Руссо съ самымъ шумнымъ восторгомъ ⁸⁾; онъ благоговѣлъ передъ Руссо, произносилъ панегирики этому, какъ онъ выражался, „величайшему изъ писателей осьмого-на-десять вѣка“ ⁹⁾; „Nouvelle Heloïse“ была настольною книгою Карамзина ¹⁰⁾; „Confessions de J. J. Rousseau“ Карамзинъ, по собственному выраженію, предпочиталъ „всѣмъ систематическимъ психологіямъ въ свѣтѣ“ ¹¹⁾; умѣніе рисовать пейзажъ въ „Бѣдной Лизѣ“ изслѣдователь считаетъ результатомъ вліяній Руссо ¹²⁾; Карамзина—автора „Юліи“ тотъ же изслѣдователь называетъ ученикомъ Ричардсона, Гете и Руссо ¹³⁾. Ученики Карамзина часто твердятъ имя Руссо: см. В. Измайлова „Путешествіе въ полуденную Россію“,

¹⁾ *Порфирьевъ*, Ист. русс. слов., ч. II, отд. 2 (Литература въ царствованіе Екатерины II). Казань 1888, стр. 250.

²⁾ Русская Старина 1895 г., кн. I, стр. 149; *E. Haumont*, La culture française en Russie, Paris, 1910, p. 116.

³⁾ *Сиповскій*, Очерки изъ исторіи русс. романа, ч. II, стр. 341.

⁴⁾ Тамъ же, ч. II, стр. 428.

⁵⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 405.

⁶⁾ *Дашкевичъ*, Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени,—„Памяти Пушкина“, сборникъ Университета св. Владиміра, Кіевъ, 1899, стр. 174—175.

⁷⁾ *Op. cit.*, ч. II, стр. 454.

⁸⁾ *Сиповскій*, Карамзинъ—авторъ „Писемъ русс. путеш.“, 78.

⁹⁾ Тамъ же, стр. 85.

¹⁰⁾ Тамъ же, стр. 339.

¹¹⁾ Тамъ же, стр. 52.

¹²⁾ *Сиповскій*, Очерки русс. романа, II, 520.

¹³⁾ Тамъ же, I, 492.

I, 57, 69, 84, 99, II, 14, 45; О. Глилки „Письма русс. офицера о Польшѣ, Австр. влад. и Венгріи“, I, 42; кн. Шаликова „Путеш. въ Малороссію“, 170—1; Д. Горихвостова, „Письма Россіянина, путешествовавшаго по Европѣ съ 1802 по 1806 годъ“, II, 21, 29—36, III, 142 ¹⁾ и др. Богатство у насъ литературы мемуаровъ В. В. Сиповскій объясняетъ влияніемъ на русскую публику такихъ произведеній, какъ автобіографическіе романы Прево, „Confessions“ Руссо ²⁾).

Съ половины XVIII в. до 40-хъ годовъ XIX-го имя Руссо не сходять со страницъ русскихъ журналовъ, говоритъ В. В. Сиповскій ³⁾. Переводы изъ Руссо стали появляться въ журналахъ съ 1762 г. Въ „Собраніи лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствія“, издававшемся въ 1762 г. профессоромъ Московскаго университета І. Г. Рейхелемъ, было напечатано (ч. IV, стр. 235 и сл.) „Письмо г. Руссо къ Вольтеру“ по поводу поэмы послѣдняго о разрушеніи Лиссабона, отъ 18-го августа 1756 г. ⁴⁾, предваренное примѣчаніемъ ⁵⁾, въ которомъ о Руссо встрѣчаемъ такіе отзывы: „Сей человекъ по достоинству мѣсто занимаетъ въ числѣ разумнѣйшихъ мужей, и г. Вольтеръ въ истинную себѣ честь ставить долженъ, что имѣетъ противника такъ краснорѣчиваго, остроумнаго и искусстваго... Сей славный мужъ имѣетъ великія свои заслуги. Его труды въ великой енциклопедіи Парижской суть многіе. И хотя прочія его сочиненія доводами мнимо противорѣчущими изобилуютъ, однако *больше прочіихъ книгъ и чтенія и памяти достойны*“.

„Приятное и полезное препровожденіе времени“ прославляетъ человѣколюбіе, благотворительность, набожность Руссо ⁶⁾; продолжавшія этотъ журналъ и „Ишпокрену“ „Новости русской литературы“ П. А. Сохацкаго называютъ Руссо „рѣдкимъ моральнымъ явленіемъ“, „мудрецомъ“ ⁷⁾, печатаютъ восторженный панегирикъ ему: „Ты, котораго великая душа, свободясь отъ земныхъ оковъ, созерцаетъ вѣчную истину въ полномъ ея сіяніи и покоится въ нѣдрахъ благодати небесной—Руссо, тѣнь любезная и священная! есть ли ты, почерпая

¹⁾ Сиповскій, Карамзинъ авторъ „Пис. р. пут.“, 457—458, 531.

²⁾ Сиповскій, Очерки русс. романа, II, 638.

³⁾ Тамъ же, II, 422.

⁴⁾ Подлинникъ въ Collection compl. des oeuvres de Rousseau, Genève, 1782, t. XII, p. 91 и слѣд.

⁵⁾ „Собраніе лучш. соч.“, 1762 г., ч. IV, стр. 231 и слѣд.

⁶⁾ „Три анекдота о Ж. Ж. Руссо“, „Пр. и п. препр. вр.“ 1795, ч. V, стр. 388.

⁷⁾ „Нѣчто о кончинѣ Ж. Ж. Руссо“, Новости русск. лит. 1902, ч. I, стр. 113.

радость изъ неизсякаемыхъ источниковъ блаженства, не перестаешь еще любить чело­вѣковъ; есть ли и теперь пріятны сердцу твоему чувства признательности ихъ—внемли словамъ моимъ и прими жертву, посвящаемую тебѣ непритворною дружбою. Не величію, не суетности—тебѣ, чувствительный Жанъ-Жакъ! воздвигли и посвящаютъ друзья твои сей памятникъ, безцѣнный залогъ произведеній безсмертнаго твоего гениа, изліяній нѣжнаго твоего сердца“, и т. д. ¹⁾); въ томъ же журналѣ читаемъ такое четверостишіе — „Къ портрету г-на Руссо“:

Витія, философъ чувствительный и нѣжный,
Наставникъ, другъ людей, великій чело­вѣкъ;
Но странный, вспыльчивый, тщеславный и чудесный,
Быль сердцемъ слабъ—зато въ несчастьи прожилъ вѣкъ ²⁾.

Карамзинскій „Вѣстникъ Европы“ описываетъ восторженную встрѣчу праха Руссо въ Парижѣ: „...Слава великаго мужа про­ница­ла сквозь мракъ смерти и оживляла его“... ³⁾); даетъ сравнитель­ную характеристику Бюффона и Руссо, при чемъ отмѣчаетъ, что „Руссо восхитилъ сердца чувствительныхъ“ ⁴⁾), величаетъ его „слав­нымъ“, „великимъ философомъ“ ⁵⁾), рисуетъ его обходительность и любезность въ частной жизни, не скрывая, впрочемъ, и его тщесла­вія ⁶⁾), и т. п.

Руссо привлекалъ къ себѣ большое вниманіе въ Тургеневскомъ кружкѣ: для молодыхъ сверстниковъ кружка это былъ одинъ изъ лю­бимыхъ авторовъ ⁷⁾). Александръ Ив. Тургеневъ увлекался „Новою Элоизою“ ⁸⁾); Андрей Ив. Тургеневъ беретъ у Руссо меланхолическій эпиграфъ къ своей элегии ⁹⁾); въ бумагахъ Тургенева сохранился при-

¹⁾ „Жертва гѣни Ж. Ж. Руссо“, съ француз., Мих. Ленкевичъ,—Новости русск. литер. 1804 г., ч. X, стр. 257.

²⁾ Новости р. литер., 1804, XII, 253.

³⁾ „Ж. Ж. Руссо въ Тюльери“, изъ Мерсье,—Вѣстн. Евр. 1802 г., ч. I, № 1, стр. 45.

⁴⁾ „Бюффонъ и Руссо“, изъ Spectateur de Nord,—Вѣстн. Евр. 1802 г., ч. II, № 8, стр. 339.

⁵⁾ „Новыя письма Ж. Ж. Руссо“, — Вѣстн. Евр. 1803 г., ч. IX, стр. 283 и слѣд.

⁶⁾ „Знакомство г-жи Жанлисъ съ Ж. Ж. Руссо“, Вѣстн. Евр. 1803 г., ч. XII, стр. 59 и слѣд.

⁷⁾ Архивъ братьевъ Тургеневыхъ, вып. II, введеніе, стр. 86.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 87.

⁹⁾ См. мои Разысканія о соч. Жук—го, гл. XIII, отдѣл. оттискъ, С.-Пб., 1906, стр. 219.

готовленный для печати переводъ одного письма изъ „Новой Элоизы“, сдѣланный Журавлевымъ и поправленный Андреемъ Тургеневымъ ¹⁾).

Естественно, интересовалъ Руссо и Жуковского ²⁾. Хотя онъ и находилъ „Новую Элоизу“ вещь скучною, какъ мы видѣли выше (въ главѣ XXXVI), однако иначе онъ относился къ другимъ произведеніямъ Руссо, собраніе которыхъ и задумалъ издать въ собственномъ русскомъ переводѣ.

Къ этому времени на русскомъ языкѣ были напечатаны слѣдующія сочиненія Руссо:

1) Письмо г. Руссо къ г. Вольтеру (упомянутое выше),—„Собраніе лучш. сочиненій“, 1762, ч. IV, стр. 235; другой переводъ: Поэма на разрушеніе Лиссабона, перев. стихами И. Богдановичемъ, съ возраженіемъ, писаннымъ автору Ж.-Жакомъ Руссо. С.-Пб. 1802 (Сопик., 2588).

2) Разсужденіе, удостоенное награжденія отъ Академіи Дижонской въ 1750 г., на вопросъ, предложенный сею Академіею, что возстановленіе наукъ и художествъ способствовало ли ко исправленію нравовъ. Соч. Ж.-Ж. Руссо. Перев. съ франц. П. Потемкинъ. М. 1767; 2-е изданіе: М. 1787; то же переводъ М. Юдина, С.-Пб. 1792 ³⁾ (Сопиковъ, 9642, 9643, 10014).

3) Новая Элоиза, или письма двухъ любовниковъ... Ж.-Ж. Руссо. Пер. П. Потемкина. Ч. I. М. 1769; то же, другой переводъ, ч. I и II. С.-Пб. 1792; то же, новый переводъ Ал. Палицына, 6 частей, С.-Пб. 1803—1804 (Сопик., 6870, 6871, 6872).

4) Разсужденіе о началѣ и основаніи неравенства между людьми, соч. Ж.-Ж. Руссо. Пер. П. Потемкинъ. М. 1770; 2-е изд. — М. 1782 ⁴⁾ (Сопик., 9595, 9596).

5) Разсужденіе на вопросъ, какая добродѣтель есть самонужнѣйшая героямъ, и которые суть тѣ герои, и кто оной добродѣтели не

¹⁾ Архивъ бр. Тург., II, введеніе, стр. 95.

²⁾ См. Письма Жуковского къ А. Ив. Тургеневу, стр. 22 (отъ 8-го января 1806 г.); Архивъ бр. Тург., II, введ., стр. 124, примѣч. 2.

³⁾ Появилась въ русскомъ переводѣ и полемика противъ взглядовъ Руссо: Рѣчь г. Борда о пользѣ наукъ и художествъ *вопреки Ж.-Ж. Руссо*, перев. съ франц. И. Рижскій. С.-Пб. 1792 (Сопик. 10025).

⁴⁾ Polemica: Разсужденіе о началѣ и основаніи гражданскихъ обществъ, заключающее въ себѣ убѣдительныя изслѣдованія *вопреки Ж.-Ж. Руссо*, какими стезями природа совокупила первобытныхъ людей, отчего произошло неравенство между ними, и какъ общества достигли той степени совершенства, въ коемъ теперь обрѣтаются. Пер. съ франц. Ал.—й Малиновскій. М. 1787.

имѣль. Соч. Ж.-Ж. Руссо. Перев. съ фран. П. Потемкинъ. М. 1770 (Сопик., 9553).

6) Размышленіе о величествѣ Божиємъ, о Его Промыслѣ и о чело-
вѣкѣ. Соч. Ж.-Ж. Руссо. Пер. съ франц. ¹⁾, безъ года—около 1770
(Сопик., 9494).

7) Сокращеніе, сдѣланное Ж.-Ж. Руссо изъ проекта о вѣчномъ
мирѣ, сочиненнаго аббатомъ де Сентъ-Піеромъ, пер. съ фр. И. Богда-
новичъ. С.-Пб. 1771.

8) О нищихъ, изъ соч. Ж.-Ж. Руссо („Отъ всего по маленьку“,
С.-Пб. 1772, кн. I, стр. 33).

9) О любви къ отечеству, изъ Ж.-Ж. Руссо („Собраніе Новостей“,
ежемѣсячн. соч., 1776, май, стр. 13).

10) О политической экономіи, или о государственномъ благоучре-
жденіи. Соч. Ж.-Ж. Руссо. С.-Пб. 1777; другой переводъ: Гражда-
нинъ, или разсужденіе о политической экономіи, изъ соч. Ж.-Ж.
Руссо, пер. съ франц. В. М(едвѣдевъ). С.-Пб. 1787 (Сопик., 11346,
2871).

11) Эмиль и Софія, или хорошо воспитанные любовники, соч.
Ж.-Ж. Руссо, пер. съ франц. П. Страховъ, М. 1779; то же, перев.
Виноградова, съ приобщеніемъ повѣсти Уединенники. С.-Пб. 1800
(Сопик. 3728, 3729).

12) Письмо изъ соч. Ж.-Ж. Руссо: О самопроизвольной смерти
(Академич. Извѣстія, 1780, ч. IV, стр. 244—267); другой переводъ:
О самоубійствѣ, изъ Ж.-Ж. Руссо (Пр. и пол. препр. вр. 1794 г.,
ч. II, стр. 117).

13) О блаженствѣ, изъ твореній Ж.-Ж. Руссо. Пер. съ франц.
И. Л., Москва, 1781 (Сопик., 2268. С.).

14) Новыя письма Ж.-Ж. Руссо, пер. съ франц. С.-Пб. 1783:
(Сопик., 8144. С.).

15) Философическая прогулка. Изъ стихотвор. Ж.-Ж. Руссо.
Перев. Сергѣя Тучкова (Бесѣд. Гражданинъ, 1789 г., ч. II, стр. 270).

16) Пигмаліонъ, въ 1 д., Ж.-Ж. Руссо— С.-Пб. 1792 (Соп.,
3424 П.).

17) Исповѣданіе Ж.-Ж. Руссо, въ которомъ описаны всѣ при-
ключенія собственной его жизни. Пер. съ франц. Д. Болтинъ, 2 части.
М. 1797 (Сопик., 4685. Переведено не болѣе четвертой части под-
линника).

¹⁾ Это—исповѣдь Савойскаго священника.

18) Письма Руссо къ Мальвербу (Пантеонъ иностр. слов., изд. Н. М. Карамзинъ, М. 1798, ч. III, стр. 87).

19) Бытіе Бога и безсмертіе души, перев. съ Франц. изъ Руссова Эмиля Ө. Г(линка). С.-Пб. 1801 (Сопик., 2361).

20) Духъ, или избранныя мысли Ж.-Ж. Руссо, пер. съ франц. Ив. Мартыновъ. С.-Пб. 1801 (Сопик., 3517).

21) Ефраимской Левитъ, соч. Ж.-Ж. Руссо, пер. съ франц. (Петръ Ав. Пельскій). М. 1802 (Сопик., 8662).

22) Философическія уединенныя прогулки г. Ж.-Ж. Руссо, писанныя имъ самимъ, съ присовокупленіемъ сокращеннаго Исповѣданія вѣры священника Савоярдскаго и писемъ его къ Мальвербу. Пер. съ франц. Ив. Мартыновъ. 2 ч. С.-Пб. 1802. (Сопик., 9075). Срв. выше подъ №№ 16, 6, 19.

23) Свойства и дѣйствія страстей человѣческихъ, изъ соч. Руссо и другихъ новѣйшихъ писателей. Пер. съ франц., С.-Пб. 1802 (Соп., 10161).

24) Мысли Ж.-Ж. Руссо о различныхъ матеріяхъ, пер. съ франц. П. Андреевъ. 2 части. С.-Пб. 1800—1801; Мысли Ж.-Ж. Руссо, женеваго гражданина. Пер. съ франц. М. 1803 (Сопик., 6366); Мысли Ж.-Ж. Руссо,—Новости русск. литературы, 1804, ч. IX, стр. 313.

Переводы эти были исполнены стариннымъ слогомъ, сильно устарѣли ко времени Жуковскаго, имѣлись въ разновременныхъ разбросанныхъ изданіяхъ, вѣроятно, уже и тогда не легко находимыхъ,—эти причины и побудили, повидимому, нашего поэта затѣять изданіе собранія сочиненій Руссо въ новомъ переводѣ.

Жуковский намѣтилъ въ первую очередь, для перваго тома, такія вещи Руссо, которыя и исчисляетъ на проектированномъ выходномъ листѣ:

1. Разсужденіе о наукахъ, 2. Разсужденіе о неравенствѣ, 3. Письмо къ Д'Аламберту, 4. О театральномъ подражаніи, 5. Левитъ Ефраимскій, 6. Письма къ Сарфъ, 7. Королева-причудница, 8. Письма и мысли ¹⁾.

На слѣдующемъ листѣ ²⁾ перечислены такія статьи: О наукахъ, Письмо къ Д'Аламберту, Уединенныя прогулки мечтателя, Нѣкоторыя письма и мысли (*зачеркнуто*), О хозяйствѣ, О дуэляхъ, О самоубійствѣ, О воспитаніи, Прогулка на озерѣ, Путешествіе по горамъ.

¹⁾ Рукопись № 17, л. 1.

²⁾ Тамъ же, л. 2.

Рукопись Жуковского № 17 сохранила намъ черновики только трехъ изъ названныхъ переводовъ: 1. О наукахъ, 5. Левить Ефраимскій и 6. Письма къ Сарѣ.

Первая статья имѣетъ такое заглавіе:

„Разсужденіе на вопросъ, заданный Дижонскою академіею въ 1750 г., *послужило ли возстановленіе наукъ и художествъ къ очищенію нравовъ?*“

Переводъ занимаетъ четыре листа (лл. 4—7).

Эпиграфъ: *Discipulus speciei recti.*

Начало (зачеркнутыя слова ставлю въ скобкахъ):

„Какое дѣйствіе (вліяніе) имѣло возобновленіе наукъ и художествъ на нравы? благотворное или вредное? Вотъ что я долженъ разсматривать! И буду говорить языкомъ человѣка, незнающаго, но не меньше почтеннаго въ собственныхъ глазахъ своихъ“.

„(Какими словами буду выражаться) Какія слова прилично изображать мои мысли передъ судилищемъ, которое ожидаетъ меня? Унижать науки (передъ обществомъ ученыхъ, славныхъ въ Европѣ!) во святилищѣ наукъ! хвалить невежество въ Академіи! Возгласить презрѣніе къ учености съ уваженіемъ къ истиннымъ ученымъ! Сколько противорѣчій, но я не (ужасаюсь ихъ) колеблюсь; защищаю добродѣтель передъ лицомъ добродѣтельныхъ, не думаю (оскорблять наукъ) ругаться надъ (учеными) науками. Справедливость драгоцѣнней (благородному человѣку, нежели ученость ученому!) учености,—чего же могу опасаться! Просвѣщенія моихъ слушателей? (Они могутъ осудить искусство оратора и согласятся признать) Можетъ быть, они обвинять оратора въ неискствѣ, (но чувство его найдутъ справедливымъ), но будутъ согласны съ его мнѣніемъ. Государи, друзья справедливости, всегда уступали убѣжденію: всего (лучше) выгоднѣе защищать истину (передъ тѣми, которые искренность...) передъ (просвѣщенными судіями) соперникомъ просвѣщеннымъ и безстрастнымъ судіею въ собственномъ дѣлѣ своемъ“...

Въ своемъ переводѣ Жуковскій старался близко пересказывать подлинникъ ¹⁾. Всего онъ перевелъ не болѣе лишь четвертой части разсужденія Руссо. Послѣднія слова перевода:

¹⁾ Для сличенія привожу соответствующее мѣсто оригинала. Заглавіе: *Discours, qui a remporté le prix à l'Académie de Dijon, en l'année 1750, sur cette question proposée par la même Académie: Si le rétablissement des Sciences et des Arts a contribué à épurer les mœurs.* Эпиграфъ: *Discipulus speciei recti.* Начало разсужденія Руссо: *Le rétablissement des Sciences et des Arts a-t-il contribué à épurer*

„Но естли нѣтъ порока имъ незнакомаго, преступленія имъ чуждаго, естли все просвѣщеніе министровъ, вся мнимая мудрость законовъ, вся сила народа безчисленнаго не могли (спасти) сохранить (великой) Имперіи отъ ига тартаръ необразованныхъ и грубыхъ, то къ чему послужила ей сія толпа ученыхъ? Что извлекла она изъ сихъ почестей, которыми они осыпаны? Ничего, кромѣ рабства и развращенія“¹⁾.

На этомъ переводъ обрывается.

Разсужденіе Руссо о наукахъ было уже хорошо извѣстно на русской почвѣ. Какъ мы видѣли, еще въ 1767 г. оно вышло въ Москвѣ въ переводъ Павла Потемкина; черезъ двадцать лѣтъ понадобилось одѣлать новое изданіе книжки; черезъ пять лѣтъ послѣ этого явился новый переводъ: „Рѣчь Ж. Ж. Руссо, удостоенная въ 1750 году отъ Дижонской академіи награжденія, на сей предложенный отъ оной академіи вопросъ: возстановленіе наукъ и художествъ послужило ли къ исправленію нравовъ? Вновь переведена на російскій языкъ М. Юдинымъ“. С.-Пб. 1792. Подзаголовокъ: „Рѣчь о вредныхъ слѣдствіяхъ, происходящихъ отъ Наукъ и Художествъ“.

Во Франціи, какъ извѣстно, разсужденіе Руссо вызвало оживлен-

ou à corrompre les mœurs? Voilà ce qu'il s'agit d'examiner. Quel parti dois-je prendre dans cette question? Celui, Messieurs, qui convient à un honnête-homme qui ne fait rien, et qui ne s'en estime pas moins. Il sera difficile, je le sens, d'approprier ce que j'ai à dire au Tribunal où je comparois. Comment oser blâmer les sciences devant une des plus savantes Compagnies de l'Europe, louer l'ignorance dans une célèbre Académie, et concilier le mépris pour l'étude avec le respect pour les vrais savans? J'ai vu ces contrariétés; et elles ne m'ont point rebuté. Ce n'est point la science que je maltraite, me suis-je dit; c'est la vertu que je défends devant des hommes vertueux. La probité est encore plus chère aux gens-de-bien, que l'érudition aux doctes. Qu'ai-je donc à redouter? Les lumières de l'Assemblée qui m'écoute? Je l'avoue; mais c'est pour la constitution du discours, et non pour le sentiment de l'orateur. Les Souverains équitables n'ont jamais balancé à se condamner eux-mêmes dans des discussions douteuses; et la position la plus avantageuse au bon droit, est d'avoir à se défendre contre une parti intègre et éclairée, juge en sa propre cause... (Collection complete des oeuvres de J. J. Rousseau, Genève, 1782, t. VII, p. 27).

¹⁾ Въ подлинникѣ: Mais s'il n'y a point de vice qui ne les domine, point de crime qui ne leur soit familier; si les lumières des Ministres, ni la prétendue sagesse des Loix, ni la multitude des Habitans de ce vaste Empire n'ont pu le garantir du joug du Tartare ignorant et grossier, de quoi lui ont servi tous ses Savans? Quel fruit a-t-il retiré des honneurs dont ils sont comblés? seroit-ce d'être peuplé d'esclaves et de méchans (Coll. compl. des oeuvres de J. J. Rousseau, Genève, 1782, t. VII, p. 35).

ную полемику ¹⁾. Отклики этого литературного спора донеслись и до Россіи. Переводчикъ разсужденія П. Потемкинъ счелъ долгомъ выразить свое несогласіе съ точкой зрѣнія Руссо; въ своемъ обращеніи „Къ читателю“ (стр. 3) онъ говоритъ: „Весьма странно, что человекъ такой (Руссо), будучи одаренъ великими талантами, имѣя всѣ способности къ высокому изображенію мыслей, всѣ преимущества подлежащія для писателя, и отъменной даръ въ красотѣ языка, предлагаетъ столь *несовмѣстное мнѣніе*“ и проч. Переводъ М. Ю(дина) сопровождался переводомъ полемической статьи одного изъ самыхъ сильныхъ антагонистовъ Руссо—Борда: „Рѣчь о пользѣ наукъ и художествъ, говоренная въ публичномъ собраніи Ліонской Академіи знаній и свободныхъ наукъ Г. Бордомъ 1751 года, іюня 22; и содержащая въ себѣ возраженіе противъ разсужденія Ж. Ж. Руссо, въ которомъ сей извѣстный писатель доказываетъ, что науки болѣе вреда, нежели пользы принесли человѣческому роду. Перевелъ съ французскаго на російскій языкъ Иванъ Рижскій. С.-Пб., 1792“. Переводъ этотъ печатался въ той же самой типографіи (Горнаго Училища), что и переводъ разсужденія Руссо М. Ю(дина), вышелъ въ одно время съ послѣднимъ, видимо, въ качествѣ второй части изданія или въ качествѣ сопровождающаго приложенія; въ экземплярѣ Импер. публичной бібліотеки (18. 93. 5. 10) обѣ брошюры соединены въ одинъ старинный (кожаный) переплетъ.

Противъ разсужденія Руссо высказался въ 1794 году Карамзинъ въ своей статьѣ „Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи“ ²⁾, гдѣ между прочимъ говорится: „Я чту великія твои дарованія, краснорѣчивый Руссо!.. но признаю мечты твои мечтами, парадоксы парадоксами. Вообще разсужденіе его о наукахъ есть, такъ сказать, логической хаосъ, въ которомъ видѣнъ только обманчивой порядокъ или призракъ порядка; въ которомъ сіяетъ только *возможное* солнце“...

Не эти ли обстоятельства, сперва не принятыя во вниманіе Жуковскимъ, заставили его потомъ прервать свой переводъ разсужденія Руссо?

Два другія произведенія Руссо переведены были Жуковскимъ полностью: *Le Lévitte d'Ephraïm* и *Lettres à Sara*.

„Левитъ Еффраимскій“ занимаетъ листы 10—18 въ рукописи № 17. Приводимъ начало:

¹⁾ *L. Ducros, J. J. Rousseau*. Р. 1908, р. 190; *М. Н. Розановъ, Ж. Ж. Руссо и литературное движеніе конца XVIII и нач. XIX в., т. I, М. 1910, стр. 137.*

²⁾ „Аглая“, кн. I, М. 1794, стр. 33 и слѣд.

„*Письмъ первая.* Священный гѣвъ добродѣтели, оживи мой голосъ. (Дерзаю говорить) Трепешу говоря о преступленіяхъ Веніаминовыхъ, о мщеніи сыновъ Израіля. Злодѣйства неслыханныя! (наказанія тяжелыя) безпримѣрное наказаніе! О смертныя, (читите свято, почитайте) любите красоту, непорочность, храните невинность и святость (правовъ) гостепрѣимства; будьте справедливы не жестокостію, милосерды (не слабостію) безъ малодушія, (скорѣе прощайте преступнаго) знайте, что лучше простить преступника, (нежели) чѣмъ наказывать невиннаго.

„Какое зрѣлище представлю вамъ, друзья добродѣтели, враги безчеловѣчныхъ, вамъ, которые, ужасаясь одного вида злодѣевъ—братій (вашихъ) своихъ, оставляете ихъ безъ наказанія; какое зрѣлище? Тѣло женщины, раз(рѣванное)орванное на части, нѣжныя члены растерзанныя, окровавленные, трепещущіе, передъ глазами двенадцати коленъ израильскихъ; цѣлый народъ, въ ужасѣ, въ трепетѣ, предъ лицемъ небеснаго правосудія, съ изступленіемъ (единогласно) въ одинъ голосъ восклицающій: нѣтъ, никогда (народъ израильскій) сыны Израіля не видали подобныхъ ужасовъ! Подвигнись, народъ священный, произнеси приговоръ строгій! Да погибнуть преступники. (Кто не дерзнетъ возрѣтъ на подобное злодѣйство и удалится...) Одинъ малодушный, одинъ предатель правосудія удалится и не дерзнетъ возрѣтъ на подобное злодѣйство; прямой другъ челоуѣчества (взираетъ) смотритъ на него безъ слабости, узнаетъ (истинну, судить) его, чтобы осудить, возненавидѣтъ. (Дерзнемъ) Осмѣлимся воейти въ подробности. Откроемъ источникъ вражды междуусобной, погубившей одно изъ коленъ священнаго народа, (и стоившей) кровопролитной и ужасной. Веніаминъ, (горестная, плачевная жертва) сынъ болѣзни и горести, невинная убійца матери, твои (нещастные) потомки осквернили(себя)съ преступленіемъ неслыханнымъ, приводящимъ въ трепетъ; на нихъ пала грозная рука мщенія.

„Во дни свободы, когда не имѣлъ царей народъ израильскій, было время смятенія и безначалія; (никто не признавалъ) не знали покорности, (никто не принималъ законовъ) противились верховной власти; (каждый исполнялъ собственную свою волю) внимали однимъ страстямъ необузданнымъ. Израіль, обитавшій разсѣянно по полямъ цвѣтушимъ, не имѣя городовъ пространныхъ и пышныхъ, простой обычаями и нравами, не (имѣлъ) чувствовалъ нужды въ законахъ. Но чистота невинности не всѣмъ была драгоценна. (Порокъ находилъ свою безопасность, не боялся наказанія посреди добродѣтельныхъ,

спокойный) Подъ кровомъ добродѣтели (тихой, мирной и неподозрительной, кроткой и безмятежной) мирной и безпечной порокъ находилъ убѣжище.

„Въ одинъ изъ сихъ (кратковременныхъ) промежутковъ тишины и согласія, неизвѣстныхъ и не славныхъ потому, что никакое преступленіе властолюбивыхъ, никакое злодѣйство не (отличаютъ) запечатлѣло ихъ, Левитъ Еффраимскихъ горъ увидѣлъ въ Вифлѣмѣ дѣвушку, прелестную, во цвѣтѣ лѣтъ, и полюбилъ ее сердцемъ. «Дочь Іуды,—сказалъ онъ ей,—ты не изъ одного колена со мною, ты не имѣешь брата; ты подобна дочерямъ Салпаадомымъ; я не могу быть супругомъ твоимъ по закону Божію. Но мое сердце принадлежитъ тебѣ; приди въ домъ мой; живи со мною; будемъ свободны въ своемъ союзѣ и счастливы другъ другомъ». Левитъ былъ молодъ и прекрасенъ; молодая дѣвушка улыбнулась; они соединились, и пошли на горы.

„Тамъ, наслаждаясь мирнымъ спокойствіемъ, столь драгоценнымъ для сердець простыхъ и нѣжныхъ, онъ вкушалъ въ своемъ уединеніи всѣ (прелести любви раздѣленной) пріятности любви взаимной...“ и проч.

Излагается исторія, заимствованная изъ Библии,—Книга Судей, гл. XIX—XXI. Руссо пересказалъ этотъ отрывокъ, обработавъ его въ видѣ поэмы (въ прозѣ) въ четырехъ пѣсняхъ; въ основу переработки легли свойственная Руссо страстная риторика, при помощи которой текстъ св. писанія получилъ значительное развитіе въ соотвѣтственномъ стилѣ, далѣе—культъ природы, на лонѣ которой совершается дѣйствіе, культъ страстнаго чувства, непосредственнаго, наивнаго, которое руководитъ всѣми поступками дѣйствующихъ лицъ ¹⁾.

¹⁾ О возникновеніи этой поэмы Руссо въ своихъ „Confessions“ (кн. XI) самъ рассказываетъ такъ: Борясь съ бессонницею, онъ усвоилъ привычку читать вечерами въ постелѣ; читалъ онъ обычно такимъ образомъ Библию, которую и прочиталъ этимъ способомъ отъ начала до конца пять или шесть разъ; однимъ вечеромъ,—вспоминаетъ онъ,—*me trouvant plus éveillé qu'à l'ordinaire, je prolongeai plus long-temps ma lecture, et je lus tout entier le livre qui finit par le Lévitte d'Ephraïm... Cette histoire m'affecta beaucoup, et j'en étois occupé dans une espèce de rêve... Черезъ нѣсколько дней Руссо вспомнилъ объ этомъ своемъ чтеніи; je me rappelai aussi, — продолжаетъ онъ,—les idylles de Gessner, que son traducteur Hubner m'avoit envoyées il y avoit quelque temps. Ces deux idées me revinrent si bien et se mêlèrent de telle sorte dans mon esprit, que je voulus essayer de les réunir en traitant à la manière de Gesser le sujet du Lévitte d'Ephraïm. Ce style champêtre et naïf ne paroissoit guère propre à un sujet si atroce, et il n'étoit guère à présumer que*

Въ Библии повѣствованіе начинается такъ:

„Въ тѣ дни, когда не было царя у Израиля, жилъ одинъ Левитъ на склонѣ горы Ефремовой. Онъ взялъ себѣ наложницу изъ Виелеема Іудейскаго. Наложница его поссорилась съ нимъ, и ушла отъ него въ домъ отца своего въ Виелеемъ Іудейскій, и была тамъ четыре мѣсяца. Мужъ ея всталъ и пошелъ за нею, чтобы поговорить къ сердцу ея, и возвратить ее къ себѣ“ и проч. ¹⁾.

Руссо прежде всего снабжаетъ свой пересказъ библейскаго сю-

ma situation présente me fournit des idées bien riantes pour l'égayer. Je tentai toutefois la chose, uniquement pour m'amuser dans ma chaise et sans aucun espoir de succès. A peine eus-je essayé que je fus étonné de l'aménité de mes idées, et de la facilité que j'éprouvois à les rendre. Je fis en trois jours les trois premiers chants de ce petit poëme, que j'achevai dans la suite à Motiers, et je suis sûr de n'avoir rien fait en ma vie où règne une douceur des moeurs plus attendrissante, un coloris plus frais, des peintures plus naïves, un costume plus exact, une plus antique simplicité en toute chose, et tout cela, malgré l'horreur du sujet, qui dans le fond est abominable, de sorte qu'outré tout le reste j'eus encore le mérite de la difficulté vaincue. Le Lévitte d'Ephraïm, s'il n'est pas le meilleur de mes ouvrages, en sera toujours le plus chéri. Jamais je ne l'ai relu, jamais je ne le relirai sans sentir en dedans l'applaudissement d'un coeur sans fiel, qui loin de s'aigrir par ses malheurs, s'en console avec lui-même, et trouve en soi de quoi s'en dédommager. (Collection des oeuvres compl. de J. J. Rousseau, Genève, 1789, t. XVII, pp. 28, 37—38).

¹⁾ Напомню содержаніе разсказа въ Книгѣ Судей: Отецъ наложницы Левита съ радостью встрѣтилъ его и своимъ гостепримствомъ удерживалъ его цѣлыхъ пять дней; наконецъ лишь передъ вечеромъ пятаго дня Левитъ удалился съ наложницей, которая рѣшилась возвратиться къ нему. Закатъ солнца всталъ ихъ подлѣ Гивы Веніаминовой; они вошли въ городъ; старикъ родомъ съ горы Ефремовой пріютилъ ихъ въ своемъ домѣ на ночлегъ. Развратные жители Гивы окружили домъ, стучались въ двери и требовали у хозяйина: выведи челоуѣка, вошедшаго въ домъ твой, мы познаемъ его; хозяйинъ упрасивалъ ихъ не дѣлать этого безумія, но они не хотѣли слушать его. Тогда мужъ взялъ свою наложницу и вывелъ къ нимъ на улицу. Они познали ее, и ругались надъ нею всю ночь до утра. Отъ насилій женщина умерла. Левитъ, пришедши въ домъ свой, взялъ ножъ, и, взявъ наложницу свою, разрѣзалъ ее по членамъ ея на двѣнадцать частей, и послалъ во всѣ предѣлы Израилевы. Народъ рѣшилъ виновныхъ жителей Гивы казнить смертию, но сыны Веніаминовы не выдали ихъ; произошло вооруженное столкновеніе, въ сѣчѣ сыны Веніаминины потерпѣли страшное пораженіе, множество ихъ пало въ битвѣ, города со всѣмъ въ нихъ находившимся были истреблены. Израилтяне повѣялись не давать удѣлѣвшимся остаткамъ сыновъ Веніаминовыхъ своихъ дочерей въ замужество. Цѣлое колено Израильское готово было исчезнуть. Но народъ сжалился надъ нимъ, и Веніамининамъ были отданы дѣвицы изъ Іависа Галаадскаго; когда ихъ оказалось недостаточно, то Веніамининамъ посовѣтовали устроить похищеніе дѣвицъ Силомскихъ. Тѣ такъ и поступили.

жета краснорѣчивымъ вступленіемъ ¹⁾); далѣе — фраза Библии о немѣннѣ царя у Израиля даетъ поводъ къ цѣлой тирадѣ съ прославленіемъ свободы и жизни на лонѣ природы ²⁾); фраза „онъ взялъ себѣ наложницу“ обратилась у Руссо въ цѣлую чувствительную сценку ³⁾); Руссо не остановился и передъ дополненіемъ сюжета собственными вымыслами: въ IV пѣснь имъ введенъ мотивъ о любви Аксы и Эльмасина и о самопожертвованіи Аксы и, по ея примѣру, другихъ двѣхъ Ефраимскихъ — на благо народа ⁴⁾).

Жуковский полностью перевелъ всѣ четыре пѣсни поэмы Руссо. Переводъ довольно близокъ къ подлиннику, какъ показываетъ сличеніе.

Начало второй пѣсни: „Молодой Левитъ, восхищенный возвращеніемъ милой супруги, продолжалъ путь свой съ веселымъ сердцемъ. Солнечный жаръ и пыль его беспокоили, подобно какъ всякое дуновеніе ветерка беспокоитъ мать, несущую младенца своего къ кормилицѣ. Уже вдали на правой рукѣ (отрывались, представлялись глазамъ его) показывались башни города Іевуса: древнія стѣны его могли быть убѣжищемъ для странника на время ночи. Служитель

¹⁾ Приводимъ отрывокъ изъ этого вступленія для сличенія съ переводомъ Жуковского: *Sainte colère de la vertu, viens animer ma voix; je dirai les crimes de Benjamin, et les vengeances d'Israël; je dirai les forfaits inouis, et des châtimens encore plus terribles. Mortels, respectez la beauté, les moeurs, l'hospitalité; soyez justes sans cruauté, miséricordieux sans foiblesse; et sachez pardonner au coupable, plutôt que punir l'innocent. O vous, hommes débonnaires, ennemis de toute inhumanité; vous qui, de peur d'invisager les crimes de vos frères, aimez mieux les laisser impunis, quel tableau viens-je offrir à vos yeux? Le corps d'une femme coupé par pièces; ses membres déchirés et palpitations envoyés aux douze Tribus; tout le peuple, saisi d'horreur, etc. (Collect. compl. des oeuvres de J. J. Rousseau, Genève, 1782, t. VII, p. 163).*

²⁾ Dans les jours de liberté où nul ne régnoit sur le peuple du Seigneur, il fut un tems de licence où chacun, sans reconnoître ni magistrat ni juge, étoit seul son propre maître et faisoit tout ce qui lui sembloit bon. Israël, alors épars dans les champs, avoit peu de grandes villes, et la simplicité de ses moeurs rendoit superflu l'empire des loix... (Ibidem, p. 164).

³⁾ Un Lévitte des monts d'Ephraïm vit dans Bethléem une jeune fille qui lui plut. Il lui dit: Fille de Juda, tu n'es pas de ma Tribu, tu n'a point de frère; tu es comme les filles de Salphaad, et je ne puis t'épouser selon la loi du Seigneur. Mais mon coeur est à toi; viens avec moi, vivons ensemble; nous serons unis et libres; tu feras mon bonheur, et je ferai le tien. Le Lévitte étoit jeune et beau; la jeune fille sourit; ils s'unirent, puis il l'emmena dans ses montagnes (ibid., 164).

⁴⁾ Тамъ же, стр. 184—185.

сказалъ своему господину: день (скрывается) исчезаетъ, (темнота) сумракъ скоро покроетъ насъ. (Войдемъ) Жители города Іевуса дадутъ намъ пристанища; пойдѣмъ къ нимъ; завтра можешь достигнуть до Гебы...“ 1).

Начало пѣсни третьей: „(Народъ Израильскій потрясся...) (Сыны Израиля потряслись, соединились, оставили дома свои) Сыны Израиля восколебались, (оставили свои жилища) вышли изъ домовъ своихъ, столпились, потекли къ Масфѣ, предъ лице (Бога всемогущаго, вѣчнаго... Божіе, Господне) Судіи правосуднаго, подобно рою пчель, (которыя съ шумомъ собираются вокругъ матки своей) съ жужжаніемъ летящихъ къ маткѣ. (Всѣ до одинаго предстали) Пришли всѣ, пришли отовсюду, (весь сонмъ, какъ одинъ мужъ) согласно, единодушно, отъ Дана до Вирсавіи, отъ Галаада до Масфы“ 2)...

Начало пѣсни четвертой: „Сыны Израиля, оплакавъ зло, причиненное (ими въ гнѣвѣ) ихъ гнѣвомъ, (начали совѣтоваться о тѣхъ средствахъ...) подумали о томъ, какъ бы опять возстановить потомство Іакова въ совершенной цѣлости. Сожалѣя (объ участи) о судьбѣ шестисотъ вѣніамитянъ, удалившихся на утесъ Реммонскій, они сказали: Что сдѣлаемъ для сохраненія сего послѣдняго, драгоценнаго остатка отъ колена, почти угасшаго между нами? Они клялись передъ лицемъ Господа въ Масфѣ, говоря: Никто изъ насъ да не смѣшаетъ крови своей съ кровію Вѣніамина. И чтобы уклониться отъ сей жестокой клятвы, (стремясь къ...) помышляя о новыхъ убійствахъ, они изчислили воинство, дабы узнать, всѣ ли (исполнили торжественную клятву) сохранили обѣтъ торжественный явиться съ

¹⁾ Оригиналъ: Le jeune Lévitte suivoit sa route avec sa femme, son serviteur et son bagage, transporté de joie de ramener l'amie de son coeur, et inquiet du soleil et de la poussière, comme une mère qui ramene son enfant chez la nourrice, et craint pour lui les injures de l'air. Déjà l'on decouvroit la ville de Jébus à main droite, et ses murs aussi vieux que les siècles, leur offroient un asyle aux approches de la nuit. Le serviteur dit donc à son maître: vous voyez le jour prêt à finir; avant que les ténèbres nous surprennent, entrons dans la ville des Jébuséens, nous y chercherons un asyle, et demain, poursuivant notre voyage, nous pourrons arriver à Geba (ibid., 169).

²⁾ Оригиналъ: Cependant vous eussiez vu tout le Peuple de Dieu s'émouvoir, s'assembler, sortir de ses demeures, accourir de toutes les tribus à Maspha devant le Seigneur, comme un nombreux essaim d'abeilles se rassemble en bourdonnant autour de leur Roi. Ils vinrent tous, ils vinrent de toutes parts, de tous les cantons, tous d'accord comme un seul homme depuis Dan jusqu'à Beersabée, et depuis Galaad jusqu'à Maspha (ibid., 175).

оружіемъ къ стѣнамъ Гаваона. Всѣ являлись, кромѣ обитателей Явеса Галаадскаго“ 1)...

Окончаніе четвертой пѣсни: „Глухой шумъ послышался въ народномъ собраніи) Народъ зашумѣлъ, поколебался. Но Эльмасинъ (выступаетъ впередъ) выходитъ передъ сонмище и даетъ знакъ рукою. (Потомъ возвысивъ голосъ) Все умолкаетъ, онъ говоритъ: О Акса, о любезная моего сердца, услышь торжественную клятву Эльмасина. (Я не могу обладать тобою, Я долженъ тебя...) Ты одна была мною любима, никто кромѣ тебя не будетъ обладать моимъ сердцемъ; отныне все мое блаженство заключится въ прелестныхъ воспоминаніяхъ моей юности, украшенной любовію и непорочною. Никогда желѣзо не прикасалось главѣ моей, никогда уста мои виномъ не орошались, я чистъ сердцемъ и тѣломъ: (служители) священники Бога живаго (Всемогущаго), посвящая себя Его служенію; примите назарянна Господня.

„Въ сію минуту всѣ дѣвы силомскія, оживленныя (какимъ то) внезапнымъ вдохновеніемъ, подвигнутыя примѣромъ Аксы, (хотя, желаютъ) стремятся ей уподобиться (великодушнымъ пожертвованіемъ любви своей), забываютъ своихъ любезныхъ и летятъ въ объятія Веніамитянь. Израиль, пораженный симъ трогательнымъ зрѣлищемъ, восклицаетъ громогласно: Дѣвы Эфраимскія, вами оживится погибшій родъ Веніамина. Благословеніе Богу отцевъ нашихъ: есть еще добродѣтельныя во израилѣ“ 2).

1) Оригиналъ: Après avoir gémi du mal qu'ils avoient fait dans leur colère, les enfans d'Israël y cherchèrent quelque remède qui pût rétablir en son entier la race de Jacob mutilée. Emus de compassion pour les six cents hommes réfugiés au rocher de Rhimmon, ils dirent: que ferons-nous pour conserver ce dernier et précieux reste d'une de nos Tribus presque éteinte? Car ils avoient juré par le Seigneur, disant: si jamais aucun d'entre nous donne sa fille au fils d'un enfant de Jemini et mêle son sang au sang de Benjamin, etc. (ib. 181).

2) Un bruit s'excite dans l'assemblée. Mose Elmacin s'avance et fait signe de la main. Puis élevant la voix: écoute, ô Axa, lui dit-il, mon vœu solennel. Puisque je ne puis être à toi, je ne serai jamais à nulle autre; le seul souvenir de nos jeunes ans que l'innocence et l'amour ont embellis me suffit. Jamais le fer n'a passé sur ma tête, jamais le vin n'a mouillé mes lèvres, mon corps est aussi pur que mon coeur. Prêtres du Dieu vivant, je me voue à son service; recevez le Nazaréen du Seigneur. Aussi-tôt, comme par une inspiration subite, toutes les filles, entraînées par l'exemple d'Axa imitent son sacrifice, et renonçant à leurs premières amours se livrent aux Benjamites qui les suivoient. A ce touchant aspect il s'élève un cri de joie au milieu du Peuple. Vierges d'Ephraïm, par vous Benjamin va renaître. Béni soit le Dieu de nos pères: il est encore des vertues en Israël (ib., 185—186).

Подвергать окончательной отдѣлкѣ, переписывать и печатать этого перевода нашъ поэтъ, однако, не сталъ: можетъ быть, потому, что узналъ о существованіи уже въ печати этого произведенія Руссо въ русскомъ переводѣ: еще въ 1802 году въ Москвѣ вышла книжка „Ефраимской Левитъ, поэма Ж.-Ж. Руссо“, перев. съ французскаго П. Ае. Пельскій ¹⁾, которая давала очень близкій къ оригиналу полный переводъ всѣхъ четырехъ пѣсенъ поэмы; начало этого перевода:

„*Письмъ первая.* Святый гнѣвъ добродѣтели! приди оживить гласъ мой! Я буду повѣствовать преступленія Веніамина и мщеніе Израила. Я буду повѣствовать неслыханныя злодѣянія и еще ужаснѣйшее наказаніе. Смертныя! почитайте красоту, нравы, гостепріимство; будьте справедливы безъ жестокости, милостивы безъ слабости, и умѣйте лучше простить виновнаго, чемъ наказывать невиннаго“.

Окончаніе: „Тотъ часъ, какъ будто бы скоропостижнымъ вдохновеніемъ, всѣ дѣвы, влекомыя примѣромъ Аксіи, подражаютъ ей, и оставя прежнія свои привязанности, отдаются слѣдующимъ за ними Веніаминтамъ. При семъ трогательномъ позорищѣ подымается радостный крикъ посреди народа: Дѣвы Ефрайма! вами паки возродится Веніаминтъ! Благословенъ Господь Богъ отцовъ нашихъ: добродѣтели существуютъ еще во Израилѣ“.

Переведенныя Жуковскимъ „Письма къ Сарѣ“ занимаютъ листы 19—24 рукописи № 17.

Повторенъ эпиграфъ Руссо: *Jam nec spes animi credula tutui.* Hor.
Слѣдуетъ предисловіе *Отъ сочинителя*:

„Слѣдующія четыре письма сочинены по вызову. (Спро...). Хотѣли знать, можетъ ли не быть смѣшнымъ любовникъ, прожившій полвѣка. Мнѣ казалось, что человѣкъ, во всякое время жизни, подверженъ искушенію, что (всякому сѣдому обожателю позволено написать четыре письма, не больше) всякой сѣдой обожатель, не опасаясь потерять (доброе имя) уваженія честныхъ людей, можетъ написать четыре любовныхъ письма, не больше. Начто говорить о причинахъ, которыя заставили меня такъ думать. Ихъ угадають, читая сіи письма, и будутъ судить объ нихъ по прочтеніи“ ²⁾.

¹⁾ *Геннади*, Аноним. книги, стр. 8.

²⁾ Срв. *J. J. Rousseau*, *Lettres à Sara*. Avertissement: On comprendra sans peine comment une espèce de défi a pu faire écrire ces quatre lettres. On demandoit si un Amant d'un demi-siècle pouvoit ne pas faire rire. Il m'a semblé qu'on

Начало перваго письма: „Ты читаешь въ моемъ сердцѣ, милая Сара; (ты знаешь мою тайну) тайна его тебѣ открыта, я это вижу, чувствую. (Любопытные взоры твои) Ты безпрестанно за мною слѣдуешь любопытными взорами, хочешь видѣть, какъ сильно дѣйствуютъ твои прелести. Жестокая, сіи (твои) презрительныя ласки, сей довольный видъ, сіе очаровательное обхожденіе со мною, (все) увѣряетъ меня, что ты веселишься въ тайнѣ моимъ страданіямъ; съ улыбкою насмѣшки ты торжествуешь надъ несчастнымъ, отчаяннымъ, для котораго любовь есть поношеніе. Ошибаешься, милая Сара, я не смѣшонъ, а (жалокъ) только несчастливъ: достоинъ жалости, не презренія, (не презирать меня, сожалѣть обо мнѣ должно; я ни въ чемъ себя не обманывалъ) потому что не говорю себѣ,—не льщу своему самолюбію,—что я молодъ, хорошъ, могу нравиться, любя страстно. Гибельное очарованіе, ослѣпившее (мою душу, не препятствуетъ мнѣ видѣть Сару) мое сердце, украсившее тебя всеми прелестями въ глазахъ моихъ, (не мѣшаетъ мнѣ видѣть себя самого безъ предубѣжденія) не совсемъ лишило меня разсудка: (не видя Сары, я вижу себя) смотря на Сару съ восторгомъ, я могу смотрѣть на себя съ хладнокровіемъ“, и проч. ¹⁾

Переводъ довольно точенъ и близокъ къ подлиннику.

Конецъ: „Вотъ желаніе, дозволенное тому, кто любитъ, не будучи любимымъ. О Сара, люби и будь любима. (Я умру съ веселымъ сердцемъ, если увижу, что...) Видя (твое щастіе), что ты спокойна и (щастлива) довольна, я умру безъ горести“ ²⁾.

pouvoit se laisser surprendre à tout âge, qu'un Barbon pouvoit même écrire jusqu'à quatre lettres d'amour, et intéresser encore les honnêtes gens, mais qu'il ne pouvoit aller jusqu'à six sans se déshonorer. Je n'ai pas besoin de dire ici mes raisons, on peut les sentir en lisant ces Lettres; après leur lecture on en jugera (Coll. compl. d. oeuvres de J. J. Rousseau, VII, 188).

¹⁾ Въ подлинникѣ письмо начинается такъ: Tu lis dans mon coeur, jeune Sara; tu m'as pénétré, je le sais, je le sens. Cent fois le jour ton oeil curieux vient épier l'effet de tes charmes. A ton air satisfait, à tes cruelles bontés, à tes méprisantes agaceries, jé vois que tu jouis en secret de ma misère; tu t'applaudis avec un souris moqueur du désespoir où tu plonges un malheureux, pour qui l'amour n'est plus qu'un opprobre. Tu te trompes, Sara, je suis à plaindre, mais je ne suis point à railler: je ne suis point digne de mépris, mais de pitié, parce que je ne m'en impose ni sur ma figure ni sur mon âge, qu'en aimant je me sens indigne de plaire, et que la fatale illusion qui m'égare, m'empêche de te voir telle que tu es, sans m'empêcher de me voir tel que je suis, etc. (Тамъ же, стр. 189).

²⁾ Оригиналъ: C'est le seul desir permis à quiconque ose aimer sans être aimable. Aime et sois aimée, ô Sara. Vis contente, et je mourrai content (тамъ же, 190).

Письмо второе начинается такъ: (Написавши одно письмо къ тебѣ, Сара, для чего не писать другаго) Я писалъ къ тебѣ Сара; пишу опять. Мой первый проступокъ влечетъ за собою другой: но я, (повѣрь мнѣ) не сомнѣвайся въ этомъ, могу остановиться; твое обхожденіе со мною, ослѣпленнымъ, будетъ мѣрою чувствъ моихъ, когда исчезнетъ очарованіе“...

Конецъ: „Къ чему же ты чувствительна? Лице твое обѣщаетъ душу,—(обмань!) оно лжетъ: ты имѣешь одно только звѣрство... Ахъ! Сара! я ожидалъ отъ твоего сердца по крайней мѣрѣ утѣшенія“ ¹⁾).

Письмо третье: „Наконецъ ты довольна, Сара! Я пристыженъ, я совершенно униженъ! (Для того ли я сердился, боролся. Вотъ къ чему привели меня... послужило мнѣ мое постоянство...) Моя досада, мое жестокое сраженіе съ самимъ собою, мое постоянство и твердость были напрасны: вотъ къ чему они привели меня! Я былъ бы не столь низокъ, естли бы меньше противился? Какъ! и я могъ сравниться съ вѣтренымъ мальчикомъ! могъ цѣлые два часа стоять на коленяхъ передъ ребенкомъ, обливать слезами ея руки, могъ ей позволить утешать меня, жалѣть обо мнѣ, отирать мои глаза, помраченные лѣтами!“...

Конецъ: „О Сара, милая, плѣнительная Сара! я потерялъ все чувство раскаянія, весь стыдъ; я могу только думать о тебѣ; только чувствовать пламя, снедающее мою душу: (твои оковы) пускай смѣются надъ моимъ изступленіемъ; въ оковахъ твоихъ презираю (мнѣніе) ругательства цѣлаго міра! Мнѣ ли думать о томъ, что (скажутъ обо мнѣ люди) найдутъ во мнѣ люди. Я имѣю для тебя сердце юноши—довольно!“ ²⁾).

¹⁾ Подлинникъ: Puisque je vous ai écrit, je veux vous écrire encore. Ma première faute en attire une autre; mais je saurai m'arrêter, soyez-en sûre; et c'est la manière dont vous m'avez traité durant mon délire, qui décidera de mes sentimens à votre égard quand j'en serai revenu...

Insensible à mon état tu dois l'être à tout sentiment honnête. Ta figure promet une âme; elle ment, tu n'as que de la férocité... Ah Sara! j'aurais attendu de ton bon coeur quelque consolation dans ma misère (тажъ же, стр. 191—192).

²⁾ Подлинникъ: Enfin, rien ne manque plus à ma honte, et je suis aussi humilié que tu l'as voulu. Voilà donc à quoi ont abouti mon dépit, mes combats, mes résolutions, ma constance? Je serois moins avili si j'avois moins résisté. Qui, moi! j'ai fait l'amour en jeune-homme? j'ai passé deux heures aux genoux d'un enfant?...

Три первыя „Письма къ Сарѣ“ появились въ точномъ и близкомъ къ подлиннику русскомъ переводѣ въ VI части „Иппокрены“ на 1800 годъ, стр. 193—203:

Ты читаешь въ сердцѣ моемъ, юная Сара! ты проникнула въ него; я это знаю, я это чувствую. Сто разъ въ день любопытный взоръ твой извѣдываетъ успѣхъ твоихъ прелестей. Изъ твоего довольнаго вида, изъ жестокихъ милостей, изъ презрительныхъ уловокъ твоихъ я вижу, что ты тайно наслаждаешься моимъ несчастіемъ, и проч. (письмо первое).

Я писалъ къ тебѣ однажды, опять къ тебѣ пишу. Моя первая вина влечетъ за собою другую; но будь увѣрена: я знаю, когда мнѣ остановиться; ты, ты такъ же поступала со мною въ моемъ безуміи, такъ и я прерву свои чувствованія возвратясь къ разуму, и проч. (письмо второе).

Наконецъ ничего не остается къ моему стыду, и я столько униженъ, сколько ты хотѣла. Вотъ чѣмъ кончилось мое упорство, борьба, рѣшительность, твердость! Менѣе еще было бы стыда, если бы менѣе я противился, и проч. (письмо третье).

Вліянія этого перевода на Жуковскаго не замѣчается; это и понятно: нашъ поэтъ владѣлъ русскимъ литературнымъ языкомъ гораздо лучше, и конечно не могъ подчиниться вліянію болѣе слабого въ стилистическомъ отношеніи перевода.

Жуковский перевелъ и четвертое (последнее) письмо къ Сарѣ. Приводимъ текстъ его полностью:

„Какъ, Сара? Тебя ли я боялся, тебя ли стыдился любить съ такою силою? О, Сара! (единственная) несравненная душа (милая, прелестная), единственная! какъ могу не почитать себя, когда имѣю сердце, способное знать твою цѣну. Такъ, стыжусь любви своей — она была слишкомъ несовершенна, слишкомъ безсильна, слишкомъ недостойна своего предмета. Шестъ мѣсяцевъ ты восхищаешь мои глаза и сердце; шесть мѣсяцевъ (живу) душа моя наполнена, оживлена тобою; но только вчера (узналъ я, какъ) научился я лю-

Oui, Sara, oui, charmante Sara, j'ai perdu tout repentir, toute honte; je ne me souviens plus de moi; je ne sens que le feu qui me dévore; je puis dans tes fers braver les huées du monde entier. Que m'importe ce que je peux paroître aux autres? j'ai pour toi le coeur d'un jeune-homme, et cela me suffit. L'hiver a beau couvrir l'Etna de ses glaces, son sein n'est pas moins embrasé (Ibid., 193—194).

бить тебя въ совершенствѣ. Когда ты говорила, когда слова и чувства, достойныя тебя, выражались твоими устами, (ты измѣнилась) (мнѣ) восхищеннымъ взорамъ моимъ казалось, что все твое лице, твой станъ, твой образъ, твои черты перемѣнились! Не знаю, какой очаровательный пламень стремился изъ глазъ твоихъ; какое блистаніе (лучей) тебя окружало! Ахъ, Сара, естли ты существо не смертное, ангель, слетѣвшій съ неба указать истинный путь заблужденному, (скажи) отрой мнѣ сію тайну; можетъ быть, еще время. (Не дай мнѣ) Да умрутъ желанія моего сердца, невольныя, но для тебя оскорбительныя. Увы, естли я обмануть моею страстію, моимъ изступленіемъ, моими дерзкими надеждами, уничтожь (очаровательное) это прелестное заблужденіе, (научи меня) скажи, какъ должно тебя обожать.

„Ты завладѣла мною, Сара, овладѣла совершенно. (Я люблю) Ты научила меня любить мое безумство, но слишкомъ жестоко даешь его чувствовать. Когда я сравниваю свои поступки съ твоими, то нахожу мудреца въ молодой дѣвушкѣ и въ старикѣ ребенка. Твоя кротость величественная, (запечатленная) соединенная съ такимъ умомъ, съ такимъ благородствомъ, гораздо выразительнѣе самаго жестокаго приѣма: она (заставила меня) больше всякихъ упрековъ устыдила меня передъ самимъ собою. Вчера тонъ разговоровъ твоихъ, (больше обыкновеннаго) необыкновенно важный, далъ мнѣ сильно почувствовать, что я не долженъ (ожидать ихъ повторенія) принуждать тебя къ ихъ повторенію. Понимаю тебя, Сара; (понимаю и докажу тебѣ) и ты увидишь, что я достоинъ тебѣ нравиться естли не своею любовію, то чувствами, съ нею соединенными. Заблужденіе мое будетъ такъ же непродолжительно, какъ было сильно; ты мнѣ его показала—довольно; я выду изъ заблужденія, будь въ этомъ увѣрена: никогда, со всемъ моимъ безумствомъ, не сдѣлалъ бы я перваго шага, естли бы могъ видѣть, сколь оно велико. Я стоилъ упрековъ, ты подавала мнѣ совѣты; я былъ преступникъ, ты видѣла во мнѣ только слабаго человѣка. Но я (могу) умѣю сказать себѣ то, чего не сказала мнѣ Сара: умѣю (называть) дать моимъ поступкамъ то имя, котораго не хотѣла она дать имъ; она узнаетъ, что сердце мое благородно, хотя, по незнанію, могло быть низкимъ. О, Сара, не мои, но больше твои лѣта сдѣлали меня виновнымъ. (Совершенное преврѣніе къ самому себѣ) Совершенно презирая себя, я не могъ видѣть ясно, сколь недостойнъ мой поступокъ. Тридцать лѣтъ разницы между нами давали мнѣ чувствовать одинъ только

стыдъ мой и скрывали отъ меня твою опасность, и какую опасность! (могло ли мое самолюбіе) Я слишкомъ мало цѣнилъ себя, чтобы почитать ее возможною; (не воображалъ въ себѣ способности) слишкомъ былъ увѣренъ въ своей неспособности уловить твою невинность и естъли бы ты (меньше) не столь добродѣтельна, то я (не думая) безъ мысли могъ сдѣлаться обольстителемъ (безъ всякаго намеренія).

„О Сара, добродѣтель твоя (будеть) подвержена опаснѣйшимъ искушеніямъ; лучшій выборъ представленъ твоимъ прелестямъ. Но долгъ мой зависить ли отъ твоихъ прелестей и добродѣтели? Нѣтъ, Сара, голосъ его внятень моему сердцу, я хочу ему повиноваться. Для чего моихъ заблужденій я не могу навѣки изгладить изъ твоей памяти! Для чего я самъ не могу забыть (объ и)ихъ совершенно! Ахъ, я чувствую, что рана сія никогда не закроется! (Мои старанія залѣчить) Хочу залѣчить ее, и только что растравляю. Мой (рокъ) удѣлъ пылать до (самаго) гроба (сильнѣйшею) неисцѣлимою страстію; всякой день сильнѣе, всякой день безнадежнѣе. Могу ли сказать („не чувствуй“) „умри“ своему сердцу; но, Сара, я могу молчать, — (прими обѣщаніе человѣка, не способнаго измѣнить своему слову, даю тебѣ слово) обѣщаю(сь),—и сдержу свое слово—никогда не говорить тебѣ (объ этой) о страсти безумной и несчастной, которая могла умереть при своемъ рожденіи, но теперь усіялся умереть только со мною. Все во мнѣ умолкнетъ; глаза мои (забудутъ) не будутъ выражать сокровеннаго въ (душѣ моей) моемъ сердцѣ: но запрети своимъ вырывать изъ него бѣдственную (сію) тайну. Всему готовъ противиться кромѣ твоихъ взглядовъ. Ахъ, Сара, ты знаешь, какъ легко тебѣ сдѣлать меня клятвопреступникомъ. Сіе торжество, для тебя вѣрное, для меня посрамительное, можетъ ли прельщать твою прекрасную душу? Нѣтъ, (милая) моя Сара, не оскверняй того храма, въ которомъ тебѣ поклоняются; оставь какую-нибудь добродѣтель сердцу, всего лишенному тобою.

„Не могу и не хочу возвратить несчастной тайны, которая сама обнаружилась; поздо, пускай она останется твоею; она такъ ничтожна, что скоро была бы забыта тобою, когда бы воспоминаніе объ ней не возобновлялось безпрестанно. Ахъ, какъ-бы я былъ (несчастенъ) жалокъ въ своей бѣдности, когда бы не зналъ, что ты сожалѣешь, объ ней, тѣмъ больше сожалѣешь, что никогда не можешь меня утѣшить. Ты будешь видѣть меня всегда такимъ, каковъ я долженъ быть; но знай каковъ я въ самомъ дѣлѣ. Никогда слова мои

не будутъ выраженіемъ пылающаго сердца; но позволю мнѣ къ тебѣ писать: больше нечего не требую. Буду приближаться къ тебѣ какъ къ Божеству, передъ которымъ страсти умолаютъ и нѣмѣютъ. Твоя добродѣтель уничтожить все очарованіе твоихъ прелестей; передъ тобою сердце мое будетъ чисто. Говоря тебѣ только то, что (ты должна слышать) тебѣ прилично, что не противно святой невинности, я потеряю возможность сдѣлаться обольстителемъ; перестану почитать себя смѣшнымъ, когда не буду смѣшенъ въ глазахъ твоихъ; не пожелаю быть виновнымъ, ибо не могу быть виновенъ въ твоёмъ присутствіи.

„Писать къ тебѣ? Нѣтъ, Сара, никогда (не допускай этого) на это не соглашайся! Такое желаніе не должно имѣть мѣста въ моемъ сердцѣ. Я бы не столько почиталъ тебя, если бы думалъ, что ты способна къ (такому) сему снисхожденію. Сара, (даю тебѣ) вотъ оружіе, которымъ ты можешь отъ меня защититься. Не будь моимъ повереннымъ, будь только хранителемъ моей тайны: ты знаешь ее; довольно, всякое новое повтореніе бесполезно. Итакъ (умолкну) замолчу: и что еще могу сказать тебѣ? Моя Сара, презри меня, лиши своего присутствія, если когда-нибудь увидишь страстнаго любовника въ другѣ, тобою избранномъ. Говорю тебѣ „прости на вѣки“, не имѣя силъ разлучиться съ тобою — (эта жертва осталась послѣднею) послѣдняя моя жертва, единственно достойная моего сердца и твоихъ добродѣтелей“¹⁾.

Зачеркнутая помѣта: 4-го августа. Повидимому, это былъ августъ 1805 года, когда Жуковский систематически ежедневно занимался переводами, — „переводы не всякой день идутъ удачно“, отмѣчаетъ онъ въ дневникѣ²⁾.

¹⁾ Начало этого письма въ подлинникѣ: *Quoi! c'étoit vous que je redoutois; c'étoit vous que je rougissois d'aimer? O Sara, fille adorable, ame plus celle que ta figure! Si je m'estime désormais quelque chose, c'est d'avoir un coeur fait pour sentir tout ton pris. Oui, sans doute, je rougis de l'amour que j'avois pour toi, mais c'est parce qu'il étoit trop rampant, trop languissant, trop faible, trop peu digne de son objet...*

Конецъ: *Je me tairai: qu'aurois-je de plus à te dire? Bannis-moi, méprise-moi désormais, si tu revois jamais ton amant dans l'ami que tu t'es choisi. Sans pouvoir te fuir, je te dis adieu pour la vie. Ce sacrifice étoit le dernier qui me restoit à te faire. C'étoit le seul qui fût digne de tes vertus et de mon coeur (Coll. compl. d. oeuvres de J. J. Rousseau, VII, 195, 198).*

²⁾ Дневники Жуковского, съ примѣч. И. А. Бычкова, стр. 26, § 21 (августа 26, 1805 года).

Помѣта эта даетъ основаніе отнести переводъ „Писемъ къ Сарѣ“ къ июлю—августу 1805 г.; вмѣстѣ съ тѣмъ и всю затѣю Жуковскаго издать собраніе сочиненій Руссо, къ выполнению которой онъ и приступилъ,—приходится приурочить къ тому же 1805 году.

Въ пачкѣ бумагъ Жуковскаго № 18 сохранился переводъ четырехъ писемъ Ж. Ж. Руссо; судя по почерку, переводы эти относятся къ этому же періоду деревенской жизни поэта, и, очевидно, предназначались для включенія въ первый томъ затѣяннаго собранія сочиненій Руссо. Оригиналы переведенныхъ писемъ въ старомъ французскомъ изданіи слѣдуютъ одинъ за другимъ,—отсюда, повидимому, и взялъ Жуковский группу ихъ.

Переведены слѣдующія письма:

1) *Отрывокъ отъ письма къ Дидроту*. Ты жалуешься на (огорченія) зло, мною тебѣ сдѣланныя! (Какія огорченія?) Какое зло? Скажи мнѣ, что ты называешь (огорченіемъ) зломъ? Не то ли, что я не совсемъ терпѣливъ, когда ты самого меня огорчаешь; не то ли, что не люблю сносить твоего тиранства; досаду, когда ты не исполняешь даннаго мнѣ слова; общавъ ко мнѣ притти, никогда не приходишь? Другого зла я никогда тебѣ не дѣлалъ:...

Конечъ: Человѣкъ жестокой и нечувствительный! двѣ слезы на мое сердце были бы для меня драгоценнѣе всѣхъ троновъ на свѣтѣ; но ты не имѣешь слезъ, ты только меня умѣешь заставить плакать: удались, я ничего больше отъ тебя не требую¹⁾.

Жуковский близко воспроизводитъ здѣсь „Fragment d'une lettre à M. Diderot“:

Vous vous plaignez beaucoup des maux que je vous ai fait. Quels sont-ils donc, enfin, ces maux? Seroit-ce de ne pas endurer assez patiemment ceux que vous aimez à me faire, de ne pas me laisser tyranniser à vorte gré, de murmurez quand vous affectez de me manquer de parole, et de ne jamais venir lorsque vous l'avez promis? Si jamais je vous ai fait d'autres maux, articulez-les, etc.²⁾.

2) *Письмо къ нему же, 2-го марта 1758*. (Надобно) Я долженъ мой любезный Дидротъ, написать тебѣ еще (одинъ) разъ въ моей жизни. Ты слишкомъ меня отъ этого (удовольствія) уволилъ; но что дѣлать, не имѣя духу (тебя оставить) отъ тебя оторваться: вотъ глав-

¹⁾ Бумаги Жуковскаго, № 18, л. 32.

²⁾ Collection complète des oeuvres de J. J. Rousseau, Genève 1782, t. XII, pp. 212—213.

ное преступленіе того человѣка, котораго ты чернишь такимъ (непоказнымъ) страннымъ образомъ....

Конецъ: Ты могъ быть обольщенъ и обманутъ; между тѣмъ другъ твой томится въ уединеніи, забытый всею, что было ему (драгоцѣнно) дорого; онъ можетъ притти въ отчаяніе; можетъ умереть, проклиная неблагоударнаго, который видѣлъ слезы его, будучи несчастливъ, и такъ (нечувствителенъ) жестокъ къ нему въ его несчастіи. Можетъ быть и то, что доказательства его невинности разсѣютъ (наконецъ) твое заблужденіе, принудятъ тебя почтить его память, и образъ твоего друга, уединенно хладѣющаго на одрѣ смерти, поразитъ твою душу, лишитъ тебя спокойствія во время ночи. Дидротъ, подумай объ этомъ. Я больше не скажу ни слова ¹⁾.

Оригиналъ: Il faut, mon cher Diderot, que je vous écrive encore une fois en ma vie; vous ne m'en avez que trop dispensé; mais le plus grand crime de cet homme que vous noircissez d'une si étrange manière, est de ne pouvoir se détacher de vous, etc. ²⁾.

Жуковскій перевелъ все письмо полностью.

3) *Письмо къ Верну. Монморанси, 25-го марта 1758.* Мнѣ пріятно увѣрять себя, мой милой Вернъ, (мой другъ) что мы достойны любить другъ друга и любимъ. Никакого сокровища на свѣтѣ не предпочту сему щастію. Люби меня, другъ мой, соотечественникъ мой, люби, не думая ни о какихъ предложеніяхъ. Я богатъ твоимъ сердцемъ: все остальное ничто въ страданіяхъ тѣла и въ горестяхъ души. (Дружба есть первая и послѣдняя потребность моего сердца; недостатокъ въ друзьяхъ есть...). Бѣдность въ дружбѣ есть истинная бѣдность: во всякой другой умѣю помочь себѣ—нищета никогда не сдѣлаетъ мнѣ зла (итакъ успокойся; на этотъ щетъ прошу тебя успокоиться) успокойся....

Конецъ: (Мое здоровье сперва было лучше, теперь хуже) Мое здоровье становится хуже. Что то будетъ весною! Но я потерялъ всю надежду возвратиться въ мое отечество ³⁾.

Оригиналъ: Oui, mon cher Vernes, j'aime à croire que nous sommes tous deux bien aimés l'un de l'autre et dignes de l'être. Voilà ce qui fait plus au soulagement de mes peines que tous les trésors

¹⁾ Бумаги Жуковскаго, № 18, лл. 32 обор.—33.

²⁾ Coll. compl. d. oeuvres de Rousseau, t. XII, p. 213—216: Lettre au même, 2 mars 1758.

³⁾ Бумаги Жуковскаго, № 18, л. 34.

du monde; ah, mon ami, mon Concitoyen, sache m'aimer et laisse-là tes inutiles offres; en me donnant ton coeur, ne m'as-tu pas enrichi? etc. ¹⁾).

Переведено все письмо за исключеніемъ послѣднихъ трехъ строчекъ.

4) *Письмо къ нему же. Монморанси, 25-го мая 1758.* Я пишу тебѣ рѣдко, любезный другъ, но думаю о тебѣ (всякой день) ежедневно. Болѣзнь и слабость увеличиваютъ мою лѣнь. Одна душа моя въ (дѣйстви) движеніи, но и въ ней кромѣ Бога, моего отечества, человѣческаго рода и тебя — не осталось ни къ кому привязанности; опыты, отрывшіе мнѣ глаза на щетъ людей, горестны и несчастны...

Конецъ: Однако перестанемъ спорить, любезной (Вернѣ) другъ; (не забудь, что я только защищалъ свои... чувства противъ твоихъ опроверженій) Помни, что ты защищалъ, что все, мною сказанное, было говорено въ защиту моего мнѣнія; одобряю и твое (но только ты не долженъ принуждать людей соглашаться съ нимъ... хотѣть, требовать, чтобы люди принужденно съ нимъ согласовались), хотя не думаю, чтобы всѣ непременно были обязаны (согласоваться съ нимъ) почитать его справедливымъ ²⁾).

Жуковский вначалѣ воспроизводитъ здѣсь *Lettre à m. Vernes* изъ *Montmorenci le 25 mai 1758* ³⁾ до словъ: „pour avoir passé une nuit dans un mauvais cabaret“; конецъ же („Однако перестанемъ спорить“ и проч.) соответствуетъ отрывку изъ второй половины письма: *Souvenez-vous, surtout, que dans cette dispute, c'est vous qui attaquez mon sentiment, et que je ne fais que le défendre; car, d'ailleurs, je suis très éloigné de désapprouver le vôtre, tant que vous ne voudrez contraindre à l'embrasser.*

Затѣя съ изданіемъ собранія сочиненій Руссо дальнѣйшаго развитія не получила; Жуковский былъ увлеченъ въ другую сторону: въ 1806 году онъ началъ усиленно переводить стихи (о чемъ мы говорили въ предыдущихъ главахъ), а затѣмъ его увлекла журнальная дѣятельность. Въ дальнѣйшемъ мы и переходимъ къ изученію этой послѣдней.

¹⁾ Coll. compl. des oeuvres de Rousseau, XII, 216—218: *Lettre à M. Vernes*,—*Montmorenci le 25 mars 1758.*

²⁾ Бумаги Жуковского № 18, л. 34 обор.—35.

³⁾ Collection complète des oeuvres de Rousseau, Genève, 1782, t. XII, pp. 218—219.

XLVIII.

Подведемъ итоги нашему изученію писательской дѣятельности Жуковскаго за время его деревенской и Бѣлевской жизни 1802—1807 годовъ.

До сихъ поръ обзорѣнію этого періода посвящалось 10—20 страницъ (см. у Зейдлица, Загарина, акад. Веселовскаго). Между тѣмъ, тщательное изученіе бумагъ Жуковскаго, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, его дневниковъ, конспектовъ, черновыхъ набросковъ и другихъ матеріаловъ открываетъ передъ нами весьма любопытную и поучительную картину.

Годы эти были очень значительнымъ временемъ въ жизни поэта. Усиленная работа надъ „познаніемъ самого себя“ приводитъ Жуковскаго къ выводу о недостаточности полученнаго имъ образованія и необходимости всячески пополнить его путемъ самодѣятельности и самовоспитанія. На страницахъ своего дневника (см. стр. 7, 13 въ изд. И. А. Бычкова) онъ уличаетъ себя въ лѣни, — и всячески старается побороть этотъ свой порокъ, свою пассивность, пробудить въ себѣ энергію, активность, заставить себя напряженно работать.

Онъ мечтаетъ о путешествіи съ образовательной цѣлью. Когда этотъ планъ пришлось отложить, онъ обращается къ книгамъ, къ чтенію и изученію специальныхъ сочиненій. Воспользовавшись появившимся библіографическимъ справочникомъ, онъ составляетъ „Роспись во всякомъ родѣ лучшихъ книгъ и сочиненій, изъ которыхъ большей части должно сдѣлать экстракты“, стремясь такимъ образомъ внести въ свои занятія систему; эта „Роспись“ свидѣтельствуетъ о широтѣ умственныхъ и образовательныхъ стремленій поэта.

Онъ читаетъ вдумчиво, серьезно, съ перомъ въ рукахъ; дѣлаетъ выписки, переводы, конспекты, замѣтки; заводитъ особыя тетради для записей, нащупываетъ методъ для пріобрѣтенія эрудиціи („Во всякой наукѣ взять за образецъ одного автора, котораго дополнять или опровергать другими“). Намѣчается интенсивная умственная работа, — слѣды которой и остались въ разсматриваемыхъ нами на предыдущихъ страницахъ этого тома бумагахъ Жуковскаго.

Онъ читаетъ Гарве, переводитъ изъ него отрывки; за тѣмъ же обращается къ Энгелю, Гуфланду, Крузіусу. Онъ внимательно, съ выписками, переводами, конспектами, штудируетъ произведенія тогдашнихъ авторитетовъ классической литературной критики и поэтики—

Ла Гарпа, Эшенбурга, Зульцера, Роллена, наводитъ справки въ Энциклопедіи Дидро; онъ стремится возможно-глубоко изучить теорію словесности, созданную корифеями стараго до-романтическаго теченія литературы. По книгѣ Эшенбурга „Handbuch der klassischen Literatur“ онъ пытается познакомиться съ подлинною античною древностію.

Этою работою нашъ поэтъ хочетъ подготовить себя къ литературной карьерѣ, которую рѣшается окончательно избрать для себя. Передъ нимъ стоитъ примѣръ Карамзина: послѣ предполагавшагося путешествія Жуковскій намѣчалъ себѣ издавать журналъ,—какъ то сдѣлалъ Карамзинъ по возвращеніи изъ-за границы.

Учебныя занятія съ племянницами Протасовыми не отвлекли Жуковскаго отъ работы надъ самообразованіемъ; напротивъ, они должны были служить для него новымъ стимуломъ къ накопленію знаний: по свидѣтельству Зейдлица (стр. 30), Жуковскій „вызвался давать уроки (племянницамъ) и обучать ихъ наукамъ, которыя были ему извѣстны, и тѣмъ, какія онъ еще намѣревался самъ изучить“.

Отказавшись отъ службы (въ Соляной конторѣ), поэтъ возвращается въ родную деревню (въ первой половинѣ мая 1802 г.). Здѣсь онъ прежде всего заканчиваетъ ранѣе начатыя литературныя предпріятія: послѣ перваго, неудавшагося опыта, онъ вторично переводитъ элегію Грея „Сельское кладбище“,—переводъ получаетъ одобреніе Карамзина и является въ печати. Не порывая связи съ московскими книгопродавцами, печатавшими его ранніе переводы („Мальчикъ у ручья“ и пр.), Жуковскій, по московскому же заказу, выполняетъ переводъ „Донъ-Кихота“. Вѣроятно, по такому же заказу изъ Москвы онъ переводитъ Слова ораторіи Гайдна „Четыре времени года“.

Чувствуя въ себѣ призваніе писателя, онъ начинаетъ слѣдить за появляющимися литературными новинками, и даетъ на тѣ изъ нихъ, какія получаютъ для него интересъ, свои отзывы: такъ возникаетъ статейка о „Путешествіи въ Малороссію“ кн. Шаликова, въ которой Жуковскій представляетъ образчикъ сентиментальной критики Карамзинскаго направленія.

Откликаясь онъ и на текуція событія, если они его близко касаются: смерть друга, Андрея Ивановича Тургенева, вызываетъ со стороны нашего поэта гимнъ идеальной дружбѣ—предисловіе къ его неоконченной псевдо-исторической сентиментально-героической поэмѣ-повѣсти „Вадимъ Новгородскій“.

Борьба съ Наполеономъ, военныя обстоятельства того времени, нашедшія себѣ яркое отраженіе въ тогдашней нашей литературѣ, въ рядѣ патріотическихъ произведеній въ прозѣ и стихахъ, вызвали со стороны Жуковскаго откликъ въ видѣ „Пѣсни Барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей“—своеобразной оды, выросшей въ пѣснь славы изъ первоначально замышлявшейся пѣсни скорби; придерживаясь здѣсь въ своей батальной живописи старой манеры Ломоносова, Державина, Хераскова и др., нашъ поэтъ вмѣстѣ съ тѣмъ отразилъ въ этомъ стихотвореніи сильнѣйшее вліяніе поэмъ Оссіана-Макферсона; нѣкоторые образы возникли въ видѣ реминисценцій изъ Грея, тѣхъ же Ломоносова и Державина и даже изъ области антично-классическихъ представленій.

Связи Жуковскаго съ его alma mater—Университетскимъ Благороднымъ Пансіономъ и его начальникомъ А. А. Антонскимъ—не прерываются: онъ помѣщаетъ свои стихотворенія („Сельское кладбище“, „Къ моей лирѣ“) въ органѣ Пансіона—„Утренней Зарѣ“ (см. кн. II, М. 1803), пишетъ для пансіонскаго акта оду—„Къ поэзіи“,—которая, по своему подражательному риторическому характеру, всецѣло примыкаетъ къ циклу раннихъ пансіонскихъ одъ Жуковскаго, и появилась на страницахъ той же „Утренней Зари“ (кн. III, М. 1805, стр. 91—94).

Онъ задумываетъ рядъ переводовъ, подражаній и самостоятельныхъ твореній, составляетъ, по усваиваемому имъ обычаю, перечень ихъ съ подраздѣленіями на рубрики—эти любопытные перечни сохранились въ рукописяхъ поэта и воспроизведены нами,—и приступаетъ къ выполненію своихъ замысловъ, не всегда впрочемъ придерживаясь составленныхъ плановъ, выходя за ихъ предѣлы.

Стремясь выработать, выравнять свой писательскій языкъ, стиль, онъ предпринимаетъ переводъ цѣлой французской хрестоматіи—„Leçons de littérature“, par Fr. Noël; среди черновыхъ бумагъ его сохранилась тетрадь подъ заглавіемъ: „Примѣры слога, выбранные изъ лучшихъ французскихъ прозаическихъ писателей“; вначалѣ здѣсь находится теоретическая статья „О слогѣ“—переводъ отрывка изъ разсужденія Бюффона,—статья, конечно, очень важная и интересная тогда для нашего поэта,—а затѣмъ идетъ длинный рядъ отрывковъ изъ сочиненій образцовыхъ стилистовъ, какъ тотъ же Бюффонъ, Берн. де С.-Пьеръ, Бартеlemi, Боссюэтъ, Томасъ, Фенелонъ, Мармонтель, Вовенаргъ, Лагарпъ, Ласепедъ, Флешье, Маскаронъ, Руссо, Шатобрианъ, Бурдалу, Массильонъ и др.; переводя эти отрывки,

стремясь при этомъ къ возможной близости, точности перевода, Жуковский долженъ былъ внимательно присматриваться къ писательской манерѣ, къ стилю этихъ мастеровъ рѣчи, и провѣряя на примѣрахъ и практикѣ теоретическія положенія Бюффона, извлекать полезнѣйшія указанія, серьезные уроки для усовершенствованія собственной рѣчи. Впослѣдствіи эти уроки очень скажутся.

Рядомъ онъ затѣваетъ переводить сочиненія Руссо, предполагая, повидимому, издать собраніе этихъ сочиненій въ нѣсколькихъ томикахъ. Для перваго тома переводилось Разсужденіе о наукахъ, Левить Ефраимскій, Письма къ Сарфъ, Письма къ Дидро и др.

Продолжая школить себя въ области стилистики, Жуковский предпринимаетъ рядъ и стихотворныхъ переводовъ, дѣлая опыты въ очень разнообразныхъ литературныхъ формахъ—отъ возвышенной эпопеи до эпиграммы въ двѣ строчки. Очень часто при этомъ дѣло ограничивалось переложеніемъ на русскій языкъ лишь отрывка, порою даже весьма небольшого. Такимъ образомъ поэтъ нашъ исполняетъ переводы изъ Гольдсмита (Опустѣвшая деревня), Попа (Элоиза къ Абельяру), Парни (Элегія VI), Клопштока („Аббадона“ изъ „Мессіады“), Шиллера (Пѣсня изъ „Die Ideale“, Жалоба дѣвы), Сафо (ода), Делиля (изъ Диэирамба на безсмертіе души), Флоріана (басни), Лафонтена (басни, сказка „Соколы“), Гесснера (идиллія Миртиль), Бюргера (баллада *Lenardo und Blondine*), Ж.-Б. Руссо (эпиграмма) и др.

Чѣмъ былъ обусловленъ выборъ этихъ переводовъ? Гдѣ находилъ Жуковский оригиналы для нихъ? Не было ли у него подъ рукою также хрестоматіи или хрестоматій, откуда онъ и выбиралъ пьесы для своего перевода-пересказа? По всей видимости, это было такъ; болѣе чѣмъ трудно предположить, чтобы поэтъ, взявъ полное собраніе сочиненій Жана Батиста Руссо, выбралъ для перевода одну только эпиграмму, или изъ всего Руссо одно только его четверостишіе къ своему портрету. Особенно относительно анонимныхъ небольшихъ стихотвореній въ родѣ эпиграммъ, мадригаловъ, надписей, сонетовъ, пѣсенъ и т. под. настойчиво возникаетъ предположеніе, что всѣ они встрѣчены были Жуковскимъ въ одномъ какомъ либо сборникѣ, въ родѣ *Encyclopédie Poétique, ou Recueil complet des chefs d'oeuvre de poésie, depuis Marot, présentés dans l'ordre alphabétique par M. de Gaigne, 1778 et 1781, 18 vol.,* или *Petite Encyclopédie poétique, P. 1804, 15 vol.,* и т. под. Я не имѣлъ однако, къ сожалѣнію, до сихъ поръ возможности

произвести разысканія въ такихъ сборникахъ, коллекціи которыхъ можно найти по большей части только въ заграничныхъ книгохранилищахъ.

Простыми стилистическими упражненіями эти стихотворные переводы Жуковского признать, однако, конечно нельзя: во многихъ случаяхъ выбираемыя имъ для переложенія на русскій языкъ пьесы совпадали по своему характеру, содержанію, или по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ мотивамъ, — съ субъективными переживаніями нашего поэта: таковы „Сельское кладбище“, „Опустѣвшая деревня“, „Элоиза къ Абельяру“, „Элегія“ Парни и др. Въ этомъ отношеніи въ творествѣ Жуковского наблюдается значительный прогрессъ сравнительно съ предыдущимъ—пансіонскимъ—періодомъ его жизни.

Въ неосуществившемся планѣ описательнаго стихотворенія „Весна“ предполагалось своеобразное сочетаніе перевода, заимствованія, подражанія (Клейсту и др.) съ одной стороны и уже самостоятельнаго изображенія личныхъ переживаній—съ другой.

Поэтическое творчество начинаетъ доставлять Жуковскому высокое удовлетвореніе, наслажденіе, утѣшеніе; онъ сознаетъ себя писателемъ по призванію, поэтомъ Божіею милостью, для котораго поэзія—вся цѣль жизни. Онъ высказываетъ это въ своихъ самостоятельныхъ произведеніяхъ, каковы „Къ моей лирѣ“, „Вечеръ“.

Оригинальныхъ произведеній создано Жуковскимъ за это время немного. Изъ нихъ главнѣйшія: въ стихахъ—„Къ моей лирѣ“, „Къ поэзіи“, „Вечеръ“, „Пѣснь Барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей“; нѣкоторыя остались неоконченными, напр. „Тить“; для обширной поэмы „Весна“ составленъ былъ только планъ и собирались матеріалы; произведенія въ прозѣ—статья о „Путешествіи въ Малороссію“ кн. Шаликова, „Вадимъ Новгородскій“, дневникъ.

Личность поэта выступаетъ здѣсь весьма отчетливо.

На всѣхъ этихъ произведеніяхъ лежитъ печать болѣе или менѣе сильныхъ литературныхъ вліяній—Томсона, Грея, Оссіана-Макферсона, Флоріана, Маттиссона, Клейста, Ломоносова, Державина, Хераскова, Карамзина; это тѣ же самые образцы и авторитеты, какіе руководили Жуковского и его товарищей въ пансіонѣ. Онъ еще не отказывается и отъ стила надуманныхъ поучительныхъ пансіонскихъ актовыхъ одъ во вкусѣ А. А. Антонскаго; ода „Къ поэзіи“ была, однако, уже послѣднимъ прости, сказаннымъ Жуковскимъ этому роду творчества, которое онъ теперь переросъ. Стихотвореніе „Къ моей лирѣ“ было первымъ уже настоящимъ лирическимъ произведеніемъ,

въ которомъ нашъ поэтъ выразилъ свои дѣйствительныя тогдашнія внутреннія переживанія; съ этимъ же субъективнымъ элементомъ мы встрѣчаемся и въ другихъ его произведеніяхъ этой поры. Онъ любитъ свое Мишенское, его спокойную мягко-живописную природу, его деревенскую простоту; но жизнь его не совсѣмъ удовлетворяетъ; онъ разбираетъ и оцѣниваетъ свои поступки, и недоволенъ самъ собою,—онъ предается самонаблюденію и самовоспитанію (дневникъ); онъ тяготится своимъ одиночествомъ, своею безсемейностью; естественно, онъ становится проповѣдникомъ дружбы, жаждетъ общенія съ друзьями; онъ вспоминаетъ о нихъ, тоскуетъ въ разлукѣ съ ними, горько оплакиваетъ безвременную кончину лучшаго изъ нихъ; мечтаетъ и о собственной смерти. Единою отрадою ему служить поэтическое творчество: онъ чувствуетъ неодолимую потребность изливать всѣ свои задушевные настроенія и мечты въ своихъ твореніяхъ, и это доставляетъ ему высокое наслажденіе; онъ любитъ рисовать себя въ образѣ одинокаго поэта, то мечтательно-меланхолическаго, то восторженнаго. Это послѣднее настроеніе, въ формѣ высокаго патріотическаго подъема въ виду предстоявшей Россіи борьбы съ Наполеономъ, нашло свое горячее выраженіе въ „Пѣсни Барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей“.

Отражая въ поэзіи съ полною искренностью собственное настроеніе, Жуковский столь же простодушно относится и къ окружающему. Въ немъ пробуждается живое чувство природы, возникаетъ стремленіе воссоздавать въ своихъ твореніяхъ живую русскую дѣйствительность. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ твореній замѣчаемъ прямую тенденцію къ реализму: въ отрывкѣ о Титѣ добромъ челоѣкѣ поэтъ хочетъ воспѣть друга своего дѣтства—сосѣда-крестьянина, котораго и характеризуетъ нѣкоторыми вполне реальными чертами; описаніе природы и окрестностей Мишенскаго въ элегіи „Вечеръ“ проиницировано также вполне реальными элементами.

Существовали, однако, въ то время на пути къ реализму задерживающія и противоборствующія вліянія, которыхъ еще не удалось пережить и преодолѣть нашимъ писателямъ; въ искусствѣ не возобладала еще система воспроизведенія доступной чувствамъ художника дѣйствительности въ томъ видѣ, въ какомъ она познается изъ опыта. Далеко еще не исчезли изъ памяти псевдоклассическія теоріи объ условной „прекрасной“ природѣ, объ условныхъ „приличіяхъ“, объ „взыщномъ“ вкусѣ, о подражаніи авторитетамъ и образцамъ, и т. п. Для Жуковскаго эти реминисценціи сохраняли еще значеніе.

Присоединить сюда необходимо элементы сентиментальнаго теченія въ литературѣ, оссіанизмъ, увлеченіе стариной, которую еще мало знали и потому идеализировали, увлеченіе фантастикой, мотивами балладъ и романсовъ... Въ силу этого, напр., реальные золотые кресты и главы Бѣлевскихъ церквей, въ элегіи „Вечеръ“, стр. 6, нашъ поэтъ замѣняетъ, видимо подчиняясь вліянію трафаретовъ европейскаго средневѣковья, какими-то „башнями“. Впослѣдствіи онъ пойдетъ и дальше въ этомъ направленіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	1
Введеніе	3
„Вадимъ Новгородскій“ Жуковскаго и псевдо-историческія повѣсти конца XVIII—нач. XIX вв. . .	9

XX. Обработка историческихъ сюжетовъ въ формѣ повѣстей на Западѣ и у насъ (9 — 12). — „Брега Альты“, Нарѣзнаго (12—17); „Освобожденная Москва“, его же (17 — 22); „Свѣтославъ“, Воейкова (22—28); „Свѣтлана и Мстилавъ“, Востокова (28—33).

XXI. Фантастическая славяно-русская миеология и ея создатели: М. Д. Чулковъ и М. В. Поповъ (34—37), Гр. Глинка (37—39), А. С. Кайсаровъ (39—41).—Имена славянской миеологии въ сочиненіяхъ Хераскова, Радищевыхъ, Востокова и др. (34, 42—43).

XXII. Псевдо-историческія повѣсти: „Черна, княжна Черниговская“, Евг. Люценко (43 — 46); „Громобой“, Каменева (47—50); „Рогвольдъ“, Нарѣзнаго (51); „Славенскіе вечера“, его же (51); „Ольга на гробницѣ Игоревой“ (51—56); „Ольга“ (56—60); „Игорь, великій князь сѣвера“ (60); „Рогнѣда, или разореніе Полоцка“ (60 — 67); „Оскольдъ“, Муравьева (67—72); „Предслава и Добрыня“, Батюшкова (72—76).

XXIII. Историческія повѣсти другого стила: „Наталья бодрская дочь“, Карамзина (76 — 77); „Марѣя Посадница“, его же (77—78); „Рюрикъ“, А. М—скаго (78—85); „Ксенія княжна Галицкая“ (85—86); повѣсти С. Н. Глинки (86).

XXIV. „Вадимъ Новгородскій“, Жуковскаго; отзвуки вліяній на него Флоріана („Вильгельмъ Тель“), поэмъ Оссіана, славянорусской миеологии (86 — 103). — Итоги (103 — 105).

XXV. Предисловіе „Вадима Новгородскаго“ (105—118, 494—496).

Дружеское Литературное Общество. 118

XXVI. Архивные материалы для истории Общества (119).— Рѣчи членовъ Общества по рукописи Императорской Академіи Наукъ, № 618: рѣчи Мерзлякова (119—136).

XXVII. Рѣчи Андрея Тургенева (136—150); „О поэзии и о злоупотребленіи оной“ (138—144); „О русской литературѣ“ (144—150).

XXVIII. Рѣчи Андрея Кайсарова (161—154); рѣчи Воейкова (154—158); рѣчи Михаила Кайсарова (158—163); рѣчи Александра Тургенева (163—165); рѣчи С. Родзянки (165—167).

XXIX. Рѣчи Жуковского: а) о дружбѣ (167—180); вопросъ о дружбѣ въ русской литературѣ конца XVIII—нач. XIX вв. (167—169); б) рѣчь „о страстяхъ“ (180—187); тема о страстяхъ въ литературѣ (180—183); влияние Карамзина и Попа на рѣчь Жуковского (183—186); в) рѣчь „о счастіи“ (187—197); тема о счастіи въ русской литературѣ конца XVIII в. (187—189); влияние Карамзина на Жуковского (190—193). Итоги (197—200).

Стихотвореніе Жуковского „Къ Нинѣ“ 200

XXX. Поводъ написанія стихотворенія „Къ Нинѣ“.— Варвара и Анна Соковнины.—Первоначальная редакція стихотворенія (200—206).

Жуковскій въ Мишенскомъ и Бѣлевѣ въ 1802—1807 гг. 207

XXXI. Возвращеніе Жуковского въ Мишенское (207).—Второй переводъ элегии „Сельское кладбище“ (207—210).—Стихотвореніе „Къ моей лирѣ“ (210—213).—Стихи на „Марьяну рошу“ (213—214).—Настроенія Жуковского этого времени (214—216).—Вліяніе Томсона (216—223); Томсонъ на русской почвѣ, переводы, подражанія (217—220); „Слова ораторіи Четыре времени года“, Жуковского (220); „Гимнъ Томпсоновъ“ (220—223).

XXXII. Статья Жуковского о „Путешествіи въ Малороссію“ кн. Шаликова (223—226).—„Письмо французскаго путешественника“, перев. Жуковского (226—227).—Участіе въ „Вѣстникѣ Европы“ (226, 228).—Замысль перевести книгу Жерро (228).

XXXIII. Настроеніе Жуковского въ началѣ 1804 года (229).—„Разговоръ А и Б.“ (229—232).—Ода „Къ поэзіи“ (232—240).

XXXIV. Поѣздка Жуковского въ Петербургъ (241).—Планъ путешествія за границу (242).—Самообразование: „Роспись лучшихъ книгъ“ (242—248); выписки, переводы и конспекты, литературные замыслы (248—299).—Изученіе

„Лицея“ Лагарпа (249). — „На что дѣлать примѣчанія въ Эшенбургской теоріи“ (249—250). — Способъ чтенія Жуковского (250—251). — Тетради для выписокъ (250). — Перечень задуманныхъ переводовъ и подражаній (252—254). — „Что сочинить и перевести“ (254—257). — Реальные замыслы Жуковского лѣтомъ 1805 г. (257). — Прибытіе Е. А. Протасовой съ дочерью (258). — „Маша“ (258—260). — Жуковский—учитель племянницъ (260—261). — Собственныя занятія Жуковского, чтеніе, переводы: Хр. Гарве (261—264); Энгель (265—266); „О успѣхахъ въ добродѣтели“ (267); Гуфландъ (267—268); Крузіусъ (268); „Лицея“ Лагарпа (268—272); Эшенбургъ, его поэтика (273—291) и „Handbuch der klassischen Literatur“ (292—297); Зульцеръ (298); Роленъ (298—299); „Энциклопедія“ (299).

XXXV. Замысль „Собранія русскихъ поэтовъ“ (300). — Четверостишіе „Дружба“ (300—302). — Интересъ къ Гольдсмиту и „Опустѣвшая деревня“ по рукописямъ Жуковского (302—316).

XXXVI. Жуковский въ концѣ 1805—нач. 1806 г. (316—318). — Хронологическій перечень стихотвореній до 1808 г. (318—320). — Литературныя обработки исторіи Абелиара и Элоизы и „Посланіе Элоизы къ Абеларду“ Жуковского (320—331).

XXXVII. Жуковский и Парни (331—348). — Поэзія Парни на русской почвѣ (332—342, 597); переводы изъ Парни Жуковского: VI элегія (343—346), „Разговоръ“ (346), „Эпименида“ (346—348). — Вліяніе Парни на стихотвореніе „Къ моей лирѣ“ (342—345) и Пѣсню „Когда я былъ любимъ“ (346).

XXXVIII. Жуковский и Клопштокъ; „Отрывокъ изъ Мессиады“ (348—350). — Ранніе русскіе переводы изъ Шиллера (353) и обращеніе къ нему Жуковского (351—353). — „Ода Сафы къ Фаону“ и литературная исторія этой оды Саффо (354—361).

XXXIX. Элегія Жуковского „Вечеръ“ по рукописямъ Императорской Публичной Библиотеки (361—371).

XI. Стих. „Къ Эдвину“ (372). — Русскіе переводы изъ Делиля и „Отрывокъ изъ Делилева диоирамба на безсмертіе души“, Жуковского (372—378).

XLI. „Пѣснь Барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей“ (378—424): тема внушена И. И. Дмитріевымъ (379); военныя обстоятельства того времени (379—381); борьба съ Наполеономъ и ея отраженія въ русской литературѣ (381—389); подготовительныя работы Жуковского для „Пѣсни Барда“ (390—391); черновые наброски (391 и слѣд.); вліяніе Ломоносова и Державина (392—393); вліяніе Оссіана (393 и слѣд.); „хвала“, смѣняющая „печаль“ (396—397, 402, 411); классическія реминисценціи (399—400); отзвуки дѣйствительности

(400—401, 404—405, 412); наша батальная живопись въ стихахъ (Ломоносовъ, Петровъ, Державинъ, Дмитріевъ, Херасковъ) и вліаніе старой манеры письма на Жуковского (405 — 410); „философическія“ строки (411); скорбная дѣва (414); отзывки „славяно-русской“ мифологіи (415); реминисценція изъ Грека (416); картина Пруссіи, разгромленной Наполеономъ (417—419); патриотическій призывъ къ борьбѣ съ Наполеономъ (419 — 423); виньетка и музыка къ „Барду“ (597—598). Итоги анализа (423—424).

XLII. Жуковский-баснописецъ (424—471); взглядъ его на басню (424—425); Флоріанъ-баснописецъ (426 — 427); исторія текста басенъ Флоріана въ переводѣ Жуковского (427—444); исторія текста басенъ Лафонтена въ переводѣ Жуковского (444—470). Итоги (470—471).

XLIII. Переводы мелкихъ стихотвореній и ихъ оригиналы: Сонетъ „За нѣжный поцѣлуй“ (471 — 472); Эпитафія (472); эпиграммы (472—478); мадригаль (478); надпись „Стихи Ельмины“ (478); „Руше къ своей женѣ и дѣтямъ“ (478 — 479); „Плѣнать, а не любить“ (479); „Младенецъ“ (479); романсъ „Тоска по милому“ (480—481).

XLIV. Черновые наброски и отрывки: Переводныя идилліи на русской почвѣ, Гесснеръ и начатый Жуковскимъ переводъ идилліи Гесснера „Миртилъ“ (482 — 487); отрывокъ идилліи Жуковского о Титѣ добромъ человѣкѣ (488 — 490); Переводъ Жуковского изъ баллады Бюргера „Lenardo und Blandine“ (490 — 491); сказка „Соколъ“, Боккаччіо, Лафонтенъ, Гагедорнъ и Жуковский (491—495); „Вальзора“ (495—496); пѣсня „Поддай блистающій шеломъ“ (496 — 497); отрывокъ изъ трагедіи П. Корнеля „Sertorius“ (497—498).

XLV. Планъ описательной поэмы „Весна“ и ея намѣченные источники (С.-Ламберъ, Клейстъ, Томсонъ и др.); чувство природы; переводныя описательныя поэмы на русской почвѣ (498—513).

XLVI. Составлявшаяся Жуковскимъ переводная хрестоматія „Примѣры слога, выбранные изъ лучшихъ французскихъ прозаическихъ писателей“ и ея источники (513—561).

XLVII. Сочиненія Ж. Ж. Руссо и его вліаніе на русскую почвѣ (561 — 567); переводы Жуковского изъ Руссо (567): Разсужденіе о наукахъ и искусствахъ (568 — 570), Левитъ Ефραίмскій (570—577), Письма къ Сарѣ (577—583), Письма къ Дидро (584—585), Письма къ Верну (585—586).

XLVIII. Итоги изученія писательской дѣятельности Жуковского 1802—1807 гг. (586—593).

Дополненія и поправки	594
Указатель	599